

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

XXI ВЕК

журнал европейской культуры
Основан Н.М. Карамзиным в Москве в 1802 году
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году.
Возобновлен в 2001 году
Е.Т. Гайдаром, Е.Ю. Гениевой и В.А. Ярошенко

УЧРЕДИТЕЛЬ И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Виктор Ярошенко

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ирина Антонова, Михаил Борщевский, Сергей Ковалев, Владимир Мау,
Андрей Медушевский, Андрей Нечаев, Михаил Пиотровский, Вячеслав
Пьецух, Лорд Джордж Робертсон, Сергей Синельников-Мурылев

РЕДАКЦИЯ

Андрей Колесников (раздел «социум»), Владимир Кантор (философия,
история), Татьяна Щербина (культура, дневник поэта), Ирина Буйлова
(перспективное планирование), Станислав Усачев (международное
сотрудничество), Юлия Баклакова (корректор), Людмила Захарова
(главный бухгалтер), Григорий Ярошенко (фотопроекты).

Журнал-партнер "Herald of Europe" (London)
Publisher and editor-in-Chief Michael Borshchevsky

КОНСУЛЬТАНТЫ ЖУРНАЛА

Николай Головнин, Сергей Приходько, Евгения Росинская,
Яков Уринсон, Мариэтта Чудакова, Игорь Яковенко, Евгений Ясин

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк),
Ольга Старовойтова (Санкт-Петербург),
Димитриос Триантафиллидис (Афины), Наталия Исаева (Париж),
Александр Сергиевский (Рим)

Журнал издается при финансовой поддержке Фонда Егора Гайдара
и в сотрудничестве с ним. Информационное содействие оказывает
институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Том I год 2018

ИТАЛИЯ & ВАТИКАН

f. Severi
Специальный номер

© Рисунок Валерия Сировского

- 6 От редакции
10 **С.С. Разов.** Уважать друг друга.
Посол России в Италии. *Интервью*
14 **Чезаре Мария Рагальни.** Мир глазами
дипломата... Итальянский посол в РФ.
Интервью

ЖИЗНЬ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, СОЦИУМ

- 19 **Виктор Ярошенко.** Выборы в Италии
27 **Сергей Дубинин.** Европа и Россия
в меняющемся мире
36 **Челестино Педраццини.** (Милан).
Время популистов. *Интервью*
43 **Роберто Паска ди Мальяно.** Экономика
Италии на пути к подъёму
49 **Андреа Картени, Джордано Мерликко.**
Италия как часть Средиземноморья
55 **Даниель Помье Винчелли.** Реформа
государственной административной системы
и политический строй Италии (2014-2016)
65 **Валентина Грасси.** Транснациональные
миграции. Итальянский сценарий: сила
и слабость
72 **Джузеппе Мотта.** Этнические меньшинства
и регионализм в Италии
78 Егор Гайдар в университете Ла Сапиенца, Рим

ЛИТЕРАТУРА

современная проза

- 89 **Паоло Соррентино.** Четыре рассказа из сбор-
ника «Не самое главное». Пер. *Анны Ямпольской*
110 **Эрри де Лука.** «...за тех, кто плачет
в кино...». Пер. *Евгения Солоновича*
114 **Марко Драго.** Проза. Пер. *Валерия Николаева*
129 Из поэзии Ренессанса. *Итальянские поэты
Возрождения в переводах Павла Алешина*
136 **Виктор Ярошенко.** Лора из Пеннабилли
150 **Тонино Гуэрра.** Сорок подвешенных
проектов. Пер. *Лоры Гуэрра*
176 **Луиджи Пиранделло.** Клятва Гиппократата.
Пьеса в одном действии. Пер. *с итальянского
и комментарий Александра Сергеевского*

ИТАЛИЯ НА РУССКИЙ ВЗГЛЯД

- 191 **Светлана Князева.** Трудности понимания. Россия и Италия: социокультурный контекст
- 208 **Владимир Салимон.** Оливы тень. *Стихи*
- 210 **Александр Давыдов.** Мечта о французике: блокнот из кожи с золотым обрезом.
- 258 **Италийская лира современных русских поэтов** (Алексей Александров, Андрей Грицман, Павел Алешин, Ольга Кучкина, Андрей Сен-Синьков, Елена Фанайлова Ирина Котова)
- 265 **Валерий Сировский.** Абрис Италии или Записки человека, который всегда дружил с «благословенной ленью». *Из итальянских дневников*

ИСТОРИЯ

- 291 Историческая хроника 1. «Вестник Европы» об Италии
- 293 **Александр Сергиевский.** Джузеппе Гарибальди: личность и миф
- 311 Историческая хроника 2. «Вестник Европы» об Италии
- 313 **Лючия Тонини.** Тосканцы в России (Путешествия Вьёссё, Серристоры и Пуччи в Россию)
- 322 **Стефано Гардзонио.** Российские евреи в Италии

Флоренция

- 330 **Эудженио Джани,** Председатель совета Тосканы. Это Тоскана! *Интервью*
- 346 **Паоло Дель Бьянко,** президент «Фонда Ромуальдо дель Бьянко». Флоренция — как школа взаимопонимания культур. *Интервью.*
- 356 **Айке Шмидт,** директор Галереи Уфици. Иностранец в музее. *Интервью*
- 368 **Лука Беллиньери,** директор Национальной центральной библиотеки, Флоренция. Книга в Италии. *Интервью*

© Рисунки Валерия Сировского

вокруг Данте

- 376 **Ольга Седакова.** Дантовское вдохновение в русской поэзии
- 384 **Джузеппе Ледда,** профессор Болонского университета. Знаки, звуки, свет: поэзия Рая
- 394 **Кристина Ланда.** Ключи к Данте
- 406 **Лолита Тимофеева.** Путешествие по «Божественной комедии» Данте. *Путевой дневник*

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА**Ватикан**

- 411 **А.А. Авдеев,** Посол РФ в Ватикане. Россия и Ватикан. *Интервью*
- 416 **Архиепископ Челестино Мильоре,** Апостольский нунций в РФ. *Интервью*
- 420 **Епископ Карлос Азеведо,** Генеральный секретарь Папского совета по культуре. Религия и культура. Вести диалог и слушать другие мнения. *Интервью*

- 430 **Антонио Паолуччи.** Среди сокровищ Ватикана. *Интервью*
- 441 **Прот. Владимир Зелинский.** Италия православная

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

- 450 **Вероника Язькова.** «Молодой Папа» Паоло Соррентино произведение искусства, а не переложение катехизиса
- 464 **Павел Алешин.** Заметки о Микеланджело
- 472 **Фабиана Джакомотти.** «Итальянская мода»
- 476 **Валентина Мотта.** Новые пространства для нового искусства
- 482 **Симоне Тодоров ди Сан Джорджо.** MondoMostre — мировые выставки

artes

- 487 **Валерий Сировский.** «Два слова». Итальянские тетради. Рисунки и заметки об Италии
- 512 Из записных книжек Валерия Сировского

От редакции

В пятидесятом — юбилейном — номере нашего журнала мы попытаемся дать обзор современной политики, экономики, культуры Италии. Разумеется, мы понимаем, что одной книгой нельзя закрыть эту безграничную тему, но надеемся, что наш скромный вклад в «итальянистику» будет благосклонно принят читателем, а если кто-то подтолкнет и дальше продвинуться в развитии своего интереса к Италии, в изучении языка, неисчерпаемого богатства итальянского искусства, знаменитого итальянского стиля жизни, — мы будем считать, что наши усилия были не напрасны.

Идею итальянского номера «Вестника Европы» впервые высказала Екатерина Юрьевна Гениева. Она была одним из учредителей нашего журнала еще в 2005 году, когда активно участвовала в создании Флорентийского общества в Москве и проводила множество выставок, конференций и вечеров в Библиотеке иностранной литературы им. Рудомино, а также и во Флоренции. Е.Ю. Гениева издала уникальный труд — двухтомное «Хождение во Флоренцию», собравшее в себе тексты русских авторов с древних времен и до наших дней. Е.Ю. Гениева покинула этот мир 9 июля 2015 года, а в июне 2016 во Флоренции в ренессансном палаццо Коппини Паоло дель Бьянко открывал патио (как здесь называют внутренний «дворик») ее имени в присутствии родных и близких Екатерины Юрьевны, сотрудников Всероссийской Библиотеки иностранной литературы... В этом палаццо, принадлежащем культурному центру Фонда дель Бьянко, в двух шагах от знаменитой Капеллы Медичи, многие комнаты-«станцы» носят имена деятелей европейской культуры. Есть тут и зал Алексея Ильича Комеча (1936–2007), блестящего ученого, борца за сохранение российских памятников архитектуры. Теперь здесь есть и патио Екатерины Гениевой — уютное пространство, со скульптурами времен позднего Ренессанса, вьющейся розой, упрямо карабкающейся по старой стене к синему флорентийскому небу над головой, которое так любила наша Катя. В 2011 году Е.Ю. Гениева была удостоена премии Urbis Universalis города Рима. Уже посмертно флорентийская Academia Medicea наградила ее медалью имени Екатерины Медичи за культурные заслуги перед Флоренцией.

Мы посвящаем итальянский выпуск журнала и памяти другого нашего учредителя — Егора Гайдара, чью книгу «Гибель Империи» в переводе на итальянский язык недавно выпустило издательство Римского университета Ла Сапиенца. Егор любил Италию, знал ее историю, чтит Кавура и не был согласен с оценкой его роли в объ-

единении Италии русскими «революционными демократами» Н.А. Добролюбовым и Н.Г. Чернышевским. Егор Тимурович много раз бывал в Риме, живо интересовался деятельностью «Римского клуба». Он, как и Екатерина Гениева, дважды встречался с Папой Иоанном Павлом II.

Забавно, что в организации этих встреч довелось участвовать и мне: я познакомил Егора Гайдара с Ириной Алексеевной Иловайской, издателем очень достойной в то время парижской газеты «Русская мысль». Иловайская являлась близким конфидентом Папы Иоанна Павла II, а Гайдар, Гениева и я работали в этой газете в начале 90-х. Когда я позвонил Ирине Алексеевне в Рим, она в течение суток сумела организовать встречу Егора Гайдара, Бориса Немцова и Бориса Федорова с Папой Иоанном Павлом II в дни бомбежек Белграда самолетами НАТО весной 1999 г. Эта встреча закончилась совместным призывом Святого Престола и российских демократов к прекращению бомбежек Югославии. Гайдар до конца своих дней считал эти действия мало того что преступными — но и ошибочными, имевшими катастрофические последствия для мировой политики.

В последние годы своей недолгой жизни Егор Гайдар все глубже понимал определяющую роль культуры и религии в истории народа и в его готовности и способности к реформам. В этом смысле его остро интересовал опыт Италии — страны с огромным историческим прошлым, драматическим опытом прохождения через тоталитаризм и избавление от него, трудное становление демократии в постоянной борьбе с мафией, коррупцией, отжившими некодифицированными нормами общежития.

* * *

А вообще, если обратиться к истории нашего журнала, то уже в первых номерах «Вестника Европы», который издавал Н.М. Карамзин в 1802–1804 годах, в каждом номере он как раз и писал об «итальянских делах», когда Наполеон перекраивал карту Италии по своему усмотрению.

Такие темы, как «культура и религия», «Ватикан и Россия», не случайно занимают важное место в журнале. В двух первых томах «Вестника Европы» за 1868 год его редактор М.М. Стасюлевич опубликовал обширный труд регулярного автора журнала, историка и юриста, действительного статского советника Александра Николаевича Попова (1820–1877): «Последняя судьба папской политики в России» (1845–1867)¹. Эта работа надолго стала реакцией «просвещенного» российского общества на сложные отношения католической церкви и Российской империи, прежде всего в «Царстве Польском». Недавно книга А.Н. Попова была переиздана, что говорит об актуальности проблемы, поднятой автором.

«Вестник Европы» и теперь с большим вниманием и интересом следит за деятельностью Ватикана в сфере культуры. Мы публиковали тексты Иоанна Павла II, писали о миротворце Бенедикте XV и богослове Бенедикте XVI, о новаторской деятельности нынешнего Папы Франциска. В этом номере публикуется интервью посла России при Святом Престоле А.А. Авдеева — о современных отношениях между РФ и Ватиканом; интервью архиепископа Челестино Мильоре, Апостольского нунция в РФ; беседу с делегатом Папского Совета по культуре, епископом К.М. Азеведо на тему «Католицизм и культура»; эссе священника о. Владимира Зелинского о православии в Италии, экспертный обзор Вероники Языковой о телесериале Паоло Соррентино «Молодой Папа».

В наших встречах в Ватикане мы спрашивали об отношении к фильму Паоло Соррентино «Молодой Папа». Как правило, ответы были уклончивые: «не знаем», «не видели», «ну что об этом говорить, это же не имеет отношения к реальной церкви и ее проблемам»... Но епископ Азеведо сказал, что это произведение искусства, а искусство — свободно. Поэтому к достоинствам сериала можно отнести то, что автор поднимает в обществе горячее обсуждение темы живой и мертвой веры, прощения, греха, чуда, человеческого предназначения, одиночества и служения Богу...

* * *

Мы начали работу над этим номером полтора года назад; за это время в Европе, России, в Италии и в мире многое изменилось. Об этом — статья профессора С.К. Дубинина. Произошел Brexit, и даже еще несостоявшийся уход Великобритании из Евросоюза повысил статус других больших европейских стран, таких как Италия, Испания и Польша.

На октябрьской конференции 2017 года, которую совместно провели в университете Ла Сапиенца Фонд Сапиенца и Фонд Егора Гайдара, российские и итальянские участники говорили о сложных процессах изменения мирового политического баланса. Тема столетия русской революции и вообще, начатых ею глобальных исторических трансформаций, продолжает живо интересовать наших авторов и экспертов. Культурное и научное сообщество с тревогой наблюдает нарастание агрессии, распад сложившихся связей, растущую изоляцию России и признаки наступающей новой долгой «холодной войны». Прагматизм, который был как бы знаменем предыдущего десятилетия, вновь сменяется активным поиском опоры на ценности, в том числе традиционные и даже консервативные. В этом пока нет угрозы демократии и либерализму, поскольку они всегда опирались на фундаментальные, накопленные за века истории ценности и институты, такие как римское право, свободный и честный выбор, самоуправление, уважение к закону и собственности. Сегодня консерватизм означает не отказ от европейских ценностей, но продолжение строительства грандиозного здания Единой Европы, в том числе и с участием (рано или поздно!) России (об этом говорят многие авторы нашего номера). И неважно, хотят ли этого политики там и здесь, чутко слушающие дыхание избирателя. Единая Европа объективно строится через стремительное развитие инфраструктуры, технологий, развитие интернета, торговли и туризма. Популизм и регионализм, критика «брюссельского бюрократизма», вовсе не означают отказа от единого европейского пространства.

На этом фоне современное отчуждение, попытки построить новый «железный занавес» между Востоком и Западом выглядят как движение против течения и против многовековой мировой тенденции. Скептики, называющие интеграционный европейский процесс «новой Вавилонской башней» радуются любой победе антиинтеграционных сил в Европе. Но, думается, нет никакой деглобализации: это временная конъюнктурная флуктуация, пусть даже и способная на каком-то сегменте планеты затормозить поток на некоторое (надеемся — исторически незначительное) время.

Архаичное сознание в итальянской традиции Средних веков, настаивает на незыблемости суверенитетов и жизненных укладов герцогств, княжеств, городов, уделов, но мощная волна универсализации жизни сменяет все это универсальными кодами большого самонастраивающегося консенсуса, секрет успеха которого состоит в том, что тот, кто выпадает из него, безнадежно отстает и проигрывает.

Литературный раздел журнала включает произведения итальянских авторов — от современных (Паоло Соррентино, Эрри де Лука) до классиков (Луиджи Пиранделло и поэтов эпохи Ренессанса). Есть, конечно, и современная русская проза и поэзия, вдохновленная Италией.

Великий поэт, сценарист и мыслитель Тонино Гуэрра, страницы наследия которого мы публикуем в этом номере, говорил, что в Италия сосредоточены мировые богатства культуры — как в других местах планеты залежи нефти, угля или газа.

Примечание

¹ Попов А.Н. Последняя судьба папской политики в России / А.Н. Попов // Вестник Европы. 1868, т. I, кн. 1, с. 23–119; т. I, кн. 2, с. 522–590; т. II, кн. 3, с. 53–122.

Тем, кто отрицает эти ценности прошлого и накопленной культуры, фанатичным технократам-ай-тишникам, Италия — довольно отсталая, архаичная и запутавшаяся в своем прошлом страна.

«Что может быть интересного в этих развалинах? Все, что там было, уже прошло», — говорят они.

Но Италия современна, потому что она, несмотря на весь свой архаизм и местный патриотизм, бюрократизм и корпоративизм, — это очень живая, молодая страна. Она искуснее всех соединяет прошлое и будущее. Ей всего 150 лет, и еще не забыты войны времен Risorgimento и все еще идут жаркие дискуссии, как и у нас, о роли той или иной личности, региона, города в Объединении Италии и о цене всего этого.

Италия — это спокойная гармония благоуханного человеком ландшафта это красивые, свободные люди. И многое другое. Купол Брунеллески над Флоренцией. Святые на фресках в деревенских храмах, вместо нас возносящие молитвы. Italia è UNICA!

Итальянцы дали такие образцы в живописи, архитектуре, поэзии, прозе, кино, гастрономии, виноделии, что могли бы уже ничего и не делать, — говорят они. Стороннему человеку так и кажется, что итальянцы целыми днями живут в свое удовольствие, ничего не делая.

У этой страны накопилась гигантская многовековая культурная рента, она пытается научить ее извлекать. Красиво жить не запретишь — это про них.

Виктор Ярошенко,
Главный редактор журнала
«Вестник Европы»

Апрель 2018 г.

© «Вестник Европы»

Уважать друг друга

Сергей Разов. Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Итальянской Республике

Посол России в Италии Сергей Сергеевич Разов отвечает на вопросы журнала «Вестник Европы»

«Вестник Европы»: *Расскажите, пожалуйста, об истории отношений России и Италии. Какие этапы этих отношений Вы считаете особенно важными? Что представляют собой отношения России и Италии сегодня? Чем они отличаются от отношений с другими государствами?*

С.С. Разов: На мой взгляд, в исторической ретроспективе наиболее показательным фактором, рельефно демонстрирующим качество и неконъюнктурный характер двусторонних отношений, является готовность государств устанавливать дипломатические отношения, признавать друг друга на официальном уровне. Для этого необходимо, чтобы в одной точке сошлись политическая воля и некий общественный консенсус. СССР и Италия установили дипломатические отношения 8 февраля 1924 г.

В ходе Второй мировой войны наша страна первой из иностранных держав установила дипломатические отношения с постфашистской Италией. Италия, в свою очередь, одной из первых признала Российскую Федерацию в качестве правопреемника СССР.

В новейшую эпоху в качестве важных вех в межгосударственных отношениях, определяющих их нормативно-правовой каркас, можно назвать подписание «Договора о дружбе и сотрудничестве» в 1994 г. и «Плана действий в отношениях между Российской Федерацией и Итальянской Республикой» в 1998 г. Немаловажно отметить усилия Италии, направленные на интеграцию России в мировую экономическую систему, сближение в разумных пределах России и НАТО в духе Римской декларации 2002 г.

Даже в нынешний период «подмерзания» отношений России со странами ЕС и США, который с учетом занятой западными лидерами неконструктивной позиции имеет шансы перерасти в полноценный «ледниковый период», российско-итальянские связи являются своеобразной «температурной аномалией».

В 2017 г. президент Италии С.Маттарелла побывал в России с официальным визитом. Министр иностранных дел С.В. Лавров и министр иностранных дел Италии регулярно встречаются. Поддерживаются контакты по линии парламентов. Развивается межведомственное взаимодействие: прошли встречи министров экономического развития, руководителей правоохранительных ведомств, национальных космических агентств, служб гражданской защиты и т.д. Начала работу совместная группа высокого уровня по новым угрозам и вызовам. После четырехлетнего перерыва прошло заседание Российско-итальянского Совета по экономическому, промышленному и валютно-финансовому сотрудничеству. Укрепляются межрегиональные связи: осуществляются обмены делегациями, заключаются побратимские соглашения между городами. Одним словом, есть четкое осознание необходимости минимизиро-

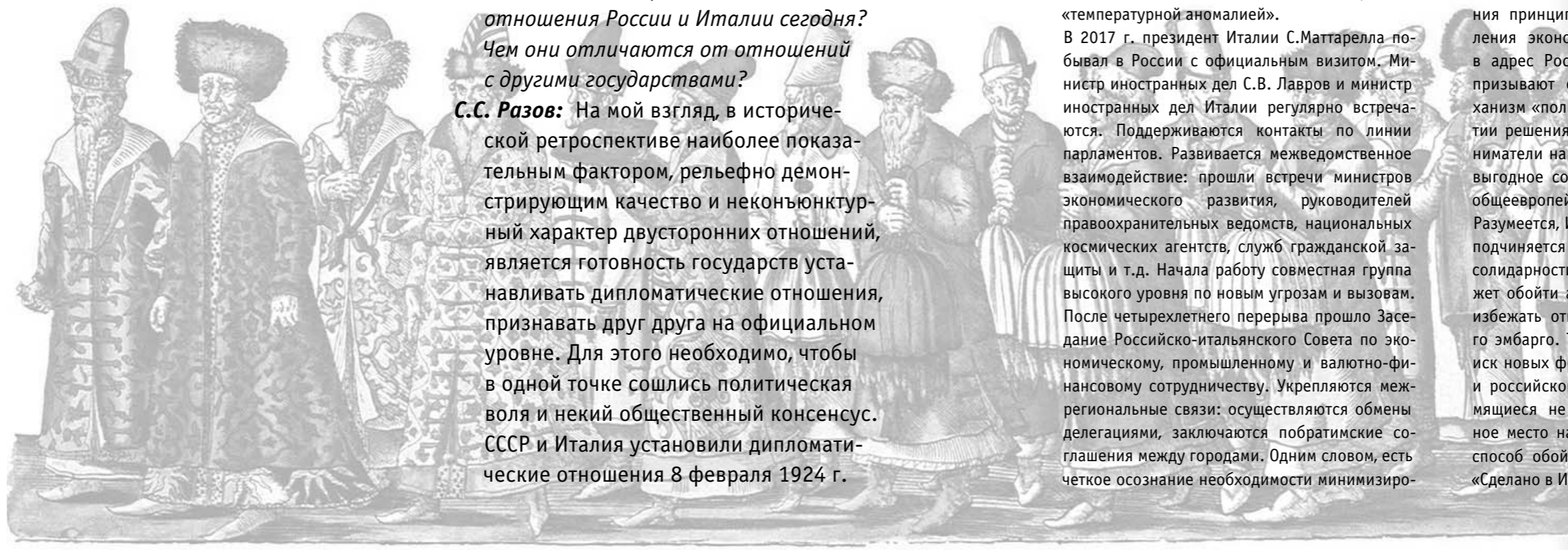
вать негативные аспекты разворачивающегося на наших глазах информационного и экономического противостояния, не допустить утраты наработанного ранее конструктивного взаимодействия.

«В.Е.»: *Как Вам видится дальнейшее развитие отношений между Россией и Италией, Евросоюзом в условиях стремительно изменяющейся международной ситуации и существующих вызовов?*

С. С. Разов: Отношения между Россией и Италией имеют многовековую историю. То есть они начались, когда еще не существовало Италии как единого государства, но с княжествами Апеннинского полуострова Россия имела тесные экономические и политические контакты. За это время были и взлеты и падения в наших контактах и связях.

Если говорить о современном этапе отношений, особенно учитывая наличие антироссийских санкций, то следует отметить, что Италия стала первой страной, которая публично высказалась за нецелесообразность применения принципа автоматизма в вопросе продления экономических ограничительных мер в адрес России. Ведущие политики Италии призывают европейских коллег запустить механизм «политической дискуссии» при принятии решения о продлении санкций. Предприниматели на Апеннинах не хотят терять столь выгодное сотрудничество с Россией в угоду общеевропейской политике.

Разумеется, Италия как страна-член ЕС и НАТО подчиняется требованиям евроатлантической солидарности и блоковой дисциплины и не может обойти антироссийские санкции, а также избежать ответного российского продуктового эмбарго. Тем не менее, мы наблюдаем поиск новых форм сотрудничества итальянского и российского бизнеса. Так, итальянцы, стремящиеся не потерять свое привилегированное место на российском рынке, опробовали способ обойти санкции, перейдя с формулы «Сделано в Италии» на «Сделано с Италией».

Что касается отношений между Италией и Евро-союзом, то итальянское руководство взяло курс на укрепление авторитета Италии в архитектуре объединенной Европы и статуса страны-основателя ЕС. Италия всегда шла в авангарде европейского процесса. Целью было укрепление роли Рима в европейских институтах. В этом контексте BREXIT-выход Великобритании из ЕС позволил Италии вернуться в так называемую «Европейскую тройку». В политическом плане Брекзит несколько усилил позиции Рима в Европе, хотя между ним и другими столицами существуют и пока не решенные вопросы.

«В.Е.»: И какие это вопросы?

С.С. Разов: Главный и очень чувствительный — это миграция. Итальянское правительство неоднократно выступало с инициативами по пересмотру Дублинских соглашений, согласно которым страна первого въезда мигрантов полностью отвечает за них. Здесь постоянно подчеркивают необходимость выработки единой согласованной политики по вопросу управления миграционными потоками. Предложение итальянского правительства состоит в том, чтобы путем принятия инвестиционных программ повышать уровень жизни в самой Африке, (откуда идет основной поток мигрантов в Италию) сократив, тем самым, исход от туда мигрантов.

В целом, повторяю, итальянский политический класс всегда проводил четкую линию на евроинтеграцию. За критикой Евросоюза и решений Еврокомиссии стоит не столько противодействие самой идее единой Европы, сколько констатация недовольства нынешним состоянием дел в ЕС и несогласованностью действий в разрешении общеевропейских проблем.

«В.Е.»: Каковы перспективы российско-итальянского сотрудничества в области культуры?

Ответ. Несмотря на непростую экономическую ситуацию, нам все же удастся продвигать различные культурные проекты. В 2018 г. прово-

дится масштабное мероприятие под названием «Русские сезоны в Италии», в рамках которого запланировано более 250 различных культурных мероприятий в 40 городах страны. Россия традиционно участвует в Венецианской биеннале. Как вам известно, на этой выставочной площадке мы имеем один из красивейших павильонов, спроектированный в русском стиле А.В. Щусевым и открытый в 1914 г. В музее-заповеднике «Венария Реале» под Туринном с успехом прошла уникальная экспозиция «Великолепие царского двора. Романовы и императорская резиденция «Петергоф», на которой впервые в Италии представлены лучшие экспонаты из коллекции знаменитого российского музея. В Риме запомнились две важные выставки — «Диалог о милосердии. От XVII до XIX века» и «Только Италия», где широкая публика могла увидеть шедевры великих художников — П.П. Рубенса, А. ван Дейка, А.А. Менгса — из Государственного Эрмитажа и богатое собрание графики из Государственной Третьяковской галереи.

Посольство реализует и свои культурные инициативы с акцентом на разъяснение российской внешнеполитической линии и патриотическое воспитание молодежи.

«В.Е.»: Влияют ли межконфессиональные отношения — католичества и православия — на отношения между государствами?

С.С. Разов: И в России и Италии церковь отделена от государства. Более того, наша страна — многоконфессиональная, а на Апеннингах появились новые — и уже ставшие достаточно многочисленными — религиозные меньшинства. Количество мусульман в Италии, к слову, больше 1,7 млн. человек. Встреча Патриарха Кирилла и Папы римского Франциска на Кубе имела важное значение для укрепления связей нашей страны не только с Италией, но и со всем католическим миром. В период роста напряженности и конфликтной составляющей в международных отношениях подобный шаг глав христианских церквей, па-

ства которых достигает 2 млрд. населения Земли, должен быть по достоинству оценен и воспринят.

«В.Е.»: Вы также являетесь Послом России в Республике Сан-Марино. Какие отношения сложились у России с этой малоизвестной страной?

С.С. Разов: Малоизвестной я бы ее не назвал. Республика хорошо знакома нашим туристам, отдыхающим неподалеку от Римини. По статистическим данным, ежегодно гору Титано посещают до 150 тысяч россиян. Владение русским языком практически стало обязательным условием приема на работу персонала местных лавочек и кафе. Республика Сан-Марино с населением чуть более 30 тысяч человек — одно из малых европейских государств, сумевших не только пережить все континентальные войны и конфликты, но и сохранить при этом независимость и суверенитет. Сами сан-маринцы отсчитывают свою историю с третьего века нашей эры, когда, по преданию, святой Марино основал независимое государство, завещав его жителям быть «свободными ото всех». Управляют республикой избираемые на полгода Капитаны-Регенты. Сан-Марино входит в европейское таможенное пространство и зону евро, но не является членом ЕС. Любопытно, что письменная конституция, действующая и по сей день, была принята 8 октября 1600 г. В этой связи сан-маринцы часто называют свое государство старейшей республикой мира с демократической формой правления. Отправной точкой в российско-санмаринских отношениях является 29 февраля 1956 г. когда Посол СССР в Италии проинформировал сан-маринские власти о согласии правительства

СССР на установление официальных отношений с Республикой. 30 сентября 1993 г. были установлены полноформатные дипломатические отношения на уровне послов. Несмотря на небольшой размер, республика является самостоятельным суверенным государством и проводит собственную внешнюю политику. В качестве примера могу сказать, что Сан-Марино, например, несмотря на внешнее давление, не присоединилась к антироссийским санкциям Европейского союза. Соответственно, сан-маринские продукты питания могут беспрепятственно поступать на российский рынок. Мы активно и результативно сотрудничаем, в первую очередь, на международной арене. Развиваются культурные и гуманитарные связи. Отмечу, что Сан-Марино стала одним из тех мест в Европе, где решили увековечить память о жертвах Бесланской трагедии, установив монумент на одной из центральных улиц города.

«В.Е.»: Какими вы видите перспективы наших отношений с Италией?

С.С. Разов: Отвечая на этот вопрос, хотел бы процитировать российского Президента, который на одной из встреч с бывшим премьер-министром Италии и председателем Комиссии ЕС Р. Проди в 2007 г. сказал следующее: «Российско-итальянские отношения могли бы служить моделью для развития сотрудничества России с другими европейскими государствами, а также Евросоюзом в целом». Он же определил универсальный рецепт достижения столь высокого уровня двустороннего взаимодействия: взаимные интересы и взаимодополняемость экономик, учет интересов друг друга, надежное сотрудничество, высокая степень доверия.

Рим

© «Вестник Европы»

Рис. на с. 10-11: «Русское посольство к императору Священной Римской империи Максимилиану II в Регенсбурге». 1576 г. Фрагмент. Авт. неизвестен (так в русских публикациях). Бумага, ксилография. Отпечатано у Михаэля Петтерле в Праге

Мир глазами дипломата . . .

Интервью посла Италии Чезаре Мария Рагальини¹

*Посол Итальянской Республики в России
г-н Чезаре Мария Рагальини*

«Вестник Европы»: *Господин посол, какими Вы видите итало-российские отношения и их перспективы в политике — в контексте санкций и контрсанкций, в области экономических связей, в области культурных и научных связей?*

Посол Чезаре Мария Рагальини: *Отношения между Италией и Россией традиционно носят характер прочных, многообразных и динамичных и пребудут таковыми и в будущем. В политической сфере, даже в сложные моменты, каковым явился украинский кризис, мы поддерживали постоянный диалог с Москвой. Председатель Совета Министров Италии приезжал в Москву в марте 2016-го, в июне Италию посетил российский Президент. В том же 2016 году визитами*

¹ Чезаре Мария Рагальини — посол Италии в РФ в 2013-2017 гг.

обменялись немалое число итальянских и российских министров. В текущем году, только за первые месяцы, в Российской Федерации побывали министры иностранных дел, внутренних дел, экономического развития, премьер-министр и Президент Республики. Думаю, не много найдется других государств, контакты которых с Россией были бы такими же активными и на столь высоком уровне.

В торговом обмене после двух непростых лет, обусловленных экономическим кризисом в России, явственно обозначилось оживление. Так называемая политика *импортозамещения*, проводимая российским правительством, открыла к тому же широкие возможности для итальянских компаний: за счет своих ноу-хау и технологий в различных отраслях они являются идеальными партнерами для российских предприятий, намеревающихся модернизировать производство.

В области культуры наши связи развиваются активнейшим образом: свидетельство тому — множество художественных экспозиций высочайшего научного уровня, прошедших в России в последние годы. Последняя из них — выставка художников венецианского Ренессанса, снискавшая огромный успех у зрителей. Это наконец и научное сотрудничество, имеющее также долгосрочный характер, в частности, в области ядерных исследований, и в предстоящие годы мы хотели бы это сотрудничество расширить.

«В.Е.»: *Как развивается нынче диалог в Совете по экономическому, промышленному и финансовому сотрудничеству?*

Посол Чезаре Мария Рагальини: Диалог в Совете возобновился в 2016 году и имеет особую важность, ибо является той «режиссерской кабиной», где определяются сферы, в которых следует наращивать сотрудничество и средства достижения поставленных целей. Мы продолжаем работу совместно с российскими коллегами над выработкой повестки ближайшего

заседания Совета, запланированного на осень этого года.

«В.Е.»: *Какими Вам видятся общеевропейские проблемы и роль Италии в их решении (безопасность, терроризм, миграции, энергетика, финансы, общая внешняя политика)?*

Посол Чезаре Мария Рагальини: Мое поколение выросло с убеждением, что Европейский Союз для государств-членов есть не проблема, а решение их проблем. Сегодня многие ставят это убеждение под сомнение, порой приводя доказательные аргументы. При этом забывая, однако, что одно дело критиковать европейские институты и правила, и совсем другое — критиковать саму идею Европейского Союза. По моему мнению, именно в столь непростой период, как нынешний, когда сильно искушение отделиться и вернуться к национальным интересам, европейскому проекту необходимо придать новый импульс. Но это надо делать умно, реалистично, а именно: снабдив европейские институты необходимыми инструментами, дабы они соответствовали важности задач, которые они призваны решать (терроризм, экономическая стагнация, миграции), разработав механизмы, которые обеспечили бы более глубокое и непосредственное участие граждан Европы в принятии решений по касающимся их вопросам, а главное — развернув работу, начиная со школы, по созданию настоящего «европейского гражданства», в силу которого каждый чувствовал бы себя частью и соучастником общего проекта.

Италия — одна из стран-основателей Европейского Союза. Мы работали в проекте с самого его рождения, ибо со всю твердостью поверили, что благодаря более тесному сотрудничеству с европейскими партнерами смогли бы обеспечить мир и процветание самим себе и всему континенту. И поэтому на нас лежит особая ответственность, чтобы эта фундаментальная идея не пропала втуне.

«В.Е.»: Как, на Ваш взгляд, изменится роль Италии в ЕС после выхода Великобритании?

Посол Чезаре Мария Рагальни: Не думаю, что что-то сильно изменится. Должен измениться Европейский Союз, поскольку теряет одного из своих главных участников. Однако же в политике, как и в природе, всякое изменение не обязательно ведет к чему-то плохому.

«В.Е.»: В последние годы в Москве и Петербурге прошли крупные выставки произведений искусства из итальянских музеев. Впервые в истории в Москве состоялся показ шедевров из музеев Ватикана. Затем масштабная выставка картин Рафаэля, экспозиция Караваджо, совсем недавно — Тициана, других венецианских художников, Де Кирико, Моранди.

Посол Чезаре Мария Рагальни: Это «наступление» на культурном фронте — свидетельство неизменной доброй воли: поддерживать там, где возможно, высокую степень доверия и уровень отношений.

Сотрудничество в области культуры — лучший показатель того, насколько динамичны и тесны связи между нашими народами. Стимулом к показу в России крупных художественных выставок последних лет служит желание удовлетворить спрос российских зрителей на итальянскую культуру. Мероприятия стали возможны благодаря содействию российских музеев, а также финансовой поддержке российских друзей, которые, однако, предпочитают не афишировать свое участие. А главное — это сильное взаимное притяжение наших народов. Не случайно по завершении какой-либо такой экспозиции россияне часто спрашивают меня: а каким будет ваш следующий проект? Такое ощущение, словно они испытывают неутолимую жажду!

На ближайшее будущее мы запланировали выход двух интересных публикаций. Первая книга рассказывает об истории музыкальных

отношений между Италией и Россией. Вторая посвящена истории дома, где я живу и работаю вместе с коллегами по посольству — особняк С. П. Берга. Мы завершили работу по выпуску компакт-диска с записями лучших арий итальянской оперы. Мы продолжим традицию показов в России современного итальянского кино в рамках двух фестивалей «Из Венеции в Москву» и «NICE». Особняк С. П. Берга остается «домом итало-российской культуры», где проходят музыкальные вечера, творческие встречи на темы литературы, искусства и журналистики.

«В.Е.»: Какими Вы видите перспективы дальнейшего роста туризма? Италия, страна, где невероятная концентрация памятников искусства, всегда привлекала российских туристов. В последние годы этот поток ослаб (по политическим и особенно финансовым мотивам). Что Вы думаете об идее «просвещенного, альтруистического» путешествия как альтернативе потребительского туризма?

Посол Чезаре Мария Рагальни: По выдаваемым визам последние данные показывают рост 30% в первом квартале 2017 года по сравнению с 2016-м. Последние два года были трудными, визовые потоки существенно ослабли вследствие экономического кризиса. Но сейчас мы видим явные признаки оживления. Наша задача — вернуться к докризисным показателям. Для этого есть все предпосылки: любовь россиян к Италии, разветвленная сеть консульских учреждений и визовых центров по всей стране, где в кратчайшие сроки оформляются долгосрочные визы; ширятся воздушные сообщения. Отвечая на вопрос об идее поездки, альтернативной классическому или в большей степени потребительскому туризму, скажу, что Италия — идеальная для этих целей страна. Однако нужно ясно себе представлять место назначения, чтобы избежать излишне тривиальных маршрутов.

Я бы посоветовал будущим туристам посетить русскоязычный сайт посольства «Твоя Италия», где можно найти рекомендации для по-настоящему особенного путешествия.

«В.Е.»: Если позволите, несколько личных вопросов. Вы — многоопытный дипломат, работали в Иране, Ираке, Канаде, Индии, были представителем Италии в ООН, занимались Балканами и Средиземноморьем, теперь в России вот уже скоро четыре года. Разные страны, история, культуры... Какая из этих миссий была самой трудной? С высоты Вашего опыта каким Вы видите нынешний мир и его будущее?

Посол Чезаре Мария Рагальни: Каждый опыт был по-своему трудным и по-своему увлекательным. В этом прелесть моей замечательной профессии. Между Багдадом под авиабомбами и Нью-Йорком бесконечных переговоров в ООН словно пропасть пролегла. Но это лики одного и того же опыта, каждый со своими сложностями и своими радостями. Мир глазами дипломата представляется невероятно запутанным клубком. При этом мы стре-

мимся увидеть нить, которая помогла бы этот клубок распутать или хотя бы постараться, чтобы клубок не запутался еще больше. Наш долг — найти эту нить и вложить ее в руки политических лидеров, и объяснить, как, по нашему мнению, им целесообразно поступать.

«В.Е.»: Итальянские архитекторы с древних времен работали в Москве, Петербурге, России... Вы работаете в Москве уже четыре года и вместе с москвичами видите, как меняется город, ощущаете «пробки» на дорогах. Что Вы думаете о работах, которые преобразуют Москву? Что бы могли посоветовать нашим урбанистам?

Посол Чезаре Мария Рагальни: Работы в городе, безусловно, создают проблемы, но я полагаю, это жертвоприношение во имя благого дела, учитывая, что они нацелены на улучшение и внешнего облика, и функциональности города. Я считаю, это положительные перемены, и был бы рад, если бы некоторые итальянские города могли бы также последовать этим путем.

Выборы в Италии

Виктор ЯРОШЕНКО

Что будет в результате? Да ничего особенного. Хорошо или плохо, но итальянская политическая жизнь так устроена, что всякого рода тормозных устройств и систем в нее выросло множество; они не позволяют провести ни слишком радикальные реформы, ни активные контрреформы.

* * *

Поздним вечером в воскресенье 4 марта 2017 года мы вернулись из Италии. Из Флоренции выезжали под нудным дождем, который «съел» обильный снег, пару дней назад выпавший по всей Тоскане. Над болонским аэропортом «Маркони» висел плотный туман, Аэробусу из Москвы пришлось подсесть в Милане, а потом перелететь к нам. Рейс был отложен на три

часа, а когда мы долетели до Москвы, пришлось полтора часа кружить над «Шереметьевом», ожидая посадки: в Москве бушевал снежный буран.

Над всей Европой висели тучи, снегопадами и затяжными дождями начинался март.

* * *

Ожидается, что «Движение 5 звезд» (M5S — Movimento 5 Stelle), когда-то начавшаяся как просто протестная партия, станет самой большой партией, набравшей до 33% голосов. «Ла-Лега», ранее известная как «Северная лига», также оказалась лучше, чем ожидалось.

© Рисунки Валерия Сировского

* * *

«ПОДВЕШЕННЫЙ ПАРЛАМЕНТ»

На данный момент предварительные результаты выборов свидетельствуют о том, что парламентского большинства нет ни у одной партии. Для того чтобы сформировать правительство, одной из партий необходимо было набрать 40%. Сейчас ситуация представляется как «подвешенный парламент». Вариантов немного: либо правоцентристская коалиция найдет себе еще одного партнера, союзника из числа правых партий для того, чтобы дотянуть до 40%, либо движение «Пять звезд» (M5S — *Movimento 5 Stelle*), найдет себе партию-партнера с минимумом 9% голосов (что, скорее, маловероятно, так как изначально движение позиционирует себя в качестве антисистемной оппозиции).

* * *

Мы, группа журналистов «Вестника Европы», провели несколько предвыборных дней в Тоскане; встречались с политиками, в том числе с председателем, президентом регионального совета Тосканы Эудженио Джани, бизнесменами, представителями науки и культуры. 2 марта, в пятницу, накануне «дня тишины», по любезному приглашению Джани побывали во флорентийском зале «Obiholl» на последнем предвыборном митинге-встрече активистов ведущей в Тоскане Демократической партии с ее лидером Маттео Ренци. (Партию здесь считают левоцентристской, и даже левой, памятуя о ее происхождении из еврокоммунистов. См. стр. 7)

Несколько полицейских проверяли сумки, документов никто не спрашивал. Не слишком большой зал был полон, активисты пришли послушать бывшего мэра, любимца Флоренции Маттео Ренци. После неудачи на им же инициированном референдуме по изменению конституции 4 декабря 2016 года¹ он ушел в отставку с поста премьер-министра, перегруппировал силы, летом 2017-го вновь стал лидером партии и, судя по его энергичным выступлениям на предвыборных дебатах, был готов снова возглавить правительство, чтобы

продолжить реформы. Дело было за малым — за решением избирателей. «Я хочу, чтобы левые правила Италией, вместо того чтобы коллекционировать поражения», — заявлял Ренци.

* * *

В книге «*Fuori!*» («Вон!») Ренци писал: Мы «...против тромбонов и труб, против политического класса, который уже потерял свою способность “изменить ситуацию”... И это не только потому, что итальянцы потеряли веру в политику, но, что гораздо серьезнее, они поддались идее не ожидать чего-то лучшего от тех, кто ими управляет. Тем не менее есть те, кто противостоит обычным играм малых и больших сил нашего дома, кто смог дать самый решительный ответ: “Нет, спасибо”». Маттео Ренци — один из них. В конце своего первого срока пребывания на посту президента провинции Флоренция Ренци высказался о мечтах, идеях и надеждах нового поколения в политике, предложил своё видение причин утраты итальянцами доверия к политикам, рассказал о путях преодоления этого кризиса.

* * *

Ренци появился в зале поздно — в 22.15 вечера.

Встретили его радостно, хотя и без фанатизма, в зале размахивали флагами, на большом экране показывали запись нескончаемого интервью Бруно Веспы с Маттео Ренци. У стен — столы с водой, риболлитой и бутербродами ламподрото.

В какой-то момент Ренци оказался в центре зала на подиуме у микрофона. Говорил ярко, зажигая зал, хотя он уже вполне представлял по опросам «просевшую» позицию Демократической партии, которая неизбежно проигрывала эти выборы. Это не было выступлением триумфатора. «Италия находится на перепутье, выбор — между теми, кто стремится управлять страной, и профессионалами ненависти и страха... Я здесь, чтобы сказать спасибо, они сделали все, чтобы опозорить нас, избретами скандалы и ложные новости, создавая атмосферу напряженности, оскорбления и небывалого насилия в социальных сетях, — продолжал

лидер Демократической партии... Но мы никогда не будем вступать в альянсы с экстремистами, мы будем противостоять им... Мы гордимся тем, что вывели страну из кризиса, ВВП вернулся к росту, занятость выросла. Нам стыдно за вас, дорогие «5 звезд», даже сегодня Беппе Грилло выдал очередную пошлость, которая углубляет раскол... Мы гордимся тем, что спасли тысячи иммигрантов. Мы не оставим страну тем, кто распространяет ненависть, страх и боится будущего».

«“5 звезд” и “Лега” живут в гневе и страхе, это партии ностальгии, идущие от Берлускони до радикальных левых, стремящиеся в мир, которого больше не существует. Мы — **сообщество**, которое гордится тем, что мы сделали, — продолжал Ренци... Нам не стыдно. Италия больна M5S... Сальвини — профессионал страха».

Но многие не согласны с этим диагнозом.

Как пишет «LETTERA 43» 7 марта 2018 г.:

«Послевоенные партии исчезают по всему западному миру, и формы правления меняются. M5S — это, пожалуй, самый очевидный и удачный пример этого процесса.

“Но за углом нет катаклизма, — считает Надя Урбинати, профессор политологии Колумбийского университета. — Там, где классовая партия больше не существует, появляется популистская партия. Популизм — это коллективный отклик, общественный и в определенном смысле, так же как реклама, картельные партии, которые живут только из вертикального лидерства”.

В свете выборов, в которых наблюдался **крах левых и триумф Мовименто 5 Стелле и Леги**, она объясняет, как этот результат следует читать в контексте исторического момента, когда наши демократии меняются, а послевоенные партии больше не работают. Это будет долгий переход, но мы должны стремиться подчеркнуть, что действуют правила нынешней демократии”.

Левые — это результат увлечения третьего пути Тони Блэра. Они хотели казаться менее левыми, чтобы выиграть беспартийные голоса, в результате

чего они утратили способность заботиться о своих проблемах и потеряли их из виду. Таким образом, более слабые слои населения обращаются к другим, в данном случае к Leg и M5S.

Но следует также подчеркнуть, что одной из самых сильных **сторон «Движения» является отказ от идентификации с любой стороны**. Возможный альянс будет политически обозначать их. Это станет очевидным в тот момент, когда они попытаются стать правящим классом, говорящим во имя всех граждан. Выбор, который стоил бы им многого...

Демократия, к которой мы привыкли, меняется. Конец власти левых и триумф M5S или Лиги не являются причиной этого процесса, но результатом.

Мы должны привыкнуть думать, что мы движемся к модели более популистской или мажоритарной».

* * *

НАКАНУНЕ И ПОТОМ

Накануне, на встрече с президентом Тосканского регионального совета Эудженио Джани, мы спрашивали его об ожидаемых возможных результатах выборов. Он был осторожен, своих тревог не выдал. Впрочем, Тоскана проголосовала для Демократической партии лучше других регионов, хотя и здесь потеряла, и про нее написали: «Тоскана стала менее красной».

Явка на выборах была высокая, почти 73% (в 2013г. на 1 процент больше), хотя, как пишут, самая низкая за последние десятилетия: итальянцы устали от политики.

Демократическая партия Италии, согласно последним данным подсчета результатов выборов, набрала 18,7% голосов избирателей в нижней палате парламента Италии и 19,1% — в верхней. Всего левоцентристы набрали около 22,9% голосов в палате депутатов и 23% — в сенате, правоцентристская коалиция по итогам подсчета большинства голосов получила 37% в нижней и 37,5% в верхней палате, а движение «Пять звезд» — 32,6% и 32,2% соответственно.

Итак, на нынешних выборах определились два победителя:

Как единая сила в лидеры выбилась по-прежнему странная, «похожая на секту саентологов», но уже привычная «Движение Пять звезд» Беппе Грилло и из коалиций — правоцентристская коалиция «Лега», где впервые в лидеры вырвалась «Лига Севера» со своими довольно жесткими лозунгами в отношении миграции, местного самоуправления и автономии регионов.

Снова показал себя непотопляемым уникамом итальянской и европейской политики Сильвио Берлускони, который если бы мог баллотироваться (по решению суда 8-летний запрет по решению суда до 2019 года), мог бы выйти в лидеры.

Но что означает нынешний расклад голов раздробленных и неуверенных итальянских избирателей для не менее раздробленного итальянского политического класса? Можно ли говорить в наше время о таком феномене — смыкания политики и широкого популизма — как действительного прямого проецирования несформулированных и противоречивых желаний и возражений массового избирателя, в основе своей все-таки не слишком успешного, не слишком образованного, не очень молодого и не склонного к интенсивным переменам своей судьбы и радикальным реформам? Похоже ли это на политический процесс?

Старая Европа показывает нам (некоторые до сих пор спорят о том, является ли Россия европейской страной) очень многое в своем старинном зеркале. Уходит время политики и политиков, настает время технологий и кратковременных решений. Возможно поэтому и будущее турбулентно и непрогнозируемо, как изменения климата. То ли потепление, то ли похолодание — новый Ледниковый период. За предыдущий век люди получили сильнейшую прививку от тотальных идеологических проектов в виде фашизма и коммунизма и теперь стремятся, скорее, жить без грандиозных долговременных планов, хотя они могли бы сильно улучшить перспективы человечества. Но это не значит, что большие идеологии никогда не вернутся или не возникнут заново.

Всех здесь волнует непрекращающаяся нелегальная миграция с южного берега Средиземного моря. Италия уже много лет принимает на себя этот миграционный натиск на Европу.

Так или иначе все политические силы реагируют на эту проблему. Собственно, она и волнует массового избирателя, не способного разобраться в сложностях административной реформы, инновационной экономики или лицензирования преподавателей.

В Италии сложилась довольно закостеневшая бюрократическая система (хотя несравненно более человекообразная, чем наша), здесь тоже слишком много чиновников с их привилегиями, но еще со времен цеховой и корпоративистской организации общества довольно сильны позиции профсоюзов и трудовая солидарность трудящихся, и это все еще не пустые слова. Италия все еще левая страна по традиции, пресса и люди культуры здесь, по преимуществу, левые...

Маттео Ренци — со своей энергией, желанием модернизировать и оживить итальянскую экономику, сделать ее более современной и динамичной, привлекал многих. Однако его стремления не совпали с пульсом итальянского общества.

РЕЗУЛЬТАТЫ

С большим отрывом победила популистская партия Movimento 5 Stelle (M5S) «Движение пяти звезд». За нее проголосовали более 32 процентов избирателей. Для партии, созданной желчным комиком, телевизионным сатириком, писателем, а скорее — домашним философом Беппе (Джузеппе) Грилло, рассуждающим обо всем на свете, на все темы мира: от старения, искусственного интеллекта, солнечной энергетики до космического разума, это несомненно, большой успех. Беппе, выходец из левых, давно объявил охоту на Ренци и однажды уже одержал победу, резко выступив против предлагаемых Ренци конституционных реформ. Ренци 4 декабря 2016 года проиграл референдум и, как и обещал, ушел в отставку. В этот раз «5 звезд» нанесли второй удар, выиграв

парламентские выборы. Но партия с лозунгом Viffa-«Vaffndnculo» (что можно перевести вежливо «В задницу»), у нас была бы партией гопников и лузеров.

В Италии это сложнее. В 2016-м она победила на местных выборах в двадцати крупнейших городах, включая Рим и Турин, где теперь работают мэры от «5 звезд». Молодые, блестяще образованные, прекрасные дамы из «Movimento 5 Stelle» Вирджиния Раджи, мэр Рима, и Кьяра Аппендино, мэр Турина, сильно улучшили политический имидж, избегающий самоопределения.

Некоторые полагают, что Беппе Грилло и покойный Джанроберто Казаледжо, создатель, как многие считают, концепции этого успешнейшего суперпроекта, и люди вокруг них построили скоростной лифт для новой политической элиты времен популизма и цифрового общества

Уже пять лет «звездочеты» заседают в парламенте, сохраняя свою «антисистемность», а их лидер — 31-летний Луиджи Ди Майо — в 27 лет стал вице-спикером парламента и сейчас претендует уже на большее.

Получив 37 процентов, они чуть-чуть не дотянули до 40%, требующихся по новому закону, чтобы собрать партийное правительство.

Ди Майо в январе уже давал понять, что он готов проявить гибкость, но пока что его сдерживают партийные рамки «несистемности». Правда, от Беппе «звездочеты» стараются плавно дистанцироваться.

Две статьи Николоса Фаррелла

Пять лет назад после выборов 2013 года английский журналист Николас Фаррелл опубликовал в «Спектейторе» статью «Беппе Грилло: Новый Муссолини Италии».

В статье Фаррелл писал: «Комик Беппе Грилло, как и фашистский диктатор Бенито Муссолини, жаждет захватить площадь и загипнотизировать толпу. Где когда-то молодые итальянцы скандировали мантру “Du-ce! Du-ce!”, теперь они скандируют “Ver-pe! Ver-pe!”. ...Беппе Грилло основал Movimento 5 Stelle (M5S) в Милане 4 ок-

тября 2009 года. Vaffa (его лозунг) что грубо говоря, означает «проваливай!» ...Он имеет в виду всех итальянских политиков, кроме его партии. Теперь, менее чем через четыре года после своего основания, его движение является крупнейшей отдельной партией в палате депутатов, после того как оно получило 26 процентов голосов на неубедительных всеобщих выборах в Италии на этой неделе. Нет, настаивает этот фашист, это не партия, это движение.

...Муссолини основал свой *Fasci di Combattimento* в Милане 23 марта 1919 года и меньше чем через четыре года стал премьер-министром. Фашизм был, настаивал он, не партией, а движением... Фашизм будет “антипартийным полетом свободного духа”, который отказался привязать к своим ногам догмы и доктрины. Это именно то, что Грилло говорит о своем движении... Грилло, бывший коммунист, был отлучен от национального телевидения в конце 1980-х годов за свои “клеветнические выступления”. Вынужденный выступать на площадях и в театрах, он стал высмеивать и демонизировать политиков, а затем в 2005 году основал блог, который быстро стал самым популярным в Италии и форумом для сердитых и недовольных, в основном молодых, для всех тех, чье душевное состояние определяется словом “Ваффа!”. <...><...>“Я не избрал фашизм, — заявлял Муссолини, — я извлек его из итальянского народа”. Грилло не изобретал своего движения, — говорит он, — он просто предоставил питательный гумус — интернет-форум, на котором он возрос. <...>Движение “5 stelle” — это секта, а Грилло — своего рода гуру. Его штаб не реальный, а виртуальный: блог Беппе... Как и фашизм, движение Грилло по сути является левым и выступает за то, чтобы Итальянское государство отвечало за всё. Но это против евро и Европы, и Германии в частности. Вскоре после основания фашизма Муссолини написал, что его “трудно определить”. Фашизм не имеет “уставов” или “выходит за рамки программ”. Поэтому “это естественно”, что он должен привлекать “молодых”, а не старых, которые, вероятно, откажутся от его “свежести”... В своем блоге Грилло говорит: «Мы все молоды... мы — движение многих людей, которые объединяются снизу вверх. У нас

нет структур, иерархий, начальников, секретарей <...>никто не дает нам приказов"... "Добро пожаловать в новое фашистское будущее". Николас Фаррелл. 2 марта 2013 года "Спектейтор".

Через пять лет тот же Николас Фаррелл в том же "Спектейторе" от 3 марта 2018 года поменял свою точку зрения. Вот что он пишет:

«Итальянцы — не фашисты. Они злятся на иммиграцию. Правая коалиция может выиграть выборы, но это далеко от нацистских салютов и Муссолини... Итальянские левые и в значительной степени поддерживающие их мировые СМИ делают все возможное, чтобы заставить итальянцев думать, что голосование за правых — это голосование за фашизм. Но ни Италия, ни итальянцы не являются фашистами. Они сыты наплывом незаконных мигрантов, прибывающих в Италию, где они представляют то, что Берлускони назвал "социальной бомбой, которая вот-вот взорвется". Итальянцы злы на то, что сменявшие друг друга правительства и ЕС не смогли остановить НПО и военно-морские силы стран ЕС, которые забирают мигрантов у ливийского побережья и отправляют их в Италию, где они просят убежища или исчезают, и их практически никогда не депортируют. Это несмотря на то, что, как признает ООН, подавляющее большинство — это не беженцы, а экономические мигранты...

До убийства в Мачерата коалиция правых была уже значительно впереди в опросах — около 37%.

Чтобы получить большинство в парламенте, партия или коалиция должны получить не менее 40% голосов. Только коалиция правых, похоже, имеет шанс сделать это.

Для британской газеты вроде *The Guardian* это пахнет фашизмом. В газете появились истерические заголовки, такие как «Фашизм вернулся в Италию» и «Италия в настоящее время загоняется в объятия фашистов». «Нью-Йорк Таймс» и Би-би-си нечто подобное...

...Правда состоит в том, что фашистские партии в Италии пользуются минимальной поддержкой. Наиболее успешные — «Casa POUND» (назван в честь американского поэта Эзры Паунда) — это максимум 2%.(1% получили. — Ред.)...

В Италии нет фашистской угрозы, разве что, по иронии судьбы, со стороны M5S, которая хочет заменить парламент интернетом.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ

Итальянский политический ландшафт весьма разнообразен, как и сама Италия. Здесь множество диалектов, локальных субкультур, очень ценится местный патриотизм и приверженность к своим корням. Поэтому столь широк спектр политических групп, находящихся к тому же в непрерывном движении и изменении: партии, блоки, коалиции, альянсы создаются и исчезают, чтобы снова объявиться под рукой очередного крупного или мелкого лидера.

Луиджи Ди Майо, молодого лидера «пяти звезд» в итальянской прессе называли «Королем Неаполя и обеих Сицилий», имея в виду, что в бывшем Неаполитанском королевстве «5 звезд» получили наибольшую поддержку избирателей. Эта «движуха», набравшая по стране 37 процентов голосов, получающая далеко не только голоса самых простых и бедных, использует наинovelые политические технологии, социальные сети, интернет и ютуб... Эти политические инноваторы Европы — начали самыми первыми; их «ноу-хау» изучают политтехнологи всего мира. Ноу-хау Беппе Грилло, думаю, внимательно изучает движение Алексея Навального и другую нашу любознательную политическая молодежь. Успех M5S показывает, что и у нас, и повсюду движение «пофигистов» имеет куда больший потенциал, чем нам бы хотелось думать.

Так вот, диссонанс состоит в том, что их практики, программы и содержание блога Беппе в принципе ориентированы на довольно продвинутых и молодых; «5 звезд» — пять приоритетов: чистая вода, экология, свободный интернет, возобновляемая энергетика, прямая ежедневная демократия с повседневными референдумами по всем вопросам через сети, безусловный базовый доход на каждого гражданина, снятие налогов с бедных и многое другое... ну и конечно, протекционизм,

свободная бюджетная политика. «Кто доказал, что именно 3% бюджетного дефицита — красная черта? Это все выдумки брюссельских бюрократов». Ну, и т.д. и т.п.

В каком-то смысле часть их предложений — из возможного будущего; другая часть — из безусловного прошлого; но и большая часть их избирателей тоже из прошлого — за них голосуют самые бедные регионы итальянского Юга. Кстати, регионы, где так и не побеждены мафия, каморра, ндрангета. Незадолго до выборов министр внутренних дел предупреждал о попытках мафии провести в депутаты своих людей.

Внесистемность и спонтанность притягивают избирателей, но и пугают ответственных, образованных граждан.

Похожее явление я наблюдал три года назад в Польше, когда мы готовили польский номер и вполне успешные лидеры находящейся у власти либеральной «Гражданской платформы» отмахивались от опасности победы популистской партии Качиньского «Право и справедливость». Даже когда в мае Квасьневский проиграл президентские выборы никому не известному Дуде, они все еще вальяжно надеялись на то, что избиратель на парламентских выборах разберется, кто на деле предлагает Польше развитие, а кто — демагогический набор. Но вот уже три года ПИС властвует в Польше, а демократические политики по-прежнему разобщены... Год назад в Германии мы тоже наблюдали, как нарастает поддержка популистской «Альтернативы для Германии».

Еще после польских выборов тогдашний польский посол в России — социолог Катажина Пелчиньская-Наленч обратила внимание, что положенные на карту результаты голосований очень близко совпадают с линиями раздела Польши в XVIII веке. Через год этот эффект можно было проследить и в Германии, где отчетливо выделялись особенности голосования в бывшей ГДР. Италия, недавно отпраздновавшая 150-летие своего Рисорджименто — воссоединения, и сегодня, как отмечают многие, осталась страной очень различающейся по регионам: уровнем экономического развития, образованием, инфраструктурой, ВВП на душу на-

селения. Движение «5 звезд» с предложением платить всем гражданам безусловный доход в тысячу евро набирает голоса на сравнительно бедном Юге. «Лига», развивающая идеи финансовой и политической автономии, — на богатом, инновационном и развитом Севере, в бывшем Пьемонтском королевстве, в Турине, его столице, в Милане, законодатель мод, городе банков и дизайнеров. Рим, Лацио, бывшая папская область, тоже голосуют довольно консервативно. Тоскана, с ее традициями, остается верной Демократической партии, хотя даже здесь ДП потеряла много голосов.

«Демократическая партия» оказалась на втором месте, с почти 19 процентами. За ними следуют партии правоцентристского блока: «Лига» (если блок, то м.б. Лега?), поддерживающая антииммигрантскую политику (17,3%), партия бывшего премьер-министра страны Сильвио Берлускони «Вперед, Италия» (14%) и националистическая «Братья Италии» (4,35%). Неофашисты и «CasaPound» меньше необходимых для прохождения в парламент трех процентов.

В общем, евроскептики на сегодняшний день перевешивают, что сулит нелегкие времена для развития Европейского Союза. Еврооптимисты проигрывают. Евроэнтузиасты выступающие за большую интеграцию, за «Соединенные штаты Европы», получают совсем небольшую поддержку. Эти идеи сегодня не в моде. Отметим, что даже самый продвинутый, как и 150 лет назад, бывший Пьемонт, все больше скепсиса проявляет в отношении «европейской идеи».

«Послевоенные партии исчезают по всему западному миру, и формы правления меняются. M5S — это, пожалуй, самый очевидный и удачный пример этого процесса. "Но за углом нет катаклизма". В свете выборов, в которых наблюдался крах левых и триумф «Мовименто 5 Стелле» и «Леги», этот результат следует читать в свете исторического момента, когда "наши демократии меняются, а послевоенные партии больше не работают". Там, где классовая партия больше не существует, появляется популистская партия, — говорит Надя Урбинати, политолог и профессор политологии Колумбийского университета. "Популизм — это коллек-

тивный отклик, общественный и в определенном смысле, так же как реклама, картельные партии, которые живут только из вертикального лидерства". И снова: "Это будет долгий переход, но мы должны стремиться подчеркнуть, что действуют правила нынешней демократии". «LETTERA» 43 7 MARZA 2018 Г.

В Италии правящую коалицию сформируют, скорее всего, популистское «Движение пяти звезд» и крайне правая «Лига Севера». Обе партии призывали покончить с европейскими санкциями против России, обе хотят сместить фокус НАТО с укрепления позиций в Восточной Европе и называют Россию ценным партнером в борьбе с терроризмом, — пишет Марк Бирнбаум в The Washington Post. (ИНОСМИ 23.3. 2018) «Экономические санкции против России — это безумие, направленное против соседнего дружественного рынка, — сказал на этой неделе лидер "Лиги" Маттео Сальвини. — Я хочу трудиться ради мира, а не войны. "Это идеология. Это основополагающая убежденность в том, что после холодной войны с Россией дурно обошлись. Они считают, что если США получили сферу влияния, то почему России нельзя?" — сказала директор итальянского Института международных отношений Натали Точчи. Кто бы ни стал премьер-министром, ему нужно будет обеспечивать результаты по внутренней повестке, гибкости бюджетных правил и других мер», — отмечает The Washington Post.

ЧТО БУДЕТ В РЕЗУЛЬТАТЕ?

Да ничего особенного. Хорошо или плохо, но итальянская политическая жизнь так устроена, что всякого рода тормозных устройств и систем

в нее выросло множество; они не позволят провести ни слишком радикальные реформы, ни активные контрреформы. Активному и явно хотевшему расчистить артерии итальянской политической жизни, Матео Ренци не удалось получить мандата от итальянского общества. Но запрос на молодых и энергичных в Европе со времени прихода Ренци был осознан, и он получил продолжение в неожиданном восхождении Макрона и в избрании 30-летнего австрийского канцлера. Да и сейчас конкуренты 42-летнего «ветерана» Ренци — молодые — Сальвини 45 лет, а Ди Майо, главному победителю выборов — всего 31 год. Конечно, если уже не считать стоящего пока за сценой (до окончания судебного запрета в будущем году) — 81-летнего Берлускони, не потерявшего ни энергии, ни желания править.

Флоренция-Москва, март 2018 г.

Примечание

¹ Из флорентийской газеты: 4 декабря 2016 года состоялся конституционный референдум по вопросу изменения полномочий и порядка формирования Сената, по результатам которого инициатор реформ — Маттео Ренци — потерпел поражение (40,9% избирателей проголосовали «за», 59,1% — «против» при явке почти 70%). Выступая перед прессой 5 декабря, Ренци объявил о намерении уйти в отставку с должности премьер-министра. Первоначальная идея была собраться пятничным вечером на террасе Микеланджело с самым прекрасным видом на Флоренцию. Но плохая погода и дождь, запланированные на завтрашнюю ночь, изменили планы секретаря Демократической партии, кандидата в Сенат в округе Флоренции. В 2016 году, по случаю конституционного референдума, тогдашний премьер-министр Ренци выбрал еще одну флорентийскую площадь — Пьяцца делла Синьория, чтобы закрыть свою кампанию за «Да» в референдуме.

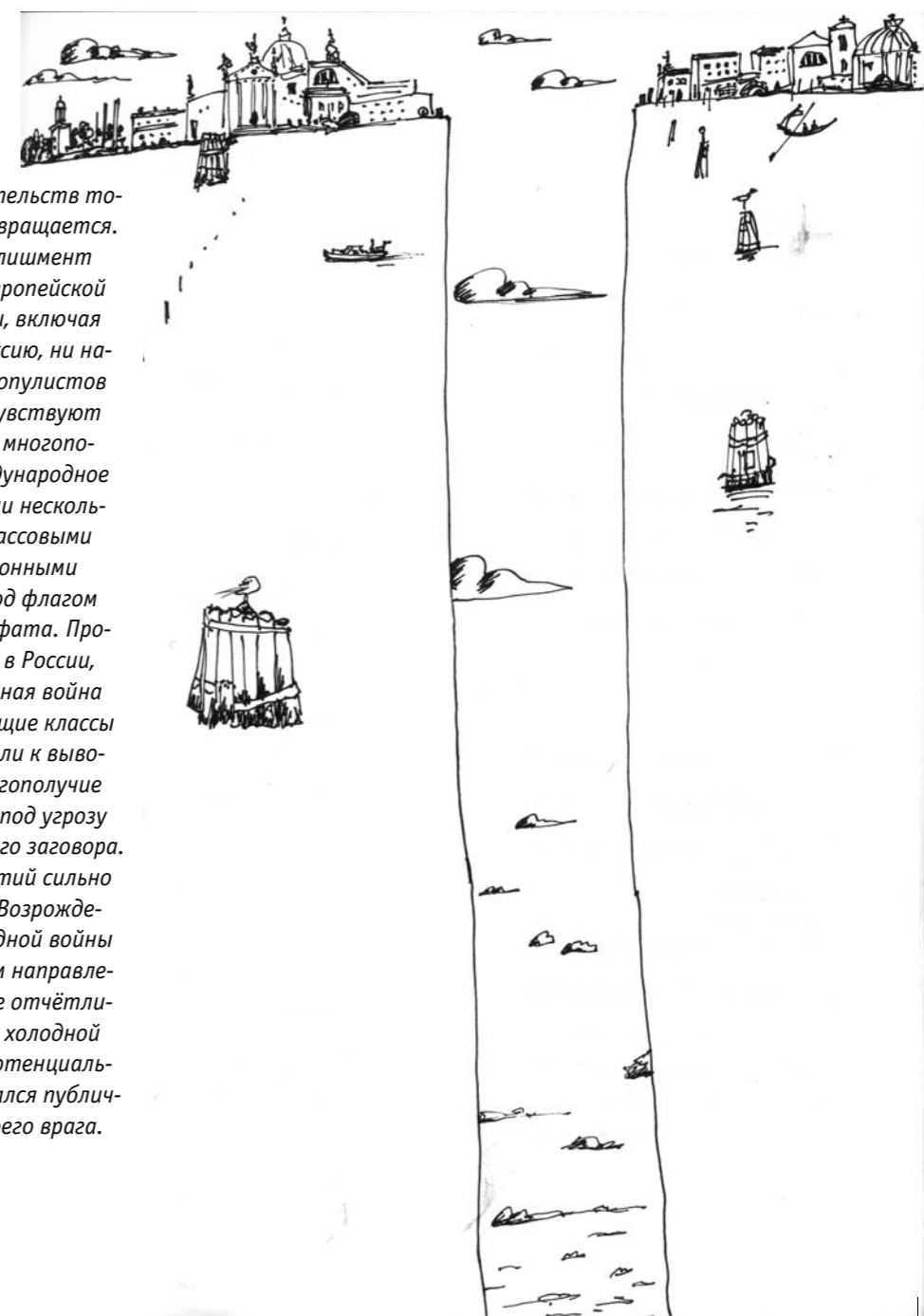
© Виктор Ярошенко

Европа и Россия В меняющемся мире Окончание межвоенного периода?

Сергей ДУБИНИН

Мы видим всё больше свидетельств того, что биполярный мир возвращается.

Ни традиционный истеблишмент стран, принадлежащих к европейской христианской цивилизации, включая Европейский Союз, США, Россию, ни набирающие силу движения популистов и националистов уже не чувствуют себя комфортно в рамках многополярного миропорядка. Международное сообщество на протяжении нескольких лет сталкивалось с массовыми беспорядками, революционными взрывами, терроризмом под флагом джихада и исламского халифата. Против ИГИЛ (запрещенного в России, и не только) велась затяжная война на Ближнем Востоке. Правящие классы стран Северо-Запада пришли к выводу, что процветание и благополучие их государств поставлены под угрозу в результате международного заговора. Такая модель мировых событий сильно упрощает картину мира. Возрожденные мифологии времен холодной войны становятся доминирующим направлением пропаганды. Все более отчетливо видны очертания новой холодной войны-два. Каждый из её потенциальных участников уже попытался публично идентифицировать своего врага.

ВТОРАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Первая холодная война разворачивалась в первую очередь как борьба между США и СССР за контроль над Европой. Холодная война номер два — баталия за контроль над Азией. Администрация Обамы стремилась обеспечить достижение этой цели, заключая экономическое соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТПП). Китай в него не был приглашен.

Нынешний президент США Дональд Трамп сразу же после избрания отбрасывает многосторонний договор и объявляет Китай не партнером, а соперником.

26 января 2018-го Трамп в своем выступлении на Всемирном экономическом форуме в Давосе четко определил стратегические цели своей политики (CNN politics. Life TV). Наибольшую известность получила его фраза: «Америка прежде всего, но это не значит, что Америка должна пребывать в одиночестве». Он намерен возглавить «все цивилизованные страны», «друзей и союзников (Америки)» в битве с «хищническим поведением» в сфере международной экономики и торговли. И в то же время США якобы стремятся к тому, чтобы «сделать мир более безопасным в противостоянии с терроризмом, странами-изгоями, с ревизионистскими державами». И в то же время призывают союзников «инвестировать в свою оборону и выполнять свои финансовые (оборонные) обязательства».

В этом своем выступлении Трамп пока еще напрямую обозначил только две «страны-изгои» — Иран и Северную Корею, на которую необходимо организовать «максимальное давление». Но нельзя также забывать, что и список так называемых «ревизионистских» держав хорошо известен. В опубликованной в декабре 2017 года «Стратегии национальной безопасности США» в первую очередь названы Китай и Россия, которые «... бросают вызов американской власти, ее влиянию и ее интересам, пытаясь нанести ущерб американской безопасности и процветанию». Таким образом, в многочисленных официальных документах

американской администрации Трампа говорится о том, что Иран, Северная Корея, Россия и Китай представляют собой угрозу для международного «порядка». Того самого «порядка», который лондонский журнал «Экономист» назвал «управляемым американским полицейским»¹.

С точки зрения США, Россия не является уважаемым соперником, достойным их преимущественного внимания. Президент Трамп всё больше и больше фокусирует своё внимание на Китае. Данный факт объясняется не только своеобразной популистской экзальтацией американского лидера, который обещал своим избирателям вернуть рабочие места и все цепочки взаимных поставок продукции промышленности из стран Юго-Восточной Азии, включая Китай, на территорию США.

Конфронтация с КНР нарастает также и в силу идеологического и политического разочарования в Америке в связи с отказом китайского руководства воспроизводить в своей практике либерально-демократические модели ни в экономике, ни в политическом устройстве своей страны. В чувствительных для США вопросах внешней политики в Тихоокеанском геополитическом пространстве КНР предлагает соседям свои правила игры: например, свой Кодекс поведения в акватории Южно-Китайского моря с запретом проводить там военные маневры, что резко ограничивает возможности присутствия 7-го флота США у берегов Китая.

Автор британского журнала «Экономист» в недавнем комментарии по Китаю напомнил, что в начале 2000-х годов при приеме КНР страны в ВТО президенты США Б. Клинтон и Дж. Буш обещали американскому конгрессу, будто бы согласие США принесет их стране и дополнительные рабочие места, и политические выгоды. Американские товары должны были рекой течь в Китай, а Китай станет наслаждаться «более открытыми контактами с миром свободы»².

КИТАЙ — НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОЛЮС

Сегодняшняя реальность стала совершенно иной. «Социализм с китайской спецификой» сохранил всеобъемлющий контроль за экономической и общественной жизнью в руках Коммунистической партии Китая (КПК). Государственный контроль за индустриальной и финансовой частями экономики Китая не подвергается пересмотру. Последние политические преобразования в КНР, связанные с отменой лимитов времени пребывания одного лица в должности Председателя КНР, заставили большинство западных наблюдателей констатировать, что «окно возможностей закрылось», «надежды на то, что Китай движется в сторону демократии и рыночной экономики, провалились», а что «Китай сделал шаг от автократии к диктатуре».

Совершенно очевидно, что Китай является поднимающейся державой. По оценке МВФ, ежегодные темпы роста экономики КНР в период 2018–2022 гг. в среднем будут составлять 6,3%³. Это означает некоторое замедление в сравнении с предшествующим пятилетием, но в то же время примерно на три процентных пункта будет превышать общемировой темп роста ВВП. Глобальный экономический рост в 2017 году составлял 3,7%. На 2018 и 2019 годы данный показатель оценивается в 3,9%. Рост ВВП в Китае в 2018 году должен составить 6,5%. Экономический же рост в США, по наиболее оптимистичным оценкам, в 2018 году будет составлять 2,7%⁴.

Показатель ВВП в среднегодовых текущих ценах в 2017 году на одного жителя в КНР составлял 8,6 тыс. долл. По паритету покупательной способности (ППС) он составлял 16,4 тыс. долл., а в Российской Федерации — 9,0 тыс. долл. в текущих ценах и 26,8 тыс. долл. по ППС. Средний для стран развивающихся рынков уровень ВВП в текущих ценах в 2017-м оценивается в 4,7 тысяч долл. на человека или 12,43 тыс. доллара по паритету покупательной способности (ППС)⁵.

Китайская экономика обладает большим удельным весом в глобальной экономике, который вполне сопоставим с удельным весом США в производстве мирового ВВП. Доля экономики Китая в мировой экономике при расчете по ППС составляет 18,76%. Доля России при аналогичном расчете, всего 3,1%. Доля экономики США равна 15,1%. Однако при переходе к расчету в текущих ценах ситуация меняется. ВВП КНР в текущих ценах в 2018 году оценивается в 13,12 тыс. млрд. долл., в России составляет 1,52 тыс. млрд. долл., в США равняется 20,2 тыс. млрд. долл.⁶.

Китай обладает высокой конкурентоспособностью в ключевых секторах. И эта конкуренция имеет отчетливый милитаристский аспект. Трамп не случайно подчеркивал: «Мы осуществляем... исторические по своим масштабам инвестиции в вооруженные силы Америки...». Нарращивание расходов на оборону до невиданного в истории ежегодного уровня около 800 млрд. долл. должно обеспечить Америке победу в новой гонке вооружений как над Россией, так и над Китаем.

США И КИТАЙ

Администрация президента Обамы последовательно снижала общий объем военных расходов с рекордных 855,1 млрд. долл. в бюджете 2011 г. до 793,7 млрд. долл. в 2017-м. В 2013 г. в общем объеме расходов оборонного назначения был введен потолок расходов министерства обороны в размере 487 млрд. долл. на несколько лет. Трамп же начал с решительного пересмотра политики своего предшественника.

«Военные расходы являются второй по объёму крупнейшей статьёй государственных затрат после социального страхования, на которое приходится 1 трлн. долл. Затраты США на военные цели превосходят в сумме расходы следующих девяти стран вместе взятых». Военный бюджет КНР оценивается в долларах в 216 млрд., а военные расходы России — в 84,5 млрд. долл.⁷.

В федеральном бюджете, представленном в конгресс США, общий объем военных расходов в финансовом году с 1 октября 2017 по 30 сентября 2018 г. составляет 824,6 млрд. долл. В том числе 574,5 млрд. долл. приходится непосредственно на затраты министерства обороны. Остальные двести с лишним млрд. долл. распределяются на борьбу с терроризмом, операции ФБР по кибербезопасности, расходы министерства энергетики (данное министерство ведёт работу по совершенствованию ядерного оружия) и на деятельность целого ряда иных учреждений. В оборонный бюджет включаются и расходы по пенсиям ветеранам вооруженных сил.

НОВАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА США

Конкуренцию даже в экономической сфере президент Трамп расценивает как составную часть гибридной войны. Положительное сальдо текущего баланса в торговле Китая с США представляется ему прямым антиамериканским вызовом. Соответственно, администрация США настойчиво декларирует готовность использовать высокие протекционистские таможенные тарифы для снижения притока китайских товаров на американский рынок.

В выступлении в Давосе американский лидер акцентировал данный подход: *«Мы работаем над реформой системы международной торговли таким образом, чтобы она обеспечивала процветание и выгоды самому широкому кругу тех, кто будет играть по правилам. Мы не можем работать в условиях свободной и открытой торговли, если некоторые страны эксплуатируют эту систему за счет других. Мы поддерживаем свободу торговли, но она должна быть справедливой и она должна быть взаимовыгодной»*. Обеспечить это Президент Трамп намерен ведя *«переговоры...по двусторонним торговым соглашениям со всеми странами»*.

Безусловно, дефицит текущего баланса США в торговле с КНР чрезвычайно велик. В 2017-м он составил 276 млрд. долл. при общем объеме товарооборота около 600 млрд. долл. Хронический дефицит текущего платёжного баланса США является долгосрочной экономической проблемой. За последние десять лет не было ни одного квартала, когда бы отрицательное сальдо было менее — 99 млрд. долл., чаще оно приближалось к — 190 млрд. долл. Низкая конкурентоспособность национальных американских производителей нефинансовых услуг и товаров лишь частично компенсируется инновационными секторами в электронике и интернет-бизнесе и поставщиками вооружений на мировой рынок.

В ходе своей предвыборной кампании Трамп систематически заявлял о намерении ввести запретительные повышенные таможенные тарифы на импорт из тех стран, с которыми дисбаланс особенно велик. Речь идет, например, о тарифе на уровне 35% на поставки из Китая. Угрозы ввести протекционистские барьеры были продолжены и после его победы на выборах. Одно многостороннее соглашение о свободе торговли и инвестиционной деятельности, — ТПП, — было уже отменено в течение первого президентского года. Другое, более давнее и привычное для бизнеса, — НАФТА — является объектом резкой критики президента США.

Особое впечатление производят декларации президента США в силу того, что речь идёт о торговых отношениях с тремя главными внешнеэкономическими партнерами Америки: по объёму торговли Китай занимает первое место; члены НАФТА Канада и Мексика — второе и третье места.

В марте 2018г. администрация США приступила к реализации провозглашенных ранее принципов. Президент Трамп объявил о введении штрафных таможенных пошлин на импорт стали — в размере 25% и алюминия — в размере 10%. Для ближайших соседей — партнеров по НАФТА — было сделано временное исключение (отсрочка на месяц применения новых пошлин). Однако торговые представители США тут же заявили о начале переговоров с ними по решению проблем несбалансированности торговых отношений.

Президент Трамп всегда ищет примитивные, упрощенные решения и простые ответы на сложные политические и экономические вопросы. Угроза применения таможенных пошлин в качестве рычага давления на партнеров, по мнению американского лидера, должна позволить США добиться заключения «сделки» на максимально выгодных для них условиях. Аналогичный подход типичен также для политиков-популистов во многих иных странах.

Постоянные «жалобы» на торговых партнеров, которые якобы отнимают рабочие места у американцев, злоупотребляют американской открытостью, соседствуют с гордыми заявлениями о невероятном росте капитализации рынка акций в США.

Рост индексов на биржах США, который мы наблюдали вплоть до коррекции в феврале 2018 г., был тесно связан с притоком иностранного капитала на американский рынок ценных бумаг. Положительное сальдо КНР, ФРГ, Мексики в их текущем торговом балансе с США служит важным источником этих инвестиций. Протекционистские меры против основных торговых партнеров потенциально будут снижать инвестиционную привлекательность американской экономики.

ОСОБАЯ РОЛЬ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Особая роль китайской экономики в глобальной экономической системе неоднократно подчеркивалась аналитиками: «...Внешняя чистая позиция Китая отличается от данных показателей других экономик возникающих рынков и развивающихся стран. Структура данной чистой позиции в чем-то одинакова (с учетом как Китая, так и других возникающих рынков и развивающихся экономик, она включает “длинную” резервную и “короткую” позицию иностранных прямых инвестиций), однако Китай имеет позицию чистого кредитора, тогда как в целом возникающие рынки и развивающиеся экономики являются чистыми дебиторами»⁸.

Китай традиционно является одним из крупнейших держателей облигаций американского

государственного долга. Согласно опубликованному в декабре 2017г. докладу Министерства финансов США, Китай к настоящему времени вложил свои резервы в казначейские облигации США в объеме 1,2 трлн. долл. КНР является крупнейшим иностранным инвестором в эти финансовые инструменты. На втором месте находится Япония с показателем 1,1 трлн. долл. Общий объем таких иностранных вложений составляет 6,4 трлн. долл.⁹.

В настоящее время суверенный (государственный) долг США составляет величину, равную 108% ВВП страны. В дальнейшем объем государственного долга будет только расти¹⁰.

Однако то, что анализируют специалисты МВФ, в сегодняшней администрации США стремятся не замечать.

Китайская политика сегодня более сбалансированна, она демонстрирует осторожность и сдержанность. Но и Председатель Си, видимо, начинает терять терпение. Китайские власти начали резко отвечать на нарастающую обвинительную риторику со стороны США. Согласно информационному агентству «Синьхуа» на приеме в честь китайского нового года посол КНР в Вашингтоне сказал: *«Бояться Китая, который идёт по собственному пути развития, — параноидально со стороны Соединенных Штатов»*. Затем он продолжил в позитивном ключе, подчеркнув, что отношения двух стран «должны основываться на всеобъемлющем сотрудничестве и дружественном соперничестве, если оно вообще уместно, а не на противостоянии»¹¹.

Китайское руководство, видимо, стремится избежать эскалации враждебности во взаимоотношениях с США. До самого последнего времени руководство КНР не считало необходимым отвлекать излишне большие бюджетные ресурсы на модернизацию Народно-освободительной армии. На протяжении последних пяти лет оборонные расходы Китая сохраняются на уровне ниже 2,0% ВВП страны, тогда как в США этот показатель превышает 3,0%.

Не менее важной причиной сдержанности со стороны КНР выступает фактор внутривнутриполитиче-

ский. Руководство Китая, возглавляемое Председателем Си, с 2012 г. ведёт широкомасштабную кампанию борьбы с коррупцией на всех этажах власти. Она охватила и структуры Народно-освободительной армии КНР. Британское издание «Файнэншл Таймс» со ссылкой на китайскую газету «НОА ежедневно» пишет, что за период после 2012 г. за коррупцию были осуждены 16 генералов первого и второго классов, более 13 тыс. старших офицеров НОА попали под следствие. Тысячи военных с более низкими званиями были уволены из армии или оказались в заключении. «Чистка» затронула также верхушку военно-политической системы КНР — Центральный военный совет. Его численность была сокращена с одиннадцати до семи человек, были обвинены в коррупции два бывших постоянных члена военного совета¹².

Однако времена меняются быстро. В октябре 2017 г. решениями XIX съезда КПК в устав правящей партии были включены теоретические идеи Генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР Си Цзиньпина. Центральная идеологическая установка — это начало новой эпохи развития социализма с китайской спецификой. В течение ближайших тридцати лет Китай должен стать мощным демократическим государством с передовой экономикой, наукой и техникой. Составной частью «возрождения» страны, наряду с преодолением бедности населения, инновациями в цифровых технологиях, должно стать и создание армии «мирового уровня». В данном контексте во имя обеспечения внутренней стабильности в Конституцию КНР внесены поправки, которые снимают существовавшие ранее ограничения на время пребывания на высших должностях сегодняшнего руководителя Китая.

В СТОРОНЕ ОТ НОВОЙ БИПОЛЯРНОЙ КОНФРОНТАЦИИ

Автор полагает, что Россия может и должна соблюдать дистанцию и оставаться в стороне от новой биполярной конфронтации.

Парадокс двусторонних отношений России с США заключается в том, что отсутствие интенсивных экономических связей и взаимозависимости позволяет нашей стране не зависеть от разворачивающегося глобального соперничества.

Вместе с тем в российских условиях решение может быть принято довольно просто. Мы уже вернулись к давно известному подходу, согласно которому Россия подвергается англосаксонской агрессии в экономической и идеологической сфере, а также потенциальному военному давлению в виде гонки вооружений. Безусловно, концепция исконной враждебности США и Великобритании к России не нова. Более сорока лет назад поэт и певец Владимир Высоцкий об этом спел: «Это всё придумал Черчилль в восемнадцатом году!»

Удобная в употреблении идеологема «осажденной крепости», «враждебного окружения» любые трудности и неудачи как во внутренней, так и во внешней политике позволяет объяснять «происками врага». Одновременно США (или беря шире — НАТО, Запад) являются настолько мощным противником, что российские граждане должны просто гордиться своей способностью противостоять им. Всё это позволяет также возродить идеологию вооруженного сдерживания противника.

В последнее время США и Великобритания, а затем и многие страны ЕС сами столкнулись с всплеском волны политического популизма. Именно на её пике к власти в США и пришёл Дональд Трамп, а в Соединенном Королевстве на референдуме победили сторонники выхода страны из состава Евросоюза. И наилучшим объяснением этих неожиданных событий, производящих впечатление подлинного землетрясения, для политиков оказалось утверждение, что это российская пропаганда и российские хакеры коварно соблазнили англосаксонских избирателей. И в таких странах, как США и Великобритания, возвращение к вооруженному сдерживанию было сочтено наилучшим ответом.

Вся эта ситуация выглядит как смешная абсурдная фантастика. Но в действительности си-

туация чрезвычайно опасна. И это еще далеко не последнее слово во всей данной диспозиции.

Сценарии будущего

Какие сценарии будущего развития глобального сообщества наций выглядят наиболее реалистичными сегодня?

Инерционный сценарий. Биполярный мир

Этот сценарий описывает наиболее вероятное развитие текущих тенденций. Государства — члены ЕС и члены НАТО присоединяются к конфронтационной политике против Китая. Все они соглашаются использовать военную машину НАТО для этого противостояния. Правительства стран «новых членов ЕС» Центральной и Восточной Европы уже и сегодня склонны поддерживать любую инициативу США быстрее, нежели «старые члены ЕС». Особенно если она потенциально направлена также и против России.

В рамках данного сценария Россия быстро заключает оборонительный военный союз с КНР. Китай и Россия становятся военными союзниками. В итоге разворачивается полномасштабная Вторая холодная война.

С точки зрения автора, такое развитие событий никак не отвечало бы национальным интересам России. Трансформация многополярного мира в биполярный, превращение нашей страны в «младшего военного союзника» Китая — это наихудшее будущее для России.

Сценарий нейтрального развития

Стабилизация многополярного мира. Сбалансированное многополярное сообщество наций — это оптимальная цель, отвечающая национальным интересам России. Достичь её после окончания Великой Отечественной войны не удалось. Было бы пагубным вновь упустить эту возможность.

Экономический и военный потенциал нашей страны недостаточен для того, чтобы играть роль самостоятельного глобального полюса. Россия — крупная, могущественная страна, но не великая держава, сопоставимая с США или КНР. Этого вполне достаточно, чтобы проводить на междуна-

родной арене умеренный мирный курс. Внешняя политика прежде всего должна служить обеспечению условий для внутреннего развития. Нам необходим тот мировой порядок, который гарантирует ускорение экономического роста. Главная задача — не позволить втянуть Россию во Вторую холодную войну и в гонку вооружений. Наша страна вполне может опираться на имеющийся ядерный арсенал, достаточный для нанесения неприемлемого ущерба любому потенциальному агрессору.

РОССИЯ И ЕВРОПА

Экономика России, несмотря на экономические санкции, является участником и составной частью экономики глобальной. ЕС является нашим главным торгово-экономическим партнёром. Это абсолютно не противоречит успешному развитию экономических связей с КНР. Внешняя политика России призвана открывать новые возможности для сотрудничества в бизнесе. В данном контексте главным препятствием для проведения в жизнь такой внешней политики остаётся политический и военный кризис и гражданская война в Восточной Украине (Донбасс). Жизненные национальные интересы России требуют его скорейшего преодоления на основе Минских соглашений.

В настоящий момент лидеры стран ЕС готовы принимать на себя все большую ответственность за решение международных проблем в сферах экономической, социальной и военной. По сути, в Давосе на Всемирном Экономическом Форуме канцлер ФРГ Ангела Меркель и президент Франции Эммануэль Макрон декларировали отрицательное отношение к тенденциям протекционизма, которые пропагандировал президент США Трамп. Стандарты свободной торговли, которые заложены в основу Евросоюза, являются сегодня и останутся завтра несущей конструкцией ЕС. Дискуссия в Давосе показала, что ЕС не готов слепо следовать в русле нынешнего курса администрации США. Европейцы стремятся оценивать и краткосрочные, и долгосрочные его последствия.

Ангела Меркель в своей речи подчеркнула: «Уроки, которые мы извлекли из создания ООН, — это уроки работы на основе многосторонности, кооперация дает ответы на эти вопросы»¹³. И заявила также: «Протекционизм не является правильным ответом»¹⁴.

Разумеется, двумя месяцами позже в ЕС зазвучали и голоса тех, кто предлагал ответить США на введение штрафных тарифов на металлы путем увеличения собственных пошлин на импорт из Америки (например, на импорт виски «Бурбон» или мотоциклы «Харлей-Дэвидсон»). Председатель Европейской Комиссии Жан-Клод Юнкер прокомментировал эти встречные угрозы саркастически: «Мы тоже можем быть идиотами»¹⁵.

В данный момент чрезвычайные меры не требовались. Администрация США отступила от своей жесткой позиции и сочла за благо отложить на некоторое время применение повышенных тарифов против импорта металлов не только из стран — ближайших соседей — Мексики и Канады, но и из Австралии и Бразилии. Государства — члены ЕЭ готовятся к тяжелым переговорам с США. Они являются основными военно-политическими союзниками Америки и не ожидали со стороны американского руководства столь резких односторонних действий. Тем не менее проблема далека от окончательного решения.

Речь идет о самом существовании режима свободной торговли и о восстановлении экономического роста в наиболее развитой части мировой экономики. Ближайшее время покажет, насколько союзники США окажутся способны отстаивать свои интересы в рамках тех фундаментальных правил игры, которые позволили им на протяжении последних семидесяти лет поддерживать лидирующие позиции в мире. Способности же администрации Трампа договариваться вызывают большие сомнения.

Однако Евросоюз недостаточно сплочен в своей внешней политике. Это относится к политике Восточного партнерства и добрососедства, к приему беженцев-иммигрантов с неевропейских берегов Средиземного моря, и особенно в отношении связей ЕС — Россия. Правительства

стран «новых членов ЕС», как правило, готовы поддержать любые враждебные мероприятия против России, они будут следовать линии США на разрушение этих связей. Европейский Союз уже заплатил высокую цену в форме пресловутого Брекзита (выхода Соединенного Королевства из ЕС), за ускоренное расширение союза в восточном направлении. И видимо, это не последняя сложность, порожденная рыхлостью структур Евросоюза.

Популистские националистические политические движения набирают силу и в Западной Европе. В случае прихода к власти популистов и националистов их разворот к тесному союзу с США как альтернативе «власти Брюсселя», «диктату ФРГ в ЕС» станет очевидным. Достаточно проследить эволюцию внешней и внутренней политики Польши, чтобы увидеть, как это может быть сделано.

Недавние парламентские выборы в Италии, на которых с крупным счетом победили популисты и националисты с антиевропейскими лозунгами, только подтверждают эту тенденцию. Поэтому Евросоюзу также не суждено стать самостоятельным глобальным полюсом в сегодняшнем мире.

В странах Западной, Центральной и Северной Европы характерной чертой популистских политических движений и партий является возрождение национализма.

Сопrotивление допуску мигрантов из стран Среднего и Ближнего Востока стало объединительным и мобилизационным лозунгом для политиков данного направления. В странах Южной Европы партии популистского толка уделяют гораздо большее внимание проблемам социального и имущественного неравенства. Ситуация высокой безработицы и одновременного притока беженцев-иммигрантов делает эти вопросы особенно актуальными.

Однако популистские движения имеют явные общие черты. К их числу можно отнести не только критическое отношение к авторитету бюрократии в Евросоюзе, но и общее недоверие к практическому опыту, научным наработкам в социологии и экономике, на которые в течение многих десяти-

летий привык опираться западноевропейский истеблишмент. Эта популистская идеология в общем виде может быть охарактеризована как антиглобализм.

Не стоит питать иллюзий и относительно возможности какого-либо крепкого союза между ЕС и Россией в обозримом будущем. Но общая заинтересованность в предотвращении новой холодной войны и в укреплении многосторонности, при принятии основных решений на мировой арене, существует объективно. Значит, еще есть шанс не превратить Европу в поле нового военного противостояния и вернуться к взаимовыгодному партнерству.

*Дубинин Сергей Константинович,
доктор экономических наук, профессор.
Член наблюдательного совета банка ВТБ.
Председатель Центрального банка России
(1995-1998 гг.)*

Примечания

- 1 “Economist”, 27th Jan 2018.
- 2 “Economist”, March 3rd — 9th 2018, p. 19.
- 3 IMF World Economic Outlook. Real GDP Growth. October 2017.
- 4 IMF World Economic Outlook Update. Brighter Prospects. January 2018.
- 5 Россия и мир: 2018. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М., ИМЭМО РАН, 2017, с. 16, 17.
- 6 (Ibid. IMF World Economic Outlook Update. Brighter Prospects. January 2018)
- 7 (US Military Budget: Components, Challenges, Growth.Thebalance.com).
- 8 IMF Working Paper. WP|17|115. Philip R. Lane and Gian Maria Milesi — Ferreetti. International Financial Integration in the Aftermath of the Global Financial Crisis, p.12.
- 9 TACC, 12 января 2018г. tass.ru — ekonomika.
- 10 IMF World Economic Outlook Database. October 2017, General Government Gross Debt, percent of GDP.
- 11 Lenta.ru 15 февраля 2018 г.
- 12 FT 12 February 2018.
- 13 Independent Daily Edition. Digital News.
- 14 The Guardian.
- 15 Economist, March 10th — 16th, 2018, p.22.

© Сергей Дубинин

* * *

The Cold War One was the battle for control over Europe. That was mainly a fight between USA and USSR. The next global rivalry by nature is the USA — China struggle for control over Asia. President Obama administration had used the economic measures primarily. USA did conclude the broad Trans-Pacific Partnership (TPP) agreement with Asian nations. But China had not been asked to participate. President Trump destroyed this too complex building. He declared the intention to spend on Defense purposes about \$800 blns of Federal Budget funds every year. This is unprecedented amount from historical point of view. President Trump administration has launched the start of new tour of armed races. American political class is unified in assuredness that the US global power would overcome not only Russia but China as well. Russian economic and military potential weight is not sufficient to form independent global polar power. But this fact might give Russia the chance to implement the moderate neutral course. Russia must keep a distance from the new bipolar confrontation. The main target — not to be involved in Cold War Two and avoid the return to the deterrence policy.

Время популистов

Челестино Педраццини в беседе с главным редактором журнала «Вестник Европы»

Челестино Педраццини

Бывший сенатор, политик, гражданский инженер-строитель. Родился в Комо, живет в Милане. Его образование было очень жестким — религиозная школа. Его друг Т., представляя его, сказал: вот один из немногих людей в Италии, которые понимают, что на самом деле происходит в нашей стране. Уже в зрелом возрасте он пришел в политику... В 1994 году Челестино начал свою политическую карьеру, желая дать больше возможностей, больше свободы Северу Италии — земле, на которой он родился и вырос... Это был сложный период в итальянской политике и истории...

© Фото: Виктор Ярошенко

Виктор Ярошенко: «Лига Севера»?

Т.: Имеется в виду больше региональной свободы, меньше налогов, меньше давления и бюрократических пут центрального правительства... Он становится одним из ведущих представителей первой «Лиги Севера», потому что первые шаги партии «Лига Севера» существенно отличались от того, что было потом.

Лига родилась в 1984-85-м годах, а в 92-м году (в те годы в Италии только разворачивались) прокатились серьезные события, скандалы, связанные с разоблачением коррупции на разных уровнях: состоялась «Поло ди Либерта» — объединение различных партий за свободу. Его выбирают сенатором дважды. У него было два срока в Сенате: с 94 по 96 год, а потом — с 2001 по 2006-й.

Во вторую его каденцию партия Берлускони была очень сильна. Было два крупных блока: правоцентристский «Дом свободы» («*Casa delle liberta*») и левоцентристский «Олива» («*Ulivo*»). В блок «Каса ди либерта» входили и партия «Лига Севера», и «Форца Италия» (Берлускони).

Виктор Ярошенко: Вы пришли в политику уже лет под пятьдесят, в этом возрасте уже нет иллюзий...

Челестино Педраццини: Мы жаждали изменений, хотя, признаю, это с моей стороны была своего рода авантюра. Девяностые годы были периодом довольно критическим, временем больших изменений... И я должен был дать что-то своей стране. Это было время столкновения между старой генерацией людей в политике и новыми людьми, хотевшими изменений: более открытой, более честной, более справедливой политики.

Тогда все было под знаменем изменений, революции. В Италии начинается мощный подъем под лозунгом «чистые руки»; заканчивается период традиционных партий. В Италии из традиционных остается только Коммунистическая партия, а в России — ну, ты знаешь, что там происходило...

В.Я.: Мне казалось, что, наоборот, в Италии все осталось, а компартия исчезла...

Ч.П.: В Италии? Никуда она не исчезла, ее влияние до сих пор очень сильное. Италия все еще очень левая, очень коммунистическая страна, очень подверженная левой фразеологии, словам о справедливости и правах трудящегося человека...

Другое дело, что итальянскую компартию перестал субсидировать Советский Союз, но она осталась — преобразовавшись, изменившись, дети сменили отцов в партийной иерархии... Другие формы, другие слова... Очень много городов красных, даже Венеция всегда была очень красным городом при всем ее аристократизме. Венеция она поражает туриста. Но в Венеции ты можешь, как у нас говорят, остаться без трусов — венецианцы снимают с тебя всё. И все равно это красный город.

Компартия в 90-х годах изменилась на 360 градусов, они как бы приблизились к центристским партиям, и чтобы иметь больше электората, они сблизилась не с людьми, разделяющими их взгляды, а с теми, кто готов был отдать им голоса. Популисты и конформисты.

В каждом маленьком городке кропотливо торговались, договаривались, чтобы получить побольше голосов. Ничего личного, никакой романтики — политика очень прагматичное дело, это бизнес. Голоса давались в обмен на обещания; поэтому обещания постепенно нарастали, под них брались кредиты, политические обещания нависали над экономикой. Теперь Италия расплачивается за это. А те, которые давали свои голоса, — дальние провинции, коммуны малых городов, они претендуют на то, чтобы им что-то дали: ведь они голосовали за коммунистов, а дать им уже никто ничего не может. Это уже современная ситуация.

В.Я.: Кончилось время идеологий, пошла прагматическая торговля за голоса, интересы, доступ к власти, а значит — бюджеты, налоги... Власть, бюджет, налоги, льготы, подряды, тендеры — кто контролирует...

А коммунисты они или христиане — дело уже десятое, так?

Ч.П.: Идеология была первична; были программы, которые внутри партий обсуждались и потом следовали своим программным целям. Так было в 50-е, 60-е, даже в 70-е...

А теперь? Сейчас уже вы не найдете документов, которые представляют конкретные программы конкретных партий. Почему?

Политика стала очень быстрой и очень кратковременной. Она не нацелена на долгую реализацию, никто не будет долго ждать; выборы будут скоро. И в этот момент общество умирает. И это даже нельзя назвать популизмом. В Италии сейчас рождаются очень странные... конструкции, странная реальность.

Например, феномен, который сейчас развивается в Италии: феномен партии «Пять звезд». Они говорят: «нет» — коррупции, «да» — прозрачности, «да» — транспарентности, но у них нет стратегии, они же смогут ответить на вопрос «А какой вы хотите видеть Италию через десять лет?» Эти позиции, которые они представляют, универсальны, и все уверяют, что они будут прозрачными, как стекло. Нет никакой конкретики. Прописные истины: нельзя обижать старых, нельзя украсть конфетки у детей. За все хорошее — против всего плохого. Но они получают весьма значительное число голосов. И непонятно: люди голосуют за них, протестуя против существующей политики и политиков, или им кажется, что в их словах есть какая-то идея и надежда?

Простые люди больше не интересуются политикой, больше не верят в политику вообще. Они чувствуют себя преданными, и это типично для всей Европы, да для Америки (феномен Трампа).

Во времена кризиса люди прежде всего хотят выжить, сохранить основные параметры своего уклада, дать образование своим детям...

Реальная проблема в том, что люди никому больше не верят — и тем опаснее оказаться в руках демагогов. Поскольку вся информация идет через интернет, нет ничего написанного

созданного, утвержденного, — у людей пропадает уверенность за кого и за что они должны голосовать.

В.Я.: *В разных европейских странах на вопрос: чувствуете ли вы себя европейцами? — часто получаю, скорее, недоуменный ответ: «Европейцами? Ну, нет...»*

В разных странах я говорил с людьми, которые занимаются, как бы это сказать, «ментальностью Евросоюза», и они тоже не нацелены на то, чтобы у людей было «чувство европейскости».

Ч.П.: Это еще одна проблема — общество не слишком осведомлено о том, что реально происходит в Европе. Можно, конечно, сказать что, люди не очень-то интересуются. Итальянцы не чувствуют себя частью Европы. Ни за, ни против.

Вначале ощущалось, что ЕС — это что-то очень большое, то, что даст протекцию, покровительство, защиту, зонтик стране, откроет перспективы. Были какие-то позитивные моменты от этого объединения, которые зримо и понятны людям: например, транспорт по всей Европе, люди стали свободно, быстро и комфортно перемещаться, и это всем нравилось. Но теперь, когда итальянцы стали перемещаться меньше, а все больше пришлых мигрантов, возникло сначала недоумение, потом недовольство.

В.Я.: *Но ведь все это происходило в последние десятилетия, посмотрите фильмы 90-х — в них ставилась та же проблема мигрантов, об этом 20 лет назад писала пламенная Ариана Фаллачи...*

Ч.П.: Сейчас общество охватывает понимание того, что мы создали нечто колоссальное, прокормить которого стоит огромных денег, и при этом оно управляет нами, создавая бесчисленное число нормативов, которым мы должны подчиняться, хотя они не отвечают интересам нашей страны, мы с этим не согласны. В основном, когда идет разговор о Европе, — это разговор толь-

ко экономический, только о деньгах... Никто не принимает всерьез разговоры о европейских ценностях, о солидарности, идентичности, культуре — это все для политиков, люди в это не верят, они так не чувствуют.

Существует могущественная финансовая структура, которая имеет власть, но обычный человек ни при чем, он ничего не чувствует.

К тому же игра на этих чувствованиях стала выгодной политической позицией, на этом поднимаются некоторые партии, просто вместо позитивной программы они говорят: нет Европе, нет евро. Мы откажемся быть членом Европейского содружества! И это безразмерный, прекрасно скроенный политический костюм, который многим понравится.

С моей точки зрения, люди должны быть больше информированы, но для этого они должны больше интересоваться чем-то за пределами их непосредственной жизни.

И мало говорить: «Я за то, чтобы мы были в Европе» или «Я против того, чтобы мы оставались в Европе!» За этими лозунгами ничего не стоит, должна быть конкретика, факты, анализ, а конкретики нет.

Когда мы в самом начале говорили об объединении Европы, мы говорили, что это не должно быть объединение стран, а должно быть объединение людей, у которых одни и те же идеалы и ценности.

В.Я.: *Вам скажут, что это чистый идеализм, далекий от реальности. Что правят не ценности, а интересы и предрассудки. В Англии чуть более пятидесяти процентов избирателей не хотят единой Европы — им и не надо. А другие хотят — пусть вступают. Может когда-нибудь можно будет это организовать — личное членство?*

Ч.П.: Когда-нибудь такое время настанет! Посмотрите пример Швейцарии. Народ, который тысячу лет живет в Альпах и научился согласовывать интересы — четыре языка...

Я много лет в сенате представлял идею Италии как федерации; но эту идею не поддер-

жали массы, потому что большинство привыкло жить за счет государства, центральной власти, перераспределяющей налоги... Если в течение многих лет правит (даже включая оппозицию) одна и та же группа людей — ты всегда будешь в меньшинстве.

Те, кто за федерацию, — это должны быть свободные люди со свободным сердцем и разумом, независимые. Гораздо легче управлять людьми, которые от тебя зависят, чем теми, у которых свободное мышление и экономическая самостоятельность.

В Неаполе они называют себя неаполитанцами, в Сицилии — сицилийцами, и это большой вопрос, единая нация... веками создается.

Вы приводили пример англичан, которые сейчас уходят. В Ломбардии, на севере Италии, некоторые политики требуют референдума, который сможет дать региону большую экономическую автономию, но даже, если референдум получит большинство, не факт, что они получают автономию.

Вообще в Италии разговоры об автономии очень нервно воспринимаются центральной властью. Были люди, которые попали в тюрьму практически только за то, что они хотели автономию.

Когда мы говорим о Неаполе — там есть люди, которые работают, производят продукты, занимаются бизнесом, рискуют... А другая часть в Неаполе, связанная с каморрой, не хочет никакой прозрачной экономики. Сегодняшний мэр Неаполя, бывший судья — реальный популист... Они твердят, на нас напали, у нас отобрали свободу, собственность. Но прошло полтора века; и даже сейчас вокруг Неаполя существуют города, в которых уровень жизни — один из самых высоких в Италии. Но это не Неаполь. Они ждут чуда. Это плохая политика, которая существует уже десятки лет. Но не получится быстро изменить.

P.S.

Челестино Педраццини в продолжение нашего разговора прислал статью, которую мы публикуем.

Размышления о текущей ситуации и ее возможной эволюции

Когда мы анализируем некую конкретную, отдельную ситуацию, мы вправе предположить, что наши выводы могут быть верны и полезны для прогнозирования ситуации в крупном масштабе. Как правило, политика практически любой компании ориентирована на среднесрочную перспективу, удовлетворяя при этом возникающие общественные потребности. Краткосрочные действия могут отвечать только интересам отдельных лиц или корпораций, а не обществу в целом. Мы уже привыкли к тому, что сущность какого-либо действия теряет смысл по сравнению со скоростью распространения идеи. То, что не является непосредственно полезным сейчас, считается вопросом второстепенным. Именно в этом направлении работают политики, и прежде всего народные избранники, которые хотят получить поддержку избирателей в каждом электоральном цикле. В Италии уже пять лет не проходили выборы, но за это время сменилось три кабинета — Letta, Renzi и Gentiloni. Каждое правительство предлагает свои решения различных проблем страны. Решения, которые невозможно реализовать быстро, но многообещающие в среднесрочной и долгосрочной перспективе... Предвыборные обещания всегда довольно щедрые, но в результате ряда компромиссов достигается лишь кратковременное согласие. За это время (с 2013 до начала 2017 года) 267 из 945 депутатов меняли свои политические предпочтения, переходя из партий, от которых они были избраны, в другие... Избирательное законодательство предполагает в качестве важнейшей цели «обеспечение стабильности правительства». Этот вопрос всегда находится в центре внимания, так как возникают определенные проблемы. Мы приближаемся к новым выборам, и каждый переизбирающийся член парламента должен быть одобрен главой партии, должен обеспечить нужное число голосов на территории округа, получив доверие избирателей. Постоянный поиск кон-

сенсуса осложняет ситуацию, с которой становится все труднее справиться.

Создание рабочих мест в государственном секторе — прежде всего как форма социальной помощи в конкретных кризисных ситуациях, оправданно, но этот процесс за короткий период превратился в форму патронажа (клиентелы). Мы стремимся снизить эксцессы кланового покровительства, разного рода привилегии, опираясь на конкурентный поиск лучших людей, но среда более низкого уровня формируется легче, потому что является более управляемой. В результате эта ситуация приводит к сохранению и самовоспроизводству бюрократических структур. Политическая структура быстро меняется, но она все равно остается и только окостеневает с течением времени. Разные кратковременные правительства в последние десятилетия в трудной жизненной ситуации были особенно снисходительны к госструктуре, потому что нуждались в общественном согласии. В настоящее время в Италии трудовые контракты в государственной и частной сферах очень различаются. В частности, государственный служащий имеет так много гарантий, что уволить его за плохую работу практически невозможно. Недавно было решено дополнительно оплачивать четырнадцатую зарплату для значительного числа государственных служащих. При этом каждый месяц они получают заработную плату за одиннадцать месяцев плюс отпускные («тринадцатую») — это нормально, но больше — не имеет смысла. Это важная проблема, которая так и не была решена. Ввели возможность автосертификации для многих процедур. Те, кто пользуется этой практикой, заявляют, что уважают закон, потому что бюрократ, чтобы напомнить о своем существовании, всегда создает обновление процедур.

Другая большая проблема — структура магистратуры, независимой от политической власти, обстоятельств... Именно такая система является гарантией демократии. Но существующая структура часто не учитывает фактор времени. Закон, проголосованный парламентом, после двух или трех лет может быть отменен или изменен Конституционным судом. Бывают случаи, когда иски граждан в административный суд по приня-

тым законам удовлетворяются. Тогда закон должен быть изменен, и любые решения, принятые с помощью этого закона, подлежат отмене. Это приводит в замешательство нормального гражданина и усиливает чувство неуверенности в политических действиях власти, оказывая влияние и на доверие к правящему классу, которому суждено руководить страной. Таким образом, через два-три года закон может быть частично или в полном объеме объявлен находящимся в противоречии с принципами Конституции или другими нормативными актами (как последний закон о выборах). Или же закон, например, давал возможность лицам, не имеющим итальянское гражданство, но являющимся гражданами Евросоюза, принимать участие в государственных конкурсах на должность директора музея, но в связи с недостатками нормативной системы данная возможность была заблокирована соответствующим административным судом. В период между введением нормативного акта и его изменением директор-иностранцы показали на рабочем месте прекрасные результаты, а сейчас нормативный акт снова изменён, чтобы поддержать принятое раньше решение. Это и есть тот фактор времени, на который я ссылался ранее. Было бы желательнее, чтобы закон не менялся в течение определенного и ограниченного периода, в том числе со стороны судебной системы. Это даст более четкие гарантии единого подхода к различным полномочиям государства в целях эффективного использования государственного имущества.

Было бы удобно, если бы магистратура за определённый и ограниченный период времени могла бы вынести свою оценку закону: это позволило бы дать большие гарантии единения государственных властей, что работало бы на общее благо.

Налоговая система постоянно страдает от поиска общего решения. Каждое правительство предлагает налоговое равенство, сокращение налогов, продвигает борьбу с неплательщиками и т.д. А по факту налоговая система, которая в любой современной стране должна иметь чёткую программу и цели, претерпевает постоянные изменения и полна различных оговорок, но как только появляется какая-то непредвиденная необходимость, фан-

тазия заканчивается. В других странах налоговая программа известна как минимум за три года так, что любой гражданин, предприниматель или просто налогоплательщик могут составить свой собственный план на будущее.

В Италии мы платим налоги заранее, то есть до того, как получено 90% дохода, облагаемого налогами. Потом налоговая система держится на таких столпах, как работа по найму (которой всё меньше), налогообложение пенсий (в других странах не предусматривается), налог на дом, на табачную и алкогольную монополии и систему азартных игр, управляемых государством. А также существует косвенная система налогообложения общего дохода вместо прямой, которая и обнаруживает недостатки контроля. Различные фискальные кордоны для тех, кто не оплатил то, что был должен, спорность ситуаций, а также известная в этих случаях медлительность судопроизводства довершают картину.

Как будто всего этого мало, главная налоговая система связана напрямую с государством, которое уже после и с учётом необходимого времени перераспределяет свои ресурсы территориальным единицам (регионам и городским органам управления). Таких переводов средств с каждым годом всё меньше и небольшие органы управления, чтобы выжить, вынуждены вводить дополнительные местные налоги, более или менее обладающие логикой.

Например, взимание €2 с каждого пассажира, взлетающего из аэропорта, территориально находящегося в ведении городов или в непосредственной близости от него, куда и направляется данный налог; местный налог в €2 за ночь в отеле, находящемся на территории определённого района; налог в €1-2 за дневной проезд по панорамным дорогам, ведущим к определённым районам местности. Распространилась мысль о том, что, если цифра к оплате небольшая, её примут. В правительстве же, наоборот, ведутся разговоры о распределении бонусов, премий отдельным лицам или категориям. Остаются сомнения, связано ли это с попыткой вызвать доверие у избирателей (мол, голосуйте за меня, и я добьюсь выделения бонусов или...) Это тоже создаёт неуверенность и отвращение к политике в целом.

В завершение стоит сказать, что международные соглашения, заключенные как в момент подъема, так и в момент кризиса, являются весьма обременительными. Выход Англии из Евросоюза сократил общие ресурсы самого ЕС. Я ожидал план резкого сокращения расходов и инвестиций, но в правительственном дворце говорят о желании получить новые ресурсы от тех, кто остался. Постоянное желание власти нравиться создает напряжение и в финансовой сфере. Каждое правительство, ссылаясь на необходимость справедливого налогообложения, всегда предлагает снижение налогов, борьбу с неплательщиками и т. д. В современном мире эта работа должна быть запрограммирована и направлена на поиск точных решений, в которых все корректировки предусмотрены; иначе происходит неожиданное прекращение реформаторской работы, и энергия оказывается потраченной впустую. В других европейских странах налогообложение изменяется так, что каждый гражданин — предприниматель он или нет — на три года вперед, по крайней мере, может спланировать свою программу на будущее.

Мы предполагаем, что рано или поздно долгий кризис лишь усилит разницу между регионами, и государство, неспособное управлять ими (как это уже было продемонстрировано в прошлом), предоставит им большую свободу. Ничего нового: следует лишь принять федеральную систему, которая фактически уже существует, и избавиться от уже устаревших связей с центральной властью. Мир предпринимателей давно это понял, и его вера в развитие и успех связывается с каким-то определенным регионом. Северная часть страны обладает большей гибкостью и может спокойно составить конкуренцию странам, расположенным с северной стороны Альп, в то время как другим регионам, в силу своих особенностей, требуется усилие, иная модель поведения и, вероятно, больше времени.

Со своей стороны я внимательно слежу за тем, что происходит в таких регионах, как Ломбардия, Венето и Лигурия. Правительственная система находит хорошие ответы территориальным нуждам, и это подтверждается с постоянством уже довольно много лет. Стабильность, доверие властям и т. д.: не всё работает, но в сравнении с центральными государственными структурами впечатление весьма позитивное. К сожалению, слишком большое количество централизованных правил — это тяжёлый балласт для будущего.

Я намеренно опустил тему бесконтрольных миграционных потоков: по предварительным подсчётам, в 2017 году их было около 200 тысяч человек.

Если кого и беспокоит само количество мигрантов, то лично меня больше волнуют последствия работы всех этих процветающих структур, связанных с государственным и европейским финансированием и занимающихся миграционными потоками. Эта новая самовоспроизводящаяся бюрократическая структура потеряет свою власть и станет бесполезной в том случае, если новоприбывшие смогут встроиться в мир производства и стать активной частью общества (предполагая, что это входит в их интересы).

У нас, так же как и во многих других странах, часто приходят к достижению согласия, приводящего к политическому представительству только через средства массовой информации. Идёт постоянное повторение небольшого количества идей, разделяемых большинством. Чем больше слушателей появляется, тем более общей должна быть выражаемая мысль, и если этого сделать не получается, то часто прибегают к обвинению противника заранее. Народу нравится, когда его слушают, нравится, когда повторяют то, что народ считает верным и, возможно, не осмеливается высказать другим. Я думаю, что противоядием этой политической форме являются культура, история, память и критический анализ.

Перевод Элеоноры Малихиной-Акуиланти

- © Челестино Педраццини
- © «Вестник Европы»
- © Перевод Элеоноры Малихиной-Акуиланти

ЭКОНОМИКА ИТАЛИИ НА ПУТИ К ПОДЪЁМУ

Роберто ПАСКА ДИ МАЛЬЯНО

В Европе, в том числе и в Италии, хоть и медленно, но растёт тенденция к восстановлению экономики.

Позитивные сигналы свидетельствуют о динамике ВВП, о росте занятости, и, наоборот — о снижении безработицы, даже среди молодежи, о сильном сокращении обращений за социальной поддержкой (-58% по сравнению с 2016 годом). Эти тенденции продолжались и в 2017 году и показывают какие результаты приносит период реформ, начавшихся, несмотря на многочисленные трудности и разногласия.

Тем не менее в последнее время тревожат последствия стремительной глобализации, быстрых изменений в технологии и масштабных миграционных потоков, которые могут дестабилизировать систему жизнеобеспечения населения, его благополучие и общественное поведение.

Рост антисистемных движений в Европе, Брекзит Великобритании и дискомфорт средних классов, возникший в связи с выходом из ЕС; раскол общества в США после избрания Дональда Трампа, ужесточение терроризма породили атмосферу неопределенности. Эта неопределенность проявляется в скептицизме по отношению к международным институтам, формам правления, к самой демократической культуре в опасных откатах назад, таких как национализм, протекционизм, защита на расовой основе.

1. ПОСЛЕДСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Десятилетия снижения производительности труда (хотя и в разной мере по странам) и технологические перемены разрушительно повлияли на распределение доходов, в результате чего привели к замедлению роста доходов населения в семьях с низким и средним уровнем зарплаты. Глобализация и автоматизация ослабили позиции работников и их способность добиваться роста зарплаты.

Тем не менее капитализм был наилучшим проводником на пути к процветанию и возможностям, который мир когда-либо знал. В течение последних 25 лет процент людей в мире, которые живут в крайней бедности, сократился с 40% до менее чем 10%. Открытие рынков, вечно осуждаемая глобализация помогают сократить разрыв в доходах между различными странами мира. И несмотря на обвинения в нечестной конкуренции, торговля в целом экономическому росту гораздо больше помогла, нежели повредила. Экспорт стимулировал конкурентоспособность и способствовал выходу из рецессии; предприятия, которые экспортируют свою продукцию, платят своим работникам на 18% больше, чем в среднем.

Однако при отсутствии правильного управления капитализм может стать угрозой для большинства людей из-за чрезмерных преимуществ, которые он сохраняет лишь для немногих. Мир, в котором один процент человечества держит и контролирует больше богатства, чем остальные 99%, никогда не будет стабильным.

Информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) позволили компаниям частично перемещать производственные процессы, поощряя рыночную интеграцию.

Но само по себе это не принесло роста благосостояния и всеобщего процветания. Экономисты давно признали, что рынки, оставленные на самих себя, могут рухнуть. Плохо управляемые предприятия не в состоянии принимать во внимание то, как на их деятельность влияет загрязнение

среды, риски опасного производства или растущие расходы на здравоохранение.

Финансовый кризис перекроил карту мировых сил без учета национальных границ. Новые субъекты международных финансов действуют в глобальном масштабе, выбирая быстрые и довольно циничные решения, полностью зависящие от экономики производства, чем вызывают негативные последствия в плане ограничения кредитования и падении инвестиций. Международный Валютный Фонд считает, что совокупные финансовые активы превышают стоимость реальной экономики минимум в 8–10 раз.. Если мировой ВВП (между 1997 и 2016 годами) увеличился почти в два раза — с 40 триллионов долларов до более чем 75 триллионов, то финансовые активы, по оценкам, увеличились более чем на 250%. И финансовые кризисы повысили изоляцию политического класса, менеджеров и элиты, пользующихся эксклюзивными привилегиями, — от обычных граждан.

Мир процветает, как никогда, но наши предприятия отмечают возрастающую неопределенность и дискомфорт. Наш мир сегодня находится в осаде этого парадокса. Причина всего этого кроется в различном происхождении прибыли: для финансовых предприятий прибыль происходит от спекуляций путем повышения или понижения производных продуктов; для реального сектора экономики — прибыль зависит от оборота. Таким образом, очевидно, что финансовый сектор усугубляет кризисные ситуации и ослабляет государства, а также банки, страховые компании или предприятия, предназначенные для создания возможности получения прибыли путем умножения различных типов финансовых инструментов, полностью изолированных от производственной деятельности. Ценности, характерные для стран с рыночной экономикой, разрушаются в пользу безудержной погони за прибылью, более не происходящей от производства и продажи товаров и услуг, но лишь от торговли финансовыми продуктами (проще — деньгами).

Следствием этого становится возникновение сильнейших кризисных ситуаций, выходящих за пределы их реального размера.

Впереди — новые сценарии, все более и более невыносимые. Вместе с тем распространение *лжеценностей*, которые подрывают основы этики индивидуального поведения, снизят экономический рост и уничтожат рабочие места.

2. ИТАЛИЯ — ПРИЗНАКИ РОСТА

Италия — одна из 27 стран — членов ЕС, в которых за последние десяток лет производительность выросла меньше чем на 1,4% (вместо средних по ЕС почти 12%). Существует объективное соответствие между отсутствием роста ВВП, падающим уровнем занятости и недостаточным повышением производительности. Всё это необходимо осознавать, чтобы поддержать развитие путем жёстких реформ.

Сравнение с другими странами неутешительно — при том, что итальянский ВВП достиг роста в 4% с 2009 г., французский ВВП вырос на 12%, английский — на 17%, немецкий — на 22%, американский — на 26%.

Последствия кризиса 2008 года очень ухудшили производительность труда и итальянскую экономику: ослабленное состояние производственной структуры и общей финансовой ситуации вызвали множественные негативные явления. И это зависит в основном от того, что производительность труда в Италии в последнее десятилетие выросла в десять раз меньше, чем в Германии, и в восемь раз меньше, чем в среднем по ЕС.

Кроме того, слабый рост производительности в государственных секторах в Италии связан с тем, что в них занято слишком много сотрудников, а в частных — потому что они работают больше положенного времени. И это еще раз доказывает, что Италия в эти годы упустила вызов качества работы и инноваций, вместо того чтобы поставить их в центр любой стратегии развития.

Тем не менее реформы, которые проводились в последнее время с огромными трудностями, дают положительные результаты.

После сокращения за последние три года итальянский объем ВВП в 2016 году показал рост на 0,9%. Конечное потребление (+0,7 процента), поддержанное увеличением покупательной способности, и валовые фиксированные инвестиции (+0,9%) показали умеренно-позитивные изменения, в то же время объем экспорта показывает его уверенное увеличение и определённый перевод в положительное сальдо торгового баланса, эффект увеличения располагаемого дохода.

Динамика экономической активности удовлетворительна, особенно в секторах услуг и средств транспорта (+19,7%). Индекс промышленного производства зафиксировал заметный рост в январе (+1,7% по сравнению с уровнем конца 2015 года). Значительные признаки восстановления приходят из строительной отрасли.

Инфляция слегка возросла до 1,6% из-за роста цен на продукты питания и возрастающих международных котировок энергетических продуктов.

Занятость умеренно возрастает: в годовом исчислении превалировал запрос в сфере наемного труда (+5% по сравнению с 2015 г.), в то время как в сфере независимого труда продолжилось падение (-7,8 процента). Уровень безработицы сократился: с 12,7% в 2014 году до 11,7% в 2016 году. Также число лиц, ищущих работу, сократилось на 7%. Коэффициент простоя снизился до 32%.

Но Италия остается на втором месте в ЕС после Греции по величине госдолга. Ее долги, которые достигли в конце 2016 года 2 250 млрд и составили 132,3% ВВП, с увеличением на два десятых пункта по сравнению с предыдущим годом (чуть более 2 136 млрд, что составляло 132,5% ВВП) и оказались на две десятых выше, показателя, указанного в предыдущем году в Программе стабильности.

Начальное сальдо, т. е. не учитывающее расходы на выплату процентов по долгам, по существу, осталось постоянным с 2014 года и колеблется в пределах 5% ВВП.

Расходы на обслуживание долга сократились на 6 млрд. В 2016 году (0,4% от ВВП). Объем общего дохода от ВВП снизился с 48,2 до 47,9%, а общий объем расходов — с 51,2 до 50,5%. Среди прочих расходов, помимо процентных расходов,

были зафиксированы значительные сокращения по статье, касающейся других текущих расходов (-4,6 млрд.) и доходов сотрудников (-1,9 млрд.). Инвестиционные расходы, которые резко сократились с 2010 года, составили 37,3 млрд. евро в 2015 году, что немного превысило предыдущий год (36,9 млрд. евро).

В части доходов увеличились прямые налоги и социальные взносы, в то время как косвенные налоги сократились более чем на один миллиард. При умеренном росте экономической активности налоговая нагрузка снизилась на 0,3 пункта, с 43,6 в 2014 году до 43,3 в 2016 году.

Сохраняется серьезная проблема теневой (подпольной) экономики, которая, вкупе с незаконной деятельностью, составляет 203 млрд., что составляет объём в размере 12,9% ВВП, увеличиваясь с прошлого года демонстрируя неэффективность политики противодействия.

В целом конкурентоспособность, как представляется, улучшилась, что проявилось на международных рынках, и по-прежнему является определяющим фактором в деятельности компаний и производственных секторов. Как уже неоднократно отмечалось, Италия выделяется среди европейских стран повышенным числом компаний, работающих на внешних рынках: 88 тыс. только в промышленности (на втором месте после Германии), что покрывает более чем 80% общего итальянского экспорта.

Тем не менее степень концентрации экспорта итальянских компаний является одной из самых низких в Европе: пять крупнейших промышленных компаний по объёму экспорта составляют около 6% от общего объёма итальянских продаж за рубежом, что равно половине этого объёма в Испании и Франции и менее трети германского объёма. Топ-20 итальянских экспортных компаний составляют более низкую долю национального экспорта, чем пятерка крупнейших экспортеров ЕС. Впрочем, большинство итальянских экспортных компаний невелики: в $\frac{2}{3}$ работают менее 10 сотрудников, что на 95% меньше пятидесяти.

В 2017 году ожидания по эффективности экономического цикла казались лучше и надежнее,

хотя и с признаками неопределенности. Замедление темпов роста в странах с формирующимся рынком и стабильность цен на сырьевые товары перекрывают растущую турбулентность на финансовых рынках. Однако ведущие показатели свидетельствуют о продолжении умеренного циклического восстановления. В частности, в развитых странах экономическая деятельность должна по-прежнему извлекать выгоду из компонентов внутреннего спроса и продолжения стимулирующих акций, проводимых со стороны денежно-кредитной политики.

Наряду с характеристиками, упомянутыми выше, существуют и другие факторы, имеющие отношение к конкурентоспособности итальянской производственной системы в отношении сектора экономики знаний, который имеет большое значение для улучшения благосостояния слабой части населения. Италия пока отстает от среднего по ЕС. Инвестиции в исследования и развитие, даже если они растут, по-прежнему запаздывают по сравнению со средним показателем в ЕС: итальянские компании по-прежнему мало инвестируют в исследования и разработки (0,7% ВВП по сравнению с 1,3% от среднего ЕС) и нанимают меньше работников (4,1 на тысячу жителей против 5,4). Патентоспособность также по-прежнему ограничена: патенты на миллион жителей составляют 73,7 — против 112,8 в среднем по ЕС.

Тем не менее инновационная активность распространена в значительной степени: показатели инноваций, применяемых в итальянских компаниях, демонстрируют большую склонность к инновациям в продуктах или процессах. Однако они показывают относительно ограниченное использование электронной коммерции, в частности, онлайн-продаж (её используют 7% компаний против 17% в среднем по Европе). С точки зрения использования широкополосной технологии на распространение новых технологий, Италия соответствует европейским средним показателям (92% против 94% только для предприятий); однако при рассмотрении других аспектов, таких как скорость соединения, уровень итальянской связи является одним из самых низких в Европе.

В инвестиционно-финансовой области итальянская стратегия развития, направленная на достижение целей проекта ультраширокополосной сети коммуникации «Европа 2020», предусматривает значительные инфраструктурные мероприятия для расширения территориального охвата с целью увеличить распространение технологий ИКТ среди экономических операторов. Ожидается увеличение добавленной стоимости и производительности в соответствующих территориальных областях от расширения широкополосного покрытия.

В начале 2017 года в нашей стране наблюдалось небольшое повышение уверенности в бизнесе, не соответствующей заинтересованности потребителей, которые, похоже, страдают от ситуации институциональной неопределенности и социальных трудностей, остро переживаемых в Италии. Промышленный оборот, за вычетом сезонности, продолжал показывать позитивные экономические тенденции благодаря оживлению средств производства и посреднических услуг.

3. ПРЕДЕЛЫ ОБЩЕПРИНЯТОЙ ПОЛИТИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ ДЕЙСТВИЯ

Государства, неспособные управлять и обуздать финансовые эксцессы, реагируют, усугубляя строгие действия, возлагая бремя восстановления на реальную экономику, а не на финансовую деятельность в том числе; тем самым оказываются в возрастающей зависимости от финансов, чтобы по необходимости оплачивать собственные растущие долги.

Столкнувшись с этими тревожными ситуациями, которые нарушают не только экономические структуры, но и социальный баланс и всю систему ценностей, устоявшихся в развитых обществах, традиционная экономическая политика представляется совершенно неадекватной, основанная на бюджетной жёсткости и расширенной роли государства в экономике.

Меры, направленные на ужесточение бюджета и фискальное ужесточение, в отсутствие резкого сокращения расходов, приводят к спаду и в конечном итоге подрывают саму возможность санации.

Вместо этого нужны новые предложения и особенно новые организационные модели, которые позволят оживить экономическую демократию и восстановить правильные и устойчивые этические ценности в обществе.

Необходимо, в частности, разработать инновационные пути, способные модернизировать государственные институты, повышая эффективность и снижая затраты; укрепить социальные меры, направленные на защиту личности и на повышение человеческого капитала; снизить непроизводительные государственные расходы и налоговую нагрузку (особенно на низшие слои населения), заменить их налоговыми льготами для частных инвестиций; поддерживать инвестиции в инновации; противостоять беспринципным спекуляциям финансовой власти. Кроме того, экономика успеха является таковой, если обеспечивает значительные возможности в перспективе устойчивого экономического роста, способного притормозить изменения «климата» и обеспечить более процветающее будущее для следующих поколений.

«Инновационный проект», опирающийся на комплексный план, должен быть способным сбалансировать полномочия государства и сферу общественного — с целью повышения ответственности индивидуума в развитии своей страны. Основными инструментами новой стратегии являются укрепление управления и принятие мер для роста без затрат. Это альтернативный путь к реформам, который основывается на введении «добродетельных правил», т.е. на реформах, способных стимулировать сотрудничество (а не сговор!) в людях и в учреждениях в достижении целей оздоровления и роста.

Италия должна продолжить период реформ для увеличения продуктивности и конкурентоспособности, уменьшения «теневых» рынков, контроля госдолга, распространения технологических ин-

новаций, увеличения инвестиций в человеческий, наконец — для внедрения системы добродетельных правил, стимулирующих законопослушное поведение.

Достичь подобных целей нелегко — из-за сильного противодействия консолидированного консерватизма и корпоративности по отношению к любым переменам, которые рассматриваются как средство уничтожения накопленных полномочий. Эти сложности весьма распространены в нашей стране, что и объясняет потребность поддерживать тесную сплоченность на европейском

уровне и не потеряться в демагогии споров «за или против евро».

Именно в этом контексте можно создавать альянсы для того, чтобы укрепить европейскую политику в двух главных областях: социальные меры, направленные на защиту личности и на повышение человеческого капитала; налоговая поддержка инноваций, постепенное фискальное выравнивание. Это потребует решительных обязательств итальянской стороны при обсуждении Европейского фискального пакта, особенно в начале процесса демократизации европейских институтов.

Перевод Елены Кейдан

© Роберто Паска ди Мальяно
© Перевод Елены Кейдан

РОБЕРТО ПАСКА ДИ МАЛЬЯНО — профессор Growth Economics Римского университета Сапиенца; профессор экономики и инновационного управления, заведующий Master International Cooperation, Finance and Development, Unitelma Университет Сапиенца Рим; президент Отдела международного сотрудничества фонда Fondazione Roma Sapienza. roberto.pasca@uniroma1.it

ИТАЛИЯ КАК ЧАСТЬ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Андреа КАРТЕНИ,
Джордано МЕРЛИККО

В разные исторические периоды «средиземноморская судьба» Италии проявляла себя по-разному. Как говорит в своих исследованиях Лучано Канфора, когда-то всю территорию этого региона занимала Римская Империя, контролировавшая любые передвижения по Средиземному морю.

Средиземноморье — место столкновения культур или пространство для их диалога? Споры на эту тему ведутся уже давно. Наблюдая за историей развития региона, можно сказать, что периоды агрессии сменялись здесь периодами мирного сотрудничества, экономического и культурного развития. Фернан Бродель решил эту дилемму так: поскольку Средиземное море, с географической точки зрения, является морем

закрытым и тем самым напоминает огромное озеро, отрезанное от других водоемов, то оно может стать и ареной для баталий, и важной вехой в деле передвижения народов, что, в свою очередь, ведет к новым контактам, плодотворным с точки зрения экономики не только, но и культуры. Бродель рассматривает Средиземноморье как область по большей части однородную (с точки зрения культуры), где, несмотря на религиозные различия между Севером и Югом, исламом и христианством, сформировалось свое особое *койнэ* обычаев и менталитета.

Итальянский полуостров всегда играл важную роль в жизни Средиземноморья. Государства взаимодействуют друг с другом при помощи различных геополитических моделей, основанных на географическом положении и собственной истории. Роль Италии в геополитике Средиземноморья лучше всего выражают ее международные отношения. «География — это судьба», — писал Наполеон, собираясь перекроить политическую карту Европы. Италия, узкая полоска суши, чья береговая линия, длиной в 7458 км, тянется от южной окраины Европы к Африке, именно благодаря этой самой географии относится к Средиземноморскому региону. Италия — единственная страна, для которой высказывание Предрага Матвеевича: «Средиземноморье — это судьба», приобретает особый смысл и определенное культурное и политическое значение. Именно Италия выступает «движущей силой» всего Сре-

диземноморского региона, формируя приоритеты в различных сферах (экономической, торговой, культурной, политической) и определяя «постоянные интересы» других государств.

В разные исторические периоды «средиземноморская судьба» Италии проявляла себя по-разному. Как говорит в своих исследованиях Лучано Канфора, когда-то всю территорию этого региона занимала Римская Империя, контролировавшая любые передвижения по Средиземному морю. Средневековая Италия тоже обладала торговым господством на море, особенно по сравнению с другими «игроками» той эпохи — византийскими греками, арабами-сарацинами, турками, пиратами-берберами, каталонцами и арагонцами, французами, славянами, ускоками (*прим. Пер.: ускоки — беженцы из числа южных славян, пришедшие из Османской империи на территорию Австрии и Венецианской Республики*). Римская Империя двинулась к закату, и тогда на первый план выступили морские республики — Амальфи, Пиза, Генуя и Венеция. Эти небольшие города-государства весьма активно вели торговлю, были значимыми участниками средиземноморской политики. Также они сыграли важную роль в культурном обмене между Севером и Югом: сохранились дневники путешественников и морские карты с описаниями разных областей Северной Африки, восточных берегов Средиземноморья и Черного моря — ворот в мир восточного богатства и роскоши.

Таким образом, Средиземное море — это не просто «внутреннее море», место встречи разных народов, но и настоящий «жидкий континент», по словам Броделя, а итальянский полуостров занимает в регионе ведущую позицию как в плане управления, так и в деле защиты от внешней угрозы. Например, можно вспомнить Средние века и Новое время — период испанского владычества, противостояние Османской империи Востока, французское правление, венецианское владычество, империю Габсбургов Нового и Новейшего времени. Средиземноморье формируется как многокультурная, мультиконфессиональная цивилизация, способная, тем не менее, сохранить индивидуальные отличия на бытовом уровне: например, в еде, язы-

ке или вероисповедании. Можно отметить также, что греко-романский и иудео-христианский мир в Средние века обогатила встреча с исламом. Восточным и южным Средиземноморьем правили сначала арабы, а потом турки. Даже западное побережье (по крайней мере, до испанской Реконксты) находилось под мусульманским правлением и впитывало новые для себя традиции, проникающие в сферу культуры и духовной жизни, влияющие как на экономику и торговлю (Восток, с его шелками и пряностями), так и на социальное развитие в целом — это подчеркивает в своем исследовании Джованна Мотта. Современная Европа, несмотря на морские пути через Атлантику и смещение баланса сил на запад (Португалия, Испания, Франция, Англия, Голландия), все еще сильно зависит от единства «Средиземноморской системы», в которой Италия продолжает играть роль геокультурного, экономического и политического центра (это показывает исследование Антонелло Бьяджини и Джованни Мотта, опубликованное Национальным Исследовательским центром в 1995 г.).

В 1861 г. Италия — свободная от местечковых традиций и имперского прошлого, стала королевством и сразу же влилась в европейскую политику. Новое государство принялось черпать силу в Средиземном море. Во второй половине XIX века начинаются важные, с точки зрения культуры, процессы. Уже в начале века на Апеннинском полуострове появилось множество центров активной торговли. Вслед за объединением страны возросла численность населения, многие итальянцы отправились в иммиграцию на поиски лучшей жизни. Их целью была не только Америка или богатые европейские страны, но также и юг Средиземного моря. Сотни тысяч итальянцев осели на территории Средиземноморской Африки, от Суэца до Марокко. Это была особая колонизация, продиктованная не политическими причинами, а нуждами отдельных мигрантов, для которых города, типа египетской Александрии, Туниса или Боны, становились новой родиной, с почти родным климатом, пейзажем и менталитетом. Более того, за этими иммигрантами не стояли силы империи, как было с английскими или французскими колониями,

Валерий Сировский. Из записных книжек

что позволило итальянцам наладить более тесный культурный обмен с местным населением. Сначала итало-турецкая война за Ливию — накануне Второй мировой, потом годы фашизма очерчивают траекторию развития итальянских интересов в Средиземноморье. Фашистская Италия пыталась создать «новый средиземноморский порядок», основанный на политике полного доминирования в регионе, собиравшаяся увеличить колониальные владения и расширить собственную территорию, не только на Балканах — где Италии удалось получить прямое или косвенное влияние в Албании, Далмации и Черногории, — но даже за счет территории Франции, вспомнив свои старые притязания на Корсику, Ниццу и Савойю. Мечта Муссолини сделать Италию самым сильным государством Средиземного моря рассыпалась в конце Второй мировой войны, из которой Италия вышла побежденной и ослабленной и вынуждена была вступить в союз под эгидой США.

Американцы до сих пор используют стратегически выгодное расположение Италии в Средиземноморском регионе в своих военных целях, поэтому на территории полуострова так много их военных баз и объектов. Франческо Коссига, видная фигура в итальянской политике, министр, а потом и президент республики, любил повторять, что для Вашингтона Италия — это «кавианосец Средиземноморья», «плацдарм для операций». Это высказывание не потеряло актуальность и в ходе «холодной войны», подтверждение тому — установка MUOS (Mobile User Objective System), военной спутниковой системы на Сицилии, лишней раз демонстрирующее, что США используют территорию Италии для осуществления своей военной стратегии в Средиземном море. Послевоенная Италия, даже ослабленная поражением и расплачивающаяся за принадлежность к Североатлантическому блоку, не отказалась от собственной независимой политики в Средиземноморье. В какой-то мере такая политика была следствием этого поражения, которое положило конец итальянской колонизации и заставило арабские страны узнать о существовании Италии. Воспользовавшись этим, правительство послевоенной Италии смогло наладить отношения с юж-

ным побережьем Средиземного моря. Эта политика нашла свое отражение в организации итальянской нефтяной компании *ENI*, под руководством Энрико Маттеи. *ENI* предоставляла более выгодные контракты на разработку нефтяных месторождений, чем американские, британские или французские компании. И, поскольку экономика — двигатель политики, такая поддержка *ENI* приобретает скрытый политический смысл: итальянское правительство поддерживало арабские освободительные движения. Показательным стало «алжирское дело»: во время войны за независимость Алжира Франция ввела на территорию государства свои войска, якобы для борьбы с «терроризмом». Италия же предоставила убежище лидеру алжирского правительства Ферхату Аббасу и другим видным политическим деятелям. В то же время *ENI* предложила Алжиру помощь в вопросах добычи нефти и газа. Чтобы сохранить контроль над ситуацией и получить доступ к алжирским месторождениям, Франция, во время мирных переговоров с Алжиром, предложила уже себя в роли помощника.

Собственная политика Италии в Средиземном море часто противоречила политике союзников. Франция могла не придавать особого значения римско-алжирским связям. Однако противостояние с Вашингтоном выглядит куда серьезнее: отношения Италии с Египтом Насера или с Ливией Каддафи США осудили публично (как противоречащие американской политике). В этом противостоянии между итальянской политикой и американским давлением скрывается глубокий структурный разрыв между интересами двух стран: стремление Италии выстроить собственную политику в Средиземном море, принадлежность Рима к военно-политическому блоку с центром, далеким от США. Итальянское правительство не может закрыть глаза на необходимость развивать отношения с южным побережьем Средиземного моря, страны которого (начиная с Турции, Туниса и Египта) сейчас являются крупнейшими рынками сбыта итальянской продукции. Экспорт в десять стран этого региона принес Италии 28,3 млрд. евро в 2015 г. (это около 7% от общего объема экспорта). Общий экспорт в этом регионе, включая страны Персидского за-

лива и Ближний Восток, составил 45,8 млрд. евро (это 11,1% от всей суммы итальянского экспорта). Другими словами, это направление — второе по значимости после стран Евросоюза, на которые приходится 55% итальянского экспорта. Важно упомянуть, что доля итальянского экспорта в южное Средиземноморье почти равна доле экспорта в США (36,4 млрд. долларов США) и Китай (10,4 млрд. евро) вместе взятых. Атлантический взгляд на средиземноморский сценарий — более холодный и отстраненный, он сформирован желанием сосредоточить в своих руках энергетические ресурсы и стратегические точки, позволяющие контролировать политику, экономику и военную мощь и Средиземноморья, и Ближнего Востока. Здесь кроется глубокое различие в подходе: пока США продвигают свой «силовой» метод решения проблем, Италия больше склоняется к совместной работе, это помогает выстроить уважительные отношения с арабскими странами и позволяет решать многие сложные проблемы. Например, денежная компенсация, которую получил Каддафи за ущерб, нанесенный Ливии итальянской колонизацией. Этот жест выглядит еще более значительным на фоне бездействия Франции и Англии, которые не спешат критически пересматривать свое колониальное прошлое и тем более признавать свои преступления, совершенные в ходе подавления движений за независимость.

Глядя на существующее положение дел, можно сделать вывод, что в будущем разрыв между интересами Америки и Италии в Средиземном море будет только увеличиваться. Ключевым фактором, настоящим водоразделом, здесь выступает военное вторжение в Ливию в 2011 году. Италия тогда оказалась невольным союзником в войне. Но тогда Италия не имела ни малейшего понятия, против государства, с которым Рим только что подписал соглашение о дружбе, ставшее итогом многолетних переговоров. Однако эта война отнюдь не положила конец разногласиям: Ливия остается опасной проблемой для США, само ее существование ведет к негативным и даже драматическим последствиям для Вашингтона (как в случае с убийством американского консула Криса Стивенса

11 сентября 2012 г. в ходе нападения ливийской полиции на американское посольство в Бенгази). Разрядить обстановку им поможет только полное уничтожение противника — то есть Ливии. Италия же, как и другие европейские страны, страдает от уничтожения Ливийского государства: это приведет к новым волнам миграции и потере экономически выгодного партнера.

Похожим образом Италия уже пострадала от политики США в Сирии и Иране. Она была лучшим торговым партнером Сирии, пока западные государства и правительство Асада не поддержали восстание и гражданскую войну с Дамаском, чтобы получить контроль над регионом и ослабить влияние России и Ирана. В то же время Италия выстроила прекрасные экономические отношения с Тегераном и была одной из последних европейских стран, присоединившихся к американским санкциям против Ирана. Однако для американских и британских компаний отмена санкций была бы возможностью вернуться в иранский энергетический сектор и конкурировать там с итальянскими компаниями. Европу также беспокоит усиление терроризма: атак уже подверглись несколько стран. США и НАТО в Ливии, как и в Сирии, прямо или косвенно поддержали ополченцев, внешне демонстрировавших либеральные взгляды, но их истинная личина открывается только сейчас. Свидетельством этих трагических событий стала личность манчестерского нападавшего, выходца из «ливийской группы», ранее получавшей поддержку Лондона, чтобы свергнуть Каддафи. Но теперь деятельность этой группы обернулась против самих англичан. Этот вопрос касается не только каких-то далеких стран — ваххабитский экстремизм серьезно угрожает безопасности европейских городов. Этому способствует и возвращение на родину европейских военных, и влияние, которое оказывает эта идеология на определенных представителей европейской молодежи, особенно арабского происхождения.

В последнее время в европейских СМИ появилась общая тенденция рассматривать корни разногласий между США и Европой в выборе нынешней администрации Дональда Трампа. Однако это го-

раздо более давний процесс, оказывавший влияние на все президентство Барака Обамы. Президент Европейской комиссии Жан Клод Юнкер недавно заявил: «В течение последних десяти лет видно, что наши американские партнеры считают, будто бы на них слишком давит вес их богатых европейских союзников. У нас нет выбора, кроме как защищать наши собственные интересы на Ближнем Востоке, сохранять здоровый политический климат и торговые соглашения». Юнкер осмелился призвать европейцев преодолеть «натовские различия», содействовать большей политической и военной автономии Европейского Союза в макрорегионе MENA (Middle-East North-Africa).

Сейчас многие итальянские политики и экономисты с возрастающим интересом следят за деятельностью России в процессах на Средиземном море, видят в ее присутствии там гарант политической стабильности столь важного для Италии региона. Россия — это сила, которая может выступить в качестве противовеса США. Похожая ситуация была в начале XX века, тогда итальянское правительство считало, что владычество России в Средиземноморье предпочтительнее главенства Англии в этом регионе. Политика Москвы оценивается как ведущая к стабилизации международных отношений. Пока еще немногие готовы это признать, но из Москвы хорошо видно, что действия России в этом конфликте направлены на сохранение государственных структур и борьбу с терроризмом в Сирии. Наконец, весьма ценен разносторонний опыт России в достижении согласия с разными государствами, будь то Иран, Египет или Израиль. Средиземноморье всегда было местом встречи и культурного обмена, даже в XXI веке Италия — это мостик, соеди-

няющий западный мир и Европу, Африку и Восток, ислам и Евразию.

Андреа Картени, Джордано Мерликко
(исследовательский центр CEMAS — *Cooperazione con l'Eurasia, il Mediterraneo e l'Africa Sub-sahariana, Рим, Университет Сапиенца*).

Список использованной литературы:

- Abulafia D., *The great sea. A human history of the Mediterranean*, Oxford 2013
- Biagini A. — Motta G. (a cura di), *Il sistema Mediterraneo: radici storiche e culturali, specificità nazionali. Progetto strategico*, Consiglio Nazionale delle Ricerche — Comitato nazionale per le scienze storiche filosofiche e filologiche, Roma 1995
- Braudel F. (a cura di), *La Méditerranée. L'espace et l'histoire*, Paris 1985
- Braudel F. (a cura di), *La Méditerranée. Les hommes et l'heritage*, Paris 1986
- Braudel F., *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*, Paris 1949
- Canfora L., *Mediterraneo, una storia di conflitti. Della difficile unificazione politica del mare nostrum in età classica (e oggi?)*, Roma, 2016
- Chabod F., *Storia della politica estera italiana dal 1870 al 1896*, Roma-Bari 1951
- Cont S.,: *"Gé-Politiké". Manuale di introduzione alla analisi geopolitica*, Roma 2016
- Matvejevic, P., *Mediteranski brevijar*, Zagreb 1987
- Motta G. (a cura di), *I turchi, il Mediterraneo e l'Europa*, Milano 1998
- Perrone N., *Enrico Mattei*, Bologna 2001
- Rodogno D.,: *Il nuovo ordine mediterraneo: le politiche di occupazione dell'Italia fascista in Europa, 1940-1943*, Torino 2003

Перевод Яны Богдановой

© Андреа Картени, Джордано Мерликко
© Перевод Яны Богдановой

Реформа государственной административной системы и политический строй Италии (2014–2016)

Даниель ПОММЬЕ ВИНЧЕЛЛИ

Истоки административной реформы

Начиная с предвыборной кампании (на первом этапе выборов в секретариат Демократической партии, проводившихся в декабре 2013 года), мэр Флоренции — кандидат Матто Ренци — уделил особое внимание теме реформ государственной административной системы. Уже в то время, в своих выступлениях он указывает

Таким образом, можно утверждать, что тема реформы управления в будущем станет центральной проблемой любого правительства. Вместе с тем, со стороны работников управленческого звена (в первую очередь, среди тех из них, кто принадлежит к так называемой «первой» категории) почти неизбежно следует ожидать целенаправленного противодействия данным мероприятиям.

на необходимость радикального упрощения административного механизма. Целей реформы, согласно предложению Ренци, главным образом, две: 1) административная система должна стать проще, чтобы способствовать привлечению инвестиций и восстановить уровень занятости; 2) административные решения должны быть более точными и прозрачными, так же как и использование государственных ресурсов, и всё это должно поддерживаться инновационными технологиями. Вот что писал об этом Маттео Ренци (тогда ещё будущий генеральный секретарь Демократической партии):

«Италия должна открыть для себя понятие простоты. Повсюду: в налоговой системе, которая мало понятна даже её служащим; в системе администрирования, ориентироваться в которой становится невозможно, даже самым хитроумным кабинетным начальни-

кам; в нормативной системе, которая занимается такого рода законодательным производством, которое приводит к переполненным залам суда, куда то и дело приходят обжаловать решения. Простота, ясность, прозрачность. Это понятия, которыми злоупотребляют во время дебатов, но мало пользуются на практике. Цифровая революция и доступ к интернет-сети могут стать частью решения лишь при условии, что ход мысли государственных управляющих тоже изменит-

ся. Выставите онлайн все расходы государства и всех местных администраций, что позволит общественному мнению постоянно держать их под контролем.

Но, чтобы нам поверили, стоит начать с самих себя. С наших мэрий, наших администраций <...> Исходя из предпосылки, что государство проявляя заботу о своих гражданах, уважительно относится ко времени, затрачиваемому ими (например, не требуя дублировать документ, который уже имеется в ведении какого-то другого государственного органа). И создавая предпосылки для инвестиций иностранных компаний в Италию, потому что сегодняшняя неразбериха в нормативных актах, в бюрократическом аппарате, налоговой системе и эпически долго выносимые решения правосудия составляют первое препятствие для создания новых рабочих мест».

Выборы Ренци в секретари партии с явным отрывом от других кандидатов — Джузеппе Чивати и Джанни Куперло — продемонстрировали кризис исполнительной ветви власти во главе с заместителем секретаря Демократической партии Энрико Летта (занимавшего этот пост с апреля 2013 г., после переизбрания президента Республики Джорджо Наполитано). Через несколько месяцев ухудшение политических и межличностных отношений привело к разрыву с Летта, который ушёл в отставку в начале 2014 года. 22 февраля глава государства поручает Ренци сформировать новое правительство. С этой целью новоизбранный премьер-министр обращается к членам своего секретариата: так, Мария Елена Боски, которая на тот момент уже отвечала за реформы, становится министром парламентских связей и институциональных реформ; Федерика Могерини, занимавшаяся в секретариате международными отношениями, перенаправлена в Министерство иностранных дел, расположенное во дворце Фарнезина; а Марианна Мадия, ответственная за рабочий процесс и благосостояние, назначена министром «по упрощению» и главой общественной администрации.

Назначение Мадии, которая рука об руку работала с Ренци в первые месяцы обработки секре-

тариатом так называемых рабочих актов, обладает определённым политическим значением. С одной стороны, Ренци, ставя на место министра свою проверенную сотрудницу, хотел обозначить приоритеты своей политики (Мадии, к слову, 33 года), связанные с обновлением общественной администрации, куда назначаются молодые сотрудники. С другой стороны, фигура Мадии (которая в парламенте предыдущего созыва часто занималась вопросами, связанными с кратковременными контрактами, на которые берут молодых сотрудников, и незавершёнными тяжбами, открытыми по статье рабочего кодекса), безусловно, является лицом, внушающим доверие профсоюзам и всему сектору госслужащих.

Годы правления Берлускони, при котором министром общественной администрации и инноваций был Ренато Брунетта (проживавший во дворце Видони), характеризовались активным использованием со стороны политиков прозвища «лентяи» (в адрес административных служащих), что сформировало в общественном сознании отрицательный образ более чем трёх миллионов итальянских госслужащих. Брунетта оставил должность после отставки Берлускони в ноябре 2011 г. Его реформы практически полностью были направлены на реорганизацию государственной рабочей системы, а не на нужды граждан, и в значительной степени не были доведены до этапа фактической их реализации. Добавления со стороны технического специалиста Филиппо Патрони Гриффи (правительство Монти) и депутата от союза Демокристов и центристов Джампьеро Д'Алиа (правительство Летта) не придали решающего толчка реформам общественной администрации, даже по сравнению с годами правления Брунетты. Ожидания же, однако, велики, как и среди общественности, так и в госсекторе: от деятельности Ренци и Мадии ждут результатов. В программной речи на получение вотума доверия от палаты депутатов Ренци вернулся к теме государственного администрирования. Рядом с уже известными аргументами о прозрачности решений и введении инновационных технологий, появляется также тема реформы госуправления: «Страна не должна бояться — я подчёркиваю — по-новому строить отношения с системой государственной

администрации. ...Другими словами, я полагаю, что настал момент громко заявить, что сильная политика заключается в том, чтобы чётко определить роль управляющего в конкретных временных рамках, при том, что — располагая такими правами — этот служащий не может бессрочно занимать какую бы то ни было государственную должность и (вне зависимости от политической конъюнктуры) обладать прерогативой несменяемости. ...Кроме того, нам необходимо найти в себе смелость выставлять в Интернете на всеобщее обозрение информацию о том, на что потрачен каждый цент из государственного бюджета, — таким образом, чтобы абсолютно каждый гражданин Италии смог бы иметь об этом ясное представление. Таким образом мы сможем создать прорыв в отношениях между населением и государственной администрацией, так что любой гражданин сможет в любое время проверить любое действие, совершённое его прямым представителем во власти».

Таким образом, можно утверждать, что тема реформы управления в будущем станет центральной проблемой любого правительства. Вместе с тем, со стороны работников управленческого звена (в первую очередь, среди тех из них, кто принадлежит к так называемой «первой» категории) почти неизбежно следует ожидать целенаправленного противодействия данным мероприятиям.

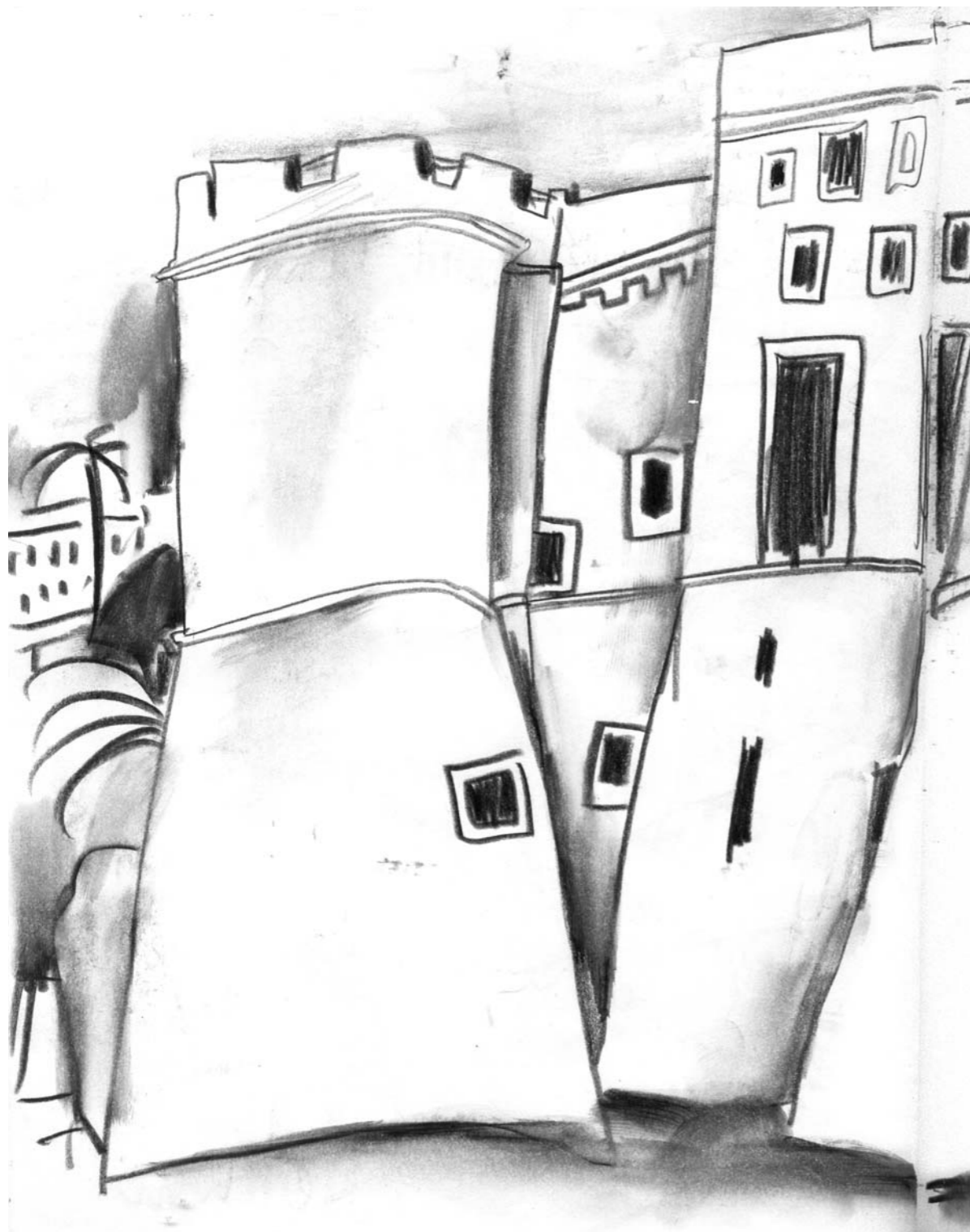
Основополагающие линии и государственная консультация

В последующие месяцы поведение правительства кажется более ясным и чётким. В начале апреля Мадия презентует основополагающие инструкции парламентским комиссиям, и 30 апреля Совет министров формулирует и оглашает главное направление реформ. В своём выступлении Мадия выделила шесть главных целей: 1) упрощение нормативных актов с особым вниманием к фазе их воплощения в жизнь в соответствии с региональными и местными соглашениями и в совокупности с крупными инвестициями для достижения прозрачности системы и создания цифрового документа с повест-

кой дня; 2) обновление поколений в государственном секторе занятости и труда и решение вопроса о наборе новых сотрудников (поскольку зачастую официальные победители конкурсов на занятие государственных должностей не были на них зачислены либо получали их на временной основе; 3) проведение радикальной реформы в секторе госуправления, с тем, чтобы единственным условием карьерного роста работника или занятия им конкретной должности обуславливалось исключительно результатами его деятельности; 4) распространение на государственный сектор законодательства о соответствии продолжительности рабочего стажа (перед выходом на пенсию) общей продолжительности жизни; 5) придание новых импульсов процессу перераспределения государственных расходов; и наконец, б) участие и поддержка со стороны Национального антикоррупционного комитета во главе с судьей-магистратом Раффаэле Кантоне.

В конце апреля 2014 г. Совет министров представляет Парламенту полный и пакет реформ, где наряду с (вышеизложенными) основными направлениями, подробно описаны ещё 44 пункта, сгруппированные по трём темам: 1) изменения начинаются благодаря усилению людей (человеческие ресурсы в госадминистрации); 2) следует урезать лишние расходы и реорганизовать администрацию; 3) сроки исполнения должны быть известны всем (реализация прозрачности осуществляемых мер). Отдельным пунктом декларируется упрощение и перевод в цифровой формат всех госуслуг. Что касается кадровых ресурсов, то принятые меры должны развиваться в русле отмены традиции передачи рабочего места по родственным связям, а также быть направлены на лимитирование размера заработной платы государственных управляющих (вплоть до отмены возможности занимать должность, лишь дожидаясь выхода на пенсию).

Второй блок предложений посвящён административной реорганизации: сокращению трат, ненужным закупкам и их рационализации, законам, применяемым к самому себе, уплотнению общественных организаций, а также (в последнюю очередь) — вопросам инновации (открытые даты, прозрачность, единый пин-код, внутренний обмен дан-

© Рисунок Валерия Сировского

ными между банками, стандартизация и упрощение бланков, связанных со строительным и экологическим сектором). Правительство экспериментирует с этой операцией, подготавливает новую возможность достижения общего соглашения. 44 пункта выставлены на обсуждение между госслужащими и гражданами, которые на адрес электронной почты rivoluzione@governo.it могут высылать свои комментарии, критические замечания и альтернативные предложения по всем или конкретным пунктам.

Эксперимент с консультированием был необходим, согласно намерениям премьер-министра и правительства, не только для преодоления (или изменения масштабов) отношений, традиционно сложившихся с организациями «среднего» уровня (такими, как профсоюзы или ассоциации по категориям), но также чтобы напрямую контактировать с социальными группами, состав которых усложняется и множится и которые пользуются новейшими технологиями — для получения информации и участия в общественных мероприятиях.

Поскольку политический курс правительства Ренци (т.е. предложенный им проект, получивший название «национального») необходимо конкретизировать в прямом диалоге с общественным мнением, чтобы он, преодолев традиционные классовые условности, оказался привлекательным и для приверженцев «умеренных», и для так называемых «исключённых» из традиционного политического представительства (т.е. молодёжь, временные работники, индивидуальные предприниматели и т.д.).

Как писала сама Мадия в ноябре 2014 г., комментируя одно из мероприятий: *«Неверно будет думать, что попытка диалога с гражданами приравнивается к желанию “перевернуть вверх дном” профсоюзные устои и отказать в признании роли традиционных форм представительства. Роль профсоюзов и других промежуточных звеньев оказывается основополагающей, а регулярно высказываемые ими критические идеи приносят ощутимую пользу».*

На адрес электронной почты rivoluzione@governo.it поступает около 40 тысяч писем, которые невозможно прочитать и обработать традиционными методами. Благодаря сотрудничеству между

Департаментом общественного функционирования президента, Советом министров и Римским университетом «La Sapienza», для чтения писем применяется технология *text mining*, которая, используя статистические алгоритмы, позволила разбирать и классифицировать полученные сообщения согласно их соответствию вопросам реформы и выраженному мнению участников. Не считая обращений, полученных, главным образом, от профсоюзных организаций (около 10 тысяч писем с обозначенной темой «Ренци, продли мой контракт»: т.е. по поводу оформления рабочих контрактов для занятых в госсфере), общий анализ личных сообщений показывает в целом положительное отношение к обозначенным 44 пунктам.

Позитивные комментарии в отношении реформ превышают соотношение 4:1 по сравнению с негативными отзывами, причём положительные оценки характеризует мнение жителей, преимущественно, центра и севера страны (в основном, по вопросам, касающимся технологических инноваций и упрощения административной системы); женщины, проживающие тоже, в основном, в центре и на севере, позитивно оценивают призыв к смене поколений на рабочих местах в госсфере и переоценку соотношения общей продолжительности жизни и требуемых лет работы.

Некоторые из рекомендаций, полученных по электронной почте, были реализованы правительством: к примеру, отказ от повторной авторизации, необходимой для объявления конкурса на замещение должности (при приеме на работу новых сотрудников), поскольку пауза между двумя авторизующими процедурами часто затягивалась настолько, что победители не попадали на выигранное ими же место, не успевая пройти вторую (обязательную до того) процедуру утверждения.

Законодательная инициатива правительства

По завершении консультационной фазы — и как раз в тот самый момент, когда правительство Ренци получило максимум голосов, — по случаю выборов

в Европарламент в июне 2014 г. правительство начинает разворачивать свою законодательную деятельность. Запускается закон-декрет 90/2014, содержащий набор наиболее срочных подготовительных мер для заключительного этапа реформы.

Закон-декрет предусматривает запрет на приём на оплачиваемые должности руководящего характера лиц, которые уже вышли на пенсию, отказ от содержания на службе персонала, чей возраст превышает пенсионный возраст, а также сокращение обязательного взноса в Торговую палату и в организацию по вопросам разрешения конфликтов с профсоюзами, оплачиваемых в Госадминистрации.

В этот контекст вписываются и другие меры по сокращению неоправданных трат, призыв к моральному подходу в реализации поставленных целей: так, в частности, под этим углом зрения было осуществлено изменение максимальной годовой заработной платы в 240 тысяч евро (без учёта налогов) для любого работника в госсекторе, ограничение использования так называемых «голубых машин», перевозящих госчиновников, и ряд других.

Кроме того, упрощаются процедуры мобильности персонала для повышения эффективности труда (речь идёт о перемене места работы и переводе в иные госучреждения — в обязательном порядке или по собственному желанию — исторически всегда затрудняемые самими же администрациями). Благодаря новым возможностям инспекционного и превентивного характера оптимизирована деятельность Национального антикоррупционного комитета (ANAC), ныне возглавляемого Раффаэле Кантоне.

В ведении ANAC находились также работы по подряду для завершения строительства Всемирной выставки ЭКСПО в Милане (прошла годом позже). Именно благодаря ЭКСПО, впоследствии был запущен «пионерский» проект для демонстрации прозрачности трат правительства, что станет существенной частью закона-декрета. На сайте «Open Exro», реализованном по инициативе журналиста Риккардо Луна (прозванного впоследствии «цифровым чемпионом» итальянского правительства), выкладываются в сеть в понятной для всех

форме все затраты и платежи, относящиеся к ЭКСПО в Милане.

Правительство и впредь предполагает работать по этой модели — с учётом международного опыта (приводя в пример британскую разработку «*wheredoesmymoneygo*») используя его применительно и к другим государственным мероприятиям, в соответствии с предписаниями для всех администраций (в том числе и местных), а именно: выставлять онлайн, в единой форме, все затратные части бюджетов. В кратчайшие сроки были реализованы и другие сайты системы Open, среди которых — сайт госадминистрации, содержащий все её траты любого назначения за каждый месяц пребывания у власти (*soldipubblici.it*) и реализованный благодаря базе данных (*Siope*), созданной Главной государственной бухгалтерией.

Операция по созданию сайтов *Open* позволила Италии подняться в следующем году в мировом рейтинге по прозрачности и борьбе с коррупцией.

Тема реформы госадминистрации не поляризует отношения между политическими силами, не противоречит ни реформистскому закону о выборах (конституционная реформа), ни закону о бюджете. Закон о стабильности 2015 г., одобренный в декабре 2014 г., содержит некоторые новые элементы, дополняющие основное содержание реформ. Таким образом, реализация на практике закона Делрио (56/2014), упразднившего многие структуры провинциальных политических представительств и сократившего их административные функции (провинциальные и городские структуры теперь отвечают за большую территорию), кроме того, пролила свет и на многие проблемы, в частности, на излишек персонала в администрациях провинций.

Правительство же, со своей стороны, во избежание увольнения персонала, работающего на государственных должностях на постоянном контракте, запускает двухгодичную процедуру по переводу госслужащих на новые рабочие места того же уровня (но в других местных организациях). Этот процесс затрагивает 20 тысяч работников госадминистраций, территориальных и государственных ведомств, школьных и университетских организа-

ций. Эта сама по себе долгая и сложная процедура касается и других приватизированных структур и уплотненных за последнее время организаций, таких как, например, Итальянский Красный крест, Государственная организация по вопросам туризма и Государственный Союз лесной полиции (которым лишь в конце 2016 года удалось распределить по рабочим местам весь свой персонал).

Чтобы не выйти за рамки выделенных на это средств, на два года блокируется приём на новые рабочие места в местные организации, хотя ранее уже были наложены ограничения и на переводы с должности на должность среди госперсонала (на 25% до 2018 года). С одной стороны, правительству удаётся предотвратить потенциально имеющий разрушительные последствия социальный конфликт с работниками и профсоюзными организациями (это был бы первый случай массового увольнения в итальянском госсекторе), но с другой — ослабляется проект преемственности поколений, который правительство уже начало продвигать в первые месяцы своей работы.

В то время на многих итальянских территориях и в основных секторах были сильные ожидания найти работу в госадминистрации. Симптоматично то, что в атмосфере этих ожиданий (позже прозванных «провокационными»), возникшей благодаря действиям губернатора региона Кампани — Винченцо Де Лука, который в ноябре 2016 г. запросил у правительства средства для принятия на работу в местные госучреждения 20 тысяч молодых работников.

Начиная ещё с 90-х годов — в местных администрациях активно практикуется принятие на работу по кратковременному контракту или проведение конкурсов, победителей которых так и не принимают на работу, в то время как другие десятки тысяч претендентов пытаются напрямую получить желанное место.

За последние годы достойных кандидатов на участие в конкурсах становится всё больше, и они выступают как организованная сила, которую через комитеты и социальные сети поддерживают политики разных направлений, делающих ставку на результаты будущих выборов.

В декабре 2016 г. такие кандидаты одерживают частичную победу — вступает в силу декрет под названием «тысяча продлений», предусматривающий ещё одно продление действия конкурсных градационных таблиц, срок которых отныне уже не ограничен временными рамками (как это было в своё время предписано декретом 101/2013). Таким образом, с 2015 года вновь откладывается исполнение проектов по возрастному обновлению работников и акцент переносится на другие моменты, указанные в законе-декрете, как-то: прозрачность данных; перевод данных в цифровой формат; упрощение и ускорение административных процедур и т. д.

Позиции парламентских групп в отношении комплекса предложенных правительством реформ, сформулированных Мадией, остаются без изменений. Иными словами, наблюдается полная поддержка со стороны большинства парламентариев, хотя и ощущается нехватка определённой расстановки акцентов в самих партиях большинства и между ними. Оппозиция в этот период также придерживается подобных позиций. Позицию правоцентристов озвучивает лидер партии «Форца Италия», бывший министр Брунетта, подчёркивая, что все позитивные предложения программы Мадии — лишь жалкое подобие реформ, разработанных (и частично введённых) его правительством; поэтому все прочие предложения вводить не имеет смысла, если это вообще не нанесёт вреда.

Политическое движение «Пять звёзд» критически относится к программам правительства Ренци. Однако в отношении предложенных реформ госадминистрации его политика отличается размытостью критериев их оценки: хотя в целом, тема госадминистрации не является центральной в программе партии Беппо Грилло, позиции его партии сильно варьируются в зависимости от содержания предлагаемых правительством мер. Так, если темы, связанные с человеческими ресурсами (конкурсы, наём на работу, сокращение корпуса полиции) подвергаются критике, то проблемы, связанные с сервисом для граждан или морализаторскими характеристиками администрации (создание единого номера для чрезвычайных ситуаций, отзыв управляющих, обвинённых в растрате бюджетных средств и т.д.),

в целом не противоречат требованиям, выдвинутым движением по тем же пунктам.

Многие предложения движения «Пять звёзд», направленные на улучшение ситуации в данном секторе реформ, были приняты правительством. В целом же как раз по данному вопросу парламентские группы (как большинства, так и оппозиционного меньшинства) более склонны к диалогу, чем в дебатах по многим другим темам.

Доказательством этому служит тот факт, что закон-декрет — центральное звено законодательной инициативы Мадии — одна из немногих системных реформ правительства, которой не потребовалось вотума доверия; реформа была принята Сенатом в первом чтении, благодаря «помощи» парламентской оппозиции, многие члены которой оставались в зале в ходе голосования, что и позволило достичь необходимого «большинства» голосов присутствующих.

Содержание реформы и перспективы

Закон-декрет приводит в действие законодательные установки так называемых «срочных мер». Другими словами, это позволяет осуществить инновации, не отяжеляя нормативную систему новыми юридическими оговорками, что существенно облегчает и упрощает их реализацию.

Как пишет начальник законодательного офиса Министра по упрощению и госадминистрации: «Мы хотим не добавить ещё один элемент мозаики, а пересмотреть её композицию в целом. Дел много, и все они важные, среди них: организация работы председателя Совета министров и министерств, периферийных администраций, иных государственных структур, компаний, получающих государственную поддержку, торговых палат, полицейских учреждений, оптимизация рабочих отношений между служащими и самого административного процесса в центре и на местах, самозащита, прозрачность действий администраций и перевод их деятельности в цифровой формат».

По широте сферы применения действия закон можно, наверное, сравнить с реформаторским

процессом девяностых годов, от которого в новую эпоху перешли некоторые темы (такие как либерализация, упрощение, уплотнение офисов на периферии), кроме того, этот процесс резко отличается от секторальных реформ последних пяти лет.

Затрагивая обширные и сложные сферы деятельности, закон активно опирается на законодательные декреты. Из его 21 статьи (кроме последних двух, содержащих гарантийные пункты об особых автономиях и государственных финансах) 13 содержат законодательные декреты (некоторые из статей «многофункциональны», т.е. опираются на целый ряд таких постановлений: например, одна из них касается административной организации, другая определяет принципы и общие директивные критерии для разных декретов, третья — регламентирует перевод из законодательной сферы в административную и т.д.).

С другой стороны, пока что разговор идёт о пересмотре уже существующих дисциплин, и почти все статьи действуют (или наделяют правительство полномочиями для действия) без ввода новых и самостоятельных нормативных связей, а обновляя и кодифицируя уже вступившие в силу законы.»

По завершении парламентских дебатов в 2016 году — открывается процедура по редактированию и одобрению законодательных декретов, приводящих в действие парламентский декрет. Процесс по декретам представляется долгим и сложным, поскольку требует вовлечения многих действующих лиц и организаций, помимо правительства и парламента.

Закон 124 содержит декреты о так называемом «цифровом гражданстве», о совокупности госуслуг, об упрощении и ускорении административного процесса, о пересмотре авторизованных процедур, о прозрачности и борьбе с коррупцией, об организации государственных и общественных представительств, о сокращении числа торговых палат, о научных государственных центрах, о сокращении числа полицейских (Государственная лесная полиция объединяется с карабинерами). Данный закон также назначает, согласно государственной процедуре, директоров медицинских госцентров по оказанию услуг населению, сокращает количество компаний,

получающих государственную субсидию, определяет принцип неразглашения информации между администрациями, определяет степень самозащиты администраций, создаёт единый текст о работе на государственных должностях.

Особого внимания заслуживает декрет о прозрачности, который вводит в итальянское законодательство подход, основанный на принципе свободы информационных актов (*Freedom of information act*), который уже действует в странах англосаксонского мира и в Северной Европе.

Благодаря этому закону при запросе на доступ к любым документам (включая государственные) со стороны граждан отменяется обязательное наличие непосредственного интереса от того, кто делает этот запрос, как это было предусмотрено законом 241/1990 об административной процедуре. Скажем, предыдущее законодательство гарантировало доступ к результатам (актам экзаменационных комиссий) проведённых государственных конкурсов лишь самим участникам этих конкурсов. А с подходом, основанным на принципе свободы информационных актов, запросить эти самые акты и получить доступ к любой конкурсной процедуре, проведённой в Италии, могут также и ассоциации или интересующиеся ими граждане (в целях учёбы или проверки).

Первая серия декретов была проведена и одобрена в период с января по июль 2016 года, вторая — начиная с лета и до конца года, в то время как сроки урегулирования единого текста о государственной службе и об административной реорганизации Государства и государственных общественных представительств заканчивались в первой половине 2017 года.

Многочисленные случаи отсутствия госслужащих на рабочих местах, о чём так активно говорилось в информационных источниках (о так называемых «хитрецах с проходными карточками»), послужили поводом ввести в единый текст предварительное уточнение. Данные меры дисциплинарного характера применяются по отношению к тем, кто на рабочем месте фальсифицирует обманным и нелегальным способом своё присутствие. Предвидится, что сотрудник, которого таким образом застали за нарушением с неопровержимыми дока-

зательствами, носящими видео- или информационный формат, моментально отстраняется от должности без дальнейшего получения заработной платы и может быть уволен в течение тридцати дней (под уголовную или государственную ответственность руководителя).

В течение 2016 года деятельность министра Мадии и департамента по общественным функциям распределяется в двух областях, которые тоже связаны с реформой, но имеют более широкую сферу приложения. Так, исходя из содержания статьи 1 закона-декрета о цифровом оформлении гражданства, вводится государственная система цифровой идентификации личности: то есть общий пин-код, который позволяет осуществлять единый доступ ко всем услугам госадминистрации.

В конце 2016 г. было роздано 900 тысяч идентификационных кодов на более чем 4 тысячам услуг. Уникальность итальянской модели, по сравнению с опытом других европейских стран, заключается в том, что эта услуга совершенно бесплатна как для самих граждан, так и для государственного бюджета.

Затраты, по крайней мере на первые два года, полностью легли на плечи частных провайдеров, которые могут делать ставку на количество клиентов, запрашивающих единый идентифицирующий пин-код.

Между тем, начиная с августа 2015 г., принимается за работу комиссар по приведению в действие цифровой повестки дня — Диего Пьячентини, который уже на тот момент являлся директором-распорядителем платформы e-commerce Amazon.

В цифровой версии повестки дня в 2015 и 2016 годах получили развитие другие проекты, как то: Государственный Загс для резидентов, где будут объединены в единой базе данных восемь тысяч местных итальянских загсов. В Италии также была обновлена международная система прозрачности, благодаря применению очень подробного плана «Open Government Partnership», по которому в Париже в декабре 2016 г. была проведена специальная встреча. Другая важная цель — это тема заключения рабочих контрактов в госсекторе. Правительство приводит в исполнение закон Брунетты

о сокращении секторов для заключения контрактов с двенадцати до четырёх.

Однако план реформы Мадии, безусловно, был ослаблен решением Конституционного суда от 9 ноября, оглашенным лишь в конце месяца. По запросу региона Венето, который оспаривает реформу о процедуре назначения директоров медицинских центров для населения, Конституционный суд не проводит далее закон-декрет в той его части, которая касается мнения регионов относительно их собственных интересов: более не идёт речи о договорённости или единодушии регионов. На практике это решение Конституционного суда (нынешним разделением компетенций), хотя его можно считать «эволюционным» по сравнению с предыдущими, — позволяет отменить принятие декрета Парламентом при несогласии всего лишь одного региона.

Кроме того, оно затрагивает также четыре других декрета: реформу об управлении, единый текст о государственной службе (а значит, и декрет об отсутствующих сотрудниках на рабочих местах), декрет о компаниях, которым государство оказывает помощь и о местных государственных услугах.

Хотя уже изданные и действующие декреты остаются в силе и правительство может внести поправки (начиная с попытки найти согласие между всеми регионами), окончание срока действия декрета приводит к фактической невозможности реализации декретов о реформе управления и о местных госуслугах. Решение Конституционного суда, оглашённое 4 декабря, было использовано премьером Ренци и министром Мадия именно для того, чтобы усилить понимание необходимости пересмотра Конституции.

В проекте конституционной реформы, окончательно одобренном правительством в апреле 2016 г., компетенции Государственного Совета регионов (во время которого запрашивается единогласное решение со стороны региональных правительств) пред-

лагается передать Сенату автономий, который сможет выносить решение по праву большинства.

Итоги референдума поставили точку в данном вопросе, и вряд ли правительство Джентилони, при котором Мадия сохранила за собой место в госадминистрации, найдет время и политическую волю, чтобы заново представить две части реформы (у которой уже истёк срок исполнения) посредством обычных законопроектов.

И в заключение несколько рассуждений.

Бюджет реформы Госадминистрации — соответствующий. Были реализованы важные реформы, как механизм сокращения помощи компаниям, принцип «свободы государственных актов», новый совет по вопросам услуг, который должен упростить жизнь компаний, делающих инвестиции (совещания по услугам раньше перед проведением реформ длились годами). Более того, очень эффективно были проведены некоторые сложные ходы: начиная с программы мобильности 20 тысяч ожидающих госработников, выполненной в очень сложных с нормативной точки зрения условиях, и, заканчивая достижением соглашения экономической части по контрактам со всеми конфедерационными профсоюзами. Конечно, изначально это не предусматривалось, и из-за ограничений бюджета цель «эстафеты» поколений и реформы, касающейся найма новых работников (смещено в редакцию нового единого текста) и эффекта упрощения, ещё не были в полной мере ощутимы гражданами и компаниями.

Несмотря на общее согласие, стоит подчеркнуть, что реформа госадминистрации встречает сопротивление — в первую очередь, со стороны тех, кого больше всего это затрагивает (управляющие, обладающие характеристиками и опытом, позволяющими пройти государственные конкурсы, секретари муниципалитетов, представители Государственной лесной полиции), а не среди традиционных политических сил.

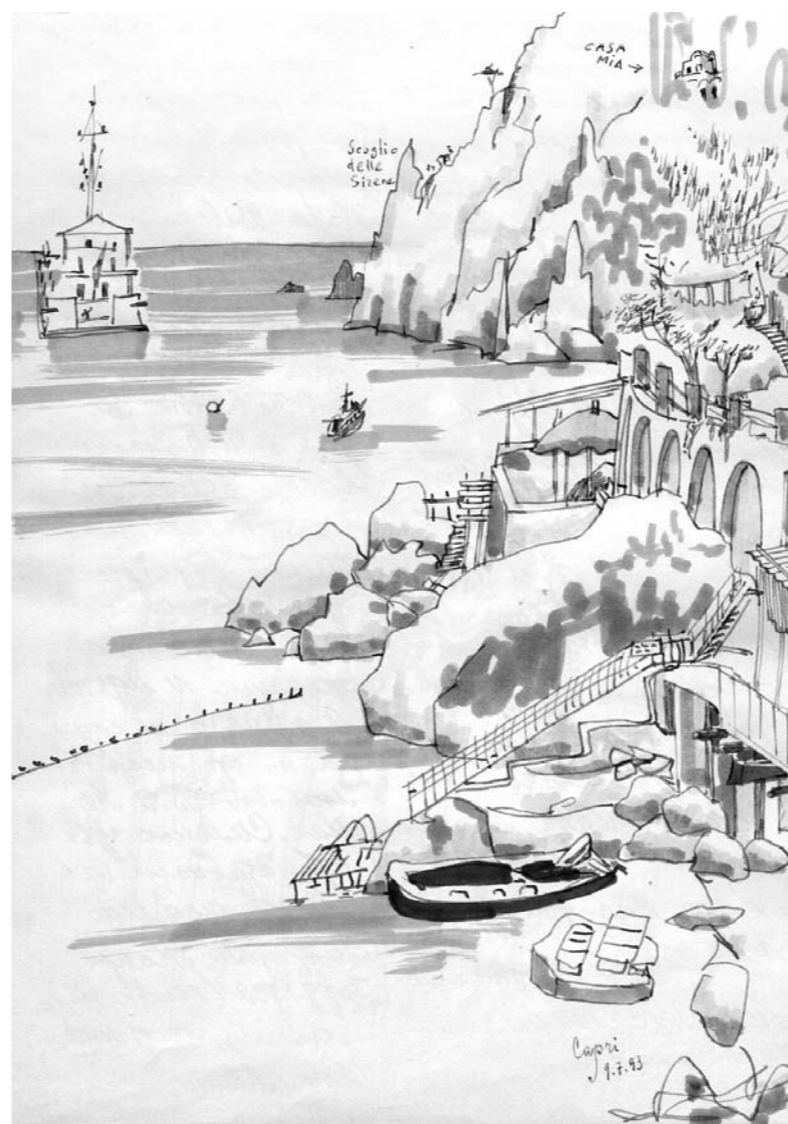
Перевод с итальянского
Элеоноры Малыхиной-Акуиланти

© Даниель Помье Винчелли
© Перевод Элеоноры Малыхиной-Акуиланти

© Рисунок Валерия Стреловского

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ. Итальянский сценарий: сила и слабость

Валентина ГРАССИ

Транснациональные миграции современности — феномен глобального масштаба, так или иначе охватывающий все континенты нашей планеты. По данным докладов ООН о международной миграции, на конец 2015 г. в мире зафиксировано около 244 млн. мигрантов, при общей численности населения почти 7,2 млрд. Причём за 15 лет, с 2000 по 2015 г., показатель глобальной миграции увеличился более чем на 40%. На Европейском континенте отмечается наибольшее присутствие иммигрантов — 76 млн. человек. Италия насчитывает 5,8 млн., что составляет около 10% от общего числа резидентов. Таким образом, даже весьма приблизительные подсчеты позволяют заключить, что

ЖИЗНЬ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, СОЦИУМ

трансграничные миграции непосредственно связаны с процессами глобализации, необратимы по своей сути, склонны к постоянному увеличению, вовлекают Италию и весь Европейский континент.

Согласно дефиниции ООН от 1998 г., «мигрантом» считается субъект, пребывающий в стране, гражданином которой он не является, не менее 12 месяцев. При комплексном изучении феномена необходимо принять во внимание социальный состав мигрантов. В этой связи будет полезна классификация, предложенная итальянским социологом Маурицио Амброзини. Автор выделяет *трудоустроенных иммигрантов*, выполняющих временную работу (преимущественно мужчин, хотя доля женщин неуклонно растёт); *сезонных иммигрантов* (или работников по контракту), ярчайшим примером служит сезонная работа в сельскохозяйственном секторе; *квалифицированных иммигрантов и предпринимателей; членов семьи и родственников*.

В особую группу входят *лица, ищущие убежище, и беженцы*. Женевская конвенция ООН от 1951 г. называет беженцами иностранных граждан, которые не могут или не желают возвращаться в страну своей гражданской принадлежности в силу «вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедования, гражданства, принадлежности к определённой социальной группе или политических убеждений». Под «лицами, ищущими убежище», обычно подразумевают тех, кто обращается с просьбой о предоставлении статуса беженца, но не всегда подпадает под дефиниции Женевской конвенции.

Порядок въезда — важный критерий оценки статуса иммигрантов и их классификации. Амброзини выделяет: 1) *иммигрантов на нелегальном положении*, а именно лиц, которые въехали законным порядком, но по истечении срока регистрации остались на нелегальном положении; 2) собственно *нелегалов*, въехавших противоза-

конно, в том числе *жертв нелегальной переправки людей*, в основном женщин, которых обманым путем вынудили пересечь границу и заниматься проституцией.

К первым двум категориям добавим *мигрантов во втором поколении*, то есть детей иммигрантов, рождённых на территории принимающей страны либо рождённых в стране гражданской принадлежности и воссоединившихся с семьёй, а также *мигрантов-возвращенцев* — людей, которые провели большую часть жизни за границей и приняли решение вернуться на родину.

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА. ГРАЖДАНСТВО И ИНТЕГРАЦИЯ.

В эпоху глобализации международная миграция неразрывно связана с вопросами безопасности. На протяжении многих лет в медиа-пространстве Италии, и не только, присутствует семантическая связь понятий: иммиграция — преступность, ведущая к извращённому представлению об этом феномене, особенно в городской среде. Действия, направленные на интеграцию мигрантов в итальянское общество, с большим или меньшим успехом ломают стереотип «образа врага». Сюда относятся, во-первых, *меры по регулированию и контролю миграционных потоков* и, во-вторых, собственно миграционная политика властей, в компетенцию которых входят животрепещущие вопросы предоставления гражданства и социальной интеграции мигрантов.

Отметим, что *меры регулирования и контроля* невозможно рассматривать в отрыве от исторического и социокультурного контекста, поскольку сам статус «нелегального иммигранта» — общественно-политическая конструкция, меняющаяся во времени и пространстве. Задачи, которые преследует миграционная политика так называемых развитых стран, нередко контрастируют с достигнутыми результатами, что вызывает недовольство коренного населения. Проблема обрета-

ет такую остроту и неотложность, что от ее решения зависит расстановка политических сил в самих европейских странах.

Регулирование въезда мигрантов продиктовано стремлением ограничить потоки, «закрывать» национальные границы, противостоять тенденциям глобального рынка труда, всё более активно использующего рабочую силу мигрантов, и в то же время необходимостью соблюдать нормы международного права по предоставлению убежища. Отсюда, по выражению Амброзини, проистекает конфликт между «глобальной мобильностью» и «ортодоксией ограничений». Ярчайшее доказательство тому — регулярные попытки принять нормативные акты о легализации, так называемые «санатории» — меры, направленные на легализацию незаконных мигрантов. Италия прибегает к практике «санаторий», чтобы нивелировать разрыв между институциональными новшествами и реальной ситуацией. Пресловутые декреты о «флюсах», которыми государство ежегодно определяет количество иммигрантов, получающих возможность въехать в Италию для легального трудоустройства (последний был опубликован в *Gazzetta Ufficiale, Официальная газета*, 13 марта 2017 г.), — не что иное, как замаскированные «санатории». Итальянская реальность такова, что нелегальной фазы не удаётся избежать почти никому из иммигрантов, многие из них вынуждены уходить на нелегальное положение по нескольку раз за время своего пребывания в стране, и такая практика уже стала нормой.

Противоречия миграционной политики в Италии очевидны. Привлекательность теневого рынка труда, дешёвой иностранной рабочей силы, в сущности, сводят на нет любые попытки регулирования в этой сфере.

Пути социальной интеграции приезжих, различные в каждой конкретной стране, укладываются в несколько интеграционных моделей и имеют непосредственное отношение к вопросу о предоставлении *гражданства* лицам иной гражданской принадлежности. Различают три базовых критерия признания за индивидом права на получе-

ние гражданства: «право крови», «право почвы», право домицилия. «Право крови», *ius sanguinis*, — самое древнее и распространённое. Это право определяет гражданство по происхождению или кровным узам и создаёт благоприятные условия для лиц, заключающих брак (*ius connubi*). «Право почвы», *ius soli*, связывает гражданскую принадлежность человека с местом его рождения. Наконец, право предоставления гражданства на основании домицилия, *ius domicili* (от лат. *domicilium* — место пребывания), распространяется на лиц, пребывающих на территории данного государства в течение определённого периода времени.

Политико-правовые аспекты проблемы исключительно важны для формирования стратегии безопасности в миграционной сфере. Однако не меньшего внимания заслуживают и политико-культурные факторы.

Модели социальной интеграции иммигрантов многократно становились предметом изучения социальных наук. Обычно «материал» для создания таких моделей черпается из опыта иммиграционной политики стран Евросоюза и США, в наибольшей степени вовлечённых в миграционные потоки. Согласно первой модели *временной иммиграции*, представленной в основном в Германии, иммигранты рассматриваются как «гости», важный, но временный трудовой ресурс, практически или вовсе не имеющий возможности участвовать в политической и гражданской жизни страны. Как правило, эта модель не предусматривает воссоединения семей. Предполагается, что трудовой мигрант вернётся на родину, как только необходимость в его услугах отпадёт. Такое положение, по мнению исследователей, сходно с *дифференциальным исключением или сегрегацией*: оно открывает работнику доступ к рынку труда, но в то же время препятствует его участию в других не менее значимых сферах общественно-политической жизни. Гражданство, как следует из этой модели, напрямую зависит от этнической принадлежности индивида. Оно предоставляется по «праву крови» (*ius sanguinis*) и, в сущности, «заказано» представителям второ-

го и третьего поколений иммигрантов, даже если они родились и выросли на территории новой родины.

Вторая модель, известная как модель *ассимиляции*, распространена во Франции. В основе этого принципа лежит представление о светском характере республики, граждане которой несут индивидуальную ответственность перед законом и уравниваются в правах независимо от этнической принадлежности. Государство откровенно не приветствует сохранение культурной идентичности мигрантов. Свидетельством тому — запрет на ношение платка в общественных местах, акцентирование исключительной роли французского языка как символа национальной культуры. Такие меры направлены на создание единой французской народности, офранцуживание иммигрантов любой ценой. Эта модель не чинит больших препятствий для получения гражданства, которое предоставляется по «праву почвы», по праву рождения. Но и для тех, кто родился за пределами Франции, условия натурализации не обременительны. В результате складывается парадоксальная ситуация, при которой правовое регулирование вопросов гражданства сосуществует с формами маргинализации иммигрантов по этническому принципу. Подобная политика вызывает протест и недовольство. Достаточно вспомнить беспорядки в пригородах Парижа в 2005 году или трагически известные события 2015 года в редакции «Шарли Эбдо»: исполнители теракта были молоды, имели французское гражданство и... иммигрантское прошлое.

Третью модель — модель *плюрализма* или *мультикультурализма* — можно наблюдать в различных странах. В США возобладали либеральный сценарий, при котором государство, признавая культурные различия этнических сообществ, не оказывает явного предпочтения ни одному из них. Схема расового равенства *racial equality* в Великобритании, по сути дела, законодательно закрепляет мультикультурную инаковость в её специфических формах. Голландский вариант предусматривает формальное признание государством этнических меньшинств,

их институционализацию, превращение в объект прямых или косвенных форм социальной политики. Понятие гражданства, по этой модели, коррелирует с идеей мультикультурного общества, которое признаёт различные этнические группы, но в то же время сохраняет верность традициям западных демократий, основанных на концепции индивидуального, а не коллективного права. Эта модель демонстрирует наибольшую толерантность к иммигрантам и может показаться оптимальной для их интеграции. Однако и этот сценарий подвергся критике на том основании, что, признавая меньшинства, государство маргинализирует их, загоняя в «клетку» собственной культурной идентичности.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Проанализировав политический и социокультурный контекст феномена миграции в глобальном обществе, сформулируем некоторые принципы межкультурной коммуникации. Освоение этих принципов необходимо для того, чтобы научиться расценивать соседство с этническими культурами иммигрантов как фактор *общественной безопасности*.

Ни для кого не секрет, что люди больше всего боятся неизвестности и что гармоничное сосуществование культур базируется на диалоге, на позитивном взаимодействии базовых культурных элементов, приемлемом для обеих сторон.

Коммуникационный процесс предполагает обмен информацией в канале связи между двумя и более участниками и происходит в определённом социальном контексте, имеющем выражённую культурную коннотацию. Это касается не только *языка*, фундаментального элемента культуры, необходимого условия взаимопонимания, но и совокупности *норм, ценностей и поведенческих практик* — обязательных составляющих культуры.

В этой связи по-прежнему актуальна позиция Вебера, классическая в социологии, согласно которой культура — понятие относительное. Макс Вебер определяет её знаменитой формулой: «Культура есть тот конечный фрагмент лишённый смысла мировой бесконечности, который с точки зрения человека обладает смыслом и значением». Смыслы, которыми различны социальные группы наделяют свои действия, суть не что иное, как субъективная человеческая конструкция, обладающая равным достоинством с остальными. Таким образом, культура предстает продуктом социального конструирования, которое всегда находится в *начальной стадии*, в процессе непрерывного движения. Этот процесс не может быть завершен, поскольку подвержен изменениям: 1) *диахроническим*, или историческим, и 2) *синхронным* в местах сосуществования и смешения культур.

В процессе *социализации* культура становится неотъемлемой частью идентичности социальных субъектов. Как утверждает Франко Ферраротти, «культура — это система смыслов во всём многообразии привычных реакций, которые кристаллизуются в ментальных схемах и поведенческих паттернах». Идентичность можно охарактеризовать как непрерывный процесс, подверженный трансформациям на протяжении жизненного цикла своих субъектов, но сохраняющий связь со структурным ядром. В сложных условиях глобального мира культура и идентичность всё чаще подвергаются социальным трансформациям, проистекающим из *дифференциации* и *многомерности* современных процессов. Субъект обнаруживает полицентричный мир смыслов с растущими возможностями для выбора. Поэтому формирование его идентичности становится сложным многофакторным процессом. К чему ведёт осознание этой сложности? Большинство современных авторов, занимающихся социальными проблемами, единодушно утверждают, что на индивида сегодня, как никогда прежде, ложится груз *ответственности* за *флюиды* идентичности (З. Бауман). Очищение идентичности от наследия монокультурных традиций неизбежно

приводит к столкновению с традициями других, пусть даже не вполне антагонистических культур, соседствующих физически (территориально) и символически (в ходе конструирования смыслового пространства).

«Интеркультура» подразумевает признание своей инаковости. Нужно предъявлять собственную идентичность не как дефект, а как источник дополнительных возможностей, как плод разнообразных культурных традиций, не придавая какой-либо одной из них характера исключительности. Это касается прежде всего людей, которые, будучи резидентами страны, не разделяют культурных ценностей «коренного» населения. Важно, чтобы они научились видеть в инаковости культурное богатство, а не повод для стигматизации, были открыты для восприятия культуры принимающей стороны, а в перспективе — для межкультурного общения. Пример тому — культурный *бриколаж* гастрономических привычек и прочих обычаев.

В процессе межкультурного конструирования идентичности можно столкнуться, по крайней мере, с двумя основными девиациями: партикуляризмом и универсализмом. *Коммунитаризм* ориентирован на доминирование интересов одной группы и резкое, сектантское неприятие всех остальных. *Абстрактный универсализм* игнорирует культурное своеобразие как фактор социальной солидарности и социального взаимодействия.

В эпоху глобализации различие культур неразрывно связано с социальной стратификацией. Иммигранты обычно занимают нижние этажи социальной пирамиды. Их статус и общественная роль передаются по наследству и редко меняются на протяжении жизни. Случаи восходящей вертикальной социальной мобильности немногочисленны. Общество часто интерпретирует чуждые обычаи с позиций этноцентризма, воспринимая собственную культуру как эталон, как единственно верный образец для подражания. При такой установке всякий, кто не вписывается в рамки данной традиции, подвергается дискриминации. Ярчайший пример — иммигранты, исповедующие ислам (исламофобия).

Сторонники межкультурного обмена, напротив, расценивают инаковость как позитивный ресурс, приветствуют постепенный слом культурных перегородок. Межкультурная коммуникация базируется на принятии чужой точки зрения, сопереживании, эмпатии, равноправном диалоге участвующих сторон. Для этого необходимо *интеркультурное воспитание* с привлечением институтов социализации, семьи и школы. *Интеркультурная педагогика* ставит перед собой задачу развить у детей с раннего возраста нормативные, когнитивные и аффективные элементы взаимопонимания и межкультурного общения, приучить их мыслить в категориях *полиэтнизма*, позитивно оценивать чужие традиции, не пренебрегая собственным культурным достоянием.

К сказанному добавим, что особую роль в межкультурном обмене ценностями играет ещё один важный агент социализации — масс-медиа. Именно СМИ сегодня формируют в массовом сознании понятие *иностранца* и *гражданства*. Во многом благодаря СМИ возникла семантическая ассоциация *иммигранты–девиация–преступность*. Такие стереотипы препятствуют плодотворному общению людей, принадлежащих к разным культурам, рождают недоверие и страх перед гипотетическим врагом, который воспринимается как «угроза» безопасности всего общества. Стоит отметить, однако, что безопасность есть прежде всего социальное построение, продукт отношений между людьми; следовательно, задача общественных институтов в том и состоит, чтобы создавать и поддерживать ее.

ИТАЛИЯ В КОНТЕКСТЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Как показывает эмпирический анализ различных интеграционных процессов, европейские стратегии интеграции имеют много общих черт либо вовсе совпадают в области практической реализации. Что касается Средиземно-

морья, этот регион (еще недостаточно хорошо изученный) представляет собой уникальный феномен. Говоря о «культурной со-традиции», социолог Франко Ферраротти имел в виду именно Средиземное море, издавна игравшее роль пограничного пространства, моста между Востоком и Западом, Севером и Югом. В средиземноморской культурной традиции, — подчёркивает автор, — при всём многообразии государственных образований исторически преобладают межличностные отношения. Как утверждает Ферраротти, Средиземное море, омывающее берега Пиренейского полуострова, Северной Африки, Ближнего Востока, Греции, Малой Азии, издавна было местом синхронного сосуществования различных культур, культурного соседства. Вот почему мультикультурное общество, складываемое в ходе транснациональных миграций, не противоречит историческим традициям этого региона. Культурный европоцентризм доминировал на протяжении многих веков и сегодня, пребывая в глубоком кризисе, требует неотложного пересмотра. Как тут не вспомнить концепцию *цивилизации*, разработанную Фернаном Броделем в его фундаментальных исследованиях о Средиземноморье, — цивилизации универсальной, исключительно гибкой и жизнеспособной!

Идентичность, — подчёркивает Ферраротти, — есть не данность, но процесс. Это значит, что долговечность культур напрямую зависит от их способности впитывать новое. Конечно, формирование *средиземноморской идентичности* далеко не всегда происходило мирным путём, часто дело доходило, да и сейчас тоже доходит, до кровопролития. И тем не менее полезно при всяком удобном случае поразмыслить над перспективой построения многополярного мира, черты которого наметились в нынешнюю эпоху.

Италия — крупнейшая страна южноевропейского региона Средиземноморья по параметрам демографического роста и вовлечённости в миграционные потоки. Говорить о собственно «итальянской модели» интеграции пока трудно в силу двух причин: во-первых, Италия сравнительно недавно вошла в число стран, принимаю-

щих иммигрантов; во-вторых, она ещё не разработала сколько-нибудь действенную миграционную политику. До недавнего времени правовая сторона этого вопроса представлялась довольно туманной, что давало пищу разнообразным трактовкам. Вот почему сегодня, когда стал очевиден крах существующих моделей интеграции, особенно ассимилятивной модели, опыт других государств может оказаться весьма полезным для Италии.

Отметим ещё одно важное обстоятельство — активизацию *разветвлённой сети каналов* помощи иммигрантам-нелегалам, в том числе подвергшимся политико-административной легализации с опозданием. Деятельность благотворительных организаций на местах, профсоюзных и волонтерских объединений преимущественно религиозной направленности весьма многогранна. Она охватывает конкретные сферы жизни мигрантов, их социальную интеграцию на формальной и особенно неформальной основе. Воссоединение семей, рождение мигрантов во втором поколении — эти и другие проблемы ставят Италию перед необходимостью решать сложные задачи миграционной политики. В правовой плоскости большое значение имеют законы Турко — Наполитано

(40/1998) и Босси — Фини (189/2002), направленные в основном на регулирование потоков посредством «санаторий».

Таким образом, при относительной инерции гражданского общества в публичной сфере в Италии получили значительное распространение идеи социальной толерантности и взаимопомощи, чему в немалой степени способствовали идеалы *светского и католического корпоративизма*. И тем не менее, несмотря на масштабы волонтерства (по большей части неформального), многие в Италии относятся к иммиграции резко негативно, усматривая в ней фактор социальной нестабильности. Это создаёт благоприятную почву для манипулирования массовым сознанием, что особенно на руку популистам; способствует дискриминации мигрантов, де факто вводит для них ограничения в сфере трудоустройства и занятости, на рынке жилья и т.д. В итоге напрашивается горький вывод. Невзирая на ряд позитивных изменений, в Италии, как, впрочем, и в других европейских странах, степень социальной интеграции мигрантов не позволяет пока обеспечить тот уровень *общественной безопасности*, который удовлетворил бы запросам всех заинтересованных сторон.

*Перевод с итальянского
Вероники Язьковой*

© Валентина Грасси
© Перевод Вероники Язьковой

Этнические меньшинства и регионализм в Италии

В момент зарождения централизованной государственности в XIX веке Италия формируется как этнически и лингвистически единое государство, ибо, несмотря на впечатляющее количество диалектов и местных, региональных говоров, страна на своей исторической территории не насчитывает значительного количества национальных меньшинств. Самым важным исключением можно считать лишь некоторые франкоязычные общины, которые всё же были прекрасно интегрированы в структуру Савойского королевства, в официальных организациях которого

*Giuseppe Motta.
Minoranze e regionalismo in Italia*

Джузеппе МОТТА

французский язык использовался повсеместно. Другие же малые общины (как, например, албанская) были ограничены сельскими районами Юга страны и не представляли особых проблем юридического или лингвистического характера.

Проблема национальных меньшинств стала гораздо более значительной после окончания Первой мировой войны, когда Италия расширила свои собственные границы и присоединила не только исторические земли, когда-то уже принадлежавшие ей: Тренто и Триесту, но и такие обширные области как Альто Адидже и Истрия, внутри которых издавна жили значительные по количеству этнические меньшинства — немцев, словенцы и хорваты. Согласно данным переписи населения 1921 года, в Италии насчитывалось около миллиона жителей, относившихся к этническим меньшинствам — при общей численности населения в 38 миллионов человек. Для сравнения: в 1861 году «малых» народов насчитывалось лишь 300 тысяч на (30 млн коренных жителей).

Национальная мечта о возвращении исторических территорий Итальянского государства столкнулась с гораздо более запутанной реальностью и проблемой определения новых национальных границ, главным образом на востоке страны: этот вопрос был одним из самых горячо обсуждаемых во время проведения Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.) и подписания Версальского мирного договора. Проживание национальных меньшинств на территории послевоенных государств — сам по себе факт абсолютно нормальный, он касался не только одной лишь Италии, а многих других стран. В результате международная дипломатия посвятила защите прав этниче-

ских меньшинств целые пункты мирных договоров. Кроме того, в 1919–20 годах были составлены и подписаны особые трактаты об этнических меньшинствах: эта инициатива реализуется теми государствами, которым более других удалось увеличить собственную территорию, вовлекая в этот процесс многочисленные этнические малые сообщества (среди таких стран — Польша, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Румыния и Греция).

Италия же не должна была специально заниматься этим формальным аспектом и будучи государством из лагеря победителей, кроме того, ещё и прославившейся своими устойчивыми либеральными традициями, не стала подписывать отдельное соглашение по этому вопросу. И правда, результаты итальянского администрирования новых северо-восточных регионов носят весьма спокойный характер. Первые военные губернаторы этих районов обращались с местным населением из этнических меньшинств довольно мягко (так, по крайней мере, до сих пор считают яростные националисты, которые упрекали государство в излишней слабости по отношению к чужеродным народам (Мотта, 2012)).

Именно в смешанных в языковом отношении районах Истрии и Альто Адидже фашизм завоевал со временем всё больше сторонников, и всё это благодаря определённым шагам, произведшим большое впечатление и в более поздний период получившим определение «пограничного фашизма» (Каттаруцца, 2007). Особую известность получила теракт в Народном Доме — центральном месте собрания словенских организаций Триеста, — но многочисленны и другие эпизодические проявления насилия, который в первые послевоенные годы были связаны в первую очередь с непрым урегулированием новоприобретённых регионов и слабыми позициями римских органов управления, проявлявших «излишнюю слабость» к этническим мень-

© Рисунок Валерия Стреловского

ЖИЗНЬ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, СОЦИУМ

шинствам, как считали фашисты и националисты. Марш на Больцано всего лишь на несколько дней предшествует Маршу на Рим, который в 1922-м обозначил приход фашизма к власти во главе со своим «вождём» Бенито Муссолини.

Лозунги и практические решения фашистов были весьма далеки от либерализма и весьма скоро приводят к серьёзному ухудшению отношений между немецкими и славянскими этническими меньшинствами. Так, например, в Альто Адидже правительство запустило целую серию инициатив ограничительного характера, которые за несколько лет привели к полному исключению из школ немецкого языка: декрет Корбино и реформа Джентиле привели к началу искоренения немецкого языка и обучающих программ; это было записано в декрете 1925 года. В Италии появились «катакомбные» школы (Katakombenschule), с помощью которых этнические немцы, жившие в этих областях, пытались обойти запреты итальянских фашистов (Флайм-Коссетто, 2010).

Программа, принятая фашизмом в Альто Адидже, принадлежала Этторе Толомеи: она предусматривала запрет немецкого языка и перевод всех региональных топонимов на итальянский. Процесс этот был запущен самим же Толомеи, составившим «Справочник местных названий Альто Адидже», отредактированный в 1906 году (Ферранди, 1986).

Ситуация на восточной границе также не сильно отличалась: в этом районе хорватские и словенские этнические меньшинства тоже совсем скоро становятся жертвами политической дискриминации и подвергаются насильственной денационализации, которая в первую очередь затрагивает вопрос об использовании языка (здесь также итальянизмируют топонимастику) и основополагающие социальные структуры этих сообществ, а именно школу и традиционные религиозные и обучающие организации. Изначальная цель — ввести итальянский дух в новые регионы, как это преподносилось первыми послевоенными правительствами, — со временем переросла в насильственный процесс «итальянизации», который породивший немало проблем даже на международном уровне (например, в отношениях с соседней Югославией). В Альто Адид-

же, напротив, возник особый вес в контексте национал-фашистского альянса. В 1939 году возникла даже мысль прибегнуть к «опционному механизму», чтобы создать более единую этническую картину в Южном Тироле. В связи с этим жителям задавали вопрос: хотят ли они остаться в Италии или предпочитают эмигрировать в Великую Германию, сложившуюся как государство после австро-немецкого Аншлюса. Так открылась еще одна трагическая страница Второй мировой войны, и Альто Адидже переживает период «нацистского опьянения». Тогда-то и дали о себе знать многочисленные преступления, совершённые против различных этнических групп, а многие итальянцы и немцы стали вступать на службу в отряды вермахта (Бараттер, 2005).

В Истрии и Далмации, занятых итальянской армией, тоже было немало разнообразных видов насилия против хорватских и словенских этнических меньшинств, которые становились жертвами национал-фашистских репрессий. Кроме «зачисток», строится много изоляционных лагерей, куда попадают жители югославских территорий, аннексированных в 1941 году (Капогреко, 2004). Однако впоследствии и сами итальянцы тоже окажутся жертвами (это происходило, например, во время массовой резни среди фойбских пропастей (Апих, 2010)). Эта резня положила начало многолетнему исходу, затронувшему большинство населения итальянской общины в Истрии и Далмации. В период, последовавший вслед за окончанием Второй мировой войны, Италии удалось сохранить Триест, но пришлось вернуть Югославии восточные территории с проживающими на них словенскими и хорватскими этническими меньшинствами. За Италией осталась лишь пограничная территория города Бреннеро, а Альто Адидже явился предметом тяжёлой международной тяжбы, которая поначалу вроде бы разрешилась благодаря созданию специального соглашения от 5 сентября 1946 г., подписанного первыми министрами Италии и Австрии — Де Гаспери и Грубером соответственно. Данный трактат предполагал, что регион Трентино — Альто Адидже получит статус особого автономного режима и, соответственно, будет опираться на специальный устав.

Чтобы избавиться от антидемократического централизма, унаследованного от фашизма, Италия после окончания Второй мировой войны избрала путь регионализма, в некоторых случаях предполагающего более широкие режимы автономии. Специальные уставы определяли права этнически чужеродных групп (Трентино — Альто Адидже, Валле Д'Аоста и Фриули — Венеция Джулия) и даже целых островов (Сицилии и Сардинии), где во время войны были созданы Высшие комиссариаты. Основная разница между уставами — особым и стандартным — заключалась, естественно, во власти, перед данной региону (которые в некоторых случаях обладают законодательной силой и полной административной свободой), но также и в формах: некоторые акты принимались согласно конституции или же просто в соответствии с региональными законами. Однако применение трактата Де Гаспери — Грубера до сих пор вызывает полемику и недопонимание, ибо ещё во время первых переговоров (1921–1922 гг.) жители Альто-Адидже понимали отсылку к автономии как прерогативу лишь южного Тироля, т.е. провинции Больцано, тогда как правительство Рима распространяло автономные привилегии на всю область Трентино.

Вопрос этот отнюдь не маргинальный по своей сути: провинция Больцано — в большинстве своем немецкая, а целый регион Трентино — Альто Адидже сохраняет в своей структуре итальянское большинство. Переговоры между правительством Рима и Южнотирольской народной партией Volkspartei (эта народная партия представляла интересы большинства немецкого населения Южного Тироля) продолжались, и в 1960 г. этот спорный вопрос обсуждался даже в ООН. В это время в Альто Адидже возникло опасное террористическое движение, сражающееся против всего того, что представляет итальянское давление: это полиция и карабинеры, а также линии высоковольтных передач и объекты инфраструктуры.

Лишь новое определение региональной автономии и создание двух разных отдельных провинций в составе одного региона, получившего особый статус (Палермо, 2001), позволило разрешить во-

прос и примирить Австрию и Италию, которые таким образом завершили свою международную тяжбу. Это довольно долгое препирательство вокруг идеи, благодаря которой решение было найдено, метафорически было прозвано «стратегией артишока» (ибо Италия передавала Альто Адидже права автономии так медленно, как чистят артишок: листик за листиком).

Завершение формирования местного автономного режима всё же не принесло окончательного мира с немцами из Альто Адидже; в некоторых ситуациях они и сегодня продолжают демонстрировать некое отвращение к итальянским властям и символам «итальянской оккупации» как это происходило в случае создания движения Победы в Больцано после Первой мировой войны). Иногда же речь заходит о продвижении, казалось бы, канувших в Лету дискуссий по поводу переименования разных топонимов исключительно на немецкий лад.

Тем не менее на международной и европейской арене, автономистское решение, принятое в Южном Тироле, многими оценено как наиболее рациональное и «продвинутое», зачастую даже приводится в качестве модели для подражания.

На самом же деле, проблема этнических меньшинств стала невероятно актуальной после 1989 года, особенно в свете автономистских или даже сепаратистских движений некоторых стран, как-то: Испании (Каталония и страна басков), Бельгии (конфликт между фламандцами и валлонцами), Соединённого Королевства Британии (Ольстер, Шотландия и Уэльс), а также многочисленных стран Центральной Европы, где присутствие этнических меньшинств является скорее правилом, чем исключением. При таком политическом контексте Италия тоже решила распространить некоторые особые гарантии на все этнические меньшинства, проживающие на её территории, и издала закон №482 от 15 декабря 1999 г., получивший название «Нормы относительно защиты исторических и лингвистических меньшинств».

На основании данных Европейского совета 2004 г., эта реформа затронула 14 из 20 регионов и 30 из 103 провинций — и в связи с этим не может

определяться как маргинальная или относящаяся к определённым историческим случаям, которые были мною уже описаны.

Согласно этому закону Республика защищает культурное наследие итальянского языка, являющегося официальным в государстве, но при этом продвигает и «малые» языки территории. Таким образом, этот закон, опираясь на основные принципы, установленные европейскими и международными организациями, защищает албанцев, каталонцев, германские народы, греков, словенцев, хорватов, а также население, говорящее на французском, франко-провансальском, фриуланском, ладинском, окситанском и сардском языках.

В компетенцию Совета провинций входит, «выслушав заинтересованные по данному вопросу муниципалитеты и по запросу по крайней мере пятнадцати процентов граждан, вписанных в избирательные листы и являющихся резидентами территорий, входящих в компетенцию вышеуказанных муниципалитетов, или же по запросу как минимум трети муниципальных советников данных территорий», определить территориальные границы, где нужно применять защиту прав малых языковых общин. В старших группах детских садов, в начальных и средних школах использование и преподавание малых языков организовано с учётом дидактической и административной автономии. Также и в университетах регионов, которых касается этот вопрос, в рамках их автономии и стандартного распределения бюджетных средств, могут одобряться особые инициативы для облегчения проведения научных исследований и проведения мероприятий, носящих культурный и образовательный характер. Родители в момент записи ребёнка в школу должны сообщить школьной администрации о своём решении воспользоваться программами изучения малых языков данной территории. А Министерство образования обязано реализовывать эти меры посредством соответствующих декретов, продвигающего характера в области изучения языков и культурных традиций, принадлежащих к официально признанному этническому меньшинству. Закон № 482, начиная с 1999 г., позволяет выделять на реализа-

цию этих проектов до двух миллиардов лир в год. Использование малых языков позволено и в муниципальных советах, в коллегиальных органах, и в структурах администрации, в советах горных общин, советах провинций и регионов, чьи территории относятся к муниципалитетам, где данные языки официально приняты под защиту и как минимум 15 процентов населения заинтересовано в этом. Кроме того, закон предусматривает другие возможности, среди которых утверждение топонимов, соответствующих местным традициям и использованию, принятие на работу переводчиков с/на соответствующие языки, перевод официальных актов, устное и письменное использование языков в отделениях городской администрации, восстановление исторических имён и фамилий, претерпевших изменения в ходе истории, создание специальных радиопередач и соответствующих предписаний для издательских домов, печатных органов, частных радиостанций на уровне провинций и регионов, создание соответствующих институтов, в ведении которых будет находиться сохранение языковых и культурных традиций определённых народностей. Закон № 482 предусматривает широкую защиту прав, признанных исторических языковых меньшинств, которые пользуются особыми средствами, выделенными для собственных проектов.

Однако же, хотя и стоит похвалить заботу итальянского законодательства, необходимо подчеркнуть некоторые критические аспекты, являющиеся источником многочисленных сомнений о реальном эффекте принятой юридической нормы. Прежде всего именно ограниченность выделяемых денежных фондов значительно снижает возможность малых языков стать реальной интегрированной частью государственного образования. Во-вторых, проводимая политика входит в компетенцию местных организаций, и закон не предусматривает им никакой замены в случае, если они не смогут выполнять данные полномочия; также нет и никаких общих стандартов применения прав о защите в том случае, если языковая малая община затрагивает несколько регионов. Также было замечено, что в списке малых

народностей не хватает цыганского рода синти, который был дискриминирован в силу политических предрассудков, исторически проживая при этом во многих итальянских регионах. Общее суждение, которое можно вынести относительно этого закона, всё равно носит положительный характер, хотя, как это часто случается, существует очевидный риск того, что защита прав этнического меньшинства прекрасно выглядит в теории, но находит малое применение на практике.

В заключение можно подчеркнуть, что закон о языках утверждает в правах лишь исторически сложившиеся на территории Италии этнические меньшинства: многолетняя законодательная лагуна наконец-то заполнилась. Но в то же самое время эти законы не принимают во внимание так называемые «новые малые народности» — беженцев, мигрантов, которые являют собою проблему несколько иного характера.

Остаётся ряд сомнений по поводу того, смогла ли столь похвальная инициатива, каковой явился закон № 482, представить адекватное решение мультикультурализму на социальном и образовательном уровне, или же это была всего лишь упущенная возможность. И сомнение, учитывая хатическую реформаторскую деятельность последних лет, постепенно всё больше и больше перерастает в настоящее убеждение.

Перевод с итальянского
Элеоноры Малыхиной-Акуиланти

Библиография:

M. Toscano, *Storia diplomatica della questione dell'Alto Adige*, Bari 1967; D. Rusinow, *Italy's Austrian Heritage, 1919-1946*, Oxford, 1969; S. Salvi, *Le lingue tagliate. Storia delle minoranze linguistiche in Italia*, Milano, 1975; M. Ferrandi, *Ettore Tolomei: l'uomo che inventò l'Alto Adige*. Trento: Publilux, 1986; U. Corsini-D. Zaffi (a cura di), *Le minoranze tra le due guerre*, Bologna, 1994; B. Luvera, *Oltre il confine (Euregio e conflitto etnico: tra regionalismo europeo e nuovi nazionalismi in Trentino-Alto Adige)*, Bologna, 1996; Giampaolo Valdevit, (a cura di) *Foibe. Il peso del passato, Venezia Giulia 1943-1945*, Venezia, Marsilio, 1997; J. Mark-S. Ortino-F. Palermo (a cura di), *L'ordinamento speciale della provincia autonoma di Bolzano*, Bolzano 2001; E. Postl (a cura di), *Valorizzare le diversità: tutela delle minoranze ed Europa multiculturale*, Roma, 2003; Raoul Pupo, Roberto Spazzali, *Foibe*, Milano, Bruno Mondadori, 2003; C. Romeo, *Alto Adige/Sud-Tyrol XX secolo. Cent'anni e più in parole e immagini*, Bolzano 2003; R. Steininger, *South Tyrol: a minority conflict of the twentieth century*. New Brunswick, 2003; C. S. Capogreco, *I campi del Duce. L'internamento civile nell'Italia fascista (1940-1943)*, Einaudi 2004; L. Baratter, *Le Dolomiti del Terzo Reich*, Milano, Ugo Mursia Editore, 2005; G. Motta, *Le minoranze nel XX secolo. Dallo Stato nazionale all'integrazione europea*, Milano, 2006; M. Cattaruzza, *L'Italia e il confine orientale. 1866-2006*, Bologna 2007; Elio Apih, *Le foibe giuliane*, Gorizia, Leg. 2010; Letizia Flaim, Milena Cossetto, *Scuole clandestine in Bassa Atesina 1923-1939*, Bolzano, 2010. A. M. Vinci, *Sentinelle della patria. Il fascismo al confine orientale 1918-1941*, Laterza, Bari 2011; G. Motta, *The Italian Military Governorship in South Tyrol and the Rise of Fascism*, Rome 2012; Giovanni Bernardini (a cura di), *L'Accordo De Gasperi-Gruber. Una storia internazionale*, Trento, FBK PRESS, 2016.

© Giuseppe Motta
© Перевод Элеоноры Малыхиной-Акуиланти

ЕГОР ГАЙДАР В УНИВЕРСИТЕТЕ ЛА САПИЕНЦА

Университет Ла Сапиенца (официальное название: Sapienza — Università di Roma, «Сапиенца — Римский университет») — один из старейших и знаменитейших в Европе, был основан Папой Бонифацием VIII в 1303 году. В 1431 Папа Евгений IV расширил университет, в котором были созданы четыре факультета: права, медицины, философии и теологии. С середины XVII века университет стали называть La Sapienza (с лат. — «мудрость»).

Sapienza Università di Roma. University Campus.

После объединения Италии и ликвидации Папского государства в 1870 г. университет стал светским учреждением города Рима. В годы муссолиниевского режима (1935) архитектор Марчелло Пьянчентини построил университетский городок, где ныне и проходила наша конференция. У Сапиенцы высокий рейтинг, он считается лучшим университетом Италии, входит в 5 процентов лучших университетов мира. В нем учатся более 115 тысяч студентов, работают 3 тысячи ученых и преподавателей.

* * *

Фонд Сапиенца в сотрудничестве с Фондом Егора Гайдара в университетском издательстве выпустил на итальянском языке книгу Егора Гайдара «Гибель Империи». Октябрьской конференцией 2017 г., посвященной столетию русской революции, началась серия совместных конференций с участием ряда профессоров Сапиенцы, других университетов Италии, ведущих российских экспертов Фонда Гайдара и нашего журнала. В рамках долговременного сотрудничества с учеными университета мы подготовили специальный номер «Вестника Европы», посвященный Италии.

© Источник: www2.uniroma1.it/photogallery/vedi_c.php?cod=1101

Конференция «Россия и Запад. Изменения и сценарии будущего через век после Октябрьской революции».
Публикуем конспект некоторых выступлений.

ЭУДЖЕНИО ГАУДИО,
ректор университета Сапиенца

Наши отношения с российской культурой и университетами всегда были очень тесными... Мы изучаем творчество Толстого и Достоевского; вы изучаете Данте и Пиранделло, у нас звучит Чайковский и Шостакович, в России любят итальянскую музыку. Сотрудничество в космосе, промышленные, торговые, технологические связи, политическое взаимодействие, наконец, многочисленные конференции и научный обмен...

Фонд Сапиенца и Фонд Егора Гайдара договорились о кооперации в научном сотрудничестве и развитии содержательных контактов.

После распада Советского Союза Егор Гайдар был первым руководителем, премьером новой России. То было время перехода от плановой экономики к рыночной, а политически — от государственного социализма к демократии.

Гайдар придерживался последовательных либеральных взглядов, он был сторонником одновременного транзита — созданию рыночной экономики и современного демократического государства.

Его роль в истории России, возможно, оценят со временем, как в Италии — ценят роль Камилло Бенсо Кавура.

Наш симпозиум является результатом уже начавшегося сотрудничества. Сейчас повсюду проходят конференции и симпозиумы, посвященные 100-летию русской революции и огромным изменениям, произошедшим в мире в связи с этим событием. У нас будет еще не одна конференция, посвященная осмыслению и анализу столетних итогов русской революции.

Совместно мы анализируем произошедшие в Европе и мире процессы, стремимся по-новому вникнуть в природу демократии, возможности и ограничения ее транзита в современном мире.

Сегодня крайне важно и актуально обсуждать международное право, сложившийся миропорядок, отношения между ЕС, Россией и вообще Западом.

Симптоматично, что в юбилей революции здесь представлена книга Гайдара «Гибель Империи», подводящая черту под столетним периодом российской истории.

Гайдар показывает причины этого краха: потеря легитимности власти, экономический кризис, отсутствие необходимых реформ, неспособность правящей элиты отвечать вызовам времени. Вот что привело к краху империи.

Началась новая эпоха, которая сегодня требует особого внимания к международному сотрудничеству, отношениям России и Запада, взаимодействию с Китаем, Индией, мусульманским миром.

АНТОНЕЛЛО ФОЛКО БЬАДЖИНИ,
Президент Фонда Сапиенца

Для нас большая честь — издание книги Егора Гайдара на итальянском языке в издательстве университета Ла Сапиенца.

На нашей конференции мы вспоминаем об Октябрьской революции 1917 года в России и анализируем события столетней давности.

Внезапный крах царской России в конце Первой мировой войны — и столь же неожиданный конец Советского Союза в конце XX века...

Эта рифмовка заставляет задуматься; можно попытаться провести параллели, но ситуация в мире в 1990-е годы была совсем иная, чем в начале века. Тогда долгая мировая война истощила силы всей Европы. К концу XX века, напротив, европейская идея набирала силы, большую притягательность получал Европейский Союз, страны Центральной и Восточной Европы стремились вернуться в семью европейских народов, что и предопределило развитие незабываемых событий 1989–1992 годов прошлого века.

Я надеюсь, что современному состоянию мира, взгляду в будущее будет уделено особое внимание.

Думаю, что люди, которые работают и реализуют себя в сфере науки и культуры, их про-

фессиональные экспертные сообщества должны иметь возможность воздействовать на политические решения в своих странах и на мировую повестку посредством дискуссий, обсуждений, постановки проблем.

По мнению многих из нас, итальянцев, политическое развитие в Европе имело немало ошибок. Говоря об отношениях с Россией, необходимо учитывать, что каждая фаза этих отношений всегда имела проблемы, однако процесс взаимодействия, взаимовлияния, культурных, научных и торговых контактов не прекращался.

Я уверен, что все наши встречи и дискуссии принесут свои плоды в деле взаимопонимания и установления доверия между интеллектуалами всей Европы.

БОРИС МИНЦ,
председатель Управляющего совета
Фонда Егора Гайдара

Исторический период грандиозных трансформаций в мире и в Европе начался в процессе и в результате Первой мировой войны. Шел распад европейских вековых империй — Австро-Венгерской, Германской, Российской, который продолжился в 30–50-е годы после Второй мировой войны распадом Британской империи, созданием многих новых государств, освобождением Африки и стран Азии. Параллельно шли и интеграционные процессы — создание Европейского Союза, НАТО, в советском лагере — организации Варшавского договора...

В конце XX века, в 1990-е, после падения Берлинской стены, произошел распад Варшавского договора и следом Советского Союза, Югославии. Потом в девяностые и двухтысячные годы шло активное расширение ЕС и НАТО.

Сейчас, возможно, идет новый этап европейской трансформации — Брексит, сепаратизм, евроскептицизм, волнения в Каталонии, в других странах. К этому следует относиться аналитически. Происходит то или иное волеизъявление народа,

вызванное множеством причин, но мы должны понимать векторы европейского движения.

Гайдар предвидел многое, заглянул далеко в будущее и многое из того, что понимал и видел, описал в своей книге «Гибель Империи», выход которой на итальянском языке мы сейчас приветствуем. Егору Тимуровичу удалось высветить системные факторы, ведущие к экономической и социальной деструкции обществ, в зависимости от действий их правящих элит.

Гайдар показал это на примере подробного анализа распада одной из могущественных стран конца XX века.

ПЕТР ГАЙДАР,
член Управляющего совета
Фонда Егора Гайдара

Несколько слов о том, почему мой отец написал эту книгу и об истории ее создания. Это книга не о том, как он проводил реформы; это книга — о предшествующем периоде, о том, как Советский Союз сползал к полному краху. Последняя страница книги — начало его работы в правительстве — о причинах той ситуации, когда Союз рухнул. И он предупреждал, что рано или поздно у людей начнется постимперская ностальгия.

В начале двухтысячных начались разговоры, переживания и сожаления об утерянном времени, о счастливой жизни в Советском Союзе. Люди стали сетовать о распаде империи, и поднялась волна — не без усилий СМИ, телевидения, которое «ловило» эту волну в погоне за рейтингами и не без одобрения власти. Градус постимперских настроений начинал стабильно расти, и его фиксировали социологи. Это было опасное явление, вовремя не проанализированное и не отрефлексированное; и мой отец, Егор Тимурович Гайдар, счел необходимым написать свою книгу, дать анализ причин распада Советского Союза.

Он ставил задачу, даже не вполне научную, а скорее научно-популярную, публицистическую, предлагая объяснение широкому читателю.

ИРИНА БУЙЛОВА,
Исполнительный директор
Фонда Егора Гайдара

Одна из главных задач Фонда Егора Гайдара — способствовать тому, чтобы в России и других странах мира читали его книги, поэтому мы уже девятый год развиваем широкую международную издательскую программу.

С нашим участием в России издано собрание сочинений Е.Т. Гайдара в 15 томах, регулярно переиздаются и пользуются большим спросом его основные произведения: «Государство и эволюция», «Долгое время», особенно популярна его книга «Гибель Империи», итальянское издание которой мы здесь представляем.

С участием нашего Фонда «Гибель Империи» издана в США, Словении, Китае, Финляндии, Польше, Германии. Теперь вот выходит в Италии в престижном университетском издательстве «Сапиенца», готовится издание и в Греции. Параллельно вот уже несколько лет мы проводим международные конференции в странах, которые вместе с нами издают эти книги, готовим специальные выпуски «Вестника Европы» — журнала, в возобновлении и жизни которого активно участвовал Егор Гайдар. Сейчас мы готовим специальный номер «Вестника Европы», целиком посвященный Италии.

ГАБРИЭЛЕ НАТАЛИЦИА,
преподаватель университета,
научный сотрудник исследовательского
центра CEMAS

Книга Егора Гайдара навела меня на две мысли. Это междисциплинарный труд, прежде всего экономический, но и политологический, и, конечно, исторический.

На Западе никто, никакие аналитики не смогли предвидеть такую внезапную гибель Советского Союза. В 1980-е годы в политической аналитике отсутствуют даже следы понимания того, что могло произойти. Несмотря на неудачи в Афганской во-

йне и европейские события 1989 года, все считали, что СССР в обозримой перспективе сохранится.

Многие политологи и сегодня выражают удивление «столь быстрым и странным распадом Советского Союза».

Егор Гайдар анализирует ошибочные представления американских советологов; на страницах его книги видно, как лишь немногие участники «верхнего эшелона» советской власти понимали суть происходящих событий и еще меньше: что может произойти; он приводит немало уникальных цитат, извлеченных из новейших правительственных архивов. Для политолога мысли автора исключительно интересны. Научный инструментарий, которым пользуется Гайдар, позволяет ему дать определение СССР как империи. Автор считает, что именно имперская судьба и постигла Советский Союз, эту последнюю империю XX века.

Гайдар пытается сопоставить это с тем, что произошло с другими империями, он вводит специальный термин «территориально-интегрированная империя». Поэтому, рассказывая об Османской, Австро-Венгерской империях, ему удается провести удачные сопоставления. Автор обращается к давним историческим событиям, таким, как подъем и падение Испанской империи после открытия Америки. На цифрах и графиках он показывает, когда и почему СССР начал испытывать затруднения; как увеличение поставок за рубеж нефти и газа привело к еще большей зависимости и неутешительным результатам.

Гайдар видит расширение любой империи как проблему. В прошлом империи стремились расширяться и полностью контролировать жизнь населения на все больших территориях; рассматривая их население как рабочую силу, рынок сбыта, налогоплательщиков, но прежде всего — как рекрутов.

Гайдар подчеркивает, что в 1980-е годы советская элита уже видела последствия и понимала, что удержать статус-кво, сохранить СССР крайне сложно, ресурсы уходили на периферию, аналогично тому, что произошло во Франции в 1960-е годы.

В СССР последствия были еще более масштабными, позволившими уничтожить страну. Гайдар анализирует эти последствия для жизни советского гражданина в конце 1970-х: идеологический проект «строительства коммунизма», по существу, уже умер, утратил привлекательность, он даже не принимался во внимание, он был уже вне времени: шла третья волна демократизации. Егор Гайдар анализирует и культурологические аспекты этого грандиозного распада идеологического конструкта.

ПОМЕР ВИНЧЕЛЛИ,
профессор

Я прочел эту книгу раньше, изданную на английском. Читая ее, восхищался богатством ее содержания и вспоминал известную книгу Збигнева Бжезинского (там есть глава о проблемах Советского Союза). Она созвучна идеям Гайдара. Анализ Гайдара перекликается с анализом в книге Бжезинского, написанной на 30 лет раньше. Но Гайдар подходит к проблеме как экономист, анализирует уже наступившие события и происшедшие процессы, говорит о конкретных факторах краха.

Во-первых, удручающее состояние сельского хозяйства; во-вторых, недостаток продовольствия со времен Хрущева и далее — все большая зависимость от импорта продовольствия и товаров.

Третий фактор — зависимость от экспорта нефтепродуктов и цен на них. Когда цены фатально упали, наступил конец. Но у Гайдара есть очень важный политологический и социологический анализ поведения советского руководства, его реакции на проблемы на всем протяжении кризиса. Промышленность уже постиндустриальная, а сельскохозяйственная отрасль доиндустриальная и немотивированная. Несоответствие руководства СССР задачам, неспособность отвечать на новые вызовы. Бжезинский еще в 70-е говорил, что СССР, может быть, будет иметь отдельные успехи (например, в космосе), но успехи в развитии технологий зависят от жесткости системы;

политика не может серьезно влиять на развитие экономики.

Производит впечатление обширнейший материал, привлеченный для анализа. и потрясающая способность автора к анализу и синтезу.

Я веду университетский курс по истории Евразии. Мы много говорим об идентичности, самобытности; у нас в Средиземноморье эта сложная тема требует не только исторических знаний, но и способностей анализа культурных явлений.

Гайдар обладал множеством навыков, которые позволили ему системно охватить воедино целый ряд факторов. Многонациональных империй было много; он предложил определение, чтобы дифференцировать становление Российской империи по сравнению с другими. Это позволило выявить ряд важных различий, не только из концепта сопоставления.

Для России, которая колонизирует «сама себя», пробуждение национального сознания народов, проживающих на ее территории, связано с эволюцией идеологий, идеями. И все это встречаем в книге Егора Гайдара.

ВИДЖИНИ,
профессор Университета

Россия и Европа после революции

Первая мировая война и русская революция сказались на умах интеллектуалов и интеллигенции в Европе и в частности, в Италии.

Повсюду шло пробуждение идентичности, самоидентичности в эпоху постидеологии. Внимание к идентичности, самобытности является знаком современности.

Постимперский синдром — проекция роли гегемона в современном мире, которым был Советский Союз в эпоху холодной войны.

Историки подчеркивают, что современные формы радикального национализма обращаются к прошлому, чтобы оправдать сегодняшние и внешне действия.

АНДРЕА ДЖИАННОТТИ (ANDREA GIANNOTTI),
автор перевода книги «Гибель Империи»

Работа была сложная и интересная. Это уникальная книга ученого, который активно участвовал в историческом процессе.

Егор Гайдар критически относился ко многому в опыте Советского Союза, который он хорошо изучил. Он предвидел элементы критики: он был гражданином СССР, был русским человеком и частью этой идентичности, которую трудно понять западному научному сообществу.

Империя, о которой говорится в книге, «территориально-интегрированная империя» — это очень сложное понятие. Западный человек исходит из своего опыта; для него Россия изначально представляет определенный образ.

Эта книга, написанная изнутри, помогает понять сущность российского опыта и мышления по сравнению с другими колониальными империями.

Веками шла интеграция. Русификация. И Россия сама изменялась и изменяла себя. В этом смысле она стала империей, которая продолжает существовать.

Это далеко не только учебник; это тема для размышления, чтобы понять Россию и преодолеть непонимание.

ДЖУЗЕППЕ МОТТА

Революция 1917 года и евреи в России

Проблемы в отношениях евреев и русских ощущались и отмечались давно; это связано с мифом об «особом влиянии» евреев на события русской революции. Но до 1914 года (об этом писали Розанов, Милуков, потом Бабель и многие современники) в России антисемитизм совпадал с антиконституционализмом. Борьба за права евреев и либералов совпадали. Достаточно жесткие условия проживания евреев в России изменились благодаря решениям Временного правительства, и зарубежные наблюдатели сразу же отметили

это... Материалы миссии Джойнта (США) показывают, как осуществлялась помощь евреям извне. Ситуация в годы Первой мировой войны была тяжелой. Ряд правовых актов правительства, касающихся выселения евреев из пограничной полосы и др. привели к кризисной ситуации для евреев: линия фронта прошла как раз по линии основных еврейских поселений. Вот почему еврейский народ встретил революцию с энтузиазмом. Повсеместным было упование на то, что революция разрешит все проблемы. Но чаяния не оправдались.

Просьбы не находили отклика. После Февральской революции возникла позитивная атмосфера. Как подчеркивал Павел Милюков, поддержка курса на улучшение положения еврейских общин была открытой со стороны новой власти. Чередой актов временного права (21 марта — 3 апреля) дискриминация упраздняется. Более 300 установлений были сочтены как дискриминационные и отменены. Это привело к оживлению надежд среди еврейского населения, прежде всего в сфере культуры. В этом контексте можно отметить создание культурных ассоциаций, партий, курсы языка.

В России же в целом воцарился хаос, который привел к трагическим последствиям. Мартовский декрет исключительно значим, но затем решение оказывалось в руках местной, в том числе и военной администрации. Сам по себе документ не мог пресечь насилия и погромов. Все это происходило после начала Первой мировой войны.

Кто-то пытался бежать из этих районов... Множество беженцев потянулись в города. Еврейская община разрушалась. Положение усугублялось спадом производства, нехваткой продовольствия: площади посевов зерна упали вдвое... Ситуация приняла трагический характер.

Повсюду усиливалось признание власти партии большевиков. Предвзятое мнение об активном участии евреев в революции, легенда о еврейском заговоре, распространенное представление о тождестве иудея и большевика — все это привело к тому, что понятия «антибольшевизм» и «антисемитизм» практически совпали...

Так впоследствии было и в Германии.

При том, что немало лидеров большевистской партии имели еврейские корни. Были исследования, доказывающие, что их доля не превышала доли других наций империи. «Деньги — это топливо войны», — говорил еще Цицерон.

ОЛЕГ БУДНИЦКИЙ,
Профессор, член Европейской академии
(Academy of Europe)

Экономика и революция

Революция случилась в стране, которая вела долгую войну и дальше вести ее уже не могла... Страна прибегала к массированным займам за рубежом. У кого могла, у всех занимала деньги. У Англии — как главного кредитора. Довоенный кредитор Франция теперь сама занимала. Было продовольствие, был хлеб, но не доставало транспорта. Не хватало 3 тысяч паровозов и 30 тысяч вагонов.

До войны Империя была должна 5 млрд., в 1917-м году — на 8 млрд. больше. Инфляция к 1917 году достигла около 200 процентов.

Для России был закрыт американский финансовый рынок из-за дискриминационной политики в отношении к евреям.

До войны Россия ничего не могла занимать в Америке, а размещала заказы на 1280 млн. долларов. В феврале Америка признала Временное правительство.

20 марта 1917-го Временное правительство уравнивает в правах все вероисповедания. Начинается бурный «русско-американский роман» в надежде, что Россия присоединится к союзу демократических наций.

Борис Александрович Бахметьев, новый посол России в Америке стремился воздействовать на общественное мнение. Он объяснял, что Временное правительство обладает реальной властью и укрепляет влияние. 26 июня он выступил в Конгрессе и Сенате. Он говорил по-английски, в стенограмме его речь много раз прерывалась аплодисментами. Он убеждал американцев, что на-

род сплотился вокруг идеалов свободы и демократии и никогда не допустит сепаратного мира с немцами...

Бахметьев совершил турне по США, выступил 26 раз. Его заявления похожи на очковитательство — но он верил в союз России и США. Восторги медленно конвертировались в реальные действия.

733 млн. долларов — важнейшие заказы МПС на закупки рельсов, паровозов и вагонов.

После Октябрьского переворота в США осталось 500 тысяч тонн оплаченных Россией товаров. И были достигнуты договоренности о кредите на 450 млн. долларов.

В Петроград перевели 125 млн. долларов, остальные деньги находились на счетах посольства России в США. Кредиты от Англии и Франции составляли менее 5 процентов в сравнении с американскими. Англия сократила кредиты в 5 раз. Италия тоже предоставила небольшой кредит.

Временное правительство пыталось, получив деньги, поддержать экономику.

Но история не знает сослагательного наклонения; целью кредитов было продолжение участия России в войне. Но стараниями большевиков Россия хотела выйти из войны «Партия выхода» делала ставку, стихийно деморализующую армию.

Пара полков могла повернуть в другую сторону — но этих полков так и не нашлось. Заключение Временное правительство мир, и оно бы удержалось у власти, но оно выбрало путь чести. Оно было верно делу союзников. Милюков заверил союзников, что Россия продолжит воевать. У Временного правительства был выбор между честью и властью. Но выиграли те, кто выбрал «похабный мир».

КАСПАРЕ НЕВОЛА (NEVOLA GASPARE),
профессор

Миф о революции

Идея социалистического строительства «нового общества» возбудила надежды во

всем мире. Но после распада СССР произошел резкий уход в прошлое на фоне глубоких преобразований в России. Идеи о социализме, о преобразовании общества, идеи свободы и равенства возможностей оказались за горизонтом капиталистического общества и либерально-демократического правления.

С другой стороны, сложно предложить какие-либо альтернативы. Озвучить новые демократические идеалы

Сегодня мы — свидетели устоявшейся демократической западной империи.

Не хочу сказать — демократии, но не хочу сказать и нечто более определенное. Современные демократии также претерпели глубокий кризис и изменили свой облик. Кризис, который сотрясает демократию, характеризуется всем известными симптомами: массовое отсутствие интереса к общественной жизни, неучастие граждан в политике во всех ее проявлениях, недоверие к институтам и формам, новые антисистемные движения, такие как «антиглобалисты», герметичные субкультуры. С другой стороны, давление обезличенной технократической бюрократии наднационального характера, еще более отчуждающего массы от политики.

Мы не можем отвести взгляд от того, что происходит: все большая дигитализация контроля, все меньше человеческого фактора.

Но почему социализм, порожденный Октябрем, потерпел крах?

В 1970-е происходил рост социального напряжения, возникали радикальные и экстремистские группы, впрочем, со временем утратившие свое влияние. Преобладающим в предшествующие годы было идеальное, позитивное видение социализма

Демократия — это постоянное переосмысление обществом самого себя. Но надо говорить и о качестве либерально-демократической системы, о том, насколько действенна наша политическая культура как на уровне элиты, так и масс. И это может быть определено лишь посредством замеров: привели наши усилия к успеху демократии или к неуспеху?.. Мы остались где-то на сере-

дине пути; реальные данные говорят о разочаровании в демократии сегодня.

«Разочарованная демократия», демократия без иллюзий — вот кто мы сегодня.

Кто же истинные победители XX века?

Забывая о прогрессивных идеях прежнего времени, демократия сегодня оказалась разочаровывающей силой...

Мы просто знаем теперь, что другие системы еще хуже.

Это столетие — символическая дата для XX века. Надо говорить не о 1917 годе, а о завершенном периоде 1917–1991.

Эта важная страница мирового опыта оказалась слишком короткой, чтобы оценить все явления на всех уровнях, отделить критические, системные причины от субъективных и случайных факторов.

Я бы хотел отметить, что столетие революции вызвало такой скромный, я бы сказал, скудный интерес со стороны исследователей, политической публицистики и масс-медиа. Это меня удивило, но, поразмыслив, я решил, что речь идет о механизме, который проявляет себя маргинально; об устранении из памяти и забвении негативного опыта, об «очистке» культурной и политической памяти.

«Негативный опыт», который мы обозначаем границами: 1917–1991; мы говорим: «это были плохие времена» и с облегчением забываем.

Опыт Советского государства, Советского Союза, опыт социализма вне современности, поэтому сегодня эта тема для нас неактуальна.

Те, кому сегодня 20–30 лет, вообще ничего не знают, плохо осведомлены о том, что такое социализм, равно как и сорокалетние, которые занимают ведущие позиции.

Опыт XX века оказался заклеямен.

Эпоха нацизма, режима, свастики, эпоха фашизма, Муссолини продолжают занимать определенное место в исторических исследованиях, да и в культуре, а вот судьба «серпа и молота» отличается от судьбы свастики.

Это явление — опустошение и забвение — стоит рефлексии и пристального изучения.

Но мы можем считать его сегодня как значимые параметры изменений.

Постулат: нынешняя демократия и режим демократии прочно связаны с тем, что мы называем «концом социализма».

Результаты демократии в мире зависят от результата заката идей Октябрьской революции. Демократия может обновиться, если отвечает на значимые вызовы современности, а за последние сорок лет этого не происходило.

Мировосприятие и идеология Маркса канули в прошлое, мифы должны питаться смыслами мира, чтобы жить...

В свое время большевикам удалось вернуть в мир веру в общие и объединяющие людей смыслы.

Надо признать, что современный европейский миф остыл, остановился в развитии. Вспомним массовый энтузиазм, успех революционного мифа... Восхищенный взгляд интеллектуала, который верил в этот миф. Я говорю, например, об Артуре Кестлере.

В 1930-е годы обращение в коммунизм было спонтанным обращением в оптимизм человека, оказавшегося в отчаянии.

Ложные повороты истории были и будут. Не все насмеялись над русской революцией; были и те, кто ею восхищался.

СЕРДЖИО БЕРТОЛИЗИ

Роль империи в истории России. Политический и экономический подходы у Гайдара

Слово «Империя» всегда означало — это огромные пространства и огромная власть.

Советское государство, вслед за Лениным, всегда рассматривало себя как *иное*, выламывающееся из обычных пониманий государства.

Гайдар не опирается на понятие «империя», а сравнивает политические системы: как они относятся к пространству и населению, которое живет в этом пространстве.

Вторая часть его книги — профессиональный экономический анализ советской системы и причин, обусловивших ее крах.

Оставим ностальгию в стороне и проведем анализ фактических данных (таблицы, графики, динамика экономического развития) — и мы увидим с 86-го по 91-й год график краха.

Гайдар пытается понять причины падения советской системы.

После Второй мировой войны появился конфликт между ресурсами и возможностью производить обыкновенные товары для жизни населения.

Россия, крупнейший производитель зерна, стала крупнейшим зерновым импортером для нужд сельского хозяйства и пропитания граждан.

Система вошла в кризис при помощи знаменитых пятилетних планов.

Когда эта система вступает в кризис, обостряются проблемы отношения между сельхозпроизводством, спросом и потреблением населения. В странах с рыночной экономикой при росте потребления и ограниченном объеме продовольственных ресурсов, тут же поднимаются цены, повышается инфляция и происходит адаптация к рынкам. При плановой системе повышение цен невозможно, цены назначаются директивно, ибо цены на продовольствие — важнейшая политическая константа. В результате система заходит в полный тупик, экономические потребности вступают в конфликт с политическим требованием стабильности цен.

Гайдар говорит о попытке реформ в 60-е годы; растущее расхождение между количественными и качественными показателями и новыми технологиями разрешить было невозможно. Гайдар считает, что экономическое невежество обусловило последствия, которые в конечном счете и привели к краху СССР.

Первое мое замечание к Гайдару.

Неразрешимая проблема — отношения между центром и окраинами.

Царь был хозяином всей Земли Русской. Это владение делегировалось неразделенностью между экономикой и политикой. Правильные прочтения проблемы, я думаю, не столько в невежестве, а в том, что в течение веков никогда не было разделения политики и экономики, сотни лет было и сохранялось единство политической и экономической власти.

Я не могу оценивать произведение Егора Гайдара, но вопрос остается: *почему* в этой стране сохраняется неразрешенность проблемы структуризации общества даже через сотни лет? Почему нет разумных отношений между центром и регионами, окраинами, почему этому нет альтернативы? Это остается неразрешимым вопросом: почему нет партии или слоя, заинтересованного в этом?

Никогда не нужно отдавать предпочтение чему-то заемному; у нас демократическая система с множеством проблем. Не нужно сравнивать, ибо нет какой-то универсальной модели, которой нужно следовать.

Но у России есть необходимость дать свои ответы вызовом своей судьбы и своей истории.

* * *

На конференции с интересными докладами выступили посол РФ при Святом Престоле Александр Авдеев, профессор ВШЭ Владимир Кантор, профессор Европейского университета (Санкт-Петербург) Дмитрий Травин, известный журналист и аналитик Андрей Колесников (фонд Карнеги), профессор Сергей Дубинин, Крассен Станчев (Болгария), главный редактор журнала «Вестник Европы» Виктор Ярошенко. Их доклады публикуются на сайте Фонда Егора Гайдара, в совместном сборнике фондов «Сапиенца — Фонда ЕГ» и в последующих номерах нашего журнала.

26 октября 2017 г. Университет Сапиенца, Рим

© «Вестник Европы»

Четыре рассказа из сборника “Не самое главное”

Паоло СОРРЕНТИНО

Публикуется с разрешения издательства «Мондадори», а также с разрешения российского издательства «Corpus».

Редакция «Вестника Европы» благодарит Етапиела Сана̀ли из «Мондадори» и Варвару Горностаеву, главного редактора издательства «Corpus», выпускающего сборник рассказов «Не самое главное» (уже вторую книгу Паоло Соррентино), за возможность этой публикации.

© 2016 Mondadori Libri, S.p.A.
© Fotografie di Jacopo Benassi

Перевод *Анны Ямпольской*

Паоло Соррентино мы знаем как кинорежиссера, однако его имя можно встретить и на обложках книг — не только связанных с фильмами, как «Великая красота», «Молодость» и «Груз Бога. Евангелие Ленни Беларди», но и существующих самостоятельно: историй о певце Тони Пагоде и сборника «Не самое главное», из которого мы публикуем четыре рассказа¹. Этот сборник — плод сотрудничества со знаменитым фотографом Якопо Беннасси, принципиальным сторонником негламурных, неретушированных снимков, борцом за «экологию изображения». Беннасси создал целую галерею ярких фотопортретов, а Соррентино придумал для каждого историю жизни: как правило, заурядной жизни заурядных людей, в которой нет подвигов и громких событий. Его герои — скучающие богачи и ресторанные певцы, заядлые картежники и инженеры-компьютерщики, мафиози и консьержки. Впрочем, и в прозе Соррентино остается прежде всего режиссером: отталкиваясь от малозначительных черт характера и жизненных обстоятельств, сосредотачиваясь на том, что никак не назовешь самым главным, балансируя на грани смеха и слез, он рисует хорошо узнаваемые, запоминающиеся образы, — коллективный портрет сегодняшней Италии. Его истории, написанные скупой, без стилистических изысков, но позволяющие увидеть каждую сцену, услышать голос каждого героя — фильмы в миниатюре, из которых складывается масштабная фреска. Полностью книга в переводе на русский язык выйдет в издательстве «Corpus» в 2018 году.

¹ Paolo Sorrentino «Gli aspetti irrilevanti», Mondadori, 2016.

Антонелла Коста

Родилась в Милане. По поводу даты рождения напускает тумана, кокетничает. Театральная актриса. Огромный опыт тихих горловых трелей. По ее словам, ловко изображает пещерных людей. Хотя никогда не слышала, как звучит голос пещерного человека. Давно, много лет собирается заняться современным искусством.

Ее подруга Маринелла Йосса делает украшения.

Это она создала кольца, украшающие пальцы Антонеллы.

Многие подозревают, что Антонеллу и Маринеллу связывает нечто большее, чем дружба. Сами они охотно подпитывают подобные слухи.

Одновременно Антонелла подпитывает слухи о том, что проводит массу времени с разными мужчинами. С молодыми парнями она веселится, дурачится, ведет себя с материнской нежностью.

Три месяца назад, раздеваясь в полумраке перед Этторе Боттой, начинающим девятнадцатилетним диджеем, она попросила мечтательно:

— А сейчас ударь меня, да посильнее!

Паренек, которому не хотелось выяснять, что конкретно от него требуется, пробормотал:

— Ой, а мне надо срочно вернуть другу диск.

Вконец растерявшись, он смылся. Так и не выяснив, что значит «сейчас» и «посильнее».

Наверное, Этторе Ботта просто хотел заняться любовью. Как джентльмен: деликатно, не торопясь.

У Антонеллы уже много лет есть жених, Джироламо, с которым она заключила договор вроде тех, что в шестидесятые заключали свободные пары.

Когда они встречаются, Джироламо непременно хочет пойти в пиццерию. Она говорит, что это ребячество.

И это правда, хотя вовсе не обязательно, что любовь к пицце — не обязательно верный признак инфантильного поведения.

Год назад, в феврале, Антонелла всерьез задумалась о самоубийстве.

Причины, которые подтолкнули ее к этой мысли, настолько сложны, что ни мне, ни вам их никогда не понять.

Антонелла, которая мастерски готовит генуэзский соус песто, живет одна в красивой маленькой квартирке, где царит ужасный беспорядок.

Абажуры из фольги, изготовленные одной художницей — любительницей минимализма, портят интерьер и усиливают ощущение беспорядка. В том числе и беспорядка в голове у хозяйки.

Одна из страшных тайн Антонеллы заключается в том, что она не умеет кататься на велосипеде. Она стыдится этого настолько, словно ее поймали на квартирной краже.

Мама умерла, когда ей едва исполнилось девять лет. Антонелла помнит только, что мама была красавицей. Отца она никогда не видела. Говорят, он был безбашенным, чем-то торговал. Нюхал кокаин.

Антонеллу вырастила тетка, Ида Петти. Она выглядела моложаво и тратила все свое время на постоянно сменявших друг друга мужчин в возрасте. Мужчин сводило с ума не ее тело или ум, а ее стильность.

Антонелла Коста

Тетка любила повторять, что в жизни стиль — это все.

Иногда, несколько разнообразя свое кредо, она заявляла, что благодаря стилю можно добиться всего.

Только повзрослев, Антонелла поняла, что стиль ровным счетом никак не помог тетке чего-нибудь добиться. Абсолютно ничего.

Значит, стиль — это не все.

Этим и объясняется пристальное внимание Антонеллы ко всему пошлому. Вплоть до мазохистической провокации, которую она совершила на конференции в Фано, посвященной польской драматургии XX века, заявив: «Театр — это пошло».

Ее все время тянет позвонить старшему брату, который живет в Сиднее и торгует вином. Но она не звонит. До сих пор не может разобраться в часовых поясах.

Позавчера Антонелла увидела, как у канализационного стока совокуплялись крысы.

Она говорит, что не боится крыс, а боится стать буржуазной.

Поэтому она никогда не нацепляет в качестве украшений английские булавки — те, которыми закрепляют пеленки, но которые тайно коллекционирует уже двадцать лет. В ее собрании преобладают булавки с крокодильчиками и черепашками.

У нее есть черно-белая фотография бабушки по маминой линии, где бабушка стоит рядом с деревянным домом... Штукатурка на доме облезла. Антонелле часто приходила в голову странная мысль, что сама она похожа не столько на бабушку, сколько на этот облезлый дом.

Перед сном она курит травку. А когда потом смотрит на луну, ей бывает грустно. Видимо, марихуана так действует.

Она никогда не сомневалась в том, что американцы высадились на Луне. Это одно из ярчайших воспоминаний ее детства. Кому же хочется, чтобы такое воспоминание обернулось обманом?!

Антонелла вечно тревожится из-за того, что однажды ей придется удалить четыре зуба мудрости. Потому что не знает, что зубы мудрости у нее так и не выросли.

Оставаясь одна, она всегда смеется над тем, что громко пугает. Это еще одна ее тайна. В кармане ее плаща, которого мы не увидим, лежит визитка китайского массажиста. Антонелла вызвала его на дом всего один раз, заплатила кучу денег. Массаж ей не понравился, но она считает, что виноват в этом не китаец, а она сама: в тот день вся жизнь казалась ей одной огромной ошибкой.

Нравятся ей татуировки или нет, она и сама не знает. Что делает ее оригинальной. Она ненавидит свою верхнюю губу и считает, что та придает ей злобный вид. По мнению Антонеллы, она совсем не такая.

Выбирая главное свойство своего характера, она бы сказала: «гостеприимная».

Мечтает познакомиться с Кармело Бене, чтобы, как она говорит, почувствовать вблизи, что такое «мощная личность».

Считает себя чрезвычайно талантливой актрисой. Но это не так.

Хотя личность у нее мощная.

Обожает сплетни, правда, на людях с раздражающим эксгибиционизмом она утверждает, что сплетников терпеть не может. Страшно удивляется, когда ей удастся кого-нибудь рассмешить, потому что всю жизнь Антонелла считала, что не наделена чувствам юмора, хотя это не так. Через неделю она умрет.

Ее кремируют. Она сама много раз говорила об этом Джироламо — с грустью и чувством неловкости после вечернего «косяка».

Однако после смерти она пожалеет о том, что выбрала кремацию.

Впрочем, она и при жизни не была уверена на сто процентов. Она говорила об этом рисуясь, а вовсе не потому, что так думала. В глубине души ей казалось, что рассуждения о кремации равносильны принципиальной антирелигиозности. Но настает день, когда жалеешь о том, что прежде был неверующим. Много лет назад ей пришла в голову гениальная мысль, развивать которую она не стала: антирелигиозность — отвратительная дочь лени и упрямства. Антирелигиозность банальна, а она всегда боялась оказаться банальной. На самом деле, у нее никогда не было подлинных убеждений. Как и у всех.

На ее веселых и бессмысленных похоронах среди других слово возьмет городской советник Луиджи Маротта и признается с неуместным чистосердечием: «Я любил ее всю жизнь, а она всю жизнь любила меня одного. Я должен был об этом сказать». В это мгновение многие тайком скосили глаза на Джироламо, который стоял как ни в чем не бывало, с горестным видом.

Лишь ночью, в тишине дома, взятого в осаду августовской жарой, Джироламо почувствует позыв к рвоте. Один раз. В это время он подумает: все знали, кроме меня.

На следующее утро, так и не сомкнув глаз, пьяный, он позвонит близкому другу и заявит буквально следующее: «Я решил поставить Антонелле оценку за прожитую жизнь. В лучшем случае — тройка с минусом».

Грустная подробность: узнав о смерти сестры, брат Антонеллы не сочтет нужным покинуть Сидней. Попивая изумительное, исключительно вкусное «Шардене», он тихо скажет жене, словно прося извинения:

— Она мне никогда не звонила.

В Сиднее часов семь вечера. Наверное, солнце еще не зашло. Легкий ветерок. Диковинные птицы. На небе белый след самолета. Солнце освещает бензозаправку. На спинке стула тонкий женский свитерок. Сосед слушает песни Тейлор Свифт. Издалека доносится ровный, не раздражающий шум газонокосилки.

На столе крошки от перченых баранок, купленных в дорогом итальянском гастрономе. Более чем достойная жизнь.

Чтобы прервать горькое, полное невысказанных сомнений молчание жены, брат Антонеллы прибавит:

— К тому же до Италии далеко.

До Италии далеко.

Аристиде Перреллае

Кто этот человек?
 Это не человек.
 Это ураган, непобедимая природная сила.

Пятидесятиметровая волна, сметающая все на своем пути. Нечто чудовищное. Потому что это не человек, а огненный шар. Пламя, окружающее метеорит. Он словно образовался вокруг метеорита, который то непредсказуемо падает на землю, то отскакивает от нее.

Речь идет об Аристиде Перрелле, которому друзья дали прозвище «Одиссей». О самом активном, динамичном и энергичном человеке на планете.

Чудовищно болтливом. Не умеющем слушать. Невоспитанном и размахивающем руками так, что хочется от него отойти. И хотя Аристиде — человек редкой доброты, так и хочется надеть на него наручники, чтобы ограничить излишнюю свободу его локтей, рук и ладоней, которыми он то и дело лупит, нередко бьет по статуэткам, безделушкам, острым углам, тарелкам с вкусной едой, невинным глазам, что вмиг слепнут и начинают болеть, и по затылкам — прежде бледным, теперь пунцовым.

Он не говорит, а орет. Вечером, отправляясь спать, он запрыгивает в постель так, словно перемахивает через забор.

Спит он три часа, при этом храпит, громко разговаривает, излагает планы на завтра, рыгает, пукает, потеет, размахивает руками и призывает бога, который мог бы его успокоить. Правда, такого бога еще не придумали.

Просыпается он в невероятном возбуждении, словно только что выиграл в лотерею. И так каждый день.

Ест он все, что попадется, включает радио и телевизор, делает гимнастику, машет гириями, готовит для всего семейства свежавыжатый сок, лично укладывает детям школьные ранцы, щиплет за задницу тестя и тещу, которые живут с ним в одном доме, ставит им подножку, а когда те падают, хохочет и не замечает, что старики обижены.

Потому что ему неизвестно значение слова «обида».

С застывшей, улыбкой, как у жареного поросенка, он кричит:

— Я пошутил!

А если его бранят за подобные идиотские шутки, он сам подставляет себе подножку, падает, ударяется головой, вытирает кровь и хохочет.

Потом обрабатывает царапину, приплясывая под звучащую по радио бодрую песенку.

И вопит:

— Классная музычка!

Если из-за помех по радио доносится только подозрительное шипение, он заявляет:

— Жизнь прекрасна!

Детей он изводит просьбами поиграть вместе. Пожалуй, это единственная семья на свете, в которой дети умоляют родителей прекратить.

Иногда жена тайком подмешивает ему успокоительное в макароны с нутом, которые он поглощает с силой водоворота.

Впрочем, успокоительное на него не действует. Аристиде задремывает минут на десять, — в это время домашние пытаются уснуть, — но потом он очухивается и ведет себя бодрее прежнего. Не человек, а праздник жизнелюбия.

Летом он выходит из дома в два часа ночи и отправляется за арбузом. Вернувшись домой, он всех будит, усаживает за кухонным столом и кормит арбузом.

Зимой, если вдруг начинается гроза, он тоже будит всех и тащит к окнам смотреть на молнии.

Увидев град, он начинает подпрыгивать на месте.

Увидев радугу, одновременно смеется и плачет.

Терпеть не может ругательств. Но с улыбкой прощает тех, кто бранится.

Аристиде представляет нескольких производителей спорттоваров. Владельцы магазинов радуются ему, как письму из налоговой или постановлению о закрытии магазина.

Самые ушлые выставляют караульных, которые извещают о его приближении. Тогда владельцы быстро запирают двери своих магазинов на ключ, вывешивают табличку «Закрыто на инвентаризацию», а сами прячутся под прилавком.

Впрочем, Аристиде готов простоять, широко улыбаясь, под дверью магазина хоть два часа. Первый, кто выглянет из-под прилавка, получит в награду его улыбку и горячее приветствие.

Обессилен, торговцы капитулируют и отпирают дверь. Чтобы избавиться от Аристиде, они заказывают огромные партии товаров, с которыми потом не знают, что делать.

Вот почему Аристиде Перрелла — человек состоятельный, а еще к тому же каждый год он получает награду как лучший представитель фабрик спорттоваров.

Награждение обычно проходит в трехзвездочном отеле в Пезаро. Забрав приз, Аристиде толкает речь минут на сорок. Остановить его способен лишь непреклонный ведущий, который, сражаясь храбро, как лев, вырывает из рук Аристиде микрофон.

Затихает Аристиде только при виде крупных животных — горилл, жирафов, слонов. Что бывает не часто. Да и то минут на двадцать.

Смутить его невозможно. Ничто не вызывает у него благоговейный трепет. Он похлопывает по плечу министров и рыночных продавцов с одинаковой улыбкой, одинаково непринужденно.

Он без усталости готов организовать розыгрыши, экскурсии, выезды на уикенд, барбекю, ужины, футбольные матчи, а также старинные забавы — игру в салочки, замри-умри-воскресни и стульчики.

Настоящее бедствие для друзей.

Скрыться от него невозможно. Он отыщет вас на краю света.

Человек широкой души, он охотно починит друзьям кран, заплатит за свет и телефон, сопроводит в больницу или за продуктами.

Главное — не приводить его на пляж. На пляже он звереет. Становится опасным, как цунами.

Он строит с детишками замки из песка, вовлекает полпляжа в игру с пластмассовыми шариками, на которых изображены знаменитые велосипедисты (эти шарики он бережно хранит с того времени, когда ему было семь лет), лезет играть в волейбол с подростками.

Может проглотить зараз дюжину вафельных рожков с мороженым «Альджида».

Он плещется в воде, обрызгивает купающихся, завлекает всех играть в водное поло, арендует катамараны и надувные лодки, просит одолжить матрасы, шлюпки, мячи.

Расставляет зонтики, выполняя работу спасателей.

В три часа дня, когда люди начинают блаженно дремать под зонтиками, прикрывшись вместо одеяла парео, он не смиряется.

Встав на линии прибоя, он показывает пальцем на горизонт и вопиет:

— Акула! Там акула!

Все сбегаются. Проходит немало времени, прежде чем он признает, что обознался.

Со стариками он сражается в петанк, попутно обвиняя их в том, что они совсем не умеют играть.

Аристиде Перрелла

При этом он ржет, как дебил. Старики посылают его куда подальше. Он объясняет, что пошутил. Уходит, не доиграв, потому что ему срочно надо куда-то бежать.

Запихивает в музыкальный автомат тонны монет. Танцует. Прыгает на столы, проникает на ресторанную кухню, начинает все пробовать. Просит поделиться рецептами, по которым сам потом никогда не готовит. Пока ему объясняют рецепт, он раздумывает, не сменить ли машину.

Мчится покупать журнал «Куаттро руоте», хотя уже купил его два дня назад.

Если он вдруг забывает устроить соревнование по прыжкам в море со скалы, то испытывает угрызения совести, чуть не плачет. У него обо всем есть свое мнение. Активно участвует в обсуждениях, ставя миллиарды лайков в Facebook, Twitter, Instagram, Youtube.

Придумывает несмешные анекдоты. Возбуждается, слыша собственный голос, цепляется за любую избитую тему из жизни или газет и мчится вперед, как паровоз, пока слушатели не сбегают, сославшись на то, что их близкий родственник при смерти.

Он их преследует, предлагая доставить умирающего в больницу.

Он не замечает, что люди захлопывают двери у него перед носом, подталкивают его к выходу, а завидев его, переходят на другую сторону улицы. Он вообще ничего не замечает. Он слишком поглощен самим собой и не сомневается в том, что его бьющее через край хорошее настроение доставляет всем радость.

Он не знает, что такое «досада». Не знает, что такое «злопамятность». За свою жизнь он ни разу ни на кого не затаивал злобу. Он всегда улыбается.

Он считает, что мир — неисчерпаемый источник радости, а если где-то радости не хватает, он мигом ее туда принесет.

Когда жена засыпает, он запрыгивает на нее сверху так, что та начинает кричать, он целует ее в шею, яростно массирует ей спину и ступни. Пытается заниматься с ней сексом.

Он всегда готов заняться сексом, ясное дело.

Он занимается любовью с улыбкой, которая словно приклеилась к его лицу. Забывая о самом главном: вселенная секса требует серьезности.

Впрочем, он готов заниматься чем угодно, ему нравится все.

Он надеется, что однажды голубь накакает ему на голову, ведь это к удаче.

Жена всегда говорит — без злобы, просто констатируя факт:
— Аристиде — дурак.

Он готов отдать руку на отсечение, лишь бы поехать в ИКЕА или «Леруа Мерлен». К этим магазинам, где продают игрушки для взрослых, он питает необузданную страсть. Покупает всякую дрянь. Увидев никому не нужные новинки, дрожит от радости.

Любит работать в саду до изнеможения. Сажает все подряд. Хвастается своим садом. Тем временем постоянно раздумывает о том, чтобы сменить машину. Он знает все о лизинге, об обмене старых машин на новые и о беспроцентных кредитах. Обливаясь потом, он проводит воскресное утро, объезжая автомобильные салоны. Изводит попадающихся под руку несчастных продавцов вопросами о технических характеристиках и о скорости разгона.

Зовет всех подряд на обед и на ужин. Разумеется, он не выносит одиночества. Самое печальное для него — походы в туалет.

Встреча в одиночестве с унитазом его пугает, впрочем, он и здесь выходит победителем: врубает радио на максимальную громкость и, гордо восседая на унитазе, размахивает руками и исполняет, не вставая, танец живота. Громко подпевает, закрыв глаза.

Он выучил все песни на свете, а никто так и не догадался, когда это он успел. Вот почему при виде караоке он испытывает настоящий оргазм.

Жена до сих пор, в редкие мгновения, когда Аристиде не путается у нее под ногами, спрашивает себя удивленно: «Как меня угораздило влюбиться в него? Когда свалилась на меня эта напасть? Куда я смотрела, соглашаясь выйти замуж за человека, который сделал мне предложение, раскачиваясь на качелях в Линьяно-Саббьядоро, причем не сидя, а стоя?»

Когда жена кричит Аристиде, что у нее больше нет сил терпеть и его, и весь его бьющий через край энтузиазм, он надевает на круглое пузо хула-хуп и, с улыбкой вертя его, клянется:

— Я изменюсь.

Чтобы сдержать обещание, в прошлое воскресенье он пошел в салон и купил новую машину.

Последнее, не главное, но и не второстепенное обстоятельство: он никогда не умрет.

Валерио Аффабиле

Родился в Каstellамаре-ди-Стабия первого января тысяча девятьсот тридцать шестого года. Член каморры. Из клана Байяно. Многократный убийца. Отбывает пожизненное заключение. В тюрьме с февраля семьдесят шестого года.

Девять лет делит камеру с Марцио Пелле, многократным убийцей, осужденным на пожизненное заключение, бывшим террористом из левой организации «Первая линия».

Сидят они в тюрьме строгого режима в Трани.

В одном из тех мест, где содержатся самые страшные злодеи во всей Италии.

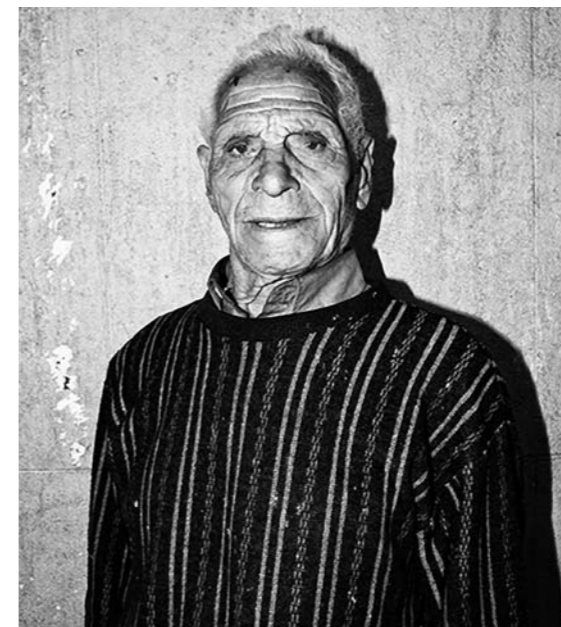
Многие проведут здесь целую вечность.

(P.S.: Немаловажная подробность: у Аффабиле и Пелле в камере есть санузел-ванная комната.

Как в гостинице. Это большая привилегия.)

Еще завистники говорят, что у них самая уютная камера.

«Всякая вещь, — утверждал математик Архигабал, — обладает свойствами, побуждающими к ответному действию».

Валерио Аффабиле

Несмотря на свою фамилию, Аффабиле — человек неразговорчивый и замкнутый. Он упорно держится за жизнь при помощи мыслей, а не слов.

Движения у него замедленные. Вовсе не потому, что ему стукнуло восемьдесят. Он всегда так двигался. Его жесты однообразны. Иногда он что-то бормочет, но что Марцио Пелле не может разобрать, да и не пытается.

Аффабиле и Пелле связывает взаимное уважение и дружба, правда, внешне это никак не проявляется.

Впрочем, у Аффабиле нет друзей. Есть только знакомые, с которыми, если он в настроении, он здороваются, едва заметно кивнув.

В тюрьме все без исключения уважают Аффабиле. И не потому, что он не последний человек в камере. Он никогда им не был и, пока оставался на свободе, отказывался от поручений, связанных с серьезным и опасным словом «ответственность».

Аффабиле уважают за то, что он не трепло, а еще за то, что, живя на воле, он работал руками, похожими на грубые руки земледельца.

Проще говоря, он душил голыми руками тех, кто ему мешал, обрекая их на медленную и мучительную смерть.

Все двенадцать убийств, в которых обвиняют Аффабиле, он совершал молча, в одиночестве душив свои жертвы.

— Он мудрый человек, — говорят те, кто его особенно уважают.

Аффабиле уже состарился, но руки у него по-прежнему крупные, большие и сильные. Люди осмеливаются взглянуть на них искоса, несколько секунд, движимые болезненным любопытством.

В тюрьме, где с пистолетом уже не поиграешь, такие руки — это нефть, неистощимый ресурс, обеспечивающий все, что нужно.

Впрочем, Аффабиле никогда и ни в чем особенно не нуждался.

— Оставьте в покое Аффабиле! — чаще всего можно слышать в тюрьме строгого режима в Трани.

Марцио Пелле лучше других известно, что Аффабиле нужно оставить в покое, поэтому он с ним почти не разговаривает.

Только если дело важное и неотложное.

Все остальное время Марцио Пелле занят сочинительством: он пишет в своем суровом и грозном стиле воображаемые пресс-релизы «Первой линии» для газет.

Подобно японскому воину, которому забыли сказать, что война кончилась, Марцио Пелле, как и прежде, видит мир под свинцовым колпаком леворадикального терроризма семидесятых годов. Хотя, в отличие от японца, Марцио прекрасно известно, что леворадикальных внепарламентских сил больше не существует. Нет больше ни «Красных бригад», ни «Первой линии». Их сменили еще более жестокие люди, пришедшие из другого, мрачного мира — мира исламского интегрализма.

Ему это прекрасно известно. Тем не менее, Марцио Пелле не может перестать целыми днями строчить пресс-релизы, в которых он красочно описывает тюремные бунты, баррикады, похищения, стрельбу по ногам, коктейли Молотова, столкновения, ответные удары, демонстративные действия, показательные убийства судей и депутатов.

Он — счастливый летописец давно исчезнувшего мира.

Не из-за тоски по прошлому и не из-за упрямой верности своим убеждениям.

А потому что в душе у Марцио Пелле живет боль. Боль, о которой он не в силах поведать.

Валерио Аффабиле любит петь. Это его и утешает, и расстраивает. Потому что в тюрьме трудно найти уголок, где можно спрятаться и попеть так, чтобы другие тебя не услышали.

Он бы никогда не стал петь на людях, чтобы не подмочить репутацию уважаемого и верного члена каморры. Его бы сочли сумасшедшим, шутом или паяцем.

Поэтому он поет про себя.

Он сочиняет неаполитанские песни, которые кажутся ему чудесными, достойными войти в репертуар Серджи Бруни.

Но Аффабиле никогда не пел своих песен, а значит, он никогда их не слышал.

Со временем он стал глуховат, поэтому иногда он думает, что похож на Бетховена.

Порой на прогулке ему удается отойти в сторону от всех... Тогда он начинает негромко напевать. Проверяет, не потерял ли навык. Улыбается про себя. Потому что, услышав свои мелодии, понимает, что они по-настоящему хорошие. В такие минуты он счастлив.

Но подобную радость за все годы в тюрьме он пережил ему удалось пережить за все годы в тюрьме всего раз десять.

Авторы рецензий для культурной странички сказали бы, что в эти мгновения он испытал подлинный восторг.

Жена Лелла многие годы навещала его в тюрьме раз в месяц.

Тоскливые свидания, во время которых царил гробовое молчание.

Им нечего было сказать друг другу после традиционного обмена новостями о здоровье детей и внуков.

Лелла не раз жаловалась:

— Валерио, я притащилась сюда из Кастелламаре, а ты мне ничего не рассказываешь.

Он отвечал:

— А что мне рассказывать? В тюрьме ничего не происходит. Да если бы и происходило, я бы ничего не заметил.

На самом деле Валерио хочется кому-то рассказать о своей богатой внутренней жизни, главное в которой — непреодолимое желание петь, но сделать этого он не может. Если бы он не подчинился древним законам преступного мира, для которого творчество — занятие, недостойное настоящего мужчины, он бы ответил Лелле:

— Сейчас я все тебе расскажу. Я сочинил неаполитанскую песенку «Влюбленная Маринелла» — летнюю, веселую, она станет настоящим летним хитом, будет звучать из музыкальных автоматов

(никто ему не сказал, что музыкальных автоматов больше не существует). Еще я сочинил «Не отпуская меня» — серьезную, местами трогательную, песню на итальянском, о том, как тяжело в тюрьме новичками. А еще меня наконец-то посетило вдохновение, и я закончил «Нашу сумасшедшую любовь» — сентиментальную балладу, посвященную женщине, которую я всегда мечтал встретить. Это не ты, дорогая Лелла. Только не ревнуй, я эту женщину выдумал. А еще я упорно работаю над длинной поп-оперой на неаполитанском. Она станет моим завещанием, шедевром всей моей жизни. У меня в голове уже готовы все слова и три часа музыки. Но это еще не все. До конца работы еще далеко.

Чтобы сказать «Дело сделано», художник должен видеть конец.

Вместо этого измученные супруги подолгу молчат. Глаза опущены. Ладони лежат на коленях, потные от неловкости и напряженного ожидания. Они ждут не дождутся конца свидания.

Вымученного, невыносимого свидания, после которого оба всякий раз думают, что жизнь и отношения между людьми — большая ошибка.

Раз в полчаса Лелла поднимает на мужа усталый взгляд и что-нибудь говорит. Например:

— Я видела твою сестру.

— Как она? — спрашивает Валерио.

— Нормально, — отвечает Лелла.

Вновь воцаряется гробовое молчание, словно они в подводной лодке и только что погрузились на дно.

Во время молчаливого свидания Валерио краем глаза поглядывает на жену. Отмечает, что к парикмахеру она не ходила: отросшие седые корни наступают неумолимо, как прилив в Нормандии. Взгляд тоскливый и плачущий: от такого взгляда остолбенеют даже гоняющие мяч дети. Руки, покрытые морщинами из-за возраста и домашних дел, спрятаны под скомканным носовым платком. Ее платок, словно швейцарский нож. На все случаи жизни. Пригодится при плаче и при простуде, а еще как безделушка, которую можно трепать во время свиданий с мужем. Свиданий, во время которых их чувства подвергаются пыткам.

Тогда Валерио со страшной ясностью заключает в уме: «Она меня не любит».

Проехала триста километров, чтобы меня навестить и чтобы показать, что она — пустое место.

Не показать, что ей плохо из-за моего отсутствия, а что она просто пустое место. Ничтожество.

Из-за напускной скромности и плачущего взгляда, в котором читается «только не трогайте меня», Аффабиле ненавидит и презирает всех неаполитанцев, особенно свою жену.

Дело не в красоте, которая может увянуть, и не в старости, из-за которой человек перестает обращать на себя внимание, просто она меня не любит. Вот что думает Валерио.

И тогда Валерио Аффабиле краем другого глаза начинает следить за соседом, у которого тоже свидание. Это Марцио Пелле. Он без остановки болтает с женой, которая приехала из Реджо-Эмилия. Эльза Травальоли, пятьдесят лет, в отличной форме, без седины, ногти покрашены, буржуазная — в правильном смысле, тоже принимала участие в играх террористов, но это неважно. Валерио поражается (он не завидует, просто любит) тому, чего нет у него: взаимопонимания. Спроси его кто-нибудь о Марцио и его жене, Валерио бы сказал, что на них приятно смотреть, потому что они понимают друг друга. Они негромко болтают обо всем на свете. Смеются, глядят друг на друга, влюбленные, словно подростки, которые не просят у мира извинения за любовь, которую невозможно разбить, как невозможно разбить проклятое стекло между ними.

Ежемесячные свидания Марцио Пелле с женой наполнены настоящей жизнью.

Вернувшись после свидания в камеру, Валерио продолжает разглядывать Марцио. Тот яростно строчит суровые, мечущие молнии пресс-релизы. Обещает новые сражения, излагает еще более за-

путанные и чудные требования. С большим удовольствием вспоминает бунт заключенных в Трани в 1980-м году. Чего там только не было — рыдания и баррикады, журналисты и вертолеты, раненые и спецотряды карабинеров.

Конечно, Марцио Пелле страдает из-за того, что его любимая уехала домой и новой встречи придется ждать долгий, бесконечный месяц.

Поэтому в этот день Валерио Аффабиле старается не беспокоить Марцио Пелле.

Он знает, что Марцио хочет остаться наедине со своими призраками.

Последние три месяца, безо всякого предупреждения, Лелла перестала приезжать на свидания к Валерио Аффабиле.

Он ее не разыскивал. От шурина, который сидит в той же тюрьме, он знает, что Лелла, их дети и внуки в порядке. Ему этого достаточно.

Жизнь супруги не вызывает у него ни малейшего любопытства. Иногда он думает, что она наверняка нашла другого, но потом принимается сочинять песни и отвлекается, образ жены блекнет. Иногда он рисует в воображении ее жениха, чтобы сочинить песню о том, что бесконечно мучает каждого — о ревности. Вечно актуальная тема, беззвучно повторяет он самому себе.

Валерио Аффабиле никогда не смеется.

Он улыбнулся только однажды, когда Марцио передал ему слова надзирателя: о том, что «Трани такой уродливый город, что многие его жители готовы провести отпуск в тюрьме».

В тот раз Валерио Аффабиле не только улыбнулся, но даже еще и заметил:

— Значит, нам повезло, что мы здесь живем.

— Еще есть Акапулько, Нью-Йорк, Карфаген, — сказал Марцио.

— В тамошних тюрьмах порядка совсем строгие, — возразил Валерио.

— Я имел в виду не тюрьмы, а города, — объяснил Марцио.

Валерио покачал головой. То ли он так и не понял, то ли он решил, что Марцио Пелле — фантазер, на которого не стоит обращать внимания.

Двадцать пять лет назад Гаспаре Туфано, бывший сокамерник Аффабиле, предложил ему бежать вместе.

Аффабиле ничего не ответил.

Туфано изложил свой план. Надо признаться, план был неслыханно прост. Никаких ухищрений, как в американских фильмах. Они сидят не в тюрьме, а в больнице, где все двери нараспашку. Надо только подкупить нужного надзирателя.

Аффабиле пристально посмотрел на Туфано и сказал, не раздумывая:

— Я в этом не участвую.

Тут уж Туфано покачал головой. Как и во всех тюрьмах мира, причины, по которым заключенные качают головой, по не вполне ясным причинам.

В общем, Туфано сбежал, а Аффабиле остался за решеткой.

Валерио Аффабиле подумал: «Выйду — потеряю покой. В тюрьме у меня нет свободы, зато есть покой. А я считаю, что люди слишком ценят свободу и слишком мало ценят покой».

Рассуждение члена каморры, который осознал свою вину.

Подчеркнем: не раскаялся, а просто осознал вину.

Полиция не успела повторно арестовать Туфано: он погиб, когда переходил улицу. Его сбил водитель, который не видел дороги, потому что в это время проститутка делала ему минет.

«Я был прав», — подумал про себя Валерио Аффабиле. С того дня он расстался и с другой мыслью, которая часто приходит в голову заключенным.

Что когда-нибудь он выйдет на свободу.

Скрючившись, словно женщина-змея, и рискуя свернуть себе шею, с кровати Валерио, в самом углу окошка, можно увидеть маленький обрывок внешнего мира. Маленькую порцию свободной жизни: там, в доме напротив, тринадцатилетний мальчишка целый день утра до вечера сидит за уроками.

Аффабиле считает, что достаточно раз в день увидеть мальчишку, чтобы получить свою порцию свободы. Благодаря школьнику-ботану он помнит, что такое жить на воле. Это значит учиться, стараться, переживать, думать о будущем.

Валерио Аффабиле не нужно думать о будущем. За него думает государство.

Его будущее написано в приговоре. В нем всего два слова, вызывающих ужас у всех, кто сидит в тюрьме, кроме Аффабиле: «Пожизненное заключение».

«Пожизненное заключение — это жизнь на воле», — повторяет про себя Валерио Аффабиле, который, кстати, написал об этом одну из своих лучших неаполитанских песен. Она так и называется «Пожизненное заключение». Кто бы сомневался...

Марцио Пелле раз в день тоже залезает на окно, чтобы посмотреть на сидящего над тетрадками мальчугана.

Иногда они с Валерио говорят о нем. Гадают, какие предметы тот изучает. Однажды они чуть не поссорились. Аффабиле утверждал, что мальчик занимается математикой. Пелле, заметив, как ручка быстро скользит по странице, заявил, что паренек сосредоточенно пишет сочинение.

— Не спорь, а то я тебя придушу, — сказал Аффабиле, ставя точку в споре. И Пелле, проявив невероятную покорность, послушался:

— Ладно, ты прав, он делает математику.

В тот день Аффабиле опять улыбнулся.

Марцио было приятно от того, что он вырвал у друга улыбку.

В глубине души он знал, что Аффабиле не станет его душить.

А еще, думает иногда Аффабиле, вовсе неправда, что в тюрьме все дни одинаковые.

К примеру, вчера во время прогулки Микелоне Дзаттера захотел с ним поговорить. Аффабиле неохотно кивнул. Он только начал сочинять чудесную балладу о женщине из приличной неаполитанской семьи, которая влюбляется в парня из Испанских кварталов. А тут к нему пристал Дзаттера.

Микелоне Дзаттера — молодой, обрюзгший расплывшийся член каморры, у которого не хватает двух пальцев и которому в марте исполнился тридцать один год. Он признался Аффабиле, что решил сотрудничать со следствием. Хочет узнать, что тот об этом думает.

Аффабиле — как настоящий кладень мудрости — посоветовал:

— Если хочешь сотрудничать со следствием, первое правило — не болтай об этом с ребятами. Потому что потом ты можешь умереть не своей смертью, а не сотрудничать со следствием... Надеюсь, ты поступил осторожно и ничего не разболтал об этом никому, кроме меня. Потому что я даже со стенками не разговариваю.

— С какими еще стенками? У нас в тюрьме много стенок, — сказал Дзаттера, у которого в образовании была масса пробелов. В том числе он не понимал метафор.

— Стенок много, и, по мне, все они грешат словоблудием.

Дзаттера так ничего и не понял. Поскольку он не окончил даже первого класса, он решил, что «словоблудие» — обидное слово, которому Валерио Аффабиле научил сокамерник, северянин Марцио Пелле по прозвищу «Интеллигент».

Повисла тишина.

Но Дзаттера не собирался уходить. Его давно мучило любопытство, и вот, переминаясь с ноги на ногу и бормоча что-то невнятное, он наконец набрался смелости и задал Валерио вопрос, который за все эти годы никто не осмеливался задать.

Он спросил:
 — Дон Аффабиле, каково это — задушить человека?
 Аффабиле и бровью не повел. Он не воспринял это как проявление неуважения. Он задумался.
 Потом ответил:
 — В этом деле нужно упорство.
 Но Дзаттера все никак не мог успокоиться. Он снова спросил:
 — Пока вы этим занимались, вы когда-нибудь пожалели о том, что делаете?
 — Один раз, — ответил Аффабиле, и у него на глаза навернулись слезы.
 Он объяснил:
 — Это был шестнадцатилетний паренек. Задыхаясь, он все твердил: «Извините!» Парень просил извинить его и обращался ко мне на «вы». За что извинить? Он ничего не сделал. Извинить за смерть. За то, что ему неожиданно выпало умереть.
 Аффабиле прослезился. Дзаттера, чтобы его утешить, положил свою тяжелую руку ему на плечо.
 Аффабиле сказал безо всякого выражения:
 — Никогда меня больше не трогай!
 Дзаттера поспешно убрал руку и удалился, покачиваясь, как лодка, которая неожиданно попала в шторм.
 Марцио Пелле вернулся со свидания помятый и нервный. Внутри у него все бурлило. Видно, в душе взорвался «коктейль Молотова».
 Аффабиле лежал на кровати. Последние три месяца, с тех пор как жена испарилась, ходить на ежемесячные свидания не было смысла.
 — Что случилось? — поинтересовался Аффабиле.
 — Задуши меня! — попросил Марцио Пелле с серьезным видом.
 — Так что случилось? — спросил Аффабиле тем же тоном.
 — Эльза не приехала. Приехал ее двоюродный брат. Говорит, Эльза в больнице, ей совсем плохо. Что с ней такое, так и не объяснил. Знаешь, почему? Потому что Эльза умерла, а у него не хватило духу сказать мне об этом. Задуши меня!
 Аффабиле ничего не ответил и не сдвинулся ни на сантиметр.
 Марцио Пелле рухнул на единственный стул в камере. Согнулся пополам, опустил голову между коленей и просидел так до восьми вечера.
 Принесли ужин, но Марцио не пошевелился.
 Валерио Аффабиле тоже не слез с постели. Из солидарности он не стал ужинать.
 Оба не проронили ни слова с полудня до одиннадцати вечера, оставаясь на своих местах.
 Мальчик сидел за уроками, но сегодня им не захотелось смотреть на него.
 В одиннадцать Марцио Пелле поднял голову. Потом встал сам и надел пижаму. Валерио не сдвинулся с места. Он не спал, а лежал и глядел на влажный потолок.
 Марцио собрался лечь спать, но прежде повторил свою просьбу:
 — Задуши меня!
 Аффабиле и на этот раз не ответил. И не пошевелился.
 Темнота.
 Разве может быть темно в тюрьме, где круглые сутки горит свет?
 Тишина. Вся тюрьма строгого режима в Трани уснула. Пробило два часа ночи.
 Марцио тоже спал.
 А Валерио нет. Он лежал и глядел в потолок.

Потом он принял самое неожиданное в своей жизни решение. Он решил, что надо помочь Марцио Пелле. Надо его задушить. Но не в привычном смысле слова. Он должен задушить его берущими за душу песнями.

Поэтому глубокой ночью Валерио Аффабиле нарушил молчание и громко запел сентиментальную балладу, которая ему очень нравилась:

«Наша сумасшедшая любовь...»

Валерио спел ее твердым и уверенным голосом. Без пафоса, без выкрутасов, хотя он все это умел. Все заключенные проснулись — один за другим.

И, клянусь Господом, они плакали в тишине, стыдясь того, что плачут. Плакали надзиратели. Плакал Марцио Пелле.

Тюрьма строгого режима в Трани плакала хором, пока Валерио Аффабиле, член каморры, многократный убийца, душивший людей, пел, как настоящий профессионал, и его песня лилась по камерам и коридорам, звучала в столовой и во дворе.

А потом песня кончилась.

И воцарилась иная тишина.

Тишина неизлитых чувств.

Художник должен видеть конец своего творения.

Той ночью Валерио Аффабиле его увидел.

Донна Эмма

Донна Эмма, помощница консьержа. Полвека замужем за доном Кармине, старшим консьержем в престижном доме, расположенном в Неаполе на виа Мандозни, 21. Дом с прекрасным видом из окон.

Из-за тяжелого инсульта и нерасторопности донны Эммы, которая, как поговаривают, не торопилась вызывать неотложку, у донна Кармине парализовало правую сторону.

Среди отягчающих обстоятельств нужно учесть и следующее: дон Кармине, интересующее нас лицо, не левша.

Пригвожденный к креслу, дон Кармине беспрерывно смотрит на телевизор, экран которого повернут от него на девяносто градусов. Дело в том, что телевизор находится в полном распоряжении донны Эммы, которая, восседающая в своем кресле прямо перед экраном, словно переносилась в студию любимого первого канала государственного телевидения.

Так что дон Кармине не столь смотрит телевизор, сколько угадывает, что по нему показывают на экране.

А когда угадать не получается, дон Кармине приходит к грустному выводу: меня бросили.

Пройди дон Кармине долгую реабилитацию, к нему бы частично вернулась дееспособность, но, как поговаривают, из-за лени, вредности и скупости донна Эмма решила, что муж обойдется без физиотерапии.

Много лет назад жильцы дома 21 по виа Мандозни единодушно пришли к заключению, что Эмма Дзаппетта — самая злая женщина на свете.

Хамка, врунья, сплетница, наглая, мстительная, коварная, грязнуля, капризная, тупая, чокнутая, жадина, без стыда и совести, лентяйка, скандалистка, назойливая, бессердечная, бездельница, злока, скупердяйка, завистница, а главное — хитрая, как черт... Такой предстает донна Эмма всему свету.

Весь свет — это ее кондоминиум.

Донна Эмма, у которой детей нет, а муж больше не в состоянии попросить даже тарелку макарон с фасолью, мучается от избытка свободного времени. Зато она может упражняться в нечеловеческом коварстве, проявлять тупую, непредсказуемую и бессмысленную злобу.

Многие годы жильцы тайно проводили собрания кондоминиума с единственной целью — уволить донну Эмму, но так ничего и не добились.

Доскональное знание донной Эммой трудового законодательства разрушает самые жестокие планы врагов.

Непреодолимое препятствие заключается в том, что, в отличие от большинства консьержей, поселившихся по месту работы в качестве бонуса, донна Эмма — владелица тесного помещения, в котором она проживает.

Никто не понимает, как можно жить в норе, где темно, как в бомбоубежище, и сыро, как в море. К тому же, по слухам, донна Эмма владеет большими участками земли в районе Ачерры и при желании могла бы позволить себе квартиру на последнем этаже с панорамным видом, в которой проживает нотариус Чеккарони.

Те из жильцов, кто осмеливались публично заявлять о намерении прогнать коварную донну Эмму, столкнулись с «могучей злой силой».

Так говорит о ней нотариус Чеккарони с последнего этажа.

Злая сила, По размерам злая сила, которую донна Эмма обращает против всякого, кто говорит, вставляет ей палки в колеса, поспорит с бескрайней ледяной пустыней.

Иногда синьора Менотти со вздохом так и говорит:

— Живущее в ней зло величиной с Россию.

— Она кровожадна, как белый медведь, — вторит синьоре Менотти ее сын, налоговый консультант.

Когда лед трескается, ситуация становится опасной.

К примеру, пятнадцать лет назад доктор Аурьемма неосторожно бросил ей в лицо: «Я добьюсь того, что вас уволят, донна Эмма! Потому что вы мерзавка и гадина!» — а нынче он с трудом влачит жалкое существование.

Когда его фирма по производству медицинских протезов разорилась, доктору потребовалось продать пятикомнатную квартиру на виа Мандзони. Так он получил бы наличные, а сам переехал бы в квартиру поменьше. Однако потенциальных покупателей умело на входе вылавливала донна Эмма, заявляя:

— Хорошенько подумайте, прежде чем покупать квартиру доктора Аурьеммы. Говорят, там водятся жуткие призраки. Много лет назад в этой квартире пролилась кровь.

В результате доктор Аурьемма так и не сумел продать свою квартиру (между прочим, очень красивую). К тому же последние пять лет по ночам ему все время что-то мерещится.

Разумеется, он считает, что донна Эмма прибегает к каким-то трюкам, чтобы убедить его, будто в доме поселились призраки.

И он прав.

В три часа ночи, когда ее никто не видит, беспощадная консьержка горстями швыряет камушки в окна Аурьеммы. Иногда в пять утра, стоя в тапочках, надетых на короткие голубые носки, она звонит ему в дверь и сразу же убегает.

Но больше всего его пугают глухие стоны донны Эммы, которые распространяются по канализационной трубе и долетают до квартиры Аурьеммы. Глубокой ночью, стоя на цыпочках в ванной комнате, Аурьемма трясется от первобытного страха.

Страшными ночами Аурьемма всегда думает об одном и том же:

Донна Эмма

— Почему я так и не женился?

И с неохотой сам себе отвечает:

— Потому что мне не хотелось признавать, что я гомосексуал. Так меня воспитали.

Донна Эмма никогда не снимает носки и тапочки. Это ее рабочая форма.

Донна Эмма никогда не курит, и никогда не курила. Зато печенье она поглощает тоннами.

Нередко, придя домой, бедный Аурьемма обнаруживает разные предметы не на своем месте.

Однажды первого января, вернувшись с тоскливой и жалкой, как автомобили в Восточном Берлине, встречи Нового года, он увидел, что вся его одежда вывалена на постель.

Он до того перепугался, что провел следующую ночь в гостинице.

Донна Эмма сумела сделать копию ключей от квартиры Аурьеммы.

Однажды, в незапамятные времена, он оставил ей ключи, когда вызывал сантехника.

Все жильцы совершают подобную ошибку. В мирное время они доверяют консьержу самое дорогое, не думая о том, что может наступить время войны. Им это даже в голову не приходит. Но донне Эмме известно, что скука вызывает усталость, а усталость — враждебность. Поэтому при первой же возможности она бежит делать копии всех ключей.

И на сей раз все дело в избытке свободного времени.

У донны Эммы его больше, чем у нас, и использует она его лучше.

— Какая чудесная и разнообразная жизнь у донны Эммы! — говорит со смехом нотариус Чеккарони родным у себя наверху.

Порой в окошко будки консьержа можно увидеть донну Эмму — суровую, погруженную в размышления, остекленевший взгляд уставлен в стену. Знайте, что в такие мгновения она думает о том, какое это наслаждение — мучить ближнего.

Надейтесь только, что место ближнего уготовано не вам.

Консьерж, как и сторож в гараже, пытается чем-то занять свое время. А времени у него столько, что легко впасть в депрессию.

Когда придумываешь, как бы кому-нибудь напакостить, время течет быстрее.

Так и у донны Эммы дни пролетают весело и незаметно.

Она все думает, как бы испортить вам жизнь.

Гадина, что еще скажешь.

Сколько раз, запыхавшись, в спешке выбегая из дома, мы завидовали спокойствию консьержа, которому не нужно смотреть на часы?

Сколько раз мы думали с возмущением, почему он не тратит время на то, чтобы почитать книжку или сделать что-нибудь полезное, осязаемое?

Вопрос поставлен неправильно.

На самом деле консьерж, скрываясь под маской бездельника, с пользой тратит время.

Чтобы нас уничтожить.

Донна Эмма одинаково ненавидит и тех, кто ее не замечает, и тех, кто пытается к ней подмазаться, сердечно приветствуя и подхалимски любезничая.

На все, даже весьма обильные, чаевые, которые она спешно прячет на пышной груди, донна Эмма сухо отвечает ОК. «Спасибо» прозвучало бы как богохульство.

Люди дают деньги, желая задобрить ее. Она берет их из жадности, однако причины, побуждающие жильцов лезть в карман за банкнотами, будят ее ненависть.

Однажды она тайком засунула мышь в мешок с картошкой, который работник службы доставки оставил без присмотра и ушел парковать свой фургон.

Работник вручил мешок Аурьемме, и он три ночи и три дня сражался с мышью.

Сначала он почувствовал ее присутствие, хотя саму мышь не видел. Он чуть с ума не сошел.

Опасаясь мыши, доктор Аурьемма ходил по дому в старых ботфортах. Ботфорты достались ему от дяди, который сам себя произвел в бароны.

Четыре года назад, устав от такой жизни, Аурьемма решил на отчаянный шаг.

Как-то вечером он постучался к донне Эмме.

Донна Эмма встретила Аурьемму в дверях — молча, недоверчиво поглядывая на него.

Насколько помнят люди, никто и никогда не переступал порога квартиры донны Эммы и донна Кармине.

Аурьемма сказал:

— Хочу попросить прощения за то, что я тогда сказал.

Донна Эмма захлопнула дверь у него перед носом.

Он так и остался стоять у порога — поникший, окаменевший, неподвижный.

Так его еще никогда не унижали.

Донна Эмма, следившая за ним в глазок, прошептала из-за двери:

— Эй, гомик, у тебя в квартире привидения.

И, удаляясь по заставленной темной мебелью квартире, где воняло вареными овощами, расхохоталась так, что стало жутко.

Ставший притчей во языцех запах вареной капусты, доносящийся из квартиры консьержа, — не выдумка. Консьержи бесконечно, часами отваривают овощи, потому что у них есть на это бесконечно много времени.

Доктор Аурьемма не спал всю ночь. Seriously.

Ни на мгновение не сомкнул глаз. Он не спал, а думал.

После долгих сомнений он отмел возможность обратиться в полицию.

В 6:45 Аурьемма вновь стоял у двери донны Эммы. Он постучал.

Она открыла.

Аурьемма, заранее приготовивший ведро с раствором соляной кислоты, выплеснул его на пол донне Эмме.

Потом он постарался ее толкнуть, но донна Эмма быстро захлопнула дверь.

Доктор ударился костяшками пальцев о твердый металл.

От боли он потерял способность думать.

Вскоре боль сменилась отчаянием.

Отчаяние немного отступило, когда из-за двери раздались вопли и стенания донны Эммы, пытавшейся справиться с раствором соляной кислоты.

Донна Эмма вызвала полицию. Аурьемма это предусмотрел.

Не моргнув глазом, доктор заявил полицейским, что это был не он, что донна Эмма не в себе, что она пыталась убить мужа, что муж ее живет в нечеловеческих условиях и что она меняет ему подгузник раз в неделю.

Полицейские постучала в дверь донны Эммы, и попросили разрешения войти.

Донна Эмма утвердительно промывчала.

Вонь, распространявшаяся от донна Кармине и слышная на расстоянии шести метров, подтолкнула полицию к тому, чтобы сделать определенный вывод и принять меры предосторожности.

Вывод: Аурьемма прав.

Меры предосторожности: немедленно скрыться, потому что в квартире нечем дышать.

Нужно было вызвать службу спасения, но полицейские об этом забыли.

Пока полиция спешно убегала из этой провонявшей экскрементами конуры, донна Эмма заплакала.

Еще одно опасное свойство этой женщины — умение вовремя заплакать, чтобы изобразить из себя несчастную жертву.

— Вы все меня ненавидите, — прокричала она в лестничную шахту. И все жильцы заперли замки на два поворота, словно сейчас военное время и в дом с облавой идут фашисты.

Среди самых любимых историй — та, что произошла с синьорой Менотти.

Однажды вечером, когда Менотти зашла в подъезд, донна Эмма ее обругала:

— Что это вы, синьора Менотти, вырядились, как пугало?

— Может, я и пугало, донна Эмма, но до вас мне далеко.

— Вы вечером шляетесь неизвестно где, а я ухаживаю за мужем-инвалидом, зачем мне вырядаться, — заявила с видом много чего повидавшего человека донна Эмма, пытаясь вызвать у Менотти чувство вины, которое та никогда не испытывала. Менотти — судья. Судьям чувство вины не ведомо.

Живущие в доме молодые ребята ночи напролет предаются нездоровым фантазиям о половой жизни донны Эммы.

Некоторые утверждают, что однажды, когда донна Эмма неплотно закрыла дверь квартиры, видели, как она в одиночестве орудует гигантскими баклажанами.

Большинство уверено, что это сказки.

— Но образ убедительный, — заметил с ухмылкой Арнальдо.

Арнальдо — сын нотариуса Чеккарони.

Зато ее совокупление с волынщиком из Сульмоны, происходящее раз в год, под Рождество, — вовсе не сказка. Речь идет о некоем Альфредо Саббе, рост — метр сорок. Близорукие дамы порой принимают его за гигантский вибратор.

Их внебрачная связь с донной Эммой длится уже много лет.

С тех пор, когда донна Кармине хватил удар, донна Эмма и волынщик больше не прячутся в гараже. Напротив, они оживили многолетние отношения, совокупляясь в гостиной, на глазах у несчастного мужа, у которого изо рта течет слюна и который притворяется, будто смотрит телевизор, слушая хриплые стоны любовников.

Они испытывают оргазм, только когда один из них видит на щеках бедного донна Кармине слезы горького, бессильного унижения.

Периодически у донны Эммы бывают приступы любезности, слащавость из нее так и прет.

Во время подобных припадков она готова выслушать ближнего и прийти ему на помощь. Это случается неожиданно и вызывает подозрение.

Донна Эмма приветствует вас, улыбаясь коварно, как Андреотти, демонстрируя зубы с разнообразными проявлениями кариеса и кое-как поставленными пломбами. Уцелевшие зубы соседствуют с не замаскированными провалами в деснах.

Неумеренная заботливость превращает ее в источающее любезность чудовище.

Подобные сердечные порывы вызывают смятение у тех, кому они предназначены, и, в любом случае, длятся не долго.

Как неожиданные грозы в конце лета.

Проходит дня два, не больше, и поведение донны Эмма резко меняется. Она вновь перестает отвечать на приветствия, бурчит что-то неразборчивое, без причины взрывается, нападает на жильцов, якобы выдвигающих абсурдные, невыполнимые требования, хотя на самом деле речь идет о простых, само собой разумеющихся обязанностях, которые она должна выполнять в силу старинной, неписаной договоренности.

В основном донна Эмма протестует против того, что жильцы обращаются с ней, как с рабыней.

Она все время твердит:

— Я вас охраняю, а не прислуживаю вам, как рабыня.

Однажды Савелли, который преподает в лицее, попытался воззвать к ее разуму. Он сказал:

— Донна Эмма, вам известно, что слово «охранять» имеет сакральный смысл? Вы охраняете нас, но ведете себя так грубо, что мы не ощущаем себя под охраной. Наоборот, вы настолько нас ненавидите, что рождаете в нас желание обратить вас в рабство.

— Ты мне за это заплатишь, старый дурак! — ответила донна Эмма.

И он заплатил.

Она спрятала все его коммунальные счета, и в один прекрасный день Савелли отключили газ. Пришлось ему платить огромный штраф.

Зато ночами...

Что происходит ночами в доме донны Эммы? В двух насквозь провонявших комнатухах? В гостиной и спальне, которая граничит с ее рабочим помещением? Вечно грязная кухня, в туалете вода журчит, как ручей.

Ночами донна Эмма плачет, будя своего измученного, больного мужа. Она больно щиплет его за руки и за ноги, покрытые синяками от ударов и похожими на веленевую бумагу пятнами пролежней.

Она говорит, что это он во всем виноват.

У него изо рта течет слюна. Он мычит нечто, понятное только ей.

— В чем я виноват? Оставь меня в покое! — с трудом выговаривает дон Кармине, уголок рта которого сохранил чувствительность.

Она не отвечает, ей не в чем его обвинить.

Она сталкивается лицом к лицу с собственной злобой и пугается.

Ей страшно, что ее никто не любит, что она одинока.

В глубине души она знает, что достигла в своей жизни самого дна. Самого неприглядного состояния. Быть консьержкой — позор и мучение. Ей страшно.

Она выполняет настолько незаметную работу, настолько подчинена другим, что постоянно рискует потерять достоинство и душевное равновесие.

В подъезде может зародиться конфликт. А конфликт для консьержа — весь его мир.

У нее нет амбиций, ей не сделать карьеры. Перед ней — бесконечное свободное время, которое она проводит в полумраке, словно в тюрьме.

Работа консьержа — одиночное заключение, замаскированное под свободу.

И тогда донна Эмма, сидя на постели, рядом с доном Кармине, который опять уснул, пытается понять, откуда возникла эта боль.

Когда она стала такой?

Когда кондоминиум перестал быть ей другом и превратился во врага, которого она должна изводить?

Когда чужой страх поселился в ее душе, лишив ее малейшей возможности испытывать то, что называется удовлетворением?

Когда она перестала сплетничать с жильцами, потому что разговаривать с ней больше никто не хочет?

Она разговаривает с мужем, но это все равно, что болтать с покойником.

С покойником, которого она у себя поселила.

Короче, когда она решила, что если ей плохо, то плохо должно быть и всем остальным?

И тогда она находит ответ.

Когда в девять лет умер ее сынок.

Об этом известно ей одной.

Она хотела его охранять, но малыш ей этого не позволил.

Почему она не помогла, когда дон Кармине хватил инсульт?

Почему позволила ему почти умереть, превратиться в ничто?

Потому что она помнит, как однажды ночью в Скалее, когда они еще ездили в отпуск вдвоем, как все нормальные люди, сидя в сельской пиццерии с неоновой вывеской и тучей комаров, она спросила дон Кармине:

— Помнишь нашего сыночка? Какой он был красивый!

И знаете, что ответил дон Кармине?

— Нет, не помню.

Тогда донна Эмма разучилась прощать.

Она больше никого не простит.

Ей известно, что без прощения жить нельзя. Это не жизнь, а мучение. Сущий ад.

Но она прощать разучилась.

Так что сейчас, в ночной тьме, сами того не ведая, простите ее вы, члены огромного кондоминиума, в котором все мы живем.

— Потому что, мои дорогие, это самое трудное, требующее невероятного напряжения сил. Уверить себя, что зла не существует, когда оно здесь, перед твоими глазами, — сказал нотариус Чеккарони у себя наверху, в квартире с панорамным видом.

И все участники собрания кондоминиума замолчали. ● ● ●

© 2016 Mondadori Libri, S.p.A.

© «Сотрис» 2018

© Перевод Анны Ямольской

© Фото: Джакомо Бенасси. (Jacopo Benassi)

“...за тех, кто плачет в кино...”

Эрри ДЕ ЛУКА

Перевод Евгения Солоновича

Эрри Де Лука (р. 1950) – прозаик, поэт, автор поэтических сборников «Опера на воде и другие стихотворения» [“Opera sull’acqua e altre poesie”, 2002], «Только в одну сторону. Строчки, которые слишком часто начинаются с абзаца» [“Solo andata. Righe che vanno troppo spesso a capo”, 2005], «Закоренелый гость и другие стихотворения» [“Lospite incallito e altre poesie”, 2008], «Причуды провидения» [“Bizzarrie della provvidenza”, 2014]. Известен также как переводчик избранных книг Ветхого завета. Высокой оценки заслуживает его перевод «Каменного гостя» Пушкина.

Ночная молитва солдата

Кто построил новый дом и не поселился в нем,
кто посадил виноградник и не собрал виноград,
кто обручился с девушкой и не взял ее,
пусть к невесте, к винограду, к очагу
возвратится
и, счастливый, обладает ими не меньше года,
прежде чем присоединиться к другим на войне.
И еще, кто боится, кто малодушен,
пусть останется дома и не подтачивает отвагу братьев своих на войне.
Я прочел эти правила в священных книгах¹

и увидел себя сыном древнего народа,
болеющего за юные жизни.
Поэтому я не дождался урожая,
поэтому дом оставил без крыши
и девушку на перроне вокзала.
Я – часовой, охраняю
ночь в горах на бессонной войне.
Пока пулеметы крошат в лунном свете лед,
я думаю: лучше даже дрожать от стужи,
чем от мучительного стыда.
Со страхом – не наступает ли день? –
я смотрю на небо,
боюсь земли – страшно, что поглотит меня
живым,
боюсь дышать – белый пар изо рта
превращает
меня в мишень,
я боюсь, Господи: за что мне все это?
Почему я не имею права на жизнь
и должен вымалывать это право?
Мне мало дожить до завтра, я хочу
продолженья,
хочу пережить эту чертову ночь
и погулять на свадьбах детей – это святое.
Я хочу засыпать и просыпаться
рядом с девушкой до ее седых волос.
Господи, почему, почему я должен
вымалывать у Тебя
жизнь, возможность прожить ее во всей
полноте?
Тот из нас, кто получит это право,
не будет праведнее других, не будет лучше,
им бы мог быть, к слову, и я, сделай доброе
дело,
погаси свои звезды облаками,
чтобы я стал невидимым для прицела
и для шального осколка, а если не можешь
защитить меня, Господи, или не хочешь,
не оставь на камнях мое мертвое тело
и не отдай
глаза мои воронам, Господи.
Не спрашивай, сколько раз я злился
на Тебя, смотри – я молюсь не плача:
стужа заморозила слезы,
я заплачу весной.

Рождество

Он родится в трюме среди нелегалов.
Его обогреет паром машинное отделение.
Его убаюкает бортовая качка.
Его мать отчалила в поисках выхода или
удачи,
его отец – временный ангел,
такое отцовство, как известно, не требует
никакого
геройства.
На суше мать опустила его бы
в ближайшей мусорный бак.
Пуповину перекусят зубами.
Его бросят в море, на милость волн.
Мы можем дать ему только месяцы утробы,
сказали бы матери.
Можем ждать его, но не обнимать.
Появление на свет – только выдох смрадного
воздуха.
Начало – оно же конец. Для таких нет нигде
причала.
В его жизни не произойдет ничего, что стало
бы притчей.
Ни один плотничий молоток не отобьет ему
и часа детства,
не забьет потом гвозди в плоть.
Меня зовут не Мария, но этих моих сыновей,
которые не носили одежды и не носили
имен,
матросы зовут Иисусами.
Потому что они рождаются и умирают
в пути.
Он рождается в трюмах нелегалов,
существует меньше декабрьского часа.
Длится дольше дорога волхвов
и контрабандистов.
Он рождается в гуще избиения младенцев.
Он рождается, как повелось, поневоле,
с тем же, почти годичным, терпением.
Но не выживает, не хочет.

Потому что пожить — он пожил, сказать —
сказал.
Взять те же тернии на висках: шипом
больше, шипом меньше, от него
не зависит.
Он с теми, кто проживает время рожденья.
Он уходит с теми, кто длится не больше часа.

Примерный список новогодних тостов

Тост как обычай отмирает. Тем не менее четкую формулу «За здоровье...» еще можно услышать. Около ста лет назад русская поэтесса Анна Ахматова записала три тоста, произнесенные за новогодним столом.
Первый: «Я пью за землю родных полей, в которой мы все лежим».
Второй обращен к самой Анне: «А я за песни ее, в которых мы все живем».
Третий: «Мы выпить должны за того, кого еще с нами нет»².

Добавляю к этим трем свой
Примерный список новогодних тостов:

Пью за тех, кто в этот час на работе — в поезде, в самолете, в море, на автостраде, в больнице, в гостинице, в сталеплавильном цехе,
за тех, для кого эта ночь всего только время суток,
пью за девушку, которая ждет ребенка,
за тех, кто держит данное слово,
за тех, кому мы обязаны приглашением,
за тех, кого никуда не позвали,
за иностранца, осваивающего итальянский,
за тех, кто учится музыке, за тех, кто танцует танго,
за тех, кто встал, уступая место,
за тех, кто не может встать, за тех, кто краснеет,
за тех, кто плачет в кино, за тех, кто читает Диккенса,

за тех, кто защищает леса, за тех, кто гасит пожары,
за тех, кто все потерял и все начинает сначала,
за трезвенника в компании пьющих,
за тех, до кого нет дела любимым,
за тех, кто терпит насмешки, но однажды покроет себя славой,
за тех, кто улыбается на фотографии,
за тех, кто ходит пешком, за тех, кто не помнит обиды,
за тех, кто знает, что долг платежом красен,
за тех, кому не дано понимать анекдоты,
за оскорбление, которое не повторится,
за ничьи, за крестики в бюллетене,
за тех, кто делает шаг вперед, не заботясь о складке на брюках,
за тех, кому на решающий шаг решимости не хватило,
пью за тех, наконец, за кого сегодня забыли поднять бокал.

Из строчки Марины Ц.

Притяженье, обратное в природе земному, открыла Марина и назвала небесным³.
Считается, будто Ньютон, если бы не яблоко, не обратил бы внимания на тяготение.
При этом в ученую голову не пришла мысль о силе, поднимающей плод на ветку, о движении сока толчками, о хлорофилле, о свете.
Назвать ее, эту силу, предстояло Марине.
Небесное притяженье срывает с места горные цепи, служит причиной приливов,
вытягивает дерево в вышину, вздымает пламя, заставляет теплый воздух подниматься вверх.
Оно — в альпинисте и в астрономе, в рисунках Леонардо, в серенадах, в молитвах,
в умирающем, в дрожжах, в виноградном сусле,

в горле волка, воющего на луну, в ножках ребенка,
в извержении, в содержимом воздушного шарика,
в крике боли, в подбрасывании шапки.
Небесному тяготению ничто не мешает задрать белое платье Мэрилин, заставив ее смеяться,
а невольного зрителя — пускать слюни.

Лес

Влюбленный самозабвенно вырезает на коре инициалы и сердце.
Книга, которую я пишу в привычной тетради, и обложка, в которой она выйдет, — это дерево, убитое мотопилой.
Писатель, посади по дереву за каждую новую книгу,
возмести листьями все до единой страницы.
Долг писателя перед миром равняется лесу.

Война

Единственная справедливая война в истории — Троянская: с оружием в руках два народа решали, какому из них должна принадлежать красота.

Реки войны

Старики на водоразборных колонках, женщины с ведрами у реки, а в воздухе посвист пуль и осколков вперемешку с сиренами — музыка осажденных.
Дунай, Сава, Дрина, Неретва, Милячка, Босна — последние в череде военных рек двадцатого века,

войска разносили в щепки мосты, корежили берега,
огни большого города, Чаплин, огни тамошних городов,
все до единого, не горели.
Европа вокруг, невредимая, процветала.
Другие матери, стоя на коленях, зачерпывают с берега воду после того как Волга остановила в Сталинграде шестую армию
Паулюса
и отбросила назад и преследовала до последнего моста через Шпрее, захлестнув Берлин.
Воды Европы все еще отражают зарево пожаров.
Вислу каждую оттепель освещает пламя горящего гетто:
чтобы его погасить, не хватило двадцатого века.
Вода в Европе который раз снова в цене крови.

Балконы тысяча девятисотых

До телефонов были балконы, на них выходили, с них просили одних передать другим то-то и то-то.
Они выручали девушек, которые отлучались из дома только по воскресеньям — в церковь и обратно.
Девушки красовались на балконах: проходит внизу молодой человек, астра в петлице,
взгляд украдкой — и все понятно отправителю и получателю мысленной телеграммы.
На балконе, среди горшков с цветами, девушка вышивала на пьальцах, делала вид, что уколола палец иголкой, — а иначе как вызвать взгляд, обращенный долу?

Моя бабушка нашла жениха на балконе.
А мама послевоенным летом
спасается от жары на балконе с друзьями
и получает
от двадцативосьмилетнего мужчины,
сидящего рядом, предложение
руки и сердца.
Я — результат их свидания в Мерджеллине⁴

под причудливым небом заката.
Бывает, что на балкон выскакивает какой-то
зверюга,
свешивается вниз, осыпая угрозами
опьяненную собственным весельем
компанию.
Лучше бы он выбросился из окна, а еще
лучше —
держал бы его закрытым, чтобы не портить
историю балконов и Италии тысяча
девятисотых годов

Примечания

- ¹ Ветхий Завет, Второзаконие, 20:5,6,7,8. Цитируется в вольном переводе. (*Здесь и далее — прим. перев.*)
- ² Автор цитирует в итальянском переводе строки из стихотворения Анны Ахматовой «Новогодняя баллада».
- ³ Автор может иметь в виду слова из стихотворения Марины Цветаевой «Отцам»: «С тяготением — от / Земли, над Землей...». Не менее вероятным было бы предположить, что итальянскому поэту известны слова Цветаевой из статьи «Кедр» — отклика на книгу С. Волконского «Родина»: «Склонна думать, что кроме тяги земной существует еще и тяга небесная», а также словосочетание «небесное притяжение» из статьи о Волошине «Живое о живом» (данное примечание было бы невозможно без дружеской помощи Катерины Грациале, итальянской переводчицы Цветаевой и исследовательницы ее творчества).
- ⁴ Район в Неаполе.

© Эрри Де Лука
© Перевод Евгения Солоновича

рассказы

Марко ДРАГО

а сейчас: косить траву...

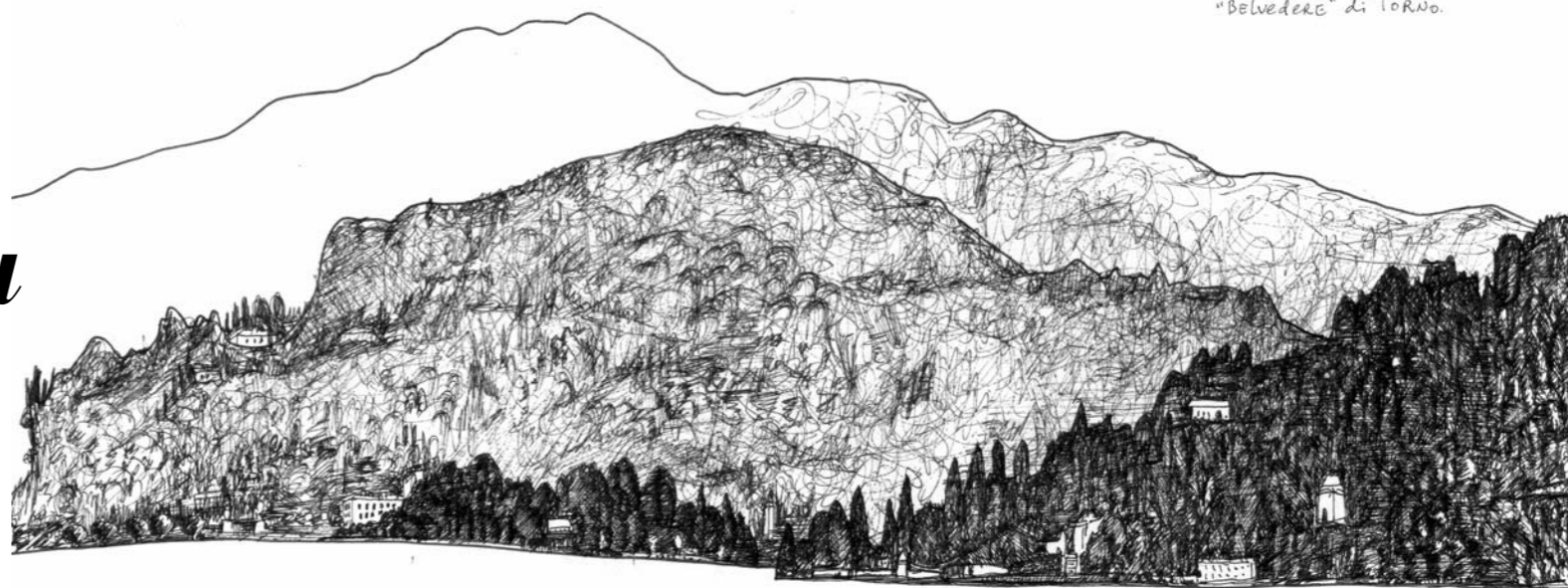
В глазах отца — бездонная тоска, когда я спрашиваю, не даст ли он мне свою машину. Мне тридцать восемь лет. Затем я прошу у него сто тысяч. Он дает их мне. Мне тридцать восемь лет. Он смотрит на меня так, что ясно: он предпочел бы не видеть меня в этом возрасте, что он приплатил бы еще сто тысяч, лишь бы знать, что мне, по крайней мере, лет на десять меньше.

На улице меня ждет Фредино, чтобы отправиться к некому Патрузи, у которого якобы есть работа для нас — косить траву под полуденным летним солнцем. Машина моего отца. Не дай Бог курить в салоне. Мы закуриваем сразу же. Мы еще у второго съезда с автострады, но выкуриваем уже по второй сигарете, правда, при открытых окнах. Лето в наших краях — прекраснее не придумаешь. Даже не верится, что придет зима. Зима у нас — препротивнейшая пора. Несколько месяцев не видно ни зги. Хотя мы и находимся на вершине холма, но туманы добираются и до нас. Мне тридцать восемь лет, и я перевидал столько лет и столь-

ко зим. Лето — великая вещь. Все кругом зелено, а по вечерам поднимается легкий ветерок, который так и тянет воспарить. Мне хорошо спится при включенном телевизоре и с двумя подушками, чтобы удобнее читать, и я проваливаюсь в сон сразу же, не глянув на экран и не прочитав ни строчки. По вечерам я прихожу домой уставшим и тотчас засыпаю, чтобы не думать об обыденном.

Фредино знаком с этим Патрузи, вернее сказать, однажды говорил с ним по телефону по чьей-то наводке. Я мало кого знаю из селян, но у Фредино среди крестьян полно друзей. Людей, которые ложатся спать в пол-одиннадцатого вечера, просыпаются без пятнадцати пять утра и идут вкалывать кто в хлев, кто на виноградник. У одного из них мы получим работу, Фредино и я, то есть, может быть, получим работу. Сегодня предстоит обсудить это, а там посмотрим.

Мы подъезжаем к щитовому домику из белых пластиковых панелей. Какой-то мужик грузит пикап. Складывает инструменты в кузов. Он смотрит на нас, подъезжающих на шикарной машине промышленного босса, и видно, как у него отвисает челюсть. Но как только выходим мы, я и Фредино, он возвращается к прерванной работе — погрузке инструментов. Фредино тридцать шесть лет, мне тридцать восемь. Если посмотреть на нас издали, то можно принять за пару запущенных студентов. А вблизи — лучше не говорить. Мужик и есть Паризи. Он говорит нам: «А-а, это вы. Сколько же вам годков? Ладно, садитесь в эту машину. Надеюсь, водить-то умеете? Поедете по автостраде до Тортоны. У железнодорожной будки найдете парочку таких же типов, как вы, с такой же машиной. Они знают, куда ехать дальше. Инструменты, которые вам понадобятся, — косы, грабли — здесь. Работа неответственная, нетрудная и хорошо оплачиваемая. Каждый день я буду отстегивать по семьдесят тысяч налом. Если будете работать шесть дней, получите четыреста восемьдесят тысяч, и привет. Ах да! Меня зовут Таназио. А вас?».

Lago di Como
Visto dal ristorante
"Belvedere" di TORNO.

Перевод Валерия Николаева

Мы представляемся. Я говорю: «Очень приятно, я Джульельмо Феррарис». А Фредино говорит: «А я приятель Риццо, меня зовут Альфредо Библионе. Мы с вами говорили по телефону...».

Мы едем, Фредино ведет машину, а я разглядываю падуанскую долину, бегущую за правым окном. Косить траву. Мне тридцать восемь лет. Однажды твоя жизнь оказывается в точке, в которой на тебя скопом сваливаются все неприятности, и ты больше не в состоянии сопротивляться этому. Если напрячься, то можно вспомнить, какой я в тринадцатилетнем возрасте представлял свою взрослую жизнь. Я видел себя совершенно другим человеком, типа бабочки, которая летит прочь от своего родового кокона. Мне было тринадцать, и я думал, что когда мне будет двадцать пять, я изменюсь полностью. Однако мне тридцать восемь, и в этот конкретный момент мне не удается найти какого-либо различия между тем, какой я сейчас, и тем, каким я был тогда. Фредино немного моложе меня, но еще больший неудачник, чем я. У него высшее образование. Я, по крайней мере, остановился на аттестате технического училища, он же закончил институт и имеет диплом физика.

Прибываем в Тортоны и находим Ахмеда и Нунцио. Они говорят, чтобы мы ехали за ними, что мы и делаем. Минут через десять останавливаемся посреди поля у какой-то лачуги. Отсюда начинается местная дорога до Александрии. Нам предстоит косить траву на откосе дороги аж до самой Ломбардии, и косить тщательно. Восемьдесят тысяч наличными. Машина моего отца, крупного менеджера, осталась в Александрии рядом с панельным домиком из белого пластика. Фредино веселится вовсю. Он рассчитывает продержаться пять или шесть дней и свалить. Я так не могу, иначе отец оторвет мне башку. Я должен поработать, по меньшей мере, месяца три. У Фредино нет проблем, его отец давно умер, и никто не морочит ему голову. Спасает мысль, что уж в октябре-то я смогу впасть в летаргию моего чудесного мира телефильмов и кофе с коньяком в баре под портиком. В эту пору мне нравится засыпать рано. Я закрываю дверь в спальню и осматриваюсь. Все хорошо, все неизбежно хорошо. В этой комнатухе я живу с тех пор, как пошел в школу. Только сейчас на стенах поменьше картинок и побольше фотографий, моих и моей подружки. Я валюсь на кровать под абажуром а-ля Алан Форд и пролистываю несколько утренних газет и еженедельников моей матери. Включаю телевизор, наливаю себе стакан виски и, попивая его, кому-нибудь звоню. Потом передеваю в пижаму и забираюсь под одеяло. Я никогда сам себе не надоедаю. А когда выхожу из дома, всегда что-нибудь себе ломаю. Это если зима. Сейчас другое дело, сейчас работа в течение трех месяцев. Косьба травы.

Что за день сегодня! Не рассказать даже самому себе. Сегодня, спустя восемь лет, я бросаю мою невесту. Она еще об этом не знает. И даже не подозревает. Сегодня я буду косить траву. В течение десяти часов, а затем вернусь разбитый домой и после душа позвоню своей невесте и скажу, что бросаю ее. Мою девушку зовут Марина, ей тридцать три, она воспитательница в детском саду, у нее упругая грудь, густые волосы, как у южанок, смуглая кожа, как у южанок, она и есть южанка. С ней мне неплохо, но у меня в голове проклюнулась некая теория, и с тех пор, как я о ней размышляю, ничто другое в башку не идет. А уж сегодня тем более. Сегодня — косить траву. Целый день и впредь: косить траву.

Мы выходим из машины, и нам показывают, как пользоваться косой. Потом говорят: «Берегитесь камней, они вылетают из травы, как пули, здесь в Тортоне их полно, в траве их плохо видно», ... и мы погружаемся в грезы. Хорошо грезится под свистящий шум косы, под ритм автоматических движений, под запах свежескошенной и засыхающей зелени, здесь на откосе провинциальной до-

роги, по которой бегут и бегут, кажется, вечно, и кажется, нескончаемо, легковушки, везущие людей от Тортоны или, напротив, к Тортоне.

Ахмед и Нунцио отходят от нас, и в ожидании, когда мы скосим несколько десятков метров, курят тонкие самокрутки в тени дерева, потом делают нам «чао!» и уезжают. Наша база — лачуга, около которой мы оставляем наш пикапчик и от которой мало-помалу удаляемся. Мы удаляемся от лачуги и, следовательно, от машины. Прекрасно то, что на этой дороге нет ни одного пешехода, кроме меня и Фредино. Мы посреди ирреального мира, и компанию нам составляют только грузовики, легковушки и мотоциклы. Сегодня, действительно, безумный день: гарантированная и хорошо оплачиваемая работа, этого достаточно, чтобы доставить удовольствие моему отцу, и еще другая штука, действительно, очень важная: адью, Марина, после восьми лет. Я не уверен, что смогу вынести оторопелое выражение ее лица, когда попрощаюсь с ней навсегда, а потому позвоню ей из дома сегодня вечером, чуть позже десяти. Мой выбор — выбор мужественный, выбор во имя идеала, он никоим образом не связан с каким-либо происшествием или, скажем, с тем, что она мне надоела. Мне тридцать восемь лет, и восемь из них я связан с Мариной. Она работает. Она зарабатывает. Она не клянчит у своего отца машину и тем более сто тысяч. Скорее всего, по этой причине мы не проведем отпуск в доме ее бабушки в Каркаре, не поедem в Египет на подводное плавание, или во Францию попить вина, или в Мексику к колдунам. Может быть, по этой причине я ложусь спать так рано по вечерам. Именно «по этой причине» пугает меня. Мое решение меньше всего высосано из пальца. После того, как мне в голову втемяшилось «по этой причине», я не могу больше думать ни о какой другой женщине. Баста. Прочь Марина, прочь все другие бабы. То, что пришло в голову мне, могло бы и должно бы прийти в голову всем, прежде всего Фредино. Он уже давно с Миленой, женщиной, которая подавляет его во всех смыслах, использует и гнетет, обычное дело. А он — придурок.

Сбоку от нас большое поле, стекающее в овраг. Отсюда не видно, но внизу может быть водный поток или что-нибудь в этом роде. Пересекая поле, в мою сторону идут двое. Мужчина и девочка. Фредино с другой стороны дороги смотрится сомнамбулой. Он все ниже и ниже клонится к земле, и кажется, вот-вот упадет. Мужчина и девочка явно северяне. Мужчина тащит в руке сумку-холодильник. Они быстро шагают в направлении склона. Я прекращаю работу и бреду в их сторону. Они останавливаются и вопросительно смотрят на меня. Фредино продолжает косить, ничего не замечая. Я говорю: «Привет!» Они смущенно улыбаются. Я спрашиваю: «Там внизу есть река?» Они смущенно улыбаются. Я спрашиваю: «Вы немцы?» Они смущенно качают головами. «Швейцарцы», — говорит мужчина, и это все, что он может сказать по-итальянски. Когда у меня есть что делать, мне всегда удается внезапно найти повод прекратить работу. Как в этом случае. Сейчас я стою здесь и жестиками общаюсь с двумя швейцарцами, хотя мне нет до них никакого дела и мне нечего им сказать. Я хочу только провести несколько минут без свистящего звука косы в ушах. Девочке ближе к семи, симпатичная блондиночка с ладной фигуркой. Он коротконосый, загорелый, с безупречным сложением, похож на альпиниста. Что занесло их в эту полную комаров долину? Я показываю жестом «плавать», не выпуская косы из рук. Они: «Я, я!», — что, должно быть, означает: река есть. Река, именно то место, где я хотел бы очутиться сейчас по такой жаре. Я говорю, что провожу их. И шагаю, повесив косу на плечо, отчего она болтается, словно противогазная маска. Они сдержанно улыбаются. Склон казался менее крутым, но сейчас он очень крут. Повсюду полно насекомых. Косить траву? Нет уж — плавать в реке. Несколько шагов, и я замечаю строения прямо перед нами. Рядом с ними полуодетые мужчины и женщины, бассейн, два корта, ресторан. И никакой реки, просто деревня для богатых швейцарцев. Под Тортоной. Я жую бутерброд, не ощущая вкуса, и на-

правляюсь через поляну искать тень. Фредино, брат мой, ты спрашиваешь себя, куда я подевался? Я здесь, среди швейцарских шлюх. Охранник, толстый и сонный пьемонтец, требует показать ему пропуск. Подходит отец девочки и жестом говорит, что я с ним. Я благодарю его и отхожу в поисках тени. Тень. Сегодня закончу с Мариной, и больше никаких баб. И член свой заберу с собой. Она очень агрессивна. Если б я ей однажды изменил (об этом даже смешно подумать), она бы убила меня своими руками, Марина. Агрессивная. Но я ей не изменяю, и не потому, что после этого немного противно. Она уже решила, что коль скоро я ей не изменяю, то она останется со мной навсегда. И поэтому агрессивна. Никакого спасу от нее. Агрессивная, я ее брошу. Самое интересное в этой истории, что она готова терпеть все, лишь бы я ей не изменял. Она постоянно мне об этом талдычит. В конце концов вся тяготица по поводу качества отношений сводится к этому. Лишь бы ты мне не изменял своим членом, когда я его отпускаю, так говорит Марина, и я умру у твоих ног, как собака. Так говорят все женщины. Во все времена.

Швейцарец и его дочь растянулись под солнцем загорать, а я сижу в тени. Решаю, что пора уходить, решаю, что пора вернуться к работе. Я потерял не менее получаса, никто этого не узнает, я скажу, что у меня была проблема с ногой, что у меня заболела нога. Фредино наверняка ушел вперед километра на два, и я ему скажу, что у меня заболела нога, но я стараюсь работать сквозь боль, и таким образом буду выглядеть человеком, не покоряющимся обстоятельствам. Я прощаюсь с девочкой и мужчиной. Они дремлют. Выхожу и поднимаюсь по склону. Вновь вижу дорогу, вижу то место, где трава нетронута и спутанна. Вновь начинаю косить. Сегодня вечером я ее брошу. Хочу принадлежать только себе, и все тут. Двойка — смешное число. Вдвоем ни хрена путного не устроишь. Я хочу всегда оставаться самим собой. Тридцать восемь лет. Мой отец увидит деньги, которые я принесу в дом. Три месяца, и потом — летаргия. А сейчас: косить траву.

отец

Если то, что я знаю наверняка, — правда, тогда я должен в скором времени кого-нибудь прикончить. То, что я знаю наверняка, это — голос, нечто вроде слабой неяркой вспышки света в закрытых глазах посреди ночи. И как только я прекращаю качаться на волнах ускользящей действительности, он говорит мне, что я убийца и что весь мой род — род убийц. На самом деле я никогда не был знаком ни с кем из своих дедов и бабушек. Моя мать умерла, когда мне было семь лет. И я остался с отцом, а мой отец, этот точно — убийца. И если правда то, что мне известно наверняка, я тоже им буду. До тех пор, пока это точно знаю один я, до тех пор я буду сыном убийцы, и осознание этого факта не кажется мне общественно полезным. Наверняка лучше иметь отцом университетского преподавателя или же картежника, и даже, (почему бы и нет?) журналиста. От всего этого в душе неприятный осадок, раздражающий ранними утрами, когда я чищу зубы и десны, умываюсь, слышу, как моя жена тихо попукивает во сне и как чуть слышно бормочет радио в комнате моего сына. Я говорю себе, что я тоже убийца, я повторяю это, всматриваясь в собственное отражение в зеркале, но секунд сорок-пятьдесят спустя верю в это уже меньше. А если я разглядываю свою физиономию, надев очки, все кажется мне просто идиотизмом, и если меня не прихватит

хриплый кашель, утро улыбается мне от уха до уха, даже если фонари еще голубые, а небо темное, скорее темное, чем черное.

Моего отца, героя-партизана, при жизни ненавидели почти все. У него был тяжелый дурацкий характер, из тех, которым, неизвестно почему, пользуются для того, чтобы портить жизнь окружающим. В нем жила какая-то чудовищная тоска, результатом которой бывают только неприятности. Он мог не общаться со мной в течение трех дней. Всегда погруженный неизвестно в какие мысли, вечно не в духе, злобный по отношению к животным, растениям, женщинам и детям, безразличный к другим мужчинам. Герой-партизан, упертый анархист, вбивший себе в башку теорию, согласно которой весь мир — дерьмо, и люди, его населяющие, тоже. Так я и рос рядом с прекрасным образцом позитивной системы воззрений, и в меня перешли нежные колдовские флюиды. Большая заслуга моего учителя-папашы в том, что он являлся для меня маяком в тумане жизни, с его ружьями, висевшими на стене нашего трактирчика, и несколькими автоматическими пистолетами, валяющимися по ящикам. Такова реальность. Я рос очень нервным, настолько, что постоянно грыз ногти. На ногах. Я сидел на край кровати и почти полчаса грыз ногти, созерцая мебель из коричневого пластика с прорисованной лаком фактурой дерева. У меня была тетя, сестра отца, и когда она в одночасье выскочила замуж за алкаша моложе ее, я и отец на долгие годы остались вдвоем. За ужинами царил праздничная атмосфера, подобную которой можно представить себе в каком-нибудь чеченском окопе в шесть утра. Ночью я спал, а он разговаривал по телефону. Утром я отправлялся в школу, а он спал. Мой сын мне не верит. Счастливчик. Он уже нравится девочкам и, мне кажется, знает их достаточно основательно. Он облегчает мой карман больше чем на миллион лир в месяц только на развлечения, считает, что за меня надо стыдиться перед друзьями, тайком покуривает травку в комнате и глазом не ведет, когда я ему говорю о деде-убийце. Я счастливый отец.

Я убежал из дома дважды. Во второй раз отец застрелился. Я пошел забирать его из морга. Я опознал его. Я знал, что это он, прежде чем вылететь из Стокгольма. Помню, как я закурил сигарету и подумал, что все к лучшему. Я ведь и сбежал, чтобы не убить его. Вот опять светящийся голос кошмара: убил бы я его? Может быть, да. Хотя в этом не было необходимости: как все индивидуумы с червоточиной, чокнутые, как он, в какой-то конкретный момент закливаются на чем-то и после того, как наделают достаточно шуму-гаму и вреда, саморазрушаются. Все это многократно описано.

Итак, два побега. Первый раз в Базелею к двум приятелям, которые работали там каменщиками. Я ночевал во Франции в пансионе, а работал в Швейцарии, так что никто не знал моей истории. После четырех месяцев относительного спокойствия из телефонных разговоров со своими знакомыми в Италии я услышал возмущившее меня известие: и не только о том, что мой отец не смирился с тем фактом, что его совершеннолетний сын двадцати одного года от роду решил исчезнуть просто так, без скандала, лишь бы освободиться от его невыносимого присутствия. Не только. Его самодурство, его мания плевать на всех и в то же самое время совать свой нос во все дела, его собственный инстинкт — все это подвигло его на действие, невероятное в те годы: в свои полные семьдесят лет он рассказал о моем поступке в прямом эфире телевидения. Тысячи, а может быть, и больше добропорядочных итальянцев в рубашках, застегнутых на верхнюю пуговицу, и в широких клешах, смаковали напыщенные слова этого несчастного бессмысленного героя несчастной и бессмысленной войны поколений. Героя без достоинства, орущего в объективы телекамер, в присутствии офицеров-карабинеров, взбешенных посягательством на их безупречную деловую репутацию. Это был тот еще скандал. Я посчитал своим долгом сделать жест искупления: я написал письмо в ежедневную газету «Ла Stampa», чтобы объяснить всем и моему отцу, прямо к нему не обращаясь, что чувствую себя хорошо, что я за границей. Точка. Я не знаю, как, но в течение недели после публикации письма я ощущал, что жители Базелеи как-то странно смотрят на меня и даже подгля-

дывают за мной. Со мной и сейчас такое случается, но сегодня это невроз, обычный для моего образа жизни, результат многих лет полной физической пассивности и некоторого психологического дискомфорта в целом. А тогда родившиеся у меня опасения оказались обоснованными: отец, благодаря черт знает каким знакомствам в среде мелких преступников, смог нанять двух бандитов, водивших грузовичок с немецкими номерами, которые, после нескольких дней слежки, повязали меня и доставили домой, проделав это в калабрийской манере с тевтонской основательностью.

Если у моего сына когда-нибудь появится мотив сбежать из дома, он, скорее всего, этого не сделает: я не верю, что он сумеет даже купить себе билет на поезд за границу, я не уверен, что он когда-либо видел, как собирают чемодан, разрывая себе сердце от печали и тоски. Если я и убежал в тот первый раз, то только для того, чтобы не убить своего отца. Он постоянно таскал меня с собой, считая меня изнеженным наследником великого рода. В то время мы жили в доме, слишком огромном для нас двоих, и я пользовался этим, чтобы водить к себе девчонок. Зимними вечерами, когда столько моих приятелей тискали их где-нибудь за городом, при включенном моторе в тесноте своих 500-литражек, я предпочитал укладывать мои завоевания на ортопедический матрас под фотографии лысого раллиста и группы волосатых музыкантов. Все проходило хорошо, за исключением случаев, когда отец находился дома. Тогда я знал, чем это кончится: он издевался над девчонками, он выливал на них ведра помоев, стараясь шокировать их не столько тем, что говорил им, сколько самим фактом, что глава семьи может быть таким необузданным кретином, не контролирующим себя. Естественно, после таких сцен меня начинало трясти, и дела заканчивались катастрофически. В одну из ночей я очень сильно врезал ему по физиономии. Он упал и ударился головой. Это был тот самый момент, когда я четко осознал: или я его убью, или сбегу из дома. Девчонка, которая была со мной и с которой я намеревался завязаться надолго, сидела парализованная в углу кухни и не позволила даже подойти к ней. Она сбежала, рыдая, в то время как я пытался убедить, бьется у отца сердце или уже нет. Сделано было на пять с плюсом, ничего не скажешь: кровь из головы и куча проблем впереди. Так я уехал в Базелею, а он устроил бардак на телевидении, и закончилось тем, что пара калабрийских бандюков приволокли меня к порогу моего дома. Я оставался там лишь одно мгновение. После того, как только грузовичок отъехал и как только мой отец с выражением лица, которого я никогда прежде у него не видел, сказал: «Нини, ну и растолстел же ты...», я резко развернулся и бросился вниз по лестнице. Он даже не попытался остановить меня. Так начался мой второй побег, на этот раз последний, — в Стокгольм.

Интересно знать: переходит ли проклятье с отца на сына? Все же мы навсегда прописаны в патриархальном обществе, даже если и колеблющемся, и время от времени меняющем свою точку зрения относительно научных дефиниций полов и поколений, их роли и предназначения. У моего сына уже есть свое подобие демона, в нем поселившегося: в 16 лет он тратит уйму денег на легкие наркотики, стремясь надуть отца и мать, правда, абсолютно безуспешно. Вечера он проводит в прокуренных зальчиках с нескончаемой электронной музыкой, где непрерывно курит в компании подружек, таких же, как и он. Быть может, молодежь нашего квартала создала какую-то тайную секту? Еще он любит часами говорить о том, чего он не делал. Телефон в моем доме — постоянный свидетель одной и той же мизансцены: я, шаркающий тапками так, чтобы произвести как можно больше шума, пинаю кота и матерчатый пуфик, одновременно пытаюсь натянуть голубой пуловер с вырезом в форме буквы V, полностью характеризующей мою жизнь; я, проходящий рядом с телефоном, и он, говорящий в трубку: «Мы хотели пойти туда, но тормознулись здесь. Здесь был концерт, и все мы остались. Я завалился спать в десять, потому что после там уже не хрена было делать...» И тогда, когда пуловер занимает положенное ему место, я говорю себе, что мой сын — законченный идиот, а после говорю себе, что мой отец также все время говорил обо мне, что я законченный идиот.

Шведский случай был сложнее. Рассказывать о местах, столь экзотических, как Швеция, рассказывать это сейчас, когда я живу между углом с термосифоном в столовой и офисом с белой мебелью в транспортной конторе, мне кажется достойным внимания. Именно там, в Швеции, я пришел в себя. Я работал кладовщиком в футбольной команде, выступавшей в серии А. У меня была шведская подружка Ольга, и я жил размеренной шведской жизнью. А после совершил ошибку, написав письмо с художественными изысками двум своим друзьям, оставшимся в Италии. Писать такие ночные письма под кайфом от нескольких затяжек сигареты с «травкой» и местной водки имело свою прелесть в те времена. Вот это письмо:

«Я бреду сквозь загадочную полярную ночь с заледневшими реками, следами от коньков, несколькими банками из-под пива, оставленными умирать на ступеньках церкви.

Я чувствую, что эти слова — общее место в лесу избитых фраз, и тем не менее эта ночь такова, что выразить ее можно только с помощью джазового саксофона или голоса певца, разрушенного раком легких. Вот такая эта ночь, ночь с руками в карманах и далекими воспоминаниями, до слез в глазах. Ночь Северной Европы. Прощайте, ребята. Доброго пути.»

Скажите, какому психически нормальному человеку может прийти в голову переиначить эти слова в последний привет самоубийцы? А вот мой отец стал убийцей именно из-за этих слов, во имя отцовской любви, грубо кричащей о себе, но никогда на самом деле не существовавшей. Каждый раз, когда я размышляю над цепочкой совпадений, которые привели к финальной катастрофе, я не могу дать всему случившемуся никаких объяснений, кроме как с позиций эзотериков и тех, кто зачитывается книгами о колдунах и им верят. Во всем случившемся без вмешательства космоса явно не обошлось. Какой-то переход энергии, короткое замыкание, абсолютный микропроцессор, манипулирующий людьми, словно дефектными механизмами.

Дело в том, что какой-то итальянский парень, примерно моего возраста, покончил с собой, бросившись в Швеции под поезд. У парня не было никаких документов. В кармане нашли только вырезку из итальянского медицинского журнала, и средства массовой информации, голодные до новостей, состряпали на этом целый леденящий душу детектив. С того момента и ведет начало конфликт между моим отцом и карабинерами. Сначала это были просто хамские и неконтролируемые выходки невменяемого человека в состоянии маниакального кризиса, результатом чего была многолетняя пыль, поднятая с темной мебели второразрядной казармы нашего квартала. Его выбрасывали оттуда по меньшей мере три раза.

Еще живы свидетели того, как он ходил туда через день, орал и оскорблял карабинеров. Потом пришло время самого настоящего параноидального буйства со всеми признаками опасной криминальной разборки. Ему ни на мгновение не пришло в голову, что можно сесть на самолет, прилететь в Стокгольм и опознать парня, перемолотого поездом. Слишком сложно для его мозгов. Даже немислимо, как. В его башке тот факт, что карабинеры не хотели выслушивать его бред, увязался с их виновностью в сговоре со шведскими коллегами. Он ненавидел военную форму. Он ненавидел власти. Он был сумасшедший. И однажды утром он вошел в казарму и стал орать: «Убийцы! Выродки! Где мой сын? Это вы у меня его убили! Ублюдки!». А затем убил четырех парней, аккуратно всадив им по пуле прямо в лбы. Я в это утро был на работе. Живой и почти счастливый. Он — нет. Он не мог позволить себе спокойно наслаждаться свободным временем, чинить электропроводку в доме, косить траву, копать в огороде, толкать тачку, полную бесполезных обломков ненужных вещей. Нет. Он должен был быть уверенным, что это именно я бросился под поезд в Швеции, только потому, что таким был его взгляд на мир. И он устроил эту бойню, а затем пустил себе пулю в рот. Сонные улицы округи в течение почти сорока секунд отражали звуки выстрелов, крики, шум скользящих по полу стульев и падающих тел. И в этот не слишком долгий промежуток времени

завершился давнишний конфликт между мной и моим отцом. Завершился с такими страшными последствиями для окружающего мира. Но я, повторяю, в это время находился на работе. И к бойне не имел никакого отношения.

Кошмарные озарения, которые посещают меня во сне, и которые, чувствую, полностью владеют мною и в минуты бессонницы, тем не менее, не сказываются каким-либо образом на моей жизни. За исключением тех немногих лет, когда я постоянно бился головой о гигантский тотем, представляющий моего отца, и за исключением иссушающих душу унижений, им мне наносимых, — не считая этих моментов из прошлого, я могу сказать, что вырос достойным и порядочным человеком. Я женат и до сих пор влюблен в свою жену, у меня мятущийся сын, отчего я сам становлюсь таким же, у меня дом и достаточно приятного времяпрепровождения, чтобы спокойно дожить до естественной смерти. Я знаю, что я потенциальный убийца, и что, не исключено, рано или поздно могу убить кого-нибудь, но тщательно скрываю это. Иногда, когда я чем-то увлечен, мне удается не думать об этом. Я очень ценю эти мгновения самообмана, помогающие вести достойную жизнь. Но именно после таких мгновений, как эти, мой монстр подкарауливает меня и вливает в мозг конкретную и подробную информацию о том, как однажды я высмотрю и подстерегу кого-то (еще не знаю, кого) и нанесу ему удар орудием типа бейсбольная бита и буду бить его до тех пор, пока не увижу, что он мертв. И если к концу моей жизни этого не случится, если все окажется только плодом самовнушения или скверной интерпретации умозрительных знаков и сигнальных вспышек, тогда мир может сказать, что сэкономил сырье, и я смогу уйти легко и беззаботно, как я и пытаюсь жить до сей минуты.

свидетельство Пуриши

Деяносто из ста, что никто не войдет в дом, в то время как я потрошу ящики в спальне. Согласно скрупулезному исследованию одного малоизвестного статистического института, квартирных воров заставляли на месте преступления, куда они проникали без лишнего шума, только в десяти случаях из ста. Поэтому я, усевшись на край кровати, дышу спокойно, внимательно разглядываю себя в зеркале, прикуриваю сигарету, затем гашу ее, сворачиваю другую из табака и бумажки, зажигаю, рассматриваю фотографии на комод: вся картина жизни — вот девочка, девушка, потом цветущая женщина, на крайнем фото она с каким-то типом, лицо которого мне кажется знакомым, отчего меня охватывает беспокойство — не хватало еще очистить дом знакомого. Лицо парня с фотографии я точно видел, и не единожды. Я смотрю на растение, карабкающееся вверх по занавеси, искусственная зелень, без прожилок, напоминает арбузную корку, но такого зеленого цвета, какой бывает только в океане. Инстинктивно гляжу на телефон. Под факсом три или четыре свернутых в трубку листка, я рассеянно просматриваю их. Написано от руки. Личные послания. Свидания. Поцелуи. Гашу окурки каблуком и включаю телевизор. Появляется гигантский шмель на зеленом поле. Переключаюсь. Синяя борода кусает бедро женщины, раскрашенной, словно Мина в 1968 году. Натыкаюсь на коммерческий канал и выхожу, оставив телевизор включенным, в то время как некто успокаивает кого-то, я слышу слово «изнасилование», а дальше я уже на улице, и в моих карманах золотишко, которое постепенно принимает температуру моего тела, и я пью за будущее в течение следующих 24 часов.

Вот, до меня дошло, кто этот тип на фото. Футболист. Известный футболист, из тех, кто частенько появляется на публике. Кажется, вчера телеведущий напялил на него карнавальную маску Кинг-Конга, после чего он поднялся и изобразил телодвижения а-ля Кинг-Конг, а потом пошла реклама: баба с белой пеной во рту. Когда реклама закончилась, футболист заговорил о каком-то контракте, а потом перешел к Японии — «земле абсолютно иностранной» и к японцам — «дотошным и не боящимся трудной работы». Потом добавил: «женщины там без ума от итальянцев, но это не мой сорт женщин, потому что почти у всех толстые щиколотки, а мне нравятся женщины с изящными. И потом, у меня есть невеста, Франческа, и мы поженимся через полтора месяца». Журналист, который напяливал на него маску Кинг-Конга, подскочил как ужаленный и заорал: «Шикаарно!» — и на этом передача закончилась. Никакого намека на кражу в доме, теперь я знал ее имя — Франческа.

Футболист сменил команду. Вот в связи с чем он упомянул о контракте. Он переходил из одного клуба в другой, и по этому поводу появился комментарий журналиста, из тех, мнения которых слушают по любому значительному событию, как-то: «Обо всем этом было известно еще в конце апреля». Комментарий вызвал истерическую реакцию одного из мелких функционеров клуба, приобретшего футболиста, а когда я спросил бармена из бара на первом этаже моего дома, он тоже сказал, что обо всем этом было известно еще в конце апреля.

У этого типа, футболиста, не знаю по какой причине, но что-то было не в порядке с головой. Я был почти уверен, что с ним что-то не так, и почти три недели я только тем и занимался, что следил за его жизнью по газетам и журналам, которые попадали мне в руки, чтобы убедиться, что с ним не все ладно. Он вновь появился на ТВ. Сказал какую-то глупость по поводу моральной поддержки, но говорил это со скучным лицом: «Я благодарен всем болельщикам моей прежней команды и, в частности (пауза, во время которой он доставал из внутреннего кармана пиджака бумажку)... и, в частности, Надю Голози, которая не пропустила ни одного нашего домашнего матча». Люди поднялись с мест, а он все сидел и смотрел на свои туфли, потом нагнулся, якобы завязать шнурок, который и так был завязан. Потом он опять взял слово и трижды повторил: «Уровень японского чемпионата ниже среднего», и на этом передача закончилась.

Этому типу было двадцать семь лет, и семь из них он играл в одной и той же команде, а в этом году перешел в другую. Его любимым актером был Кристофер Ламберт; актрисой — Петси Кенсит, сыгравшая вампиршу; предпочитаемая рок-группа, которая прямо-таки сводила его с ума, — Тото. У него было шесть современных автомобилей и беспородный кот Пила, названный так по имени видеоигры. Этой информацией меня бесплатно снабдил мой парикмахер. Ее он, в свою очередь, почерпнул из старого, двухнедельной давности иллюстрированного журнала. В нем футболист заявлял, что читает много книг и что ему было бы приятно, если б его сын — когда у него будет хотя бы один, — мог бы иметь больше времени, чтобы побыть панком, или хиппи, или хулиганом, или кем-нибудь другим, у кого нет ничего общего с тренировками и спортивным духом.

Я снова в доме Франчески. Никакого охранного устройства, как и в прошлый понедельник, когда я здесь был в последний раз и поставил «сторожок», по которому понял, что в понедельник вечером футболист, живущий в двух кварталах, приходил сюда ночевать. Телефон и факс переставлены на столик, с виду очень дорогой, но никаких следов записной книжки или ежедневника. Я поискал кругом, потом мне в голову пришло заглянуть в ящики спальни, и в одном из них я увидел электронную записную книжку. Включил. Работает хорошо. Нашел имя футболиста и увидел длинный

список телефонных номеров. Начал переписывать на бумажку, но потом бросил ее в унитаз, а книжку засунул в карман. Вышел, забыв даже глянуть в телевизор.

Я позвонил ему на мобильник, и он ответил, должно быть, с дискотеки или ночного клуба. Он кричал: «Алло! Аллоо!!» А я пытался перекричать шум и орал: «Это я, который украл золото из дома Франчески!» А он смеялся и продолжал кричать: «Алло! Аллооо!!» — до тех пор пока связь не прервалась. И я понял — какой-то клик из глубины, что уснуть мне не удастся. И действительно, я прошагал всю ночь между ванной и кухней, и ни телевизор, ни золото, ни горячая ванна не вернули мне ни сна, ни покоя.

В подростковом возрасте у футболиста был трудный период. Я прочитал об этом в его интервью пятилетней давности, где он говорил, что его тянуло покончить с собой и что у него были серьезные проблемы с психикой. Это подсказала моя интуиция, когда я только глянул на его фото на комод Франчески. Его уpekли в клинику, где он провел полгода. Потом он начал свою карьеру в юношеской команде одного из клубов и в конце концов стал тем, кем его сегодня все знают. Я набрал его номер, он раздраженно ответил (была половина восьмого утра), я спросил его в упор: «Ты никогда не страдал kleптоманией?» Он молчал почти минуту, потом выматерился и бросил трубку. Я сразу же перезвонил, и он ответил, слегка изменив голос. Я сказал ему: «Я тот самый, кто не так давно спер золото из квартиры Франчески. Но я понял, что выреченных денег мне хватит всего на пару месяцев, и решил вернуть его. Ты доволен?» Он явно оторопел, а потом спросил: «Ты кто?» — и в следующее мгновение исправился и добавил: «Что ты хочешь взамен?»

Футболист неожиданно улыбнулся улыбкой, сатанинской и смущенной в одно и то же время, и обвел рукой зал с сидящими за столиками людьми, наливающими красное вино в никогда не пустующие бокалы. Он показал на них и сказал мне: «Видишь? Все они такие... белые и пушистые. Сидят за столиками по две, три, четыре человеческих особи, и, по меньшей мере, в течение двух часов не делают ничего иного, как крошат хлеб, режут мясо и глотают его, потея от неясного беспокойства... и если бы я... если бы я сейчас снял парик и фальшивые усы, почти все они забыли бы об ужине, тарелках, вине, обо всем. Если бы я сделал только самое простое движение по демаскировке, жизнь этих людей на пять или десять минут, или на мгновение, неважно, жизнь этих людей остановилась бы, и все свелось бы к созерцанию мифа, воплощенного во плоти. Ясно?»

Что тут непонятного, подумал я, но не сказал этого вслух. Он сидел передо мной в парике, фальшивых усах и темных очках, очень дорогих, по его словам. «Они стоят миллион восемьсот тысяч лир. Может быть, и дороговато, но уж больно марка знаменитая. Что можно купить на миллион восемьсот тысяч?»

Я ответил: «Ничего. Разве только пару поддельных очков».

Он посмотрел на меня и сказал: «Никто из моих коллег не согласился бы встретиться с глазу на глаз с вором. Понимаешь? Никто. Они бы позвонили своему адвокату, а тот позвал бы карабинеров, и все закончилось бы предвиденно и скучно, несколькими строчками в спортивных новостях завтрашней газеты. Но я чокнутый, и она об этом знает. К сожалению, моя жизнь не представляет таких возможностей, как эта. И потом послушай, это золото, оставь его себе. Никому до него нет дела. Она о нем уже забыла. Сейчас она вся поглощена домом, который строит для нее фирма ее отца. Где мы будем жить. Я предпочел бы купить особняк в центре, было бы более свежо зимой и теплее летом, но она вбила себе в голову эту пирамиду из пластика, да и архитектору уже заплачено, чтобы он удовлетворил ее прихоть. Это ужасно и великолепно: в одно и то же время быть очень

богатым и понимать, что находишься вне реального мира, что ты проник в другое его измерение. Все, что важно для тебя, для других не существует даже в самом воспаленном воображении. Это странная, но прекрасная вещь, до головокружения. Я сумасшедший, и она об этом знает».

Футболист вежливо прощается со мной и снимает парик и усы. Таксист с отвалившейся челюстью смотрит на него секунды четыре. Уступает ему дорогу и трясет головой, словно хочет сказать: «Какой кайф иметь такую работу».

Чемпион — чокнутый. А чокнутые действуют тебе на нервы, потому что они тебе нравятся, хотя и не должны бы. Они пребывают в своем блаженном состоянии, и мало-помалу ты становишься таким же. Я звоню ему редко, но когда звоню, он очень доволен. Я спрашиваю его: «Это правда, что все футболисты кокаиновые?» А он: «Ну уж... кое-кто да. Я нет. Я пользуюсь *Свидетельством Пуриши*. «А это что за препарат?» А он: «Это не препарат. Эта штука, которая дает кайф, ни с чем не сравнимый. Что-то вроде дзен. Или йоги. Понял? Я ею пользуюсь, но ни хрена о ней не знаю. *Свидетельство Пуриши*. Суперблаженство!»

Пришло лето, и футболист вновь поразил всех, заявив, что Япония — нация, способная выжить при атомной бомбардировке, выжить при нервнопаралитическом газе и протекционистской политике западных стран, но она не переживет отсутствия высококлассных футболистов. Авторши книжек для японских детей подписали открытое письмо, гласившее, что мой друг чемпион — образец мужчины, способного разжечь огонь фантазии у японских ребятишек. Он ответил: «Я люблю Италию и готов умереть за нее, а в Японии я бы умер от пересыпа». Все взяли это на заметку, а он втихаря посмеялся.

«Предположим, тебе нравится некая женщина, из тех, что крутят с кем попало. Сначала, когда у тебя задача затащить ее в койку, тебе даже нравится, что она немножко шлюха. Тебе нравится смотреть, как она идет к тебе сквозь толчею дискотеки, тебе нравится, как она посылает тебе сигналы. Потом приходит твой черед, и ты открываешь, что заниматься любовью с ней — нечто космическое и что твоя жизнь круто изменилась в тот момент, когда твое тело и ее тело вошли в глубокий контакт. И тогда ты начинаешь сожалеть, что она встречается с другими мужчинами, и ревновать ее. Ты хотел бы, не имея на это ни прав, ни мало-мальской возможности, чтобы она принадлежала только тебе. И чтобы будущее принадлежало только вам, тебе и ей, без посредников. Ты постоянно думаешь о ней. Она Бог знает где — она никогда не говорит тебе, куда уходит, и ты тоскуешь. Ладно. Точка. Ты думаешь о ней. Ее нет, и ты страдаешь. Вот в этом весь фокус. На самом деле ты грустишь и страдаешь из-за своеобразного ментального автоматизма. Менталитет у нас, западных людей, изувеченный, кто знает, насколько, и таким образом действует по схеме «побуждение — реакция» и тому подобной чуши. Как должен был поступать ты, чтобы такие флуктуации не наносили вреда твоему духу и чтобы неприятности материального мира не обуславливали бы твоего поведения? Ты должен отстраненно наблюдать. И только. Наблюдать за собой, когда думаешь и грустишь о ней, и наблюдать за ней, которой нет. Как бы со стороны. После нескольких лет практики подобных наблюдений это, по сути, пассивное созерцание в момент, когда ты грустишь, трансформирует энергию и делает так, что ты достигаешь состояния абсолютного покоя. Буум! И покой! Ясно?»

Ход истории напоминает звучание тихой, растворенной в космосе великой музыки, заставляющей вас танцевать так медленно, что вы кажетесь себе стоящими на месте. Некое летальное слоу, которое двигает вас туда-сюда, как придется. Диссонанс. Моя история, история двухкопеечного во-

ришки, плесени цивилизации, подчиняется зигзагообразному ритму, имеющему изъяны, с какой стороны ни рассматривать.

Футболист любит переодеваться и тратит миллионы на приобретение самых сумасшедших одежек, из тех, что можно напялить на себя.

«Деньги — это еще не все. Комары — это да, особенно в такие ночи, как эта. Ты, может быть, сам даже не замечаешь, но когда ты сидишь здесь со мной и пьешь эту молодую мелиссу, тебя добирает мысль о том, что комары существуют. И они, действительно, существуют. Эта констатация очевидного тебя дико раздражает. И это такая жизненная мелочь, к которой может быть сведена вся жизнь как к единственной мысли: комары существуют. Но срабатывает самозащита. Защита, активизированная мозгом, хотя и абсолютно бесполезная. Я центрфорвард, и уж защиту знаю и спереди, и сзади. Это — патетика, это — сущность испорченной системы воззрений, присущей Западу». На нем пара обуви стоимостью восемьсот пятьдесят тысяч, и он жуёт несуществующий чуингам. Он любит жевать пустоту, менять одежду, практиковать *Свидетельство Пуриши*, возиться с детьми своей сестры, не умеет плавать и говорит только по-итальянски. Хочет изучать японский.

Его девушка, Франческа, — тот еще подарочек, если взглянуть в ее лицо. Если бы я имел зуб на женский пол, я мог бы сказать: «Франческа — это катастрофа интеллигенции, клон, сбежавший из-под контроля сумасшедшего ученого... Ну как заставить клон дышать, если никто его этому не учил?» Я же, напротив, признателен женщинам за все, что они заставили меня пережить, и поэтому я говорю, что Франческе двадцать четыре года, а ее матери — сорок. Сегодняшнему отцу — двадцать девять. Перед ним был другой, тому было пятьдесят, но он задержался ненадолго. Обо мне она знает, что я тот самый, кто украл ее золото и электронную книжку, и что я никогда не пробовал суши.

Она мило улыбается мне, и час спустя японский повар звонит в дверь виллы, пожимает руку чемпиону и расставляет на столе суши и другую вкуснятину, всего чересчур много.

«В клинике мы спали при включенном свете, а уснуть при включенном свете невозможно. Тогда я пристально смотрел на свет, а он смотрел на меня, и в какой-то момент я засыпал *внутри* света, он как бы обволакивал меня. Это похоже на то, когда слишком увлекаешься дриблингом и валишься на траву: симуляция! Арбитр, руки по швам, с идиотской мордой, кричит: симуляция! Ну и что? Да, я играю на публику, для ТВ, вот такой я футболист. Но таковы правила метафутбола. Метафутбол! Ты когда-нибудь слышал о таком, господин арбитр, адвокатишка жалкий, а?»

Мало того, что я иногда ему звоню, сейчас я принялся играть в футбол с пацанами на пустыре рядом с моим домом. Они все подростки, но играют лучше меня. Мне доверили стоять в воротах и презрительно смотрят на меня, когда я пускаю пенки. Футбол в исполнении мальчишек — особая игра: мяч носится туда-сюда, и все скопом гоняются за ним, чтобы пнуть. Бессмысленно говорить, но еще в детстве место в воротах было моим, и мне приятно вспоминать, как какое-то время мне очень нравилось быть вратарем. Мне было десять лет, когда отец подарил мне красно-желтую бейсболку с названием фирмы, производящей дрели, — «Макита», которую я надевал всякий раз, когда становился в ворота, воображая себя Иваном Бордоном. Вправо я прыгал отлично, а влево не очень — у меня кружилась голова, и когда я брал мяч в левом углу, я чувствовал себя спасителем родины. Затем я в одночасье вытянулся в дылду, и меня попробовали в роли центрфорварда, рассчитывая, что я стану забивать головой. В этом качестве мне тоже очень нравилось играть, и я старался походить на Спиро Альтобелли, который вколотил нырком головой два гола «Боруссии» из Мюнхенгладбаха в конце 1979 года, но страсть к футболу длилась до тех пор, пока я не открыл

для себя девчонок. После девчонок больше никакого футбола. Я заметил, если ты играешь в футбол или даже только смотришь игры по телевизору, девчонки считают тебя одним из многих. Во время чемпионата мира в Испании (который Бордон провел на скамейке запасных) все пятнадцатилетние девчонки, не захваченные коллективной эйфорией, одиноко и растерянно прогуливались по улицам, и самым ловким ребятам удавалось подцепить их всех, от первой до последней, тогда как их законные владельцы обжирались чипсами в переполненных барах и горячо болели за Паоло Росси. Хорошенькая история!

Сегодняшние программы о футболе — слезы, да и только. Когда-нибудь раньше, в лучшие времена, обсуждались схемы 4-3-3 или тактические построения и прочая лабуда? Никогда. Были игры, был тип со шведской фамилией, похожий на доктора Бергмана из «Космоса 1999», который читал результаты матчей, потом показывали голы, таблицу и игры серии «С» с командой из Александрии, которая все время проигрывала. И все. А сейчас — монтаж из судей, типа, рассуждающего о тактике, еще одного — о рынке футболистов, и третьего, безграмотного экс-американца. Чтобы увидеть гол «Интера», ждешь часа полтора. Мой футболист забил свой последний гол позавчера, или вчера, или в среду, не помню, когда. Он забил гол пяткой: бац! Он забивает немного, ему больше нравится делать передачи, хотя говорит: забивать — приятная штука, потому что противники от этого охреневают. Он говорит: «Для меня забивать мало что значит, но против немцев я завожусь. От их злых пьяных морд, от их волос дурковатых викингов, смехотворных бледных ног, и когда я вколачиваю им гол, они зеленеют от ярости».

Теперь он звонит мне сам и очень часто. Уж точно раз в день, а иногда чаще. Развлекается, посвящая меня в свои идиотские мысли. Как, например, эта: «У меня любой с плохо вымытыми волосами вызывает отвращение. Я бы таких убивал... клянусь, я бы сделал это». В глубине души я с ним согласен: кто воняет, должен быть наказан. Когда я посещал лицей, то автобусом ездил в Асти. На остановке в Альяно в автобус входил Вонючка. Это был деревенский парень, который жил в доме, отделенном от хлева тоненькой перегородкой. Он учился то ли на гончара, то ли на агронома. Так вот, когда он входил, это ощущалось в воздухе. Вонючка, одним словом. На новый 1984 год каждый из нас, из автобуса, подарил ему по куску мыла. Сорок семь кусков мыла. И открытку: «Помойся же ты, наконец!» Как вам история о Вонючке?

«Играть в футбол — это как быть актером. Деньги, виллы, красивые женщины, телевидение и иллюстрированные журналы, скандалы со всеми и всем на свете, праздники. Сначала нет, сначала ложишься спать рано и пытаешься не слишком думать о девчонках. Это как быть оскропленным семинаристом сначала. Позже, если становишься знаменитым, если ты умел, тогда вперед, посылаешь тренера в задницу, а он помалкивает в тряпочку, потому что зарабатывает втрое меньше тебя, и ему уже за пятьдесят, а когда он играл, то был нулем без палочки».

Футболист из моей жизни превзошел самого себя: мы сидим в кафе в центре города, у него лицо коричневое, словно у Агбора из ФФСС, и серьга в носу. Каждый раз, как подходит официант, он дает ему автограф, а тот не знает, что с ним делать, и, отойдя, выбрасывает бумажку.

Франческа ушла от него, потому что неожиданно застала его в постели с другой — боснийской гольфисткой. «Она мусульманка, но не из тех, что в чадрах, она своего рода мусульманская арийка, вещь, в природе не существующая. Типа Кэт Стивенс, но менее продвинутая. В смысле: мусульманка, но не видит в этом повода ни для гордости, ни для драмы — ест свинину, пьет вино и любит трахаться. Ей девятнадцать, и пахнет она чем-то, чему я не знаю названия, типа морской

воды, что потрясает. Франческа хотела бы вернуться ко мне, потому что ей нравится жизнь, которую я ей давал. Сейчас она живет с одним хавбеком, я его знаю, но этот не может трахать ее достаточно хорошо, он не знаком с Брахмакарией. И потом, не фиг было брать ключи от моей квартиры. Я ее все время учил, Франческу: «Звони всегда, когда собираешься прийти», но как о стенку горох».

Небо обесцветилось, как джинсы, которые были на мне. Я посмотрел внимательно на джинсы и сравнил их с небом; и, действительно, не увидел разницы.

«Ты кончил воровать?» — спрашивает он.

«Прекратил. Хотя мне это нравится, это как выкурить сигарету после еды. Такой же кайф».

«Знаешь, что я уезжаю?» — спрашивает он.

«И куда едешь?»

«Угадай...»

«В Японию».

«Браво! В Японию».

Большого скандала я никогда не видывал. Руководство команды и журналисты зашлись в полной истерике, Франческа, в темных очках, на которую никто не обращал внимания, его товарищи по команде посмеивались между собой, но перед телекамерами делали серьезные лица и мямлили: «Да... Но... Кто знает...». Был еще я, размышлявший о том, что сбежать в такой ситуации, с одной стороны, — очень романтично, но с другой — фантастическая блажь. Многие режиссеры и писатели в течение всех восьмидесятых паразитировали на теме бегства, вздыхая по Мексике и Че Геваре, по его набившему оскомину революционному порыву, по херовой южноамериканской цивилизации, по всем этим стратосферным сентиментальным глупостям. А он уезжал в Японию, где Запад — больше Запад, чем в Турине. Потом ко мне подошла Франческа и начала орать мне в лицо, что это я виноват, что это я подбил футболиста сбежать, что если б он не познакомился со мной, то остался бы навсегда славным парнем, и чтоб я вернул ей золото и записную книжку, и что она меня засадит за решетку, и что ее жизнь превратилась в кошмар. Мне нечего было ответить, и я двинул ей кулаком в солнечное сплетение, когда никто этого не видел, сказал: «Займись *Свидетельством Пуриши*», — и ушел.

Сволочь.

Рассказы из сборника «*L'amico del pazzo e altri racconti*», Feltrinelli, 1998

© Marco Drago

© Перевод Валерия Николаева, 1999 г.

Из поэзии Ренессанса

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

VII покаянный псалом

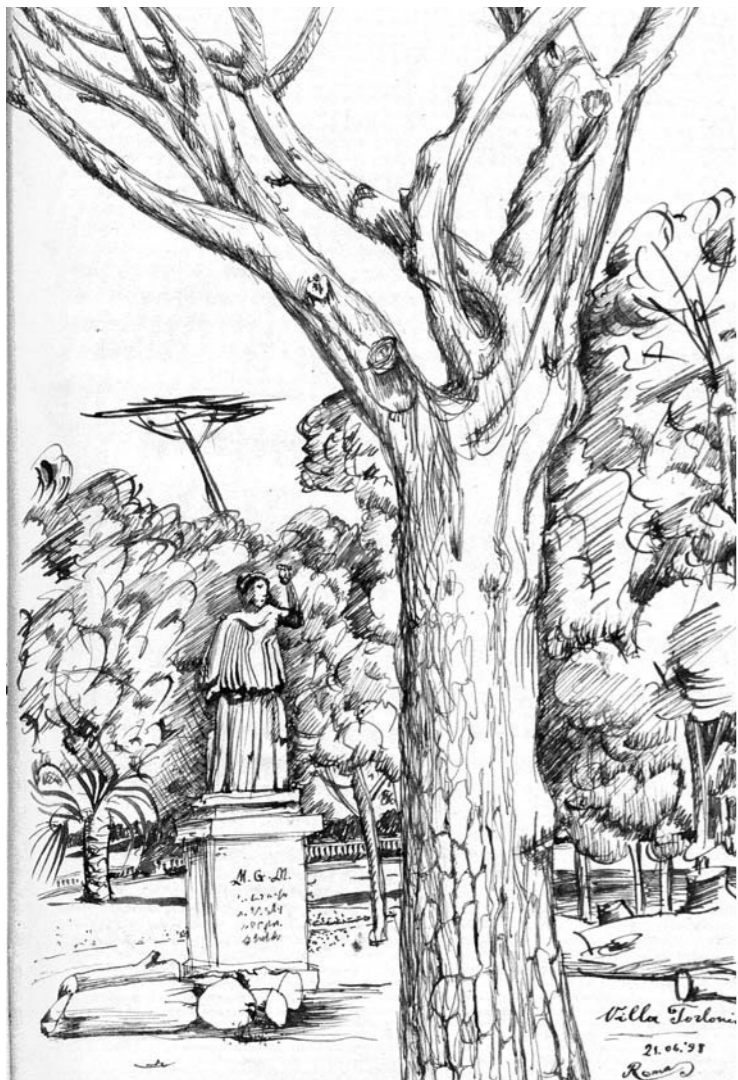
И когда я упал, сам я всё ещё верил, что стою на ногах: о, горе мне! Каким жестоким было моё падение!

Теперь, когда я думаю вновь о том, до чего я дошёл тогда, я ужасаюсь и весь содрогаюсь. Я верил в свои силы и обещал себе великие свершения.

И я радовался своим счастливым снам: а теперь я пробуждаюсь от них, рыдая.

Переводы
Павла
Алешина

Я жил беззаботно среди опасностей, среди несчастий
я оставался радостным, я гордился, что нашёл путь среди бурь.
И пока глаза мои вглядывались в туман, я следовал ошибочными,
неверными путями, что соблазняли меня своей ложной красотой.
Но я не забывал о Тебе, Господи, ибо ты всегда был моей последней
целью; но, надеясь прийти к Тебе, сопровождаемый своими

обманчивыми чувствами, я затерялся среди тропинок, ведущих в никуда, и я возвратился назад! Повсюду таятся опасности, и я сожалею о своём долгом заблуждении, о том, что так долго оставался в месте своего отдохновения. Я возненавидел самого себя, всё, что делал я, приводило меня в уныние; но, совершив усилие, я нашёл способ освободиться. Старая привычка подрезает крылья новым намерениям; когда лучшее манит меня, я возвращаюсь к самому худшему в себе. Но истинно, что не без печали я возвращался к своим мерзостям и часто к ним возвращался; когда, разгневанный на самого себя, я говорил: Когда же я положу конец своему безумству? Я хорошо знаю, что дерзость души моей была причиной моего падения; и заслуженное наказание настигло меня, ибо, будучи ничем, я высокомерно поднимал голову. Если бы я знал, что не должен человек полагаться ни на что, кроме Бога. Если лишь малое я вижу, освети мне большее. Усмири во мне, Господи, дух высокомерия и даруй мне смирение, что столь угодно Тебе. Потому что, когда я врал самому себе, я не мог не возгордиться в своём безрассудстве, но будь терпелив в своей святой любви. Я — грязь, и малая тень, и дым во власти ветров; и таким я исповедуюсь Тебе. Пусть всегда Ты видишь во мне эти чувства, и, упорствуя в них, я найду защиту под крыльями Твоего прощения! Я продолжил бы своё падение, если бы не Ты, и продолжал бы давать врагам моим повод для издевательств. Зная о своей былой слабости, я живу в постоянном страхе; ибо однажды я уже был раздавлен столькими бедами. И тогда я не знал ещё, как подняться; такой страшной была тяжесть моих невыразимых несчастий.

Как долго я был погружён в свои мерзости и пригвождён к грязи своих желаний. Господи Иисусе, избави меня от стольких зол и милосердно помоги мне, да не погибну я в вечности. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, как было в начале, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ЛИОНЕЛЛО Д'ЭСТЕ

Ударил Конь в вершину Геликона
Копытом — и источник вмиг пробился,
И тот, водою кто его омылся,
Свободен от любовных чар полона.

И я, попавший в сети Купидона,
К воде той чудотворной устремился.
Ему ж — смешно: он тут как тут явился
И странником вдруг вышел из-за склона.

Пока к воде тянулся я устами,
Он незаметно вылил яд мученья
В волну, ее тем сделав ядовитой.

Искал в заветной влаге я спасенье,
Но разжигалось только страсти пламя
С глотком все новым мной воды испитой.

Когда из-за любви ослеп я только,
Любовь меня отправила в дорогу
Нарочно одного, сказав мне строго:
«Теперь ступай, ты, кто хвалился столько».

Я, силы чувствовал в себе поскольку,
Пошел, еще надеясь на подмогу.
Но вскоре одолеть не мог тревогу,
Ведь где я был, не понимал нисколько.

Тогда Любовь, все больше издеваясь,
Неясные мне речи повторяя,

Усиливала муку многократно.

И слушал шепот я, не разбирая
Ни слова, но в ответ сказать пытаюсь:
«Хотя бы путь мне укажи обратно».

ТИТО ВЕСПАСИАНО СТРОЦЦИ

Пизанелло, выдающемуся художнику

Кто, Пизанелло, сумеет прославить достойно
и с честью
Твой выдающийся гений, в работе
умелую руку?
Ни Апеллес, ни Зевксис не сравнится
в искусстве с тобою,
Нарисовать если ты пожелаешь людей
иль животных.
Как рассказать мне о птицах живых
и о реках текущих
С их берегами, о глади
безбрежной могучего моря?
Кажется мне, что я слышу тот звучный поток,
когда рыбы
Стаей чешуйчатой воды лазурные вдруг
прорывают.
Слышу, лягушка как квакает
в илистой темной пучине.
Ты укрываешь медведей в горах, кабанов
на равнинах,
Ты окружаешь источники чистые нежно
садами,
Их украшая цветами. И травы вокруг
зеленеют.
Видим мы, нимфы в лесах как тенистых,
охотясь, блуждают,
Сети несет на плечах одна, острые стрелы —
вторая.
Видим мы в месте другом: выбегают
из зарослей серны,
С лаем собаки зверей загоняют в расщелину
диких.
Так вот умбрийская гончая зайцу
погибель готовит.

Ржет и кусает узду свою конь, бьет копытом о землю.

Не восхитится кто позам мужей и телам безупречным,

Тех, никогда про которых не скажешь: они не живые?

Лику Юпитера изображенному не поклонится

Кто, полагая, что лик настоящего бога представлен?

Что бы ты не рисовал, доказательство то, что с природой Может всевластной сравнится божественный ум человека.

И не одна тебя живопись дивная так прославляет,

И не один этот дар твой дает тебе славное имя,

Но также то, что в искусстве другом Поликлета ты выше,

Фидия что и Лисиппа работы твоим уступают.

Славу великую ты заслужил, по заслугам молвою

Славится имя твое безупречной на всем белом свете.

Счастлив же будь! Долго Лахесис в этом тебе пусть послужит.

С нами же вместе, коль будет возможно, почти Каллиопу!

ЛЕОН БАТТИСТА АЛЬБЕРТИ

Я видел, воин как неустрашимый сидел, дрожа от страха и бледнея, и видел, слезы как текут сильнее, когда в груди — огонь неугасимый.

И видел, как в тоске невыразимой без слез томится любящий, немея, и видел часто, пищу как имея, не ест страдалец, голодом душимый.

И видел парус над волной безмерной,

что страшный ветер опрокинул в воды, и видел, как борзая не поймала

добычу, хоть быстрее ее бежала.

Так силы, что даны нам от природы, желаньям могут быть не соразмерны.

УЛИСС АЛЕОТТИ

Сонет о соревновании Пизанелло и Якопо Беллини в Ферраре

Когда соревноваться Пизанелло С природою решил и образ в цвете Явить, как настоящий, на портрете Маркиза молодого Леонелло,

Когда шесть месяцев уж пролетело Труда, он думал уж о паритете, Тогда фортуна гневная, что сети

Плетет, коль кто противиться ей смело, Так сделала, что из другого края К отцу маркиза мастер превосходный, Беллини, вдруг приехал, новый Фидий

И что, меж двух портретов выбирая, Отец второй портрет, столь благородный, Счел лучшим и Беллини — даровитей.

ЛУДОВИКО АРИОСТО

XIII

Меня в темнице сладостной и нежной не из обиды и ожесточенья моя врагиня держит в заточенье, но из любви и милости безбрежной.

В иной тюрьме страданье — неизбежно, но счастлив я: не боль, а облегченье от боли, жизнь, не долгие мученья душой я ожидаю безмятежной,

но радостные встречи, сладострастье объятий долгих, жар ночных признаний, улыбки, ласки, игры, смех любимой,

но сердцем всем желаемое счастье и тысячи и тысячи лобзаний — любви взаимной дар неисчислимый.

XX

Укрыто было солнце покрывалом, что распростерлось надо всей землёю. шумели ветры лиственной мглой, и гром гремел в азарте небывалом.

Боялся я, но и под снежным шквалом готовился бороться с быстринию что сына солнца погребла волною, сражённого молниеносным жалом.

Но вдруг мне засиял с другого берега очей прекрасных ваших свет, слова я, Леандром словно став тогда, услышал.

И из-за туч лик солнца светлый вышел, смирила гнев стихия роковая, и в небе разлилась благая нега.

БАЛЬДАССАРЕ КАСТИЛЬОНЕ

Сонет о портрете Елизаветы Гонзага кисти Рафаэля

Вот дивный лик, очей взор безмятежный, Пучок волос, рот, в небе сотворенный, И подбородок, нежно разделенный Рукой Амура, с ямочкою нежной.

Мое светило, нежностью безбрежной Любуюсь я твоей. Пусть озаренный, Но, сладостных речей твоих лишенный, Вдали тоской томлюсь я неизбежной.

Сияньем нежные и дорогие,
Вы, светочи, меня сопровождали
В пути и помогали мне, благие,

Так здесь, куда я изгнан был, в печали
Меня не оставляйте, чтоб глухие
Рыданья дни мои не наполняли.

АНТОНИО ТЕБАЛЬДЕО

Коль совершенства я б достиг того же,
Что в живописи вы, в искусстве слова,
Не только, Рафаэль, вас как живого
Изобразил бы я, как вы меня, похоже,

Но образ долговечней был бы — строже
К картинам время, чем к словам: иного
Свидетельства величия былого
Зевксиса нет и Апеллеса — тоже.

О, как же редок дар стихосложения:
Забвенью часто предают быстрее
Написанное, чем изображенье.

Но, все ж, скажу (стихи мои, смелее!):
Вы нанесли Зевксису поражение,
Да и душою вы его щедрее.

ЛУДОВИКО ДОЛЬЧЕ

Ты, кто искусством победил Природу,
О, Рафаэль божественный, такую
Живою сделал живопись, какую
Та и в мечтах стать не желала сроду,

Как ангел нареченный тот, невзгону
Что отвращал любую лишь одною
Рукой своей, рукою ты земною
Являл то, что присуще небосводу.

Творения твои столь совершенны!
Немеркнувшими будут образцами
Они художникам, и каждый скажет,

Что только дар твой, богом вдохновенный,
Затмивший славу древних, им укажет
Какими надо следовать путями.

МИКЕЛАНДЖЕЛО

Надеждой истинной способно пламя
моей любви сиять, ведь если Богу
внушали б наши чувства лишь тревогу,
то что бы стало с этим миром, с нами?

Не преклоненье ль перед небесами
моя любовь? Ведь к вечному чертогу
душа твоя являет всем дорогу —
как сердцу к небу вознестись мечтами.

Тогда, когда любовь — лишь ослепленье
изменчивою внешней красотой,
надежда, что питает сердце, ложна.

Но той нежны надежды проявления,
что неизменно сияет чистотой,
и рай постигнуть с нею нам возможно

Но красоты такой иль недостатка
Такого не явить ему примеры,
Каких была бы у нее нехватка.

Без норм ее и правил нет манеры,
Ведь, словно мед пчела, ему что сладко,
С ее цветов берет оно без меры.

Сонет о Микеланджело

Природы чудо, ангел несравненный,
твоя недостижима добродетель.
Ты мудр и добр, и есть ли благодетель
тебе подобный, столь же совершенный?

И с ранних лет с любовью неизменной
и с чистым сердцем (небо мне свидетель)
тебе я посвятил, о, наш радетель,
мою простую руку, ум смиренный.

Побеждены, в своем искусстве каждый,
Витрувий, Фидий, Апеллес тобою,
тобою, слава Феба и Паллады.

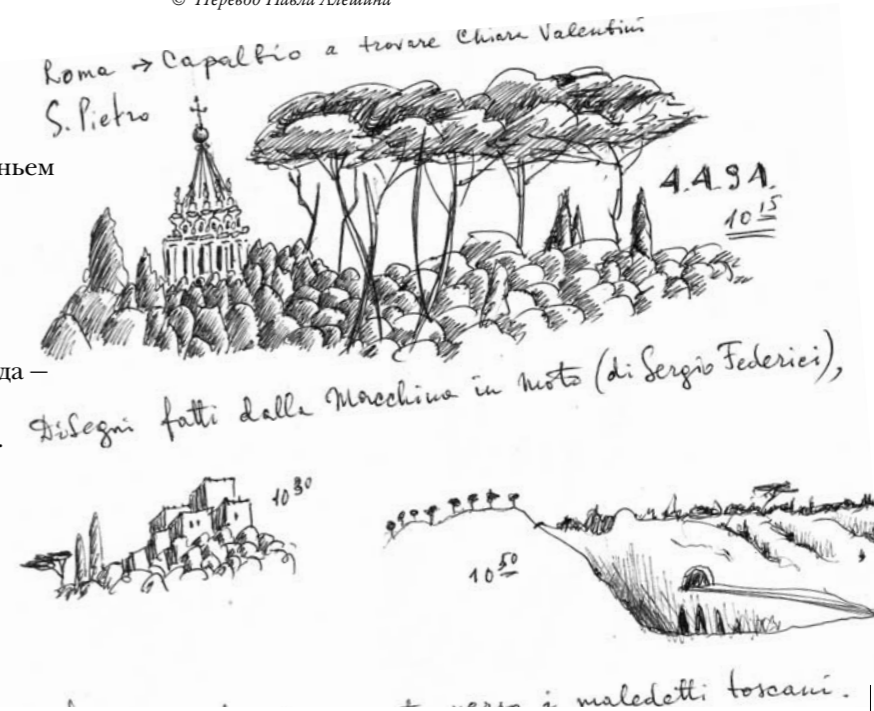
И в жизни также превосходишь дважды
ты мудростью своей и добротой
всех тех, кого нам чтить за святость надо.

© Перевод Павла Алешина

АНЬОЛО БРОНЗИНО

Не только жизнью что — воображеньем
Искусства выше дивная Природа,
Превосходя его любые восходы,
Тот ведает, кто внял ее ученьям.

Хоть обращается за утешеньем
Искусство к ней, в одном его свобода —
Цвет изменять вещей себе в угоду
И выбирать, что будет украшеньем.

Мы были в Пеннабилли у Лоры Гуэрры 8 марта 2017 года. Прилетели накануне в Болонью, взяли машину «Фиат-500» и поехали в Эмилью-Романью. Пеннабилли — старинный, как все тут, городок за перевалом, километрах в ста от Болоньи, куда летают самолеты из Москвы. С автострады съехали на местные серпантинны, через леса, деревеньки, городки, горы и весенние долины дивной, скажу без затей, красоты. Приехали к вечеру, созвонились с Лорой; на завтра с утра она пригласила нас к себе.

Дом Тонино и Лоры Гуэрры

Лора из Пеннабилли

Виктор ЯРОШЕНКО

* * *

Пеннабилли, как и Будапешт, слился из названия двух замков: Пенна и Билли, меж двух утесов — Рупе и Роччоне. Именно сюда переселился из Рима семидесятилетний поэт, легендарный сценарист Тонино Гуэрра с женой, когда решил отойти от киношных дел. Дом Тонино и Лоры Гуэрры в Пеннабилли расположен на холме, спрятался в зарослях миндаля, среди руин замка Сиджизмондо Малатесты, что весьма важно: Тонино Гуэрра трепетно относился к руинам. Сиджизмондо Пандольфо Малатеста — «Волк Романьи», знаменитый представитель династии Малатеста, правитель Римини, Фано и Чезены. Один из самых ярких, страстных и загадочных итальянских князей-кондотьеров, творивших историю. Злейший враг Федерико да Монтефельтро — бастарда, ставшего первым герцогом Урбинским. Гениальный Пьеро дела Франческа оставил нам профильные портреты обоих князей — непреклонных, непримиримых. (Знаменитый диптих Монтефельтро в Уфици и Сиджизмондо Малатеста на фреске в Римини и портрете, хранящемся в Лувре.)

В хрониках про него писали: «...Он сходил с замужними женщинами, детей которых раньше крестил, а мужей их он убивал.

В жестокости он превзошел всех варваров. Он теснил бедных, отнимал имущество у богатых, не щадил ни сирот, ни вдов; словом, никто во время его правления не был уверен в своей безопасности. Его подданные признавались виновными за то, что у них есть богатство, жены, красивые дети. Он ненавидел священников, не веровал в будущую жизнь и считал, что души людей погибают вместе с телом. (Вряд ли все это правда, но это писали его враги-победители, которые всегда пишут историю.)

Знаменитый храм *Темпио Маластениано* в Римини построен великим Альберти. Римини — столица рода Малатеста.

* * *

Здесь в 1920 году родился и провел первые 17 лет жизни Федерико Феллини. А его друг Тонино Гуэрра родился в тот же год неподалеку, в десяти километрах: в Сантарканджело, где высится замок Малатесты.

И не случайно под старость поэт выбрал это место.

* * *

Центр (Ассоциация-музей) Тонино Гуэрры. В старой церкви, на краю городка.

Лора Гуэрра водит нас по фонду-музею, где все сделано его руками — комоды, сундуки и скульптуры, вазы, блюда, керамика, мозаика, витражи, картины, лавки, лампы и всякие предметы загадочного назначения...

Думаешь — какой мощный творческий заряд был заложен в этом человеке! После семи-десяти он уже не так активно работал в кино, но в нем по-прежнему бил родник чудесных идей и преломлений.

Здесь же — коллекция фильмов, сделанных с участием и по сценариям Гуэрры. Он написал сценарии больше чем к ста фильмам — самых лучших режиссеров Италии. И каких фильмов! Великих! Снятых его друзьями Феллини, Антониони, братьями Тавиани, Франческо Рози, Андреем Тарковским, Тео Ангелопулосом.

* * *

Лора не верит в смерть. Вот что она написала в своем предисловии к книге Тонино Гуэрры «Уйти как прийти»¹, которую издала в Москве к его 95-летию.

Лора подарила нам эту любовно сделанную и роскошно изданную книгу, придуманную, собранную, переведенную, и прокомментированную ею, с фотографиями друга семьи Гуэрры — Юрия Роста.

«Я не устану повторять и повторять — Тонино жив, как живы в этом мире сказка, мечта и любовь. Он продолжает меня радовать: рано расцветающим миндалем, рассыпанным ковром фиалок по тропинке, когда я поднимаюсь к Скале Поэта, нечаянно задевает и одаривает прочитанной фразой, ведет за руку, чтобы вовремя увидеть закат, улыбнуться друг другу и одарить нежностью входящих в дом».

Мы все это почувствовали в Вашем доме, спасибо, Лора. И любовь, никуда не ушедшую, и нежность к пришедшему.

Она знает, что Тонино просто «нежно перешел в другую комнату» — так часто говорят в этих краях об ушедших близких.

— Маму Тонино звали Пенелопа, — рассказывает Лора, рыжая, голубоглазая, в ярко-алом джемпере, а сверху — полосатое пончо, просто клубок энергии.

— Она не знала грамоте (Лора так и говорит: «грамоте»...) Тонино научил ее читать и писать. Пришли немцы... Семья ушла из Сантарканджело, боялись за детей, где-то прятались около реки, в брошенных домах... Ну и мама завещание (с ошибками) написала: «оставляю все моему мужу, чтобы он делал все, что хочет». *(Все смеемся.)*

— У нее было 11 детей, только четверо выжили; Тонино, немного подшучивая, спрашивал: «Мама, что же Вы нам ничего не оставили?» (всегда были с родителями «на Вы»). Всё только отцу? Что же Вы нам ничего не отписали?

Он прекрасно знал, что кроме нескольких кастрюль да тарелок у нее ничего и не было: «Оставляю все, и пусть он делает все, что хочет...»

— Его мама Пенелопа была удивительная, необыкновенная женщина, так все про нее рассказывали. Такая Крестьянка... Она могла остановить лошадей на скаку, подхватив поводья. Смелая. Я уже ее не застала, конечно, но он очень часто о ней вспоминал. Тонино в своей «Одиссее» называл себя Улиссом из деревни. Ей он посвятил много стихов.

*Я выучиться смог,
Лишь матери моей благодаря.
Она крест ставила в том месте,
Где имя пишут прописью обычно.
И если я узнал все города,
Царящие над миром,
Я матери обязан этим...*

— А отца он боялся, так я полагаю. Суров был. Он постоянно сдерживал себя, чтобы не дай Бог не проявить нежность. Он считал: нежность — это слабость. И Тонино есть стихотворение «Отец» — потрясающее... когда себя сдерживаешь, он был немногословен и никогда в жизни его не поцеловал. Знаете, есть такая «конская дрожь»:

© Лора Гуэрра. Фото: Григорий Ярошенко

Дом Тонино и Лоры Гуэрры

Тонино говорил, лихорадка конская, не помню, как по-русски это называется: «била дрожь»?

Я вам прочту из Тонино:

— «Когда уже двадцатилетним, впервые оставив застенки лагеря в Германии, я шел по лесу в высокой траве, внезапно возник передо мной танк. Он двигался на меня. Я поднял вверх дрожащие руки, но тотчас наверху откинулась крышка люка. Показался негр, а вместе с ним из железного нутра лился голос Армстронга. Он пел «I can give you anything about baby». И я заплакал, думая о моем отце».

— Тонино рассказывал и писал, — продолжила Лора, — про то, как он возвращался из немецкого плена (а из плена он вернулся месяцев на восемь позже других), и все думали, что он погиб там, в лагере.

— В плен Тонино в каком году попал?

— В сороковом. Ему было девятнадцать. Мальчишку в 19 лет немцы в плен забрали, отправили в концлагерь. Вернулся в сорок шестом.

— А как же он попал в плен?

— Тоже была история невероятная! Тонино об этом рассказывает так: они ушли из дома, прятались, когда Римини и Сантарканджело были заняты немцами.

Отец сказал: надо кому-то пойти, накормить кота, кот один в доме, голодный. А Тонино самый молодой в семье. Ему и идти.

Тонино сказал: — Я схожу, папа! И пошел.

Тонино рассказывал, как он увидел кота на абрикосовом дереве, как тот не хотел слезать, все это потом вошло в «Амаркорде²» — это

абрикосовое дерево, сумасшедший с криками: «Женщину хочу! Хочу женщину!» Творчество растет, как дерево, из почвы, из жизни. Тонино покормил кота, и тут-то его и поймали. Но при родителях он никогда этого не рассказывал: якобы был связан с партизанами, у него в кармане брюк были листовки. Как-то освободился от них. Повезло.

— Это поколение столько видело-перевидело... Наше более счастливое, мы как-то проскочили, мимо больших бед, — сказал я.

— Не знаю... — сказала Лора. — У всех по-разному. — И потом... Все думали, что он погиб — никаких вестей от него. Все уже возвратились, а его нет. Как Улисс!

Так вот, в лагере он был самый молодой... И начал им рассказывать о родном городе, о том, как прежде они жили, и рассказывал он им это в стихах. На романьольском. Как остались эти стихи — тоже чудо. Был там доктор из Форли, которого немцы поставили фельдшером; он воровал бумагу и за Тонино потихонечку записывал эти его импровизированные стихи.

— Значит, он почувствовал, что этот мальчик чего-то стоит!

— Ну конечно! Ведь он жизнью рисковал. И когда они вышли, он подарил Тонино эту тетрадку с его стихами.

— А как он возвращался из плена... Тонино всегда эту историю переиначивал, раскрашивал... Отец Тонино — настоящий крестьянин романьольский, они суровые, немногословные...

Городок Пеннабилли

— Он похож на отца в «Амаркорде» Феллини? — спрашиваю я.

— Абсолютно! Там вся его семья практически оживает.

— Это автобиографический фильм Гуэрры — «Амаркорд»?

— Там много их, обоих. Тонино и Федерико. Они ведь были так близки. Я же говорила, они ровесники, соседи, друзья юности...

Так вот, — она возвращается к своему рассказу, — Тониночка (так она его называет) после освобождения остался помогать священнику, который ухаживал за туберкулезными пленниками, их постепенно там выхаживали. Он оставался какое-то время в Германии, помогая, входил в самого себя, переживая то, что пережил...

И поэтому он, вернувшись в Сантарканджело, потратил целый день, чтобы от вокзала дойти до дома, а это всего-то километр... Почему? Хотел подготовить родителей. Он посылал все время кого-то: «пойди, скажи там в доме, будто в Болонье прошел слух, что новых пленных привозят...» Потом опять: «Пойди кажи, что фамилия Гуэрра упоминалась...» В конце концов он подходил к дому с толпой, которая его сопровождала.

Он говорил: трудность была не в том, как встретиться с мамой, знал, что она меня обнимет, заплачет... Мама его родила одиннадцать детей. Но выжили только четверо: брат и две сестры. Тониночка самый последний. Старые уже были родители.

...А отец стоял в этой радостной суматохе растерянный и не знал: что сделать? как сделать? Он вынул сигару изо рта и спросил: — Ты ел?

Он пять лет не видел сына, который был в лагере и мог умереть каждую секунду, и спросил первое, что может спросить: «Ты ел?»

— Да, ответил он, — Бабо (папа), конечно, я ел, меня везде кормили!

И он говорит: — Я вижу, что отец спускается с лестницы и идет, Тонино ему вслед: — Вы куда? Я знаю, там тупик. — Не могу, — оста-

навливается Лора, — меня всегда на этом месте пробивает какая-то эмоция, особенно сейчас, когда не Тонино рассказывает эту его историю, а я. — И продолжает: — Отец идет куда-то в тупик и, не оборачиваясь, — мне некогда! — уходит...

И через какое-то время, когда все уже за радостным столом сидят, вдруг входит незнакомый человек с чемоданчиком. Все замолкают. Тонино спрашивает: «Вы ко мне?»

Тот отвечает: «Да, здравствуйте, с возвращением! Я парикмахер, меня прислал ваш отец». Отец увидел, что сын оброс и прислал парикмахера. Эти жесты крестьянские, романьольские... Оброс — надо подстричься.

— Это где-то написано? — спрашиваем Лору. — Написано, только я не помню где. Между прочим, я еще не перевела шесть романов Тонино. Так что проза тоже ждет перевода. Мне двадцатого марта исполнится... сама боюсь произнести, сколько мне лет. А еще столько надо сделать.

— Смотрите на миндаль цветущий — он везде! — восклицает Лора, выводя нас в сад, и зовет восторгаться миндалем, который и правда здесь восхитителен.

Лора ведет нас в церковь по старым мощным улочкам, говорит с соседями, здоровается с прохожими: все тут друг друга знают.

— Ко мне как то приехал наш друг, адвокат, большой почитатель Тонино, — рассказывает Лора уже в Москве, у нас дома, куда мы с сыном ее затащили: он всегда хочет что-нибудь еще узнать про Тонино, и я ему сказала, как Тонино меня называл — ты вся ошибочная!

Сказал, что я никогда не смогу быть элегантной, что мне нужно носить ошибочные наряды, и тогда это будет мой стиль! И я всегда следовала этому совету. Это было нетрудно: одеваться ошибочно. Адвокат мой посмеялся и ответил мне фразой: Пруст говорил, что красивые женщины притягательны для мужчин, у которых нет воображения. И адвокат подхо-

дит к шкафу, достает случайную книжку, раскрывает и бледнеет на глазах. Книга открывается на записочке Тонино: «сколько красоты в ошибке и несовершенстве!».

— Вы понимаете? — Лора настойчива, ей нужно, чтобы мы поняли всю важность того, о чем она рассказывает: — Только что мы говорили об ошибке, и вот он, тут же, ответ Тонино. Как это понять?

Я рассказываю, как — когда-то сидел за свадебным столом рядом с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, заговорили об Эйнштейне, о котором он много писал, и я сказал, что сегодня на меня с полки упала книга — второй том Эйнштейна, и открылась она на интереснейшем месте. А он мне ответил: книга просто так с полки никогда не падает.

Лора подхватывает:

— Абсолютно! Случайно не падает никогда! Это всё знаки нам, которых мы не видим, не слышим... И только когда ты страдаешь, и душа обнажена, и воспринимаешь мир в красоте и в боли... я часто говорю: «щемящая душу радость», — и тогда ты понимаешь эти знаки, — говорит Лора как бы самой себе, продолжая разговор, который все время идет внутри нее.

— В Пеннабилли все очень уважали Тонино. Он буквально разбудил древний городок. Он был Президентом реки Марекьи, его ценили мэры всех ближних городов... Когда он заболел, двенадцать мэров стояли у его постели и слушали его заветы: беречь родную долину и для этого держаться всем вместе. Сейчас все другое — во-первых, я не Тонино, во-вторых я жена, женщина, и в-третьих — я русская.

— Это имеет значение до сих пор?

— Всё имеет значение...

— В самом центре Пеннабилли Тонино уговорил мэра высвободить местечко для его «Сада забытых фруктов». Расчистили брошенный участок с развалинами, насадили саженцы — со всей Романьи (потом и со всей Италии), стали

привозить черенки, семена, саженцы исчезающих плодовых сортов яблок, груш, слив, абрикосов, черешни, инжира...

— Видите эту расщелину? — Лора показывает далеко в долину, где начинаются невысокие горы. — Если вы приедете летом, а я вас приглашаю — у нас всегда гостят люди, к Тонино определенные люди тянутся... Он называл это «место, где можно дотронуться руками до детства мира», там семь водопадов, руками можно ловить форель...

— Чуть левее и наверх!

Слышен колокольный звон. Мы идем по городу, по древней брусчатке.

— Видите — тут повсюду — на домах солнечные часы? Это Тонино их установил. Он говорил: «Настоящее Время показывает людям солнце, а не часы на руке».

Сад. Нежная весенняя зелень, цветущий миндаль, на высоких шестах разноцветные веселые скворечники, город птиц, поставленный детьми (один из проектов Гуэрры). Лора радостно, будто нам первым, показывает этот сад.

— Это место наполняет надеждой!

А ведь она едва ли не каждый день водит сюда людей, приезжающих к Тонино со всего мира. Этот сад — метафора счастья, множество маленьких чудес, придуманных Тонино. На скале — тоже птичьи домики, среди вьющихся цветов — древняя, еще римская купальня или, может, постирочная. Тонино Гуэрра повесил здесь двенадцать своих керамических панно со строками стихов про времена года... Два металлических цветка. Ровно в два часа пополудни цветы эти дают тенью профили Федерико Феллини и Джульетты Мазины.

— И вы каждый день ходите по этой красоте?

— А зимой здесь бывают сугробы двухметровой высоты, отвечает Лора. — Видите на стене отметки — следы этого снега?

Гуляем с Лорой по Пеннабилли.

— Первого июня каждый год в Пеннабилли открывается фестиваль уличных театров. Есть у нас замечательный молодой человек, который

Дом Тонино и Лоры Гуэрры

организовал этот фестиваль. Приезжают со всего мира. Это невозможно описать! Каждый день десять тысяч человек.

Однажды с одной горы на другую между Рупе и Роччоне натянули канат, и по этому канату над всем городом прошел голландский канатоходец — без поддержки и без страховки. И весь город стоял потрясенный.

— Когда приедете, вы все увидите!

— Я скоро пойду разгромлю мэрию — здесь надо столько убрать, подчистить, подрезать... Взяли и закрыли театр! Тонино нашел деньги на театр, но он в аварийном состоянии. У нас теперь мэр из полицейских, у него другие задачи... А на наш театральный фестиваль приезжали знаменитые театры мира. У нас теперь зреет оппозиция к этой власти. Но без Тонино я мало что могу! Женщина, жена, русская. Они меня просто не слушают...

Изречения Тонино Гуэрры повсюду — на стенах, на столбах. Он сказал, что все дороги должны быть в столбах с мыслями.

— Видите — это Тонино для путников написал. Ну, например это: *«Луна — это единственная звезда, которая рождается за горами и заходит внутри нас».*

Или вот еще:

«Неправда, что один плюс один будет два, если сложишь две капли воды, получится одна большая».

— Здешний монах-капуцин, падре Оливьере, в XVIII веке привез колокол на Тибет, и как вез — на лошадях, на верблюдах на яках, только представьте, как везут — морем, перегружают с корабля, караван-сарай, звездное небо — и эти монахи, которые три года со своим колоколом добираются до Тибета.

— Тибетские монахи с далай-ламой приезжали к нам и водрузили свои молитвенные барабаны

рядом с христианским колоколом над нашим Пеннабилли. Вам непременно надо подняться на холм, позвонить в колокол, покрутить барабан, загадать заветное...

— В этом доме жила старушка, Тонино написал: синьорина Лукреция (она никогда не была замужем) сидела у окна у своей Мадонны, которая спасла Пеннабилли, заслонив его туманом от войск Медичи. Это случилось 20 марта, и вы сейчас видите эту Мадонну... И вот эта Лукреция, когда совсем ослепла, ставила щетку вот сюда к двери, чтобы слышать, когда кто-то идет, и показывала всем свою Мадонну. Вот о ней и об очень многих людях Тонино написал на этих городских стенах.

— Я всем говорю — и несколько не стесняюсь: смерти нет. Есть другое состояние, переход, другая вибрация. Но смерти-то нету — вообще! Переход, поэтому я хожу и улыбаюсь... Я счастлива поделиться с людьми. Ни мама меня этому не учила, ни Тонино, ни друзья, которые приезжают... И если ты открыт — ты услышишь эти знаки... Ничего не кончается. Это обнадеживает.

Лора читает нам из книги «Уйти как прийти»:

«Однажды мы с Федерико Феллини сидели в машине, и я все говорил ему о своей боязни смерти. А он подумал и сказал: «Знаешь, Тонино, может быть, это будет большое путешествие?»

— Какие у них были отношения с Богом? — спросил я.

— Ой, какая хорошая фраза, — сказала Лора, обернувшись ко мне. — Когда Тонино болел, к нему приехал епископ и спросил: кто для вас Иисус?

Тонино сказал: «Друг». И всё.

— Он искал Бога, — как он говорил, — сказала Лора после паузы. — Эти поиски, я думаю,

Тонино и Лора Гуэрра в своем доме

есть у каждого живущего на Земле. Тонино написал в своей «Одиссее»

«Среди развалин разрушенного монастыря в Монтефельтро была найдена окаменевшая от времени книга. В ней один голландский ученый с помощью мощных линз сумел разглядеть лишь одну фразу, написанную отшельником: «Никто так не одинок, как Господь».

— У нас в Пеннабилли резиденция епископа уже многие века, с 1572 года, когда епархия была перенесена из Сан-Лео в Пеннабилли, сделав город центром большой епархии Монтефельтро и Сан-Марино... Так что мы — столичный город.

Мы подошли к храму Санта-Марии делла Грации — Святой девы Марии Благодословенной.

— Вот Мадонна наша милая, мы сегодня утром ей пели. И я стараюсь тоже петь, но у меня после вечернего курения бывает плохой голос... Помоему, красиво, и рядом чудесные ангелы. Со-

вершенно деревенская, простая барышня. Это романьольская традиция. Четырнадцатый век.

Мы вышли из храма и пошли по старой узкой средневековой улице. Остановились у старой двери. За ней располагается еще одна задумка Тонино — «Музей одной картины».

— Это на тему стихотворения Тонино, в нем говорится об ангеле, который летал вокруг Господа, летал-летал, и у него выросли усы, и над ним все смеялись. Тогда он спустился на землю и стал кормить зерном подсадные чучела птиц у охотника. Ему опять говорили: чучел, посмотри, это же деревянные чучела! Ты что, не видишь? Но в один прекрасный день эти чучела взвились в небо и запели.

— Тонино говорит, — сказала Лора тихо, — что если у детей хватит фантазии, чучела птиц опять взлетят в небо и запоют.

Я заглянул за дверь старой часовенки. Там стояли две большие картины с овальным верхом: на одной — босой, уса́тый человек, закатав штаны выше колена и в белой рубашке, сквозь которую и правда проросли большие белые крылья. Взгромоздившись на стремянку, он кормил чучела птиц. Перед картинами с нарисованными птицами на полу тоже стояли несколько настоящих чучел в ожидании своего воскресения. Ангел был очень похож на молодого Тонино, вернувшегося из лагеря. Еще до встречи с парикмахером, присланным отцом.

Мы возвращались под искрящимся небом к дому Тонино и Лоры. Вокруг сновали Лорины кошки. Белые, черные, полосатые.

Лора сказала: «Идите наверх и непременно позвоните в колокол! И загадайте желание!»

Там, над городом, над домом Тонино и Лоры, среди развалин Замка Сиджизмондо Пандольфо Малатесты на фоне пейзажа дивной красоты — меж скалами Рупе и Руччоне, где и поместился город, а за ним долина рукотворная, веками ухоженная, с садами, рядами деревьев вдоль дорог, лоскутами полей, пятнами рощ, четким ритмом виноградников. Далее — мягкие изгибы заросших лесом холмов, и над всем этим пронзительное, как в высокогорье Тибета, ультрасинее весеннее небо.

И как привет от Тонино: одно-единственное легкое облачко над головой.

И белая бабочка, невесть откуда взявшаяся в мартовском небе.

— Вы видели, — победоносно спросила Лора, — это облачко?! А эту бабочку?

Тут, на самом «козырном» месте, на прочном основании из толстых плит на мощных стальных балках подвешен колокол, до языка которого нетрудно достать рукой даже и невысокому человеку, а рядом три будийских молитвенных барабана из Тибета. Колокол — точная копия того колокола, который фра Франческо Оразио привез в Лхасу в 1725 году. Нынешний 14-й далай-лама дважды приезжал в Пеннабилли. В 1994 году он посетил дом, где родился фра Оразио. Он вернулся, как обещал, через десять лет и в 2005 году торжественно открыл «Колокол Лхасы».

Здесь неподалеку в скале захоронена и урна с прахом Тонино Гуэрры.

А внизу — городская площадь с церковью и фонтаном; напротив — руины другого замка, и надо всем этим огромный путевой крест.

Разговор продолжился в Москве.

Лора в книгу «Уйти как прийти» включила и его последний сценарий, а также поэмы,

дневники, письма друзей — Федерико Феллини и Андрея Тарковского.

О дневниках она написала:

«Эти дневники хороши для меня и особенно дороги оттого, что это — момент переселения из Рима. В 1987 году Тонино решает возвратиться к своим корням, покидая большое кино, которое его ищет... Все ищут Тонино в Сантарканджело и в Пеннабилли... Началось было трудным. Потом были созданы сады, фонтаны, мебель, керамика, мозаика, полотна, но самое главное для Тонино — ему удалось создать своими поэмами эпос этого края».

С Феллини Тонино никогда не ссорился. Никогда. В титрах фильмов Феллини Тонино появляется с «Амаркорда», а работали они вместе и влияли друг на друга всю жизнь.

Они дружили с детства, потому что они родились, как я вам говорила, рядом — Тонино в Сантарканджело, а Федерико в Римини, в десяти километрах, в один и тот же 1920-й год. Феллини в юности прозвали Ганди, потому что он был такой худой, что даже стеснялся раздеться на пляже.

— Мне посчастливилось присутствовать, — говорит Лора, — когда они писали у нас сценарий «И корабль плывет» или другие... Если придумывали что-то смешное, оба смеялись

и звали меня: Лора, Лора, послушай! — вот бегемота поднимают, а у него несварение желудка, и ха ха-ха!! У меня с ними свои истории связаны, ужасно смешные...

А вот как Федерико Феллини пишет Тонино Гуэрре:

«Тонино, дорогой мой! Прежде всего позволь мне обнять тебя, чтобы ты смог почувствовать трепетную искренность моего порыва, чтобы ты мог посмотреть мне прямо в глаза — твои стихи прекрасны! Они заставили меня плакать, смеяться, грустить, приводили в экстаз, восхищали, гладили меня, беспокоили и волновали...»

Лора: — Тонино сам написал весь сценарий, естественно... Но неважно, Тонино говорил: «автор фильма всегда режиссер». Если бы Феллини не создал эти образы, не оживил этих персонажей, это была бы милая «Сколаре» — школьная история из числа бесчисленных фильмов о далеком детстве... А он сделал фильм об эпохе.

Но времена менялись. Вот из его дневника: *«В Риме мне звонят и говорят что два проекта фильма о реке Мареккье развалились».*

(Это конец восьмидесятых годов, конец кинокарьер... когда он решает навсегда переехать из Рима, в Пеннабилли. И он не знает еще, что он будет делать — он не начал еще свою эту... пластическую деятельность. Он ничего еще не знает, как будет жить.

Но он пишет:

«Кино, к сожалению, в руках у людей, которые не умеют читать и знают лишь запах пота под мышками знаменитых актрис. Этот огромный собор итальянского кино охраняется уже служками, которые не умеют даже зажечь свечей...»

— И он решается уехать. И многие за ним потом поедут, как Франческо Роззи, который приезжает к нам; как братья Тавиани, еще снимаются фильмы по сценариям Тонино. Все это в его дневниках, которые я разбираю и готовлюсь издать.

Он пишет: *«Думал поехать в Сантарканджело провести лишь Рождество, но на следующий день я понял, что Рим меня больше не интересует. Быть может, оставлю кино и стану смотреть на деревья».*

Он еще не знает, еще что делать.

* * *

— У Петрарки были *фамильяри* — о своих влюбленностях молодости, а Тонино решил написать фамильяри о старых супругах, которые прожили вместе много лет, и вот у него эти стихи, в подражание, нет, не в подражание, а в продолжение Петрарке, только уже в другом возрасте. Хотите послушать?

— Конечно!

— Это непередаваемо — и звучание и ритм... Итальянское звучание... Белла Ахмадулина замечательно перевела сонату «Петербург Тонино... А я практически подстрочник делала. Но я старалась.

*Три дня мы не обмолвились ни словом —
На то свои причины были.
Но все ж едой она мою тарелку наполняла.
А я съедал с понурой головой.*

*В постели отвернувшись спали,
Пока однажды утром наши руки
Не встретились случайно на спине собаки.*

* * *

— Тонино попросили написать «Одиссею» для молодежи. И она стала очень популярна. Я вам прочту. Из самого конца, когда Улисс уже убил всех этих женихов. Я прочту, чтобы вы его лучше понимали, кусочек про встречу с Пенелопой. Так ведь звали и его маму, вы помните.

*И встал Улисс — с его груди
Стекала каплями вода.
Он долго смотрел на Пенелопу молча,
застыв от восхищенья.
Она ему улыбкой отвечала:
И воздух вокруг дивного лица
Светлел. Пошла навстречу мужу.*

Для русского издания Тонино перемешал текст «Одиссеи» с кусками собственной жизни. Получилось универсальное время — для всех времен.

«Часто я грущу оттого, что мне не хватает злости...»

*Чтобы рассказать о сегодняшней жизни,
нужно иметь силу молодых матерей, которые рождают на улице и выбрасывают этот живой комочек мяса в мусорные баки... А я все твержу, что нужно слушать симфонию дождя».*

Я читал и прозу, и стихи Тонино Гуэрры, но в ее чтении по-другому все открывается: через любовь. Сорок лет рядом с поэтом. И потом.

* * *

— Хочу сказать, Таня, — это Лора обращается к моей жене, — меня этому учит Тонино, когда у человека чувство боли, потери, растерянности, — это надо пережить, даже если это пережить нельзя. Через месяц я стала писать эту книгу...

Могила Тонино Гуэрры

Прошло два месяца после ухода Тонино, уже миндаль завязался, я вышла; был солнечный день. Он ушел 21 марта, в День поэзии. А 20-го мой день рождения, и он сказал накануне: «Я не могу испортить навсегда день рождения жены».

Ну вот, я вышла и кричу в воздух: — Тонино! Тонино! Дай мне знать, где ты теперь!

Солнце, облака, ветер. Николетта со мной вышла, — есть свидетель тому. Николетта тормошит: «Не плачь Лора, не плачь!»

И вдруг, на наших глазах у реки Мареккью, которая течет вниз, этот Рубикон, который перешел Цезарь, — и вдруг на наших глазах рождается радуга.

При солнце, без дождя! Вот так вдруг — рождается, растет, пересекает Мареккью и стоит в небе час двадцать минут.

Помолчали.

— Знаки бывают, — вздохнула Таня.

— Да, еще как, — сказала Лора.

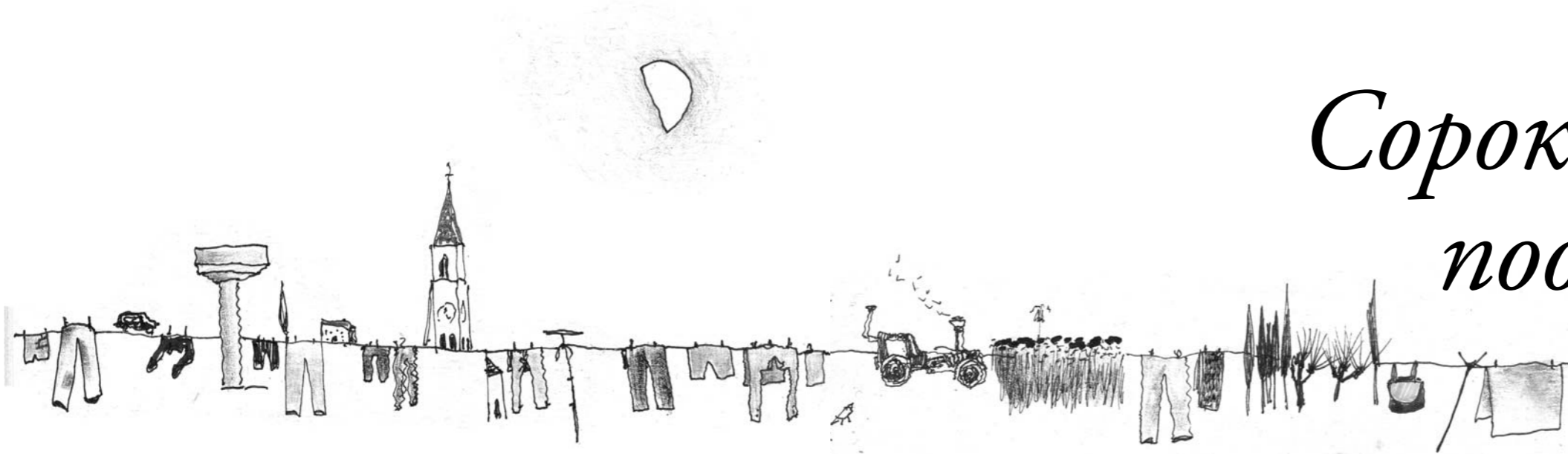
Примечания

¹ Тонино Гуэрра. Уйти как прийти. Составление, перевод, предисловие, комментарии Лоры Гуэрры М: «Бослен», 2015.

² «Амаркорд» — фильм Федерико Феллини (1973 г.) по сценарию Тонино Гуэрры. Премия «Оскар» 1975 г.

© Виктор Ярошенко

© Фото: Виктор и Григорий Ярошенко

Сорок подвешенных проектов

Тонино ГУЭРРА

*Читателю и путешественнику,
как родилась идея «Подвешенных проектов»*

Перевод и составление Лоры Гуэрра

Мы работали над фильмом «Брак по-итальянски». Я поехал в Неаполь, чтобы встретиться с режиссером Витторио Де Сика. Он пригласил меня в кафе на большой площади перед вокзалом.

В 11 утра там никого не было. Садимся за столик, и вслед за нами входят три человека и громко заказывают шесть кофе:

— Три мы выпьем — и три подвешенных!

Я удивленно посмотрел на Витторио, стараясь понять, что такое я услышал. Трое посетителей выпивают свой кофе и уходят. Де Сика не спешит удовлетворить мое любопытство. Вскоре вошел снова некто, заказал кофе, оплатив только его, и вышел. Входят три адвоката, заказывают семь кофе:

— Три мы выпьем и четыре подвешенных!

Витторио говорит:

— Нам тоже два кофе, и два подвешенных!

Мы разговариваем, время приближается к полудню, дверь в кафе открыта, и я вижу в контрсвете залитой солнцем площади тень, которая движется к бару.

Человек не входит, а остановившись у двери, спрашивает:

— Есть подвешенный?

Бармен делает ему знак войти и выпить кофе. Теперь я вижу, что это бродяга, бедняк, и понимаю наконец, что подвешенный кофе для тех, кто не может сам его оплатить.

Подвешенный проект — это не только неосуществленная мечта, не бесполезная идея, это след, оставленный жить в памяти.

Т.Г.

Источник молитвы

Первый подвешенный проект

Наш ум утратил чистоту, мы полны эгоизма. Разрушаем наше прошлое и не понимаем, что этим разрушаем и наше будущее. Не только по причине невежества, но прежде всего из-за денег.

Подвешенные проекты — это советы, как созидать и приносить красоту повсюду: в пейзаж, в город, в страну. Я писал в «Семи посланиях к мэру моего города и ко всем остальным»:

Проекты должны отложиться в памяти людей, и прежде всего в памяти молодых. Принять эти советы, запомнить их, вынашивать их в себе — уже это означает, что они наполовину реализованы. Напутствие для создания общей мечты, особенно теперь, когда все идеалы рухнули и молодые следуют по опасным дорогам.

К сожалению, не обладаю даром веровать. Однако питаю слабость к покинутым церквям. Их присутствие необходимо всем, и даже тем, кто выезжает без всякой цели на прогулку по воскресеньям. Скромные стены, которые вот-вот рухнут, часто останавливают нас и заставляют задуматься о жизни, о главном, о вечном... С Джанни Джаннини мне удалось спасти маленькую церковь с Мадонной Снега в К'а Романо. Со скульптором Арнольдо Помодоро при поддержке области Эмилия-Романья — церковь Мадонны Ди Сайяно. Собор, которому мы дали название «Куда уходит спать море», был воссоздан в разрушенной церкви святой Агаты с помощью мэрии в Будрио. Вместе с монсеньором Самби нам уда-

лось убедить мэра Сольяно купить у Курии за 1 евро церковь «Камней реки Узо», которая стоит на вершине скалы. Время от времени он спрашивает у меня: «Что мы будем делать с этой церковью?»

Мне кажется, год назад я нашел нужное решение. К сожалению, это пока лишь подвешенный проект. Внутри церкви мне бы хотелось создать переплетение водосточных труб, особенных, предназначенных лишь для этой цели.

Они крепятся к потолку тонкими металлическими тросами. По этим трубам вода стекает в круглую чашу, расположенную на полу церкви. Когда идет дождь, водосточные трубы собирают воду с карнизов крыши и направляют ее внутрь церкви. (*Пояснение переводчика:* Водосточные трубы, по проекту Тонино, располагаются внутри церкви, а не снаружи. Они превращаются в затейливый орган, передающий музыку дождя. Трубы могут быть разного диаметра и раскрашены в разные цвета. Тогда и дождь может зазвучать в каждой из них по-иному). Когда нет дождя, необходимо придумать способ наполнять эти водосточные трубы. Мне бы хотелось назвать это «Источник молитвы». Шум дождевой воды из этой разновидности подвешенного в воздухе органа может успокоить посетителей, и они наверняка найдут здесь ответы на вопросы, беспокоящие всех нас.

Т.Г.

* * *

Временами я вспоминаю, как море прозрачным языком лизало песок, и думаю о моей маме, которая не знала грамоты, она на Феррагосто (15 августа в Италии праздник лета. — *Л.Г.*) мыла лошадей прямо в море, и звали ее Пенелопа, как и жену Улисса, которому суждено было десять лет добираться од своего дома.

Т.Г.

Фонтан беспокойных волн

2-й подвешенный проект

Для Белларии (место отдыха на берегу Адриатического моря) я подумал о фонтане цветной воды, который подарил бы главной аллее, идущей к морю, праздник волнующего моря чувств.

Т.Г.

Дорога для карет

3-й подвешенный проект

Мы, романьольцы (область Эмилия-Романья), унизили красоту моря. Стены из цемента разрывают ту длинную синюю полоску моря, которая дарила нам, мальчишкам, идею бесконечности. «Все слишком близко к нашему носу», — как говорил великий режиссер Андрей Тарковский, вспоминая русские просторы и сравнивая их с итальянскими застроенными пейзажами.

В тех местах, где нам «удалось» разрушить красоту природы, большим подвешенным проектом может стать «Дорога для карет» вдоль реки Мареккья, которая начинается в Римини и ведет в горы, к высоким долинам, в мир тишины и воображения. Он полон удивительных исторических присутствий, способных вытеснить праздничные шумы пляжей, наполняя нас вечной пищей.

По этой дороге могут путешествовать не только кареты, но и велосипеды и даже электромотобили с заранее обозначенными для них тропами.

Проект может остаться, к сожалению, подвешенным еще многие годы, но дарит жителям долин общую мечту.

Т.Г.

Вальмарекья

Вальконка

Сад забытых фруктов

Красота

*Ты повела меня в «Большой» впервые.
Горами золота мне ложи показались
И стали рушиться и падать на меня.
Но ты сказала мне:
Стой прямо — ведь красота не может
подавлять!*

Цветная долина

4-й подвешенный проект

Мне бы очень хотелось раскрасить долины. Как это сделать? Расцветшими лугами. Сеются травы, которые цветут в разное время, у каждой травы свой цвет. Желтые квадраты рядом с фиалковыми или белыми прямоугольниками и синие по берегам реки на общей земле, а быть может, частной, принадлежащей кому-то.

Как было бы прекрасно иногда говорить: «Пойдем взглянуть на цветную долину».

Достигается это малым, почти ничем. Можно просто использовать дикие кусты и травы, высадить их по краям дороги или вдоль тропинок у реки. И весной, и летом — непрерывно меняющийся взрыв цвета. Необходимо и при-

сутствие воды. В каких-то местах можно создать искусственные заводы. Их красота умиротворяет, и забудутся печали.

Т.Г.

Весна

*Зима нас держит в доме затворенном,
Мне нравится смотреть весной, как человек,
смеясь проходит
Вдоль изгороди и простыней висящих
Животное выводит на прогулку.
Т.Г.*

«Зеленый лабиринт»

5-й подвешенный проект

По всей Европе в эпоху Возрождения лабиринт был самым излюбленным местом. Забавой потеряться и найтись. В городке или в парке можно создавать новые лабиринты, зеленые, по краям обозначенные самшитом, кустарником, который сажают вдоль тропинок: пространство для игры в обретенную свободу.

Т.Г.

Вишня в цвету

Один крестьянин после смерти жены делил свое одиночество с вишней в саду. Он каждое утро здоровался с ней, нежно гладил ствол рукой. Как-то раз вишня заболела, и он болел в тот месяц, лежа в постели с тяжелым бронхитом. Поправившись, тотчас направился к дереву, разговаривал с ним, дотрагиваясь руками. Вскоре на ветках вишневого дерева появились листочки — тысячи.

Однажды крестьянин отправился на рынок купить себе новый серп. Но вдруг непреодолимое желание вернуться овладело им. Показалось, что вишня зовет его. Дерево стояло в цвету и улыбалось ему.

Крестьянин сел под дерево, прислонившись спиной к стволу, и вдруг на него стали ласково осыпаться лепестки цветущей вишни.

6-й подвешенный проект

Мы живём, отравляя воду, воздух и разрушая Землю. Сейчас необходимо помочь человеку вновь обрести благоговение перед нашей единственной Матерью-Землей, прежде свойственное крестьянам. В школах необходимо снова учить детей понимать природу, говорить о чуде присутствия цветов, плодов и листьев. Мы должны понять, как надо смотреть на небо и на деревья, научившись этому у крестьян, которые ещё держатся за свою работу. Вновь обрести глубину чувств, которой обладают эти люди. Труд их оправдан и чист.

У такого Человека надобно учиться пониманию и отношению к миру, к Земле, к деревьям, к животным. Необходимо передать детям это и донести до молодых. И слова на диалекте, хранящие подлинный смысл и звуки.

Забывать этот язык, наделенный первозданной силой и омытый потом, непозволительно. Он не дает забыть нам то, чем мы были.

Т.Г.

Огород-спектакль

7-й подвешенный проект

Огород для меня важнее любого увиденного спектакля, как и идущий снег или дождь, падающий на листья. Всякий раз, когда мне случается видеть эти маленькие прямоугольники, ухоженные до последнего клочка земли пожилыми людьми, я сажусь на хрупкую скамейку рядом и смотрю, как смотрел бы крестьянин на ряды салата, тростник, который держит помидоры, на темные баклажаны, кусты розмарина. Землю возделывали все, кто жил за городом. Необходимо вновь получать наслаждение, приносимое цветением, появлением плодов и всем тем, что нас питает. Вновь полюбить Землю.

Показывать детям грядки огорода — это иногда гораздо полезнее, чем страницы книг. Фантазия детей рождается с появлением первого листка и медленным проявлением цвета на помидоре. Огород, а не сад, должен быть рядом и с пожилыми людьми. Сад — уже рай, предназначенный для созерцания. На протяжении многих лет я советую возвращать огороды возле домов для престарелых. Старики хотят наблюдать, как вокруг них что-то растет, умирает и вновь рождается. Место, которое требует их внимания и рук: им будет о чем поделиться друг с другом и вспомнить зимой.

Сегодня, к сожалению, мы не любим Землю, делаем все, чтобы ее разрушить. Мы потеряли благоговение перед святостью мира. Первостепенной темой сегодня становится то, что потеряно нами.

Мне думается, что необходимо изобрести новые жесты нежности к природе, которая нас окружает. Сегодня это важнее, чем создать новый фильм, рассказ или стихотворение. Надеюсь, что и нам станет понятно то чувство, которые испытывают японские монахи, способные хоронить опадающие цветы. Необходимо

обучать детей в школах пониманию святости Земли.

Т.Г.
Кореано
Морчано
Веруккьо

Старик, в горах живущий

Когда старик, в горах живущий,
Свой смертный час почувал,
Окинул мир прощальным взглядом,
У леса попросил прощенья
За сломанные руки. На дрова
Рубил их, продавал в пекарню.
В саду погладил нежно
Деревья — груши, яблони и сливы,
Согретые осенним солнцем.
На огороде долго задержался,
Прощаясь с листьями салата с капустою
и с луком.

Усталость лечь в постель тянула.
Ее преодолевая, дошел до родника
Воды, со скал скользящей,
Как влажное дыхание.
Сказал: «Вода, ты вниз бежишь,
До моря, его я видел только раз,
Ему привет мой шлю с тобою —
Вблизи я был им поражен.
Отсюда сверху море мне казалось,
Лишь линией прямой и синей».

* * *

«Всегда смотрю с нежностью на простые, поржавевшие кресты покинутых кладбищ этой долины. Они так скромны и обычны, что обретают способность напомнить о смерти всех и каждого.

... Время стерло даже даты. Остались лишь ржавые кресты, покинутые именами и костями. И они сами подписали, как царапают гвоздем на железе имена, собственную смерть...»

Старое кладбище

8-й подвешенный проект

Старые кладбища — это покинутые пространства, поросшие травой, которые внушают спокойствие. Я приглашаю тех, кто обитает в городах, обрести вечный покой и одиночество на этих покинутых кладбищах, когда придет время. Тогда они смогут вновь быть убранными, ухоженными, с расцветшими цветами.

Т.Г.
Майоло
Мизано
Монтеколомбо

Тонино Гуэрра в одном из своих посланий объяснился в любви кладбищу в Кастельдельчи, которое находится высоко в горах и создается впечатление, что оно парит над морем. Многие из этих деревенских кладбищ давно покинуты, и на них никого не хоронят. Оставшиеся поржавевшие кресты безымянны. Тонино видел эти кладбища расцветшими садами, куда люди приходили бы отдохнуть и побыть наедине с самими собой. Сад цветущих вишен, сад осени, где клены по-особому расцветивают свои осенние листья, сад миндаля. Он предлагал художникам создать для этих садов памятные скульптуры, которые напоминали бы, что эти места давным-давно были местами упокоения.

Лора Гуэрра

Пирамиды из полотна

9-й подвешенный проект

Можно выбрать место и определить расстояние, где разместить геометрические фигуры в форме пирамид, параллелепипедов, кубов и шаров. Железные прутья их больших каркасов

было бы прекрасно одеть в полотно, с возможностью подсветить их ночью изнутри. Городок или берега реки, где они могут быть установлены, вызовут любопытство туристов. Любой способ хорош для того, чтобы привлечь внимание к красоте.

В жизни человека непременно выпадает день, когда его вдруг коснется откровение и понимание красоты мира. После этого, если даже проживешь тысячу лет, будет лишь повторение чуда, которого ждал и уже испытал. Бабочки, живущие один лишь день, наслаждаются чудом от исполнения всех желаний именно в этот день.

Т.Г.
Мондаино
Монтегридольфо
Монтескудо

Поццале

10-й подвешенный проект

Поццале — одно из мест, указанных мною, для «разбросанного» литературного музея под открытым небом.

Подвешенным проектом могла бы стать и книга, в которой рассказывается о всех этих разбросанных и светлых местах. Как, если бы в одном месте собрать множество светлячков. Заинтересовавшийся человек, перелистывая книгу, наслаждался бы их светом.

Т.Г.
Сант'Агата Фельтрия
Сант' Антимо

Соберем цвет осени

11-й подвешенный проект

Осенью шум первого падающего листа оглушительен, потому что с ним опадает весь год.

Латунные тазы, диаметром в метр и высотой не более 10 см, похожие на низкие корытца, могут послужить для сбора и хранения разнообразных листьев, опадающих осенью в этих местах Апеннин. Листья — это цвет осени. Необходимо научить детей собирать их, различать и уметь любить деревья.

«Этот лист упал с какого дерева?» — и ребенок ответит.

Т.Г.
Джемманно
Монтеколомбо
Новафельтрия
Секкьяно
К'Роселло

Покинутые мельницы

Однажды в ущелье спуститься,
Там свое отражение увидеть
В ручейке, он к Мареккье его унесет.
И засунуть свой нос любопытный
В царство мельниц, теперь опустевших.
Торопливые руки, как прежде,
И угля не успевшие смыть,
Хлебы теплые нежно ломают.
Сыр овечий еду завершит.
Колеса внизу неподвижны,
Гвозди белыми стали на стенах
От осевшей годами муки
Потрявоженный бабочкой воздух
Запах хлеба хранит.
И жизни бессмертие.

Источник воды

12-й подвешенный проект

Уцелевшие стены старой мельницы отчаянно держатся друг за друга, чтобы не упасть. Внизу их омывает прозрачная вода. Прохладная бегущая вода сотворяет с тобой чудо, и ты растворяешься в ней. Необходимо показывать это детям, объяснять им, что это чудо происходит каждую минуту.

Красота воды завораживает тебя, словно ты приобрел другое измерение.

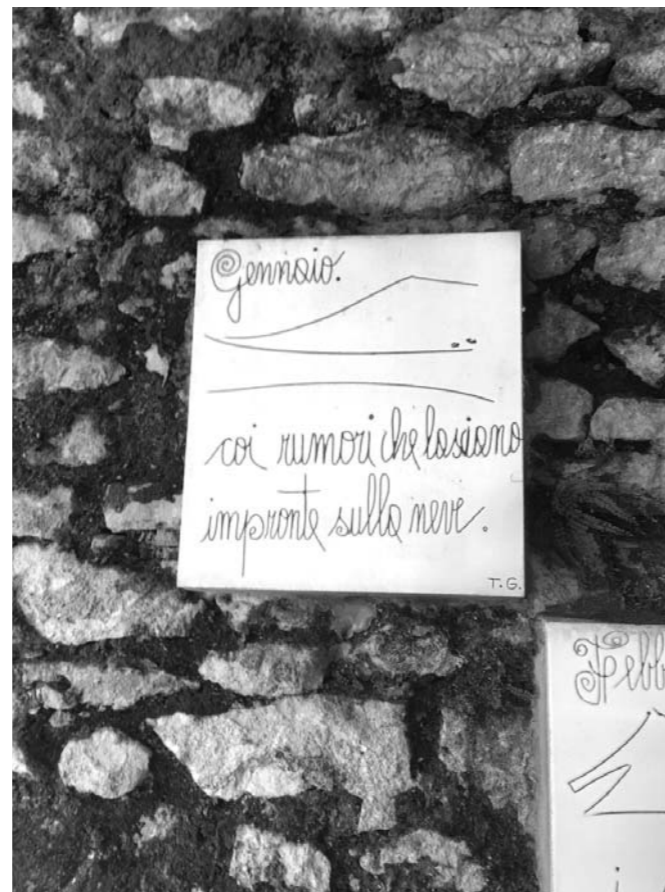
Т.Г.

Пеннабилли: Соанне
Вальмареккья и Вальконка

Городок птиц

13-й подвешенный проект

Сорок деревянных шестов, высоту в три метра, укрепленные на земле на довольно близ-

Изречения Тонино Гуэрра повсюду

ком расстоянии друг от друга (желательно из старого дерева), где высоко держат подвешенные на них скворечники. Домики для птиц могут быть как деревянными, так и сделанными из другого материала. Создается впечатление намеренно созданного городка для птиц. Мне кажется, это сможет доставить радость как детям, так и старикам. Маленькие города, лишённые любопытства людей, нуждаются в собственной поэзии. Вокруг каждого средневекового городка — пустые поля. Подвешенный проект вдали от больших дорог мог бы называться «Городок птиц». Впервые я увидел это волшебство в Михайловском, навещая домик А.С. Пушкина. Множество укрепленных скворечников на вершинах деревьев. Это мне и подсказало то, что я и называю «подвешенным проектом для птиц».

Когда осенью порой
Стояли голыми деревья,
Однажды вечером на ветви
Спустилось облако усталых птиц.
Казалось, что вернулись листья,
Раскачивались на ветру.

Т.Г.

Кастельдельчи
Сенателло
Монтанара
Конка
Сан Клементе

Я понял, что тишину можно вдыхать как запах, надолго оставаясь неподвижным. Средневековые монастыри всегда строились в отдалении от всего. Нетронутая природа позволяла больше ощутить присутствие Бога. Позже, в эпоху Возрождения, человек становится центром Вселенной и таким сильным, что сам меняет природу. Я стараюсь найти девственные места, где ещё слышен аромат Сотворения Мира.

Т.Г.

Автобусы тишины

14-й подвешенный проект

Мы становимся равнодушны ко всему, лишь блеск денег завораживает нас. Я видел восторженные глаза, рассматривающие роскошные интерьеры больших ресторанов. Гораздо реже можно увидеть глаза, которые восхищаются, глядя на закат. Оглушительный шум Ривьеры мешает нам осмотреться вокруг, услышать запахи, вобрать тишину. Советую вести туристов на автобусах к монастырям в горы Романьи или Марке. Там люди смогут ощутить гармонию, окружающую их, и услышать тишину. В тишине ты находишь самого себя.

Т.Г.

Диалект

Диалект — это язык, полный нашего дыхания, омытый потом. Знаю, что его судьба предрешена. Будет забыт. И это жаль. Прежде всего потому, что молодые не смогут насладиться его очарованием. Каждый раз, когда я думаю о крестьянах и о том, что они были способны выразить на их родном языке, это наполняет меня изумлением. Они могли коснуться любой темы, их не пугал ни один судебный процесс, потому что им удавалось говорить с выдумкой, с невероятной игрой фантазии. Сейчас их итальянский походит на язык уличных продавцов-негров, предлагающих тряпки, или карандаши, или всякую всячину, поскольку у них в запасе есть лишь несколько итальянских слов. Сколько лет понадобится для того, чтобы дети наших детей смогли бы говорить так же естественно и хорошо, как когда-то крестьяне говорили на диалекте? Мой брат волшебным образом говорил, полностью растворяясь в диалекте. Ему не нравилось повторяться. Если он говорил о дожде, то так:

«Дождь идет как опрокинутые с неба реки». Как может итальянский язык иметь ту же самую силу? Диалект — это прежде всего разговорный язык. Гомер ведь тоже *говорил, рассказывал*. Поэты, которые пишут на диалекте, неразрывны с ним, они слышали его детьми. Эти слова, которыми ты дышал как воздухом, становятся пейзажем памяти. Если я писал на диалекте, тому были свои причины. Начал я в Германии, [в лагере] поскольку должен был составлять компанию крестьянам-романьольцам. Когда люди находятся в опасности и знают, что смерть рядом, для них услышать родную речь на диалекте — это и есть истинное внимание и участие. Когда ты в чужой стране и в постоянном страхе — и вдруг услышишь родную речь, тебе становится легче.

15-й подвешенный проект

В школах необходимо читать стихи на диалекте или рассказывать, а затем просить ребят описать то, что они поняли. Стихи нужно повторять много раз, чтобы дети наконец смогли почувствовать силу слова на диалекте. (Подвешенный проект для школ.)

Т.Г.

Восток

«<...> У всего живущего на Земле — равные права. <...> Жить — значит чувствовать и сокрытое дыхание одного лишь листка, понимать страдание цветка или дружеское послание, которое доносит до тебя его запах...

Восток — это не только географическая зона. Восток — это глубинная часть нашего сознания. Восток — это обтекаемо-горизонтальное состояние в вертикальном мире. Восток — это внимание к дрожанию одного лишь листка. Восток — это непослушание желаниям. Восток трогаешь руками и не трогаешь».

Т.Г.

Парк ста шагов

16-й подвешенный проект

Чудом в этом месте оказались огромные каменные глыбы. Они хранят детство мира. Необходимо каждому обрести возможность дотронуться до них.

Камни, превратившие это место в японский сад, — один из самых прекрасных, который я когда-либо видел. Настоящий сад Востока, сад-ден. Спасти это место — значит спасти нас самих.

Подвешенный проект — это создание парка, который можно назвать «Парк ста шагов», где дети, и не только они, смогут дотронуться руками до Детства Мира.

Т.Г.

Пеннабилли, приток реки Мареккья Сторена

Данте Алигьери в Кастель Дельчи

Данте,
Как люди позволили это.
Я вижу, как падают стены, —
Спиною ты к ним прикасался.

Лишь горстка домов уцелевших.
Сегодня и я здесь
Смотрю на долину у моря
Твоими глазами.
Дыхание Данте

17-й подвешенный проект

Данте Алигьери в Кастель Дельчи — это не только прошлое. Он был гостем Угуччоне делла Фаджола во времена своего изгнания. Укрывался в безопасном жилище своего друга, где ему впервые представились образы нескольких песен из «Ада» «Божественной Комедии».

Т.Г.

Кастель Дельчи

Город солнца

18-й подвешенный проект

Если Романью всегда сопровождает «Голубой облик Сан-Марино», как говорил Пасколи (романьольский поэт, живший в прошлом веке. — *Л.Г.*), то гора Сассо Симоне постоянно смотрит на тебя в Монтефельтро Романьоло¹.

На вершине большого плоскогорья Сассо Симоне флорентийцы в XVI веке возвели Солнечный город. К сожалению, от него сохранились лишь жалкие руины, лишь фундамент. Подвешенный проект, который я предлагаю, — это создание легкой металлической конструкции, которая позволяла бы увидеть размеры и очертания разрушенного города, исчезнувшего мира, сейчас часто покрытого снегом. Эта скромная сеть из металла может позволить летом дикому винограду, обвивающему её, подарить нам новое присутствие в реальных объемах. Я уверен, что этот недо-рогостоящий проект будет иметь большой успех.

*Настал тот час, когда прольется свет
На листья и на память,
Которая забыла всё.
Т.Г.*

Работы Тонино Гуэрра

Монастырь Микеланджело

19-й подвешенный проект

В Пьетракутте² есть волшебное место: гора, где рядом с кладбищем воздвигнут монастырь эпохи Возрождения; по всей видимости, его спроектировал Микеланджело Буонарроти. Его белизну и строгие линии рисунка в предгорной долине никто не наблюдает. Мне хотелось бы, чтобы он превратился в храм культуры.

Туман

*Я двигался в тумане,
Как осторожный зверь, по нюху.
И наконец нашел.
Руками стены гладил
Покинутой церквушки.
Она давно отчаялась прохожих дожидаться.
А кто же я?
И как здесь оказался?
Т.Г.
Сан Лео*

* * *

*Снег идёт и ложится на листья,
И на перья летящих птиц.
Они в стекла оконные бьются,
Чтоб о чем-то спросить.
В доме мебель скрипит,
Словно семечки щелкает кто-то.*

Деревья

20-й подвешенный проект

В каждой мэрии должны знать, сколько в этом месте сохранилось старых деревьев: их надо беречь, обозначить на табличках их возраст. Хотелось бы, чтобы все верили в то, что наша Земля через много лет будет покрыта лесами из столетних и еще более древних деревьев.

Каждый год главной заботой мэрии должны быть зеленые присутствия: парки, аллеи вдоль главных и второстепенных дорог. В наших равнинных местах нельзя сажать ели, поскольку ели должны расти высоко в горах. Фруктовые деревья будут менять свое лицо круглый год, следуя его временам. В Германии,

где я был пленником, вдоль дорог росли яблони, я видел их расцветшими.

Т.Г.

Парки и аллеи городов и деревень.

Фонтан «Луна из воды»

21-й подвешенный проект

Находясь в центре площади Тре Мартири в Римини, летом я часто приходил в ужас. Солнце растворяло даже камни, и немногие тени становились светлыми. Я говорил себе: жаль, что здесь нет воды. Подвешенный проект мог бы стать фонтаном: круглое пространство, наполненное водой с высокими брызгами. Луна из воды. Тени, создаваемые мягкими округлыми формами из темного стекла. И где-то в центре, быть может, высокая капризная струя. Это могло бы помочь обрести людям прохладу в волнах африканского зноя.

*На окраине, в доме последнем,
Где за полем пшеницы — деревья,
Обитала девчонка одна.
В ночи ясные ей не спалось,*

*Выходила с ведром воды —
Отраженья луны в нем ловила
И поймав, уносила с собой.
Не терпелось, чтоб все подивились,
На луну ее в донце ведерка.*

Музей возвращенных образов

22-й подвешенный проект

Не могу понять, отчего «Риминесское треченто»³ не стало истинной редкостью для всех — для этого города, в частности.

Подвешенный проект, который предлагаю, нуждается лишь в небольшой финансовой поддержке, чтобы наконец придать надлежащую значимость этой великой школе. Хотелось бы, чтобы шедевры риминесских художников, рассыпанные по миру, были бы собраны хотя бы в фотографиях. Их можно спроецировать (перенести) на полотна в оригинальных размерах подлинников, а затем выставить в каком-нибудь экспозиционном зале города. Так может родиться «Музей возвращенных образов».

Тем же способом мы должны вернуть изображение Христа школы Джотто в церковь кладбища Пьетракутты в Сан Лео, Триптих из Пеннабилли и многие репродукции других произведений, украденных или проданных.

Т.Г.

Памятник Феллини

23-й подвешенный проект

Было бы превосходно воздвигнуть памятник Федерико Феллини перед кинотеатром «Фульгор». Скульптура или настенный барельеф в память нашего великого Федерико. Советую обратиться к скульпторам разных стран, чтобы создать образ великого художника и подарить его городу. Я уверен, что мэрия Римини

ни непременно примет это волшебное предложение.

Т.Г.

Римини

«Патриарх» на площади

24-й подвешенный проект

В центре площади необходимо посадить (или пересадить) большое дерево. Шелковицу, яблоню, но не оливковое дерево, которое должно оставаться на земле Апулии, которую разделяют, лишая античной красоты. Автомобилисты боятся деревьев, но так просто перенести место стоянки для машин. Обретая вновь эту мечту, мы обретем волшебную тень и прохладу на площади, залитой солнцем. Поэт давно уже просит осуществить этот подвешенный проект, и, быть может, он быстрее других будет выполнен.

Т.Г.

Сантарканджелло

Театр в городе

25-й подвешенный проект

И портики, и фойе театра уже существуют. Помещение, которое могло бы стать театром. Необходимое для него пространство есть. Надо только его освободить, предложив частным владельцам этого пространства адекватный обмен. Все, что за портиками Беккерии, одно из самых интересных мест в городке, могло бы таким образом вместить в себя и сцену, и партер, и ложи желаемого театра. Городского театра, которого нет. Он смог бы родиться именно здесь, как было когда-то на улице Андреа Коста.

P.S.: Это мечта у Тонино Гуэрра была всегда. Подвешенный проект, который, как ему того хотелось, остался бы в памяти у многих. (Л.Г.)

Т.Г.

Сантарканджелло

Отель «Романья»

26-й подвешенный проект

Романья — часть Эмилии-Романьи. Эта земля многое дала Италии и миру. Большие индустриальные города, активные и умные. У Романьи есть свой особый характер — добрый и счастливый взгляд, обращенный на других. Это очень разная земля: есть Романья, омываемая морем; есть Романья, расцветающая в мае садами вокруг Чезены и на ее холмах; и есть та, что на высоких горах, которые издавна становятся прозрачными. В горах воздух чист, и ты можешь увидеть море, которое отсюда кажется длинной синей полоской. Земля разделена на множество квадратов, возделанных руками крестьян. Здесь не существует природы, которая не испытала бы на себе влияния человека.

Романья — это то место, где ты чувствуешь себя хорошо.

Т.Г.

Поэт надеется на осуществление намерения перенести начальные школы с площади Ганганелли в другое место. Тогда освободившееся здание могло бы стать отелем «Романья». Однако необходимо снова освободить фасад церкви Святого Франциска, которая сейчас находится за стенами школы, а прежде фасадом она была обращена к площади Марини. Позже она стала фабрикой для изготовления курительных трубок. Профессор Аугусто Кампана настаивал, чтобы открыли сохранившиеся стены с возможно существующими на них ещё фресками. Необходимо вновь пролить свет на эту драгоценную память.

Т.Г.

Сантарканджело

Поле вокруг памятника Павшим

27-й подвешенный проект

Поэт не раз обращался к властям с просьбой о создании «зеленого» пространства вокруг

памятника Павшим. Квадрат травы или клумба, которая придавала бы всему более гармоничный и элегантный вид. Необходимо лишь желание сделать это.

Однажды, во время ярмарки цветов, это удалось реализовать. Однако потом все снова исчезло. Остался подвешенный проект, о котором напоминает стоящий памятник, но есть надежда, что это может стать реальностью.

Т.Г.

Сантарканджело ди Романья

* * *

Проект для большой семьи

28-й подвешенный проект

Мы иногда тоскуем по бедности — по тому времени, когда жизнь была трудной, но полной высоких ценностей и достоинства. Потому я иногда вновь слышу запах поджариваемых каштанов, которые мальчишкой украдкой таскал с раскаленной сковороды.

Я помню дни

С пожатым крепким рук —

На камне высекались обещанья.

Ничто сегодня не имеет веса —

Обнять кого-то, все равно

Что ворох тряпок

Заклечь в объятья.

Необходимо найти способ сломать удушьяющие стены, пусть воображаемые, которые служат мнимой защитой для каждой отдельной семьи. На земле существуют места, где друзья и семьи собираются все вместе на общий обед или ужин.

Старый крестьянской хлев, где, быть может, вечерами собирались всей деревней, где рассказывали всякие истории и пили вино, является

таким примером. У меня возникает огромное желание и теперь изобрести нечто подобное в разных местах нашей планеты.

Мы должны встречаться вместе хотя бы раз в день, а не только ночью, и тогда легче понять, что большая семья гораздо сильнее и радостнее родственных уз.

Римские дороги на нашей территории

29-й подвешенный проект

Я бы хотел знать дороги, по которым древние римляне шли по нашему краю. Дороги еще и теперь обозначены двойным рядом дубов или других деревьев, которые высаживались вдоль них из века в век. Но крестьяне срубают деревья, чтобы присоединить к своим владениям новую полосу земли, и мы теряем указующие знаки, теряем историю.

Мне хотелось бы, чтобы мэры научились хранить память. Объяснить, что существует нечто важное, помогающее поднять культуру туризма, а значит и экономику.

Т.Г.

Для всех мэрий

Подвешенные музеи

30-й подвешенный проект

Каждая мэрия может создать без лишних затрат свой Подвешенный Музей. Художнику предлагается оставить для выставки-продажи хотя бы пять своих картин в этом музее. Если одна продается — деньги идут художнику, который, однако, сразу же заменяет проданную картину новой. Тогда у города будет постоянная выставка художественных произведений, и в то же время это может стать помощью художнику.

Любой способ хорош, чтобы обогатить и наполнить красотой вид долины, периферию,

Город тттиц

создать удобные места у воды или там, где люди любят отдыхать; изобрести особые дорожные знаки, которые указывали бы на античные, забытые нами места, как, например, римские дороги, или столетние деревья, или высохшие озера. Рассказать обо всем в маленьких книжечках-путеводителях, назвав это Разбросанным Музеем. Тогда туристы потекут к нашим местам.

<...> Как создать Разбросанный Парк? Если бы нам удалось обозначить то светлое, что уже сделано, «осколки добрых дел» — это и станет Разбросанным по нашим местам Парком.

Было бы справедливо разрушить возведенную крепость суровых правил в создании проектов, лишённых возможных ошибок, и вновь обрести способность создавать пространство, отведенное поэтической неуверенности.

<...> Малая доля внимания, выпадающая миру гор по сравнению с морем, могла бы сделаться благом. Надобно не разрушать этот мир, а постараться превратить его в любимые всеми места за присущее им волшебство.

Т.Г.

Проект для комнаты в гостинице

31-й подвешенный проект

Очень трудно найти в гостинице такую спальню, которая составила бы тебе компанию, если за окном непогода или когда тебе это просто нужно. К сожалению, это касается всех гостиниц нашей Ривьеры. Подвешенный проект — это премия для лучшей спальни в гостиницах нашей Ривьеры, и не только в Римини и Риччоне. В каждой гостиничной спальне на Адриатическом побережье есть все необходимое и практичное, но это всё — безликие предметы массового производства. Для нашего конкурса спальня должна принимать своих особенных посетителей. И это не зависит от мебели, и не надо больших затрат. Присутствие на стенах близких тебе образов, которые помогли бы по-

чувствовать себя уютно. Это необходимо, когда ты сидишь в кресле и читаешь газету или книгу, или твое тело отдыхает, как оно может отдыхать только в постели. Слишком мало нужно, чтобы обеспечить самым необходимым того, кто уехал из дома. Надо всегда стараться сделать больше и лучше.

Т.Г.

Ривьера и не только

Пицца для глаз

32-й подвешенный проект

Ресторан — это место, куда приходят все: и местные, и приезжие, и туристы из других стран.

Мне хотелось бы, чтобы посетители смогли оценить не только вкусную еду, но и насытить глаза окружающей их красотой. Не только живот должен быть полон, прежде всего нужно напитать душу.

К сожалению, не многие знают, как надо украсить стены.

Советую в Романье отобрать лучшее, что у нас есть, сделать фотографии и воспроизвести их на холсте. Например, картины, которые были подарены церкви исцеленными людьми и назывались *ex voto*. Многие из них находятся в городе Чезена, в монастыре Мадонна дель Монте, в них присутствуют драматичные моменты жизни и веры — простой и народной; картины и доски «риминесского треченто», произведения талантливых художников Романьи или фотографии интересных мест.

Это первое, что мне приходит в голову; быть может, у кого-то возникнут и другие советы. Тем временем рестораторы уже могут использовать то, что я посоветовал.

Т.Г.

Для всех ресторанов

P.S.: Тонино Гуэрра обогатил своей фантазией несколько ресторанов в Романье: «Сан-джовеза» в Сантарканджело может служить яр-

Пеннабилли. Сад забытых фруктов

ким примером, как надо, по мнению Тонино, создавать рестораны, питающие красотой душу.

Плоты в полночь

33-й подвешенный проект

Наше богатство — это море. Уже несколько лет я думаю о том, как порадовать приезжающих новыми предложениями. Иной комфорт для души, волшебная пища для тех ночей, которые в настоящее время лишь оглушают отдыхающих дискотеками. Подвешенным проектом для моря могло бы стать следующее: внезапное появление в ночные часы освещённых фарами плотов, которые держат на себе лёгкие сооружения «Великой Греции» из соломы или деревянные контуры церквей. Они не только привлекут к себе внимание, но и напомнят об античной культуре, которая нас породила. Можно донести до слушателей голоса актёров, предлагающих великие тексты (например, «Одиссею» Гомера). Плоты могли бы стать местом для музыкальных концертов, или для народных хоров, или для приглушённого монашеского песнопения.

Т.Г.
Ривьера

Воскресенье.
Средь моря из вод
Деревянные церкви восстали.
Горящие свечи слепили, как солнце,
И двигали воздух.
Поразились все вместе виденью —
Равенна и Римини, Риччоне и Червия.
И Чезенатико, где воды канала
Леонардо да Винчи направил.
Стройный хор голосов доносился
Чуть слышно.
На песке распростёртые люди,
Разогреты солнцем,
Дивились, не веря глазам.
Внезапно овладело желание всеми

В море кинуться вплавь до церквей.
Люди плыли, вода закипала
От пороков, в неё погруженных.
И в какой-то момент не позволено стало
Рук поднять, сократить расстоянье,
Их обратный поток уносил.
Рыбы всплыли со дна,
Куда свет не проник,
Поверх вод головами.
Дальний звон колокольный
Поднял в воздух испуганных чаек.
Они облаком снежным, белизною своею
Солнца свет затмевали.
Замолчали и рыбы, и люди.
На песке чертила память
Палочек ряды, отметки:
Воздух, полный светлячков, как в детстве,
И рогатку, и бумажный змей летящий,
И велосипед, оставленный у моря,
И оно само как зверь,
Покорный ласке рук хозяина,
Растянулось за холмом песчаным.
Каждый август.

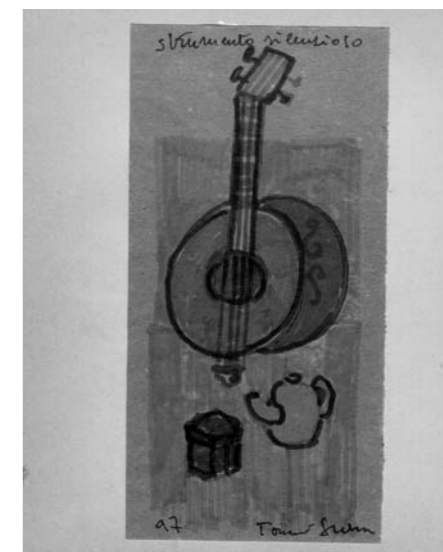
* * *

Идет снег, и у меня белеют мысли. Хотел бы больше ничего не делать. Перебирать, как четки, деревянные предметы, попавшие под руку. <...> душевный комфорт, утешение и в каком-то смысле ясность приходят ко мне случайно, от необъяснимых примет и предчувствий. Прозрения полны тайн. Они далеки от нашего высокомерного рационального мышления. Важно слушать деревья или исповедь неискушенных людей, склонившись перед ними. <...> Мне хорошо на закате, при последних лучах уходящего солнца. Кажется, что я тоже часть этого света. Мне в нем просторно, как пролитой на холст масляной краске с палитры художника, поскольку я думаю, что теперь принадлежу вечеру. Становишься легким, как запахи трав, почти как в прежние времена, когда в час солнечного заката я был ещё молодым и сильным.

Т.Г.

Работы Тонино Гуэрра

Море зимой

34-й подвешенный проект

Риччоне не повезло, потому что в этом городе нет площади. Мне кажется, я знаю секрет, как создать площадь в конце аллеи Чеккарини и продолжить её новым причалом, уходящим в море. Ещё лучше создать не причал, а остров. На нем можно построить деревянное сооружение, откуда будут любоваться морем зимой.

Мы должны знать, что зима — это прежде всего запах. Необходимо создать пространство с печами и каминами. Возникнет впечатление, что ты попал в прошлое — в мир, где зимы были холодными, когда рассказывали истории и сказки у камина. Это место можно назвать «Море зимой», где будет запах горящих дров и поджариваемых на огне каштанов. Нельзя подарить зиму, отапливая помещения лишь батареями.

Большие застекленные окна позволят увидеть, как падает снег или дождь на волнующееся темное море.

Уверен, что этому спектаклю нет равных. Тогда люди придут смотреть сюда на море зимой, устраивать свадьбы и проводить волшебные встречи рядом с водой.

Все это может быть сооружено на палафитах, и тогда мы могли бы вновь насладиться драгоценностью непритязательной простоты и «бедности».

Т.Г.
Риччоне

* * *

<...> Хочу думать о Человеке, который предпочитает слова, музыку и компанию собак. Думаю о человеке Востока, который хочет зачеркнуть желания, хочет раствориться в закате <...>

Т.Г.

Наслаждение, получаемое в отстраненности

35-й подвешенный проект

Я находился на пляже в Чезенатико, в районе Вальверде и смотрел на цветные пластиковые навесы и зонты, которые укрывали тенью весь пляж до белой пены моря. Мир гигантских карамелей, и молодые люди, в прыжке отбивая мячи, которые летали в поднятой

Римская купальня

Фонд-музей Тонино Гуэрра

игроками пыли. Я наслаждался собственным страданием от своей непричастности к этому кишашему миру. Я несу в себе мои пустыни и мои маленькие бедные пляжи Гурзуфа в Крыму, и те, что в Кастельаббате в Романье, куда мы добирались пешком с поэтом Тито Балестра, пробираясь огородами, топча салат, а с вершин дюн, покрытых колючками, со страхом открывали для себя бесконечность моря, заливающуюся за уши.

Пожилым людям советую научиться получать удовольствие и от того ветра с песком, и от оглушающих шумов. Жизнь меняется на глазах, портясь и дурнея, но и от страдания можно обрести наслаждение, сделать его драгоценным, суметь принимать всё с улыбкой. Лишь дистанция и внутреннее спокойствие умеют её вызвать.

Т.Г.

Проект для «малых искусств»

36-й подвешенный проект

Мы должны приложить большие усилия, чтобы знать все имена наших ремесленников, иметь их под рукой. Необходимо помочь им, потому что их «малое искусство» — единственная сила, которая удаляет нас от всего, что делается машиной, а не рукой человека.

В памятных предметах, которые турист увозит домой, должен присутствовать человек. Именно он делает их ценными. Если нам было хорошо там, где мы отдыхали или путешествовали, нам всегда бывает приятно купить что-то на память. Хотелось бы, чтобы эти предметы обладали высоким художественным вкусом.

Однако наши художники-ремесленники действительно находятся в ужасном положении.

«Малое искусство» необходимо спасать. Как известно, и я использую руки многих местных ремесленников, которые делают прекрасные вещи. Они такие молодцы! Их можно

найти по всему нашему краю. Цените их, поскольку вода подходит уже к самому рту, они могут утонуть. Ремесленникам необходимо предоставлять достойное их пространство, чтобы они могли выставлять свои работы. Видеть, как работает кузнец, или керамист, или человек, который штампует рисунки на полотне, это само по себе уже является прекрасным зрелищем-спектаклем.

Т.Г.

Проект для музыки

37-й подвешенный проект

Присутствие музыки необходимо. Однако в ресторанах должна быть возможность разговаривать друг с другом, слушая тихую музыку. Свет не должен слепить. Музыка — это не оглушительный шум, звук должен быть различим, пробуждая в нас радость.

*Музыка — сущность,
Когда её слышишь,
Становится тем,
В чьих головах поселилась,
Ухо невежды её унижает.*

*В руках у Натальи⁴ смычок
И тайна виолончели,
И я среди звезд и планет —
Услышал их шепот.*

*Или ребенком у моря,
Где вода как прозрачная суть,
Словно невесты вуаль
Над перламутром ракушки.*

<...> Мы вошли в темноту церкви, стены которой были покрыты фресками. <...> Меня поразила гигантская фреска, изображающая Святого Георгия. <...> Впечатляла неподвижность святого. <...> Все <...> застыло, и пе-

чать тяжести в полутемном воздухе. Казалось, что и потолок вертикален. <...> Однако заметил на круглой стене, которая огибала каменный алтарь, небольшую щель, белую как сталь. И в этом свете, который проникал извне, ветер раскачивал ветку ореха. От этого движения и внутри церкви <...> создавалось впечатление, что дракон на фреске корчился от боли, а воздух двигал тени колонн.

Т.Г.

Проект для света

38-й подвешенный проект

Свет становится слишком амбициозным. Теперь уже вдоль всех дорог его присутствие нескрывая нагло и главенствует. Свет — это услуга, он должен быть скромнее, освещая нам мир вокруг нас, а не самого себя.

Т.Г.

Для всех исторических центров

Мы возвратились в Москву. <...> В Москве — жарница. По воскресеньям широкие аллеи пустеют и оттого расширяются. Ты чувствуешь себя насекомым на горячей коре. <...> В Москве голова у меня становится свободной. Волшебство России вновь захватило меня. Нельзя разрушать мосты за собою и порывать с теми, кто проявляет особую нежность, стряхивая с тебя осенние листья.

Примерно через двадцать дней меня ожидает Италия. Знаю, что возвращаясь домой, полный новых замыслов, готовый, однако, принять тепло друзей и аромат цветущего миндаля. Разница лишь в том, что в России я сам — цветущее дерево миндаля.

Т.Г.

«Страницы воды» для Москвы

39-й подвешенный проект

Как было бы прекрасно увидеть на одной из маленьких площадей Москвы ковёр, сотканный из множества струй воды, высотой не более 10 см. Можно представить большую белую страницу воды. И на этой светлой странице, как осколки сказок, возникают скульптурные формы, сделанные из прозрачного нарезного стекла, навеянные рассказами больших русских писателей и поэтов.

Т.Г.

Соната для Санкт-Петербурга⁵

Июня день, двадцать восьмой по счету,
до полночи дожил и не стемнел.
Весь город был лишь светлый воздух сна.
Колонна стройная была опорой мне,
моим воспоминаньям обо всем,
чему внимали зрение и слух,
чрезмерность обращая в соразмерность.
Я думал о Чайковском и о Той,
с которой был он хрупко соединен
восторгом долгой пылкой переписки
и холодом взрослеющей вражды,
затем — итогом тягостных разлук,
не предваренных ни единой встречей.
Вдруг Шостакович виделся уму,
беспечно доблестный на опаленной крыше
под грубыми аккордами войны,
иль проще так: тушил он зажигалки,
голодный, легкий, кротко равный всем.
Я на Петра смотрел — не на коне,
в большом гробу, влекомом чрез Неву
по бурным льдинам, устланном коврами.
Так, о колонну оперишь хребтом,
я слушал многозвучье тишины
и одиноко растворялся в ней.
Читала ошупь сочиненный дом,
что мрачно существует наяву,

здесь помысел безгрешный поместил
убийство — тайн исполненный сюжет,
обрекиши смерти алчную старуху.
— Грех искупаем осознаньем Бога? —
Не смел я Достоевского спросить.
Гостиница «Неаполь» — вот она —
Смятенный Гоголь выбрал для ночлега,
с ним вместе краткий обрела постой
«чудесная» Италия его,
ее нимало не было в Москве,
припек «чудес» возрос в пожар ума:
мучительная рукопись никчемна!
ее лишь гений пламени исправит!
и совершенство пепла — вот шедевр...
Чванливый итальянец, снявший шляпу,
не скрою я веселой похвальбы:
я — не чужак заезжий, не зевака,
не примут же меня за иноземца
ни Росси, ни Растрелли, ни Кваренги, —
для непонятливых я объяснил намек
на то, что я сородствен Петербургу.
Я вспоминаю с нежностью вокзал,
откуда можно двинуться в Одессу,
чтоб о Поэте ссыльном помышлять,
знать тайну, но ее не разгласить.
Люблю чугунные соцветия решетки
и чудное цветенье витражей.
Там есть укрытье маленького зала,
где одинокий обреченный Царь
ждал поезда на Царское Село.
Хочу забыть о том, что станет с ним.
Там ныне воцарился властелин,
простерший вдале безжалостную длань.
Я трогаю себя рукой: я — жив!
жив — упоительно, достаточно, чтоб
видеть
луну небес, плывущую в каналах,
вернее, множество продолговатых лун,
напомнивших мне выпуклость яиц
в корзине у торговки, на углу,
где дом стоял, в нем Няня умерла
великая — великого питомца,
она его вскормила млеком речи,
потом ждала: «Жизнечок, голубчик,

душа души, свет слепящих очей!»
Ее любви достало б для защиты
немыслимой сохранности Его,
а может быть, и нас — грядущих,
не надобных и не известных ей,
смирно мощь заботы упасла
от худшего, чем нам дано, удела...

Ранимая израненная крепость,
мой Петербург, крепись, крепчай, плыви...

Плот для Санкт-Петербурга

40-й подвешенный проект

В Санкт-Петербурге мне хотелось бы, чтобы создали бар на льду посреди Невы. Достаточно было бы заранее построить плот и держать его у берега, пока не заледенеет река, а зимой он легко проскользит по льду до середины реки. На этом плоту возвести легкие стены для временного бара, которыми располагает современная техника, а вокруг положить цветные ковры для счастливых любопытствующих, которые захотели бы выпить чашку кофе в центре этого мира, полного очарования.

Т.Г.

P.S. Позволю себе напомнить высказанный «проект для незастывшей реки» Тонино Гуэрра. В какой-то праздничный день Тонино предложил выпустить несколько плотов по текущей воде Невы, на которых для гуляющей по ее берегам публики были выставлены копии шедевров, находящихся в музеях (проекции на холсте, фотографии этих картин). Этот проект был уже предложен для летней реки. — Л.Г.)

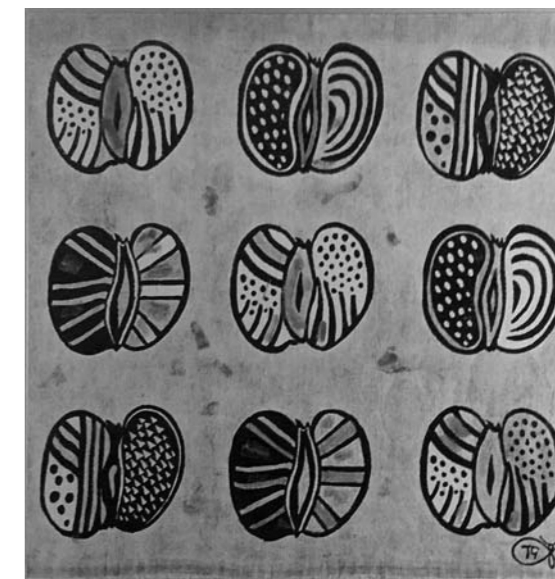
* * *

Лора Гуэрра:

Многие подвешенные проекты Тонино Гуэрра не вошли в эту книгу, но он успел их рассказать или записать в многочисленных те-

Работы Тонино Гуэрра

Работы Тонино Гуэрра

традях, оставленных им. Таким проектом, например, была и «Великая Греция из соломы». Если вы видели на скошенных полях спрессованные копны сена и можете представить себе, как одну копну соединить с другой, с третьей, а четвертую поместить сверху, то получится высокая колонна. Такой «Акрополь с колоннами из соломы» Тонино предложил возвести на пляже в Римини, и целое лето люди могли бы устраивать там праздники, действия, выставки книг и все, что можно придумать в этом пространстве летом. А уже зимой, сняв это на документальную пленку, поджечь «Великую Грецию из соломы». Такой костер мог бы стать частью ритуального праздника, когда перед Новым годом в Италии принято разводить костры, где сжигают старые вещи, приветствуя наступающий год.

Римини

Мне хотелось бы рассказать о придуманном Тонино последнем фонтане. Он сделал набросок уже не совсем уверенной рукой в последние дни, перед тем как «нежно перешел из одной комнаты в другую». Большая чаша — бассейн, из которой поднимаются прозрачные свечи в старых, ржавых подсвечниках: они сделаны из любимого Тонино нарезанного стекла, так же как и фонтаны в Риччоне и в Санткарканджело. Пламя свечи — это вода, чуть подсвеченная в форме сердца.

Место не указано. Л.Г.

Река Мареккья не всегда полноводна, и, по мнению многих исследователей, она-то и является тем самым древнеримским Рубиконом. Сейчас в это трудно поверить. Тонино Гуэрра всегда с нежностью относился к этой реке и в своих первых «предупреждениях» просил людей, у которых рождался первенец, спуститься к реке и в честь этого события посадить дерево. Последнее время он предлагал раскрасить берега Мареккьи, что написано в «подвешенном

проекте № 4». Он мечтал, чтобы была проложена дорога для карет или для других удобных средств передвижения. И ему представлялось, что во время этих прогулок люди неожиданно для себя увидели бы «твердые» тела из его любимого стекла — шар, пирамиду, эллипс, а в них отражалось бы солнце.

В свой последний день рождения — 16 марта 2012 года — к нему поднялись все двенадцать мэров городков, расположенных вдоль реки Мареккьи. Он сказал им: «Ребята, вы должны держаться вместе, потому что вместе легче защищать красоту. У вас два общих сокровища — река и дорога. Если один загрязнит реку или испортит дорогу, то другому будет плохо». И закончил: «Красота — это уже молитва».

Примечания

- 1 Монтефельтро Романьоло — часть Апеннин, граничащих с областью Романья. — Л.Г.
- 2 Пьетракутта — название города, принадлежащего мэрии Сан Лео.
- 3 «Риминское треченто» — название известной живописной школы XIV века. Римини.
- 4 Наталья Гутман, русская виолончелистка. — Л.Г.
- 5 Перевод Беллы Ахмадулиной.

© Тонино Гуэрра
© Перевод Лоры Гуэрра

Это — мой портрет, который сделал Тонино Гуэрра в самолёте Москва — Штаткенс в 1976 (5?) г., когда мы летели с Антонио на вояж на море для его фильма, как так и не был снят.

© Портрет Валерия Сировского. Рисунок Тонино Гуэрра

Клятва Гиппократа

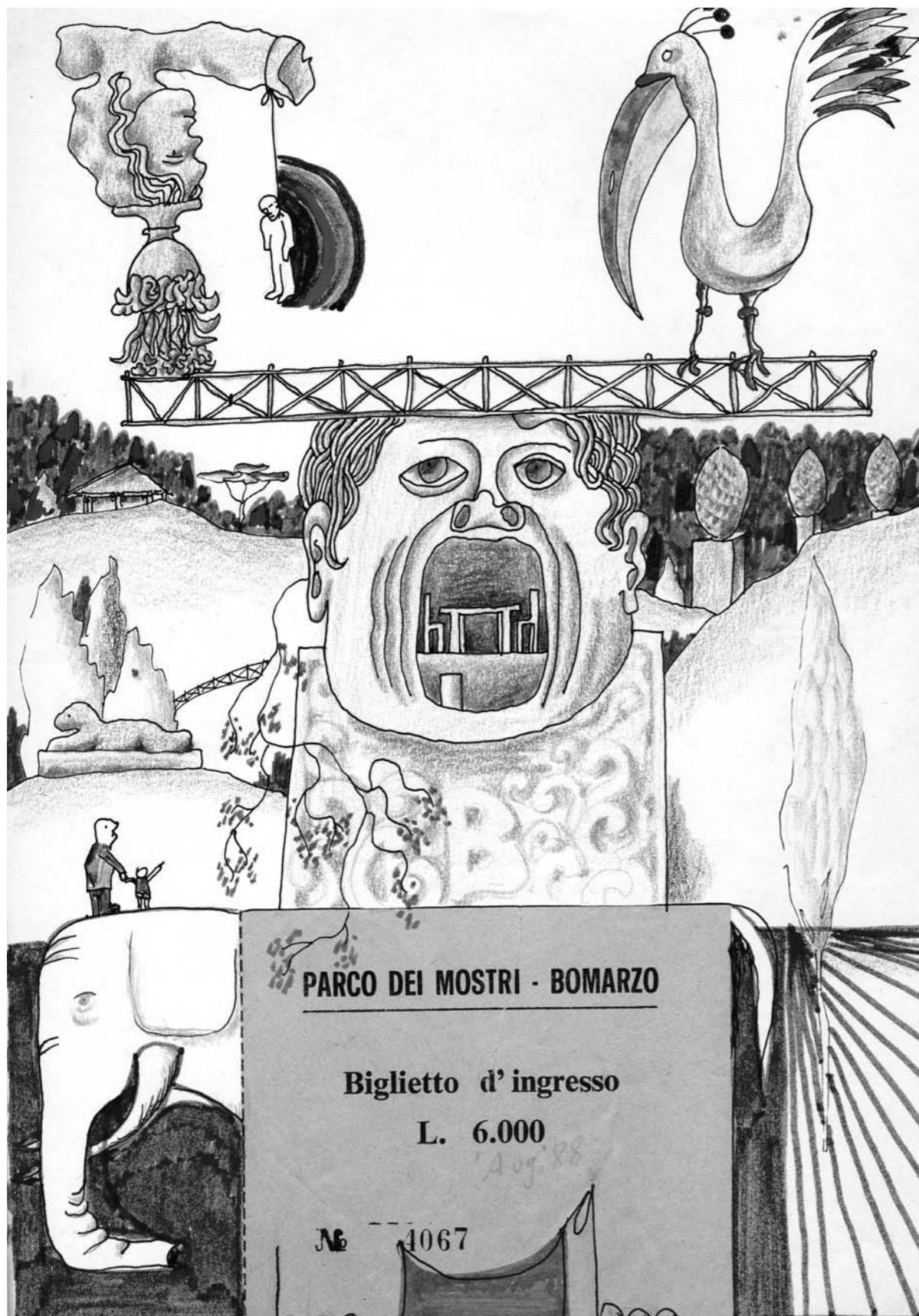
Луиджи ПИРАНДЕЛЛО

Предисловие переводчика

В своё время Николай Бердяев назвал XIX век «современной античностью», включив в этот период, в частности, так называемую викторианскую эпоху в истории английской культуры, а также заключительные десятилетия расцвета русской литературы — вплоть до Толстого, Достоевского и Чехова.

На завершающую часть этого периода (если, конечно, следовать терминологии и классификации русского философа) приходится и начало литературного труда Луиджи Пиранделло, классика современной итальянской литературы и лауреата Нобелевской премии 1934 года в данной области творческой деятельности.

А начинал он, между прочим, с поэзии, за которой последовала новеллистика (частично время от времени трансформировавшаяся им в драматургию) и большая проза. Последовательно освоив все эти литературные жанры, Пиранделло затем с разными интервалами чередовал их в первые два десятилетия XX века, но всемирная слава пришла к нему главным образом благодаря новаторским произведениям, которые он создал для театра. Да и сам он отдавал предпочтение драматургии, о чём не раз заявлял публично. Например, в 1926 году на вопрос русского писателя и журналиста Ильи Троцкого (единственного, кстати,

из своих коллег-литераторов, кто лично знал Пиранделло) он признался: «Предпочитаю драматическую форму, ибо считаю ее высшей формой творчества». Первые опыты Пиранделло в области короткой прозы и драмы появляются в начале 90-х годов XIX века, когда будущий писатель перебирается из Палермо в столицу, успев до того получить высшее образование в Боннском университете. Одной из первых пьес (большинство которых критика относила к разряду трагикомедий, хотя автор предпочитал называть их просто трагедиями) была пьеса «Ловушка», написанная в 1892 году¹. Уже в ней и в целом ряде последовавших коротких драм были заявлены темы и мотивы, впоследствии усложнявшиеся и развивавшиеся драматургом под разным углом зрения в различных ситуациях, но почти неизменно завершавшиеся трагически. Речь идёт о тех из них, которые принято относить к разряду «вечных»: о любви и смерти, верности и предательстве, судьбе и долге, истине, правде и лжи. Короче, о тех истинных сущностях человеческой жизни, которые скрыты обычно под самыми разными личинами и лишь в самых крайних, а чаще всего трагических её моментах способны проявить себя вовне — в словах и поступках людей.

Эти короткие пьесы служили своеобразной творческой лабораторией, в которой автор апробировал, испытывал и обкатывал, так сказать, элементы и составляющие своих больших драматических произведений, впоследствии прославивших его на весь мир.

В публикуемой в «Вестнике Европы» одноактной пьесе «Клятва Гиппократ», написанной в 1911 году (а вернее, переделанной из более ранней одноимённой новеллы), Пиранделло в очередной раз обращается к темам любви, предательства и долга. Три базовых мотива — три главных героя, носители этих основополагающих категорий человеческой жизни. Очевидна перекличка с уже упоминавшейся «Ловушкой» — и тот же трагический финал. Только конфликтная ситуация представлена «с точностью до наоборот» и парадоксальным перераспределением ролей. Явно ощутима связь с будущими большими пьесами для театра: через столь характерную для всего творчества писателя идею торжества иррациональности в реальном существовании человека, через излюбленную им операцию разоблачения видимой «ролевой» сущности характера того или иного персонажа, через набор авторских интерпретаций сценических событий. Столь же очевидно, как и в поздних его драматических произведениях, отношения между героями пронизаны почти тотальным отчуждением: сама жизнь подсказывает нам, что ее подлинные движущие силы не поддаются расшифровке и не могут быть поняты в условиях реальности, в рамках как отдельной, так и коллективной человеческой жизни.

Александр Сергиевский (Рим)

(Пьеса в одном действии)

Перевод с итальянского Александра Сергиевского

Действующие лица:

ТОММАЗО КОРСИ

АННА, его жена

СИНЬОРА РЕЙС, её мать

ТИТО ЛЕЧЧИ, врач

ФРАНКО ЧИМЕТТА, адвокат

РОЗА, служанка

ПОЛИЦЕЙСКИЙ

МЕДСЕСТРА (роль без слов)

Место действия — город на юге Италии, время действия — конец XIX в.

Просторная передняя в доме семьи Корси. Среди прочего, тут несколько шкафов, раковина, печь оттоманка, большое старое кресло, вешалка, стулья. Окно (слева от зрителей) завешано шторой; в глубине сцены — дверь в спальню, справа — ещё одна дверь. Обе также зашторены.

На сцене синьора Рейс и Полицейский. Последний со скучающим видом сидит на стуле у двери, ведущей в спальню. Он устал, и ему явно не по себе. Синьора Рейс — вся в чёрном, во вдовьей шляпке поверх пышной причёски — стоит у печки с недовольно озабоченным выражением на лице; более того, её глаза за густыми ресницами сверкают ненавистью, а бледное лицо то и дело искажается гримасой отвращения; вместе с тем на нём с не меньшей очевидностью читается и тревожное ожидание, и боль переживаний. С подозрительностью поглядывает она на Полицейского, и всё же ей определённо не терпится вызвать его на разговор. Наконец, решается.

¹ См. «Иностранная литература», 2017, № 5.

Синьора Рейс (*строго*). И долго вы ещё намерены тут оставаться?

Полицейский. Нет, синьора. Скорее всего, завтра меня уже здесь не будет.

Синьора Рейс. Так значит, сегодня последний день? Ну наконец-то! И его с собой заберёте?

Полицейский. Не уверен, хотя, кажется, об этом тоже шёл разговор.

(Через дверь в глубине сцены входит Роза и осторожно прикрывает её за собой).

Роза (*обращаясь к синьоре Рейс*). Синьора сейчас придёт. (*Оборачиваясь, указывает на дверь, через которую вошла сама, и выходит через правую дверь. Длительная пауза. Наконец, дверь открывается и входит Анна, бесшумно закрыв за собой дверь. На вид ей не больше тридцати, лицо искажено выражением страдания и бесконечной усталости в результате бессонных ночей, глаза покраснели от постоянных рыданий. Увидев мать, бросается к ней, и разрыдавшись, заключает в объятия. С трудом берёт себя в руки*).

Анна. Мама! Мамочка, мамочка! (*Успокоившись, отстраняется от неё, подходит к Полицейскому*). Вы не могли бы выйти на минутку? Подождите за дверью.

Полицейский. Вообще-то мне даны инструкции усилить, а не ослабить наблюдение и не сходить с этого места.

Анна. Да он даже повернуться на другой бок не может без посторонней помощи!

Полицейский (*в замешательстве*). Я понимаю,.. (*решившись*) Хорошо, но только не долго, синьора.

Анна. Спасибо Вам. И стул захватите. (*Забрав стул, Полицейский выходит через правую дверь. Анна вновь обнимает мать*). Ах, мама! Я так тебе благодарна за то, что ты вернулась! Нет, нет, я ничуть не обиделась, что ты оставила меня одну.

Синьора Рейс. Ты же сама отказалась уйти отсюда и решила остаться, чтобы принять участие в этом спектакле, а в результате вот до чего себя довела.

Анна. О чём ты говоришь, мама?! Как я могла оставить его здесь одного в таком состоянии? Спасибо тебе, что забрала отсюда детей. Как они, кстати? Диди и Федерико, что с ними?

Синьора Рейс. Здоровы и чувствуют себя хорошо.

Анна. И Диди?

Синьора Рейс. Оба. Знаешь, скоро и ты сможешь покинуть этот дом. Мне сказали, что его должны забрать уже сегодня.

Анна (*ошеломлена*). Сегодня? Кто тебе сказал?

Синьора Рейс. Полицейский.

Анна. Сегодня? Не может быть! Он, что, так и сказал? (*Бросается к правой двери, открывает её и зовёт Полицейского*). Послушайте, идите сюда (*тот нерешительно входит*). Неужели сегодня? Вы собираетесь перевозить его сегодня?

Полицейский. Не могу сказать наверняка, синьора. Кажется, я что-то слышал об этом.

Анна. Но он ещё не встаёт! И рана по-прежнему не затянулась. К тому же врач не позволит. Он за него в ответе. Вот только вчера сказал, что сегодня посмотрит, позволить ли ему первый раз встать на ноги, да и то всего на чуть-чуть.

Синьора Рейс. Ну, если ему уже можно вставать!..

Анна. О чём ты говоришь? Ноги его вообще не держат, а сестра он способен только с посторонней помощью! (*Подходит к правой двери и звонит*). Роза, Роза! Какие мерзавцы! (*Обернувшись в сторону правой двери, в которой появляется Роза*). Немедленно отправь Энрико за доктором. Пусть он сразу идёт сюда.

Роза. Поняла, синьора. Бегу. (*Уходит*).

Анна. Какая гнусность — забирать его из дома, едва он пошёл на поправку!

Полицейский. Я лишь выполняю приказ, синьора. Если желаете, могу ещё на минутку выйти. Но, повторяю, он должен оставаться на месте. (*Выходит*).

Анна (*в отчаянии, всплеснув руками и обратив лицо к небу*). Этого только не хватало!

Одна напасть за другой!

Синьора Рейс. Убийца! В его намерения не входило умереть.

Анна. Я знаю, мама, что ты его терпеть можешь.

Синьора Рейс (*с гримасой отвращения*). Да, я его ненавижу. За все те страдания, которые он тебе причинил, за те гадости, которые он сделал тебе, детям и мне! И он ещё жив! Мог бы, по крайней мере, уже избавить нас от своего присутствия!

Анна. Конечно, так было бы лучше, и в первую очередь, для него самого, если бы он сразу скончался там, на месте. Но поверь, мама, что он и сейчас хочет умереть.

Синьора Рейс. Мне ясно одно: Нери собирался его убить, а он всё ещё жив.

Анна. Он сам выстрелил себе в сердце.

Синьора Рейс. А надо было — в голову!

Анна. Три или даже четыре раза он срывал повязку с раны. Врачи просто насильно спасли его. Дежурили у его постели днём и ночью! Поверь мне, со своей стороны, он сделал всё, чтобы умереть!

Синьора Рейс. Ещё бы?! Учтывая то, что ждёт его впереди!

Анна. Нет, мама, он сам хотел наказать себя. А ты судишь, исходя из того, что лежит на поверхности.

Синьора Рейс. Что ж, по-твоему, он больше не считается убийцей, потому что хотел покончить с собой? Разве не он убил Нери и изменил тебе с его женой?

Анна. Конечно, он.

Синьора Рейс. Ну, вот, а говоришь, что я знаю только то, лежит на поверхности!

Анна. Потому что есть вещи, о которых ты не можешь знать, но которые известны только мне.

Синьора Рейс. Вот как ты заговорила! Прямо его словами! Не верь глазам своим, так что ли? Впрочем, он вечно водил тебя за нос, а ты всё ещё не прозрела!

Анна. Нет, мама, это не так.

Синьора Рейс. Нет, так. И ты по-прежнему слепа.

Анна. Жизнь была в нём ключом, и он никогда заранее не рассчитывал своих поступков...

Синьора Рейс. Человек без чести и совести!

Анна. Что ж, думай, как хочешь. Я много раз пыталась обсудить с ним его поступки, но он не считал нужным уделять этому время. Точно так же, как не придавал им особого значения. Заставить его признать неблаговидность своих действий? Да никогда! Пожмёт плечами, усмехнётся и был таков. Главное, не мешкая, вперёд, без малейших размышлений о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Синьора Рейс. А-а, значит, ты всё же способна это признать?!

Анна. Однако в этой вечной гонке за жизнью, к нему не прилипало никакое зло, он всегда оставался всегда весёлым, открытым и искренним в проявлении своих чувств и желаний. Такой рубаха-парень для всех, с кем общался. В свои тридцать восемь лет внутри он оставался большим ребёнком, всегда на равных ввязывался в игры с детьми, что всегда доставляло ему минуты искренней радости. Он и в отношениях со мной ничуть не изменился за эти десять лет. А чтобы лгать, обманывать меня — нет, никогда, на это он не способен. Его слова, глаза и улыбка выдали бы его с головой, и я бы первая поняла, что он говорит неправду. Что же касается Анжелики Нери, ты хочешь нарочно унижить меня, заставив поверить, что Томмазо могло прийти в голову делать выбор между нами двумя!.. Мимолётная прихоть или каприз природы — с его стороны — тут ни при чём,.. всё это доказывает лишь то, что ни один мужчина не гарантирован от того, чтобы в определённый момент жизни, в той или иной ситуации не дать слабину и не попасться на удочку расчётливой и аморальной эгоистки. И приятельские отношения с мужем не сыграли при этом никакой роли — тот

ведь прекрасно знал обо всех изменах своей жены, которая и не скрывала их от него, а значит, и не придавал значения тому, что они позорят его доброе имя. Скажу тебе больше: здесь, в нашем доме, на моих глазах и в присутствии своего мужа эта жеманная кривляка не раз пыталась соблазнить Томмазо, пуская в ход свои обезьяньи ужимки. И ты полагаешь, что я это всё видела, а он нет, так что ли?!.. А сколько раз мы с Томмазо смеялись над ней? Порой прямо до слёз хохотали! (*Пытается рассмеяться, но не может сдержать рыданий*).

Синьора Рейс. Доченька, милая моя! Ты сошла с ума!

Анна. Ничего подобного! Это ты меня довела до белого каления! Заладила: «факты,.. факты..!» А какие такие «факты»? Очевидно только одно — что ему было всё про неё известно, и не только про Томмазо, но и про всех остальных! И на это ему было наплевать. Но в очередной раз — застав жену врасплох — он разыграл трагедию и, чтобы отделаться от неё и не понести наказания, удачно использовал ситуацию и убил её, разыграв гнев и отчаяние оскорблённого мужа. Убить её и только её — вот что ему было нужно! А ты говоришь «факты»... С таким же основанием можно сказать, что Томмазо нарочно захватил пистолет, отправившись на свидание, чтобы убить Нери. Тогда как правда состоит в том, что он всегда носил его с собой, поскольку ему постоянно приходилось ездить за город по делам...

(*Входят доктор Тито Леччи и адвокат Франко Чиметта. Первый — статный мужчина высокого роста, в очках с большими линзами, свидетельствующими о его близорукости; второй постарше, у него почти седая борода клинышком, а длинные чёрные волосы зачёсаны назад*).

Анна. Вот и доктор! А с ним и адвокат...

Леччи. Столь срочный вызов... Что случилось?

Анна (*обращаясь к адвокату и указывая на мать*). Моя мама. (*Обернувшись к доктору*). Ах, доктор, у меня просто голова идёт кругом! Я сойду с ума, если его увезут сегодня вечером!

Леччи. Что вы! Кто вам это сказал?

Анна. Полицейский, который дежурит здесь. Я его спросила, и он так сказал.

Леччи. О нет, мы этого не допустим. Успокойтесь, этого не случится. Я сейчас же отправлюсь к комиссару. Ты со мной, Чиметта?

Анна. Да-да, ступайте, и вы тоже, адвокат!

Чиметта. Что ж, я готов. Тем более что тут совсем недалеко.

Леччи. О переводе нечего и думать. И уж тем более сейчас, когда он только-только пошёл на поправку. (*Обращаясь к Чиметте*). Ведь мы буквально чудом, мой друг, вернули его к жизни.

Анна. Ты слышишь, мама? Это было сделано против его воли.

Леччи (*стараясь не заострять на этом внимания*). Действительно, он протестовал. Скорее всего, находясь в полубреду. И даже пытался оказать нам сопротивление, можешь себе представить. В итоге я оказался в таком затруднительном положении, какого просто не припомню: проблемы громоздились одна на другую, и решения приходилось принимать практически интуитивно. И это при том, что ни одно из них заранее не гарантировало благополучного исхода. В подобной ситуации хоть у кого — на моём месте — опустились бы руки. Прояви я тогда малейшую нерешительность, замешкайся хоть на минуту, — летальный исход стал бы неизбежным! Посему, ничуть не рисуясь, могу сказать тебе, что никогда прежде за всю мою практику я не был так доволен собой.

Чиметта (*обращаясь к Анне*). Прошу прощения, синьора, что не зашёл раньше выразить Вам своё сочувствие. Позвольте также заверить, что я был просто в шоке от этой истории, которая потрясла весь город. До сих

Валерий Сировский. Из записных книжек

пор главной задачей было спасти жизнь Вашего мужа, но теперь, когда она вне опасности, к сожалению, пришла пора и мне взяться за дело. В связи с чем я и позволил себе прийти без приглашения, тем более, что Томмазо оказывал мне доверие, неизменно пользуясь моими скромными услугами.

Леччи. А я взял на себя смелость пригласить сюда нашего общего друга, чтобы заранее начать готовить больного к тем нелёгким испытаниям, которые предстоят ему в ближайшее время.

Анна. Для него это станет ужасным потрясением, доктор. Ведь он не ожидает ничего подобного. Как ребёнок, он переживает из-за пустяков, плачет и смеётся без причины... Вот и сегодня утром он мне сказал, что как только встанет на ноги, на месяц отправится отдыхать в деревню.

Синьора Рейс. Да, да, именно, что отдохнуть!

Чиметта. Бедный Томмазо!

Леччи. Что ж, тогда подождём ещё несколько дней. А потом устроим ему свидание с адвокатом. Не может быть, чтобы мысль о последствиях своего поступка вообще не приходила ему в голову.

Анна. Неужели всё так серьёзно, дорогой адвокат?

Чиметта (*прикрыв глаза, разводит руками*). Милая моя..

(*Анна закрывает лицо руками*).

Леччи. Ну-ну, не стоит так расстраиваться! Пока что не о чем волноваться. Кстати, в его состоянии вы не заметили перемен со вчерашнего дня?

Анна. Нет.

Леччи. Прекрасно. Тогда пойдите и скажите сиделке: пусть поможет ему одеться, встать с постели и, если получится, сделать несколько шагов по комнате. А мы с адвокатом тем временем отправимся побеседовать с комиссаром. И поскорости вернёмся. Ну, мужайтесь, синьора Анна. Вашей выдержке стоит позавидовать!

Анна (*не отнимая рук от лица*). Я больше не могу! Я больше не могу!

Чиметта. И тем не менее, надо!

Леччи. Прошу Вас...

Анна (*взяв себя в руки*). Ну, вот (*пробует улыбнуться*). Так хорошо? Значит, всего доброго, адвокат (*протягивает ему руку; обращаясь к доктору*). До свидания. А ты, мама?

Синьора Рейс (*недовольным тоном, но порывисто*). Я тоже ухожу, ухожу!

Анна. Что ж, понимаю...

Синьора Рейс. Прощай.

Анна. Поцелуй от меня детишек (*выходит через дверь в глубине сцены*).

Чиметта. Несчастливая, как она изменилась!

Синьора Рейс (*в запальчивости*). Заберите отсюда этого убийцу! Заберите его прямо сейчас! Ради Бога! Ради моей бедной доченьки!

Леччи. Вопрос одного дня, синьора: если не сегодня, то завтра. (*Обращаясь к адвокату*). Нам пошли навстречу, оставив его здесь после операции, в порядке исключения — под охраной, естественно, как того требует осторожность, но в принципе, это был жест доброй воли, принимая во внимание все обстоятельства преступления и, тем более, личность убитого!

Чиметта. Невероятно! Просто кошмар! И всё из-за женщины с такой репутацией?! А муж — жалкий, безвольный, равнодушный ко всему в жизни в том числе и к бесчисленным изменам жены, о которых он всегда был осведомлён, но вместо того, чтобы давно выгнать её, и дело с концом, никогда не обращал на них ни малейшего внимания. И вдруг, на тебе — взбеленился, оскорбился и довёл дело до крови. А главное, кого выбрал из всех? Бедного Томмазо... (*обращаясь к синьоре Рейс*) Они ведь дружили, если не ошибаюсь? Но с какой стати?

Синьора Рейс. Предыдущий судья, — ...кажется, его звали Лакан...

Чиметта. Именно так: заместитель Королевского прокурора Лакан.

Синьора Рейс. ...на место которого и приехал Нери, рекомендовал ему моего зятя. Так они и познакомились.

Чиметта. Кажется, он даже был крёстным у сына Томмазо?

Синьора Рейс. Да. Он крестил его младшенького,.. который умер.

Чиметта (*обращаясь к Леччи*). Вот как... Выходит, сглазил. Подумать только, ведь если для такого бесчувственного сухаря смерть стала своего рода подарком судьбы, то эта семья просто провалилась в бездну.

(*Из двери в глубине сцены торопливо входит Анна*).

Анна. Скажите, доктор, он спрашивает, можно ему ненадолго выйти из комнаты?

Леччи. Пусть выйдет, но только если ему не придётся особо напрягаться. Идите рядом... и захватите стул... на случай, если ему откажут ноги. Следите за каждым его шагом. (*Обращаясь к синьоре Рейс*). Вы тоже уходите?

Синьора Рейс. Да, конечно. Прощай, Анна (*выходит через правую дверь*).

Леччи (*направляясь к выходу*). Пойдёмте, адвокат. Не будем терять время.

Чиметта. Всего доброго, синьора.

Анна. Всего хорошего. (*Обращаясь к доктору*). Ради Бога, доктор, скажите полицейскому, чтобы он не показывался нам на глаза.

Леччи. Не сомневайтесь, синьора. Хотя, возможно...

Анна. Нет, нет, ни в коем случае!

Леччи. Тогда лучше всего, если вы сами попросите его об этом...

Чиметта. Именно, что так.

Леччи. ...Как только увидите.

Анна. Но что я ему скажу?

Леччи. Дело ваше. А мы скоро вернёмся. До свидания (*уходят*).

Анна выдвигает кресло для мужа, стелет туда плед, кладёт подушки, затем выходит в ту же дверь, через которую недавно вошла, оставив её открытой. Спустя некоторое время оттуда, поддерживаемый женой и сиделкой,

появляется Томмазо Корси. Это мужчина приятной наружности, высокого роста, с бледным исхудалым лицом, на котором выделяются по-детски сияющие глаза. Передвигается медленно и с трудом, то и дело останавливаясь, чтобы отдышаться; но на бескровных губах играет улыбка с оттенком лёгкой печали. На плечи у него наброшен пиджак, а в проём рубашки под ним на груди видна повязка из бинтов. Анна с помощью сиделки подводит его к креслу, в которое он опускается со вздохом облегчения.

Томмазо. Ах, здесь хорошо. И как по-новому тут всё выглядит. Взять хотя бы умывальник. Или мой шкаф. Или вот журнальный столик (*указывая по очереди на эти предметы*). Хотя они все давным-давно стоят тут на своих местах (*указывая на шкаф*). У него, кстати, дверца скрипит. (*Обращаясь к жене*). Открой, дай мне послушать. (*Удовлетворенно*). Чудесно!

Анна. Как ты себя чувствуешь?

Томмазо. Терпимо. Двигаться только больно. Впрочем, сейчас всё в порядке. Дай-ка я обопрусь о спинку.

Анна. Подожди, я подложу подушку.

Томмазо. Незачем,.. а впрочем, давай.

Сиделка убегает, чтобы принести подушку.

Анна (*обернувшись, ей вслед*). И покрывало захватите!

Томмазо. Зелёное, с кровати.

Анна. Да, да, именно его.

(*Возвращается сиделка с подушкой и зелёным покрывалом. Анна подкладывает подушку под спину больного, а сиделка покрывалом укутывает ему ноги*).

Томмазо (*с нежностью проводя рукой по поверхности покрывала*). Как раз это. Если бы ты знала, как оно мне дорого. Каких только снов я не перевидал под ним в эти дни! Помню, очнулся и вижу свою руку на нём, поднимаю её, а она дрожит, вся белая-белая... Казалось, я парю в пустоте, не ощущая своего тела, но так было приятно, так спокойно, как во сне... Всё остальное ушло куда-то далеко, далеко. А этот зелёный ворс

превратился в траву, и мне представилось, что я где-то загородом, в поле, которому конца-края нет... И такое наслаждение было там находиться, не могу тебе передать, и какое благословенное чувство меня охватило!.. Как будто я заново родился. Как будто жизнь только-только начинается, прямо сейчас... Наверное, думал я, и у всех остальных происходит то же самое... Но вдруг я услышал, как проехала машина. Впрочем, — пришло мне в голову, — это там, снаружи, а здесь, у меня, она начинается заново. Такое раздвоение начало меня раздражать, но я продолжал смотреть на покрывало: всё равно, думал я, здесь-то жизнь только начинается — вот она, молодая травка — значит, она начнётся и для меня тоже... Эх, сейчас бы на свежий воздух! *(подняв глаза на жену)* Ты плачешь?

Анна *(отворачивает лицо)*. Нет, нет, что ты, не обращай внимания.

Томмазо *(в сторону сиделки, с подобием улыбки)*. Плачет. *(После паузы)*. Попрошу вас ненадолго оставить нас одних *(сиделка торпливо идёт к задней двери и выходит)*.

Томмазо. Анна *(она быстро наклоняется к нему, глаза её наполняются слезами)*. Ну, почему? *(после паузы, с чувством)* Значит,.. значит, ты всё ещё не простила меня? *(взяв её руку, проводит ею по своим глазам. Анна, сжав губы, едва сдерживает рыдания, не в силах произнести ни слова, в то время как слёзы катятся у неё по щекам. Отводит её руку от лица)*. Так ведь?

Анна *(едва слышно, с горечью)*. Я уже... уже...

Томмазо *(нежно взяв её лицо обеими руками, приближает его к своему)*. Тогда выслушай меня и поверь, что никогда, ни разу ни в сердце, ни в мыслях я не предал тебя, мою святую любовь, мою единственную в жизни любовь.

Анна *(слегка отодвигаясь, чтобы он мог расслабиться, и ласково проводя рукой ему по волосам)*. Конечно, конечно, верю, успокойся, тебе вредно волноваться.

Томмазо. Какой позор!

Анна. Тише, ради Бога, не думай об этом.

Томмазо. Нет, как раз хорошо, что я могу с тобой поговорить.

Анна. А я не хочу ничего даже слышать об этом.

Не говори ничего, я и так всё знаю.

Томмазо. Мне бы очень хотелось, чтобы между нами не оставалось никаких недомолвок.

Анна. А их и не осталось.

Томмазо. Я опозорился, и всё из-за того, что позволил себе бросить дела, расслабиться и предаться безделью, понимаешь?

Анна. Не надо, перестань, прошу тебя, Томмазо.

Томмазо. Что ж, если простила, значит понимаешь.

Анна. Конечно, простила. И хватит об этом.

Томмазо. Как же я опростоволосился, что позволил этому негодю воспользоваться моей оплошностью и раздуть её до невыносимых размеров, чтобы попытаться убить меня. Да ещё дважды!

Анна. Ах, вот, как? Выходит, это он хотел убить тебя?

Томмазо. Два раза. Бросился на меня как бешеный, а у самого пистолет в руке,.. явно собрался пристрелить меня. Вот и пришлось защищаться, у меня не было другого выхода. Пойми меня правильно: не мог же я позволить ему пристрелить себя из-за этой твари. К тому же погибни я, и вы бы остались одни. Нет, этого я тоже не мог допустить. Прямо так ему и сказал. Но он и слушать ничего не хотел, навалился на меня, я даже встать с постели не мог,.. какой позор... И выстрелил первый раз, но промахнулся, пуля попала в стекло картины, которая висит в изголовье кровати. Тут я вырвался и закричал: «Ты в своём уме? Опомнись!» А сам едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться, — настолько я был уверен, что он вот-вот опомнится, придёт в себя и поймёт, что это просто абсурд — застрелить человека в таком положении и по такому поводу, тем более что я вообще не предполагал там оказаться:

всё произошло по чистой случайности — только из-за того, что она попросила меня зайти к ним по делу.

Анна. Посмотри, как ты разволновался, а тебе это вредно. Прошу тебя, Томмазо, перестань, пожалуйста.

Томмазо. Под угрозой оказалась вся моя жизнь, я должен был защитить тебя и детей, свою работу, наконец... А он снова выстрелил, целясь мне прямо в лицо, и бросился бежать как последний трус! Видимо, тут и я в него выстрелил, но как это случилось, вообще не помню. Он грохнулся на пол и остался лежать без движения. Только тогда я заметил, что в руке у меня пистолет, а из ствола ещё тянется дымок. Едва помню, как встал с постели: в ушах шум, голова кругом идёт... Состояние ужасное. И вдруг вижу его труп, окно распахнуто: это она успела выпрыгнуть, а с улицы доносятся крики... Ну и... из того же пистолета я... *(не окончив фразу, в изнеможении откидывается на спинку кресла)*.

Анна. Перестань себя мучить, видишь, как на тебя это действует! Ради Бога, Томмазо!

Томмазо. Ничего особенного, просто немножко устал.

Анна. Может быть, ты ляжешь?

Томмазо. Нет-нет, мне и так хорошо. Ну, вот, всё и прошло. Сил даже прибавилось. А их надо копить. Я только хотел рассказать тебе, как... как всё это случилось,.. и что я был вынужден...

Анна *(наклоняясь над ним)*. Не надо, пожалуйста, не говори ничего. Всё это ты... *(обрывает себя на полуслове, увидев, что вернулись доктор и адвокат)*. А вот и доктор. Всё это ты расскажешь в суде. Вот увидишь, что...

Томмазо *(резко приподнимается на локте и устремляет взгляд на приближающихся доктора и адвоката)*. Суд... но я ...уже... *(поражён, в отчаянии и изнеможении откидывается на подушки)*.

Леччи *(подойдя к креслу)*. Вам не о чем волноваться, это лишь пустая формальность!

Томмазо *(вполголоса, глядя в потолок)*. Неужели можно придумать более суровое наказание, чем то, какое я сам для себя выбрал?

Чиметта *(не сдержав вдоха)*. Увы, дорогой мой, можно.

Томмазо *(поняв намёк, пытается оспорить)*. Неужели? Но тогда... *(обессилив от волнения, в изнеможении снова падает в кресло)*. Ты так полагаешь? А я думал, что всё уже позади *(обняв Анну за шею и притянув её к себе, с отчаянием в голосе)*. Анна, Анна, всё кончено! Я погиб!

Леччи. Да нет же! Нет! Что вы такое говорите? Кто вам это сказал?

Томмазо. Всё кончено. Будет суд. И значит, меня арестуют. Как же я об этом раньше не подумал? Конечно, всё гораздо серьезнее, верно, Чиметта? Я ведь убил не какого-то там беднягу и негодяя, а вице-прокурора Его Королевского Величества?

Чиметта. По крайней мере, есть доказательства, что он знал о поведении своей жены в других подобных эпизодах.

Анна. И тому есть много свидетельств, синьор адвокат!

Чиметта. Да, но только его собственное отсутствие! Увы, он мёртв и не может под присягой подтвердить это своим словом чести. Там, под землёй, черви уже лишили его этой привилегии, милая синьора, — и это тоже честь, которой, однако, удостоиваются только мертвецы. А у нас соображения и доводы без соответствующих доказательств не принимаются во внимание. В результате всё, что с тобой произошло, на суде будет выглядеть совершенно иначе: сочтут, что это ты нанёс ему оскорбление, а он был вынужден защищаться. Вот ты говоришь: «Как я мог позволить ему убить меня?» Однако, с точки зрения закона, чтобы не подвергнуть опасности свою жизнь, ты не должен был оказаться в ситуации, когда он застал тебя со своей женой. Поэтому и доводы обвинения,

по сути, нельзя опровергнуть: ты нарушил закон, тем самым подверг свою жизнь опасности и лишился права на самозащиту. Понимаешь теперь? Таким образом, ты дважды нарушил закон.

Томмазо (*пытаясь вставить слово*). Но я...

Чиметта. Дай мне договорить. Во-первых, соблазнил чужую жену, чем нанёс оскорбление мужу, который — по закону — имел право наказать тебя. Вместо этого ты сам его убил.

Томмазо. Конечно! А что я мог сделать? Иначе он бы убил меня!

Чиметта. И во-вторых, вслед за этим попытался убить себя!

Томмазо. Разве этого не достаточно?

Чиметта. Отнюдь. Это играет против тебя, поскольку ты попытался сам вершить правосудие!

Томмазо. Ах, даже так...

Чиметта. И тем самым признал свою вину.

Томмазо. Вот именно... И наказал себя сам.

Чиметта. Нет, дорогой мой. Как раз-таки попытался избежать наказания.

Томмазо. Лишая себя жизни? Но разве существует большее наказание?

Чиметта. Конечно: ты должен был умереть, а не остаться в живых! Вот тогда бы правосудие свершилось.

Томмазо. Ага, значит, вот в чём была моя ошибка?! (*Отстраняя в сторону Анну, садится так, чтобы оказаться напротив Леччи*) Но я бы и не выжил, если бы он (*кивая на доктора*) не постарался вытащить меня из могилы и вернуть к жизни.

Леччи (*ошарашен тем, что его впутывают в эту историю*). Я-то тут при чём?

Томмазо. При том, доктор, что я не просил вас о помощи! Вы насильно вернули меня к жизни — вы и только вы! Но к чему она мне, если теперь...

Леччи. Тихе, тихе, успокойтесь. Вам вредно волноваться.

Томмазо. Благодарю вас, доктор. Я вижу, вы все-рьёз поверили в моё выздоровление. Послу-

шай, Чиметта, давай поговорим начистоту. И без эмоций, чтобы не расстраивать доктора. Итак, я стреляюсь, желая покончить с собой, но приходит он и возвращает меня к жизни. По какому праву, скажи мне, он это затеял?

Леччи (*с перекошенным лицом, пытаясь улыбнуться*). Очевидно, мне так выражают благодарность за всё, что я сделал...

Томмазо. А за что мне вас благодарить? Разве вы не слышали, что сказал адвокат?

Леччи. Выходит, я должен был позволить вам умереть?

Томмазо. Конечно. Ведь у вас не было права распоряжаться моей жизнью, которую я сам у себя отнял и которую вы тем не менее мне вернули.

Леччи. А как же иначе? Мои действия ни в чём не нарушили закон.

Томмазо. Назначив себе наказание, посерьёзнее любого, которое предусматривает закон, я уже поставил себя вне его! И значит, на меня не распространяется его приговор! Без вашего вмешательства я бы давно уже был мёртв.

Леччи. Но, дорогой Корси, я дал клятву Гиппократу, и мой долг врача — до последнего бороться за жизнь больного, в том числе и за Вашу жизнь.

Томмазо. С тем чтобы передать меня в руки правосудия, обвинительный приговор которого заранее известен? Так по какому праву, хотел бы я знать, Вы позволили себе это?.. Хороша же ваша «клятва Гиппократу», если, вернув человеку жизнь, от которой он добровольно отказался, вы отдаёте его в руки правосудия, заранее зная, что оно не даст ему возможности воспользоваться этой жизнью по его собственному усмотрению!

Чиметта. Извини, но как быть с твоим преступлением?

Томмазо. Я расплатился за него своей кровью! Разве этого не достаточно? Убил и покончил с собой. А вот он вернул меня к жизни,

хотя я сопротивлялся и трижды срывал бинты с раны. Но, возвращённый к жизни его стараниями, я уже не тот, кем был прежде. А вам хочется, чтобы я вечно жил прошлым, но я навсегда с ним покончил, избавившись от чувства вины, потому что за один миг искупил её. Вы же предлагаете мне растянуть её на целую вечность. Но поймите: теперь мне не в чем больше раскаиваться! Я должен заново начать жить и работать — ради семьи, ради своих детей... Разве я заслужил наказание за убийство, которого не задумывал и которое совершил только потому, что мне не оставалось другого способа защитить свою жизнь? А вот вы, доктор, воспользовавшись своим умением и долгом сохранить мне жизнь, совершили настоящее преступление, обрекая меня на позорное заточение, а моих ни в чём не повинных малюток — на нищету и бесчестие! Но по какому праву? И неужели это справедливо?.. (*Приподнимается, задыхаясь, в ярости от собственной беспомощности и невозможности справиться с ней; с криком впивается ногтями себе в лицо и в кровь расцарапывает его; в изнеможении падает на подлокотник кресла, содрогаясь в конвульсиях, но не в силах разрыдаться; затихает, на грани потери сознания. В ужасе и изумлении присутствующие молча смотрят,*

как по смертельно бледному лицу больного стекают капли крови).

Анна (*спохватившись, бросается к мужу; поднимает сначала голову, затем, с помощью адвоката, пытается приподнять тело больного, но неожиданно с криком ужаса отшатывается: его рубашка залита кровью, вытекающей из открывшейся раны на груди*). Доктор! Доктор!

Чиметта. Рана опять открылась!

Леччи (*поблдев, с расширенными от ужаса глазами*). Неужели?! (*инстинктивно бросается к раненому, протягивая к нему руки, но останавливается, услышав угрожающий хрип, вырывающийся из его горла. Поражённый, обречённо опускает руки*). Нет, не могу... Он прав. Ведь я давал клятву Гиппократу.

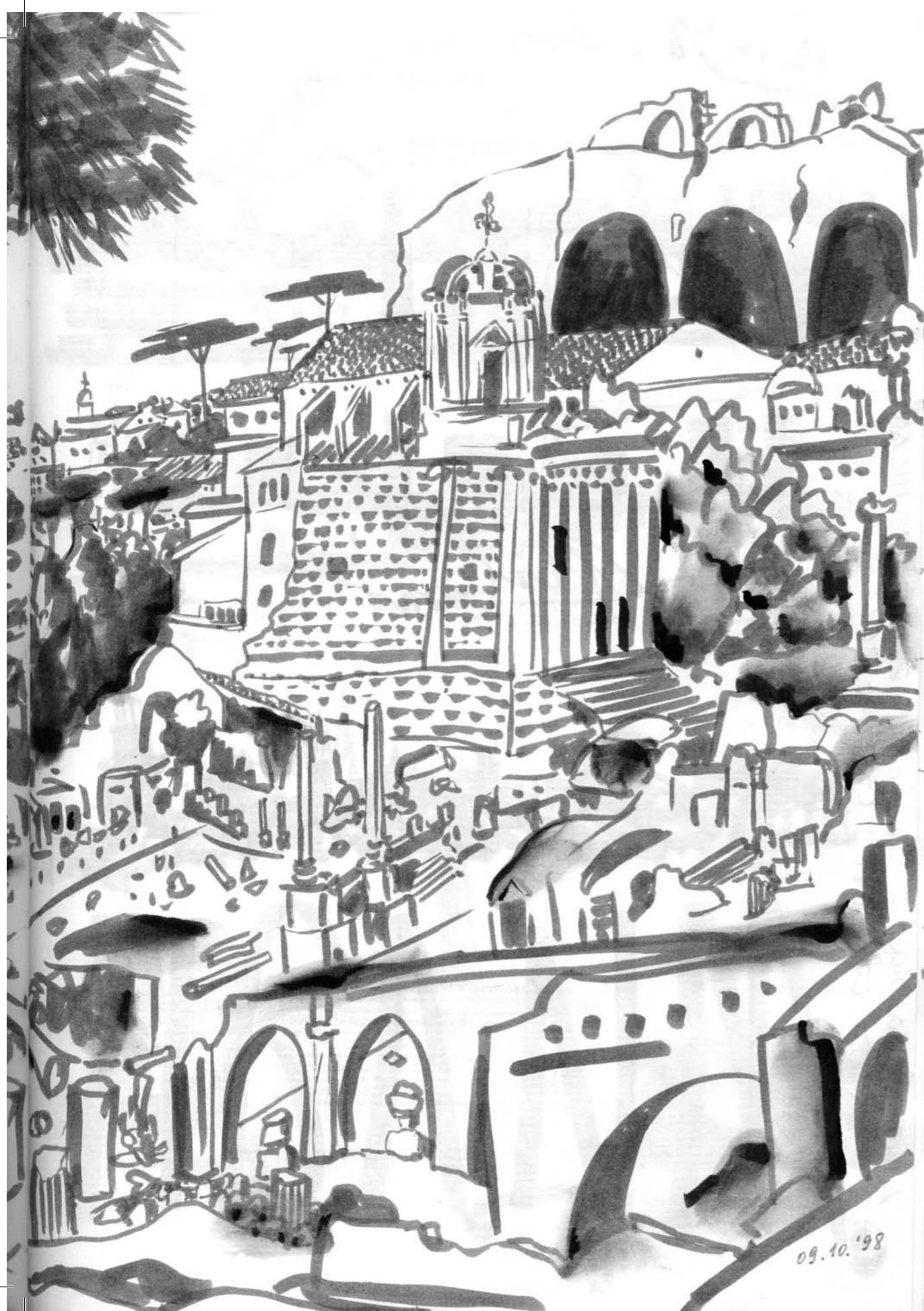
КОНЕЦ

1911 г.

*Перевёл с итальянского
Александр Сергеевский
(Рим, 02. 2017)*

Источник: PIRANDELLO.
Maschere nude. Newton Compton Editori.
Roma, 2007 (p.p. 819-827).

© Луиджи Пиранделло
© Перевод Александра Сергеевского

© Рисунок Валерия Сирогова

ТРУДНОСТИ ПОНИМАНИЯ Россия и Италия: социокультурный контекст

Светлана КНЯЗЕВА

Выявление путей и пределов взаимопонимания может способствовать налаживанию деловых и социокультурных контактов между нашими странами. Анализ же основ национальной идентичности Италии помог бы выяснить, во-первых, как её репрезентация в отношении нашей страны воспринимается россиянами, а во-вторых, как воспринимает такое самопозиционирование итальянская общественность, большинство итальянцев — простых «людей с улицы».

ИТАЛЬЯНСКИЙ ГОРОД

Итальянский город, где дух свободы, понимаемой значительной частью общества как продолжение ответственности, был несовместим с диктатом власти¹, стал информационным мостом между Западом и Востоком, центром знания, труда, образования, логики; средоточием многообразных вариантов управления; музеем форм государственности, воспринятых в качестве наследия античной политической практики и коммун, созданных в ходе развития. На территории Апеннинского полуострова не возникло крепостного права, а на Севере не получили развития и жёсткие формы личной несвободы.

Без всестороннего учёта этих факторов (наряду с геополитическими, природно-климатическими особенностями, опытом гуманизма, длительным периодом политического сепаратизма) невозможен анализ культурного ядра Италии.

В суммарном анализе основы идентичности Италии важнейшее место занимает городская культура, культура итальянской коммуны и её наследие: ведь Италия на протяжении длительного периода своей истории оставалась страной городов — явление, не столь заурядное в европейском Средневековье. Не случайно в последнее время итальянские историки, специалисты по политическим наукам, журналисты обращаются к ретроспективным исследованиям данной проблемы². В ходе этих исследований су-

щественно уточнено представление о роли итальянского города как важнейшего канала доступа к информации, как центра трудовой и деловой активности, научного знания, образования, политики, городского самоуправления, одним словом — прогресса. Нелишне вспомнить деятельность Джорджо Ла Пира, мэра Флоренции, а с 1967 года — президента Международной федерации объединённых городов, который привлёк внимание к роли города в развитии демократических традиций в европейском пространстве и обратил внимание жителей объединённой Европы на то, что «вновь пришла эпоха городов», добавив, что необходимо «объединять города, чтобы объединить нации»³.

В XIII–XIV столетиях роль Средиземноморья стала особенно важной для европейского пространства и для Востока, поскольку этот регион притягивал к себе великие империи, государства христианской Европы и ислама. В этом контексте особую роль приобретал итальянский город — перекрёсток, где происходило общение, пересечение и взаимодействие различных культур. Как отмечал известный итальянский исследователь Джулиано Прокаччи, жители городов были «крайне заинтересованы в процветании Средиземноморья» — важнейшем условии их собственного процветания⁴. Города-полисы, морские города-республики уже в период Средневековья стали центрами науки и образования (поскольку к XIV веку в большинстве итальянских городов существовали университеты), культурной и интеллектуальной жизни, экономики. В первую очередь речь идёт о *Светлейшей* Венеции, Генуе, Пизе и Амальфи. Уместно вспомнить, что на знамени Морского флота Итальянской Республики красуются четыре герба — это историческая память об итальянских морских республиках-коммунах.

В период формирования коммун, то есть уже начиная с XII–XIII веков, их жители стали прибегать к практике регулярных выборов в органы городского самоуправления. Так появились магистраты, затем консулы, которые избир

ались из наиболее уважаемых горожан, причём не обязательно из представителей аристократии, поскольку коммуна существовала благодаря труду, который стал мотором её развития. Важно также, что должностные лица — отцы города — избирались на ограниченный срок: в ряде случаев их переизбрание происходило ежегодно⁵. Уже начиная с конца XII — первой половины XIII века, возникла практика принятия городских уставов — законов и норм проживания, с которыми должны были считаться все жители. Но эти уставы отнюдь не ограничивали свободного развития возможностей продвижения человека. Недаром город привлекал к себе тем своеобразным *вкусом свободы*, который вполне оценивали его жители и который так поражал иноземцев⁶. Правда, сами по себе *savoir faire*, т.е. деловые качества, самодостаточность человека не могли стать гарантией его успешного продвижения в условиях достаточно жёсткой стратификации, диктуемой развитой цеховой системой, ассоциациями торговцев и ремесленников, с течением времени выработавшими свои уставы. Однако всё сказанное подводит нас к выводу о том, что деловой класс — торговый патрициат коммун, начиная с Венеции и Флоренции, с течением времени, — но никак не позднее XIV века — превратился в «сплоченное и наделённое сильным духом корпоративизма сословие» — своего рода новую городскую аристократию⁷.

Городская культура побуждала итальянцев развивать кругозор, создавать свою *картину мира*, которая уточнялась с течением времени в результате кругосветных путешествий и великих открытий, освоения новых торговых путей, установления экономических связей, внедрения технических усовершенствований. Но, что вероятно, ещё более важно — жители городов осознали важность борьбы за свои права. Итальянцы перестали быть воинами, солдатами, зато они научились быть моряками, мореплавателями, бороздили моря и океаны: известные мореплаватели, начиная с венецианца Марко Поло и флорентийца Франческо Пеголотти, рассматривали этот род деятельности уже не как про

фессию, а как жизненное кредо, как своеобразную философию жизни — как состояние души. Длительные путешествия, встречи с великими правителями и философами Востока, осуществление сложнейших финансовых и торговых операций — всё это имело большое значение для отцов и сыновей итальянского города-коммуны. В большинстве городов были созданы чёткая стратификация, корпоративные и ремесленнические организации, но, что ещё более важно, в таких крупных коммунах, как Флоренция, Венеция и отчасти Генуя, эти организации добились права реально участвовать в управлении городом через своих наиболее уважаемых представителей⁸.

Таким образом, в эпоху коммун в северной и, в определённой степени, в центральной части Апеннинского полуострова возник «рынок знаний и талантов»⁹: города стали центром притяжения для интеллектуалов, поскольку там имелись широкие возможности сделать карьеру и стать состоятельным человеком.

Именно таким образом происходило формирование новой, интеллектуальной аристократии, по прошествии времени ставшей органической частью городской культуры и пополнявшей касту старой городской аристократии. Следствием этих процессов стало, во-первых, распространение интеллектуалами-гуманистами идей гуманизма, а также литературы Возрождения. А поскольку задачей интеллектуалов было создание такой литературы, которая могла бы заинтересовать и бюргеров, и пополанов — «тощий народ», говоривших на народном диалекте, то есть быть доступной пониманию простых жителей города, — они стали обращаться к сюжетам, которые были интересны этим людям, и использовали доступный для них (разговорный) язык, так называемый «волгаре»¹⁰. Не говоря уже о том, что формирование этой новой аристократии, с её новаторскими идеями, с соответствующими новой эпохе представлениями до определённой степени ослабляло (или размывало) позиции старой аристократии, которая не могла быть до такой степени проник

нутой высокомерием и спесью, как во Франции или Испании.

Хотелось бы подчеркнуть наследие гуманистической культуры в сумме признаков итальянской идентичности. Ведь гуманизм как стиль жизни, как жизненное *кредо* представителей интеллектуальной городской элиты выражался сначала в общественно-политической мысли, представленной наукой: учёными, в особенности историками, философами, правоведами, университетской профессурой, а также культурой Высокого Возрождения. Однако с течением времени его импульс, его идеи и наследие мало-помалу стали проникать в самые глубины сознания простых итальянцев, людей «с улицы», начинавших *осознавать* свою идентичность, культурное ядро, свою этническую и культурную общность, хотя в течение нескольких веков страна не могла прийти к политическому единству.

Наследие республиканского городского управления выразилось в создании в культурном ядре итальянского народа определённой шкалы ценностей, в укоренении традиций, своеобразной политической культуры, — и всё это сохранилось в исторической памяти итальянцев, даже несмотря на «травматический опыт» иноземного завоевания полуострова и потери независимости: последствия политического сепаратизма, а в XX веке — «чёрного двадцатилетия» фашизма.

Основными приоритетами ценностей, усвоенных народом Италии на уровне коллективного исторического опыта, является уважение к жизни человека, к свободной человеческой личности, её достоинству, склонность к секуляризации человеческого сознания в отношении жёстких идеологий, недопустимость ущемления достоинства и прав человека; изначально присущее уважение к труду, образованию и научному знанию, городское самоуправление на основе конкурентных выборов, сменяемость власти, а также уважение к законам, регулирующим проживание в данном социуме.

В сумме признаков того, что можно было бы обозначить как *italianità*, «итальянскость», сле-

дует, по нашему мнению, назвать самоуважение человека, индивидуализм, уважение к его *privacy* (внутреннему личному пространству) и недопустимость его нарушения другим человеком или властью, на каком бы уровне она ни была представлена. Добавим к этому и такую черту, воспринятую непосредственно от гуманистической культуры, как *sacro egoismo* (*разумный эгоизм*). Её типичным проявлением и *паттерном* политической культуры итальянцев с течением времени стало рациональное, разумное поведение, известный прагматизм, ответственность — как оборотная сторона права на личную свободу, недопустимость вмешательства во внутреннее личное пространство, причём попытки этого вмешательства с чьей-либо стороны встречают жесткое сопротивление. Однако любой человек имеет такое же право распоряжаться своей жизнью — при условии личной ответственности за себя (когда границы её чётко обозначены), а поведение человека разумно и обусловлено принципом толерантности в отношении другого человека или социума.

Именно поэтому центральный миф фашизма о всеобъемлющей роли государства как «некоего незыблемого абсолюта, наделённого тотальным и сакральным характером», по отношению к которому человеческое существо «есть понятие относительное и ему безусловно подчинённое, имеющее вторичную и зависящую от него значимость»¹¹, не был воспринят: напротив — даже отвергнут большинством итальянцев. Именно поэтому итальянский фашизм не смог приобрести отточенных форм столь жёсткой модели социума, как, например, немецкий нацизм, он стал лишь «стыдливой», смягчённой тоталитарной версией¹². Мифология, лозунги итальянских идеологов фашизма носили скорее претенциозный, театрализованный (как раскатытое итальянское «р») и во многом поверхностный характер, до известной степени подстраиваясь под особенности национального характера. Тем не менее деятельность итальянских фашистов носила последовательный, хотя и не менее жёсткий характер. Правда, результаты осуществления

на практике культивируемых мифов были более скромными, нежели в Германии¹³.

«ЧЕРНОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ»

Следует помнить, что имперский дух, стремление к территориальному расширению, к завоеванию новых территорий, жажда *имперства* в целом угас и был утрачен вместе с падением Римской империи. Тогда же была утеряна в основном и сама имперская идея, получавшая импульс лишь в отдельные периоды итальянской истории. Даже в эпоху «Чёрного двадцатилетия» фашизма 30-х годов XX столетия стремление к созданию могущественной империи и сама имперская идея встречали не слишком активный отклик в Италии и не вызывали в народе особого энтузиазма. Абиссиния стала своеобразной «лакмусовой бумажкой», обозначившей пределы возможностей фашистского режима апеллировать к идее величия Италии. Конечно, когда дуче в своей речи 5 мая 1936 г. со знаменитого балкона на Пьяцца Венеция в Риме, провозгласил Италию империей после окончания итало-абиссинской войны 1935-1936 гг., градус популярности муссолиниевского режима (а империя и режим — не одно и то же) на короткое время достиг небывалого уровня¹⁴. Безусловно, этому способствовали такие пропитанные национализмом документы, как «Доктрина фашизма», а также деятельность интеллектуалов, руководимых идеологом режима Джованни Джентиле, по созданию соответствующих зрительных образов и мифов, распространяемых среди населения страны и на мировой арене¹⁵. Однако, едва лишь стали известны человеческие потери в итало-абиссинской войне, а сама война показала военную (и не только) слабость фашизма, имперские идеи вскоре сошли на нет.

Более того, по-видимому, именно провозглашение империи после завоевания Абиссинии стало, по мнению российского исследователя Л.С. Белоусова, очевидной, хотя на том этапе едва заметной, точкой отсчёта в начинающемся отка-

зе режиму в «кредите доверия» со стороны итальянцев, в утрате консенсуса между обществом и властью. Как подчёркивает автор, во второй половине 1930-х годов в итальянском обществе стали возникать процессы «разложения стереотипов мышления и поведенческих моделей, соотвествовавших новому фашистскому типу, началось формирование антиконформистских настроений, сужение сферы воздействия на массы доминировавшей субкультуры»¹⁶.

Угасание интереса к имперской идее стало ещё более очевидным, как только состоялся военно-политический союз Италии с гитлеровской Германией, и особенно после вступления страны во Вторую мировую войну. На потерю консенсуса между властью и обществом в этот период прямо указывает крупнейший итальянский исследователь итальянского фашизма Ренцо Де Феличе¹⁷. Как отмечает в своём анализе проблемы «имперской» Италии Джулиано Прокаччи, по мере того как развивалась обстановка на фронтах: в Тобруке, Эль-Аламейне, на Балканах и особенно — под Сталинградом, — «тучи войны сгущались в итальянском (синем! — С.К.) небе. А внутри страны насаждались различные нововведения: в частности, антисемитская кампания и осуществление расового законодательства, ставшего подлинным оскорблением для мягкого, благородного характера итальянцев, — диктаторский режим принимал уже по настоящему гротескный вид»¹⁸.

Таким образом, ещё до начала Второй мировой войны обнаружились процессы внутренней коррозии режима, резко сократилось единодушное доверие власти и общества, стала ослабевать его массовая опора, причём от поддержки фашистского режима стала отходить даже часть традиционно националистически настроенных масс¹⁹. Ведь империя подобна ненасытному Молоху: она требует постоянных человеческих жертв, а это было несовместимо с представлениями итальянцев о ценности человеческой жизни, с её приоритетом в шкале ценностей, определяемым христианской традицией, паттерном политической культуры, заложенной ещё в эпоху гуманизма — с его

приоритетом уважения к личности человека, а также наследием городской культуры. Большинство итальянцев, по мнению Ренцо Де Феличе, руководствовались лишь одним императивом: *primum vivere* (прежде всего жить. — С.К.). И это был отнюдь не имперский императив — нет! Таков оказался результат: не политического выбора, а сознательного стремления очень многих (если не большинства) итальянцев уцелеть²⁰. Просто уцелеть любой ценой — и жить более или менее достойно, а вовсе не погибнуть в военной мясорубке за фашистское отечество и торжество имперской идеи, заплатив за это собственной жизнью.

Из сказанного следует сделать вывод об итальянском конформизме как следствии прагматизма, как основе *консенсуса по-итальянски*, как наиболее предпочтительной (поскольку наиболее рациональной и прагматичной) форме реагирования личности на прессинг со стороны жёсткой модели социума²¹, которая, однако, предоставляла возможности не только выживания, но и карьерного роста²². В этой системе человек являлся всего лишь «проводком в цепи высокого напряжения, и ток с гудением проскакивал сквозь тело, наполняя его большой жизненной силой», и он не был убийственным — в случае, если следовал правилам игры, предписываемым конформизмом²³. Квинтэссенцией конформизма стал популярный в Италии кухонный анекдот, когда на вопрос отпрыска Муссолини о том, что такое фашизм, дуче изрёк: «Ешь и молчи». Ведь именно конформизм, оставляющий определённые возможности для сохранения человеком внутреннего личного пространства, личной жизни (а вовсе не фанатизм или такие его проявления, как ксенофобия, шовинизм, расизм или антисемитизм), являлся характерной моделью поведения обычного простого человека «с улицы» в период фашистского двадцатилетия²⁴.

НОВАЯ ГУМАННОСТЬ

С начала 60-х годов прошлого столетия в религиозной (и светской) жизни Италии также

произошли серьёзные сдвиги в политике церкви по отношению к человеку и его правам. В энциклике *Mater et magistra* (15.05.1961 г.) — новой социальной доктрине католической церкви, получившей развитие в решениях Второго Ватиканского Собора (1962–1965), — подчёркивалось, что жизнь человека бесценна и дана Богом человеку для счастья, а когда тиранические режимы нарушают права человека, общество имеет право на сопротивление (включая вооружённое) угнетению и произволу власти²⁵.

Когда культурное ядро стабильно и в нём заложены уживающиеся между собой представления, в обществе создаются устойчивая «коллективная воля» (если использовать термин итальянского историософа Антонио Грамши в рамках его теории гегемонии²⁶), а также «спонтанный порядок» (понятие принадлежит европейским либералам XVIII в. Ф. Кене и Адаму Смит), направленные на сохранение стабильности системы. Но если в совокупном опыте народа присутствуют множественный травматический опыт прошлого и желание «переиграть» свою историю, у значительной части общества возникает стремление к насильственному разрушению спонтанного порядка, т.е. консенсуса. В этом случае, по утверждению Грамши, может начаться «молекулярная» интервенция — агрессия в культурное ядро.

В государстве, какими бы методами оно ни осуществляло власть, запущены два триггера управления — сила и согласие. Через различные каналы доступа власть стремится опереться на стереотипы, сцементированные в культурном ядре общества — в этом проявляется *гегемония власти*, о которой писал Антонио Грамши. А *молекулярная агрессия* может проявляться в укреплении стабильности, осуществляемом властью через разнообразные формы пропаганды, но и через действия оппозиции, направленные на подрыв сложившегося порядка, включая революцию²⁷.

Итальянские города-коммуны, с развитым городским самоуправлением и выборностью «отцов города», всегда были центрами сво-

боды, рационального управления, комфортного для человека проживания.

Так, в декабре 2016 года Мантуя заняла первое место среди итальянских городов по качеству жизни, удобству проживания, вниманию городского самоуправления к нуждам жителей города, в результате чего произошло увеличение рождаемости и сокращение смертности, возросло качество инфраструктуры и услуг, повысился интерес к памятникам культуры, произошло резкое снижение уровня преступности²⁸.

И сегодня, являясь старейшим актором Европейского Союза, Италия демонстрирует приверженность европейской ценностной модели. Эта модель выражена в шкале ценностей, изложенной в Копенгагенских критериях, которые опираются на статьи 6 и 49-ю Маастрихтского договора²⁹. В качестве базовых прав личности определены: уважение к жизни, достоинству, свободе, собственности («Союз основан на принципах свободы, демократии, уважения прав человека и основных свобод, а также на принципе правового государства» — статья 6). Не менее важна 49-я статья договора, где говорится о необходимости для стран — членов Европейского Союза «отвечать условиям и критериям» правового государства. В ряде выступлений главы МИДа ЕС итальянки Федерики Могерини сформулированы принципы современной либеральной демократии, основанные на уважении к базовым правам личности, обозначены условия и механизмы, на которых должны строиться отношения между личностью, обществом и властью³⁰.

РОССИЯ ГЛАЗАМИ ИТАЛЬЯНЦЕВ

Россия находилась «за скобками» европейской философии, логики, римского права. Удалённость от Мирового океана, многовековая изоляция от европейских научных достижений,

университетского знания, логики и философии, теорий и практик власти, права — всё это не прошло бесследно.

Власть в Московии, затем в России отличалась жёсткая централизация, чему способствовали непредсказуемый суровый климат, скудные почвы, непроходимые леса и бездорожье, безбрежные просторы и зыбкость границ, изоляция от Европы, Дальнего Востока — и привычка жить в изоляции³¹. Правитель обладал атрибутами собственности по отношению ко всему имуществу, находящемуся в его вотчине, ставшей основой формирования государственной модели, включая *холопов* (т.е. людей). Вследствие зыбкости границ и власть, и подданные были нацелены на отражение врага: логика, усилившаяся в течение многих веков в связи с незащищённостью россиян, живших в соседстве с враждебными кочевниками и в условиях постоянного противоборства и амбиций удельных князей³². А по мере налаживания контактов с Европой прибавился страх перед более компетентным и рационально развивающимся социумом³³.

Важным проявлением политической культуры стали недоверие россиянина к власти, страх (на эти чувства власть отвечала взаимностью) и преклонение перед властью — точнее, перед государством-властью (в известном смысле произошло слияние понятий «государства» и «власти» и их сакрализация). Отсюда представление о патриотизме как преданности власти, олицетворенной в правителе — при условии, что он старается учитывать и нужды народа. В матрице жизненной программы государства не возникла составляющая, отвечающая за уважение к человеческой жизни (исходя из естественного права и Божественного установления), к достоинству человека и его внутреннему личному пространству. У значительной части общества (в силу длительного пребывания в крепостном рабстве) не возникло и чувства ответственности за свои действия как обязательной составляющей свободы, которая понималась не как ответственность (именно

но таково либеральное прочтение свободы, и именно эта традиция пустила довольно глубокие корни в итальянском социуме)³⁴, а как анархия. В коллективной исторической памяти (по крайней мере, в доминантной её составляющей) закрепились определённые паттерны поведения и стереотипы: люди считали себя подданными, от которых *не зависит их собственное будущее*. Но отнюдь не гражданами собственной страны.

СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В России свобода, понимаемая именно как продолжение ответственности, так и не была востребована даже в начале XXI века: более половины россиян предпочитают порядок и стабильность как условие выживания, пытаются искать виновника всех бед в *чуждом им* мире и заняты преодолением этих бедствий. Наряду с длительной изоляцией страны это привело к отторжению европейского либерального кредо и к отсутствию толерантности во взаимодействии с соседними государствами³⁵. Модернизация России воспринималась как *вестернизация* — опыт культуры европейской, осуждаемый на уровне массового сознания, чуждый российской культуре, то есть «чуждой», «не такой, как наша, неправильной»³⁶.

В силу многих обстоятельств такие города, получившие развитие в Италии, не могли возникнуть в России. Среди наиболее важных причин этого следует отметить протяжённость территории; слабую деловую активность в результате жёсткого контроля власти и чиновников над предпринимательством³⁷; необходимость выживать, доказывать своё право на деловую активность и преодолевать сопротивление на всех возможных уровнях и *вопреки* всему; крепостное право; ожидание «повеления» свыше, а также саму государственную модель, представлявшую собой большую копию личного удела правителя, которая была подкреплена существенными элементами «вождизма».

ТРАВМЫ СОЦИУМА

Новое направление научного знания — история и теория травмы социума — открывает возможности комплексного анализа травматического опыта, с учётом и иных факторов (природа, климат, ландшафт), влияющего на формирование основы идентичности народа. Политолог Бруно Гроппо объясняет неприятие свободы «травматическим опытом»³⁸ (завоевания, бунты, диктатура)³⁹, закрепившимся в коллективной генетической памяти народа в качестве *доминантных стереотипов*. Стереотипы закладываются в матрицу жизненной программы в виде базовых представлений (о свободе и рабстве, насилии и толерантности), сформировавших коллективное сознание и паттерны поведения. С течением времени они укореняются в представлении большинства населения: в отсутствии уважения к человеку, в «стоицизме с адаптацией к насилию»⁴⁰, в представлениях об абсолютной доминантной роли власти и руководящей роли коллектива, в неприятии прагматизма и рационального подхода к жизни и деятельности. Сформированная в коллективном опыте картина мира остаётся в исторической памяти, в политической культуре страны⁴¹, проявляется в снижении «культурного иммунитета» народа⁴², в стремлении доказать свой *особый путь*⁴³. А власть использует возможности, предоставляемые исторической памятью и сложившейся политической культурой, и проецирует её на настоящее для реализации собственных целей⁴⁴.

Пропаганда патриотических идей блокирует, по представлениям церкви и части политической элиты, проникновение *навязываемых извне либеральных идей*⁴⁵. Ряд итальянских экспертов убеждены в том, что русские позитивно реагируют на эти идеи, поскольку желают услышать именно это⁴⁶, и обеспечивают поддержку президенту⁴⁷, констатируя факт возрождения традиционалистских и палеоконсервативных ценностей у народа⁴⁸.

Однако, несмотря на весьма существенные различия политических культур Италии и России, важно, чтобы укоренившиеся или навязываемые стереотипы восприятия и — как следствие этого — излишняя демонизация или, напротив (что также нередко случается), романтизация образа России или Италии не препятствовали взаимовыгодному сотрудничеству этих государств с учётом всего комплекса взаимных интересов, а, напротив, способствовали бы конструктивному диалогу наших культур, не мешали итальянцам и русским договариваться и понимать друг друга.

ИМИДЖ И ОБРАЗ

В контексте международных отношений понятие имиджа (используемое в широком значении) следует терминологически разделить на два понятия: имидж и образ. Понятие «имидж» мы будем использовать в случае, если речь идет о том или ином образе государства, в комплексе с его качественной характеристикой, и в таком случае это понятие приобретает «заостренный», политический смысл. Речь идёт о совокупности политических, экономических и культурно-географических представлений о стране, создаваемых государством для приобретения выгодного положения его в мире, а также тех представлений, которыми наделяется данное государство в современном миропорядке. Имидж создается государством и для воспитания чувства национальной идентичности у граждан этого государства⁴⁹.

Что же касается имиджа России и Италии в мировом сообществе, то обе эти страны, безусловно, вызывают к себе немалый интерес. Однако если Италия воспринимается как естественная и органичная составляющая западноевропейского культурного ядра, которая сотрудничает с другими европейскими странами в рамках Европейского Союза и осуществляет взвешенный внешнеполитический курс, особенно в Средиземноморском регионе, то имидж России

складывается в европейском и мировом сообществе противоречиво и не всегда вызывает положительные эмоции в мире.

«Образ» же более относится к характеристике культурно-географических особенностей страны, а главное — к основе её идентичности, особенностям культурного ядра её народа. Образ страны необходимо учитывать и в анализе взаимных репрезентаций с позиции коллективного «Я», сопоставляемого (или противопоставляемого) образу «Другого» в двусторонних отношениях стран. Как можно заметить, эти понятия можно совместить, но при этом они значительно разнятся, и ни одно из них в полной мере не может заменить другое⁵⁰.

Российско-итальянские социокультурные связи имеют удивительную, красочную историю. Перетекая из эпохи в эпоху, в XIX столетии Россия и Италия стали создавать друг для друга особый мир, наполненный любовью к творчеству, искусству, музыке, науке и — самое главное! — человеческим общением. На всех этапах итальянско-российских отношений культурные и, в меньшей степени, научные связи остаются важным фактором формирования образа России в Италии и, напротив, представлений русских об Италии.

ФУНДАМЕНТ

Чтобы выяснить, чем столь «зацепила» итальянская культура русского человека, следует обратиться к событиям далекого прошлого — с тех пор как на территории Княжества Московского были зафиксированы первые следы русско-итальянского сотрудничества.

В книге «Образы Италии» русский писатель Павел Муратов отмечает: «Италия принадлежит к великим темам, не устающим привлекать мысль и воображение различных людей и сменяющихся поколений. Это целый мир, и каждый, кто вступает в него, проходит в нём отдельной дорогой»⁵¹. А по мнению известного российского итальяниста Т.В. Зоной, «итальянская архи-

тектура, хранившая традиции римской античности, была близка России»⁵².

В лексикон русской архитектуры вошли византийско-итальянское, «венецианское», «фряжское» стилистические направления⁵³ (Антон Фрязин, Аристотель Фиораванти...). Русские мастера заимствовали у итальянцев множество технических навыков, которые, переплетаясь с самобытной культурной традицией, позволили изменить доминировавший до этого византийский канон в архитектуре. Одним из наиболее значимых архитектурных памятников стал Архангельский собор в Московском Кремле (его создателем был итальянец Алевиз Новый).

Огромный след в архитектуре России оставили итальянские зодчие и в Санкт-Петербурге во времена правления Петра I и Екатерины II: Доменико Трезини, Гаэтано Киавери, наконец Франческо Растрелли — выдающиеся мастера композиции дворцов и храмов, определившие облик северной столицы.

Контакты России с Италией с течением времени становились постоянными и целенаправленными. Петр I установил дипломатические отношения с Венецианской республикой и заключил с ней союз против Османской Империи. Жители *Светлейшей* Морской республики также были заинтересованы в развитии связей с Россией. В середине XVIII в. побывавший в рамках посольства в Петербурге венецианский дож Марко Фоскарини убеждал своих соратников, что Россия — единственная северная держава, которая может открыть венецианскому флоту наиболее удобный путь к берегам Черного и Азовского морей⁵⁴.

Однако культурный обмен всё же оставался важнейшей и, вероятно, основной составляющей отношений между двумя народами. Русские воспринимали Италию как страну, где следовало совершенствоваться художествам, восхищаться гением великих мастеров Возрождения учиться создавать шедевры — черпать вдохновение и отдыхать душой. В свою очередь, проникаясь русской культурой, итальянцы выражали восхищение шедеврами «Серебряного» и «Зо-

лотога» века, и вероятно, ещё более — иконами русских мастеров. Ведь наши страны слишком удалены друг от друга, имеют слишком разные традиции и культурные коды и не вполне совместимые ценностные ориентиры, а также различные, хотя и не пересекающиеся в силовых полях геополитические интересы, чтобы поддерживать дружественные либо враждебные отношения на постоянной основе.

В июне 1864 г. Россия признала провозглашённое в 1861 году Королевство Италия. Однако довольно популярные в период «Рисорджименто» идеи сотрудничества России и Италии в Средиземноморье так и не получили желанного развития. Российская империя была неозримым государством с самодержавным правлением, сложившейся традицией территориальной империи, континентального колониализма, ориентализма и великодержавными целями. Королевство Италия появилось на карте Европы в 1861 году как молодое государство, в управлении которым прослеживается значительное влияние либерализма, однако в момент объединения оно не ставило себе глобальных внешнеполитических целей и не обладало серьёзным военным потенциалом.

Но для русских Италия всегда была источником вдохновения и любви. Ярким примером этому служит Вилла Абамелек, построенная князем С.С. Абамелек-Лазаревым на Яникульском холме в Риме и украшенная парком с редкими античными статуями. После Второй мировой войны вилла стала резиденцией посла СССР, затем посла России в Италии.

Усиление культурных контактов привело к установлению прочных политических и дипломатических связей, хотя формирование структур власти и дипломатии происходило в течение многих столетий на основе различных политико-правовых стандартов и ценностных стереотипов. Но ни Россия, ни Италия не только не прибегали к преследованиям или аресту по политическим соображениям подданных страны, с которой поддерживали столь тесные

контакты: более того, многие политические деятели, оппозиционно настроенные писатели и художники России находили приют и убежище в Италии.

Нельзя не упомянуть, в свою очередь, о словах, сказанных популярным итальянским певцом Адриано Челентано о России: «Ещё в детстве, мальчиком, я всегда представлял себе Россию как сказочную страну. Мне казалось, что в каждом доме топится печка, а вокруг собираются обитатели этого дома, чтобы поговорить о том о сём. В доме потрескивают поленья в печи, и незримо присутствует мудрость. Вот так я всегда представлял себе Россию — край, находящийся в самом центре Земли, где даже войны не смогли убить мысль мудрецов. Я очень рад тому, что приехал сюда и могу здесь зажечь свой огонь, потому что, видимо, именно отсюда начнётся тот великий огонь, в котором сгорит всё зло»⁵⁵.

В эпоху «холодной войны» в Италии, как и в других западных странах преобладало настороженное отношение к Советскому Союзу, обусловленное негативным «имиджем» Советского государства, отторжением сталинского тоталитаризма, ущемлением прав человека, а также страхом перед советским оружием и танками в Восточной Европе. Тем более что итальянские коммунисты, пользуясь огромным влиянием в стране, заняли по этому вопросу особенно непримиримую позицию уже с начала 1970-х годов, когда среди руководства и рядовых членов Итальянской компартии получила развитие доктрина еврокоммунизма⁵⁶.

ЕВРОКОММУНИЗМ

На рубеже 1960–1970-х годов, после событий 1968 года в Чехословакии, новое руководство ИКП дало оценку советской модели как неспособной к обновлению и неприемлемой для Европы и заявило, что позиция КПСС по ряду вопросов внутренней и внешней политики (в частности, доктрина ограниченного суверенитета) будет подвергнута жёсткой критике.

Доктрина еврокоммунизма, наряду с осуществляемой руководством ИКП стратегией исторического компромисса, стала разрабатываться лидером итальянской компартии Энрико Берлингуэром с начала 70-х годов⁵⁷. К середине 1970-х основными адептами этой стратегии стали руководство итальянской и испанской коммунистической партий (под эгидой Сантьяго Каррильо). В основе её лежит неприятие ортодоксального коммунизма, который, по мнению секретаря ИКП, использует «исключительно силу для подавления оппозиции, в частности, в Польше», тогда как «польские коммунисты могут разрешить кризис 1981 года только на пути независимости и путём демократических реформ, а не через подавление движения силой и репрессиями». Сама же доктрина ортодоксального коммунизма, навязываемая руководством КПСС зарубежным коммунистическим и рабочим партиям, по мнению лидера ИКП, показала свою очевидную несостоятельность, поскольку обновление её невозможно, политика реформ блокируется, а «...сам путь Октября и его побудительный импульс, предложенный СССР, полностью исчерпал себя...» и абсолютно не подходит итальянскому (и европейскому) коммунизму⁵⁸.

Упор в стратегии итальянских коммунистов делался на демократическое общество западных стран через активную работу в массах и общественных организациях и расширение парламентской группы в законодательном органе власти, т.е. проводилась широкая политика союзов.

Нужно учитывать, во-первых, тот факт, что ИКП имела второй по численности после Христианских демократов электорат, массовую социальную базу и в международном коммунистическом движении была одной из немногих (почти единственной) реально независимой, массовой и влиятельной коммунистической партией; а во-вторых, то, что в результате борьбы за расширение тотального силового поля СССР, как отмечает известный российский дипломат А. Адамишин, к началу 80-х годов у Советского Союза «хвост застрял в Афганистане, нос — в Польше, а посередине случился бардак с эко-

номикой»⁵⁹. Становится понятным по меньшей степени негативное или жёстко критическое восприятие внутренней и внешней политики Москвы интеллектуалами, да и просто рядовыми итальянцами, хотя бы немного интересовавшимися политикой.

В этот период в Италии предпочитали, скорее, игнорировать или, по крайней мере, не уделять специального внимания советской действительности, ибо ситуация в СССР в глазах рядовых итальянцев выглядела непредсказуемой, непонятной, а в ряде случаев — даже представляла угрозу. Такое отношение к Советской власти проецировалось и на отношение итальянцев к обычным советским гражданам.

НОВАЯ РОССИЯ И НОВЫЙ ТРЕНД

С приходом к власти М.С. Горбачева в отношениях России и Италии наметились перемены, и в конце 1980 — начале 1990-х годов образ СССР, а затем России стал восприниматься итальянцами более позитивно. Восторженное отношение к Горбачеву как политику и человеку распространялось и на отношение к русским, приезжавшим в Италию. Важнейшими этапами формирования образа новой России стал визит Горбачева и его супруги к Папе Иоанну Павлу II 1 декабря 1989 года, затем визит Б.Н. Ельцина в Италию в 1991 году и подписание российско-итальянского договора о дружбе, после чего Россия стала принимать участие в саммитах «Большой семёрки».

Вместе с тем необходимо отметить, что правящая ныне Демократическая партия Италии в определённой степени впитала идеи прежней Итальянской коммунистической партии (после её распада): партии — лидера еврокоммунизма, партии Энрико Берлингуэра, Джорджо Наполитано, Акилле Оккетто. Этим во многом объясняется и то, что отношение Демократической партии к событиям в России (в связи с отмеченными ими нарушениями прав человека и несо-

блюдениями закона) с самого начала отличалось несколько большей пристрастностью и формировало «имидж» Российского государства в Италии более негативным, нежели во время правления правоцентристских коалиций. Лидеры старой Христианско-демократической партии традиционно занимали менее жесткую позицию и строили свои отношения с Советским Союзом, преследуя собственные экономические интересы гораздо в большей степени, чем основываясь на поиске общих ценностных ориентиров. В какой-то мере партия «Народа Свободы» Сильвио Берлускони (сегодня она вернулась к старому названию — «Вперёд, Италия») и лидеры правоцентристских коалиций осуществляют подобную линию в отношениях с российским руководством.

РУБЕЖ ДВУХТЫСЯЧНЫХ

В начале 2000-х годов (особенно 2003–2004) в связи с разработкой в Европейском Союзе политики партнёрства и соседства (в дальнейшем — политики общего соседства) между двумя странами наблюдалась интенсификация связей. Внешнеполитический курс России на том этапе предполагал усиление сотрудничества с Евросоюзом.

Следует учитывать, что материалы итальянских СМИ о России публикуются в основном в те периоды, когда происходящее затрагивает интересы Европы (особенно, в зоне Средиземноморья) или непосредственно Италии, и в периоды обострения кризисных ситуаций в регионе. Информационные лакуны значительно снижают интерес рядовых итальянцев к России, сведения о нашей стране зачастую недостаточны, а избирательный принцип подачи информации о событиях в РФ (что в ряде случаев наблюдается) нередко ухудшает образ нашей страны в глазах жителей Апеннинского полуострова.

И, безусловно, сохранению привлекательно-го образа России никак не может способствовать

поведение в Италии отдельных русских граждан, демонстрирующих нежелание и неумение себя вести в цивилизованном обществе, а также отсутствие интереса или даже неуважение к языку и культуре страны.

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПЕРИОД ПОХОЛОДАНИЯ

Однако, несмотря на критику в адрес российской власти, в 2003 году было принято Соглашение между правительствами Российской Федерации и Итальянской Республики об изучении русского языка в Итальянской Республике и итальянского языка в Российской Федерации⁶⁰, а также Меморандум об организации в общеобразовательных учреждениях России и Италии двуязычных классов⁶¹ с преподаванием на русском и итальянском языках⁶².

Российско-итальянские отношения сегодня выражаются в организации культурных мероприятий, выставок, в студенческих обменах между университетами на основе возобновляемых соглашений и договорах о сотрудничестве, на базе согласования программ образовательных дисциплин и получения так называемых двойных дипломов, в проведении гастролей театральных и музыкальных коллективов. В Москве функционирует Итальянский институт культуры⁶³, основанный ещё в 1986 году, в рамках которого действуют курсы итальянского языка «Данте Алигьери», куда могут записаться все желающие для изучения итальянского языка. К их услугам — библиотека и медиатека, где можно окунуться в атмосферу Италии. На этих курсах можно получить диплом международного образца CILS различных уровней.

В Москве, Санкт-Петербурге, многих других крупных городах России имеются языковые центры, где российские и итальянские преподаватели преподают язык, цивилизацию и культуру Италии: ведь, по нашим данным, уже в течение более двадцати лет итальянский язык занимает третье, а чаще — даже второе место по степени

его востребованности (наука, бизнес, культура) наряду с немецким и уступая лишь английскому языку.

С 2011 г. в Вечном Городе открылся Российский Центр науки и культуры⁶⁴, который обеспечивает российское культурное представительство в Риме. Главной целью нового Центра, в котором разместились киноконцертный и выставочные залы, библиотека и медиатека, кабинет русского языка и зал видеоконференций, явилось знакомство заинтересованных итальянцев с достижениями России в различных сферах, с её духовным наследием, богатым научным и культурным потенциалом.

По данным Глобального индекса миролюбия⁶⁵, Италия занимает 38-е место (из 158) с коэффициентом 1.690, что говорит о толерантном отношении к иностранной культуре. Тем более что проблема нехватки русскоговорящих кадров безусловно возрастает, и решению её могла бы способствовать интенсификация изучения русского языка как основного в университетах и школах, а также дальнейшее развитие отношений в сфере искусства (музыка, театр, кино). Но это станет возможным, если интерес к истории, культуре, искусству, научным разработкам в России будет расти или хотя бы оставаться на прежнем уровне.

ТРУДНОСТИ ПОНИМАНИЯ

В современной России существуют некоторые явления, которые итальянское общество никогда не сможет понять. Прежде всего это касается отношений между властью и обществом. В международном праве выделяются два типа правовых отношений: горизонтальные и вертикальные. В правовых государствах, в странах со сложившимися традициями народного суверенитета, зрелым гражданским обществом, власть и общество являются юридически равноправными участниками жизни государства и в одинаково-

вой мере могут высказывать свои предпочтения и влиять на положение в стране⁶⁶.

Итальянская печать («Il Messaggero», «La Stampa»), СМИ в целом со всеми подробностями обсуждали тот факт, что крупнейший итальянский политик и бывший премьер-министр Италии С. Берлускони (в качестве альтернативы тюремному заключению⁶⁷) был осуждён на общественные работы за финансовые махинации в холдинге «Медиасет». Так, по мнению итальянских аналитиков и обычных граждан Италии, должно быть восстановлено равновесие властей, баланс и рациональный контроль горизонтали власти над вертикалью.

В России же преобладает вертикальная модель отношений, в которой власть обладает преимущественными правами и влиянием на механизм принятия решений. В итальянских СМИ, а следовательно, и среди рядовых итальянцев бытует мнение о неразвитости российской горизонтали власти, которая не может стать надёжным противовесом вертикали власти, к тому же довольно долго несменяемой и наделённой неоправданными полномочиями. Тем самым представители власти, в силу своего «вечного иммунитета», пользуются безнаказанностью в высказываниях, а в ряде случаев — и в действиях, что встречает непонимание в современных демократических обществах.

В целом в итальянском общественном мнении в той или иной степени распространилось критическое отношение к несоблюдению прав человека в России и на постсоветском пространстве; здесь считают, что в России доминируют «иные представления о свободе и демократии»⁶⁸. Следует также отметить очевидно слабую информированность итальянцев о глубинных процессах, происходящих в нашей стране, что порождает непонимание и, в конечном итоге, снижает интерес к России. Итальянские новостные каналы, пресса, публицистика уделяют основное внимание проблемам Евросоюза, Средиземноморья, чуть меньше — политике США и крайне слабое внимание — России (за исключением кризисов на постсоветском пространстве).

Присоединение Россией полуострова Крым и эскалация российско-украинского конфликта, события на юго-востоке Украины, Минские соглашения — все эти события также, безусловно, не прошли незамеченными в европейском сообществе и в Италии. Однако политика санкций в отношении Российского государства среди итальянской общественности и в бизнес-сообществе воспринимается неоднозначно. Под их влиянием итальянский истеблишмент и политические элиты рассматривают возможности постепенного смягчения санкций в отношении России. Правда, последовательную позицию по этому вопросу правительство занять не может, поскольку Италия является не просто старейшим актором Союза, но и его основателем, и себя от ЕС не отделяет. Подобный подход склывает позицию политического руководства страны, хотя её деловые круги, которые несут серьёзные потери от санкционной политики, продолжают отстаивать идею о несостоятельности конфронтационной политики в отношении России, называя это стратегическим просчётом и «ненормальной политикой» (термин этот раскрыт уже довольно широко), которая в конечном счёте невыгодна никому⁶⁹.

Несмотря на тесное и долгосрочное российско-итальянское сотрудничество в бизнес- и деловой сфере на рубеже XX и XXI столетий, в последние годы отношения между двумя странами несколько осложнились. Судя по позиции, обозначенной Евросоюзом и Италией, Россия, в частности, представляет собой выгодного торгового партнёра, располагающего ресурсами (особенно, энергоресурсами), зачастую жизненно необходимыми европейским соседям России. Однако «Крымский кризис» и события вокруг Украины привели к тому, что Европейский Союз в целом и отдельными его государствами пересмотрели основные направления сотрудничества Европы с Россией.

Сдругойстороны,некоторыеаналитикивнешнеполитического ведомства Италии уже признали тот факт, что политика Восточного партнёрства, предусматривавшая подписание Украиной

договора об ассоциации и свободной торговли с Евросоюзом (а особенно её практическая реализация в 2013 году), была, скорее всего, просчётом или даже стратегической ошибкой руководства Евросоюза. Впрочем, нужно отметить, что итальянский МИД в рамках Евросоюза постоянно занимает наиболее мягкую позицию по данному вопросу. Отметим, что глава кабинета министров Италии П. Дженгилони является последовательным сторонником укрепления двусторонних отношений с РФ.

И всё же на данный момент трудно оценить долгосрочные тенденции сотрудничества России и Италии в экономической, энергетической, научно-технологической и деловой сфере.

КУЛЬТУРА КАК ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Основной целью публичной дипломатии в любой стране является привлечение мировой общественности на свою сторону. На сегодняшний день, в условиях глобализации, это является особенно значимым, поскольку публичная дипломатия — важнейшее средство осуществления политики «мягкой силы», главный «мотор» формирования «имиджа» государства за рубежом и должна осуществляться в интересах общества и страны, а не в интересах лишь одной определённой группы.

Конечно, современная Россия для итальянцев уже далеко не «закрытая книга», как во времена СССР. Благодаря расширению контактов, возможностям, предоставляемым новыми информационными технологиями, мобильной связи, интернету, положение в России, жизнь русских граждан, их проблемы и трудности — всё это стало гораздо доступнее <... >

На современном этапе итальянско-российские отношения в контексте социально-культурного измерения в дипломатии характеризуются, на наш взгляд, недостаточной интенсивностью, на наш взгляд, недостаточной интенсивностью, что, в свою очередь, в определённой мере обу-

словлено наследием опыта советско-итальянских отношений. Этому способствуют и известная отстраненность, демонстрируемая итальянским обществом, во многом ставшая следствием недостаточного внимания, уделяемого итальянскими СМИ событиям России, а также непонимание российской действительности и во многом — основы российской идентичности.

В XXI столетии итальянская и российская общественность, несомненно, заинтересованы друг в друге, хотя при этом существуют коренные различия в их ценностных ориентирах и глубинных культурных кодах. И в этих условиях важнейшей сферой, где «имидж» России может оставаться позитивным, является социокультурное взаимодействие, основанное на расширении и укреплении культурных и научных связей.

Примечания

- ¹ Князева С.Е. Свобода в либеральном прочтении или почему россияне не любят либералов. В сборнике: Проблемы социальной справедливости. (Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции 20-21 марта 2014 с международным участием). Череповец. 2014. Октябрь. С. 121.
- ² См., в частности: *Molinari M. Mediterraneo, le opportunità per l'Italia. La Stampa, 2016, Opinioni. 30 nov.* — На сайте *lastampa.it*: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.lastampa.it/2016/10/02/cultura/opinioni/editoriali/mediterraneo-le-opportunit-per-litalia-SPDMUPVhCsVrScIBiO-9zUP/pagina.html> (дата обращения 01.12.2016).
- ³ *Vocchini Camaiani B. Giorgio La Pira. На сайте treccani.it.*: [Электронный ресурс]: URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/giorgio-la-pira_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения 02.12.2016); см. также информацию о деятельности Дж. Ла Пира на сайте: *giorgiolapira.org*: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.giorgiolapira.org/it/content/la-vita-sintesi> (дата обращения 10.04.2017)
- ⁴ *Прокачки Дж. История итальянцев. М.: Весь мир, 2012. С. 57.*
- ⁵ *Saocci A. Conoscere per capire la storia. L'Eta' dei Comuni. Milano, Murgia, 1986. P. 118-119; Прокачки, Дж. История итальянцев, С. 58-59.*
- ⁶ *Saocci A. Conoscere per capire la storia. L'Eta' dei Comuni. P. 117-120, 124-126; Fisher H. Storia d'Europa. Dall'antichita' alla Controriforma. Roma, Newton, 1995, P. 183-184.*
- ⁷ *Прокачки. История итальянцев, С. 71.*
- ⁸ Там же. С. 62.
- ⁹ Там же. С. 71.
- ¹⁰ Там же. С. 71-72.
- ¹¹ *Mussolini B. Breviario. Milano, Rusconi libri, 1977, P. 101-102.*
- ¹² *Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М. Наука, 1977. С. 19, 177. Эта мысль проходит через всю книгу автора; Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 183, 189.*
- ¹³ *Лопухов, С. История фашистского режима в Италии, 275; Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. М.: Наука, 1973, С. 5-6, 469.*
- ¹⁴ *Прокачки. История итальянцев, С. 490; Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М.: Изд-во Московского университета, 2000. С. 73, 307, 312.*
- ¹⁵ *Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии, 174-176, 179; Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы, СС. 79-81.*
- ¹⁶ *Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы, С. 349.*
- ¹⁷ *De Felice, R. Intervista sul fascismo. Bari. 1975. P. 53.*
- ¹⁸ *Прокачки. История итальянцев, С. 492.*
- ¹⁹ *Алатри, П. Происхождение фашизма. М. 1961. С. 57.*
- ²⁰ *De Felice, R. Rosso e nero. Milano, 1995, P. 86. Об этом см. также De Felice. Intervista sul fascismo. Bari, 1975. P. 53-54.*
- ²¹ *Кин Ц. Миф, реальность, литература. М. 1968, С. 140, 152.*
- ²² *Моравиа А. Конформист. М.: Пресс Лтд, 1994. С. 75-76.*
- ²³ Там же. С. 185.
- ²⁴ *Галкин А.А. Социология неофашизма. М.: Наука, 1971, С. 65); Кин Ц. Миф, реальность, литература, С. 152.*
- ²⁵ *Mater et magistra. — Энциклика Папы Римского Иоанна XXIII (15.05.1961). На англ. яз. На сайте w2.vatican.va.* [Электронный ресурс]: URL: http://w2.vatican.va/content/john_xxiii/en/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_15051961_mater.html (дата обращения 10.05.2016)
- ²⁶ *Cospito G. Egemonia. Materiali di lavoro per il seminario sul Lessico gramsciano. На сайте gramscitalia.it* [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gramscitalia.it/html/egemonia.htm> (дата обращения 11.05.2016).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Zancan N. Storia, bellezza e affari così la cultura rende Mantova la più felice. I segreti della formula premiata dalla classifica La Sapienza-Italia. La Stampa, Società. 2016, 29 nov. На сайте lastampa.it / [Электронный ресурс]: URL: <http://www.lastampa.it/2016/11/29/societa/storia-bellezza-e-affari-cos-la-cultura-rende-mantova-la-pi-felice-8qjW8OtcnXhQwb3fFZN5I/pagina.html> (дата обращения 30.11.2016).*
- ²⁹ *Маастрихтский договор. Раздел I. Ст. 6. Маастрихт, 7 февраля 1992 г. На сайте base.garant.ru [Электронный ресурс]: URL: http://base.garant.ru/2566557/1/#block_1000 (дата обращения 15.01.2015); Маастрихтский договор. Маастрихт, 7 февраля 1992 г. Раздел VI. Ст. 49. Заключительные положения: http://base.garant.ru/2566557/2/#block_6000 (дата обращения 16.01.2015). Подробно об этом см. Князева С. Россия глазами итальянцев: имидж России в Италии. // В кн.: Италия. На перекрестке Сре-*

- диземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI в. С. 383-404; Князева С.Е. Ценности и интересы в итальянско-российских отношениях в начале XXI в. С. 129-130.
- 30 См.: Zatterin M. "Mogherini: "Non cediamo agli impulsi. La Ue difenda i valori della convivenza". — La Stampa. 2015. 9 genн.; Князева С. Е. Ценности и интересы в итальянско-российских отношениях в начале XXI в. Италия в начале XXI века. /Сборник ИМЭМО РАН. Отв. ред. А. В. Авилова. М. ИМЭМО РАН. 2015. СС. 128-143; С. 135-136.
- 31 Князева С. Россия глазами итальянцев: имидж России в Италии. С. 383-404; Князева С.Е. Свобода в либеральном прочтении или почему россияне не любят либералов. С. 127-128; Князева С. Е. Ценности и интересы в итальянско-российских отношениях в начале XXI в. С. 129-130.
- 32 Ключевский. В.О. Полный курс лекций по русской истории. Лекция 18. — Сайт bibliotekar.ru [Электронный ресурс]: URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/18.htm> (дата обращения 02.01.2015); Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. События от смерти Юрия Владимировича до взятия Киева войсками Андрея Боголюбского (1157-1169 гг.). — Сайт Lib.ru/Классика: [Электронный ресурс] URL:http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_1020.shtml#500 (дата обращения 15.03.2016).
- 33 Кеннан Дж. Ф. Длинная телеграмма. — Сайт: coldwar.ru: [Электронный ресурс] URL: <http://www.coldwar.ru/bases/telegramm.php> (дата обращения 11.03.2015); Пайпс Ричард. Почему медведь рычит. — TheWall Street Journal. 2006. 1 Mar. 2006. — Сайт Эхо Москвы: [Электронный ресурс]: URL: <http://echo.msk.ru/inopress/436526-echo.html> (дата обращения 30.03.2016).
- 34 Подробнее об этом см.: Князева С.Е. Идея свободы и инструмент «золотой середины» в теории и практике европейских либералов XIX столетия. М. Вестник РГГУ, 2013, № 13, ноябрь, С. 180-196; Князева С.Е. Свобода в либеральном прочтении или почему россияне не любят либералов. / В международном сборнике: Проблемы социальной справедливости. Череповец. 2014. Октябрь. С. 120-130.
- 35 Кеннан Дж. Ф. Длинная телеграмма. На сайте coldwar.ru: [Электронный ресурс] URL: <http://www.coldwar.ru/bases/telegramm.php> (дата обращения 11.03.2015); Пайпс Ричард. Почему медведь рычит. TheWall Street Journal. 2006. 1 Mar. 2006. На сайте Эхо Москвы msk.ru: [Электронный ресурс]: URL: <http://echo.msk.ru/inopress/436526-echo.html> (дата обращения 30.03.2016).
- 36 Гиллинский Я.И. Исключенные навсегда. Новая Газета, 2011, 18 ноября. С.3; Князева С. Россия глазами итальянцев: имидж России в Италии. С. 383.
- 37 Подробнее об этом см.: Князева С.Е. Тернистый путь делового человека в России. (Средний класс в истории). — В 2-х частях. Знание-сила. — М. 2013. № 10 (1036). (Октябрь.) С. 45-54. № 11. 2-я часть. С. 40-50; Князева С.Е. Свобода в либеральном прочтении или почему россияне не любят либералов. / В международном сборнике: Проблемы социальной справедливости. Череповец. 2014. Октябрь. С. 120-130.
- 38 Гротто Б. Как быть с «темным» историческим прошлым. Лекция на полит.ру. На сайте Полит.ру: [Электронный ресурс] URL: <http://www.polit.ru/article/2005/02/25/grotto/> (дата обращения 25.2.2016).
- 39 Подробнее см.: Князева С. Идея свободы и инструмент «золотой середины» в теории и практике европейских либералов XIX столетия. — М. Вестник РГГУ. 2013. № 13, ноябрь. С. 192-193; Князева С. Краткая история свободы. Главная тема. / Знание-сила. М. 2016. № 4 (1066). (Апрель.) С. 28-29.
- 40 Тарасов А. Не жили богато, а стали жить бедно. Новая Газета, н. 50, 2016, 13 мая, С. 13.
- 41 Гротто Б. Указ. соч.
- 42 Там же.
- 43 Афанасьев Ю. Н. Послушное большинство как основа путинской России. На сайте Эхо Москвы msk.ru: [Электронный ресурс]: URL: <http://echo.msk.ru/programs/year2015/1514266-echo/> (дата обращения 15.09.2015); Аллина Л. Вихреворот сновидений. Karlovy Vary. Skleněný mústek. 2016. С. 393-394.
- 44 Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. XXI век. М. 2015. На сайте x-libri.ru: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.x-libri.ru/elib/krmrz000/00000029.htm> (дата обращения 12.03.2016)
- 45 Лункин Р. «Лоскутный» мир отца Всеволода Чаплина. Представители РПЦ МП предлагают создать религиозную альтернативу новому мировому порядку в отдельно взятой стране. — Портал-Credo.ru: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=comment&id=1010> (дата обращения 02.01.2015).
- 46 Обзор итальянской прессы (01-08.12.2014). На сайте Инопресса.ru inopressa.ru: [Электронный ресурс]: URL: http://www.inopressa.ru/article/04Dec2014/usatoday/putin_2.html (дата обращения 12.01.2016); Scott A. La Russia ne uscirà più forte. Il Sole — 24 ore. 2014, 19 dic. P. 4.
- 47 Voffa M. La popolarità di Vladimir Putin in patria continua a essere altissima. Il Foglio. 2014, 23 nov. Сайт ilfoglio.it: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ilfoglio.it/articoli/v/1231116/rubriche/sanzioni-russia-ucraina-essodove-sbaglia-occidente-con-russia.htm> (дата обращения 14.04.2015); Scott A. La Russia ne uscirà più forte. Il Sole — 24 ore. 2014, 19 dic. P. 4.
- 48 Там же; Князева С. Е. Ценности и интересы в итальянско-российских отношениях в начале XXI в. Италия в начале XXI века. /Сборник ИМЭМО РАН. Ответственный редактор А. В. Авилова. М. ИМЭМО РАН. 2015. СС. 128-129
- 49 Гравер А.А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования Философия. Социология. Политология №3(19). 2012 . С.29-31; Ощепков А.Р. Энциклопедия гуманитарных наук//Имагология. 2010. №1. С.251.
- 50 См.: Светлана Князева. Система ценностей в культурном ядре России: репрезентация национальных образ. — В сб.: Актуальные проблемы и достижения в общественных науках. Выпуск III. / По материалам III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы и достижения в общественных науках», состоявшейся в г. Самара, 11 апреля 2016 г. Секция 10. Политическая культура и идеологии. Самара, 2016. СС. 26-30. На сайте izron.ru [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <http://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-i-dostizheniya-v-obshchestvennykh-naukakh-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezh/sektsiya-10-politicheskaya-kultura-i-ideologii-spetsialnost-23-00-03/sistema-tsennostey-v-kulturnom-yadre-rossii-reprezentatsiya-natsionalnykh-obrazov/>
- 51 Муратов П.П. Образы Италии. Цит. по: На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / под ред. Т.В. Зоной; Российская академия наук, Институт Европы. М.: Весь Мир, 2011. С. 9.
- 52 Зонова Т.В. Российско-итальянские отношения: история и современность//Россия-Италия: перекрестный год. 2011. С.51.
- 53 Итальянский вклад в историю российской архитектуры, 27 апреля 2009 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., 2014]. URL: http://www.italynews.ru/material_5803_p.html (дата обращения 15.01.2018).
- 54 Подробности подготовки визита Петра в Венецию дошли до нас по отчетам, которые посол Прокопий Возницын, сопровождавший Петра в его Великом посольстве, направлял в Москву. — См. Зонова Т.В. Россия и Италия: история дипломатических отношений. М.:1998, С.78-79.
- 55 Речь Адриано Челентано во время выступления в с/к «Олимпийский». Москва, 1987 год
- 56 Попов Л.Б. Воспоминания о еврокоммунизме М.: Международные отношения, 2008. С 16-18.
- 57 Marchesi G. La nuova sinistra europea. Luci ed ombre di una nuova linea politica. Roma. 1970 P.146-147
- Э.Берлингэр основывал свои концептуальные положения на «политическом завещании» (Памятная записка) П. Тольятти, написанном в августе 1964 года.
- 58 Berlinguer E. La Relazione di Berlinguer al Comitato Centrale di gennaio 1982: Ruolo e iniziative del PCI per una nuova fase della lotta per il socialismo in Italia e in Europa. L'Unità, 1982, 12 gennaio. P. 8.
- 59 Адамишин А.Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. М.: Весь мир. 2016. С. 47.
- 60 Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования//Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики об изучении русского языка в Итальянской Республике и итальянского языка в Российской Федерации (Рим, 5 ноября 2003 г.). [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., 2014]. М.:2009. С.195. URL: <http://old.mon.gov.ru/files/materials/6668/ms-obraz.pdf> (Дата обращения 21.12.2015).
- 61 Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования//между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики в отношении организации в общеобразовательных учреждениях России и Италии двуязычных классов с преподаванием на русском и итальянском языках (Рим, 5 ноября 2003 г.).[Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., 2014].М.:2009. С.197URL: <http://old.mon.gov.ru/files/materials/6668/ms-obraz.pdf> (дата обращения 30.01.2017).
- 62 В рамках этого соглашения с начала 2000-х гг. действует специальная программа «итальянский лицейский класс» ЦДО РГГУ (на базе 136 школы г. Москвы, однако с течением времени стала очевидной невысокая заинтересованность итальянской стороны в развитии этой программы, результатом чего стало снижение качества преподавания итальянского языка итальянскими преподавателями.
- 63 Итальянский институт культуры в Москве [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., 2014].URL: http://www.iicmosca.esteri.it/IIC_Mosca/Menu/Istituto/Chisiamo/Storia/ (Жата обращения 21.01.2018).
- 64 Российский центр науки и культуры открылся в Риме./ Рим, 24 ноя — РИА Новости, Наталия Шмакова. На сайте РИА Новости: [Электронный ресурс]. Электрон. Дан. URL:<http://ria.ru/culture/20111124/49728408.html> (дата обращения 23.03.2015).
- 65 Глобальный индекс миролюбия [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., 2014].URL: <http://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2012/06/2012-GPI-Map-with-Rankings-and-Scores.pdf> (жата обращения 21.01.2018).
- 66 Норт Д., Уоллис Дж, Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. 2009. Издательский дом: Института Гайдара. 2011.
- 67 Servizi sociali, Berlusconi lavorerà con i malati di Alzheimer La Stampa, 2014. 30 apr [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., 2014].URL: <http://www.lastampa.it/2014/04/30/italia/politica/servizi-sociali-berlusconi-lavorer-con-i-malati-di-alzheimer-bpZ9CjOFHxzS9uVLgw2Asj/pagina.html> (дата обращения 19.01.2018). Berlusconi ai servizi sociali. D'Alema: gente in galera per reati minori 15 aprile 2014 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м.,2014].URL: http://www.ilmessaggero.it/primopiano/politica/dalema_berlusconi_galera_reati_minori/notizie/634473.shtml (дата обращения 19.01.2018).
- 68 Лукин А.В. Публичная дипломатия. Номер 3. На сайте Дипломатическая академия: [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://dipacademy.ru/smi001.shtml> (дата обращения 14.01.2018).
- 69 Интервью С. Князевой. Текст интервью на сайте «Экономика сегодня» — ruseconomy.ru. [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <http://3mv.ru/51204-v-rossiyu-cherez-krym-ili-pochemu-venetsiya-ustala-ot-molchalivogo-soglasiya-bryusselya.html> (дата обращения 25.12.2016).

Оливы тени

Владимир САЛИМОН

У Ливии мы провели весь день.
В удобных мягких креслах полулежа,
следуя за тем, как от оливы тень
скукожилась в саду, как будто кожа

змеиная.
Казалось, что порой
доносит ветер еле слышный шорох
то ли змеи в кустах, то ли сухой
листвы, горящей, как бездымный порох.

Художник, расписавший потолок
и стены комнат, смог добиться сходства
природы мертвой и живой,
как Бог,
навсегда упразднивший превосходство.

Иначе говоря, он уравнил
между собой в правах живое с мертвым,
и, нарисованный, затрепетал
скворец крылом, над нами распростертым.

Сад ожил, отрешившись ото сна.
В нем пели птицы. Бабочки порхали.
небес полуденных голубизна
посверкивала, словно лед в бокале.

В таких хоромах было бы скучать
нелепо,
и хозяйка не скучала –
вокруг нее всегда толпилась знать,
богема это место привечала.

И здесь же собирался тайный круг
тех, кто реально государством правил,
об этом доходил порою слух
до Августа,
но тот беды не чаял.

Я, у Тацита помнится, читал,
что финики, напитанные ядом,
что были о ту пору шоколадом,
сразили Августа, как Юлия кинжал.

А. Сергеевскому

Спи, Август, упокойся с миром
среди руин дворцов своих,
столь белоснежных, словно с мылом
отмыли от коросты их.

Мне мрамор кажется так мягок,
так нежен, будто первый снег,
что за́долго до сбора яблок
пал наземь на глазах у всех.

Он покрывает тонким слоем
и лес, и сад, и все вокруг,
все то, что мы возводим, строим
на месте бывших здесь лачуг.

Как римлянин идет по Риму,
одолевая летний зной,
я долгую глухую зиму
превозмогаю в час ночной.

В разрывах туч мерцают звезды,
и в тусклом свете их видны
античной древности погосты
времен Пунической войны,

полуразрушенные храмы,
сады, дворцы, дома вельмож –
от вида этой панорамы
меня охватывает дрожь,

я чувствую священный трепет,
как будто пенье медных труб
услышав,
или детский лепет,
иль шепот жаркий алых губ.

Что трепетало за окном,
мерцало красным и зеленым,
по сути было существом
осмысленным, одушевленным,

из мышц могучих и костей
сложенным так, что эта кладка
всех прочих выглядит прочней,
стоит ни валко и ни шатко.

Создатель Рима, думал я,
взял лапы зверя, крылья птицы,
сверкает рыба чешуя
на теле мировой столицы.

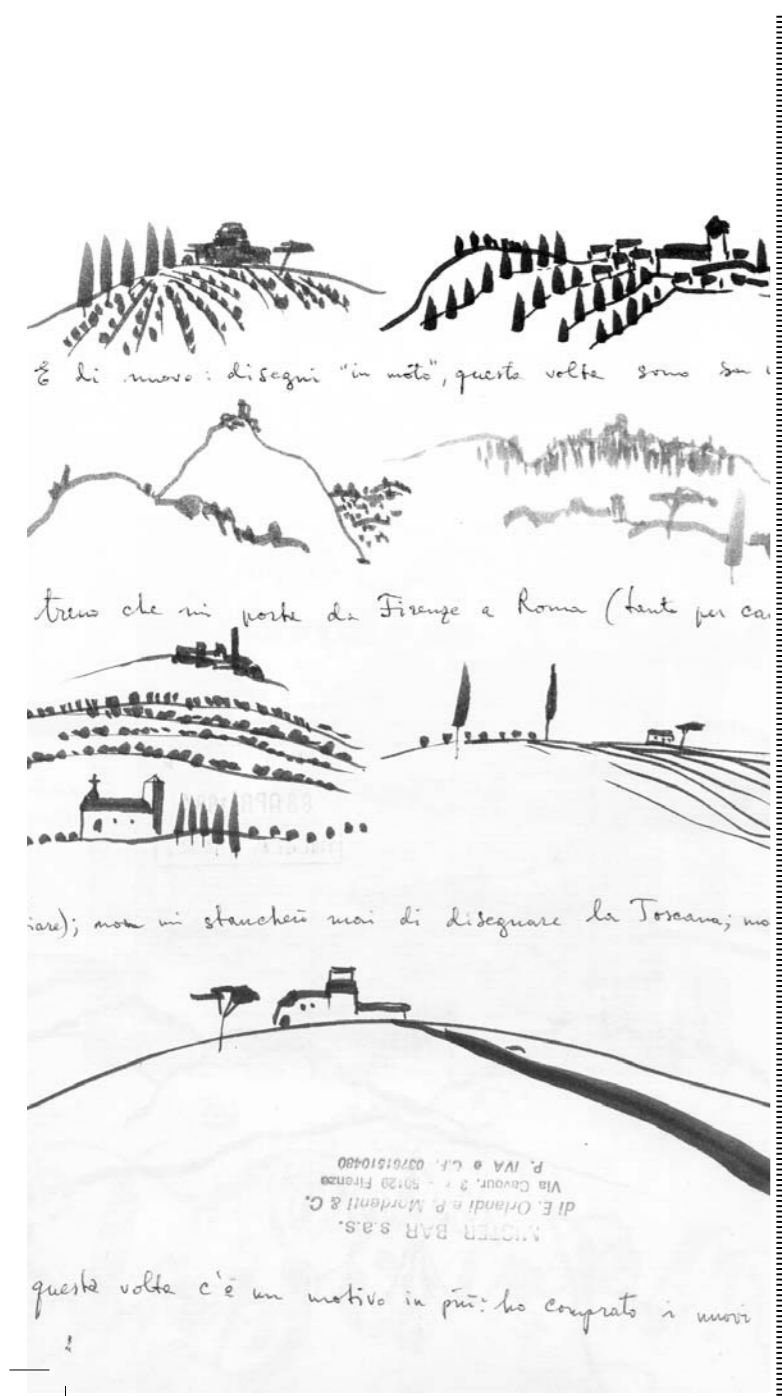
В который раз, забросив сеть,
здесь Петр остался без добычи,
ему вовек не одолеть
Буонаротти и Да Винчи.

Меж ними временный союз
отныне невозможен боле –
искусство против рабских уз
и удержания в неволе.

21.4.

© Владимир Салимон

ЭТО уже второй блокнот. Первый опубликован в журнале «Знамя» (№6, 2016: «Мечта о Французике»). Вот что там было, если взять только сюжетную канву. Некий человек, предположительно российский бизнесмен из бывших интеллигентов, отчасти замешанный в политике, переживает кризис. Ему кажется, что этот кризис не только его личный, но всей мировой цивилизации, «запутавшейся в мнимостях». Чтоб хотя бы на время избавиться от опостылевшего быта и приевшихся обязанностей, он находит убежище в итальянском горном пансиончике «для творцов любого профиля», где собралась разноязыкая компания не слишком удачливых творцов: финская пара, муж и жена (фотографы), испанец (сценарист мыльных опер), японка (поэтесса), полька Эва (художница) и араб (специалист по файер-шоу). Русский он начинает вести дневник, чтобы хоть как-то упорядочить свое прошлое и найти развилку, где он свернул на ложный путь. От хозяйки пансиона, симпатичной молодой женщины, и ее повара-бельгийца герой узнает легенду о некоем Французике, за которым явственно угадывается образ Франциска Ассизского, причем непонятно, когда он жил: то ли в Средние века, то ли совсем недавно, то ли он жив по сю пору, а возможно, еще и не родился. У героя возникает чувство, что этот местночтимый святой своим полным чистосердечием способен расчистить мир от накопившихся мнимостей, тем самым учредив новую цивилизацию. Он покидает горный хостел, вдохновленный надеждой (а дано ли ей сбыться — см. ниже). Понимаю, что это мое пояснение достойно синопсиса очередной серии мыльной оперы, сочиняемой испанским сценаристом, и все же оно необходимо.

Автор

© Маргаритоне д'Ареццо
Франциск Ассизский.
Пинакотека Ватикана

Александр ДАВЫДОВ

Мечта о французике: блокнот из кожи с золотым обрезом

запись 1

Никак не думал, что меня вновь потянет писать. Тот порыв к бумагоморанию, мне навеянный благословенной местностью, которую назвал родной своего духа, так же неожиданно иссяк, как нежданно явился. Это, казалось, было ярким отступлением в скобках или какой-то удивительной вставкой в довольно скучном, признаться, хотя и во многом назидательном, романе моей жизни. Романом воспитания его не назовешь, ибо его герой вовсе не коптит мудрость. Скорей, подобьем «плутовского» романа, поскольку мне, человеку, в общем-то, по природе чистосердечному, пришлось научиться и хитрить, и виллять, и дурить людей, следуя подчас прихотливым извивам своей углеводородной биографии. Но еще точнее я б его определил, как роман разочарования. Не знаю, как в литературе, но в жизни это, наверно, самый частый жанр. Разумеется, я не забыл Французика, даже более того, этот едва уловимый образ (сон? мечта? надежда?) с тех пор хранится, как драгоценная залежь, в самых интимных глубинах моей памяти. Именно интимных, какими нет ни желания, ни нужды с кем-либо делиться. Произнес это заветное имя, и как-то полегчало на душе, и рука бойчей заскользила по блокнотному листку. Уверен, что именно эта, пригасшая было мечта или надежда, вдруг очнувшись, вновь побудила меня к письму. Впрочем, должен признать, это довольно увлекательное занятие, особенно графомания, никому ничем не обязанная, творящая безответственные миры, устроенные вкривь и вкось, но тем самым и обаятельные, как детский рисунок. Вот и я, графман, обновляю блокнотик, не копейный, как тот первый, а из наверняка элитной, дорогой кожи с золотым обрезом — льстивый подарок подчиненных на какой-то праздник. Впрочем, это вовсе не добавляет ответственности.

Честно говоря, вернувшись из того путешествия, я испытал вперемежку с грустью скороспелой ностальгии еще и облегчение. Ведь, признаться, не выношу слишком длительного накала чувства и мысли, как и упоения великими мнимостями, которые дарит искусство. Поэтому у меня даже и мысли не было остаться навсегда в своем «парадизо», лишь хотел освежить себя новым чувством. К тому ж, запутавшись во временах, чем обильно иноязычье, со всякими их сослагательными в давно прошедшем или прошедшими в будущем не наступившем, я даже испытал удовлетворение, вновь очутившись в своей привычной триаде настоящего, прошлого и будущего, пусть даже прошлое горчит, настоящее не вдохновляет, а будущее не сулит радости. Зато все здесь, в родном краю, который люблю не страстно, но глубоко, как, к примеру, любил свою престарелую бабушку, все обжитое, обчувствованное, если можно так выразиться, вдоль и поперек. Прежде-то я и вовсе не умел путешествовать: будто сам я так и оставался на месте, в обрамлении привычного, а перемещался в пространстве мой, что ли, астральный двойник в качестве чуть тревожного наблюдателя чужой жизни. (Наверно, это следствие моей телесной инертности при некоторой живости ума и попросту неугомонности воображения). Еще б не тревожного, коль все чуждое — язык, обычаи, нравы, само устройство жизненного пространства, где так легко сделать неверный шаг. И тогда, если и не катастрофа, так позор. Дома же всегда вписан в привычный абрис. Иль, проще сказать, тебе вольготно, как лягушке в родном болоте. Вернувшись из своего «парадизо», еще исполненный мечтой о Французике, я был поражен, сколь неизменной осталась здешняя жизнь. Та же самая довольно унылая, приевшаяся картинка, ни даже тихой вести, ни самой мельчайшей приметы обновления эпохи. И еще разочарование: я вновь убедился, насколько незначителен даже в том достаточно узком поле жизни, где обитаю. Мои друзья вроде даже и не заметили моего отсутствия. Я-то вернулся из удивительного пространства совершенных смыслов,

для них же миновал обычный трудовой рутинный месяц. Но еще обидней, что не заметили враги, которых я полагал вечно бдящими. (Истинно, истинно я так ничтожен, что и не заслужил настоящих врагов.) Я-то себе воображал детективные сюжеты с погонями и перестрелками в духе грозных девяностых. Разумеется, жутковато было, но я возвращал в себе героический кураж, да и не так уж цепляюсь за жизнь, теперь клонящуюся к закату. Я ж в душе книжный романтик: думал, а почему бы, не завершить существование криминально-героическим аккордом? Хотя все-таки надеялся, что пронесет. Так в результате и вышло, для своих якобы врагов я, видимо, оказался невеликой досадой. А вот подчиненные, как сейчас называют, офисный планктон, мое отсутствие, конечно, заметили. Ясно, что без начальства вольней жить. Теперь спуют со льстивыми улыбочками, а небось, думали: хоть бы он пропал навсегда. Не осуждаю, раньше и я в таких случаях вспоминал старую поговорку: была бы шея, хомут найдется. Вот сейчас подумал: отчего это я всегда себя ощущал личностью исключительной, если и не замечательной, то, по меньшей мере, примечательной? Это было всегда глубочайшим моим убеждением, настолько твердым, что не требовало доказательств, которых, признаться, и не было. Не в том ли дело, что единственный, притом поздний, ребенок в семье, я в детстве был окружен даже чрезмерной любовью родных душ, граничившей с поклонением? При такой любвеобильности родных я им, кажется, виделся даром Божиим, каким-то чудом, ошастливившим вполне скромную семью самим фактом своего рождения. Подозреваю, что мое довольно умеренное вундеркиндство (сочинял стишки, слегка музицировал на пианино по слуху, почти с младенчества озадачивал старших «взрослыми» вопросами) им виделось зачатком выдающихся талантов. Стыдно, стыдно, что я так и не оправдал их невысказанных из деликатности надежд, но все они давно ушли, один за другим, тем испещрив мою душу рубцами и шрамами, зато сколько у меня сейчас небесных заступников. Но в этой-то жиз-

ни мне теперь отчитываться не перед кем, кроме своей совести, которая, прежде снисходительная, под старость делается все ворчливей. В общем-то, могу сказать, что без этого внушенного чувства своей ценности, вопреки любым разочарованиям, моя жизнь давно б сошла на нет — приелась бы до чертиков, окончательно рассыпалась в труху разрозненных фактов. Да и самое право на жизнь мне пришлось бы бесконечно подтверждать и доказывать. Ну и хватит об этом. Приму свою значительность в жизни за аксиому, заодно подтверждающую мое право писать, то есть так или иначе запечатлевать свое существование, хотя б только для себя лично. (Начертал смаху, что никому не подотчетен, но ведь теперь пишу нечто подобное отчету. Кому? Допустим, молчаливому и, пускай, равнодушному Созерцателю Нашей Жизни. Если не предположить Его, можно и вовсе заплутать среди своей душевной мути — постыдных страстей и бессильных порывов к добру и милосердию).

Сейчас вспоминаю, каким трепетным я вернулся из овейной Французиком местности, и подхваченный там мотивчик мне слышался еще долго-долго. Даже попытался о ней рассказать знакомым, понимая, что без толку, но чувства расширили, надо было поделиться хоть с кем-то. Да еще мой с недавних пор невротический страх потерять прошлое, причина которого — возникшее недоверие к своей памяти. Теперь, с годами ослабевшая, она способна подменить факт вымыслом или перепутать что-нибудь важное: значит, надежнее будет хоть с кем-нибудь ею поделиться. (Честно говоря, я иногда и вовсе терял уверенность в собственном существовании.) И к тому же тема «как я провел отпуск» считается в моем кругу благопристойной, уважаемой и, можно сказать, коммуникативной, то есть весьма пригодной, чтоб от нечего делать почесать языки (а я всегда был озабочен социальной мимикрией). Ну и что получилось в моем пересказе? Жалкий лепет, набор банальностей! Да и как передать аромат цветущих роз, перекличку горных колоколов, благородную простоту старинных часовен, не дидактичность, а, на-

оборот проникновенность легенды, и в первую очередь — зыбкое предчувствие обновляющегося мира? Короче говоря, лишний раз убедился, что из меня никакой проповедник, хотя профессия научила меня излагать мысль кратко и внятно, однако совсем не умею я воспламенить сердца. В целом вынужден признать, что я человек с довольно бездарной речью, крепко «приработанный» к повседневности (кажется, лучше всего мне удаются похабные анекдоты). Но тут виной не только бедность моей речи: как удивишь людей, объездивших «весь мир» и теперь жаждущих какой-то невероятной, изощренной, экзотики, подобно филателистам, гоняющимся за униками?

Откладываю блокнот. Мне уже два раза подмигнул распорядитель, значит, теперь моя очередь произнести здравицу в честь юбиляра. Дело привычное: у меня уже давно заготовлена речь из штампованных славословий, равно подходящая для всех похорон и юбилеев, лишь меняй имя-отчество. В таком пустозвонстве я уже обрел достаточный опыт.

Запись 2

Может быть, с похмелья (следствие вчерашнего юбилея, которые теперь, как никогда, обнажают душу) у меня возникла горделивая мысль: а может, я действительно писатель? (Надо сказать, что у меня с похмелья приходят как раз самые трезвые мысли.) Не в том смысле, что беллетрист. Как раз антибеллетрист: рассказывать байки мне вовсе неинтересно, да они, кажется, все уже рассказаны и пересказаны многократно. И, так сказать, материальные события моей жизни не рожают вдохновенья. Попытался вести дневник, чтобы взять на учет каждый свой прожитый день, чтобы не потерять ни единый, их нанизав на ниточку, словно бусины, подобьем ожерелья. Но, видимо, не отыскал прочной, путеводной нити. Так они и остались бессмысленной грудой фактов сомнительной ценности. (А не в том ли еще дело,

что каждый мой день уродлив, и вышло б нечто вроде ожерелья из кариесных зубов на груди какого-нибудь людоедского царька? Да и не-обходим ли дневник для учета прожитых дней? Довольно было б страницу за страницей переписать мой органайзер делового человека.) Чтоб стать бытописателем, у меня недостаточно зоркий глаз, все-таки малая увлеченность жизнью, а главное — презренье к деталям.

Но зато подоплека моих литературных позывов глубинная, самая что ни на есть исконная — бегство от наступающей реальности. Имею в виду не мелкие неприятности, заботы и заморочки вечно тревожного существования. А ту реальность, которой всегда предстоим. Да, именно ту самую, нам грозящую острым лезвием косы. Ту, что рано или поздно ухватит за шкуру любого Анику-воина среди таинственных полей так нами и не познанной жизни. Уверен, что это и есть единственный стимул подлинной литературы (кроме, разумеется, необходимой писателю доли эсгибиционизма), если она не просто «литература»: попытка растворить алчное время в вечности запечатленного мира, каким бы тот ни был кривобоком.

Знаю, что смерть — не тема для беседы. Когда мне случалось заводить о ней разговор с ближайшими друзьями, те либо смущенно посмеивались, либо с показной бодростью хлопали меня по плечу: мол, не ной, старик, еще поскрипим. Или же отделялись каким-нибудь еврейским анекдотом. Звучало бодро. Причем я вовсе не хотел испортить им настроение своим неожиданным *memorandum*, но, признаю, в этом была и провокация: мне отчего-то требовалось, чтобы эти люди, укорененные в жизни куда прочней меня, тоже поверили свое бытованье этой неизбежной реальностью, и чтобы ужас хоть бы на миг озарил их самодовольные лица. (Нет, я все-таки не люблю людей, вопреки своей прохладной филантропии. Ведь только в себе признаю тонкую, ранимую душу, взыскующую небесных гармоний, а коллеги мне и вовсе видятся тупыми свиньями, зажившими от углеводов. Но так ли уж они прочны, так ли самодовольны, эти прежние

интеллигенты типа «возьмемся за руки, друзья»? Под слоем жира, как в прямом смысле, так и метафорическом, у них почти наверняка таится трепетная душа, робеющая и жизни, и смерти, — это мой наверняка грех, что лишь себя чувствую внутренней личностью, в других невольно предполагая лишь только поверхность. С какой стати они должны передо мной распаиваться? Да и сам я на общих фото ничем от них не отличаюсь, тоже свинья-свиньей с нахальной физиономией супермена.)

Как трактуют смерть различные религии, верования и поверья, я знал еще едва ли не подростком, замусолив купленный у спекулянтов за ползарплаты двухтомный словарь «Мифы народов мира» — мечту тогдашнего интеллектуала, в ту пору, так сказать, врата духовности. Но это чтение лишь укрепило меня в моем природном агностицизме. На мой вкус (верней, на мое чувство), религии мира оказались чересчур утешительны, включая пессимистичнейший буддизм: даже перспектива загробных мук и утомительной чреды бессмысленных рождений для меня отрадной предостояния аду крошечному. А разве не так? Примерно в ту же пору с еще не растроченным любопытством я вгрызался в пропахшие пылью и ученостью тома «Философского наследия», тоже приманку для тогдашних неопитов интеллектуализма (страна была дикая, притом алкала истины). Но для великих умов смерть всегда становилась даже не запинкой мысли, а полным ее провалом. Она (мысль, имею в виду) будто взвихрялась вокруг этой коварной пустоты (разумеется, не польный духа, а черного колодца, смердящей тленом могильной ямы), обрела опасную мощь в тщетных попытках вернуться от неизбежного. Короче говоря, сплошные разочарования! Стоит ангелу смерти взмахнуть крылом, тут уж равно бессильны и мудрец, и простец. А я между ними где-то посерединке.

Сознав в еще нежном возрасте становления личности, что мне конечную истину никто не поднесет на блюде, я все-таки сохранил интеллигентское уважение к учености. В фантастические девяностые, время, подобное волшеб-

ной сказке (именно исконной, не приглаженной европейскими гуманистами-просветителями, то есть сочетавшей древний ужас с исполнением, казалось, невозможного), слегка разбогатев на пошиве зимних курток, я спонсировал один высоколобый журнальчик, сочетавший некоторую резвость мысли с модным тогда ёрничеством (называлось постмодернизмом, как мне снисходительно объяснил редактор; ну, умникам видней, что там наступает после нового). Его издавал мой одноклассник и товарищ по юношеским беспутствам, безделью и разному мелкому свинству. В юные годы я был уверен, что у него в голове ничего и быть не может кроме пьянки и баб. А вот, однако ж. Видимо, он, как и я, обладал стыдливой и сокровенной душой. Из-за этой внутренней застенчивости мы с ним, можно сказать, так и не встретились: общаясь чуть ли не ежедневно, как-то разминулись в мысли и чувстве. Кстати, он оказался недурным писателем. Я не без интереса старался воспринять его угрюмые, эгоцентричные, заносчивые, но притом вдохновенные медитации, хотя ни одну его книгу, признаться, не дочитал до конца. Кажется, они и не были для этого предназначены. Короче говоря, в эпоху осуществленных утопий я помог старому другу исполнить его собственную. Тогда я был щедр, готов любого облагодетельствовать, никому не отказывал в подавании, поскольку еще стыдился богатства, хотя бы и весьма относительного. Жертвовал средства на борьбу со СПИДом, на обустройство беженцев с ближнего зарубежья, на то, на сё, да и просто подавал всяким жуликам, кто попросит. Расставаясь с деньгами, испытывал приятное чувство служения человечеству, а также и превосходства над людьми менее удачливыми (интеллигенция в ту пору и вовсе скисла). Воспитанный родными в презрении к материальному, я к тому же старался «облагородить» деньги, придать дензнакам, так сказать, этическую ценность. Помню, дружески глумился над благонамеренными, но и беспомощными интеллигентами: что толку в ваших благих намерениях при отсутствии средств, хотя бы материальных?

Возьмем простейшее: шкаф подвинуть — нет сил, телевизор, к примеру, починить или там телефон — нет умения, просто гвоздь забить в стенку, и то не хватает квалификации, помочь нуждающемуся — так самим жрать нечего. Мол, какое-то, выходит, виртуальное благородство! Конечно, с моей стороны тут не без подлости: обнищавшие интеллигенты были вынуждены терпеть это ласковое глумление, в душе понятно куда меня посылая.

А журнальчик на короткое время вошел в моду, видно, попал в резонанс той расхристанной эпохе, исполненной черного юмора. Благодаря ему на каких-то презентациях и симпозиумах я познакомился с самыми отпетыми тогдашними умниками, потрепанными и горделивыми, упоенными собственным мышлением, к которому были по-детски доверчивы, потому неспособными услышать другого. Однако наполовину с презрением, я чувствовал и некое благоговение пред бескорыстием их мысли и непрактичностью интересов. Все это давняя история. Те звонкие времена нечувствительно откатились в прошлое, и мой друг, не стяжав литературной славы, запропал в очень дальнем зарубежье, где, по непроверенным слухам, либо профессорствует в каком-то университете, либо развозит пиццу, либо трудится лесорубом в озерном крае (все занятия достойные с разных сторон). О нем, как и об умном журнальчике, я давно позабыл среди суеты моих дней, но вспомнил совсем недавно, задумав некую интеллектуальную каверзу или, может быть, провокацию. То есть под эгидой своего Благотворительного фонда поддержки наук, искусств, книгоиздания и народных ремесел, который, несмотря на громкое наименование, в последнее время больше бездействует по причине как моего личного, так и всеобщего финансового кризиса, провести научную конференцию с темой, приглашенной четко и внятно, как мене-текел: «Смерть!» (именно так, с восклицательным знаком). Нынешним мыслителям уж от нее не отмахнуться, как моим немудрящим лжедрузьям и коллегам. Вот я и полнобоюсь современным стилем уверток от абсолютной реальности, погля-

жу, не смахнет ли крыло черного ангела самодовольства хотя бы с их вдумчивых лиц. И все же, так и не изжив природного оптимизма, надеюсь, что их коллективный разум окажется мне подмогой в моей личной тяжбе с этой последней, разумеется, неотвратимой реальностью.

К чести ученых умников, мой вызов приняли все до единого. Некоторые, наверно, в память о моем журнальчике, где им когда-то впервые удалось высказать «ugbi at ogbi» (городу и миру) свои маргинальные, дерзкие в ту пору соображения, теперь ставшие почти догмой. Но не исключено, что среди них попадались также и настоящие романтики мысли, сознательно отважившиеся на это истинно роковое испытание интеллекта. Ну, а пока и хватит о смерти, кыш до поры, траурный ангел! Она ведь тайная подоплека литературы, а когда выныривает на поверхность, письмо оборачивается нытьем и пустопорожним ковыряньем болячек. Мерзкая погода, вот и пасмурно на душе, а я все более подвержен климату. В окне сырой, угнетающий душу невдохновенный ландшафт, скучный урбанистический кубизм престижной городской окраины, без легенды и символики духа. Все тут грубо и зримо, плоско и однозначно, безо всякой, разумеется, глубины, какой-либо метафоры, тем более метафизики. Не лакомство для души, а только расправа для нее. Лишь иногда в законной унылой хмари, как с палимпсеста, начинают сквозить покинутые мною взгорья, поросшие желтым кустарником, имя которого звучит так же музыкально, как наименование «свирель». А в каком-то облаке я вдруг прозревал контур Французика — именно контур, как на осывавшейся фреске, поразившей меня своей разоблаченной экспрессией.

Откладывая блокнот, ибо призывают дела или, точнее, обязанности — и то, и другое в кавычках, разумеется. Уже опаздываю на заседание какой-то там либеральной платформы, которые посещаю только для, так сказать, «поддержания связей», вовсе не будучи либералом, да и вообще ни имея твердых политических взглядов, которые нынче непозволительная ро-

скошь. Да если б даже имел, все равно испытываю отвращение к всевластной на любых зипунгах бюрократической скуке, а государственных либералов искренне презираю. Уверен, что и они меня. Кажется, мы все там гнушаемся друг другом за трусливый конформизм и приспособленчество, оттого и перемигиваемся с кривыми стыдливо-заговорщицкими ухмылками.

Запись 3

Сегодня утром напоминание о Французике — сразу два письма в моем электронном ящике, где редко нахожу что-то путное; как правило, набит под завязку информационным мусором: рекламой, понятное дело; политическими декларациями и всякого рода попрошайничеством. Очередное доказательство (конечно, имею в виду эти приятные мне послания, а не мусор) в высшем смысле этичности современных средств связи. Кажется, богословы всех конфессий в этом не уверены, как и я сам, человек консервативный, подозрительный к любым новшествам. Я ж не виноват, что люди всегда норовят обратить любое техническое изобретение или, к примеру, гуманную идею в самую непристойную, изощренную пакость. Но все же и в том и в другом, бывает, теплится хоть малая искорка благодати.

Послания тем более для меня важные, что я иногда начинал сомневаться, впрямь ли побывал в «парадизо» или он мне пригрезился, как соблазнительный образ моей индивидуальной утопии: и я чувствовал, что во мне угасает легенда. Во-первых, я получил весьма лаконичное письмишко от польки с трудной судьбой: «Где ж ты был, Адам? Твоя Эва» — и в конце дурашливый смайлик. Так я верно почувствовал, что немного входил в ее женские планы? Или это не игривый намек, а тут какое-то глубинное и даже эзотерическое лукавство? Ведь талантливая художница, как я однажды убедился, в своем творчестве вовсе не простодушна. Во-вторых же, японка одарила меня своим кратким стишком (вообще-

то, их было несколько, но только один заслуживал внимания): «The stranger was eat by a night./ When the morning came we discovered/ Thet this view missed something.» Что в моем переводе с ее бедноватого и малограмотного английского звучит, как «Незнакомец растворился в ночи./ И мы заметили поутру./ Что теперь в пейзаже нехватка». Первая строка, конечно, навеяна американским хитом, но кто ж такой в данном случае этот незнакомец (странник, иностранец)? Тут не намек ли на мой ночной побег из горного хостела под громовые раскаты прощального фейерверка? В японке я уж точно не замечал никакой игривости, но разве способен понять иноприродное выражение чувства? И все-таки с моей стороны было б почти безумной гордыней думать, что я важная потеря для того дивного пейзажа. Скорей, там я себя чувствовал излишней подробностью, к которым сам-то всегда невнимателен. Я плохой разгадчик женских душ, но обе эти весточки так или иначе свидетельствовали, что и я не забыт своими, казалось, случайными соседками по горной гостинице. Что между нами сохранилось некое братство или, верней, в данном случае сестринство; а главное, что они, как и я, не расстались с мечтой о Французике, туманно-таинственной и манящей, как сладкое сновиденье. (Вот какие изысканные, непривычные мне, вовсе не искусственному в грамматике и лексике чувства, слова вдруг подвернулись под мою торопливую руку, стоило помянуть Французика.) Он ведь и странник, и иностранец, и незнакомец, и, пожалуй, призрак, таящийся в ночи. Что же до остальных обитателей пансиончика, то вдумчивый испанец так и не подал о себе ни единой весточки. Это жаль: мне казалось, что мы с ним понимаем друг друга и равно увлечены легендой, пусть он и отчасти меркантильно. Пиротехник, мне показалось, разок мелькнул на телеэкране в сводках о европейском теракте. Не уверен, конечно: эти бородачи для меня все на одно лицо. Не думаю, что это был наш мусульманин, видно, попросту слегка всколыхнулась моя тогдашняя тревога, рожденная его странным и опасным занятием. А вот

финская чета меня уж точно не забыла, присылала время от времени свои фотоснимки. Но их панорамы теперь казались бездушно, обобщенно красивыми, в том смысле, что мало отличались от навязшего туристического гламура. (Может, и сделаны для какого-то путеводителя.) Романтический городок, где время спорило с вечностью, на этих фотках потерял свою проникновенную, лирическую музыкальность. А что остается от той местности без мелодии Французика? Прелестную хозяйку я поздравлял со всеми праздниками, и церковными, и гражданскими; поздравил и с «шахматным» днем независимости от неведомых, уже позабытых захватчиков. В ответ получал только рекламные картинки с изображением удивительных взгорий, где, правда, будто намек, всегда маячила едва заметная фигурка в плаще из грубой мешковины. Для нее, возможно, все мы были обычными постояльцами, одними из многих. Но для меня-то девушка, в которой я задним числом прозрел чуть грубоватой облик Мадонны из местных часовен, навсегда осталась хранительницей спасительной легенды. Вернувшись из своего путешествия, еще исполненный легендой (можно сказать, что я Французика захватил с собой, и его мелодия, инфантильная, дурашливая, первые дни была неотвязна), я старался разглядеть в нашем рутинном, осеннем по чувству универсуме хоть крупицу новой искренности, пусть малейшую приметку обновления почти сошедшей на нет, длящейся лишь какой-то дурной инерцией, жизни. Надеялся учуять хотя б легкое веянье новизны; сквозь углеводородный смрад мегаполиса, пытался учуять аромат обновленной истины. Любые намеки жизни был готов принять за свидетельство наступающих перемен. Увы, эти намеки оказывались блефом, и жизнь будто окоснела в своем безумии. Но сейчас подумал: а не наоборот ли? не загоняет ли она сама себя в угол, чтоб уже точно не избежать обновления? Однако для нынешних поколений это больше напоминает коллективное стремление к суициду. Притом, чуть ни девяносто процентов населения, подобно забеременевшей гимнастке,

уверены, что беда неким волшебным образом сама собой рассосется.

Подчас мне приходят жутковатые мысли: может, порыв новой искренности уже и загублен ее отчуждением, или упование оказалось тщетным — Французик не родился и никогда не родится — или ж он так навсегда и останется местным преданием, лишь возможной приманкой для туристов? Иногда пытаюсь как бы домыслить легенду, которую знаю фрагментарно и незавершенно, попросту исходя из здравого смысла. (Из чего ж еще? Мысль моя неглубока, но здравый смысл безотказен). Ну, вот представим себе: существует такая неформатная личность, да еще со своими фрателли. Это непонятное братство, без каких-либо, скажем, организационных форм и догматики, никого не укоряя, все-таки воплощенный укор разнообразно перевернутой реальности. (Еще, отметим, что его бессребренничество грозит подрывом экономики, лишая стимула к созидательному труду. Сам-то я был воспитан в интеллигентском презрении к материальному, но в моей нынешней среде бессребренничество считают отговоркой лентяев и неудачников). Такая личность всегда и надежда, и тревога, но, скорей, покажется разрушителем, чем созидателем, чем-то вроде анархиста духа, опасного для каких бы то ни было институций, притом вовсе не предлагающего никаких догм, то есть материала, пригодного для созидания иной, пусть даже самой непривычной, конфигурации. Французик предлагает лишь себя, свое застенчивое подвижничество. Если это и материал, то пригодный, разве что, для созидания собственной души, что дело все ж неопределенное, чисто индивидуальное, к тому же слишком для нас всех кропотливое. Да и как обойтись без приличной, даже изрядной дозы лжи, что необходимый цемент, скрепляющий кирпичики нашего мироздания? К тому же и церковь (допустим, в самом широчайшем понимании, как любая формализация духа) не сочтет ли столь упертую ортодоксальность себе укором или даже опасным видом ереси? Тем более опасным, что ни к чему не придерешься.

И вот тут из хаоса моих не слишком глубокомысленных, довольно плоских размышлений — тут никаких иллюзий — притом, еще и с противоречиями на каждом шагу по причине невысокой умственной квалификации, избытка эмоций и отсутствия твердых убеждений, выплыло словечко «предательство» и с тех пор в моем сознании присоседилось к этому человеку в грубой власянице. Ну, разумеется, где ученики, там и предательство (в пропорции, как мы знаем, 1 к 12), где формоборчество, там и месть или, лучше сказать, реванш, неизбежно становящихся форм. Понимаю, что если мне вернется сон о Французике, так он будет печален. А пока отложу блокнотик: уже светает, дрянное предутреннее время, когда просыпаются детские страхи и мелкие грешки, будто бесенята, пощипывают твою обнаженную душу. Всегда стараюсь отогнать их молитвой, но сейчас не помогло.

Запись 4

Наконец-то зима, а то слякотная, промозглая городская осень уже порядком истерзала мне душу. Повторю, что стал проницаем для погоды, износившаяся кожа уже не спасает от вселенского холода. Да, мне сделалось холодновато в мире, — я еще и научился жить повседневностью, лишь только некий жизненный навык, с годами выработанная телесно-умственная дисциплина позволяет мне кое-как держаться на плаву. А теперь незамаранный снежок дивно украсил местность, стыдливо прикрыв похабную наготу нашей скудной окраины. Я с детства любил зиму, — хотя и воспитанного в атеизме, у меня всегда теплилось предчувствие нежной, истинно детской рождественской сказки. Не знаю, откуда взялось, — возможно, ее тайком заронила моя богомольная, по материнским рассказам, бабушка, которую припоминаю с трудом, несмотря на свою раннюю память, поскольку та умерла, когда мне и трех не было, — но так и живу в упованье на рождественскую сказку.

И все ж, вопреки зимнему успокоению души, словечко «предательство» всё крутится-вертится у меня в голове, как, наверно, ключ к легенде, которую пытаюсь домыслить. Или, верней, тихо настойчивое преданье будто само стремится себя досказать, сопрягая разные времена и все наклонения. Стоит мне чуть возбудить фантазию, и почти вижу, как робкий нищелюб шествует (нет, скорей, именно бредет или даже, по старости лет, ковыляет со своим посохом) среди изысканных взгорий, которые и мне стали родными. Чтoб довершить идиллию, мне должна б слышаться колокольная переключка. Но вместо нее доносится рев возбужденных толп, чей восторг всегда готов смениться беспельным буйством. Бедный, бедный Французик, которого теперь я представил не сокровенным, чисто местным преданием, а супер-стар и всеобщим упованьем! С ним уже не двенадцать избранных, а сто, тысяча раз по двенадцать приблудившихся. Посчитай, в известной пропорции, сколько выйдет предателей. Впрочем, не их вина, этих, если можно сказать, невольных агентов зла: наша цивилизация, как наверняка, и любая, сама собой все переврет, поставит с ног на голову, какой ни на есть возвышенный порыв облечет дурной, в лучшем случае пошлой, а скорей, зловещей, оболочкой. А гению злодейства остается только лишь с удовлетворением потирать свои когтистые лапы. Так вот: представляю себе ложный апофеоз Французика, весьма отличный от явления ангела, ему пронзившего все четыре конечности. Вижу, как уже состарившийся скромнейший пророк, бредет-ковыляет меж полей и виноградников благодатного края, будто и не заметив его преследующего живописного сброда: там ряженные в грубых плащах и теперь модных сандалиях, молодежь в цветастых майках с изображением сердца и надписью «Я — Французик», и, конечно конная полиция для поддержания порядка. (Если он и учредил эпоху, то сам поразила детской жестокости этого обновленного мира). Но среди них, уверен, не только любопытствующие, но также и одержимые с оголтело горящим взором. Что люди ждут от него? Наверняка

чуда или, может быть, поучения, чудесных слов, что прозвучат несомненной истиной, какую-то сияющую, сверкающую всеми гранями, формулу типа заклинания или мантры, пригодную на все случаи жизни, которая отведет любые напасти. Он и впрямь пытается что-то сказать, толпа восторженно вопит, свистит, улюлюкает, орет по-ослиному, мычит, кукарекает, хрюкает, квакает, воет и рукоплещет, хотя вряд ли кто сумел расслышать его совсем даже не трубный голос. Да и благо! Было б сплошное разочарование, ибо простец не изощрен в плетенье слов, а лишь проникновенен.

Тут, конечно и пресса, как без нее? При таковой неопределенности времен и, учитывая неукоснительность законов людского существования, она не кажется анахронизмом в этих исполненной вечной красоты просторах, пусть хотя бы, как метафора легкокрылой молвы. Блещут фотовспышки, стрекочут телекамеры. Любители селфи пороят сфоткаться со знаменитостью. Сомнительные энтузиасты духа устраивают шалаши из веток, или раскидывают походные палатки. Вытоптана трава, загублен соседний виноградник, просто нашествие варваров, к которым здешний край издавна привычен. Можно представить, какой тут вскоре будет смрад, взамен всегда сопутствовавшего проповеднику цветочного благоухания, и к тому же разор, коль не озаботились установить мусорные контейнеры и биотуалеты.

Такое мне явилось безотрадное, можно сказать, вневременное виденье. Мной оставленная в той упоительной местности легенда вызревает согласно суровым законам действительности. Но и я все-таки надеюсь на чудо. Вдруг да Французик одним лишь мановеньем руки рассеет толпу оголтелых и любопытствующих, как и возродит к жизни поруганный виноградник, что под осень одарит хозяина не меньше чем двадцатью мерами превосходного вина; и вновь зазеленеет вытоптанный луг. Поверю, что так и есть, было, будет или, по крайней мере, могло бы случиться. Сейчас вспомнил к месту или не к месту любопытнейшую бль, которую где-то вычитал в дав-

ние годы, странный исторический казус, подобье назидательной притчи. В некие дремучие века (не помню когда именно, да и не так неважно) один еврей себя объявил Мессией. Не думаю, чтобы жулик, скорей, был в этом искренне убежден, — его с малолетства наверняка преследовали видения славы. И поскольку к тому же точно совпали цифры иудейской сакральной арифметики, многие тогда уверовали, началось мессианское движение, что, в итоге, обозлило турецкого султана, на землях которого проповедовал самоназванный мессия. Султан поступил мудро; ввергнув пророка в узилище, ему предложил свободный выбор: либо он примет ислам, тем похерив свое мессианство, либо — казнь. Еврей предпочел первое, так и оставшись именно что историческим курьезом, третьестепенным персонажем истории, неудачливым лжемессией. Но, а вот, думаю, если б он избрал мученичество, предпочел казнь (знаем, что османские владыки не бросают слов на ветер)? Какой бы наверняка родился животворящий, судьбоносный миф о его воскресении, сочинили б священные книги, может, наш исторический путь избежал бы многих трагедий. Или он и впрямь бы воскрес, став завершением истории, сделавшись истинным Мессией, этот, как выяснилось, слабак, которому была вручена судьба поколений. Стал он, разве что, назиданием для тех немногих, кто о нем что-либо слышал. Может, это был и не единственный лже-мессия, кому был предоставлен столь грандиозный, нечеловеческий выбор, притом уклонившийся от рокового поступка. А возможно, он всего только искус для наших доверчивых и безалаберных душ, или, скажем, наглядное избличенье гордыни, самонадеянности и опасных иллюзий...

Здесь пора отложить блокнот и шариковое стило, поскольку я вторгся или даже грубо вломился в какие-то для меня запределные сферы чувства и мысли, куда ступить полноправным хозяином доступно лишь гению. Мне ль рассуждать об альтернативах цивилизации, о чужом величье, коль теперь стал путаться даже и в своих мелких делах, постепенно теряя бывшее проворство ума? За окном снежит, там уже вечерет, уютно заго-

раются окна. Отдохни ж, наконец, мой скорбный, скорбящий разум.

Запись 5

Не писал несколько дней, хотя рука буквально зудела, успевшая приработаться к графоманству (говорил же, что я человек привычки, и это на всю жизнь). Но было не до того, неделю провел в суете и пьяном угаре: пришлось с купецким размахом отпраздновать собственный юбилей, — nobles oblige, как говорится, и для успеха в делах надо пустить пыль в глаза, подтвердив свою в широком смысле, кредитоспособность, которая нынче сомнительна. Давно уже терпеть не могу свои дни рождения, ведущие грустный подсчет мною прожитых лет. Тем паче юбилей, поскольку не в силах избавиться от магии этих округлых чисел. Однако, признать, вдруг почти полюбил юбилейные славословия, хотя в них всегда чужо репетицию похорон. Пускай эти величания всего только словесный жанр, пусть неискренни, но зато словно подтверждают реальность и даже своего рода значительность моего существования. Ведь иначе приходит даже парадоксальная мысль: а сам я, не собственная же иллюзия или, допустим, жертва некоего демона-иллюзиониста? Хотя, если подумать, нахрен я сдался неважно какого полета демону, что испытуют (даже калечат) души того достойные, то есть величественные, бездонные, а не мелкотравчатые душонки вроде моей? Но ведь может ко мне приبلудиться некий бесенок-путаник, хитроумный бес-фальсификатор, который дурит всех кого ни попади.

Конечно, безумная мысль! (А не сам ли я и есть фальсификатор, на этих страницах себя подменяя не слишком-то похожим литературным образом? Ну что ж, значит, использую главную привилегию писателя). Не близко ли уже старческое слабоумие? Пока, вроде, не совсем по возрасту, но, иншалла, как сказал бы мусульманский пиротехник, наступит время, когда моя жизнь

станет поистине волшебной или, кто-то ее назовет сюрреалистическим бредом: скисшие от долголетия мозги переинчат действительность не хуже любого путаника-иллюзиониста или авангардного художника-provokatora. Знаю, наблюдал своих родственников в предельных летах, — с ужасом, поскольку родное у них обочивалось чуждым и отчужденным, но и слегка завидовал их бытию, способному обращаться вольно с временами, местностями, лицами, прихотливо играть в кубики мироздания. Это подчас напоминало вдохновенный театр абсурда (будь я драматургом, включил диктофон, и вышла б абсурдная пьеса без единой помарки). Вот и жизненный круг: от своеволия детской наивности до прихотливости старческого ма-разма. Две эпохи существования, когда даже полный творческий импотент становится отчасти демиургом. Даже не знаю, что лучше: завершить до конца этот круг или его оставить незамкнутым? Но вот еще думаю: не грядет ли прямо завтра, спозаранок или пополудни, пересменка эпох, время открытой трагедии и низверженья любого закона, — тогда и покуролесим власть, даже расплатившись кровью. Вполне возможно, коль, такое чувство, что весь мир сбрендил, мечется в родовых муках или предсмертной агонии. Ладно, подождем, поглядим, ждатель-то осталось не так долго. А пока — стыжусь, стыжусь! — еще недавно равнодушно-проницательный, к чинам, званиям, погонам, лампасам, любым наградам, каким ни на есть регалиям, я стал дорожить нечистосердечными свидетельствами довольно-таки равнодушных свидетелей моей жизни. И еще позорней — именно государственно-бюрократические доказательства моей кое-какой все же ценности мне теперь особо дороги. Не знаю, где причина. Может быть, тут инфантильно-старческая (круг уже начал смыкаться?) неуверенность в себе, какое-то, что ль, сыновне-патерналистское чувство, или не знаю, как обозвать: поиск защиты у абсолютной, внеличностной силы. Государство, разумеется, куда более надежный гарант теперь готовый ускользнуть реально-сти, чем какое-либо частное лицо или же мне-

ние, пусть даже, условно говоря, общественное. (А где ж присущее мне формоборство? Вроде бы тут противоречие. Но, коль формы пока существуют, в моем характере предпочту самую из них косную, неприглядную и с виду несокрушимую, — однако, помним, что чем тверже материал, тем он более хрупок). Хотя и стыдно, но все же греет сердце, что отмечены мои заслуги перед отечеством, пускай и третьестепенные. На большее не рассчитывал: по бюрократическому счету награда довольно-таки справедливая. Кто-то из давних друзей меня с ней поздравил саркастически, кто-то и вообще обвинил в потаканье властям и предательстве юношеских идеалов (отчасти, наверняка, зависть). Они все из породы доморощенных любомудров, историкософфов, экономистов, военных стратегов и социологов. И, разумеется, политиков. А по мне-то политика дерьмо всегда и везде! Это я прочно усвоил еще с юных лет и сохранил в том уверенность, именно, как последний ошметок своих юношеских идеалов...

Уже дня два, как упорно ломит плечо, давно саднит поясница, где, предполагаю, почки, что-то вдруг кольнет, стрельнет; беспричинно заколотится сердце. (Доживу ль вообще до новых времен? Хватит ли сил покуролесить в разъявшемся эпохи безвременье?) Я слаб в человеческой анатомии, своей личной тем более, ее всегда игнорировал. Что когда-то из-под палки выучил в медицинском, давно уже позабыл. В самом названии «тело» мне с тех пор чудится нечто похоронное, будто слышу, пугавший в детстве, разнузданный, вовсе не торжественный и даже почти не грустный, скорей, тоскливый хрип траурного марша в исполнении непроспавшихся лабухов; от него, этого похоронного слова, кажется, несет смрадом больничного морга и сладковато-мерзким формалиновым запахом препарированных трупов. Видно, еще в институте я проникся отвращением к медицине. И врачам перестал доверять, памятуя своих тогдашних друзей-медиков, циничных и беспардонных зубоскалов, любителей черного юмора (друзей, конечно, подбирал по себе). И к тому ж до недавних пор моя плоть остава-

лась миролюбиво-нетребовательной, очень редко о себе напоминала. Но теперь догадываюсь, что она вскоре будет самым главным и жестким (жестоким, верней) моим оппонентом в диалоге куда более роковым, чем мои вечные перебранки со своим прихотливым сознанием или, там, под-сознанием, что время от времени преподносит любопытные сюрпризы. Такой вот объявился неожиданный враг... Ох, и неожиданный, смешно сказать! Сам виноват: предусмотрительный в мелочах, и полный ротозей в делах судьбоносных, никогда не учитывал возрастные этапы, взросление-старение, с их особыми целями, задачами, возможностями, а теперь все больше ограничениями, что надо было бы учитывать наперед. Даже удивительная беспечность пред, казалось, самоочевидным.

Ладно, учесть приходится или сама жизнь заставит, но кой толк страдать наперед? Надеюсь, от моей шагреновой кожи остался еще довольно приличный лоскут. Сейчас лучше подумать о жизни, не о погребели, которой не избежать, как ловко ни выкручивайся. Это очень даже непросто: жизнь, как птичка, сейчас норвит упорхнуть с ладони, там склевав ей поднесенные крошки. (Невольно попавшая под руку изящная фраза. Не память ли о птицах, внимающих проповеди, или о горлицах, не ставших голубиным паштетом? В любом случае, не буду ее вымарывать, ибо в ней что-то есть). Стараясь уловить веяние новой реальности, я жду каких-то благотворных, нежных примет, а не ошибка ли это? Может, повсюду гремящие военные марши напополам с едва заметным хрустом обескровленных форм (да и сам я уже не так полнокровен, как прежде, когда был открыт природе, художествам и просто живому чувству), потерявших свой недавно казавшийся очевидным смысл, и есть мелодия новой эпохи? Новый мир, не всегда ль новая жестокость? И лишь когда схлынет новорожденное безумие, тогда и станет различим, слышен всем и каждому, внятный, чистосердечный мотив Французика. О своем времени, разумеется, трудно судить, коль мы сами внутри него, им объаты, — оно прет изо всех дыр,

скважин и прорех, подпирает с каждого бока и все мы, властительные, безвластные и безразличные, равно его жертвы. Кто знает, не обнаружит ли будущее под завалами всего теперешнего дерьма, пустословья и разнообразного хлама тайный расцвет, небывалый ракурс, скажем, культуры и мысли, что историки назовут ренессансом, или, дабы не повторяется, найдут какой-либо достойный синоним?

Вдруг из глубины памяти, много разного берегающей про запас, выплыл смурной Дант со знаменитой гравюры. По-моему, с него и числится предшествующий ренессанс. Но можно представить, как он был одинок, этот всеобщий изгой, одаривший мир новым Адом, Чистилищем, Раем, в своей пока еще никем не признанной эпохе. Он-то, должно быть, расслышал зов какого-нибудь Французика, бывшего, будущего или только возможного. Вот и получилось, что Дант уже существует, а вокруг него ему чужой мир, пока не стряхнувший свои прежние грёзы. Еще б ему не быть скорбным (имею в виду не мир, а флорентийского одиночку, а тот мир еще себя не понял)! Кто знает, не родился ли уже и теперь чуткий творец с его вита нова, тайком сумевший переустроить наш великий и могучий, его открыв, коль можно выразиться, содержаниям будущего или будущим содержаниям? Но теперь погрязший в иллюзиях мир его не удостоит и гонений: не только на него не оглянется, но в него даже не плюнет.

Ну вот, опять моя безответственность графомана! Сужу о том, в чем ни рожна не смыслю. Как легко, наверно, любому писателю себя вообразить чуть ли ни Дантом, — тайная мысль каждого: а, может, я гений? И все-таки нагло скажу, что у нас с ним есть общее: дар уловить тихий мотив новой искренности. Так ли уж нагло? Где-то читал, что разница меж мельчайшим и величайшим всего процентов десять, остальные же девяносто — природное, национальное, гендерное, расовое, культурное и общечеловеческое, да еще можно иногда прибавить некоторое личностное сходство. Ну, пускай даже, не десять, а пятнадцать, все равно выходит не так много.

Тут и спрячу стило за пазуху, а блокнот в боковой карман. Наконец-то двинулась автомобильная пробка. Хамство везде и во всем: куда смотрят городские власти? на что, в конце концов, они тратят наши налоги? Не иначе, как на благоустройство городских парков, где я никогда не бываю. А не лучше позаботиться о транспортных развязках? Однако нет худа без добра: уж сколько мне за этот всего только час пришло светлых мыслей и глубоких прозрений! Говорю иронически, но почему бы нет? Умножай на листе закорючки, и невольно сболтнешь что-нибудь умное или, может быть, прозорливое. Любой алфавит обладает собственной силой. Говорят, и свинья, роясь в шрифте, рано или поздно сложит сонет Шекспира. Правда, для этого она должна быть бессмертной.

Запись 6

только вчера поминал испанца, одного лишь достойного собеседника среди неприкаянных творцов нашего хостела. В остальных я замечал только показное радушие цивилизованных личностей, а наши с ним беседы во время общих перекуров обозначили, мне казалось, душевное родство, близость интересов, сходство миропонимания. Разумеется, я их всех додумывал, домысливал, обобщал, можно сказать, препарировал, как отчасти литературных героев моей дневниковой повести, однако не до потери сходства. Если уж попал кому на перо, так не сетуй, что тебя переиначат в угоду жанру и личным комплексам автора. К счастью или несчастью, лично мне это вряд ли грозит. Изю всех литературных жанров я наверняка персонаж многих кляуз, доносов и точно знаю — одного газетного фельетона. Вот уж был мерзейший пасквиль, откровенная заказуха. Конечно, на меня, как на любого, можно взглянуть очень предвзято, нарисовать, хоть и неприглядную, но меткую карикатуру. Однако тут просто ничего общего, ложь и поклеп от и до; разумеется, не литература, но даже и не ли-

тературщина, а дурновкусный, беспочвенный и корыстный вымысел.

Ну вот, заговорил о важном, а перекинулся врачевать свою мельчайшую душевную ранку. Я уже понаторел в письме, а, когда вяжешь словеса бойко, самоуверенно и складно, начинает тянуть к расчесыванию давних царапин или ничемному балагурству. Конечно, я приобрел навык, но в прежнем, все же оставленном на дальнем перроне блокнотике, был, что ль, особый распев, исключительная тональность той вдохновенной местности. А в здешней скудной среде обитания, и слова сделались суховаты, и мысль теряет музыкальность. Понятно, что стиль это не ловкие или бездарные словосочетания, а тот рожден всегда бытием духа. Так что очень кстати я сегодня утром получил долгожданную весточку от испанского интеллектуала, освежившую мой миф о Французике, без которого эта бойкая писанина всего только хобби и ковыряние болячек. Вся моя жизнь на таких вот рифмах-совпадениях: только вчера вспоминал — и сразу отклик. Весть от него пришла, разумеется, тоже по электронке. Какие ж теперь сомнения, что компьютерный мир, если и не во всем благотворен, так могуществен, коль и создает, и транслирует мифы?

Особо выразительна была приложенная к письму фотография, на которой мой испанец выглядел иберийцем в самой наивысшей мере и благороднейшем облике: отощавший, обветренный, загорелый до черноты, на фоне чуть поблекших зимой долин, немного посуровевших каменистых взгорий, да к тому ж неторопливых энергосберегающих ветряков, он казался настоящим Дон-Кихотом. А Росинантом ему служил потрепанный байк примерно, думаю, возраста той знаменитой клячи. Был у испанца вид немного жалкий (может, так показалось в сравнении с умиротворенным величием тамошних гор и долин или, угадав литературное сходство, я к нему примыслил печальный образ), но взор столь решителен, будто он на своем драцунлете прямо сейчас ринется штурмовать энергетические мельницы. (И поделом: они, разумеется,

экологичны, притом угрожают моему углеводородному благоденствию). В нем мерцал огонек одержимости, как мне хотелось думать, нашей с ним общей мечтой. По крайней мере, то была одержимость какой-то упорной фантазией; напоминал он, что ль, охотника за привидениями. На мой взгляд, его нынешний очень испанский облик был прямо-таки достоин художественной галереи. В нем теперь действительно обнаружилась слегка потасканная аристократичность, придававшая некоторое сходство с портретами из мадридского музея, куда я как-то забрел с туристическим равнодушием.

А письмо? Даже было не письмо (то есть без обычного приветствия «диар такой-то» и подписи), а довольно-таки пространное сообщение. Причем без ссылки на какой-либо источник и с обычной для мифологии неопределенностью времен. Может, он цитировал местную газету, может, древнюю летопись, может, донес молву окрестных жителей, а, возможно, то был синопсис какой-то части им задуманной мыльной оперы. Впрочем, здесь мылом даже и не пахло. Тот его замысел я, скорее, понимаю, как род искупления за то, что пол своей жизни холил дурновкусые праздных домохозяек, — ведь как ни крути, историю Французика не превратить в аргентинскую мелодраму. Короче говоря, попытаюсь перевести этот, как нынче говорят, мессидж с его пиджин-инглиша, которым он бойко владеет в разговоре, на письме, однако, не столь внятного. Кстати, лишь бегло проглядев испанское послание, я уже понял, что неназванное словечко «предательство» там оказалось бы ключевым. То есть, либо я точно угадал факты, либо наша с испанцем фантазия сходным образом домысливала легенду, тем подтверждая нашу с ним душевную близость. Теперь мне даже отчаянная желтизна горных кустарников кажется цветом измены.

Такую он рассказал примерно историю, то ль им выдуманную, то ль действительную. Вернувшись из Африки, где Французик едва не обратил в свою веру турецкого султана, он с горечью (вис э гривес) узнал, что его братья стали вы-

зывать в некоторых церковных и мирских кругах некоторую неприязнь, а некоторые, невзирая на их благие дела, их даже принимали за еретиков и прогоняли силой. Теперь его братья уже перестали быть незаметной (инвизибл) горсткой всеми презираемых оборванцев, а стали теперь отчасти заметной силой, которой следовало помочь обрести организационную форму (именно так: эн органайзинг форм), чтобы они, как утверждали церковные власти, «могли приносить еще больше добра». С еще большей горечью (вис ивен мор гривес) он узнал, что пока он отсутствовал, братья для себя возвели каменное жилище, простонародьем называемое «дом братьев», где они занимались не только ручным трудом и молитвой, но также и науками. (Как еще к этому отнести врагу всякой собственности, босоногому проповеднику? Вот оно и предательство! — Прим. пер.) Поначалу его душа возмутилась против такого самоуправства (зис селф-гавермент), и он приказал всем братьям, выйти из этого помещения, но потом, когда он узнал, что братья жили там не как владельцы, а как всего только пользователи (зе юзерс), он успокоился и позволил им войти обратно. (Это надо ж! С его-то прозорливостью и чутьем понапастся на шитую белыми нитками юридическую уловку! Совсем не верю, чтоб успокоился, но тут его великое смирение даже в ущерб принципам. — Прим. пер.) Вскоре наиболее уважаемые церковные авторитеты ему посоветовали, чтобы людям избежать соблазна, а им возможных гонений, перестать быть вольной общиной нестяжателей (зе фри комюнити оф зе пипл донт вонт хев энисинг) с необщепонятными (нот клир фор эврибоди) целями, а сочинить устав регулярного монашеского ордена, который будет соответствовать ожиданиям церкви. Хотелось так ему или ему не хотелось, но почитая для себя невозможным ослушаться, он удалился в целом уединенное ото всех место, как нельзя лучше пригодное для такого сосредоточенного занятия. Завершив труд, он передал манускрипт своему викарию, но тот его нечаянно потерял. (Вот тебе и уважение к пастырю! Кто поверит, что потерял

случайно? — Прим. пер.) Тогда он терпеливо отправился назад и вновь написал устав, в точности, как прежний, который и был в конце концов утвержден, хотя и не все его нашли удовлетворительным.

Перевел, разумеется, как смог, я ведь не переводчик. Но смысл и урок наверняка понял верно, неважно была это, небыль. Судьба ненавязчивого пророка и должна была так продолжиться, как еще? Чтоб это понять, не надо быть мыслителем и прозорливцем, тут как дважды два четыре. Кто ж допустит существование столь и впрямь соблазнительного, уже потому, что никак не оформленного, примера, где любовь, смиренность и усердие заменили догму? Где тут, в конце концов, четкие правила поведения? Ведь в данном случае отсутствие самоограничений, какого-либо внутреннего регламента, так легко принять за безграничную претензию и едва ли ни за духовный экстремизм. Настораживает и отсутствие какой-либо доктрины, схоластического обоснования необходимости себя вести так или иначе. Будь я какой-никакой властью, меня б точно насторожило это слишком подозрительное умолчание, за которым может таиться ересь. То есть лично мне было ясно, что в любые века какой угодно вольной общине, стоит ей стать хотя б «отчасти влиятельной», так и или иначе навяжут «органайзинг форм», устраивающую ту власть, которая на данный момент властна, — того же потребует и общественное мнение. Отсутствие ограничений это ведь и опасная непредсказуемость. Рад бы верить, но не верится, что у этого скромнейшего первопроходца мог быть, пускай тернистый, но хотя б неизвилистый путь борьбы только с личными искушениями и несовершенствами. Ну, а что «вис ивен мор гривес» он отнесся к отступничеству своих фрателли, и так понятно, — а невнятная история с якобы случайно потерянным уставом просто вопиет! Горькое, горькое разочарование, которое уже свершилось или еще впереди! Бедняги, стоило (стоит, стоило бы) Французика отлучиться, будто потеряли (можно поставить любое глагольное время) свою путеводную нить,

оттого и захотели пристанища. Ну, и конечно, мирские соблазны под коварный шепоток доброхотов, — братьев можно понять, ведь тоже люди, — от искушений чисто бытовых до интеллектуальных (см. о занятии науками). И многие ли вообще могут сберечь надолго экзальтированный энтузиазм и героический пафос? Душа устает, увы, а моя так даже очень быстро.

Короче говоря, неизбежен, я б сказал, диалектический, излом его жизни: его в самом наивысшем смысле духовная самостоятельность когда-то обязана вступить в конфликт со вселенским законом формообразования. Рано или поздно грядет смена мелодии — в простодушной песенке должны б рано или поздно зазвучать трагические ноты. Эта газетная статейка или древняя летопись, предание, слух, сплетня, интернетовский блог звучит вполне достоверно: что оставалось Французика, который не вождь, не лидер, тем более не бунтарь, а только пример, как удалиться в пустынь, чтоб там, блюдя послушание, сочинить устав ордена, судьбу которого он, конечно бы, сумел предсказать? Наверняка предвидел наперед и еще более горькие свои разочарования. Отчуждение, лучше б сказать, ороговение, или, может, еще лучше — опошление духа способно все перевернуть с ног на голову, превратив благородство в низость. (Он бросил одежду под ноги своему папаше, тем отрекаясь от косного мира отцов, но не облечется ль его чистосердечный порыв еще худшей, болезненной по виду коростой?) И все ж, им сочиненный устав мог бы нести ту самую крупницу благодати, на которую всегда надеюсь, хотя и с трудом понимаю, что это за штука. И благодатная крупинка не была б или не будет утрачена, как не удалось злонамеренно потерять им выстрадаанный, хоть и компромиссный, манускрипт. Примерно в этом духе я ответил будущему победителю ветряных мельниц, а в конце предложил себя на роль Санчо Панса. Вроде как, шутя, но очень даже стоит обдумать всерьез. А что, действительно не вернуться ль в тот мирок, что я покинул под гром ночного фейерверка, в погоне за легендой, — или даже стать ее частью? Брюхо у меня отросло, невзирая на фитнес. Купил

бы осла и на нем трюхал потихоньку вслед за длинноногим испанцем в его велосипедном шлеме, чуть смахивающем на тазик для бритья. Но тут и опасность: в моей памяти сохранился цветущий мир, овеянный благоуханной легендой, а я ведь знаю, как умеют ветшать покинутые пространства. Сколько уж испытал разочарований, вернувшись туда, откуда вроде б ушел навеки... Вот и все, пора отложить в сторону мою шариковую ручку, а в другую — блокнот с золотым обрезом. Опять я засиделся почти до утра, — скоро уж выйдет из мрака молодая розовоперстая Эос, разогнав предрассветные виденья. К тому же, когда с непривычки пишешь так долго, можно вдруг почувствовать, что делаешься умнее до полной уже, окончательной дури. Всё жду, подождаю мудрости, которая, говорят, является с годами, а та почему-то замешкалась.

Запись 7

Сегодня у меня пустой день, без дел, обязанностей и развлечений. Верней, я сам себе решил предоставить однодневные каникулы от жизни. Когда-то себя считал прирожденным лентяем и этим свойством даже отчасти гордился. Но с недавних пор разучился наслаждаться бездельем, теперь для меня праздность всегда тревожна. Когда-то я месяцы, годы, щедро упускал, как песок, сквозь пальцы, а сейчас тревожусь за каждый потерянный миг. Не то чтоб хочу его потратить с пользой, но почему-то боюсь отпустить мною неосознанным, как бы незафиксированным. В крайнем случае, просто в уме пересчитываю пустые мгновенья. Да и праздная мысль, не привязанная к делу, начинает маяться, чудить, дурить, хвататься за первое попавшееся. Вот сейчас ухватила словцо «архетип». Слово красивое, с размытым для меня смыслом. Можно было б и уточнить, но пропадет эстетика. Впервые услышал его в давние лета от своей умной подружки. То было время интеллектуального неофитства моей одичалой державы. Подру-

га была ни стройна, ни красива, ни элегантна, ни обаятельна, но умела заворочить словами. Свою профессию называла по тем годам непривычно: культуролог. Я чуть сомневался: нужны ли они, если кругом бескультурье? Но эта женщина неопределенных лет знала горстку манящих слов, их умея сочетать в полупонятные фразы, что звучали, как заклинания, где явно таился к тому еще и эротический соблазн. Не уверен, что она и сама-то их до конца понимала, а я даже не пытался. Она меня, конечно, презирала за туповатость и нехватку современных знаний. И тогда был уверен, что я для нее типа «валенок», техническая интеллигенция, но с этим мирился, вопреки самолюбию и уже просыпавшейся гордыне. Поскольку ее словесная ворожба для меня звучала, как «сезам откройся», виделась ключом к сокровищнице какой-то плодотворной мысли и свежих понятий, что способны, то ль разъяснить, то ль и вовсе переиначить или, скажем, обогатить тогдашнюю скудную жизнь, казалось, примитивную, как грабли. Только с годами я понял, что в ней присутствовала, что ли, дремлющая сокровенность, некая по сю пору непознанная тайна. Таких слов я выучил несколько, возможно, десяток, но сочетал их бездарно; походило на бесполезную ворожбу какого-то самодеятельного шамана. Конечно, мог произвести впечатление на еще менее чем я искушенных в знаниях технических интеллигентов, но эта моя заумь не только ничего не объясняла, но даже как-то уводила от смысла. Может быть, именно с тех пор я предпочел словам дело. Умная дама давно потерялась в моей жизненной суматохе, мне оставив на память горстку красивых слов, одно из которых сейчас пригодилось. Впрочем, теперь кого ими удивишь? Они общедоступны, но видим же - не открыли новых горизонтов, и нынешний мир тоже скуден, только в нем убавилось тайны. В наше демократичное время доступно любое слово. Коллекционеры слов и понятий теперь на мели (нас клянут гневными словесами, как те же бездарные шаманы, но вдруг и сглазят), а процветают беззастенчивые деловики, иные из которых косноязычны до смеха.

© Рисунок Валерия Сировского

Я делаю вид, что один из них, но похож только внешне, поскольку, видимо, к моему благополучно посредственному генотипу примешался некий, что ли, ген безумия или безумный ген (впрочем, где-то слышал, что из них любой может взбеситься). Показной и недолговечной, думаю, силе этого по-мужски крутого сообщества я ведь в душе предпочел плодотворное бессилье Французика, чьему обновленному миру будут равно чужды, как затаившиеся умники, так и ныне победное ворье... Сейчас разомну руку, отложив перо: кажется, я уже стал пророчить. Так вот, меня заворочивший образ проповедника наготы, смиренья и чистосердечия, хотя и привязанный к местности, где сам он родился или родилась легенда о нем, но будто бы одолевший хищную неотвратность времени, способный тихо прорасти в любую эпоху, где нем заведется нужда (я, конечно, не физик, но чую,

что время волнообразно, эпохи накатывают волна за волной), и есть тот самый архетип, как я его понимаю. Ну и что? Это словцо хоть слегка прояснило ли суть? В общем-то, нет, но я доволен, что нашел применение ученому слову. Моя речь бедна и абстракции там некстати. Но главное, оно указало, не то чтобы моей мысли, а скорее чувству на еще некий затаенный архетип. Я почувал в легенде нехватку, какое-то важное умолчание. Вспоминая фреску в том хлеву, где он якобы родился, мне теперь на ней почудилось едва заметное, однако светозарное пятнышко, — знаю на опыте, что важнейшее порой таится за не бросающейся в глаза приметой. И в моем прежнем слайд-сне о Французике вдруг явственно ощутил недомолвку. На кого ж там намек, что ли на ангела? Не думаю, рядом с ним мне крылатые сущности виделись явно и зримо. Но вот моя догадка: возле него

не хватало женщины. Ибо в самом его образе чувалась некая андрогинность (еще одно умное слово, мною когда-то выученное). В своей чистоте этот пророк был едва ли ни бесплотен. Мне и в голову не пришла бы мысль о каком-либо неприличии (и никакого тут, разумеется, обывательского шерше-ля-фам). Если женщина была рядом, могла бы идти речь лишь о единении благословенных душ. Разумеется, никакого скандала, но откуда ж недомолвка предания?

Тут просто ли мужской шовинизм или дело в том, что эта лишь намеченная рядом с ним женщина единственное земное существо, оставшееся ему навсегда верным. Но в любом случае, выходит, позор мужскому миру!

К таким вот приводит письмо неожиданным мыслям. Раньше ведь смеялся над повсеместным бабьим бунтом, благозвучно названным, коль не ошибаюсь, гендерными проблемами. А теперь чуть ни жалею, что меня пощадила великая богиня страстей, — как ее ни назови, эту, наверно, космическую силу. В своем мужском мужественном мире я всегда к женщинам относился с легким презрением, не брал их в душу, притом не был избыточно похотлив, — наоборот, презирал слонявую похоть. К ним относился, как украшению жизни, иногда, блестящему к ней привеску, легкому досугу. А теперь, в тех годах, когда почти не томят страсти, но еще не вызрела мудрость, вижу, время упущено. Обогащенный женской силой, причастный их тайне, был бы не столь одиноким и, в общем-то, примитивен. Не знаю, откуда у меня завелось добродушное презрение к женщине. Видимо, как отрывка, подцепленного еще подростком сопливого нищестанства, притом, что в двух до меня поколениях нашего рода царил полный матриархат. Да и самые близкие мне люди были именно женщины. И вот теперь, на подходе старости, так вдруг захотелось склонить, как в детстве, голову на материнские колени. Будь у меня больше веры взамен новомодному фарисейству, которому, увы, причастен, я воззвал бы теперь к нашей небесной Защитнице и Заступнице, но вместо попыток молитвы у меня всегда выходит какой-

то жалостный лепет, которого самому стыдно. (Опять-таки скудость моей речи, но, может, и нечего стыдиться: эти мои косноязычные жалобы и есть молитва, какой она должна быть — только детски искренней, остальное неважно). Но так или иначе, наверняка неспроста мне видится возле одинокого проповедника светозарное пятнышко, где угадывается женская сущность, разумеется, отличная от госпожи Бедности, которую он возлюбил.

Не сомневаюсь, что его предадут многие — почти невозможно, хранить сразу и верность требующему полного самоотречения принципу, и смирение. Кто не сбережет первое, глядишь, станет инквизитором, в переносном или даже в самом прямом смысле, кто второе, может действительно впасть в ересь с какой-либо иной, своей, формой изуверства. Терпеливо, хотя и не добровольно сочиненный устав здесь, конечно, не панацея: это все ж предписание, отчасти и принуждение. Остается уповать, что именно женщина Французика никогда не предаст, если даже предадут все другие. Откуда она у меня, такая надежда? Тут позднее разочарование в мужском мире, или память о детстве, когда можно было властью выплакаться на родных коленях, — пока еще не потерял дар слезный. Или это наша общая, неискоренимая мечта о беспорочной женщине, которых, однако, в жизни я никогда не искал? В любом случае, не теряю этой утешительной надежды: пусть хотя бы в своем воображении попытаюсь, как могу, уберечь Французика от всеобщей измены...

Отвлекаюсь от блокнота, который будто живет своей жизнью — сам рождает мысли, словно бы не я там пишу, а он мне предписывает. Опять за окном вместо зимы раскисшая осень или даже нечто вроде робкой весны напрасных надежд. Отовсюду сквозит тревога, что разносится не словом письменным, не изуточно, а будто сама собой — подобьем студеного, пронизывающего ветра. Повсюду раздрай и умственная паника, как результат отчаянья — цинизм. Себя считал циником, но по теперешним-то временам я чуть

ни идеалист, — ведь не до конца потерял душевную чуткость. При общем расколе надо бы встать на чью-либо сторону. А я не за тех, не за этих, хочется думать, что я на стороне жизни, но подчас бываю захвачен всесветной жаждой самоуничтожения. Это ли ни новый, так сказать, негативный, пафос нынешнего существования? Впрочем, жизнь ветвиста. Куда нам, муравьям на вселенской ладони, судить о путях провидения, загадочных намерениях природы, тайных целях истории, в общем, как ее не назови, всевластной надличностной силы, которую вряд ли умилистить нашей фарисейской молитвой.

Запись 8

Ноутру болит голова, но теперь не от физического, а от умственного похмелья, против которого бессилён алкозельцер, огуречный рассол, грузинский хаш и горячая ванна. Вчера таки состоялась мной задуманная конференция с утвердительно пафосным, злоещим наименованием «Смерть!» Я, конечно, испытывал наперед некоторое злорадство, подбросив лучшим умам нашей державы эту коварную тему. «Собственную-то смерть никак не обойдешь и не объедешь. А коль рыпнешься вперед себя, так она тебя за ворот схватит. Предстояние смерти лицом к лицу отменяет все частные озбоченности, оставляя единственную насущную заботу — уговорить ее, чтобы та хотя бы чуть повременила. Но смерть не идет на сделки, а время ее невременяще». Точно так выразился (я записал слово в слово) один из докладчиков, который как раз не относится к «лучшим умам», а просто мой давний знакомец, вольный мыслитель, довольно импозантный маргинал, неудачник по жизни и дилетант во всем. Поэтому не удивляюсь, что именно он, свободный от интеллектуальной предвзятости, каких-либо академических целей и корпоративной этики, то есть обладая умом ничем не замусоренным, лучше всех понял суть дела. Но его слишком пафосная речь там прозвучала довольно глупо и почти непристойно,

ибо он, конечно, отстал от интеллектуальной моды и слабо владел научной лексикой. Поэтому его грозное напоминание только меня одного впечатлило, другие же его, не сомневаюсь, пропустили мимо ушей. Уверен, что напрасно. Устроившись в заднем ряду, я поначалу всех слушал внимательно, старался записывать, но вскоре заскучал и все речи для меня слились в один монотонный гул. Конечно, я не то что даже отстал от умственной моды, но и никогда не был с нею вровень, — куда нам? — а из научной лексики, кроме уже названного, помню еще пяток слов типа «дискурс» и «десакрализация», — а это, знаю, теперь почти архаизмы. Но все же я понял, не умом, а чутьем, своей задницей, что ни у кого из этих умников не хватило мужества поглядеть смерти в лицо. Один за другим, с восхитившей меня изобретательностью, они старались ее именно что обойти и объехать, так, сяк, слева, справа, по кривой, по касательной. То есть именно пытались рыпнуться вперед себя, представив смерть вовсе не роковым финалом, где поневоле кончается рассуждение, а, так сказать, рабочим моментом, через который возможно переступить или перескочить, хотя бы мысленно. Типа, она, конечно, досада, но не такая уж великая.

Был еще ловкий способ, по-своему замечательная уловка — ее обезличить, представить не собственной неизбежностью, а будто ничейной, непримененной и, по сути, неприменимой. Тогда она становилась просто неким понятием, причем, относительным, рознящимся от эпохи к эпохе, над которым волен вооруженный современным знанием ум, — может его и вовсе упразднить за ненужностью. Понимаю, что по научной малограмотности изложил услышанное очень приблизительно и обобщил в меру своего недалекого разумения. Но, главное, понял, что смерть, которая не идет на сделки даже с великими мудрецами, здесь хотят просто зашугать, уморить академической скукой. Так что к обеденному перерыву она уже агонизировала, почти сдохла. Докладчики будто подхлестывали друг друга, один в другого вселяя

умственный кураж. А потом ведь каждый останется наедине с собой, так и не приручив смерть, нашу гордую подругу, сестру нашу, как ее называл Французик, или черную матушку, чей образ мне когда-то являлся в сладко-тревожных снах, — с отчаянной тревогой ожидая прихода ее невременящего времени.

После перерыва, уже перенасыщенный современной мыслью и ученым словом, я, честно говоря, плохо соображал. Постоянно терять хитроумных рассуждений, в конце концов, уже и не стараясь подхватить ее. Иногда, правда, какими-то скачками до меня доходили обрывки смыслов. Не знаю, может, мне и померещилось, но, избегая прямой схватки с непобедимой соперницей, подчас затеявая даже изящную в своей уклончивости пляску бессмертия, с жизнью докладчики обращались вовсе бесцеремонно. Ее атаковали прямо в лоб с неясной лично мне целью. Догадываюсь, что в том и есть нынешняя интеллектуальная мода с ей присущей инерцией. Иначе как понять упорство, с которым они стремились ее распластать, разобрать до винтика, атома или даже микрона, затем так и оставив, не пытаясь собрать воедино? Кажется, их мысль воспарила над здравомыслием, превзойдя даже инстинкт самосохранения.

Мне-то, обывателю, разумеется, чужд их неконформистский пафос, с которым те низвергли все наши предвзятости и предустановления. Лично я думаю вполне простецки: стоит расхожую мораль обернуть на себя, то есть ее понять, не как самоограничение, а хоть слабой гарантией своей безопасности, то какой же смысл против нее бунтовать? Чем плохи заповеди, предписывающие тебе не убивать, не грабить, тебе не завидовать, не клеветать на тебя? Не понимаю, отчего эти, конечно, умные люди готовы существовать в неудобном и опасном мире, так сказать, этического творчества (мало ли кому что взбредет в голову)? Зачем еще больше запутывать этот и без того путанный мир, где иногда кажется, будущее уже свершилось, а прошлое всегда под вопросом? Но, вообще-то, они вовсе не похожи на древних философов, готовых рас-

платиться за мысль и слово собственной жизнью. Как видно, для нынешних жизнь одно, а учение как-то само по себе. Мне приятно думать, что и они, по жизни конформисты вроде меня, и мысль их тоже отштампована, как у нас грешных, — только штамп немного поэстетичней, со всякими там вишнетками.

Но вот что мне сейчас пришло в голову. Чуть осоловев от плотного обеда, а, главное, с привычки слушать и мыслить, я, возможно, упустил главное, не понял сразу их самой блистательной уловки. Разывая жизнь до электрона или кварка, они походят, как бы невзначай, и человека сократили до минимума, низвели до какой-то сомнительно точки, упразднить которую было бы уже полным неприличием и недостоверностью. (Правда, один докладчик походя упразднил женщин. Слегка задремав, я пропустил решающий аргумент, но вывод помню точно: нет никаких женщин, и все тут. Я даже прыснул в кулак. Чистый бред, по-моему! См. выше о моей нынешней оценке женского, но дело даже не в этом: именно в данный миг моя памятливая плоть бесстыдно подтвердила несомненную реальность их существования). Зато нам, бедолагам, не оставили ничего исконного, собственного. Их послушай, то все у нас взято напрокат, самые драгоценные понятия, интимнейшие переживания. В общем, каждый гол, как сокол, под одежкой с чужого плеча. А нет субъекта, так и нет проблемы! Ни жить, ни помирить просто некому. И все же это сомнительная точка — мельчайший зародыш, который мне видится крошечным тельцем, что трепещет в страхе перед жизнью и смертью. Поэтому он истинно жив, притом, что равно мертвы любые догмы, как изукрашенные, так и самые неказистые. И я еще раз убедился, что изысканные, изощренные рассуждения подчас приводят к абсурдным выводам, тем себя опровергая. Никто же не поспорит, что абсурдный вывод компрометирует сам ход рассуждения. Так стоит ли оспаривать один за другим хитроумные аргументы, коль итог безумен? О душе никто и не вспомнил. Догадываюсь, что для них это мракобесное, клерикаль-

ное понятие. Но как бы оно все упростило, сколь бы внятным сделался мир! Однако подобное допущение им, думаю, казалось верхом научной недобросовестности. Впрочем, упаси бог, своих взглядов они никому не навязывают. Так понял, даже твердо и категорически высказать свое мнение в их глазах некоторое насилие. А как без него? Учитывая дурные наклонности человеческих особей, весь мир скатится к анархии, от чего они же первые и пострадают. (Знаю на собственном небольшом опыте, уже минимум четверть века работая тем или иным начальником, — иногда и довольно высокого ранга).

Вот сколько у меня задним числом появилось соображений и возражений, исписал аж целых пять страничек. А если бы даже и раньше, все равно бы ими не поделился с этими продвинутыми умами: по годам мне пора бы уже срать на чужое мнение, но привычно боюсь выглядеть дураком. Пока я их слушал, у меня даже и мыслей не было, а все крутилась в голове простая мелодия Французика, который и жизнь, и смерть принимал, как дар Божий (мне бы так научиться!) Мог бы напеть ее с трибуны, но это бы и вовсе выглядело юродством. Как сложна их продвинутая мысль, и как общепонятно его чувство, — мне, по крайней мере, все объясняет помимо слов и каких-либо доказательств. Ляпни я с кафедры нечто подобное, конечно, был бы не понят: у этих людей вовсе иные, сухие, безблагодатные на мой вкус легенды, — очевидно, что Французик отнюдь не пророс в ими обжитую эпоху. Поэтому, последним взойдя на кафедру, я ограничился тем, что всех искренне поблагодарил за участие. В конце концов, это симпатичные, образованные, хорошо воспитанные люди, не чета моим нынешним друзьям и общникам. Да и мне самому, конечно.

Запись 9

Сегодня опять подарок от испанца. Вот говорят — различье культур, традиций и прочей наносной дребедени, но ведь души наги, потому сообщаются каким-то особым, непосред-

ственным образом. Значит, мы с ним общники. И его короткое посланье на очень дурном английском тому несомненное доказательство. На мое предложение себя в Санчо Пансы он прямо не ответил, однако подписался: Дон Кихот. Видимо, такое сравнение ему польстило. Но дело не в этой записке. К письму он приложил откуда-то скопированный рисуночек, по виду, с газетного листа, изображавший мужчину и рядом с ним коленапреклоненную женщину, подписанный на латыни. Медицинских знаний и словаря мне хватило, чтобы разобрать подпись:

«— Дочь моя, зачем ты здесь?»

— Чтобы любить Христа и следовать за ним в бедности и молитве.

Преклонив колена и сняв с головы покрывало, она высвободила свои пышные золотые волосы. Он единым жестом состриг их, в знак ее отречения от мира. Это был пока слабый росток, но в будущем ему предстояло плодоносить святостью и благодатью».

Рисуночек простенький, наивный, можно было бы его принять за карикатуру. Но нет, в нем чувствовалось простодушное благоговение. Может, сам же испанец его изобразил? В его книжечке с набросками будущих сценариев я разглядел и забавные рисунки, вроде этого. Но любопытно: я ведь в своем письме даже не обмолвился о догадке насчет женщины возле Французика. А он мне, выходит, ответил на незаданный вопрос, — то ли узнав какую-то новость, то ли откликнувшись на мою фантазию собственной. Как-то она его достигла, на своих, наверно, ангельских, крыльях. Теперь, по крайней мере, проповедник искренности уже никогда не будет совсем одинок.

Конечно я мог бы задать испанцу много вопросов, из которых главнейший: отыскал ли он в тех дивных, мною покинутых, пространствах Французика во плоти, а не как образ надежды или восковую персону? Но понимаю, что он прозвучал бы дурачки: даже не наивно, а с какой-то ущербной дотошностью. (Если что-то не путаю, один древний духовидец и вовсе считал людскую плоть, как и плоть всего мира, дьявольским моро-

ком, неодухотворенной видимостью, хоть я в это нисколько не верю). Ну, допустим, отыскал бы, и что дальше? Я б, честно говоря, даже не знал, как поступить. Для того чтобы пасть пред ним на колени, все мы слишком горды, — к тому ж такая патетика не в духе века. Выпросить поучения, благословения? Наверно, так бы и сделал, попытался. Но, в результате, скорей всего был бы разочарован. Ведь, как и другие люди века сего, жду волшебных слов, мгновенного излечения души. Да и его облик, наверняка, мне показался бы слишком обыденным, коль даже и его скромность теперь украшена моей фантазией, сделавшись отчасти победной, что ли, торжественной и торжествующей. А может, — кто его знает? — случился б такой порыв, что я не стал бы искать у него защиты, а, напротив, сам бы прижал его к сердцу, чтоб хоть как-то сберечь от суровой справедливости мироздания, чем-то утешить. Понимаю, что это глупейше, наивно. Какой из меня-то защитник? И, разумеется, вовсе никакой утешитель. Но все ж эту свою новорожденную жалость к Французику считаю самым возвышенным, благородным из всех моих чувств.

Ладно, мог бы задать испанцу вопрос менее скользкий: нашел ли этот современный рыцарь на подержанном драндулете хоть бы одно реальное, историческое доказательство существования Французика, что мне в свое время не удалось? Помимо неверной людской молвы, думаю, мистифицированной или, возможно, мистифицирующей, памяти якобы соседей и однокашников, к примеру, его нетленные мощи, могилу или полностью достоверное, признанное наукой, упоминанье в летописи. Пускай даже, какой-либо фотодокумент повернее мутной фотографии в хлеву, где Французик то ли родился, то ль родится, то ль мог бы родиться. (Обнадеживающее и одновременно сомневающееся «бы»!) Понимаю, что поиск трудный: вслед за разочарованием в соратниках, которые, по сути, не виноваты, поскольку лишь слепо выразили агрессию форм, ополчившихся против духовной нищеты в своем наивысшем смысле, он должен бы крепко зата-

иться, в своем смиренье предоставив жизнь естественному ходу вещей. Может быть, с тех пор так и не оставил таинственную неназванную пустынь, куда удалился сочинять злополучный устав.

И все ж, надеюсь, этот поиск испанцу столь же необходим, как и мне, — иначе, зачем бы он рыскал по уже выцветающей к зиме округе с ошалелым видом ловца привидений? При нехватке веры, нам, увы, требуется достоверность, ибо теперь всё что угодно готовы поставить под сомнение среди цветистых или бесцветных обманок до конца опошленной цивилизации. А может, дело проще: его цель не легенда, а именно задуманный телесценарий. Профессия сценариста наверняка не исключает одержимости, как, наверно, и любая. Короче говоря, я ему не задал ни одного вопроса, чтоб случайно не нарушить ткань моего вымысла. Ему лишь ответил, сам не знаю почему, крылатой фразой из моих медицинских ошметков: «Nusquam est qui ubique est». Это «кто везде, тот нигде» мне крепко, издавна, втемяшилось в голову, хотя не уверен, что так бывает всегда... Впрочем, моя латынь странным образом переключается с последним стишком, которым меня одарила японка: «Мы далеко друг от друга./ Но всех нас объединяет тот,/ Кого мы никогда не видели». Невозможно понять, как легенда преобразилась в ее восточных мозгах, но эта японская женщина, не иначе, как мне теперь далекая сестра. Я давно уже запутался в сложной диалектике ближних, посторонних и дальних...

Раньше любил зиму, но теперь она стала другой, как и я изменился. Где прежний крепкий, бодрящий морозец, где узоры на окнах, как изящные переплетенья неведомой науке растительности? Зима теперь помягчала, что-то в ней появилось слезливо сентиментальное. Говорят, глобальное потепление. Но, притом она сквозит пронзительными ветрами, будто студит, вымораживает душу. Может, вовсе и не виновна, а просто для меня наглядный символ моего заиндевшего, но и теперь сентиментального, сердца. Да еще стал замечать, что зимой отчаянно, истошно каркают вороны, будто чужья падаль. Казалось,

проще всего в эту гнилую пору отправляться к каким-нибудь теплым морям, но, по-моему, уже писал, что терпеть не могу пляжного отдыха, а к достопримечательностям не так уж любопытен. Они меня, скорей, утомляют. Правда, выудить из вороха впечатлений хотя б один ценный для тебя образ, пусть пока и неприменимый, но годный про запас, уже совсем не так мало. Если ж отправлюсь, то вовсе не к теплым морям, и не на поиск новых образов, а туда, где, надеюсь, сохранен тот, что сейчас, чувствую, постепенно умирает в моей оступевшей, выстуженной душе. Он теперь, среди обставшей со всех сторон прозы жизни, в моей стареющей памяти почти осыпался, как та самая фреска, где сохранился лишь пустой контур в неясно куда устремленном порыве.

Запись 10

Давно уже не писал, заваленный с головой каким-то жизненным сором. Опять череда бессмысленных событий и бесцельных свершений. И торжества один за другим, больше траурные. Кажется наша трагическая сестра, не чуждая милосердия, на краю эпохи прибирает своих любимцев одного за другим, чтоб их избавить от мытарства в уже наступающих, пока не познанных, временах и не томить драматическим пересменком. Поэтому в моей голове теперь назойливо звучат похоронные марши. Но даже дурно исполненные, они все-таки музыка. Странно и горько, что я разлюбил ее. Прежде будто нырял в любую сонату, сюиту, симфонию, в ее гармонично-возвратное время, из нее вынырнув, лишь когда грянет финал. Теперь же, не захваченный музыкой, ее словно прочитываю наперед, постоянно забегая в будущее и досадуя на однообразие предустановленных гармоний и мастерскую расчетливость заготовленных сюрпризов. Раньше она была для меня воплощением жизни, отрицанием занудства времени, самой смерти в ее неизбежности, — даже и траурная. А теперь чувствуется душевной экзальтацией и, пусть

возвышающим, но все-таки обманом. Потому ль и не нахожу путеводной мелодии в нашей какофонической реальности, или тут обратная связь? Все больше в жизни накапливается для меня лишнего, что, наверно, и есть вкрадчивая поступь смерти, которая рано или поздно сделает для меня и весь мир излишним.

Неслучайно вспомнил о музыке. Не только лишь потому, что теперь в ушах гремят, громово раскатываются, похоронные марши. Еще оттого, что наконец-то принял решение вернуться в тот край, где я не так давно уловил благородный мотив, мне донесшийся то ль из прошлого, то ль из будущего, то ль из каких-то неведомых нашей грамматике времен. Тут потребовалась в некотором роде отвага, надо было собраться с духом. Оставив мне подаренный блокнотик на вокзальном перроне, я был почти уверен, что, не ставши романом, закончена повесть, где я нашел главное, ее нерв и основу, сумевши мудро пренебречь целой россыпью перспективных сюжетов. Что этот цельный и даже драгоценный эпизод не предполагает продолжения, недаром он для меня расположен где-то-там, почти в нетях, вне времени и географических пространств. Даже странно и кажется нелепым, что до моего потерянного или затерянного рая, где, глядишь, и вновь подхватываю сюжетную нить, оживлю во мне умирающую легенду, всего часа три лета. Но и приняв твердое решение, я тянул, волынил, откладывал путешествие. И всегда-то был на решенья скор, но медлителен в действии. Так и сейчас находил один за другим поводы для отсрочек. Даже пускался на уловки: ничтожные пустяки возводил в ранг серьезного дела. Какие у меня дела? Я уже давно так умело выстроил свою жизнь, чтоб существовать почти безо всяких обязанностей и обязательств. Вот на это ума хватило: не так уж оказалось трудно. Но тут есть и обратная сторона — в жизни общей я стал каким-то, понимаю, необязательным элементом, не даже мелкой ее шестереночкой, а именно, что неким излишеством. Тут выходит баш-на-баш: для меня в окружающей реальности копится лишнее, но и сам делаюсь для нее вовсе

Запись 11

не обязателен. Себя утешаю, что такой с виду неприменимый, притом, по-своему настырный, требовательный, не до конца разучившийся думать и чувствовать, излишек вроде меня, вполне возможно, необходим для некой мировой гармонии, равновесия каких-либо вселенских сил или могуществ (наверняка где-то вычитал). К своему путешествию я почему-то готовился тщательно, будто отправляюсь в тот мир, откуда уже нет возврата. Не для кого-то, не для жизни вообще, а для себя лично я сплетал в узелки мелкие сюжетцы моей жизни, иные из которых тянулись в прошлое каким-то неприглядным охвостом; откупался (привычно, деньгами) от мелких грешков, стараясь хоть как-то подредактировать небрежный черновик моего предшествующего бытования, сколь можно подчистить уж самые вопиющие помарки. Тут сказала моя уже привычка к литературе, хотя понимал, что жизнь менее поправима, чем безответственная писанина в блокнотике с золотым обрезом. Вот литература обнародованная еще неподатливей самой жизни, там уже не исправишь ни единого слова.

Какова причина такой моей основательной подготовки? Дело не в том, что любые путешествия сейчас опасны; не из-за мирового терроризма, хотя и об этом, честно говоря, задумывался. Я будто репетировал свой незаметный уход, тихий, безо всей этой пошлости, как траурные речи, фальшивящий похоронный оркестр, пафосная могила на престижном кладбище. На подходе старости кому не хочется порвать и так слабеющие связи со всем тебя окружающим, навсегда разделаться с диктатом обстоятельств? То есть именно чудным образом, живьем, во плоти, перенестись в иной мир, предполагаемо совершенный и завершённый, как истинная легенда. Я даже, вызвав нотариуса, оставил завещание. Трудное решение при моей нынешней мнительности, подобье смертного приговора. Но не хочу, чтоб в случае чего наследники устроили какое-нибудь гнусное судилище, сопровождаемое телешоу на потребу любопытной публике. Плевать мне на посмертную репутацию, но хоть уберегу

сыновей, которых вовсе не баловал вниманием, от греха стяжательства и напрасной нервозности. Пускай живут мирно, хоть изредка вспоминая папашу, им обеспечившего безбедную жизнь по меньшей мере на полстолетия. Но главное-то, что свою теперь чувствительную совесть так уберегу от очередной, наверняка лишней царапины. Теперь сижу в прямом смысле на чемодане. Довольно он оказался тощим. Наглядный пример, что нужное и потребное теперь скукожилось до вовсе мизерного количества. Но тем самым освободив пространство для потребностей нематериальных, чему не хватало места в моем прежнем мирке, загроможденном предметами. Я раньше гордился своим жилищем. Оно было не для престижа, без, упаси Бог, хамской роскоши. Но каждая вещь не просто так, а память о чем-то/ком-то родном или важном, а целиком оно будто на мне ловко сидело, как хорошо подогнанный по фигуре костюм или, скорей, как привычная, обношенная шуба, надежно спасающая от вселенского холода. Я редко приглашал гостей, кроме, разве что, давних свидетелей моей жизни. Во-первых, жилище мало соответствует моему с годами вышестованному образу, тем будто выбывая из общества, поскольку было слишком индивидуальным, не как у всех. А главное, из опасения, что пришелец там невольно что-нибудь да нарушит, перепутает тончайшую вязь, можно сказать, смысловых путей, которую лишь я сам умею почувствовать. А женщин, что я пытался там поселить, оно как выпихивало. Не прижилась ни единая: им делалось там неуютно, и вскоре они исчезали сами собой, без драматических разрывов. Так мое ревнивое жилище меня избавило от всех, кто мог бы стать близок, мне даровав разом постылое и благодатное одиночество. Наверно изо всего, что можно назвать материальным, оно мне наиболее дорого. То, что его покидаю, может быть, навсегда — моя, думаю, наибольшая жертва. Но ведь сбрасывает мудрый змий свою привычную, но уже ветхую шкуру. Хочу думать, что и мне это диктует долгожданная мудрость.

За вагонным окном мелькают перелески, слегка выцветшие в сравнении с прежним, долины, дивные, мною не позабытые взгорья. И городки, городки, увенчанные островерхими колокольнями. Тревожную грусть последних месяцев перебила новизна пространства, к чему я пока не утратил внимания. Да и вообще, теперь чувства как-то притихли, — после заоблачного прыжка в пару тысяч километров, началось будто замедление времени, что здесь готово вовсе упокоиться вечностью. Оттого и не раздражает медлительность поезда. Раньше я был нетерпелив, всегда предпочитал перелеты, их не боялся, даже любил: облачные айсберги под крылом мне навевали хрустальные по чистоте, подлинно небесные мысли. Но теперь, как мы знаем из газет, телевиденья, интернет-порталов, опасное время, авиация соблазнительная приманка для террористов. А к тому ж я поминал о своей всё растущей мнительности. К примеру, тревожил смуглый бородач в соседнем ряду немногочленного бизнес-класса, мне напомнимши мастера файер-шоу, таинственного соседа по горному хостелу. Впрочем, вряд ли он, уже говорил, что эти бородачи для меня все на одно лицо: видно, персонификация моей обычной с недавних пор настороженности. Казалось, он подмигнул, но, скорей, потому, что я его так настырно разглядывал, может, и оскорбительно для восточного человека, или, возможно, понял мои тревожные мысли. Заговорить с ним я, разумеется, не решился, да и не знал на каком языке. Он мигнул и еще раз, уже на земле, откровенно, чуть иронично (мол, ну что, пронесло на этот раз?), раньше, чем пропасть в толпе, когда я пил коньяк у барной стойки, чтоб смягчить и узаконить накатившее, как всегда, чувство странности, вызванное перескоком из одного пространства в другое, с уже иным законом и благодатью. А теперь я испытываю даже приятное чувство затерянности, почти признательность к равно-

душным иноземцам, беспечно и непонятно щебечущих на своем музыкальном языке. Для них я никто и ничто, без имени, гражданства и биографии, грехов и заслуг. Из-за этого чувствуешь и некоторую отстраненность от себя самого.

Всё, что и надо, для обновления жизни. О своей поездке я не предупредил испанца. И не затем, чтоб из каких-то соображений его застигнуть врасплох. Отчасти из вежливости: кто знает, может, я ему тут нестати? Но чтоб и себя не связывать никаким обязательством. Притом, уверен, что наша с ним встреча неизбежна, учитывая общую цель и предполагаемое сродство душ. (У меня-то нет сомнения, что ему пригожусь: не думаю, что он также четко, как подчас удаётся мне, слышит музыкальный рефрен где-то потерявшегося Французика). Не уведомил заранее и милую хозяйку гостинички для недаровитых творцов, где все же думаю остановится: зачем-то хотел проверить, помнит ли меня, или я был для нее очередным, самым рядовым постояльцем; по привычке хочется быть хоть сколько-нибудь заметной фигурой. Но в любом случае, надеюсь, она меня примет, как блудного сына. Даже будет рада нежданному гостю в глухую пору межсезонья...

Сижу на перронной лавочке. Сойдя с поезда, заметил на этой лавке мелкую книжицу. Сперва подумал, что мой тут некогда оставленный дневничок, который решил захватить с собой, но позабыл на перроне, возможно, по вовсе неслучайной случайности. Даже успел порадоваться. Думал, взбодрит мою память, всколыхнет по-зимнему вялое чувство. А главное, поможет свести концы с концами, прошлое с настоящим, связать порванную нить времен, изъяв лишнее. Но нет, это был справочник абонентов местной телефонной сети. Тоже, в конце концов, полезное приобретение.

Зябкое утро. Легкий туманчик смягчает краски, делая округу будто изображенной пастелью. Все тут кажется знакомым и незнакомым, зачем-то подправленным в сравнение с моей благодарной, хоть и слабеющей, памятью. Боялся разочарования — и его не чувствую. Ждал

очарования - и оно пока до конца не вернулось. Пытаюсь уловить запах цветущих роз, но, видно, для них несезон. Откуда б взяться зимой, даже здешней, мягкой, цветочному аромату? Сейчас обоняю лишь въедливую, привокзальную гарь, что мне всегда казалась вестницей разлуки. А взамен мелодий и колокольного звона слышу ритмичное чуханье идущих туда-сюда поездов. Но все-таки чувю, что местность не растеряла свое вдохновенье, в какой бы дали теперь ни прячется обманутой самой жизнью Французик. Пейзаж не утратил приветливости, своего жизнелюбия и мягкого юмора, который чуть затаился. Видится радушной долина, где кокетливые античные виллы неровной цепью протянулись до самого городка, который едва различим в тумане.

В гору иду пѣхом. Оба скучающих таксиста на привокзальном пяточке мне категорически отказали, о чем-то меж собой полопотав по-своему. Я неоднократно, как мог разборчиво, повторил название хостела, указав восходящим жестом на виднеющийся вдалеке холм. Один всякий раз мне отвечал «нонсо» или «нансо», безнадежно мотая головой. То есть, понимай, что об этой гостиничке слышит впервые. Другой твердил: «периколосо, периколосо». Это чуть искаженное слово из медицинского лексикона я понял бы даже, если б таксист не крутил предостерегающе пальцем перед моим лбом. В чем же она, эта опасность? Мне-то издали здешний край виделся целиком безопасным убежищем. Но ведь знаю, как могут исказиться покинутые пространства, быстро ветшать, словно обезлюдевший дом. Нужно быть готовым к любому подвоху: в пространствах, оставленных без присмотра, случалось, копится и яд. Там не стоит идти прежним шагом, обязательно споткнешься...

Сейчас, присев отдохнуть на придорожный камень, думаю: а может, это вновь мои лишние страхи и тревожные опасения? Тут ни что иное, как предусмотрительность опытного водителя: еще б не опасно машине на склизком, глини-

стом склоне; холм-то невелик, но с крутым серпантинном. Я и сам, поскользнувшись, едва не сверзился в пропасть (Немного преувеличиваю, но шлепнулся здорово, прямо лицом в грязь). Такая вот, вовсе не мистическая опасность, и яд, получается, не какой-то особый, а тут виной рутинная смена времен года. Тяжело, конечно, в мои лета переться в гору, да еще с багажом, благо, легким, но что делать? Зато утешеньем мне служит горный пейзаж, чуть погрузневший, но влажные долины внизу обрели какую-то новую, неожиданную для меня прелесть. Кустарник, давший название хостелу, из ярко-желтого теперь стал немного зеленоватым: прежде будто вопивший, он сделался элегичен. А церковки на горных отрогах теперь казались не грустны, но как бы задумчивы. Не поют колокола, но с горных пастбищ чуть доносится ветром нежное бляенье там пасущихся, с высоты, казалось, игрушечных барашков. Перестал моросить меленький дождик, чьим каплям будто не хватает тяжести, чтоб коснуться земли. На глазах рассеивается утренний туман, краски делаются настойчивей, плотней, но все ж остаются неяркими...

Вот уже другой камень. Меня будто сторожит, присев невдалеке, довольно крупная псина, — то ль это, мне знакомый, безвредный братец волк, то ль действительно опасный хищник; притом, знаю, что волки зимой не столь добродушны, как летом. Возжу ручкой по раскисшей от влаги бумажной странице, чтоб не растерять ни крупинки освеженных чувств и новых впечатлений от, казалось бы, прежнего. Тут валунов, на мое счастье, множество — едва ль ни все я успел пересчитать своей задницей. Последние годы подъемы и спуски мне даются все трудней. Не только физически, — раньше мне жизнь представлялась как-то глаже, а теперь чутко переживаю ее волнистый рельеф. Здесь благолепная картинка мне сулит излечение души, но не затянулся ли путь? Надеюсь, с него не сбился среди многочисленных развилок и хитросплетенья троп, где я и в тот раз плутал. Теперь стараюсь оживить свою моторную па-

мья, ориентируясь еще и по скалам, кустам, деревьям на изгибах тропинок. Но сколько ж тут кустарников, валунов, деревьев, видов, картин! Какое изобилие всего в этой местности, прежде обедненной моей памятью, почти низведенной в схему...

Запись 12

теперь ясное утро. Пищу не в хостеле, а в гостинице на задранной, как женский подол, окраине городка, уходящей в очередное предгорье. Внизу видны черепичные крыши, оштетинившиеся в небо мелкими дулами своих керамических труб. В комнате зябко — из отопления только допотопный электрокамин. Не думаю, что тут может найтись жилье получше. К тому ж это задрюканное жилище мне видится романтичным: стены — голая древняя кладка, два круглых запыленных оконца, не греющая каминная дыра, загаженная угольным сором; нависший свод с могучей изъеденной древооточками, но свежеекрашенной балкой, о которую два раза чуть не треснулась головой. Вчера усталый забрел в первый попавшийся отельчик, но рад, что там повстречал заплутавшее средневековье. С хозяином объяснился на пальцах: или он действительно в английском ни бэ, ни мэ, что странно для работника даже такого дремучего сервиса, или за чем-то хитрит. И вообще, мог быть полюбозней, притом, что в его гостиничной халупе я только единственный постоялец. Что мне в постель подложил матерчатую, антикварного вида грелку, была не любезность, а просто необходимость: иначе я, склонный к простудам, наверняка получил бы воспаление легких, а это как-никак ущерб для репутации его заведения.

В обнимку с грелкой, я выспался отменно на сыроватых простынях. Теперь испытываю светлое чувство новизны и, что ль, непричастности к быту, как у меня бывает в любом новом месте. Лишь мелким червячком подспудно гложет недоумение. Слегка зудят ноги после вчерашней про-

гулки, закончившейся благополучней, чем могла бы. Сплошные удачи: не свалился в пропасть, не загрыз волк, позабывши о прежнем братстве. Даже не заблудился: моторика не подвела, ноги сами нашли верную дорогу. В конце пути, мне казалось, что ориентируюсь по звуку: в ушах ритмично било бам-бам! Подумал, это бельгийский повар лупит в свой медный таз, созывая гостей к ужину или обеду. На самом деле, видно, кровь колотила в висках.

Дом я узнал мгновенно, несмотря на подступившие ранние сумерки. Ну, точно он самый, никак не мог ошибиться, коль его образ мне будто впилился в сетчатку и память. Безобманные приметы: знакомая терраска, где не раз бухал с польской художницей, возле нее - раскидистая бесплодная груша, чуть поодаль — сарайчик, в котором химичил мусульманский пиротехник; и закатное солнце торчало на горном пике, чей рельеф я знал наизусть. И к тому ж, в этот миг я впервые с прежних пор услышал звон ближней колокольни, чей звук с другим не перепутаю. Мне это почудилось благой вестью или долгожданным приветствием. Только вот странно — домик будто потерял прежний лоск, теперь выглядел не гламурным, поддельным пейзажином, а как всамделишный сельский труженик, урожденный крестьянин. Прежний хостел будто вернулся в свое фермерское состояние. Как и весь его антураж: в сарае бляели овцы, пропали все до одной цветочные клумбы под окнами, раньше зеленый лужок перед домом теперь был истоптан копытцами и загажен крепко пахнущим овечьим пометом. Я испытал чуть ни панику, как всегда бывает, когда обнаружу некий жизненный сбой, сулящий полное крушение смыслов, — говорил, что не слишком доверяю реальности, тем более видимости. Даже вспомнилась модный теперь фразеологизм: «когнитивный диссонанс». (Долго его не мог понять, пока не сообразил: то же самое, что сосед по камере в Лефортово, — да, и такое было, — называл «попасть в непонятное», как худшую из возможных для нас бед. Перевод с умного на блатной мне сразу все объяснил. И впрямь гнусное чувство, мне слишком

хорошо знакомое, — когда теряешь уверенность в чем бы то ни было, и вроде привычный мир вдруг делается опасен).

Но было одно здоровое предположение, способное утихомирить готовые взбунтоваться смыслы: может, хозяйка, прогорев на гостиничном бизнесе и администрировании творчества, решила заняться фермерством (или к нему вернуться: как-то говорила, что из крестьянской семьи). Я громко выкрикнул ее имя. На мой зов откликнулся простоватый приземистый мужик в потертом камуфляже, граблями у сарая собиравший в кучу палые листья, — его сперва не заметил. Затем едва ли ни в точь повторилась сцена с привокзальными водилами. Я повторял название хостела, имя хозяйки, припомнил, как звали бельгийского кулинара, на всякий случай назвал также испанца. И конечно, Французика, — с особым значением, раз пять по слогам, как сообщая пароль. В ответ — никакого отзыва, знакомое «нонсо»-«нансо» и лопотанье на своем языке, в его исполнении звучавшем уже не так музыкально. Сговорились они тут, что ли? Прежде-то я легко общался с местными будто поверх слов. А этот глядел на меня тупо, как баран, и упрямо мотал головой, как тоже деревенская скотина. Все-таки еще пару знакомых слов я расслышал. Во-первых, международное — «кризис», что могло подтвердить мою догадку о крушении в этих краях туристического бизнеса и так-то неразвитого. Во-вторых, снова шоферское, «периколосо». Оно прозвучало, когда я, уже махнув на него рукой, отправлялся в обратный путь.

Тут вовсе не буколического вида крестьянин вдруг проявил ко мне деликатное благорасположение. Твердя с разными, даже артистичными, интонациями свое «периколосо», он, прихватив электрический фонарик, меня проводил до самой подошвы горы, где начиналось, хоть экономно, все ж освещенное, шоссе. Если б не его благородство, мой обратный путь в уже наступившей беззвездной темени мог бы дурно кончиться.

Опровержение моей конспирологии, теории заговора непонимания? Слишком предупредителен

для заговорщика? Но, видимо, такая любезность к иностранцу не признак симпатии, а норма для этого патриархального мирка, застрявшего в межвременье. Когда я, прощаясь, попытался сунуть фермеру приличную для здешних мест купюру, он ее мне вернул презрительным жестом. С моей стороны это было, наверное, хамство... Распрощавшись с непонятливым, но любезным селянином, неожиданно бормотнувшем по-французски: «бон нюн» (может, слышалось?), я остался один, целиком угодивши в «непонятное». Заблудиться теперь не мог: уныло мерцавшее желтизной шоссе, знал, упирается прямо в городские ворота. Стих ветер, довольно резвый в горах, наступила какая-то сонная тишь, задремали черневшие вдоль шоссе деревья. Казалось, вернулся мой давний, не то чтобы страшный, но тоскливый, будто безвыходный, сон: когда-то нередко снилась мутно мерцавшая дорога, идущая незнамо куда. (Кстати, сон из рода блуждающих: друзья признавались, что им он тоже знаком. Его б наверняка разгадал любой психоаналитик, но я их побаиваюсь). Однако теперь я чувствовал, не лишь тоску и растерянность, но испытывал чувство увлекательного и судьбоносного, приключения. Именно такими вот патетичными, пафосными словами я сам для себя определил это чувство, нисколько их не устыдившись.

По пути завернул в придорожную корчму, где раньше бывал много раз, чтобы, как привык, с помощью алкоголя приручить нахлынувшую фантазмагорию. И там все узнаваемо, — даже в трепетном свете вонючих огарков, заткнутых в граненые стаканчики (понятно, что берегут электричество). И уж тем более был знаком сивушный привкус здешнего дрянного виски. Этот самогон я б дома и в рот не взял, но помогло: всего две рюмашаки — и мир стал умеренно фантастичен, не жесток и сух, как обычно, а словно чуть влажен, будто глина, предназначенная к лепке...

Стук в дверь. Наверняка хозяин или горничная, кто б еще? Пугливо прячу в стол перо

и блокнотик. Думаю, не только в наших краях, но и повсеместно простолюдины недоверчиво относятся к людям скребущим бумагу. Их можно понять: редко ведь пишут роман, повесть, поэму или, как я, дневник. Чаше донос, клевету, жалобу, пасквиль. Еще не хватало, чтоб меня тут приняли за журналиста. И было б смешно если за какого-нибудь налогового инспектора, то есть, ревизора. Это уже просто литературщина.

Запись 13

Опять неожиданная любезность: не горничная, а хозяин лично принес мне завтрак, хотя и не щедрый — мутная бурда вместо кофе, почти без кофеина, и два сырных тостика. Любезность?.. Он как-то блудливо пробежал глазами по всей комнате. Не слежка ли? Да нет, тут скорей любопытство. Интересно ведь, что понадобилось иностранцу в этом выпавшем из истории городке, да еще в несезон. С ним-то я уже ни гу-гу о Французике, хостеле, испанском Дон Кихоте. Боюсь услышать в ответ уже раздражавшее «нансо». Убедился, что с местными я теперь разделен глухой, хоть и прозрачной, стеной взаимопонимания. Они для меня словно в аквариуме, и так же немые, как рыбы. Уже писал о своих, что ль, невразумительных отношениях с миром. Всегда чувствовал, что недопонят людьми, и они мною тоже, — но не до такой же взаимной глухоты.

Что-то выяснить я пытался и в придорожном кабачке. Помню, как со мной был некогда приветлив его владелец: встречал смешной гримаской, выражавшей преувеличенное дружелюбие. Теперь вместо него там хозяйничала усатая, чуть лупоглазая, матрона. А кормежка была прежней — их традиционный голубиный паштет, разумеется, для меня неприемлемый, и, так называемая, паста с салатом: осклизлые вчерашние макароны, покапанные кетчупом и действительно, украшенные двумя салатными листиками, — с голодухи еще не то слопаешь, а я с раннего утра ничего не ел. В ответ на мои

«тел ми плиз» следовали целые арии, (неряшливая толстуха оказалась весьма музыкальна, как, впрочем, и все тут). Вопрос о доброжелательном хозяине она, кажется, поняла, ответив роскошным соло, где мне почудилось наиболее медицинское из всех медицинских слов: «мори». Но, когда, я печально скривился, изображая сочувствие, матрона хмыкнула и беспечно махнула рукой. Вот и пойми: то ль она не вдова, а, напротив, удачливая наследница, то ль здесь фатализм и доверие к смерти, свойственные глубоко религиозному обществу, то ль я все-таки ослышался. Надеюсь, что последнее: под вечер у меня в ушах, наверно, от усталости, буйствовал целый оркестр со скрипкой, духовыми, ударными, флейтой, клавесином, клавирами, даже с органом и колокольным боем. Иногда вторгался также и торопливый рецитатив на всех известных мне языках, — неизвестных тоже. Так что было вовсе немудрено ослышаться.

Сейчас сижу, закутавшись в одеяло. Электрокамин почти не греет, да еще опасно искрит. И все ж настроение почти бодрое. Уже день, снаружи доносятся голоса и шарканье подошв о трехтысячелетнюю брусчатку. Но пока не иссякло утреннее, просветленное, чувство новизны. Вчера я испытал едва ли ни панику. Даже, признаюсь, такое чувство, что всевластный демон-иллюзионист одержал надо мной полную победу — подменил мою память, одну реальность другой, вовсе отменив здравый смысл. Как написал, даже звучанья в ушах казались мне ложными. Мелькнула жуткая мысль, где отозвалось мое всегдашнее недоверие к жизни, что я тут впервые — не было ни Французика, ни отельчика с его милой хозяйкой, как заодно и второстепенных персонажей, даже и дневничка, оставленного на железнодорожном перроне. Ни одного ведь доказательства, что всё это было в действительности. Было-то было, но в какой именно? Может, всего только сон? Не случайно ведь хотел назвать свои прежние записи «Сном о Французике», а потом их назвал «Мечтой».

Запись 14

Или другое: не мой ли тут вымысел — сочиненье дилетанта, себя возомнившего писателем? Но тогда, выходит, что я и сейчас пребываю на выдуманной, но не продуманной до конца, территории, то есть в плену собственного же вымысла, которому я теперь не хозяин. С другой стороны, он, конечно, не на пустом месте: иначе, как бы я ориентировался в здешней топографии? Короче говоря, выстраивалась предлинная цепочка утомительных для ума парадоксов, будто навеянных демоном-путаником, отцом всех когнитивных диссонансов.

Вчера мне опять пришло на ум словечко «предательство» и в голове устроило целый переполох, — теперь уже применительно к себе: типа, реальность в очередной раз предала меня (всегда ее подозреваю в недобросовестности, а теперь могу заподозрить также измену памяти). Но утром паника сама собой приутихла. Виденья жизни теперь кажутся довольно-таки надежными. От вечерней паники остался лишь исподволь гложащий червячок недоумения. Кажется так его назвал? Ну да, почти так — пятью страничками раньше (см. начало записи № 12). Если взглянуть на ситуацию здраво, что ж тут особенного? Ну, допустим, пансиончик обанкротился (интернациональное: «кризис»), и девушка была вынуждена его продать с помощью моего знакомого — уныло-суетливого нотариуса, который по виду вылитый похоронный агент. Фермер вполне мог и не знать имя прежней хозяйки. Более странно, что ни селянин, ни музыкальная толстуха будто не ведают о Французике. Но, может, оба они пришлые, пока не в курсе здешних легенд, сплетен и пересудов? Да сами легенды, разве ж они вечны? Они смертны, а могут впасть в летаргию, задремать на века, и потом очнуться. Может, Французик уже отошел в прошлое, затерялся среди избыточных времен здешней лингвистики, — иль даже вневсяких. Или, скажем, так затаиться в своей пустыни, что теперь невиден, неслышен, неосязаем — отсюда не доносится ни его проповедь, ни его гимн жизни, где смерть он назвал сестрой, ни ему сопутствовавший аромат диких роз.

В конце концов, мало кому удастся быть вечной сенсацией, даже местного масштаба. Времена, бывает, что меняются круто, появляются новые пророки, чудаки, юродивые.

Такую примерно картину, даже складную, мне диктует здравомыслие, хотя она и не без прорех. Картинка-то, конечно, не полная. Мне все же повсюду чудятся недомолвки, сокрытые тайны или, возможно, секрета (правда, не исключая и собственную мнительность, коль мои вчерашние беседы напоминали диалоги глухонемых; я разучился понимать и язык жестов, которыми здесь принято сопровождать свою каждую фразу). Но главное, на этой немного выцветшей земле, которая меня совсем не разочаровала своей нынешней, чуть суровой, прелестью, я, как и раньше, безошибочно чую дыхание вечности, а не, как везде — оскуделое безвременье. Слегка увяла без присмотра родина моего духа, но, вопреки всему, узнаю свой чуть поблекший Эдем, где было мне когда-то счастье (даже не припомню, когда именно — тому полгода, год, а, может, век или тысячелетие), и, надеюсь, еще будет. Нова для меня реальность? Ну, так обживусь и в ней, как во многих пришлось обжиться. Пршлую-то мне жалеть нечего, легко ее пожертвую бесу-путанику...

Старинный дом полон звуков и шорохов, впрочем, уютных. Кажется, где-то скребутся, попискивают мыши, шелестят тараканы; заунывно поет сверчок. Так же уютно припахивает древесной гнилью. Из кухни доносится перебранка хозяина с его прислугой за всё. А может, и не перебранка: беседа местных между собой так всегда экспрессивна, что напоминает ссору; со мною же, иноземцем, говорят негромко и мелодично. Чувствую, мне пора бы уже прогуляться, — как убедился, зимой тут рано темнеет. Вдохну зимней влаги вместо многовековой гостиничной затхлости. Глядишь, и вновь подхвачу мелодию Французика, шагая знакомыми улочками. Да и пора заканчивать тринадцатую запись, я все-таки, признаться, суеверен по мелочам.

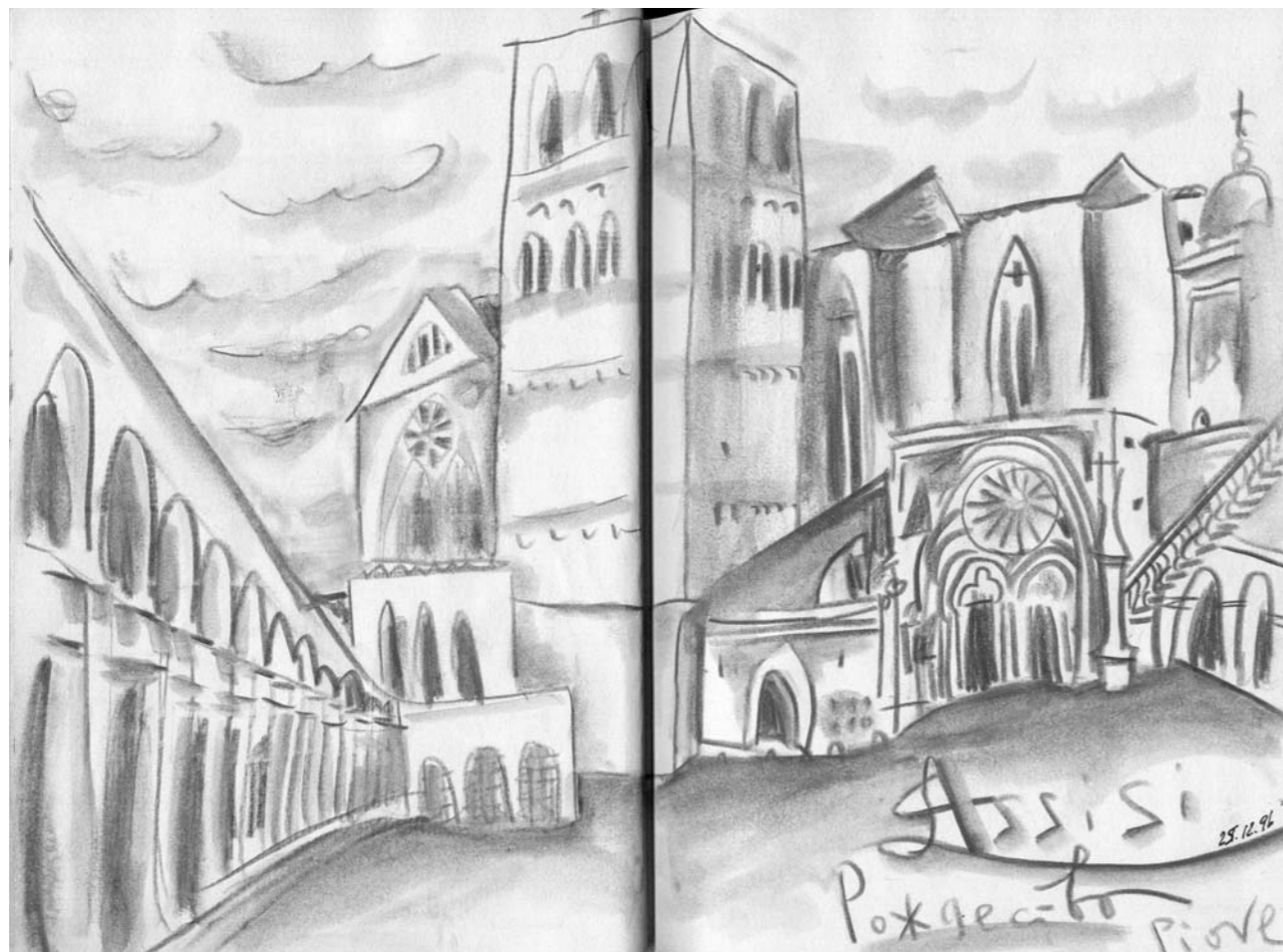
Теперь в комнате жарко. В честь единственного постояльца хозяин разжег камин. Видно, компенсация за скудное питание и отсутствие элементарных удобств, которые даже стыдно именовать такой брезгливой, довольно чувствительной личности, вроде меня. Впрямь настоящее средневековье — камин, пара свечей в медных канделябрах. Не исключено, что тут берегут электричество. Бойко шелкают полешки, могучая балка потеет каплями влаги. Притих сверчок, таракан на стене будто замер в недоумении, слегка шевеля усиками. За окном темень, город уже стал невиден с моего предгорья. Лишь одна куцая звездочка зажглась на верхушке собора. Теперь мне б чувствовать боль, отчаянье, досаду, но взамен — самому непонятное умиротворение.

Уже часа два, как я вернулся с прогулки. Городок, и прежде немногочисленный, сейчас словно вымер — то ль пронеслось чумное поветрие, то ль он вновь ожидает нашествия варваров. Редкие прохожие меня провожали подозрительным взглядом, а иные просто шарахались. Старинный город, мне предстал еще больше покоцанный временем, чем это виделось раньше. И без того хилая туристическая инфраструктура рухнула до конца: оказались закрыты сувенирные лавочки, трактирчики, пивные; были заперты и городские часовни. Ослепли дома, теперь отгородившись от бесприютной улицы глухими ставнями из почерневшего за века, подплесневевшего дерева. Что ж тут необычного? Ясное дело: несезон так несезон. Но мне-то издалека здешний край казался страной вечного лета. Себя утешал, что реальность куда как богаче любых наших фантазий и ее возможности необъятны. Впрочем, так и есть.

К тому ж город будто осип: вместо путеводных мелодий (может, здесь виноват не город, а изменился я сам, с ним потеряв единую тональность) мне слышался какой-то навязчивый

шелест. Непонятно, откуда шел звук. Казалось, что отовсюду: шелестели кровли домов, городские стены, храмы и часовенки, сама уложенная, наверняка еще этрусками, булыжная мостовая. Думаю, ветер тут приобрел этот шелестящий звук, хоть и не музыкальный, но, в общем-то, в духе здешней потрепанной романтики. Был уверен, что знаю городок наизусть, улицы — наперечет. Сразу нашел центральную площадь; там теперь смотрелся еще угрюмой отсыревший бюст борца за национальную независимость. Оттуда, помню, всего-то пару сотен шагов до назначенного к продаже особнячка, где мог родиться или родился Французик. До сих пор не могу понять, как сумел заплутаться в немногочисленных улочках городского центра, который весь-то — с пяточок. Осипший город меня будто сам путал, каждый переулочек норвил бесцельно упереться в городскую стену, — прежде не замечал, что здесь сплошные тупики. И, как назло, никого прохожих, чтоб узнать дорогу. Надо сказать, дом Французика отличался от всех других лишь только медной табличкой «Охраняется городской общиной», да еще резной дверью с порхающими детскими: амурчиками? ангелами? Резных дверей с подобным же орнаментом оказалось в городке немало, - я просто не обращал внимания, - а вот памятной таблички не обнаружил теперь ни единой.

Оркестр в моей голове вновь заиграл, перекрывая звуком городской шелест, но теперь обеднел инструментами: ни органа, ни клавишины, ни колокольного боя, зато прибавилась свирель. Среди обновленного попури я искал лейтмотив Французика, хотя б разорванный и в другой тональности. Подчас мне казалось, его уловил, но тот ускользал в ему чужие звучанья. Вот тебе и путеводная нить! Но я все ж отыскал нужный мне переулочек. Дом был одним из многих, в два этажа, с ангелическо-цветочным орнаментом и уже без охранной таблички, но я узнал деревянную сараюшку рядом, видно, единственную в городе, — мне, по крайней мере, такие больше не попадались. Дом Французика, назначенный к продаже, был теперь, наверное, продан. Тогда

© Рисунок Валерия Сировского

все понятно: к чему новым хозяевам мемориальная табличка, лишь привлекающая праздное любопытство? Все-таки жаль, что его тогда не купил из какой-то, душевной робости. Даже трудно объяснить, чего именно я робел. Слишком, что ль, ко многому обязывает, если б я поселился в самой, можно сказать, сердцевине легенды. Вовсе другой масштаб жизни, несоответственный моей посредственности. Но я мог бы себя считать временным владельцем (вспомнил юридическую уловку церковников), хранящим это жилье до прихода истинного - бывшего, будущего или только возможного. И тогда б дом Французика уж точно не попал в неизвестно чьи, но, судя по всему, равнодушные руки. Замкнутый ставням, как и другие, дом выглядел неприступно. Мне и в голову не пришло постучать в дверь, о чем-то расспросить его новых хозяев. Но громко пропел: «Французик, Фран-

цузик», тем пытаясь привлечь внимание прежде словоохотливых соседей. Тшь в соседнем домике, который теперь мне показался нежилым. Наудачу дернул дверь сарая, та оказалась незапертой. Лучше б этого не делал. Бывший аккуратно выбеленный декоративный хлев, с кем-то заботливо уложенными сеном яслями, будто готовыми принять младенца, иль еще хранящим младенческое тепло, был теперь осквернен и опоганен. Загажен в самом прямом смысле. Раньше пропахший сеном, свежей древесной стружкой напополам с цветочным благоуханием, он теперь смердел экскрементами. Тут я слишком элегантно выразился: попросту говном воняло. Видно, при отсутствии в городе публичных сортиров, что я и в тот раз отметил, сарай использовали по этому назначению. Были злобно изрублены в щепу переборки меж стойлами. и хуже всего, казалось, безвозвратно погибла древняя фре-

ска, которая тогда сохраняла выразительные людские абрисы. Сейчас на ней не только было не угадать женственного светлого пятнышка, что я, может, и выдумал, но и от благоговейной фигурки в ее нижнем углу остался лишь контур ее руки в непонятном жесте: творящем крестное знамень? благословляющем? себя защищающем от какой-то напасти?

Не иначе как обычное для этих мест нашествие варваров, чему свидетельство — поруганные стены с выскобленными надписями на варварских языках. Там раньше были еще и черно-белые снимки. Сейчас разглядываю подобранный на полу фотографический обрывок с отпечатком ребристой подошвы: собственно, от изображения там ничего не осталось, один только глаз, глядящий на мир с укором. Когда я уже уходил, из соседнего домика, казавшегося нежилым, донесся тихий звук. Мне послышалось нечто вроде «оралонтано». Слово непонятное, видно, не имеющее отношение к медицине. Когда я с вопросительной интонацией его назвал моему хозяину, тот, махнув рукой вдаль, меня удивил, впервые обнаружив знакомство с пиджином: «хи нав фарвей», — перевел он значение. Сразу ведь я почувствовал, что этот парень себе на уме, со мной хитрит или, по крайней мере, не до конца искренен.

Ну, и что мне теперь делать? Страдать за обгаженную легенду? Рвать на голове остатки волос? Воскликать на латыни «о, темпора!» или по-нашенски «во, дожили!»? Насчет людского несовершенства я давно уже в курсе. Знаю, что люди способны на еще куда большую гнусь. Сам наблюдал, как в эпоху перемен, то есть вольного этического творчества (совсем, как о том мечтают продвинутые умы: см. запись №8), не только дворовые шпанята, но и почтенные завлабы, прежние друзья, с которыми в годы безвременья на кухнях «брался за руки», становились не только циничным ворьем, но подчас и убийцами. Да и сам-то я был хорош, хотя что-то мешало совсем отпустить вожжи, бесшабашно пуститься во все тяжкие. Тут сказались, наверно, воспитание и молитвы моей набожной бабушки. Крови

на мне нет; разве что замарался, не раз пожимая уже ставшие преступными руки, — причем, не поморщившись. Мне ль теперь кого-либо судить? Да и сам же я пророчил Французика подобную диалектику. Только не ожидал, что она мне предстанет в такой откровенной мерзости. Оскорблен ли этим скромный Французик, уж точно не способный никого осудить и не чувравшийся физической грязью? Мне только сейчас, именно в эту секунду, припомнилась та легенда о нем, которую мой испанец назвал главной, проникновеннейшей. Французик мечтал, что монастырский сторож его, как надоедливое бродягу, прогонит с бранью от ворот, от тепла и уюта, в студеную зимнюю ночь, — тогда ему и будет совершенная радость. Сарайчик, где он родился иль приуроченный для его рождения, подвергся подобному же поруганию. Ну, так и буду верить, что Французик, наблюдая жизнь из своего нынешнего далека, теперь испытывает совершенную радость... На том и закончу. Уже клонит ко сну, и окончательно смерклась последняя, едва мерцавшая, звездочка на самой верхушке собора.

Запись 15

Новое утро. В комнате опять прохладно, догорел камин, уголья подернулись пеплом. Слегка поросли быльем и мои воспоминанья о вчерашнем дне. Теперь у меня чувство, что пережил не трагедию, даже не драму, а приобрел полезный жизненный опыт с философским подтекстом. Сижу в шатком креслице, внимательно, даже с недоверием, разглядывая свои руки, ноги, раздавшийся в последнее время живот. Зеркала в номере нет, но, может, и к лучшему здесь отсутствие лживого стекла, где таится наша личина, всегда готовая предстать к нашим услугам. Испытываю очередную волну отчуждения от себя самого, когда выражение «сам не свой» звучит в прямом смысле. Но теперь отчуждение особого рода. Кажется, что я очутился в литературе. Слышал много раз, что писатель-

ство роковое занятие, но это считал мистификацией, приписывал гордыне состоявшихся, а чаще, не состоявшихся творцов. Ныне же почувствовал, что литература даже третьестепенная, вроде моей, обладает волшебными свойствами. Знал бы, не связывался с дневником, а теперь от него не отвязешься, ибо мы с ним проросли один в другого: как он без меня немислим, так и я без него лишь неполноценный человеческий ошметок.

Уже сам теперь не разберусь, где жизнь, где литература. Время жизни упрямей и настойчивей, не столь богато виртуалами и не путает глагольные времена. Может быть, став сочинителем, я подменил свою жизнь повестью о Французике, навеянной меня пленившей легендой? Это к тому ж интуитивная психогигиена: стремление заменить неприглядное чем-то возвышенным. Дневник мой довольно честен, но там все-таки много мелких отличий от жизни — замен того на это, произвольных изъятий. Иногда тут причина в литературной беспомощности, но чаще — подспудная хитрость. В результате, себя теперь чувствую, что ль, в параллельном мире — персонажем мною же сочиненной повести и, может, романа (недосуг разбираться в литературных жанрах), вдруг потерявшего сюжетную нить. Это чувство настолько сильное, что теперь себя разглядываю по частям, чтоб до конца убедиться в своем телесном существовании. Ну, допустим, я персонаж, но ведь одновременно и автор. Значит, хватит творческого усилия, чтобы повернуть сюжет в нужную мне сторону? Но здесь требуется вовсе другая творческая мощь и, конечно, твердое понятие, какая из сторон нужна. Неумелый автор всегда подчинен инерции стиля, во власти неких тайных завязок письма, — короче говоря, ему не под силу его победить, письмо целиком над ним властвует. С рождавшимся текстом так же трудно сладить, как себе придумать другую судьбу взамен предначертанной.

Просмотрел последний абзац. Какой-то сумбур мысли, но со здравым зерном. Пожалуй, только одно серьезное противоречие. Да, сей-

час признаю, что литература воистину роковое занятие, как и ее герой, будь он даже одновременно и автором, ведом неотвратимым роком, его влекущем к гибели, но и над любой человеческой жизнью разве не довлеет гибельный рок? Ведь сам я глумился над профессиональными мудрецами за их упорное нежелание признать человеческую трагедию. Но, сделавшись писакой, я убедился, что литература еще магичней музыки. Слов-то поболее, чем нот, и правила их сочетанье не так строги, пусть даже мы сплошь пользуемся чужой мыслью и ступаем уже кем-то проторенными путями, но все ж и самим доступно проторить какую-нибудь, хотя б узенькую, тропку среди плодотворного бездорожья нашего великого, могучего, а главное, свободного.

Листаю прихваченный на перроне телефонный справочник. Среди здешних пяти-шести гостиниц не нашел названия горного хостела. Предположим, он был нелегальным или, сменив профиль, теперь изъят из абонентского справочника. Проглядываю список частных абонентов. Я не полубопытствовал узнать ни фамилию хозяйки, ни тем более повара, а имя у нее тут, наверно, самое ходовое. Сплошные тезки: восемьдесят четыре женщины с тем же именем. А, вот и еще две! Всех обзвонить? Но, но учитывая здешние консервативные нравы, прилично ли будет тревожить наверняка почтенных дам иль благонравных девиц, да и на каком языке к ним обращусь? Валлонский повар носил французское имя, но и у него нашлось целых четыре тезки. Тут обзвонил бы сразу всех абонентов, — благо их немного — если б сознательно не отказался от нынешних, слишком прятких, средств связи, оставив дома опостылевший мобильник: уместен ли он в Эдеме? О боже, а это что такое?.. Мистика?.. Галлюцинация?.. Скорей, надеюсь, крутой поворот своевольного, вырвавшегося из-под моей власти, сюжета. На самой последней странице, большими буквами значилось: Французик. Именно так - безо всякой фамилии, просто «Французик» и вокруг него аляповатая виньетка. Что ль, ему позвонить, атакуя в лоб ускользав-

шую тайну? Признаться, к этому не готов, тут надо еще подумать, собраться с духом, решиться. А то сюжет, который теперь будто поперхнулся, рванув с места, неведомо куда заведет. Отсутствие под рукой телефона как раз нужная отсрочка. Думаю, гостиница, словно медлившая в Средневековье, все-таки не лишена телефонной связи, но я видел в окно, как рано утром наш хозяин покатила незнамо куда на своем убитом армейском джипе, а горничная всегда приходит не раньше полудня.

Ладонью протер запотевшее стекло. В углу окна виднеется горный склон, покрытый изморозью, сделались белесыми городские черепичные кровли. Эта местность, такая нежная летом, теперь вся как будто зазеленела, но под ледяной коркой, в отличие от мною покинутой городской окраины, мне чудится биенье не уничтоженной до конца, но притаившейся жизни. Опять разгулялись в опустелом доме звучанья и шорохи, здесь шелепящий ветер сквозит из-под разохнувшейся двери. Жду прилива творческих сил, чтоб наконец двинуть сюжет, который мне будто подмигивает, манит в различные стороны. Где-то читал, что художник, обязан уметь выдерживать паузу, снести ее. То есть, выходит, умение смолчать необходимая принадлежность любого таланта. А если пауза длинной во всю жизнь, что это значит — переизбыток или недостаток таланта? Но я в любом случае тут ни при чем. Допустим, талант невозможен без пауз, но вполне возможны паузы без таланта. Оттого они не меньше мучительны. Особенно для меня. Здесь требуется терпение, а я, увы, напрочь лишен этой христианской добродетели. Уже, по-моему, написал, что плохо умею проживать время.

В опустелом городе за окном вдруг родился новый звук, не похожий на зуденье осипшего ветра. Станный и ритмичный, он, что ль, напоминал общую молитву иль какое-то славословие. Заинтригованный, я попытался открыть окно, затем другое. Не удалось: скорей всего, заколочены неприметными гвоздиками. Но ритмичный звук приближался. Из-за угла, откуда-то из пред-

горья, показалась торжественная процессия. Именно что торжественная, едва ли не торжествующая. Несмотря на холод, все были одеты в грубоматерчатые балахоны, подобные тому, что носил Французик. Он словно размножился: вместо одного теперь небольшая толпа. И все ж один главенствовал: на подставке, носилках, постаменте - не знаю уж как назвать - над толпой возвышался мной, было, потерянный, скромнейший пророк. Но не живьем, а кукла, да, раскрашенная кукла то ль из папье-маше, то ль гипсовая. Короче говоря, тут главенствовал его муляж, в точь похожий на восковую персону, что я когда-то видел в музее. Как и там, в нем все ж оставалось тепло. Со своего постаamenta он глядел чуть растерянно, смущенно улыбаясь, равнодушный к любым славословиям. И это, что ли, морок? Или некая заманка сюжета? Тогда было б расточительно упустить его. Себе никогда не прощу, коль это шествие так и пройдет мимо. Отложив блокнот, сейчас помчусь на улицу, чтобы всё увидеть вблизи. А глядишь, увлеченный сюжетом, и присоединюсь к толпе, подхватив заунывное пенье.

Запись 16

Вечерет. Сижку перед допотопным компьютером, медлительным, как бронтозавр.

В гостинице нашелся не только телефон, но и вот это чудовище с монитором во весь стол, предоставленное в мое распоряжение. А процессия? Заманчивый сюжет ускользнул. Она будто растворилась в воздухе вместе со своим торжественным речитативом. Казалось, одна минута, чтоб мне надеть свитер и зашнуровать ботинки, но улица оказалась уже пуста. Свернули за угол? Я выглянул за все четыре угла по краям маленькой площади, но были пустыни и окрестные улицы. А пафосный напев теперь смешался с городскими звуками до почти полной неразличимости. Ну, и что дальше - догонять, бежать вслед галопом в своем тонком свитерке, рискуя воспалением легких? Хоть знать бы в ка-

кую сторону, но главное, быть бы уверенным, что это не обман зрения и слуха, не какая-то подозрительная, малодостовверная помесь литературы с жизнью. Но теперь всё почти разъяснилось. Когда я хозяину пальцами изобразил шествие, а также воспроизвел, как вышло, торжествующее песнопенье, он, кивнув, произнес: «ла феста ануале», что мой электронный мастодонт перевел как «ежегодный праздник». Выходит, это празднество в честь Французика, хотя и совсем малолюдное, в отличие от шахматной битвы за независимость, что я наблюдал с горы. Можно понять: зима — не лето. Кому охота бродить по городу в продуваемых ветром накидухах из мешковины и сандалиях на босу ногу? Но я вдруг заподозрил, что это чисто формальное торжество, не от души, а, так сказать, протокольное, чествование приметного земляка в городе, которому особо нечем похвастаться. Иначе позволил бы муниципалитет так загадить мемориальный сарайчик? Если Французик лишь только грядет, не уверен, что здесь уповают на его рождение, которое наконец выпихнет городок из дремотного Средневековья, его отдав на распыл шалеющей современности. Остаток дня я провел без видимой пользы, но не бесцельно. Не стал тревожить девиц и домохозяек, но возможному кулинару позвонил по всем четырем номерам. Один не ответил вовсе. По другому, после того, как я назвал свое имя и пропел мелодичное название хостела, мужской голос ответил кратко: что-то бр-пр, и сразу гудки, — кажется, меня попросту послали, наверно, приняв за шутника. Женский голос по третьему был чуть ласковей, но сообщил на ломаном англише, что абонент отсутствует, а я постеснялся спросить, вышел ли он на минуту за хлебом, с ней расстался навек иль вообще — кто знает? — пропал без вести. Интересней других оказался четвертый номер. Там работал автоответчик, который после гудка хрипло залопотал, мне показалось, те самые напевные строки то ль Брессанса, то ль неведомого провансальского трубадура, что валлон нам вдохновенно декламировал на вечерующем горном склоне,

в ту пору, когда я тут был счастлив. Значит, все-таки оставалась надежда. Потом, отважившись, я набрал телефон Французика. Мне ответила секретарша, так и представилась. От растерянности я брякнул впрямую: «Синьорита, могу ли поговорить?..» Девушка, хихикнув, ответила на вполне сносном английском, но мне хорошо знакомое: «He is faraway now» и добавила: «And now there is nobody here». Затем пояснила на местном: «ла феста ануале». Тут уже я сам повесил трубку. Ясно, что какая-нибудь контора вроде фестивального оргкомитета или Общества друзей Французика. То есть одна из проклинаемых мной и наверняка чуждых ему институций, норовящих извратить любой порыв чистосердечия. Пыльный запах бюрократии мне еще гаже, чем откровенная вонь экскрементов. И правильно, что я не помчался вслед не живому, а восковому иль гипсовому Французику. Сейчас терзаю древний комп, или, скорей, он терзает меня. Чудит всюю, показывает свой маразматический норов, как, помню, мой зажившийся на свете, девяностолетний прадедушка. Сперва глянул свою почту. Испанец молчит, будто стинувший среди теперь посуровевших здешних долин. Но вот хокку от плодovitой японки: «Ты теперь далеко:/ Теперь для меня/ Только слух и предание». Между прочим, и она употребила это навязчивое «faraway». Ее стишки удивительным образом всегда впадают. Вряд ли тут мистическая связь, скорей одинаковый настрой души. Надо б наконец ей как-то ответить. Но имеет смысл тоже поэтически, а к стихам я бездарен, наверно, в силу генетики. Попытался сложить хокку, но меня не хватило даже на эти три строчки. Хотя столь компактный жанр, не исключу, наиболее труден. Электронный бронтозавр хамит и глючит. Пытаюсь найти сайт горного хостела, а он мне взамен подсовывает рекламу прокладок, памперсов и даже интим-услуг. Внутренняя разлаженность его делает словно одушевленным. Однако, что на прежнем сайте горной гостинички теперь находилась реклама праздничных фейерверков, шутих, бенгальских огней и других огненных

игрищ, это наверняка не ехидство этой машинки, а некий подвох самой жизни, ее ирония или, может быть, какая-то подсказка. А возможно, просто одна из бойких рифм существования, которые наверняка не стоит переоценивать. Когда ж я задал в гугле поиск Французика, ветеран научно-технического прогресса охнул, крикнул, всхлипнул, и его экран безнадежно угас. Ну и черт с ним! Уже писал, — кажется, и многократно, — что не доверяю современной технике. Ждет неприятный разговор с хозяином. Откупиться недорого: пускай себе купит что-нибудь поновее. Но возможно, этот склеротический прадедушка ему дорог, как память. Можно было б сказать, что сегодня день сплошных неудач. Но не отсек ли он тушиковые сюжеты? И вообще, коль отыскиваешь общий смысл бытия, иль, скажем, его краугольные закономерности, нелепо уповать на удачу, какой-то счастливый случай. Опять гордыня! Уж больно я высоко взлетел на своих бумажных крыльях. Общий смысл? Похоже, я растерял даже и частные. Себе кажусь, если не Дон Кихотом, то хотя б Санчо Пансой, а на недобрый взгляд со стороны могу видетсь затравленным зверьком, в любом шорохе готовым почуять угрозу или надежду. Но и это будет неверно. Я сюда возвратился, чтоб себе возвратить то ясное чувство, в свете которого даже совсем непонятное делается понятней. Уповал на благодать, которая дается даром, но ведь вольна — кому преподносится, кому нет. И конечно, нельзя ее поторапливать, требуется терпенье, коего у меня очень малый запас. Я уже испытал здесь разочарования, но взамен прежнего унынья теперь чувствую бодрость. Как не обгаживай его память, дух Французика тут все ж доносится из его «фаруэй». Притихший город за окном вдруг оживился. Взлетевшая ввысь ракета подкрасила мою тень сиреневым. Поднялась невысоко, и, будто поколебавшись в небе, начала падать вниз, оставив дымный след. Лениво рассыпалась небогатая шутиха. Ах да, сегодня же праздник. Но какой-то вялый. Ничего общего с роскошной файершоу, которое на прощанье мне закатил наш му-

сульманин. Жизнь рифмуется, но тут не рифма, а приблизительное созвучие. Как это у меня часто бывает.

Запись 17

Весь день шлялся по городу. Теперь его жители мне показались приветливей. Сегодня лучше погода, день солнечный. Может, вот и причина: это традиционное общество, живущее природными циклами, не меньше меня отзывчиво к метеорологии. А возможно, я здесь уже пообвыкся, с меня хотя б отчасти сошел их раздражающий иноземный налет. Раньше слепой, город частично прозрел: некоторые дома теперь распахнули ставни. Будто стало меньше тушиков, а коль все ж мне случалось уткнуться в городскую стену, в бойницах сквозило чистое небо. Пару дней назад были закрыты все городские таверны и кабачки. Теперь все-таки нашел работающий пивной подвальчик, как и моя комната, уютно архаичный, с вытертыми козлиными шкурами на стенах, нависшими потолочными балками и пожелтевшей фоткой группы «Битлс». Кстати, пиво тут превосходное, мягкое, чуть по вкусу медвяное, какой-то здешний традиционный сорт. Три-четыре посетителя немного люмпенского вида ко мне отнеслись довольно-таки дружелюбно. Один даже сам проявил охоту к общению. Ткнув в мою сторону пальцем для большей понятности, спросил: «Американо?» Я отрицательно качнул головой: понял уже в прошлый раз, что здесь американцы, как наверно, и везде, будят страсть к разного рода попрошайничеству. «Полякко?», тут я не возразил. Пусть буду поляком, все же где-то близко и, насколько помню, к ним в этом государстве нет исторических претензий, — вдобавок, сделаюсь соотечественником мною покинутой Эвы. Местного люмпена это, кажется, обрадовало. Редкозубо очертившись, он внятно произнес: «Ян Павел» и «Матка Бозка». После этого мы с ним дружески чокнулись пивом. Но дальше разговор не клеился. Словоохотливый парень мне что-то пытался рас-

сказать, но для меня его речь была столь бессмысленна, как птичьих трели. И вдруг прозвучало: «идальго». Нет, на этот раз точно не ослышался: это слово почему-то развеселило других посетителей, они радостно подхватили «идальго, идальго». Я, конечно, догадался о ком речь, тем более что один из них подрыгал ногами, будто вертит педали, другой ладонью изобразил головной убор, имея в виду велосипедный шлем, а третий дополнил пантомиму международным жестом: покрутил пальцем у виска. Не думаю, чтоб это были посланцы судьбы. Простая сообразительность: на всю округу нас только двое иноземных чудаков, разумно предположить между нами некую связь. Конечно, я постарался выяснить, где теперь его найти, этого придурковатого идальго на разбитом велосипеде. Они, по-моему, искренне пожимали плечами, чертя рукой широченную дугу во весь горизонт.

А дальше - чистая мистика, какой-то уже подвох сюжета. Уставившись на меня, говорливый люмпен неожиданно воскликнул: «Нон э полякко — Франциско!», и обернулся к товарищам будто за поддержкой. Я стал озиаться. Мало ли что сотворит магия литературы. На миг даже поверил, что в пивнушку действительно заглянул Французик, тихо и скромно, как просто городской обыватель. Но всё оказалось, пожалуй, еще более странно. Теперь все трое-четверо на меня указывали пальцами, лопоча нечто вроде «имаджине спутата», по крайней мере, так мне послышалось. Меня, что ль, приняли за Французика? Нет, конечно: отзывчивые к юмору парни явно потешались. Но значит, все-таки уловили некое сходство. Я потом глянул в мутное зеркало тамошнего сортира. И ведь действительно что-то есть: вместо самодовольной ряхи отразился изможденный лик аскета, с застенчивой улыбкой и черными подглазьями, словно обведенными многодневной бессонницей. Видимо, я так проникся мечтой, что обрел внешнее сходство с этим скромнейшим проповедником. Но прочь гордыню! Я-то знаю, что сходство только внешнее: это маска, с лишь позаимствованным выражением мысли и чувства. Воисти-

ну тут магия литературы: давно где-то слышал или вычитал, что автор со временем начинает походить на своего героя. Но для меня все-таки большая неожиданность.

Однако неожиданное открытие вовсе не повергло в шок. Очувтившись в собственной литературе, я начал привыкать к любым ее зигзагам, вольным или невольным мистификациям. Даже любопытно, куда приведет, наконец завязавшийся увлекательный для меня сюжет. Как автору не испытать растерянность, если вдруг разбежались все его герои? Кроме, конечно, себя любимого, преданного мукам самоедства. Остальные же, ускользнув в темнейшую глубь повествования, могут там подготовить какую-нибудь каверзу. Догадываюсь, кто мне внушил заранее такую настороженность к собственным героям. Вспомнил странную повесть (может, и не повесть, а некое размышление вне жанра) моего дружка, который сам давно растворился в нетях (см. Запись №2). Уже не припомню подробностей, а развязки так и не узнал, поскольку, как и все его сочинения, не дочитал до конца: в этой тягучей, хотя чем-то и притягательной, прозе, я всегда норовил увязнуть, как муха в банке с вареньем. Но ее суть в том, что литературный герой, взбунтовавшись против автора, сорвался с книжных страниц и, как помню, сумел еще как нагадить всему человечеству. Мои-то вряд ли нагадят. Не таков мой талант, чтобы внушить своим персонажам вселенского масштаба силу добра или зла. Но крутится, всё так и крутится в башке словечко «предательство». Только в двух своих героях могу быть полностью уверен: никогда не предаст тот, кто назван местоимением «Я», и которому действительно отдал частицу собственной личности. И конечно, никогда не предаст Французик, неважно был он, мечта, сон или упование. Собственно, в моем дневнике только нас двое истинные субъекты. Другие — просто персонажи. Но любой из них, даже самый тишайший, чувствую, необходимы, как, допустим, меж нами посредники. Хорошо, что хотя б один, кажется, отыскался.

Сейчас поглаживаю смуглую кожу своего блокнота. Впервые заметил, какая она наощупь нежная, ласковая, а позолота почти стерлась, — теперь у меня золотые пальцы, как у царя Мидаса. Написано: Made in Naoero. Я не силен в географии, тем более что страны теперь размножились до полного безобразия. Но про тихоокеанский независимый островок Науру кое-что знаю. Наш холдинг с ним когда-то вел небольшую коммерцию: покупал фосфаты, точнее, попросту птичий помет, гуано, которого за столетия там накопились многие тонны — видимо, единственный предмет экспорта и основа национального благосостояния. Если не считать, как выяснилось, кожаных блокнотиков. Традиционное ремесло? Надеюсь, островок давно изжил столь сомнительные традиции, как людоедство и охоту за черепами. Хотя, кто знает?.. Неизвестно, какие звери там водятся и водятся ли вообще. Все-таки навряд кожа человеческая. Да-с, был бы чернейший юмор, но как раз в духе некоторых моих коллег. Какие-то дикие мысли прут в голову. Значит, пора мне на боковую.

Запись 18

Отгреваюсь у камина. Сегодня власть надыхался студеным воздухом здешних взгорий. Тем более что армейский джип продувало изо всех щелей. Утром было неприятное объяснение с хозяином мной убитого компа. Он горестно вскидывал руки, изображая бровями глубокую скорбь, попытался его реанимировать дедовским методом, то есть, саданув ладонью по крышке. Покойник мигнул, всхлипнул и окончательно погас. Чувствуя вину, откупился я щедро: за такие деньги всю гостиничку можно забить оргтехникой. Но хозяин продолжал укоризненно качать головой, сокрушаясь: «Прима компютор». Наверняка не в том смысле, что превосходный, а, надо понимать, первый во всей округе, то есть, в некотором роде, антикварная и даже мемориальная ценность. Я приготовился к трудным переговорам на пальцах об аренде

джипа. Но нет, владелец драндулета легко согласился его предоставить в аренду на пару дней, только потребовал в залог («эз секюрити»: когда ему надо, он вспоминал английский) сумму, за которую можно купить десяток таких развалин. В наших краях за него б и гроша не дали, но здесь это наверно тоже антиквариат.

Весь день я колесил по округе, испытывая душевную легкость и новорожденный кураж. Разумеется, лучше чем торчать в неудобном номере, под звуки домашних насекомых копающихся в собственных кишках, или даже бродить по исхоженному вдоль и поперек городку, где не берегли память о своем Французике. Мой рыдван мотало и кидало во все стороны на раскисших от дождей дорогах, его проскваживали осенние ветры, но проходимость была зверская: легко взмывал на любую горку под самым крутым углом. Я чувствовал радость движения, притом без точной цели, вольного, от которого давно отвык — кати куда глаза глядят среди этих неиссякаемых красот. Я очутился внутри пейзажа, который теперь представлял зримой реальностью и несомненным чувством; был им объят, прежде будто замурованный в себе самом. Даже удивлен, как ему бодро откликнулась моя обленившаяся, скарденная на чувства душа. (Как-то слишком красиво заговорил, словно чужим голосом).

Теперь, зная местную кличку испанца, я расспрашивал о придурковатом идальго каждого встречного, сопровождая вопрос, подхваченной у люмпенов пантомимой: болтал ногами, изображая педали, и крутил пальцем у виска. Поперечные откликнулись примерно так же, как мои собеседники в пивбаре: начинали ржать, обводя рукой широченный полукруг. Только одна милая девушка в пелеринке древней моды грустно пролепетала: «кавальере тристе имаджине». Значит, в этом, как мне казалось, в себе закуклившемся пространстве все-таки знакомы с мировой классикой. Впрочем, рыцарские времена тут, видимо, еще не до конца миновали.

Я искал «кавальере», как иголку в стоге сена. Иногда мне на горизонте виделся одинокий ве-

лосипедист в шлеме похожем на цирюльный та-зик, но всякий раз он оказывался миражом иль деревом, кустом, валуном. Однажды я различил на земле четкий след велосипедной шины. Верст пять гнал по следу, который вилял, скручивался в петли, а потом вдруг оборвался безо всякой причины, словно байк взмыл в небо вместе с наездником. Подумал: и Бог с ним. Теперь был уверен, что этот ко мне расположенный край сохранит все для меня нужное, ни единый персонаж тут не затеряется. А может, и рыцарь меня сейчас ищет, узнав от местных о таком же, как он, придурочном иноземце (тоже, небось, вертели пальцем у виска, и руками изображали руль моего пострадавшего в неведомых боях джипа). Так я радостно мчал наугад, победно крикая охрипшим клаксоном, чей звук, однако, не заглушал переключки будто наконец проснувшихся от спячки колоколен.

Сейчас прервусь. С недовольным бурчанием в комнату рвется хозяйин. День начался склочной беседой, тем и завершится. Теперь по поводу джипа: мало того, что он заляпан грязью по самую макушку, так еще на очередном повороте я немного покарябал бок, задев чудовищного размера валун. Царапина почти незаметная, но уже знаю, как трепетно он относится к своему добру и как непримирим к порче собственности. Хотя его утреннее возмущение казалось слегка театральным, преувеличенным, — небось, чтоб содрать побольше за тот невеликий ущерб...

С драндулетом пронесло. О нем хозяйин даже не помянул. Считает залог надежной гарантией: потом наверняка вычтет за ремонт, покраску и еще что-нибудь, типа амортизации шин. Цель полночного набега была вовсе другой. Почему-то сварливым тоном он сообщил, что мне сегодня дважды звонили (изобразил телефонную трубку и дзынькнул, — так два раза). Подчеркнул, что с некими важными сообщениями. Увы, из его торопливой речи я только и разобрал общепонятное «месаджи импортанти». Но, если так уж «импортанти», могли б оставить свои

номера, но нет. Интересно, кто б это? Моя родина отпадает сразу, там я тщательно замел все следы, — а этому меня жизнь хорошо научила, не оставлять никаких улик. Может быть, потому и за Интерполом, как выяснил, пока не числюсь. Выходит, наверняка кто-то местный. Если судить разумно, подозрение падает только на двух абонентов с определителями номера: один, где стоял автоответчик, другой же — фестивальныи оргкомитет или нечто в этом роде. Спустившись в холл, я позвонил по обоим номерам. Телефон предполагается бельгийца, как и прежде, шепелявил дорийским ладом. Потом, одолев брезгливость, на всякий случай звякнул в Обществе друзей Французика, а вернее — обсиранья его памяти, где теперь тоже работал автоответчик, пропевший девичьим голоском: «And now there is nobody here» (может быть, я и в тот раз беседовал с ответчиком? нет, кажется она что-то еще говорила). Только повесив трубку, я вспомнил, что сейчас уже ночь.

Ладно, утром перезвоню, а может, и не стану. Во мне еще бурлит дневной кураж. В глубинах моего письма или самой жизни, что теперь для меня почти едино, чую, зашевелился, словно очнулся сюжет: теперь не я его должен искать, а он меня, уверен, сам отыщет. Хотя б для того, что низвергнуть, как несостоявшегося, для него бесполезного демиурга. Помню из двухтомника «Мифы народов мира», когда-то мной зачитанного до дыр, что, бывало, миры создавали некие, что ль, неполновластные сущности, не боги, а скорей, демоны. У них не хватало ни прилежанья, ни благодати, ни ответственности, в конце концов, мудрости, чтоб должно опекаль ими сотворенный универсум. Оттого некоторые из них попросту бросали его на произвол судьбы. Для мною созданного мира (это не мания величия: любой пишущий всегда творец, если уж не мира, так мирка) я такое вот праздное, отсутствующее божество. А Французик, даже находясь «фаруей», все равно присутствует в мире, в моем, по крайней мере. Конечно, я тупо излагаю, но это чувствую вернее, чем пишу.

Стих городок за моими круглыми окнами, на него уставившимися, как два глаза. Ночь для меня теперь будто прозрачна. И все дома словно распахнули крыши, его жизнь для меня теперь как на ладони. Уверен, что мог бы написать об этой местности не один роман, ее возвеличить, как удастся, иль, наоборот, повергнуть в прах. Но мне, ленивому демиургу, закончить хотя б единственную историю, спасти мною созданный, пусть кривобокий мирок, что запечатлен в кожаном блокнотике с обтершейся позолотой, от гибели и позора. (Как-то слишком звучит патетично. Возможно, я сам выброшу блокнот на помойку, тем перечеркнув неудавшийся или просто мне опостылевший универсум, а, может быть, утоплю в здешней изумрудного цвета речке или сожгу в камине. Ведь не раз боги предавали разочаровавший их мир вселенскому потоку или пожару. Чисто психологически их можно понять).

Запись 19

Сегодня, наверно, важнейший день не только за этот год, но, может, и во всей моей жизни. Утром не стал звонить по не откликнувшимся номерам. Подумал, что не стоит понуждать сюжет, но и целый день торчать в отсыревшей комнате у прогоревшего камня, дожидаясь, пока мне звякнут по второму разу таинственные абоненты, счел недостойным демиурга. То есть, решил не понуждать, не поджидать, а предоставить сюжету реальный шанс, ему, так сказать, активно «подставиться». Короче говоря, вновь отправился колесить по округе на своем ныне попорченном джипе. Но теперь ехал медленно, не бесшабашно, как вчера, а рассудительно. На любой развилке задумывался, куда повернуть, правда, больше доверяя своей интуиции. Теперь пейзаж не летел встреч мне опроретью, а наплывал торжественно, во всем блеске своих неповторимых подробностей (напрасно я их всю жизнь словно упускал мимо глаз и души, теперь стал догадываться, что, бывает, именно

в них-то и суть). Неторопливо миновал помпезный храм, где, как в саркофаге, покоилась трогательная церковка, что Французик некогда возвел своими руками. Помню, я раньше дурачки его сравнил с ресторанныи омаром, где одна скорлупа, а пища на полмизиньчика. Хлесткая метафора, но теперь этот храм смотрелся не столь победно-державным. Стоял одинокий, словно всеми покинутый, плохо вписанный в окрестный пейзаж, возможно, поэтому выглядел немного смущенным. Может, и стоило мне навестить там спрятанную часовенку, но от храма веяло холодом и унынием. К тому ж, был уверен, что там не найду Французика, который нынче, как я узнал, пребывает в совершенном, безотносительном далеке. К полудню мне вдруг показалось, что я кручусь на одном месте, ежжу кругами. Виды гор и долин повторялись, хотя не бесцельно: подробности множились, становились зримей детали. Пейзаж меня будто взял в плен. Пускай он и сладостный, но все ж хотелось выломиться из такой круговерти.

Солнце уже миновало зенит, когда сюжет наконец, коль можно выразиться, затрепетал, подспудно завибрировал: одна за другой мне стали являться приметы моей же литературы, пусть пока уклончивые намеки, словно значки и пометки на полях рукописи, сделанные каким-то безымянным редактором. Это началось, когда, уставши от упоительного, но все ж, по сути, топтанья на месте, я догадался делать привалы в каждой встреченной забегаловке. Стены знакомого кабака «Джинестрель», где я уже побывал с братом волком, теперь были украшены фотографиями в узнаваемом стиле: безусловно творчество хмурой финской четы. Сам же братец волк скалился из угла, теперь в виде чучела. «Мори», — грустно пояснил хозяйин. В уже другой таверне над барной стойкой сияла летними красками картина польской Эвы. Тут я уж никак не мог ошибиться: помимо библейского сюжета с довольно точным автопортретом художницы, я, конечно, узнал провиденциальное пятнышко в верхнем углу, пернатое и легкокрылое. «Ла Кадута висеверса», — улыбнувшись, назвал карти-

ну официант в зеленом доломанчике. Что такое «кадута» я не знал, но сразу догадался, тем более что парень сделал нисходящий жест ладонью. Действительно «Грехопадение наоборот», ибо соблазнительный плод вручал мужчина женщине. Надо ж такое придумать: удивительная трактовка сюжета, сулящая полный разворот всей человеческой комедии.

Но самое удивительное, что отметилась также японка. В безлюдной, открытой всем ветрам харчевне на подъеме в крутую горку, к потолочной балкам были привязаны красной шелковой нитью бумажные листки с тремя строчками иероглифов. Тут ее хокку выглядели красиво, в отличие от их перевода на английский: невыразительная латиница, конечно, убивала всю эстетику. Пожалуй, теперь, безгласные, они сообщали побольше чем в искаженном двойном переводе на языки инородных культур. Но откуда они тут появились, не близок ли я был к истине, давно заподозрив меж нами с японкой некую телепатию? Хозяйка ресторанчика на мои расспросы отвечала невнятным квохтаньем, при этом изображая двумя пальцами косоглазие.

Но это все присказка: значки, метки, заманки. Уже написал, что доверился интуиции, и она не подвела. От «японского» ресторанчика, я направился выше в гору. Миновал самодельные домики — видно, летние пастушеские временки. За ними кончилась каменистая дорога, началась узкая тропа, где уже никак не проехать. Мне втемяшилось непременно достичь вершины. Взялся пёхом, призванный интуицией, но также и невесть откуда взявшимся ароматом цветущих роз, сперва тишайшим, едва заметным, но крепнувшим с моим каждым шагом. Уже поднявшись на самую верхотуру, когда цветочный аромат сделался густым, плотным, но все же не душным и не чрезмерным, я заметил проем в скале — узкий лаз в половину человеческого роста. Пещерка была очень кетати, поскольку вдруг мелко заморосил холодный по-зимнему дождик. Оказалась тесной — метра по четыре в ширину и длину. Вряд ли убежище пастуха, иначе б смердело мужским потом и домашней скотиной

вместо цветочного благоухания. Осенила догадка: вот наконец и свершилось чудо! Сокровенный сюжет, своим размашистым зигзагом привел меня туда, куда я и стремился, о том не догадываясь. Конечно, это келейка Французика, его совершенное «далеко». Но сам-то он где, неужто еще дальше? В пещере никаких следов человеческого обитания, ни бытового сора, ни остатков пищи и вообще ни единой приметы жизненного обустройства (нищета, благородная нищета!) Только, разве что, гладкий камень посерединке, не седалище, а будто небольшой столик. Осветив темноватый грот зажигалкой, я обрел величайший дар мною не заслуженной благодати. На гладко отполированной самой природой столешнице лежала тетрадка, скромная тетрабочка, какой пользовались школяры всех времен, по виду сухая и ломкая, как осенний лист, с надписью «Regula non bullata». Латинское «regula» знакомо, а «bullata» наверняка от папской буллы. Выходит, это новый, истинный Устав, сочиненный Французиком взамен вынужденного. С восторгом подумал: наконец-то настоящий, полноценный подарок литературы и судьбы, которая ко мне щедра по мелочам, а в крупном скаредна. Теперь-то узнаю, как жить верно и точно, а не брести наугад, спотыкаясь на каждом шагу. Благоговейно, осторожно, чтоб не попортить, раскрыл тетрадку. Первая страница пуста, вторая тоже, и третья, четвертая, пятая, а на последней четыре подпалины, будто ожоги. Такой вот оказался Устав! Самое странное, что я ничуть не был разочарован, словно того и ждал. (Признаюсь, даже испытывал облегчение, что теперь не придется жить по регламенту). Ведь уже догадался о роковой мощи литературного слова. Так мне аукнулся мой давнишний формоборческий трактатик, развилка жизни, где я свернул в неверную сторону. Тогда аукнул, а мне откликнулся нищий пророк через годы и пространства. Эта тетрабочка - в чистом виде то самое, что я некогда назвал польнейей духа: литература превзошедшая любые слова. Немой устав, конечно, для всех, а не подарок мне одному, но я так упорно приплетал свою судьбу к судьбе великого

Валерий Сировский. Из записных книжек

нищоброда, что это наверняка и личный совет. Только понять бы какой именно, — так он деликатен и ненавязчив.

Потом я с вершины горы наблюдал две крошечные фигурки, мужскую и женскую, бредущие в дальнем далеке, под самым горизонтом. Если б я был даже уверен, что это Французик с его безгрешной подругой, которая ему вовек не изменит, конечно, не стал бы его догонять. За него я спокоен, что теперь он не одинок, и был бы чистый бред к их паре присоединиться третьим. Но главное, он мне ответил на все вопросы, а понять ответ это уж дело моей совести или мудрости, — скорей, и того, и другого. Когда я на своем драндулете спускался с горы, хозяйка рестораника, выглянув за дверь, мне крикнула: «Аудио, Франциско!» и прощально махнула рукой. Я даже не удивился, поскольку устал удивляться. Здесь можно было поставить жирную точку, но понимаю, что уже не хозяин мною закрученному сюжету. Чувствую, он способен еще выкинуть самый дикий фортель, сочинить эпилог, не считаясь с правдоподобием и здравым смыслом.

Запись 20

Думаю, это будет последняя запись. Двадцать число аккуратное и достоверное. Еще б единичка, и сорвал банк, но не такой я меткий стрелок, чтобы попасть в яблочко даже со второй попытки. Насчет сюжета я действительно не ошибся. Может, в какой-то момент я его и упустил, но все-таки мы с ним не окончательно потеряли связь: друг друга чувствуем и перекликаемся. Не зря ждал от него подвоха, но он устроил вообще фантазмагорию, даже, я б сказал, оргию. Причем, взял меня тепленьким, спросонья. При моей инертности, мне нужно время, чтобы раскачаться, включиться в день. Но только я успел промыть глаза, натянуть джинсы и хлебнуть кофейной бурды, в комнату буквально влетела, без стука в дверь или другого предупреждения, хозяйка горного хостела. Так

вот запросто, сама собой, махом вынырнула из глубины коварного сюжета, который расчетливым ударом постарался меня отправить в нокаут. Не совсем получилось, я все же стойкий боец, готовый к любым превратностям жизни, но шок испытал приличный: допустим, это был нокаут. Девушка сияла восторгом, такой радостной ее не помню. В самом прямом смысле она кинулась мне на шею, разливаясь соловьиными трелями, будто наконец отыскала запропавшего братца или, учитывая возраст, скорее папашу. Признать, с удовольствием, хотя и вполне целомудренно, я чмокнул красотку с обликом простонародной мадонны, в прохладную от утреннего морозца щеку. Но сюжет в образе милой девушки не дал мне опомниться. Ничего не объяснив, поторапливая «Престо! Престо!» она буквально выкинула меня из комнаты, едва позволив надеть меховую куртку. Все развивалось стремительно. Перед гостиницей стоял ее утлый фиатик. И — вновь обретенное потерявшегося героя, впрочем, теперь ожидаемое. За рулем драндулета сидел валлонский (я вспомнил, что просил его не путать с фламандцами) повар, явление которого я уже предвидел заранее. Чтоб напомнить о нашем знакомстве (не знал, что в некоторых случаях я очень даже памятливы), он изобразил рукой, что колотит в медный таз, как делал собирая нас к трапезе, а потом — дважды телефонный звонок, затем указав на себя и свою хозяйку. Так и выяснилось, что были за таинственные абоненты, — хотя бы тут сошлись концы с концами. Меня порадовал этот неожиданный прорыв здравомыслия вопреки творящемуся абсурду.

Пока фиатик, надсадно урча, переваливался на дорожных кочках, я попробовал собрать воедино свои разбежавшиеся мысли. Неужто, думал, поддамся демон-путанику, теперь победно простершему надо мной крылья? Сперва решил, что направляемся в наш парадизо, чудесным образом за пару дней возродившийся, как, бывает, карета превращается в тыкву, а потом обратно в карету. Нет, ошибся: на мой вопрос о пансиончике, его прежняя хозяйка разве-

ла руками, употребив то же общепонятное слово, что и фермер: «Кризис!» Да я и сам уже заметил, что мы, не свернув в сторону бывшего хостела, теперь огибаем гору. Понял, что сорвавший постромки сюжет, мне готовит сокрушительный удар и надо быть готовым к его любому бесчинству.

И впрямь, второй хук или джеб, неважно, оказался мощнее первого. Там шокирующей была только неожиданность, а сам факт появления девушки объяснить не так уж и трудно. Но по ту сторону горы мне вдруг показалось, что я разом провалился во временную расселину, будто в каком-то фантастическом романе, хотя и здесь, как давно заметил, их тоже немало. Если мистификация, то уж очень крупномасштабная, потребовавшая многих усилий и немалых затрат, — я-то знаю что почему. К тому ж ее надо было организовать стремительно: вчера еще пустынная, сладко романтическая, долина теперь неузнаваемо переменялась. Если раньше в этих краях неизжитое Средневековье себя обнаруживало только местами, притом казалось дремлющим, почти растворенном в тут издавна обжившемся безвременье, теперь долина оказалась многолюдно бурлящей средневековой жизнью: рыцари, воины с пиками, синьоры, герольды, простолюдины, монахи, — короче говоря, здесь властвовал какой-то живописный сумбур, будто жизнь самым натуральным образом отпрянула вспять минимум на тысячелетие.

Сказать, что я ошалел, ничего не сказать. А девушка вдруг захихикала, впрочем, не зло, не ехидно, а скорей лукаво: мол, ну как, хорош мой сюрприз? Внутренне готовый ко всему, я устоял и после этого удара, можно сказать, по яйцам. Студеный ветерок вмиг отвеял было налетевший морок. Да ясное ж дело — снимается кино. Можно было б и сразу догадаться, не только заметив киношную, хер ее знает как назвать, аппаратуру на соседних взгорках, но, главное, исходя из самой логики повествования. Ожидаемо, будто в романе или повести, сплелись в один узелок все растрепанные охвостья моего сюжета. Теперь, казалось, больше нечем ме-

ня удивить. Уж, разумеется, не тем, что тут, как на последний парад, вышли все герои моей повести. Значит, неплохо выдуманы, коль обрели свою волю? Но, может, и вовсе наоборот — это у меня не хватило таланта, чтоб живых людей превратить в мне подвластную литературу. Оказалось, все они тут при деле, разумеется, не массовка. Хмурые финны деловито щелкали кодаками. Мусульманский пиротехник, налаживая какую-то бомбарду, мне показал руками летящий самолет, — все-таки был тот самый. Польская Эва, конечно, сценограф (кажется, так зовется), — подмигнув, она сделала двойственный жест: или мне преподнося роковой плод, или от меня его требуя. Бельгийский повар уже хлопотал у полевой кухни, — надо ж съемочной группе чем-то питаться. Бывшая хозяйка пансиончика, уверен, в любом фильме достойна главной женской роли. Но нет: как я узнал позже, тут пригодился ее опыт администрирования искусством, была главным администратором или помрежем, — не знаю, как точно назвать эти киносьемочные функции. Нашлась и японка, хотя непонятно, как ее-то здесь можно использовать. Она меня еще больше запутала, шепнув на ухо свой последний стих: «Искала его повсюду./ Не нашла./ А он всегда был рядом». Так все же я или Французик? Или, возможно, два главных героя для нее слиплись воедино. Думаю, восточная поэтесса некая запятка сюжета на будущее, как, возможно, и полька, само имя которой, кажется, сулило ей более серьезную роль в повествовании.

Да, все они тут, налицо! Как и подозревал, действительно тайком сговорились. В моей замороженной голове последний раз вспыхнуло слово «Предательство!» (именно так: с большой буквы и восклицательным знаком), потом же рассыпалось искрами, как праздничная шутиха исламского пиротехника. А испанец, прикинувшийся Дон Кихотом, выходит, у них главарь. Я даже не брал в расчет, что он какой-никакой писатель, к тому же профессионал, не дилетант вроде меня. Воспользовавшись неопытностью автора, он забрал сюжет в свои руки. Теперь его образ вовсе

Запись 21

не выглядел печальным, напротив - победным. Даже явилась некоторая начальственность, которой в нем не подозревал. Но вопрос: меня-то зачем сюда приволокли? Ну, снимали бы сами фильм о Французике, своевольно поворачивая сюжет в любую сторону, как того пожелают. Низвергнутый демиург, в качестве режиссера я им, конечно, не нужен. Разве что, хотят предложить роль папаша, которому, созревший в героическом намеренье Французик, некогда брезгливо швырнул под ноги свои обноски, так отрекаясь от прошлого.

Почти ведь угадал! Последний выверт сюжета оказался наиковарнейшим, еще и соблазнительным. Именно: предложили роль! Да еще какую - самого Французика. Тут уж я действительно растерялся, хотя малая горстка здешних обывателей да еще мутное зеркало в сортире уже засвидетельствовали наше благоприобретенное сходство. Знаю - только внешнее, но разве этого мало? Ничего не скажешь — почетное предложение. (Я им все-таки нужен: автора, даже неловкого, так запросто не вышвырнуть за дверь, в смысле, что не вымарать из каждой строки). Но я от него отбрыкивался, как мог. Ответственность-то какая! А я только раз выходил на сцену — в школьном спектакле сыграл Павлика Морозова. Но, главное, вообще терпеть не могу лицедейства, и театр мне всегда казался неприятно пафосным зрелищем, где жизнь приподнята на котурны даже когда хотят ее унижить или, пускай даже вовсе смешать с дерьмом. Последний раз там побывал лет десять назад, в махонькой, трогательно провинциальной оффшорной стране. Почему-то вдруг захотелось. Может быть, от скуки в отсутствии других развлечений или решил, что он там сохранился в своем первоизданном виде, незаносчивым, общепонятным зрелищем. И ведь оказался прав. Но с тех пор в театр не влекло. Правда, здесь кино, все-таки немного другое искусство, тебе смонтируют роль безо всякой системы Станиславского и озвучат на любом языке.

Меня уговаривали все мои персонажи хором. Девушка твердила знакомое «имаджине спу-

тата», мне подсовывая карманное зеркальце. (Вот если б ей досталась женская роль, у меня сразу отпали сомнения). Но что там разглядишь? Только смятенный глаз, нахмуренный лоб и плохо выбритый подбородок. Испанец меня заверил, что тут не какая-то профанация, а «но соап, артхаус», мол, не многосерийное «мыло», а большое кино. Теперь понятно, откуда его одержимость: и впрямь почти донкихтство от привычной кормушки устремиться к еще неизведанным, но заманчивым горизонтам. Познакомил с режиссером. Судя по тому, сколь торжественно огласил его имя, он среди киношников знаменитость. Но для меня-то пустой звук. Это сообразив, они выложили главный козырь: сценарист раза три с каким-то особым значением произнес слово «пальма», а режиссер для понятности потряхнул самой развесистой веткой соседнего дерева — истрепанной ветрами пальмы, и чуть комически мне поклонился. Какой я ни профан в кино, однако понял, что речь идет о главной награде важнейшего кинофестиваля. Но меня убедило другое. (Самому довелось не единожды заседать в различных жюри, от конкурсов красоты до конкурса малой прозы и любительского караоке, знаю, что везде сплошной блат и коррупция). Убедителен был облик самого режиссера, курчавого латиноса с немного шальным взглядом, где угадывалась хотя б и микроскопическая гениальничка, оставлявшая надежду, что им, как и мной, овладеет мечта о всегда ускользавшем пророке.

Короче говоря, я согласился, принял вызов судьбы, а также литературы. Счел трусостью от него уклониться. Ведь считал себя рискован парнем, в чем убедил и других. Это ль не полновесный дар судьбы, что я всегда ожидал? Выйдет крутая перемена: из непонятно кого вдруг стану артистом, да еще в фильме, возможно, великого режиссера? Кто б отказался? Но главное для меня не актерская слава или престиж профессии, а удивительная возможность побыть не только с Французиком, но отчасти самим Французиком. Не лучший ли способ его понять истинно и глубоко? По крайней мере, я так себя убеждаю.

Все-таки потребовалась еще одна запись, но не затем чтоб сорвать банк. Решил сам написать эпилог, его никому не доверив. Знаю, что вчерашний день изобразил торопливо, аляповато и сумбурно, притаившись в киношном вагончике. Собственно, таким он и был — торопливым, сумбурным. В нем заплутавши, я почти уступил соблазну, да еще это прикрывал ханжеским мотивом мнимого слияния автора с его главным героем. Был готов любого заподозрить в предательстве, а сам-то? Теперь понимаю, что настырно вертевшееся в голове словечко, не предупреждение о чьих-либо кознях, а тревожный сигнал себе самому (и наверняка не случайно вчера вспомнил свой театральный дебют на школьной сцене). Какой из меня Французик? Даже его роль не сумел бы сыграть достойно, коль оказался не до конца равнодушен к мирской славе. Выглядел бы просто ряженым. Отсутствие актерского опыта — ерунда, тьфу, но было бы худшим предательством изображать моего Французика нечистосердечно, с уязвленной душой. Не знаю намеренья моих взбунтовавшихся персонажей: то ль они хотели мне блага, сколь его понимают, то ль, наоборот, унижить, подбив на предательское лицедейство, или же, как раз и подвергнуть соблазну, испытать своего автора на вшивость. Бог с ними, я грубо выломился из сюжета, а на деле попросту

тихо смылся. Прямо как был — в домотканом плаще и сандалиях на босу ногу, так одетый для кинопробы.

Пишу в горной келье, притулившись у каменного столика, где так и лежит необнародованный Устав. Его забрать я тогда посчитал кощунством. Теперь же непременно возьму с собой, чтобы читать и перечитывать, — за ним сюда и вернулся. В пустую с виду тетрадку, разумеется, не впишу ни буквы, ибо нечего добавить. И конечно, тут не останусь надолго. Такой обители я недостойн — чувствую, как цветочный аромат постепенно сходит на нет, уступая место терпким запахам мира. Думаю, что я верно понял деликатный намек скромного нищелюба: готов отправиться в путь, где, надеюсь, меня ждет совершенная радость. Уйду налегке и свободный от всех долгов: наследство предусмотрительно разделил по справедливости, а хозяину гостиницы хватит с избытком моего залога. Новый сон о Французике закончится также как первый — бегством. Но с той разницей, что сберегу, оставлю себе вот этот блокнотик из кожи, так напоминающей человеческую, с теперь до конца стершейся позолотой. Не буду ни жечь его, ни топить, ни затевать Страшный Суд над своими провинившийся героями. То есть, в отличие от гневных богов, помилую этот мною созданный мирок, пусть уж существует как есть, в своем человеческом и человеческом несовершенстве. Сейчас немного передохну и — в дорогу, но все ж крепко памятуя достоверную притчу о лжемесии (см. Запись №4).

Октябрь 2015 — январь 2016

© Александр Давыдов

италийская лира современных русских поэтов

Ольга КУЧКИНА

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОГО ЦИКЛА

Италийский дневник

*На карте Италия похожа на сапог,
Россия – на распятую шкуру.*

Тоска в Тоскане – классная тоска.
Как на холсте, холмы в Тоскане плоски.
Твой грифель чертит четкие наброски.
Я – раса табула. Я – чистая доска.
Где третий Рим, где первый...
Погоди.
Вот занавес дождя. От тяжести и жести
в рисунке, точно в театральном жесте,
он скроет нас.
Остались позади:
шампанского бутылка в серебре,
что в римском кабаке стрельнула пробкой,
куда сбежал вдвоем с женою робкой
муж, урожденный в сентябре.
А прежде – самолета фюзеляж
да одиночество в порту «Да Винчи»,
отельчик, миновавший, к счастью, нынче,
и незатасканный тосканский пляж.
Прикинем италийский сапожок

в феллиниевом-дантовом размере,
хоть лезет в щели, телевизор, двери
дух буржуа, коммерческий божок.
Не страшно. Формой форму повторя,
куском коралла вверх шатер из пиний,
тосканский дождь пересечением линий
штрихует все печали октября.
Октябрь уж наступил меж пришлых нас.
И раса табула, нагая, входит в воду
тирренскую, благословя свободу,
дождем и морем дышит про запас.
Москва в Тоскане и тоска в Москве,
распятой шкуры напозаает абрис,
медвежья полость – наш удел и адрес,
по чувству, по сюжету, по молве.
Прелестный сапожок не по ноге.
В звериный мех, как в шкуру, завернуться,
вернуться в отчий дом – к себе вернуться,
где в душу сапогом на сапоге.

Октябрь 1992

Поезд Мюнхен–Рим

Хрупкий прочерк тишины
в пляске плоского состава,
ни закона, ни устава

для тоскующей жены.
Торжество чужих квартир,
Рождество на перепутье,
в поисках пути и сути
непутевый ориентир.
Утешенье живота,
упоение для глаза
и упорный, как зараза,
сон про снятие с креста.
Между тем, случайный фон:
посреди утехи плотской
на листке – Иосиф Бродский
и нью-йоркский телефон.
Серп серебряный царит
над вагоном европейским,
над ребеночком еврейским
вифлеемский знак горит.
В восемь сорок – вечный Рим,
бредит вечная жидовка,
ни полет, ни остановка,
заходи, поговорим.
Что с Россией? Что со мной?
Жар болезни настагает.
Плеть погонщика стегает
на дороге на земной.

25 декабря 1992

Летя над грешною планетой
в автобусе с названием «Ангел»,
платили звонкою монетой
за то, чтоб ангел не оставил,
чтобы, доставил выше кручи,
где на закате у подножья
ночь смажет облака и тучи
над морем раньше или позже
чтобы от страха остывая,
пока не треснула планета,
припасть, пока еще живая,
к Христу из мрамора и света.

Калабрия, Маратэя, 6 мая 2000

Дуомо

В проем Витторио-Эммануэле
внезапно двинулась тончайшая громада,
за восхищеньем клетки не поспели,
и в легкие извне проникла влага.
Закашлялась, забилась, задохнулась –
чуть зазвучала каменная месса,
и сердце, переполнившись, метнулось,
не удержало ядерного веса.
И у подножия внезапного Дуомо,

ИТАЛИЯ НА РУССКИЙ ВЗГЛЯД

упав, разбилось в мелкие осколки,
лишенное защиты, то есть дома,
подстреленное, словно из двустволки.
И небо, низкое, как в сумерках в России,
поднявшись вверх, вдруг враз заголубело,
и голуби на улице Россини
клевали сердце, падшее из тела.

Милан, 17 октября 2002

Одна и в Пизе, с падающей башней,
карт ненавистница, и гидов, и маршрутов,
бредет, ища как будто день вчерашний,
сама — вчерашний век как будто.
2 октября 2003

Мы ссоримся. Мы за границей.
С вокзала — в крепко запертые двери,
друг, заслуживший полное доверье,
исчез из города. Флоренция нам снится.
Явление: внезапный юный гений,
дверь флорентийская легонько отворилась,
к ступням уставшим проявляют милость
столетние потерянные ступени.
На третьем этаже с табличкой медной
нас флорентийка ласково встречает,
в тетрадке бисером чего-то помечает
и улыбается улыбкой бледной.
Нам приготовлена и комната, и ванна,
и гулкий двор в старинном исполнении,
спокойной ночи, барышня Сусанна,
и в небо темное взлетает чье-то пенье.
А утром кофе и волшебный баптистерий,
старинный рынок, рядом дворик Дантов.
Любовь ступает нежно на пуантах,
и ожидает продолжение мистерий.

26 сентября 2011

Ступая в лужу под большим зонтом,
друг с другом и с дождем в слезах целуясь,
следа воды стремление под мостом,
все унеси в свою копилку с улиц,
все унеси в постель, в любовь без сна,
на память заучи, словно ребенок в школе,
как Боттичеллиева вечная весна
преподала урок преодоления боли.

Сан-Бенедетто, 8 октября 1996

Апеннины под рукой,
под ногой тирренский берег —
я глазам своим не верю:
доля, воля и покой.
Я забуду (я смогу)
грязь, и ложь, и кровь отчизны,
если вновь оно не брызнет
крови сгустками в мозг.

6 мая 2000

Алексей Александров

Муравьи, как антиварвары,
Понемногу тащат в Рим
Крошки сахарного мрамора,
Крылья сонных балерин,

Чтоб зимою в Вечном городе
Там, где есть водопровод,
Жить по совести, не в голоде
У захлопнутых ворот.

Теплый чай, варенье кислое,
Спирт заныкан для друзей,
Где усталый раб замысливал,
А построил Колизей.

Цирковые медведи на сонных улитках,
Увеличенных до габаритов коровы,
Будут ездить по кругу под «Реквием Верди»,
Удаленного зрителя помня петарды.

Пой и ты, словно ласточка в новом гнезде,
Об игре каркассон под восторженный рев.
Чем заполнены рвы по периметру замка?
Берега их кисельные скоро приелись.

Если умер пастух, то куда его стадо
Разбрелось? Колокольчик звенит и звенит.
Можно долго обглаживать мох кирпичей,
Но уже привезли мониторы и мебель,

Из контейнера высыпав снег и опилки.

Мадонна птицами взорвется,
Когда пройдет по дну купальни
С цветком уснувший водолаз
И, выдыхая чистый спирт,
Фонтан, где плавают драконы,
Придумает чужое слово.

В стене, пробитой кулаком,
Не попадают монеты.
Счастливая начинка тает,
Как сливочное эскимо.

Еще один забытый день
В прокрученном обратно фильме,
Где вызывает на себя
Огонь не ранящий пожарный.

Одинокое дерево — словно шатер,
Но туда не войдешь без отмычки и лома,
Улыбаясь, как вылезший к солнцу шахтер,
Или плача, как рыбину жарящий клоун.

Там на ветках подпиленных тесно сидят
Несчастливые дети и с радостным звуком
До утра с увлечением играют в себя,
Отрывая то ногу друг дружке, то руку.

Одинаково любят чужое кино,
Но бывает, что слышно, как бьется посуда,
Говорит великану танцующий гном,
И на дерзкой губе проступает простуда,

На втором этаже опадают цветы,
Птица важная спит, притворяясь домашней.
А когда постучишься, растают следы,
И никто не идет за волами на пашне,

Задевая верхушкой мех облаков,
Щекоча, словно перышком, горлышко Рима,
Где с комочками манки кипит молоко,
И тебе достаются лишь локоны дыма.

Ирина Котова

Двойное убийство

убийство номер 1

стена кукол в Милане — память о женщинах
убитых сожителями и мужьями
она пестрит мозаикой накладных ресниц
любви
живой плотью платьев и бантиков
женщины с плоскими лицами марионеток
когда-то облитыми кислотой
приходят туда
в руках держат кукол
куклы — улыбаются
женщины вместе с куклами
пытаются улыбнуться —
рубцы губ
округляются в анус

сквозь такую улыбку
они зовут тех
кто замурован в стены

убийство номер 2

это похоже
на скрип ножниц у висков
вместе с волосами
обрезают часть тебя
тебе — приятно обидно невыносимо
запреты зажимы оскорбления обиды
постоянно заедающее повторение дорожки
единственной виниловой пластинки
поступательным движением
передаётся
кукольному театру
скалок стульев кастрюлек утюгов
они впадают в состояние аффекта
оживают
начинают разговаривать выпускать пар
по криминальной статистике
почти все пожилые женщины в зоне
отбывают срок
за убийство своих мужей

Андрей Сен-Сеньков

TORINO—MILANO 3:3

1:0

холодный итальянский туман
inverno граничит с inferno чтобы
на поверхность имен заблудившихся
в этом тумане совершил посадку
домодедовский самолетик с точно такими же
пропеллерами что ставили в прошлом веке
на могилы авиаторов вместо крестов

2:0

в туринском музее кино хранится тот
знаменитый шарф федерико феллини
что может принять форму любого
движущегося предмета за которым бежит
по кинолентке новорожденный цыпленок

2:1

в окне ресторана виден
памятник моде где гигантская игла вежливо
вышивает цветными нитками смерть за счет
заведения

2:2

в duomo стоит страшная статуя св.
варфоломея с которого живьем содрали
кожу среди мышц живота потайные
ходы через них дети не пропущенные
из-за роста могут пробраться на самые
страшные аттракционы христианства

3:2

в музее чезаре ломброзо висит
костюм городского сумасшедшего одежда
не одежда просто вверх красиво натекло
с ботинок в теплой комнате

3:3

на via braga скучающая гадалка отправляет эс-
эм-эски наверное тому кто не знает будущего
наверное тому кто бог легкого поведения

Елена Фанайлова

Blandula tenula vagula

о бедная душа заплутавшая, жди, жди,
когда тебя выдует дудка Бога, труба
крематория, силовое движение Euro
на маленькой площади, неблагодарная,
никто не выспится, тьма нетварная, те, кто
снится, те амо, волна ударная, небесная
лестница, виселица

* * *

Золото Рима. Нас ожидает смерть. Ты
выбираешь иссиня-черное, белый диск,
золотой. Равнодушие, послесмертие,
чистый риск. Частную жизнь, русский
алкоголизм. Я не верю, что все это правда,
мой жадный друг, Мы из иного мира,
другой войны, Мы здесь любили и убивали
не для других. Преданность мертвым
не значит любви к стране.

* * *

О нет, о тень, о сон. Волшебный алкоголь.
Ты свет. Ты лед. Ты голубой огонь. Ты труп.
Ты свет. Ты совершенный мир. Ты яд.
Ты боль. Ты вред. Ты мед. О нет, о нет.
Ты рана в сердце, ты ядро в груди. Вернись,
уйди. Свинец в уме и жар во тьме. Уймись.
Подумай обо мне.

Андрей Грицман

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЦИКЛ

Письмо из Италии

Письмо из Италии вовремя:
говорят, виноград зрел до срока.
Этот город, охрой затопленный
стал в судьбе чем-то вроде порога.
И не то, чтоб письмо это тронуло.
Просто время пришло разобраться:
то ль на дно все Трастевере кануло
Атлантидой подводного царства?
Я из тех водолазов печальных,
безнадежно подсевших на воздух.
Память осени первоначальной
к нам доходит, как азбука Морзе.
И, снижаясь с утра к Фьюмичино,
«Вспоминая покинутый порт»,
Замечаешь — усталый мужчина
третий скотч на прощанье берет.

Ghetto di Roma

У излучины Тибра — карабинеры.
Первый седед. Тяжкие символы веры
прикрывают сердца и свисают с плеча.
Безносые цезари и химеры
бесстрастно молчат.

Пятница. Слово замкнувшийся круг.
Вечереет. Пиццы, пьязцы волнующий дух
обещает и ноздри тревожит.
Солнце низко. Прохожие всё же зайдут,
всё реже, кто сможет.

Десять старцев.
Альцгеймеров полный синклит.
Колоннадой секретная служба стоит.
Опущены жалюзи к ночи.
Старуха бездомная у стены
в стене растворяется,
словно во сне
крестится и бормочет.

Позитано

Погода меняется, молочно-серая
мозаика Средиземноморья.
Квадраты каменных домов
разбросаны по утесам
тронутых мхом деревьев.
Словно разбита огромная серая ваза.
Осколки застыли,
не упав в небо.

Невидимые мотоциклы — насекомые —
вылетают из щели скалы,
исчезают в скалу,
унося чьи-то души
в неизвестном направлении
от нулевой точки
к ситуации ноль.
Искры жизни,
тлеющей две тысячи лет
после извержения вулкана.

Здесь не хватает автостоянок,
но Джону Стейнбеку
она была не нужна.
Он обосновался надолго,
пил свой скотч,
забыв обо всем.
Добрый старый писатель
на одном из шести тысяч языков.

Он ушел пока не поздно,
провожая жизнь в ее начале,
как истинный поэт.
На рассвете, когда первый катер
отходит от причала
по направлению к острову,
не имеющему названия.

Колизей

Геометрия смерти.
Выжженный овал.
Губы камня.
Черствый хлеб.
Песнь ветра
летающего
к оливковым рощам памяти.
Переплетение, смещение.
Сумерки в долине.
Туристское месиво днем,
каменное кладбище ночью.
Но в воздухе: соль
на земле Карфагена,
соль у Масады.
Тугие паруса

направленные в никуда.
Тупик. Цепные псы
мертвых Цезарей.
Сонная сиеста.
Италийские тени в каменном саду:
свежая паста,
древний рецепт соуса.
Нещадное солнце щедро жарит,
слепо плавит маску
на лице гида родом
из неизвестного
берберского племени,
в майке с именем Тотти.

Боргезе

Это место, где время остановилось.
Пахнет хвоей, платаны немногословны.
Дышит прекрасным склепом,
а не глухой могилой.
Мысль ящерицей скользит, слава Богу, мимо
по камню, выжженному солнцем,
тронутому старой кровью.
Наконец я спокоен. Все со мной, и более,
дышу настоем лучшего, что осталось.
Этот отвар крепче, если настоен на боли,
но на вкус не скажешь — много ли, мало.
И когда отплываешь — навсегда остается
брат Бернини, друг ненаглядный,
сестра Мария,
и небосклон непередаваемо синий,
вода из глубин бесконечно льется, словно
звучит
давно позабытое, но родное имя.

© Ольга Кучкина
© Алексей Александров
© Ирина Котова
© Андрей Сен-Сеньков
© Елена Фанайлова
© Андрей Грицман

АБРИС ИТАЛИИ

*или Записки человека,
который всегда дружил
с “благословенной ленью”*

*Я родился и вырос в небольшом украинском городке
Бахмач, что в Черниговской области. Ни родители,
ни родные мне никогда не морочили голову «нужным»
воспитанием. Самое приятное воспоминание — это
свобода, когда ты все детство проводишь наедине с
природой. Я всё, абсолютно всё разглядывал часами.
Сегодня задним числом я вспоминаю Джона Раскина,
который говорил своим ученикам (цитирую по памя-
ти): «Я учу вас рисовать не для того, чтобы вы
хорошо изображали природу, а для того,
чтобы вы полюбили природу и понимали её».*

*Жизнь моя сложилась так, что с детских лет я
прошёл через строгую военную дисциплину, возненави-
дел её и понял, что мне необходима только самодис-
циплина. Но самым счастливым подарком судьба ода-
рила меня, связав навсегда мою жизнь с Италией. Это
интересная история, как я поступал в Московский
институт иностранных языков (иняз): возмущённый,
я ворвался в деканат переводческого факультета и
спросил: «Как так, я ведь точно помню, что отвечал
лучше тех, кого вы приняли, а вы ... Меня перебили:
«Посмотри список принятых на испанское отделение,
итальянское...». И я нашел себя в «итальян-
ском» списке. Вот уж воистину нашёл!!!
К счастью, в Италии я видел очень много, но это
«очень много» почти ноль в сравнении с тем,
чего я еще не успел увидеть.*

© Фото: Лев Меликов

ВАЛЕРИЙ
СИРОВСКИЙ
Из итальянских
дневников

Наряду с рисунками, записывал, конечно, свои встречи в Италии. И здесь мне не сказано повезло. Дабы не прослыть человеком, который только и делает, что хвастается, всё-таки назову несколько человек, с которыми меня сводила бескорыстная судьба (в основном в то время, когда я работал в кино): Клаудиа Кардинале, Шон Коннери, Эннио Мориконе, Альберто Сорди, Чезаре Дзаваттини, Ренато Гуттузо, Тонино Гуэрра, Федерико Феллини, Микеланджело Антониони, Адриано Челентано и многие-многие другие...

В советские времена жена сценариста Родольфо Сонего привозила мне по 8–10 книг в год, которые нельзя было не прочитать и, именно по этой причине, были запрещены в СССР. Но главное (!!!) — Аллегра привезла мне книгу «Проклятые тосканцы» Курцио Малапарте. Часть этой книги стала моим дипломом (если не ошибаюсь, единственным иллюстрированным дипломом в СССР), а совсем недавно всё та же Ира Тарханова издала весь мой перевод «Проклятых тосканцев», правда, без иллюстраций, но с прекрасным предисловием А.Ипполитова.

В Италии я бывал уж и не знаю даже сколько раз, наблюдал и записывал в дневник то, что слышал...

1962. ВЕНЕЦИЯ

В 1962 году Министерство культуры СССР предложило мне, студенту третьего курса Института иностранных языков, поехать в качестве переводчика с делегацией советских кинематографистов на Венецианский кинофестиваль. Ранним утром автобус киностудии «Мосфильм» должен был взять прежде всего переводчика, то бишь меня, а затем объезжать по разным адресам и брать «на борт» всех остальных членов делегации, по мере их значимости с таким расчётом, чтобы наиболее маститых (Сергея Аполлинариевича Герасимова, Тамару Фёдоровну Макарову и других) взять в последнюю очередь.

Самой незначительной фигурой после переводчика был совсем молодой и никому тогда не известный режиссёр Андрей Тарковский, который снял фильм «Иваново детство», выручив производственный план «Мосфильма»: картина уже была почти кем-то снята, но получилось такое безобразие, что решено было фильм переснять, поручив это Тарковскому, который дерзко, почти нагло для новичка, предложил не переснимать, а весь фильм снять заново — на те гроши, которые оставались не задействованными предыдущим режиссёром. И вот этот быстро испечённый фильм Андрея (по рассказу Богомолова «Иван») везли в Венецию, что бы про запас, потому как основной «официальной» картиной считалась работа Сергея Герасимова «Люди и звери». Ранним туманным утром заехали мы в какой-то переулок неподалёку от Курского вокзала. В автобус вошёл взъерошенный со сна парень, явно не довольный тем, что ему пришлось встать в такую рань: он вежливо поздоровался с водителем и со мной. Сел в угол. Мы молча поехали дальше.

О самой Венеции говорить не буду: после первой инъекции в мои жилы венецианской лагуны я сижу на этой игле более сорока лет, поэтому боюсь, что если начну говорить о Венеции, то рискую потерять даже Тарковского.

Как-то так получилось, что с Андреем мы сошлись, словно заговорщики. Мы сразу же вышли вдвоём из гостиницы. Перед нами была дорога. На средней разделительной полосе — трава. Андрей лёг ничком на траву, поднял голову к идеально голубому небу и, широко разбросав руки, словно распятый, закрыл глаза и громко выдохнул: «Свобода!» Я никогда не забуду этого выдоха: он словно за всех нас выдохнул это слово, за всех, кто сидел на московских кухнях, пел песни под гитару, рассказывал запрещенные анекдоты и чаще всего не был никаким диссидентом, а просто подсознательно мечтал оказаться вот так в какой-то прекрасной стране, где никто за тобой не следил, лечь на травку и впервые в жизни ощутить чувство свободы. (Как говорил Гена Шпаликов: «Так ездить за границу, как сейчас ездят, я не хочу. Я хочу пойти в кассу, купить нормально билет и поехать куда и когда захочу».)

Погода стояла прекрасная. Ресторанные столики располагались «во дворе» гостиницы «Эксельсиор» (то есть прямо на пляже, в десяти метрах от моря). Рядом с советской делегацией «столовались» французы. <...> Был 1962 год — год твиста. Оркестр из белоснежных музыкантов на возвышении заиграл «Let's twist again», и Андрей бросился бегом вверх, к белым ангелам твиста и стал в абсолютном самозабвении, один («я куда-то улетаю, словно дерево с листа») лихо отплясывать твист. Свобода! Его уже никто не смог бы остановить, и если бы вдруг к нему тогда подошёл Генеральный секретарь ЦК КПСС и сказал бы: «Вы что? Как вам не стыдно? Под чью дудку вы пляшете? Вы что, не знаете, что на рояле вам подыгрывает сын фашистского вождя Бенито Муссолини?», он бы ни за что не остановился. Как можно было останавливаться, когда Романо Муссолини, блистательный джазовый пианист, играл так, что невозможно было не радоваться жизни!

Нарушая все инструкции, которыми цэковский кагэбэшник Александров пичкал всех выезжавших за пределы Родины деятелей культуры, с первой и до последней ночи мы с Андреем незаметно, как только темнело, выходили из гостиницы, шли на причал, садились на varopetto, пересекали свинцовую Лету венецианской лагуны и высаживались на Сан-Марко. Оттуда начинались наши ночные блуждания по Венеции. <...> Все наши деньги (не ахти какие, но все же огромные для

© Рисунок Валерия Сировского

советского человека) мы пропивали напропалую, каждый раз изобретая, как бы их пропить более красивым и бесшабашным образом. Нам казалось, что с этим красным вином мы пили свободу — чем больше выпьешь, тем свободней. В самой этой мысли для русского человека ничего нового не было, но в своем стремлении к абсолютной свободе мы дошли до того, что в пустынной Венеции часа в три ночи подошли к огромному красавцу карабинеру, дежурившему где-то рядом с церковью, где захоронена Святая Лючия, и с незамысловато-российской простотой поставили перед ним вопрос ребром: «Простите, вы не хотели бы с нами выпить?» Подобное предложение было, конечно, верхом абсурда. Карабинер, этот представитель элитных частей армейской полиции, находившийся при исполнении служебных обязанностей, настолько опешил от подобного предложения, которое н-и-к-о-г-д-а не могло бы донестись до его слуха, что сразу же согласился. Мы пошли в бар и распили очередную бутылку.

Мы со спокойной совестью спускали наши несчастные суточные на ночные похождения и не подозревали, что нас ждал жестокий финансовый удар. 1962-й был последним годом, когда протокол Венецианского кинофестиваля предписывал обязательное облачение в смокинг, иначе в просмотровый зал Дворца кино всё те же красавцы карабинеры не пропускали. У Герасимова смокинг был, у Писаревского был чёрный костюм «на грани смокинга», Левада и слышать не хотел о том, что он расшитую украинскую сорочку (и бежевые советские сандалии) должен променять на какие-то капиталистические одежды. Ни у меня, естественно, ни у Андрея смокинга не было, и без долгих рассуждений мы решили, что смокинг надо доставать. Но как? Если бы мы и не пропили к тому времени значительную часть наших суточных, денег наших не хватило бы даже на один рукав от самого захудалого смокинга. Я вспомнил, что когда-то в Москве работал с каким-то итальянским коммунистом по фамилии Витаделло, и он мне говорил, что он очень богатый и что у него много магазинов верхней одежды. Мы отправились с Андреем в Венецию разыскивать магазин этого коммуниста (хотя я прекрасно понимал, что всё это бред и ничего мы не найдём). Очаровательная актриса Валя Малявина, у которой не было достойных венецианской премьеры туфель, сунула мне в руку вырезанную стельку и попросила купить ей чёрные туфли. Чёрные туфли было легче купить, чем два чёрных смокинга. Я пообещал привезти ей туфли. День оказался, однако, не таким уж чёрным, как я боялся. Первым делом мы купили Вале туфли. Я положил их в свадебный подарок моего первого тестя (актёра Бориса Израилевича Бердичевского, который дублировал на русский язык «Великолепную семёрку»), то есть в большой английский портфель, в котором (на всякий случай) таскал с собой несколько баночек чёрной икры, бутылку водки и много пригласительных билетов на просмотры фестивальных фильмов.

Буквально в ста метрах от обувного магазина я увидел крупные буквы VITADELLO. Поначалу я не поверил своим глазам и стал искать ошибку в совершенно правильно написанном слове. Мы вошли в магазин. Нас встретил продавец (молодой, с большими залысынами); его, как потом выяснилось, звали Джорджио. Я ему объяснил, что вот этот молодой человек — знаменитый во всём мире советский режиссёр Андрей Тарковский (о нём не то что в мире, в Москве тогда почти никто ничего не знал) именно в этом году выиграл на Венецианском кинофестивале «Золотого льва». Продавец застыл в выжидании: это могло быть провокацией перед ограблением магазина. Андрей разозлился: «Ну, что ты хреновину ему несёшь? Поговори с ним нормально». Именно тогда, перед продавцом, который продолжал вежливо держать выжидательную паузу и ничего не понимал, я предложил Андрею пари (это я-то, который никогда ни с кем ни на что не спорит): «Если ты выиграешь в Венеции, ты мне ставишь ящик коньяка и платишь за ужин в «Арагви»; если я проиграю — всё наоборот». Мы ударили по рукам. Я объяснил продавцу суть проблемы. Он сказал, что проблем нет: за два часа смокинги будут готовы. Тогда я сказал, сколько у нас денег. Возникла непреодолимая,

Тонино Гуэрра и Андрей Тарковский

словно пропасть, пауза. И тогда я сиганул в пропасть в надежде не провалиться: «А можно связаться по телефону с синьором Витаделло?». — «Связаться — нет проблем, но что я ему скажу? Что у вас нет денег?» «Нет, вы меня с ним только свяжите. Я ему сам всё скажу. Скажите, что это — его переводчик Валерий, из Москвы» (он жил не то в Милане, не то в Риме). К счастью, он вспомнил: «да, да, как же, конечно, помню». И закричал в трубку: «Валерий, где ты, какими судьбами тебя занесло в Венецию?» Я объяснил ему суть проблемы. Он попросил передать трубку Джорджио, что-то ему сказал. Через десять минут после первой примерки смокингов (таких мягких, что в них захотелось завернуться и жить там внутри, не вылезая) предложил: «Идите вон в тот бар напротив, у мостика, спросите Карлу, она работает за стойкой, скажите, что вы от Джорджио, угощайтесь чем хотите и минут через тридцать-сорок приходите на последнюю примерку».

Через пару часов мы сели на varogetto, и он, снова погружаясь в ртуть лагуны, повёз нас обратно на Лидо. Справа проплыл палладианский фасад Святого Георгия, вдали кладбище Сан-Микеле притягивало к себе райской красотой, но мы туда не стремились: мы стремились отдать Вале туфли и облачиться в прекрасные смокинги. <...> Varogetto подходил к причалу. Я взял огромный пакет с нашими новенькими смокингами, и мы сошли на берег. Медленно поднялись наверх, пошли в сторону гостиницы, о чём-то возбуждённо беседуя, и вдруг я увидел Валу Малявину, которая светилась очаровательной улыбкой. Как только я увидел эту очаровательную улыбку, я пришёл в ужас: на varogetto, под скамейкой, на которой мы сидели, я забыл свой английский портфель с икрой и Валиными туфлями. В крайних ситуациях у меня мгновенно возникает решение, меня не интересует, правильное оно или нет, я сразу же начинаю его выполнять: ничего не соображая, я остановил первую попавшуюся машину. (На Лидо есть автомобили.) За рулём сидел какой-то юнец в белоснежной роскошной рубашке с жабо из венецианских кружев. Я быстро стал объяснять ему, кто мы, что мы и в чём дело. Он лениво выслушал, улыбнулся: «Давай, садись, поехали!» Как только я сел в машину, моё тело ощутило все преимущества дорогого комфорта очень дорогой машины «Maseratti». Мы быстро вернулись к причалу. Поговорили с каким-то служащим, вароgetto уже ушёл. Мы поехали дальше. Видно, столь неожиданно свалившееся на голову приключение непомерно нравилось ему по двум причинам: парень он был добрый и участливый, но, главное, я думаю, оттого, что жить в Венеции очень скучно среди многотысячных толп туристов, а здесь он сам должен был что-то решать и предпринимать. Задача не ахти какая глобальная, но всё-таки событие.

Venezia 09.09.2000

Валерий Сировский. Из записных книжек

Итальянцы, слава Богу, вообще не любят всей этой патетики глобальных подходов и мыслей: живут они в самой прекрасной в мире стране, где почти всегда светит солнце, они ходят по античным памятникам, не обращая на них никакого внимания; и если сегодня кто-то умер, они денек-другой поплачут на всю катушку, но потом опять солнце, море... Ну, конечно же, и работа. Но поскольку к работе итальянцы относятся как к неизбежности, то из работы трагедии не делают, а превращают её в интересную необходимость, заботясь только о себе и своей земле, о своей семье. Но не о Родине. Мне кажется, Родина с большой буквы в Италии не существует как риторическая фигура даже в словаре ностальгирующих по фашистским (так нам знакомым) временам.

Парень, как выяснилось на большой скорости, оказался самым настоящим венецианским графом (не то Мочениго, не то Марчелло, не помню). Он запарковал машину, мы побежали к другому причалу, взяли катер-такси и пустились в погоню за злосчастным вапоретто. Уже пронесся почти по всей лагуне, мы на секунду затормозили, чтобы спросить про наш вапоретто, и нам ответили, что он уже ушёл с последней остановки, но если что-нибудь утеряно, то лучше обратиться в бюро находок по такому-то адресу. <...> В бюро находок перед нами стояло еще человек пять. Служащий с широкой улыбкой задавал вопросы жаждущим обрести свои утерянные вещи с такой надеждой, с какой обычно воспитатели детского сада, широко раскрыв глаза и рот, ждут от детей правильного ответа на заданный ребенку лёгкий вопрос. <...> На меня с выжидающей улыбкой смотрел служащий бюро находок. Я ему подробно ответил на все вопросы, и пред наши очи явился мой любимый английский толстокожий портфель. Я рассыпался в благодарностях. Служащий попросил меня пройти с ним внутрь в какой-то закуток и признался шёпотом: «Синьор, вы меня простите, ради Бога, я никогда в жизни не пробовал чёрной икры. Я без вашего разрешения позволил себе взять маленькую баночку». Я дал ему ещё две банки икры, и мы с молодым графом отправились обратно. Чтобы как-то его отблагодарить, я ему дал билеты на все просмотры Венецианского кинофестиваля, не подозревая, что они с лихвой покрывали стоимость наших смокингов, Валиных туфель и всех наших будущих с Андреем ночных прогулок по Венеции.

Все остальные комплекты билетов на все просмотры я подарил продавцам магазина «Витаделло». И вот мы с Андреем шагаем на первый просмотр в новеньких смокингах. <...>

Андрей поделил «Золотого льва» с Валерио Дзурлини, который в тот год показал трогательную картину «Семейная хроника». Я выиграл наш спор. Ребята из магазина «Витаделло» заказали пир в ресторане, а затем и гондолу на всю ночь. Сохранившиеся фотографии свидетельствуют, что в ту ночь было прекрасно: на гондоле мы прошли, казалось, по самым узким и недоступным каналам. Как восточные варвары, мы бросали пустые бутылки из-под нашей советской водки прямо в безмолвные воды Canal Grande, ели чёрную икру огромными пластмассовыми белыми ложками и прогорланили весь итальянский и русский репертуар. Гондольер, тоже в дупель пьяный, рассказывал нам вместо анекдотов тайны Венеции.

ПАПА ИОАНН XXIII

Этого папу-крестьянина почему-то сравнивали с крестьянином Никитой Хрущёвым. Такое сравнение в некотором смысле было небезосновательным. Только римский папа не позволял себе непредсказуемых выходов (по крайней мере, на людях).

Был у меня один хороший знакомый по фамилии Лабелло, итальянец, который жил в Лондоне и работал на телевидении Би-би-си. Был он гражданином Ватикана. Кстати, гражданином Ватика-

Шон Конноры, Валерий Сировский, Михаил Калатозов

Tra i due giganti: Sean Connery & Kalatozov

на статью ещё (если так можно сказать) невозможнее, нежели принять гражданство в Сан-Марино. Уж слишком мала территория этого полного истинных и ложных тайн центра христианской святости, и слишком велики привилегии, которые (кому больше, кому меньше, но всегда больше, чем итальянским гражданам) обеспечивает это государство своим гражданам. Никаких пошлин на бензин, на продукты питания, на любые товары.

Лабелло сотрудничал с ватиканской газетой «Osservatore romano» («Римский наблюдатель»), ему надо было туда зайти, и он предложил мне съездить с ним в Ватикан. (Гражданин Ватикана имеет право провести с собой в это «государство в государстве» гражданина любой другой страны, но сам лично несет ответственность за поведение этого гражданина). Я попросил его показать мне инфраструктуру Ватикана (в пределах допустимого). Больше всего меня поразил коммутатор: огромный зал, в котором черно-желто-белокожие сестры-телефонистки в самых странных головных уборах с белоснежными католическими рюшечками говорили, словно какие-то шепчущие на всех языках мира машины, и беспрестанно вытаскивали и вставляли в дырочки коммутационные соединения.

Лабелло предложил мне погулять в Ватиканских садах: там здесь, по его словам, было лучше и полезнее для глаза, чем в редакции ватиканской газеты, которая ничем не отличалась от любой редакции любой газеты.

О Риме говорить можно много. Уже много сказано другими. Но когда на час-другой в Риме выпадает снег, а случается это очень редко, зрелище это настолько прекрасное, что восхищаться и тысячу раз повторять рассказы об этой красоте — святое дело. Я вошел в один из ватиканских дворцов четверть часа назад, светило солнце, а когда вышел, увидел вдруг снег на пиниях, на траве, на черепичных крышах палаццо. Много лет спустя после этого представшего передо мной зрелища Андрей Тарковский бился как рыба об лёд, придумывая (в «Ностальгии»), как соединить Россию и Италию, а здесь мне само провидение послало эту красоту. Я стоял, словно очарованный странник, и смотрел в основном вверх, на прекрасные кроны итальянских пиний, которые я так люблю рисовать. Сад был пуст. Я один любовался этим застывшим божественным подарком, и меня даже не смущали толпы туристов, которые за стеклом крытой галереи над садом мощным потоком стремились из первых залов ватиканских музеев в сторону знаменитой «Мадонны» Рафаэля. Краем глаза, однако, я уловил какое-то движение и в саду, где я находился. Я посмотрел перед собой, чуть левее: по заснеженной дорожке в мою сторону медленно шёл в полном одиночестве какой-то священнос-

лужитель, который, вероятно, как и я, захотел полюбоваться, этой красотой. Я внимательнее посмотрел на эту мощную фигуру, которая медленно приближалась: и меня обуяло то трепетное чувство, когда не понимаешь: то ли это страх, бесконечная радость. По дорожке шёл Папа Иоанн XXIII. Он подошёл ко мне. Я, молодой комсомолец, опустился пред ним прямо на снег. Папа протянул мне руку, чтобы я встал. Я поцеловал его перстень. Он возложил свою руку мне на голову и — во имя Отца, и Сына, и Святого Духа — благословил. Затем улыбнулся и медленно пошёл дальше, а я стоял и смотрел ему вслед до тех пор, пока он не скрылся.

ГЕНЕРАЛ УМБЕРТО НОБИЛЕ

Грех говорить, но трудность при написании сценария и съёмках фильма «Красная палатка» состояла в том, что генерал Умберто Нобиле, о котором и был весь рассказ, пребывал ещё в добром здравии и, несмотря на свой преклонный возраст, совсем не собирался умирать. Он беспрестанно требовал, чтобы его ознакомили со сценарием. Что никак не входило в планы режиссёра Михаила Константиновича Калатозова (см). Он не знал, как избавиться, сохранив приличия, от домоганий генерала: тот хотел во что бы то ни стало знать, что он ответит в фильме на вопрос, который с 1928 года так и оставался без ответа: «Почему генерал Нобиле оставил своих подчинённых, потерпевших катастрофу, (в том числе больного моториста Чиччони) и первым улетел со льдины?»

Калатозов придумал запустить меня в дом Умберто Нобиле как некую буферную систему для укрощения этого строптивого сухожильного генерала. Генерал очень быстро стал свирепеть, оттого что понял: его пытаются обмануть и поэтому не допускают к сценарию.

И он был совершенно прав. Все мы, конечно, при необходимости врем немножко, но Калатозов научил меня врать безбожно. Так, как я в те месяцы врал генералу Нобиле, я уже никогда и никому не врал в своей жизни. Но фильму, который, кстати, все мы делали с большим энтузиазмом, я был предан больше, чем истине.

К генералу было приятно приходить. В гостеприимном доме, уставленном жироскопами, секстантами, глобусами, знамёнами фашистской поры и прочими атрибутами бурной военной жизни генерала, роль хозяйки выполняла его милая дочь Мария, уже в годах, которую он звал по-русски просто Маша. Машей она стала ещё в советском пионерском лагере неподалёку от Долгопрудного, под Москвой, куда её отдавали несколько летних сезонов подряд, пока её отец, генерал итальянских ВВС, консультировал советских специалистов: была эпоха дирижаблей. К генералу было приятно приходить по многим причинам: а) легендарная личность; б) очень вкусно кормили; в) пили в основном прекрасные белые рейнские вина, которые генерал предпочитал всем остальным, итальянским и французским; г) у генерала постоянно гостили интересные люди. Именно у него я познакомился с одним из сыновей Шаляпина, актёра с фактурной, типично шаляпинской внешностью. Жил сын Шаляпина в Риме, подрабатывая в кино. Он тоже непременно приносил бутылку отменного рейнского вина, рассказывал много разных историй, в том числе и об отце. Генерал рассказывал о своих приключениях. Маша рассказывала о каких-то случаях в пионерлагере. Получалось так, что все не ввали, один я, по велению Калатозова, оттачивал мастерство вранья, купаясь в роскоши общения.

Написание сценария близилось к завершению. Всё было прекрасно, но не было только финала, заключительной точки, ударной фразы, которая бы объясняла, почему же всё-таки командир (Нобиле) оставил людей, потерпевших катастрофу, на льдине, но — в то же время — оправдывала это

его решение. Калатозову по-человечески очень хотелось оправдать генерала Нобиле: он и генерал были людьми одного поколения, у Калатозова в жизни тоже были моменты, которые он хотел бы оправдать. Но такие вещи убедительно оправдать (прежде всего в своём сознании) очень трудно. Пригласили для этой цели ещё одного сценариста, и не кого-нибудь, а самого Роберта Болта (см.), мужа обаятельнейшей актрисы Сары Майлз (см.) и обладателя четырёх «Оскаров» («Мост через реку Квай», «Доктор Живаго» и ещё какие-то два, не помню). Он-то и придумал фразу, которую потом тщательно скрывали от генерала Нобиле до самого дня премьеры фильма: «Да, было много причин, по которым я оставил на льдине людей... Надо было лучше организовать поиски... надо было (далее генерал перечислял тактические и стратегические причины)... — и в раздражении, словно сбрасывая с себя многолетний груз, он произносил сакраментальную, вполне человеческую фразу: — В конце концов, чёрт возьми, я хотел принять горячий душ!»

На премьере фильма в римском кинотеатре (не помню названия, кажется, «Метрополитан», что-то в этом роде) на Via Bissolati я сидел между Калатозовым и генералом. Умберто Нобиле фильм понравился, но в темноте я наблюдал за его реакцией на сакраментальную фразу: он поморщился, эти слова его явно задел. Как человек умный он не мог не понимать, что последняя фраза оправдывала его по-человечески, хотя и принижала как личность. Когда после просмотра стихли аплодисменты (кстати, не очень-то бурные), Калатозов спросил генерала, понравился ли ему фильм. Генерал уклончиво ответил: «Фильм очень красивый».

В память о встречах в доме у генерала на моей не очень обширной книжной полке стоят два тома мемуаров, написанных синьором Нобиле. Мемуары эти я не читал, и знаю, что до своей смерти ни разу не прочту. Но и отдавать их никому не собираюсь: дело в том, что они с автографом Нобиле и подарены лично мне. В противном случае их постигла бы участь сотен (если не тысяч) книг из моей библиотеки: когда я смотрю на какую-нибудь книгу, я спрашиваю себя, прочту ли я её ещё хотя бы один раз до своей смерти. Если нет (это касается почти всех книг, вне зависимости от того, «хорошие» они или «плохие»), то они пакуются в ящик и отправляются в какую-нибудь провинциальную библиотеку, скажем, в Гусь-Хрустальный или в какой-нибудь детский дом, возможно, где раньше располагался пионерлагерь, в котором резвилась дочка генерала Нобиле.

ЧЕЗАРЕ ДЗАВАТТИНИ

Из всех интересных людей, с которыми мне посчастливилось встречаться, только эти двое — Парджанов и Дзаваттини — были неконтролируемыми вулканами.

<...>С Дзаваттини я встречался очень много, работал с ним и в Москве, и в Италии. О нём можно рассказывать бесконечно. Он был, безусловно, универсально творческим человеком Возрождения. Он умел делать всё (не умел только водить машину): один из первых итальянских писателей в жанре абстрактного юмора, блистательный художник (помню, как в возрасте шестидесяти с лишним лет он в противогазе разбрызгивал из баллончика по полотну краски у себя дома, создавая свои знаменитые автопортреты), коллекционер прекрасных книг, коллекционер хлеба (в одной из его комнат хранились десятки видов самого разнообразного итальянского хлеба от тосканских пресных буханок до белоснежных феррарских мраморных батончиков), один из главных основоположников итальянского неореализма в кино.

— Чезаре, как тебе пришло в голову писать все эти истории, за которые тебя окрестили отцом неореализма? Как вообще возник этот неореализм?

Тонино Гуэрра и Федерико Феллини

— Как возник неореализм? — переспросил он и стал рассказывать: — После войны — а до войны я жил здесь же в Риме, на Via Merich, 40, — я купил много тетрадей в клеточку и стал обходить всех без исключения своих знакомых и вручал им тетрадь с одной-единственной просьбой: я просил их написать о том, что больше всего их потрясло во время войны. Представляешь, у людей столько накопело, что все они заполнили свои тетради. Это были и мои соседи, писатели, хозяин бензоколонки, официант, проститутка, певица, карабинер, рыбак, продавщица зелени на рынке, аптекарь, партизан, крестьянин и т.д. Мне ничего не оставалось делать, как создавать из всего этого сценарии.

Бесполезно говорить: ах, как я гениально это придумал! Вон видишь дом, третий от меня на углу? Его нынешний хозяин рассказал мне, как он его строил. По итальянскому закону тех лет, если ты начинаешь строить дом и к утру следующего дня успеваешь подвести его под крышу, ты имеешь юридическое право на этот дом. Так был написан сценарий фильма «Крыша». Неореализм, короче говоря, родился из этих тетрадок в клеточку.

РОДОЛЬФО СОНЕГО

Родольфо Сонего был учеником Дзаваттини. Считается, что он был сильным сценаристом. Но что уж совсем точно, он, безусловно, лучше других придумывал сюжеты. Он написал практически все фильмы для Альберто Сорди. Это был самый прочный тандем «сценарист — актёр» в итальянском кино.

По образованию Сонего был художник: он закончил Венецианскую Академию изящных искусств, был неплохим живописцем и отменным графиком. (Он дружил с такими будущими знаменитостями, как Эмилио Ведова, Марио Сольдати, Консагра.)

Я от него очень многому научился. Он всю жизнь сам постоянно учился, читал книги на самые разные темы по науке, причём, как это часто бывает, сначала подчёркивая чуть ли не каждое слово, потом меньше, меньше, ещё меньше, и вот на страницах уже не было его замечаний, потому что, после книги о речных раках, уже увлёкся устройством ядерных ускорителей. Он постоянно рисовал. Очень часто серьёзные темы становились источником его блистательных карикатур. Чем он только не увлекался: разводил и препарировал лягушек, рыб, каких-то кузнечиков, придумывал и рисовал странных животных, общался с математиками, физиками, философами и поддерживал с ними разговор на высоком уровне. Но лучше всего у него получалось, как я уже сказал, вы-

думывать сюжеты. Причем он их не особенно-то и придумывал. Если говорить о технологии придумывания, то Родольфо был ярким представителем тех художников, которые отталкивались от реальности, от природы, от детали и ситуации, на которые большинство людей и не думают обращать внимание. <...> Он был прекрасным рассказчиком. Причём одну и ту же историю он рассказывал десятки раз, «проверяя» её на разной аудитории. Время от времени аудитория и у него воровала сюжеты.

К примеру, павлин, распускающий хвост под снегом, падающим крупными хлопьями, в фильме Феллини «Амаркорд». Вот откуда этот павлин.

Сонего было двадцать семь лет, когда он, в чине полковника, был политкомиссаром бригад Сопротивления на Севере Италии. Однажды зимой партизаны отступали в горах после проигранного немцам сражения. У холодных и голодных партизан было жуткое настроение. Шёл снег. И вдруг прямо на дороге из белой пелены снега на дороге появился павлин и стал распускать хвост. Партизаны остановились и, зачарованные фантастическим зрелищем, наблюдали за этой красотой... Феллини услышал этот рассказ и честно предупредил Родольфо: «Это моё!» (в том смысле, что он эту историю прибирает к рукам, что достаточно часто практиковалось, когда будущие корифеи итальянского и мирового кино, нищие и безработные, валялись на пляже во Фриджене или Сабаудии — неподалёку от Рима — и рассказывали друг другу то, что видели, пережили или услышали от других во время только что закончившейся Второй мировой войны). Спустя несколько лет Феллини просил своего друга Сонего сделать фильм о его родном селении, а условным названием фильма было как раз — «Павлин».

Кстати, вот ещё одна из сонеговских историй о его партизанской жизни. Конец войны. Счастливые партизаны входят в горный городок. На центральной площади крики радости, знамёна, объятия... Командир партизан входит в бар и на радостях велит заказывать всем всё, кто что захочет... Все стали шумно заказывать: кто кофе, кто мартини, кто граппу... Когда все заказали, наступила некоторая пауза, и бармен спросил: «А кто платить будет?» Воцарилась гробовая тишина, которая, собственно, и стала окончанием праздника победы... (Ну, заодно уж и блистательный анекдот из жизни венецианских партизан:

Последние дни войны. Немцы отступают. Два фрица, отбившиеся от части, пробираются в горах на север, к границе. Вдруг поздно вечером они видят огни бара в горном селении. «Послушай, у тебя хорошее произношение... Давай пойдём в бар и закажем мартини. Попробуй-ка, скажи «мартини». «Мартини!» «Отлично! Шикарное произношение! Никто не догадается, что мы немцы...». Они входят в бар. Фриц небрежно кидает: «Мартини!» Бармен спрашивает: «Драй?» «Цвай! Цвай!!!», — уже без напряжения уточняет немец).

Красивое и интересное Родольфо находил во всём. В этом отличительная черта самодостаточных людей. Они могут прекрасно жить в одиночестве. (Это я и по себе знаю.) Он был вечным первооткрывателем необычайной красоты самых простых вещей. Его рисунки, сделанные в Америке, своей математической графичностью доводят сюрреализм до последней точки. И к этому всегда надо добавлять его иронию и юмор. <...>

Он не особенно любил торжественные ситуации, ужины, приглашения. Предпочитал что-то делать дома, смотреть футбол по телевизору и последние известия или же копать со своими растениями и всякой мелкой живностью в загородном доме на озере Брачано. И, не выходя из дома, давать лаконичные определения той или иной ситуации, произошедшей в светских или артистических кругах <...>

Я мог бы без конца рассказывать об этом ироничном и душевном человеке, но, пожалуй, хватит и сказанного.

РЕНАТО ГУТТУЗО

«Ты знаешь, был один случай из моего общения с Пикассо, который во многом повлиял на меня как на человека и художника. Я готовил первую свою большую выставку в Париже. Пикассо был «духовным куратором» этой выставки. И вот мы развесили все картины, идём по пустым залам за час до вернисажа, проверяем, всё ли хорошо. Я очень волновался. Проходим мимо серии картин, посвящённых борьбе сицилийских батраков за свои права. Я остановился, подошёл к одной картине и говорю ему: «Смотри, тебе не кажется странным, что вот здесь красное знамя я изобразил вообще без красной краски... вот серое, синеватое, какой-то даже зеленоватый рефлекс... Поймут, что это красное знамя?» — спросил коммунист Ренато Гуттузо у почти коммуниста Пабло Пикассо. Пикассо ответил: «Я совершенно не понимаю, что ты так волнуешься о цвете. Если ты внутри коммунист — пиши знамя хоть чёрной краской, оно всё равно будет красным».

К Ренато Гуттузо я попал благодаря Калатозову. Мы были приглашены в его средневековый дом в центре Рима. <...>

В доме, кроме самого Гуттузо, был Рокко и жена Гуттузо, полная буржуазная синьора. Ставлю на первое место Рокко, этого здорovenного полуграмотного детину из Сицилии, который официально был «секретарём» Гуттузо, потому что Гуттузо его любил, как мне кажется, больше, чем жену, и даже больше, чем самую любимую любовницу Марту Марцотто (почти все обнажённые на картинах Гуттузо — это она). Я никогда не был большим поклонником живописи Гуттузо. Но я любил его слушать: он был отменным рассказчиком. В тот вечер речь зашла о самых разных предметах, и разговор плавно перешёл, как это часто случается с философствующими коммунистами, к религии, образу Христа, креста, вертикального, горизонтального в изобразительной символике и т.д. и т.п. Ренато Гуттузо говорил вдохновенно и красиво. В конце нашей встречи он подарил нам свои работы: Калатозову что-то получше, а мне, молодому человеку, — два офорта с автографом лично мне — о студенческих волнениях, которые в те годы (конец 60-х) сотрясали Италию и вообще Запад. Каждую работу подписал с пожеланиями, как положено, и пригласил нас на следующий день посетить выставку (был вернисаж) художника Пиранделло (брата знаменитого писателя).

Когда мы зимой жили на даче в Мамонтовской, у нас была собака, которая «пристала» к нам и стала у нас жить. Это была самая обыкновенная дворняга с отдалёнными намёками на гончую. Она страстно любила всё терзать и жевать, в особенности обувь и бумагу.

И вот как-то она добралась до стоявших в углу двух офортов Гуттузо и сожрала их. Так что от Гуттузо у меня в доме осталась лишь какая-то книга о его творчестве с автографом. Хоть что-то.

ГРАФ ФРАНЦ ТРОЙНБЕРГ

Если я сейчас не расскажу о Франце Тройнберге, о нём уже никто никогда никому не расскажет.

По прошествии многих лет, с кем бы я ни говорил о римской интеллигенции 1960–1970-х годов, раньше или позже в разговоре всплывало имя этого удивительного человека: «О, граф Тройнберг! Это, конечно, была личность! Таких вообще мало встретишь в жизни...». Это правда. Таких, как Франц, я больше никогда не встречал, а уж по нынешним временам, когда большинство потенциальных творцов с детства становятся потребителями результатов своего творчества, ещё с большей уверенностью могу сказать, что и не встречу.

Тонино Гуэрра и Микеланджело Антониони

Я его называл (не вслух, конечно) последним энциклопедистом. Я рассказывал ему о всех жителях Бахмача, а он мне — о всех жителях Европы. Все его рассказы я в тот же день записывал в дневник.

В начале мая 1945 года от Берлина ничего не осталось. Тройнберг шёл среди руин и вдруг слышит, как кто-то ему радостно кричит: «Франц, представляешь? На Via Veneto в Риме открыли новое кафе!» Это был Роберто Росселлини, рядом с которым стоял его сценарист Чезаре Дзаваттини: они снимали фильм «Берлин. Нулевой год». И тогда я подумал, что всю жизнь проживу в Риме только лишь для того, чтобы в любую минуту иметь возможность выпить чашечку кофе на Via Veneto. Что он и сделал. Но не сразу.

Ещё в 1920-30-е годы он познакомился и подружился в Париже с Ильёй Эренбургом. И вот теперь, в мае 1945 года, случайно встретились военный корреспондент Эренбург и недавний узник Кашиаса граф Тройнберг. Объятия, воспоминания о лучших временах, и вдруг Эренбург говорит ему: «Ты знаешь, через несколько дней наше командование организует праздничный приём в честь Победы, я постараюсь через маршала Жукова сделать так, чтобы и ты был на этом приёме».

За празднично накрытым столом было такое изобилие еды, которого Тройнберг не помнил со времен императора Франца-Иосифа. Рядом с ним сидел Илья Эренбург, а напротив — какой-то генерал, который внимательно буравил его сквозь толстые линзы очков своими глазами-буравчиками. Наконец генерал обратился к нему (Эренбург переводил): «Простите, это вы — граф Франц Тройнберг?» — «Да, я — граф Тройнберг». — «Очень приятно. Я — генерал Берия». — «Очень приятно». — «Могу ли я вас попросить об одной любезности? — Если я в состоянии, с удовольствием буду вам полезен». — «Господин Тройнберг, вы хорошо знаете Берлин? — Я бы сказал, что я хорошо *знал* Берлин. — (Берия улыбнулся, оценив деликатность высказывания немецкого аристократа о руинах города, в котором праздновалась Победа).

— Мне говорили, что нет лучших мастериц-шляпниц, чем берлинские мастерицы. Дело в том, что я хотел бы найти в Берлине кого-нибудь, кто мог бы сшить несколько шляпок для моей жены.

— Если я найду в эти дни свою сестру Бьянку, она сможет выполнить Вашу просьбу лучше, чем кто-либо другой.

— Вот и замечательно. Свяжитесь со мной через вашего товарища Эренбурга. Кстати, где вы сейчас живёте? Хорошо ли устроены?

— Я живу по (граф назвал адрес). Всё бы хорошо, только книг нет хороших: или Гитлер сжёг, или так сгорели...

Конечно, сегодня уже мало кто помнит кинофильм «Встреча на Эльбе». Для тех же, кто помнит, тот не забыл и образ первого мэра Берлина, этакого статного немецкого интеллектуала, который спускается по резной позднеготической лестнице и читает Гёте: «В красавицу розу влюблён мотылёк...» Так вот, это был тот самый граф Франц Тройнберг (вернее, «списанный» с графа образ). Советское командование через Эренбурга уговорило графа стать первым послевоенным мэром Берлина, а Берия постарался, чтобы Тройнберга срочно переселили в шикарный особняк (не мог же, в конце концов, немецкий аристократ, ненавидевший нацистов, жить в трущобах). Как-то ночью постучали в дверь особняка. Франц открыл: на пороге стоял молодой советский капитан, который сказал на понятном немецком: «Не беспокоиться. Мы приходим давать. Мы не брать. Это книги от генерала Берия». Он сделал шаг в сторону, и из-за его спины в дом вошла вереница солдат, которые затем в течение часа разгружали огромный грузовик с книгами. И с какими книгами!

Но долго Франц у власти не продержался: он заявил, что это не его дело, что он человек искусства, театра, кино, в конце концов. Прекрасно! Ему сразу же советское военное руководство предложило стать директором (с немецкой стороны) создаваемой киностудии ДЕФА, а с советской стороны киностудию возглавит режиссёр Трауберг.

— Я боюсь, что и вы, да и мы запутаемся чисто фонетически, потому что Тройнберг и Трауберг — это почти одно и то же. Прекрасно!

Тогда Тройнбергу предложили стать художественным руководителем Берлинского драматического театра. Но и на этой должности он продержался недолго: перед ним всё время маячила чашечка кофе на римской Via Veneto. Когда я уехал, мне даже не было жалко библиотеки, которую мне так любезно прислал генерал Берия.

— Переехав окончательно в Рим, Франц Тройнберг стал зарабатывать себе на жизнь тем, что писал первые варианты сценариев для многих режиссёров, получал за это не очень большие деньги, имени своего в титрах фильма никогда не ставил. Он никогда не был тщеславным. К нему стали часто обращаться за этой услугой: в кругах римских кинематографистов знали, что Франц Тройнберг грамотно сделает работу, никогда не подведёт и никому не будет морочить голову. Этих денег ему хватало на достойную жизнь в пансионе на улице Архимеда.

Когда же денег не было, ему все всё давали в долг: газеты и журналы, еду в ресторане двух братьев из Аbruццо (Франко и Дино). Прачечная, парикмахерская, то есть все инфраструктуры, расположенные на улице Архимеда, знали, что когда у «графа» (так его все звали) появятся деньги, он рассчитается сполна. И граф, как только получал деньги, весь день ходил по улице Архимеда и отдавал долги.

В Лондоне жила его сестра Бьянка, та, что сделала в 1945 году шляпки для жены Берия. После войны она перестала делать шляпки и стала довольно известным, по крайней мере в лондонских художественных кругах, скульптором. Она жила в достатке (её первым мужем был импресарио Beatles) и довольно регулярно присылала брату небольшие деньги на жизнь. Иногда Бьянка приезжала навещать брата, но я не был с ней знаком до того лета 1967 года, когда она приехала в Рим, чтобы уговорить художника Балтюза (см.) сделать двенадцать иллюстраций к шикарному изданию «Боккаччо», которое готовилось каким-то очень крупным лондонским издательством. Именно благодаря этому обстоятельству я и познакомился с Балтюзом.

Я уже говорил, что Франц знал всех, и все знали его. Он меня знакомил с какими-то немецкими и английскими писателями, румынскими оперными певицами, албанскими и американскими актёрами, чилийскими музыкантами, швейцарскими банкирами, даже познакомил меня с трубачом Майлсом Дэвисом и с какими-то проститутками (среди которых была очаровательная Катарина, обожавшая Франца, и поскольку я был другом Франца, то заодно и меня). За ним всегда приезжали какие-то лимузины, чтобы отвезти его на какую-нибудь светскую вечеринку, куда он частенько прихватывал и меня. На этих приёмах продолжался фейерверк из олимпийских чемпионов, актёров, поэтов, режиссёров, комиков, знаменитых бродвейских шоуменов, и все они знали и обожали Франца. Но среди них не могло быть идеального слушателя: они все торопились завоевывать олимпийские медали, петь, играть, снимать, делать деньги, писать журнальные статьи (в лучшем случае — книги). И только во мне, человеке, который всегда дружил с «благословенной ленью», он видел идеального слушателя. И я слушал. Слушал всё. Мне было совершенно не важно, знал ли я людей, о которых он рассказывал, или нет. Поначалу меня интересовало, правду ли говорит Франц или нет. Потом я махнул рукой и просто слушал:

* * *

«Очень интересна судьба великих актёров. Например, для меня Тото ничуть не меньшая фигура, чем Чарли Чаплин или Бастер Китон. Но ты же его знаешь (я его никогда не знал): он абсолютно дикий человек, он никогда не читает сценария, а приходит на площадку и только просит режиссёра рассказать в двух словах, о чём будет сниматься сцена. Дальше он начинал блистательно импровизировать, чем ставил в тупик не только своего партнёра (обычно им был привыкший к его выходкам брат Эдуардо де Филиппо), но и режиссёра, которому после каждой сцены приходилось переписывать следующую сцену с учётом того, что в предыдущей нагородил Тото. Он поэтому и не стал звездой мирового уровня, потому что кроме своего Неаполя никакой географии в мире не признавал, диалоги говорил на итальянском, но это был такой диалект, словно у него лично была своя, какая-то особенная провинция со своим особым языком. Это был выдающийся человек.

Провинциальность — странная штука. Скажем, Пиранделло. Я очень хорошо его знал. Он начинал писать свои первые вещи на сицилийском диалекте, и если бы он не влюбился в одну женщину, которая не понимала его родного сицилийского диалекта, он никогда не стал бы писать по-итальянски. А на итальянском языке он стал писать не для итальянцев, не для итальянского или мирового театра, а только лишь для этой женщины. «Вот выучишь настоящий итальянский язык, выйду за тебя замуж». Так оно и получилось.

* * *

Франц, гурман («Франц, что тебе привезти из СССР?» — «Шпроты») и эпикуреец, знал всех крестьян в Лацио, у которых было лучшее вино и лучший сыр. Однажды в воскресенье — в Риме стояла ужасная жара — он повёз меня в одну деревушку неподалёку от Монтеротондо (где, совершенно некстати будет сказано, родился Джанни Моранди) попить белого сухого вина. Когда на чёрном лимузине, который нам предоставил продюсер Луиджи ди Лаурентис, мы въехали на площадь деревушки, мы увидели старые, как этот мир, столы, за столами, казалось, уже несколько веков сидели крестьяне, пили всё то же белое вино и закусывали всё теми же зелеными молодыми бобами.

Большой чёрный лимузин, развернувшись, остановился перед дверью с пластмассовыми visioльками вроде ширмы, над дверью было написано «Вино», а справа от двери на стуле сидел прямо и смотрел перед собой старик. Мы вошли. Старик встал нам навстречу. Франц тепло поздоровался с крестьянином-хозяином, представил меня, мы пожали друг другу руку. Франц стал рассказывать

Валерий Сировский. Из записных книжек

Тонино Гуэрра и Микеланджело Антониони

хозяину, что снимается фильм «Красная палатка», что фильм баснословно дорогой, и что этот молодой человек, его друг, такой-то и растакой-то способный и талантливый, что режиссёр фильма получил Золотую пальмовую ветвь в Каннах, и что вот он помогает ему снимать фильм, в котором снимаются и Клаудиа Кардинале, и Шон Коннери, и Питер Финч... Вдруг крестьянин его перебил: «Ладно, граф, чего время зря терять да о других говорить? То, что ты привёз ко мне этого человека, *делает тебе честь*. Попейте вина. Первая бутылка — за мой счёт, угощаю, а там сами смотрите...»

И в который раз мы садились, пили вино, и он начинал рассказывать свои реальные сказки:

«Хемингуэй? Ты ведь видел фотопробы? Я должен был играть его в одном фильме. (Я, действительно, видел фотопробы, и сначала подумал, что это фотографии самого Хемингуэя, настолько Франц был на него похож). Я его очень хорошо знаю: мы с Хемингуэем были в Испании во время гражданской войны. Мы, естественно, воевали на стороне Республики. У нас в комнате, в нашем бараке, был Вилли Брандт, а Хемингуэй жил через комнату. (Сказка, как всегда, разрасталась и заселялась самыми невероятными персонажами: вино Фраскати делало своё дело.) Там, в Испании, помню, было и много русских, но они держались как-то особняком, в сторонке от всех.

У них был такой смешной переводчик, знаешь? Он говорил на всех европейских языках так хорошо, что не замечал, как переходил с одного языка на другой; причём он всегда подходил к собеседнику, находил какую-нибудь пуговицу на его пиджаке или кителе и начинал её крутить до тех пор, пока не получал по рукам или пуговица не отрывалась, и тогда этот переводчик как бы пугался от неожиданности, показывая пуговицу: Боже, что я наделал! (Когда он мне рассказывал про этого переводчика, про его манеру говорить и вертеть рукой пуговицу на чужой одежде, я стал внимательно слушать.) Как же его звали? Да у него, собственно, и имени-то не было, какая-то кличка... Какая-то странная кличка... Как же его... А! Вспомнил: его звали «Калоши! Конечно! Кобылянский!!!»

...И тогда, устыдившись прежнего неверия в Боге мне посланного Шехерезаду XX столетия, я радостно вздрогнул: всё, что говорил Франц, было правдой чистой воды. «Калоши» — это боевая кличка моего преподавателя итальянского языка в институте Кобылянского Станислава Владиславовича (или Владислава Станиславовича?). Как время летит! Спросите у любого студента итальянского языка, сколько пуговиц он открутил на наших пиджаках, разговаривая с нами, сам того не замечая, на каком-нибудь языке, которого мы не понимали.

БАЛТЮЗ

Мало кто даже из итальянцев знает, что лестница на Площади Испании в Риме, а также (поворачивая налево на вершине лестницы) участок дороги, ведущий к Villa Medici, и сама вилла являются территорией Франции. Дело в том, что с тех пор, когда вилла медичи стала резиденцией представителя Французской Академии в Италии, Франция платит Италии «за аренду» этого великолепного палаццо и небольшого прилегающего парка, который является, в свою очередь, органической частью огромного парка Виллы Боргезе. Сегодня эта сумма превратилась в символическую. На вилле Медичи в те годы жил с семьёй легендарный уже Балтюз, представитель французской Академии, по выражению Андре Мальро, «наш второй посол в Италии, один из последних представителей тех художников парижского круга, что впоследствии — кто раньше, кто позже — стали знаменитыми (Брак, Пикассо, Леже и другие).

Я уже говорил, что Франц Тройнберг был другом Балтюза. Благодаря этому обстоятельству я познакомился с Балтюзом, когда Бьянка, сестра Франца, прилетела из Лондона в Рим уговаривать знаменитого поляка-француза выполнить хотя бы с десяток иллюстраций к альбому «Боккаччо».

Я с трепетом входил в эту виллу, о которой так много слышал и читал и куда никого не пускают, поскольку это «частный» дом. Я много слышал о Балтюзе, знал его творчество. Я знал, что он во время пребывания в Париже, когда все они были бедны, как амбарные мыши, за гроши распродал уйму своих живописных работ. Теперь же, став богатым, он за бешеные деньги скупал их обратно.

Балтюз оказался человеком необычайно энергичным и приятным. Этот француз набрался смелости и совершил настоящий подвиг, достойный польского упрямства (у него польские корни: настоящая фамилия Балтюза — Бальтазар Клоссовский) он велел вынести из интерьеров виллы (из виллы Медичи!!!) всё «ненужное» (этим «ненужным» картинам, скульптурам и прочим шедеврам позавидовал бы любой музей мира) и восстановил виллу в первоизданном, возрожденческом виде, оставив лишь минимум «крестьянской» тосканской мебели и живописные бордюры по периметру под потолком. Этот минимум тосканской красоты подчеркивали две восточные вазы и одна скульптура Джакомо Тти, мастерски размещённых в интерьере молодой японской женой Балтюза.

Балтюз лично стал нам показывать виллу и рассказывать о произведённых им изменениях. Когда мы вошли в скромных размеров спальную комнату Марии Медичи, он почему-то сразу же предложил мне: «Валерий, пока мы будем с Францем разговаривать о наших делах в другой комнате (она не так интересна, как эта), ложись-ка ты лучше на кровать Марии Медичи, поваляйся в тишине, мы скоро за тобой придём». Они вышли. Я растянулся на кровати Марии Медичи. Ну, что я могу ещё добавить к этому?

Хотя добавлю вот что. В парке виллы Медичи я впервые увидел спектакль Самуэля Беккетта («В ожидании Годо»).

ПЬЕР ПАОЛО ПАЗОЛИНИ

Приятно сидеть в солнечный день на знаменитой лестнице, поднимающейся с Площади Испании к церкви Trinita' dei Monti, и рассматривать этот международный муравейник: уставшие туристы садятся, многие снимают обувь и в абсолютном бессилии от беспрестанного поглощения культуры валяются в изнеможении на ступени лестницы. Девушки делают вид, что приехали сюда исключи-

Бракосочетание
Тонино Гуэрра
и Лоры Яблочкиной.
© Фото: Валерий
Плотников

тельно ради культуры и не обращают внимания на вульгарно прилизанных римских жиголо, элегантно подкатывающих на всех языках мира к будущим жертвам. Какая-то не очень молодая японка с бледным лицом, в белом манто, прислонилась к массивным перилам и так сильно задумалась, что не сфотографировать её было просто неприлично. Весь этот муравейник медленно пошевеливался, стараясь сохранить последние силы, которые пощадила римская жара.

И вдруг я увидел в этой ленивой каше — быстрое движение: слева направо по дальней стороне площади стремительно шёл человек в джинсовом костюме, весь в металлических заклёпках, которые только вошли в моду. Я узнал в нём Пазолини, хотя до этого не был с ним знаком. Мне почему-то показалось, что он свернёт в следующую улочку и направится в ресторанчик «У Отелло», где обычно столовались кинематографисты (не путать с рестораном «Отелло» в Трастевере на площади Сант’Эуджидио). Это был «проход, снятый одной панорамой», и Пазолини, не свернув в улочку, направился не к «Отелло», а куда-то по своим делам.

И только через несколько лет я с ним познакомился на вилле Сили у продюсера Франко Кристалди, который время от времени устраивал футбольные матчи для гостей на небольшом поле в своём парке. (В раздевалках лежали десятки комплектов чистеньких форм и облегчённых бутсов любых размеров.)

В футбол играть мне нравилось, играл я совсем редко, обычно в защите. В тот раз я играл в команде с Джанмария Волонтэ, Клаудией Кардинале (в воротах) и ещё с кем-то (по ходу игры было много замен). Из команды соперника, цвета которой в воротах защищала азартная Моника Витти, по игре я запомнил только Пазолини. Он блестяще играл в футбол. Чувствовалась школа пустырей на окраинах Рима и других городов, где он гонял мяч со всякой люмпенпролетарской шпаной. Играл он страстно, в игре был беспощаден, но не от жестокости, а оттого, что игре отдавался весь с азартом. Мой опыт игры в футбол с Пазолини кончился быстро. Можно даже сказать, не успев начаться. Я попытался его заблокировать, когда он рвался к воротам Клаудии Кардинале, но он меня так толкнул своим сбитым из стали плечом, что я вылетел из поля метров на десять и уже больше в игру не вступал.

До этого я уже прочитал почти все его работы, видел все фильмы. Для меня мало кто в жизни был достоин возведения на пьедестал, но Пазолини я очень ценил и любил, даже зачастую разделял его «поэтически-социальные» взгляды. Было что-то магическое в этом сочетании крайностей, когда почти последнего энциклопедиста в этом катастрофически беднеющем мире окружала шпана.

В разговоре Пьер Паоло всегда знал меру: он никогда не кичился своими бескрайними знаниями и выдавал для поддержания разговора ровно столько, сколько нужно было для интеллектуального уровня собеседника, иногда даже чуть больше, чтобы незаметно вывести его на более высокий уровень. Но если уровень собеседника был высок (а я присутствовал и при таких разговорах), Пазолини становился неудержим. Знания и память этого человека поражали. Казалось (мне, по крайней мере), что он всё знал, и слушать его рассуждения, эту акробатику мысли и страстного желания справедливости было большой радостью.

Жажда справедливости завела его слишком далеко. Я глубоко убеждён, что смерть Пазолини никак нельзя объяснять его гомосексуальными связями. Просто Пазолини стал писать книгу под опасным названием «Нефть». Он хотел раскрыть громкое убийство из-за нефти. Не успел: убили его. Точно так же, как сегодня убивают из-за нефти десятки и сотни совершенно не известных и ни в чём не повинных людей. Уж мы-то в России об этом знаем...

Из дневника 2003.

Тонино Гуэрра

Только самый ленивый в России (а я всегда был в числе тех, кто с нескрываемым удовольствием претендует на эту роль) не написал ещё ни слова о Тонино. Постараюсь компенсировать это моё отставание: как никак с Тонино Гуэррой мы знакомы более сорока лет.

В России его знает так много людей, что большинство из них называют знаменитого итальянца очень по-русски, ласкательным «Тониночка», совершенно не подозревая, что финальное «а» в итальянском языке в подобных случаях означает женский род. Его жена Лора, конечно, знает об этом финальном «а» женского рода, но и она называет его «Тониночка». Итак, в минуты «благословенной лени», не торопясь, я вспоминаю, как произошло наше знакомство.

В Москву на кинофестиваль приехал Микеланджело Антониони, который ненавидел официальные приёмы. Я с ним работал как переводчик, и он попросил меня «незаметно умыкнуть» его в какую-нибудь нормальную человеческую обстановку. В то время мы со второй моей женой Галей Шабановой, прекрасным художником и женщиной редкой красоты, жили в «доме врачей» на Новослободской улице (печально известном под таким названием потому, что в нём жили многие врачи, которых во времена Сталина заклеили как врагов народа по так называемому «делу врачей»). В этом доме мы и устроили приём для знаменитого режиссёра и его свиты (Тонино Гуэрра, Анжело до Джен-ти, Карло ди Карло) в квартире Саши Коновалова, нейрохирурга настолько знаменитого, что лучше его назвать полным именем-отчеством: Александр Николаевич. На эту встречу мы пригласили Галину подругу Лору Яблочкину, у которой незадолго до этого умер муж. Ужин быстро превратился в соревнование на лучший короткий рассказ, историю, анекдот. Помню, меня поразило, что Антониони рассказал совершенно идиотский анекдот, который ему, видно было, так нравился, что он его, к великой радости итальянцев и великому недоумению русских, повторил ещё два подряд.

Между Лорой и Тонино что-то там произошло, и на следующий день после отъезда знаменитостей Лора пришла к нам в мастерскую, стала говорить, что она чувствует «импульсы» к Тонино, и попросила написать ему письмо. Письмо, составленное мною и Галей, было выдержано в духе возмущённого романтизма <... > Вскоре я узнал, что Тонино бегал, словно мальчишка, с этим по-

сланием по всему Риму и показывал его Феллини, Франческо Рози и прочим знаменитостям, восторженно комментируя: «Нет, вы только посмотрите, какие письма еще пишут в конце двадцатого века! Возможно ли ещё такое?!? Вы когда-нибудь читали что-нибудь подобное?» (Недавно, уже в начале XXI века, когда я приехал к нему в Пеннабилли, Тонино признался мне, что хранит это письмо, как зеницу ока.)

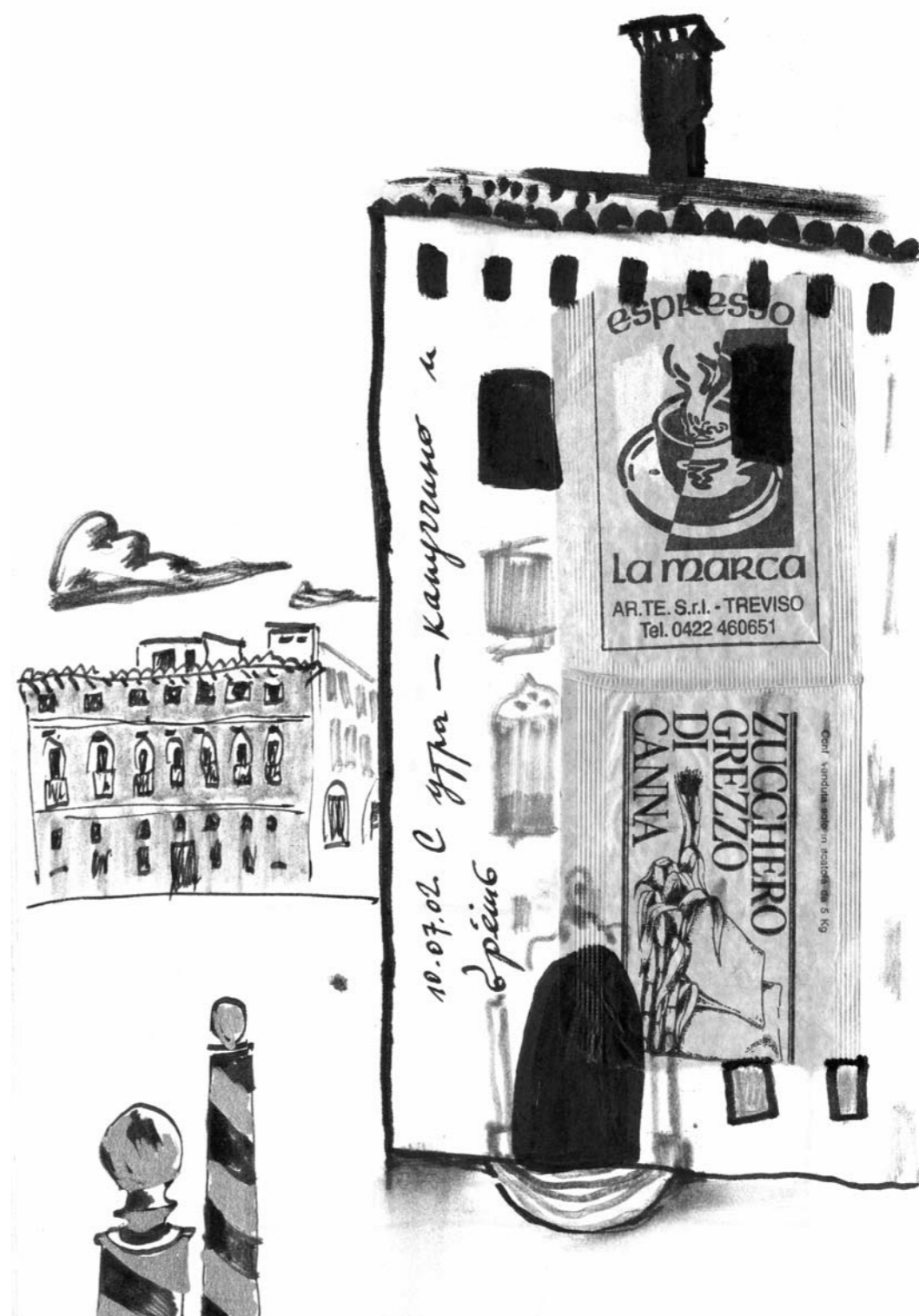
<...>Тонино и Лора в первый же его приезд в Москву после этого поженились в советском ЗАГСе (в ту пору, если не ошибаюсь, единственном, где регистрировались браки с иностранцами). Свидетелями со стороны жениха были Антониони и Тарковский, со стороны невесты — точно не помню). Свадьбы «такой богатой и знаменитой» Москва давно не знала. Говорили беспрестанно все, поздравляли, радовались, многие завидовали Лоре. Потом встал Андрей Тарковский, сдержанно их поздравил и, глядя куда-то в сторону, как это он часто делал при разговоре, сказал: «Дорогая Лора, все эти радости скоро пройдут, и я хочу сказать, что тебе досталась очень нелёгкая доля: быть женой такого талантливого поэта, как Тонино, — далеко не подарок. Будь очень внимательна: тебе придётся много работать над собой, чтобы быть ему достойным спутником». Если наше письмо сделало своё дело, то, я думаю, и это предупреждение Андрея способствовало тому, что Тонино и Лора живут вместе вот уже лет тридцать.

Сейчас (2003 год) Тонино уже, кажется, 83. Ни у кого в таком возрасте я не видел столь ясного ума и прежней хватки. Конечно, скорости стали помедленнее, да и он сам уже никуда не торопится. Если какому-нибудь режиссёру нужна его помощь, то режиссёр едет к нему в горы, в Пеннабилли, неподалёку от Римини. Там Тонино живёт, словно Лев Толстой в Ясной Поляне. Все прислушиваются к каждому его слову. Мэры городков находят деньги, и он делает фонтаны на площадях этих крошечных городков. Ремонтирует церкви и провинциальные театры. Напишет одной левой статью в газету и получает деньги построчно.

У меня есть рисунки моего украинского городка Бахмача, где я родился. Тонино очень нравились эти рисунки. Особенно ему приглянулась наша парикмахерская, в которой работал некий Мондрус. Гуэрра стал просить меня подарить ему рисунок с парикмахерской. Мне не жалко, но я знаю, что рисунок я повторить уже никогда не смогу. И поскольку эти рисунки мне были очень дороги, я несколько лет отговаривался, мол, я тебе другой уголок Бахмача нарисую, но Тонино стоял на своём: только парикмахерскую — или ничего! В конце концов я не выдержал напора и подарил ему мондрусовскую парикмахерскую. Когда я к нему потом приезжал в гости, моя парикмахерская в прекрасном паспарту и в рамке висела на почетном месте в его комнате вместе с рисунками самого Тонино, Феллини и других людей, любивших рисовать. Было Рождество. Мы поужинали, и я говорю Лоре: «Ты знаешь, поскольку я не сделал тебе никакого более или менее значительного рождественского подарка, давай я помою посуду. Это и будет тебе моим подарком» На что Лора, как мне кажется, справедливо заметила: « Не надо. Тридцать лет назад ты мне сделал такой подарок, что я вот уже тридцать раз на Рождество с удовольствием сама мою посуду».

И вдруг звонит мне как-то в Москву Тонино: «Валерий, это ужасно. Нас обокрали! Воры залезли в дом и украли твою парикмахерскую!». «А ещё что взяли?» — спросил я. «Больше ничего!!! Только твой рисунок украли». «Тонино, это мне льстит: ведь в твоём доме есть гораздо более ценные вещи, которые можно продать и заработать деньги!» «Конечно! Но эти подлецы украли именно парикмахерскую! Уж лучше бы взяли пару рисунков моих или Феллини».

Потом еще несколько лет он просил меня нарисовать ему парикмахерскую. Я себя знаю: парикмахерскую я нарисовать не смог бы; но как-то, собираясь снова в Италию, я нарисовал ему (времени перед отъездом было мало) Бахмач, наше Кулиничево болото, локомотив на железной дороге, огороды, заборы, мои двоюродные голодные братья и сестры на каком-то погребке. Это опять был

Валерий Сировский. Из записных книжек

рождественский подарок для Тонино. <...>Тонино рисунок принял. Мы поужинали, поболтали, легли спать. На утро я сошел вниз. Тонино уже не спал. И поскольку никого еще не было, он мне сказал: «Рисунок, конечно, не совсем плохой; видно, что ты старался. Но прошу тебя: больше со мной таких штук не делай... Парикмахерская — сам согласишься — это ведь другое дело...». Я согласился и пообещал, что больше так делать не буду.

Тонино сам очень любит дарить свои рисунки. У него есть прелестные пастели. И многие хотели бы иметь его рисунок. Я более тридцати лет веду дневники, в которых рисую (в основном с натуры места, где бываю, и людей, которых встречаю во время путешествий) и пишу всё, что мне взбредет в голову. В этих дневниках я обычно оставляю несколько страниц для «гостей» моего дневника: кому захочется порисовать в нем, я всем рад, и не обязательно это художники, есть много, например, детских рисунков. Тонино узнал об этой идее «гости дневника», взял (в один из своих приездов в Москву) у меня дневников двадцать и нарисовал мне рисунков 50-60, заполняя всё пустое пространство даже там, где рисовать уж никак нельзя было. Но Тонино — ребёнок, а ребёнку всё можно простить.

РОБЕРТО БЕНИНИ

Когда Роберто дали «Оскара», я был в шоке. Конечно, я был за него рад, но в то же время я понял, что все эти «оскары» ничего не стоят. (Это все равно, что дать «Оскара» — и ведь тоже дали!!! — скажем, Дарио Фо.)

С Роберто Бенини я познакомился, когда он приезжал в Москву на какой-то не то фестиваль, не то на какую-то неделю итальянского кино. Поскольку я должен был его переводить, то замечу по ходу дела, что для того, чтобы синхронно переводить, надо не только блистательно знать язык, но и иметь определённый навык, обладать своего рода божьим даром. Я знал людей, которые лучше меня владели итальянским, прекрасно делали литературный или последовательный перевод, но когда дело доходило до синхрона, путались, сбивались и имели жалкий вид. У меня, к примеру, плохо получается последовательный перевод. Думаю, потому, что содержание того, что я должен переводить, меня почти не интересует, и запоминать всю эту белиберду — воистину муча.

Роберто Бенини надо переводить только синхронно и обязательно «врубаться» в его сумасшедшую артистичность. Нет сомнения в том, что Роберто — чокнутый. Чокнутый от наивности, от радости, от восхищения (уж не знаю, настоящего или поддельного) жизнью, от всего чего угодно, но он — явно чокнутый. Если не успеваешь перевести часть его фразы — всё остальное теряет смысл. Тараторит он, как хорошо смазанный «Калашников». Причём несёт какую-то ерунду, импровизирует; но общее впечатление получается очень сильное. Помню, на встрече с кинематографистами и прессой в Доме кино на Васильевской в пылу своей фантазии он вскочил с места, схватил кого-то, поднял на руки и орал: «Я — из Тосканы! У нас там все — коммунисты! К сожалению, я поздно явился на свет божий, и не успел вот так поносить на руках Ленина. Я прошу Союз кинематографистов договориться и получить разрешение, чтобы я вот так носил на руках Брежнева!» (Это в советское-то время!)

Его выходки носят всегда эпатажный, провоцирующий характер. Это своего рода юродивый итальянского (да, пожалуй, и мирового) кино. В нём прекрасно сочетаются некая дураковатость весёлого, добродушного дебила и фантастическое искусство импровизации гения. В конечном ито-

ге Бенини является неким продолжением гениального Тото. Только без внутреннего, врождённого аристократизма, вкуса и меры Тото, которому так и не дали «Оскара».

В последние годы он довольно часто выступает с очень «личным чтением» «Божественной комедии» Данте перед крестьянами тосканских селений и на телевидении...

КАРДАРЕЛЛИ

Как Россия до сих пор недооценила в полную меру величие поэта Иосифа Бродского, точно так же Италия недооценила до сих пор величие поэта Винченцо Кардарелли.

Во времена «сладкой жизни» на римской Via Veneto интересный народ собирался ближе к полуночи: в двенадцать ночи привозили первую газету завтрашнего дня. Это был повод. Все покупали газету, пробегали по заголовкам и сразу же начинали обсуждать, споря до хрипоты, доказывая самые разные вещи. Но обычно всё заканчивалось по-римски вульгарной шуткой (вульгарной по форме, блестящей по содержанию). Эту шутку на следующий день повторяли уже в кафе на Piazza del Popolo, обязательно цитировали автора, и шутка-однодневка умирала к полуночи того же дня, потому что приходила новая газета и рождалась новая убийственная цитата. Это был *modus vivendi* римской интеллигенции тех лет. Собирались, иными словами, просто посидеть и посмотреть на шикарных красавиц, проходивших между столиками кафе и сияющими витринами шикарных магазинов. Каждый день здесь можно было встретить если не Джилло Понтекорво и Франческо Рози, то Феллини и Пазолини, если не Витторио Гассмана и Ренато Гуттузо, то Уго Тоньяцци или Тонино делли Колли. Вдруг всё приходило в движение, все смотрели куда-то в одну сторону, и когда проезжала в открытой машине Эва Гарднер или ещё какая-нибудь знаменитость, раздавалось, словно на бразильском стадионе «Маракана», протяжное крешендо толпы высокоинтеллектуальных бездельников: э-э-э-э-э-э-э !!! Когда Эва Гарднер исчезала, начинались ленивые комментарии. И так каждую минуту: всё было в движении, всё было шумно и жизнеобильно в этой прекрасной беззаботности. И лишь один человек, который так много лет прожил на Via Veneto, уже не принимал в этом празднике жизни никакого участия: чуть дальше, внизу, на правой стороне Via Veneto, спускавшейся к площади Барберини, рядом с входом в гостиницу, сидел на венском стуле старик, в старом черном драповом пальто, скрючившись, с клюкой и, никогда не поднимая головы, смотрел вниз на черный асфальт. Он был очень стар, и жизнь его, казалось, уже не интересовала вовсе. Я спросил у Тонино делли Колли кто этот старик? «Это поэт Кардарелли», — ответил он мне.

... Однажды ночью я решил подойти к этому великому итальянскому поэту и поздоровался. Он не ответил. Я наклонился, чтобы заглянуть ему в лицо, и снова поздоровался, чуть громче. Он опять не ответил. Глаза его были неподвижны, а на устах застыла детская улыбка.

© Валерий Сировский

Историческая хроника

“Вестник Европы”

«Вестник Европы» № 5. 1802 г.

Письмо из Милана

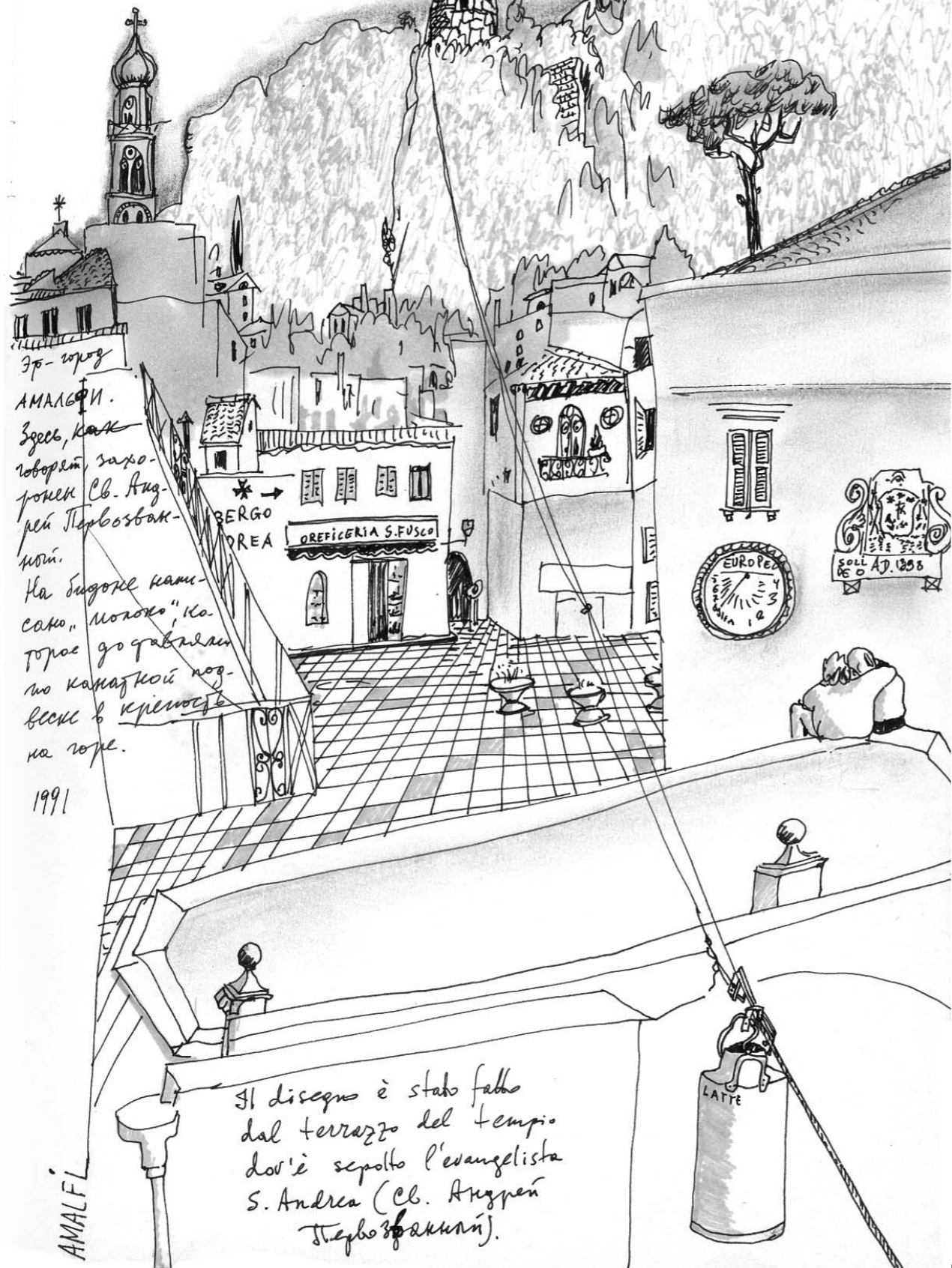
Курьер за курьером приезжали к нам из Лиона, и всякий житель, получая известия, спешил сообщить их другим. Во всем городе было беспрестанное движение, в кофейных домах, на улицах говорили об одном. Вчера Комитет временного правления обнародовал следующее:

«Наконец судьба республики основана. 26 января собралась наша Лионская Консульга и единодушно приняла новое Уложение. Сим торжественным действием начинается важнейшая эпоха для народа, который радостно видит зарю своего благоденствия в стечении разных, примечательных достойных и счастливых для него случаев. Республика, доньше Чизальпинская, приняла великое имя Итальянской республики. И Наполеон Бонапарте, бессмертный, назван единогласно президентом, а добродетельный гражданин Мельци вице-президентом. Таким образом, исчезла мучительная неизвестность в рассуждении нашего будущего жребия. Мир и счастье Итальянской республике!»

Можно сказать, что радость здесь общая. Теперь нет уже людей, которые не верили бы Республике! Имя президента есть печать её надежного бытия. Никто не жалуется на выборы; все лучшие граждане сделаны чиновниками. Наш вице-президент Франциск Мельци, есть грант Испании., богат и вообще любим за его отменную честность. Ему 45 лет отроду, он имеет приятный, благородный вид, скромн, прозорлив, учён, много путешествовал, знает людей и хорошо пишет Мельци послан был с другими депутатами встретить Бонапарте, когда он первый раз шёл к Милану герой и тогда отличил его своим вниманием и ласкою. В начале миланских беспокойств он не хотел принять республиканской должности, взят был под стражу и отправлен аманатом в Прованс, но скоро возвратился в Милан, где итальянские якобинцы посадили его в темницу на три месяца. Получив свободу он жил в тишине до самого того времени, как друг его Бонапарте заключил Кампо-Формийский мир и заставил императора признать республику В 1797 году Мельци вошел в члены Большого Совета и носил мундир Национальной гвардии, но скоро, видя новые беспокойства в отечестве, выпросил у директоров дозволение ехать в чужие края. В 1798 году принял на себя должность министра Республики при Раштатском конгрессе, заслужил

© Рисунок Валерия Сирогова

ИСТОРИЯ

Этот город
АМАЛФИ.
Здесь, как
говорят, са-
ромен Св. Анд-
рей Первозван-
ной.

На здании кам-
само "молоко", ко-
торое до давних
то канавкой под-
вески в крепость
на горе.

1991

Il disegno è stato fatto
dal terrazzo del tempio
dov'è sepolto l'evangelista
S. Andrea (Св. Андрей
Первозванный).

AMALFI

общее внимание своим разумом и трактовал с графом Кобенцелем о важных делах. При начале войны уехал к водам Баррежским и наконец поселился в Париже, где вёл уединенную жизнь. Бонапарте часто советовался с ним и пригласил его с собой в Лион. Он имеет большие поместья в Испании, где живут многие из его родственников.

Теперь остается нам желать народного духа и просвещения. Новое правление возьмет, конечно, лучшие для того меры. Член Консулты Сербеллони, известный по своей любви к наукам, давно уже занимается планом учреждения народных школ.

Что принадлежит до нашей литературы, то она цветет теперь переводами. Недавно вышли здесь «Рассуждение» Канта об изящном (названное в журнале *interessantissima opera*), «Страдание Вертера» (*opera di sentimento*), Гуфеландова книга о способах долго жить, и *Ravine di Volney*, «Развалины», Волнеево сочинение. Лучшее из новых оригинальных творений есть творение Мелькиора Джиоа, под названием «Giulia», в котором воспевает он трагическую судьбу Чизальпинской республики. Книжные лавки наши по примеру лавок парижских и снаружи украшаются ныне бюстами древних, сферами и ландкартами. Любовь к чтению распространяется, и многие земледельцы учат детей своих грамоте.

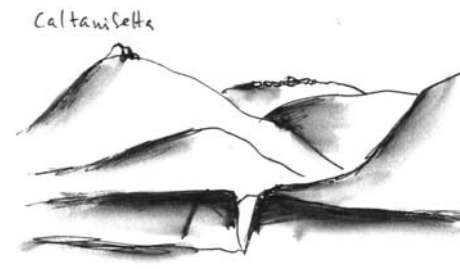
«Вестник Европы». № 10, 1802 г.

Милан от 12 апреля

Новое правление Итальянской республики нашло всё в беспорядке, казну и доходы только на бумаге, народное мнение разграбленное, дела министров в запущении, везде беззаконие, несправедливость, утеснение. В несколько месяцев оно привело хозяйство республики в самую лучшую систему, нашло способ верно собирать подати, пресекло грабительство, удалило людей, означенных общею ненавистью, и во всех частях ускорило течение дел. Но республика далека еще от цветущего состояния. Так, например, потребности ее несравненно превышают доходы. Многие честные семейства терпят нужду от того, что республика, будучи им должна, не может платить процентов. Одно время, уменьшение издержек, воля и мудрость нашего гения могут вывести нас из сих неприятных обстоятельств. Между тем вице-президент старается всячески ограничивать расходы. Например, печатание объявлений и законов стоило республике ежегодно полтора миллиона, но теперь оно ничего не стоит, и правительство будет иметь шестьсот тысяч экземпляров всякого объявления и закона, дав за то одному типографщику исключительное право торговать оными.

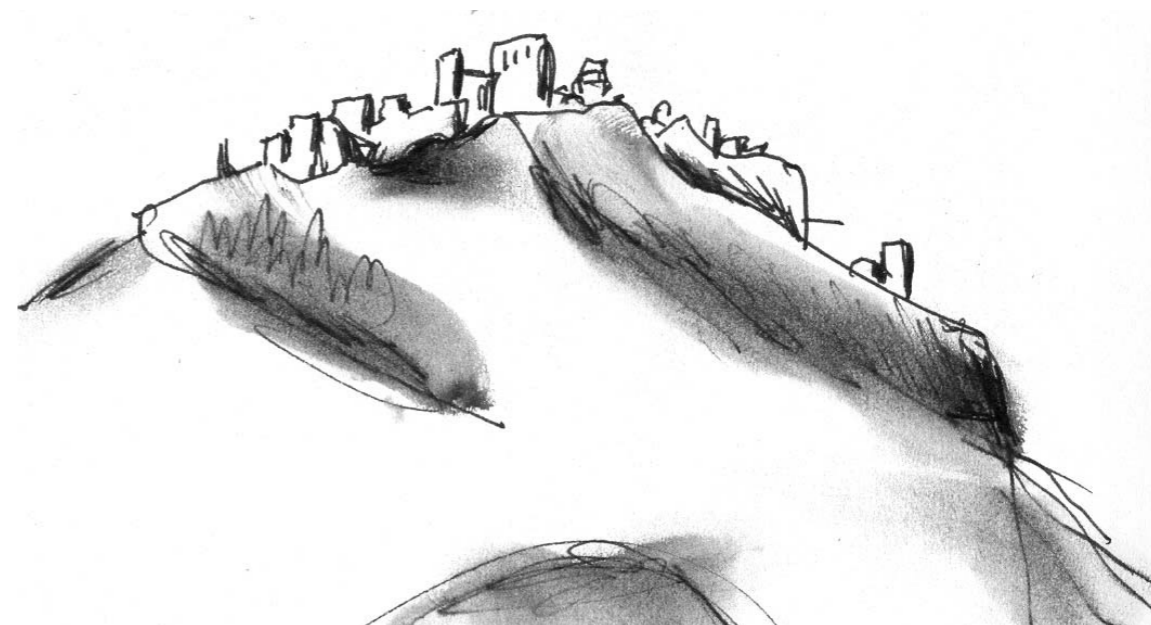
ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ: личность и миф

Заметки по поводу малого юбилея
(210 лет со дня рождения)

Вместо предисловия

О рецепции личности Джузеппе Гарибальди на родине, о том, как — в общих чертах — воспринимается и оценивается его роль в истории, политике и объединении страны, я писал по случаю празднования в Италии его двухсотлетнего юбилея («Вестник Европы», 2008, том XXII-XXIII). Прошло время, и мне показалось небезынтересным расширить панораму оценок роли Гарибальди, высказываемых в последнее время итальянскими авторами.

Александр СЕРГИЕВСКИЙ

Причём особое место занимают здесь события, однозначно признаваемые ключевыми в процессе создания единого национального государства, и в первую очередь политическая и военная кампания по присоединению к Сардинскому королевству (т.е. северной части современной Италии) его южного соседа, Неаполитанского королевства (как именовали его на протяжении нескольких веков). В последние десятилетия те далёкие события 1860–61 годов чем дальше, тем больше вызывают споры и прямо противоположные оценки в работах специалистов. Я лишь кратко коснулся основных пунктов разногласий и ряда «тёмных» мест, связанных с интерпретацией или изложением определённых событий, в которых пришлось участвовать «герою двух континентов», и оценкой его поступков. Мне думается что даже такой беглый взгляд, такой краткий обзор (пусть и в незначительной степени) всё же способен дать более объёмное представление о личности и характере реального исторического лица — человека по имени Джузеппе Гарибальди.

«Только ДИКТАТУРА способна сбросить с Италии ярмо чужеземного владычества».

Джузеппе Гарибальди

Высадившись в Сицилии, Гарибальди объявил себя диктатором.

Джузеппе ГАРИБАЛЬДИ (1807–1882) — это имя известно каждому в Италии, как говорится, чуть ли не с пелёнок. Культ Гарибальди начал складываться ещё при его жизни: известность, слава, молва сопровождали его как на родине, так и за пределами Апеннинского полуострова (интересно, что первым, кто уподобил его жизнь легенде, был французский историк Жюль Мишле). С тех пор за Джузеппе Гарибальди прочно утвердилась репутация героя, участника не только военных кампаний за объединение Италии: стараниями международной печати за ним не менее прочно закрепилось звание «героя двух континентов» — в память об участии в национально-освободительном

движении (прошу прощения за ветхий штамп) и на Южно-американском континенте.

В Италии Гарибальди, естественно, давно уже — национальный герой, один из творцов и руководителей процесса объединения страны, один из четырёх так называемых «отцов Отечества» (вкупе с королём — объединителем страны Виктором Эммануилом II, главой первого её правительства, инициатором и политическим «мотором» процесса собирания итальянских земель, Камиллом Кавуром и их политическим оппонентом, идеологом республиканцев Джузеппе Мадзини). В таком качестве, кстати, имя Гарибальди эксплуатировалось на протяжении всей истории современной Италии, при всех формах государственного правления, партиями едва ли не всего политического спектра.

Однако и за граница не отставала — какие только политические и культурные течения и движения, общественные организации и печатные органы не брали в союзники итальянского героя, присваивая себе его идеи (и даже

одежду!), маркируя — а порой и маскируя — их его именем! Среди таковых обнаружим английских либералов XIX века, социалистов и республиканцев многочисленных «окрасов», итальянских фашистов и их соотечественников-коммунистов. Гарибальди оказывался своим среди братьев-масонов, его идеями «пользовались» и антиклерикалы, и монархисты, да мало ли кто еще. С его именем на устах и в письменной пропаганде Муссолини во главе своих «чернорубашечников» шел на Рим в 1922 году, а в тридцатых — бригада имени Гарибальди воевала на стороне Республики в годы Гражданской войны в Испании; в следующем десятилетии в итальянском Сопротивлении насчитывалось уже несколько одноименных военных соединений; его имя поднимали на щит политические противники в ходе избирательной кампании на Апеннинах в 1948 году...

В России, как известно, Гарибальди издавна считался одним из величайших революционеров: сначала в среде радикальной интеллигенции, в советское время — повсеместно с государственных позиций.

Пожалуй, ни один другой исторический персонаж — военный или государственный деятель в Европе (за исключением Наполеона Бонапарта) — не пользуется на континенте такой известностью, как Джузеппе Гарибальди. Но если Наполеон олицетворяет собой европейский военный и государственный гений в первой половине XIX века, то начиная с революций 1848–49 гг. в умах многих — особенно, радикально настроенных — европейцев его образ начинает оттеняться фигурой героя-революционера Джузеппе Гарибальди. А уж по ту сторону Атлантики, особенно в таких странах, как Аргентина, Уругвай, Перу и особенно Бразилия, великий итальянец известен не в пример лучше, чем французский император: как и в самой Италии, имя Гарибальди там названы улицы, площади, школы, а в Бразилии — так целые населенные пункты. Оценка личности Гарибальди как героя-патриота была широко распространена в либеральном общественном мнении евро-

пейских стран вплоть до Первой мировой войны, особенно во Франции (с лёгкой руки таких крупнейших литераторов, как Виктор Гюго и Александр Дюма-старший, который сопровождал Гарибальди в ходе кампании 1860 года в качестве военного корреспондента) и Великобритании, общественное мнение которой еще в 50-х годах XIX столетия — во время пребывания Гарибальди в Лондоне — подняло его имя на щит как героя-освободителя «двух миров».

Но если XIX век создал из Гарибальди своего рода «итальянского Вашингтона» — освободителя угнетенных народов, героя текущей исторической драмы, в личности которого слились воедино миф и реальность, то в следующем столетии в общественном сознании и академической науке с неизбежностью стали плодиться иные подходы к трактовке «общеизвестного» исторического прошлого. А резко изменившаяся историческая обстановка в мире по окончании Второй мировой войны породила чуть ли не прямо противоположную трактовку как определённых исторических реалий XIX века, так и событий из жизни самого Гарибальди. Целый ряд исследований вырос из интерпретации, которую в середине пятидесятых годов XX века впервые выдвинул британский историк Денис М. Смит (Denis Mack Smith), крупнейший специалист по истории Италии, особенно периода Рисорджименто. Он рассматривал итог деятельности итальянского героя как своего рода «сдачу на милость победителя» — союза авторитарной савойской монархии и крупного пьемонтского торгового-промышленного капитала.

Среди некоторых биографов бытуют оценки, согласно которым Гарибальди вообще предстаёт беспринципным авантюристом, жадным до наживы и к тому же порою нечистым на руку; человеком, не гнушавшимся сомнительными сделками ради достижения собственных политических и военных целей; откровенным демагогом, для которого понятия свободы и равноправия служили лишь прикрытием откровенно авторитарных наклонностей, а в целом — ини-

циатором создания и распространения интернациональной мифологии о самом себе...

На последнее положение, впрочем, легко возразить: во-первых, особым красноречием и тем более публицистическим даром «герой двух миров» совершенно определённо не блистал (без чего трудновато заниматься саморекламой, тем более в международном масштабе); во-вторых, его «пиар-кампанию» начали и с успехом вели такие классики европейского уровня, как Виктор Гюго (назвавший Гарибальди «воплощением итальянской народной души и самой революции») и Дюма-старший, состоявший при нём в качестве корреспондента в ходе военной кампании в Неаполитанском королевстве и окрестивший его «мушкетёром свободы», а вскоре выпустивший о нём отдельную книгу-панегирик.

Истинные же европейские радикалы не так уж высоко отзывались о деле, которому посвятил жизнь Гарибальди. Так, один из столпов международного анархизма Михаил Бакунин называл его речи и призывы «нестерпимо буржуазной риторикой», а главный предтеча европейского социализма Пьер Прудон однозначно считал затею с объединением Италии полной утопией.

Как бы то ни было — справедливы вышеупомянутые упреки и обвинения в адрес Джузеппе Гарибальди или нет, — но в последние десятилетия они подвигли многих, и в первую очередь, итальянских историков и журналистов, во-первых, гораздо более свободно трактовать общеизвестные, казалось бы, «факты» и документальные свидетельства, а во-вторых, число таковых значительно увеличилось (едва ли не каждое более или менее значимое событие либо поступок Гарибальди стали пристально рассматриваться «сквозь призму» гораздо более обширного и разнообразного корпуса документов и свидетельств современников).

И прежде всего таковому анализу подверглось главное событие в ходе объединения страны — военная кампания 1860 года по присоединению к Сардинскому королевству Неаполи-

танского королевства или как его ещё называли в ту эпоху, Королевства Двух Сицилий (начавшаяся с высадки гарибальдийских добровольцев как раз-таки в Сицилии). Первым тогда правила Савойская династия, вторым — испанская ветвь Бурбонской династии.

На итальянской почве всегда хватало (и хватает) недоброжелателей в отношении положительной значимости этого исторического события — главным образом, конечно, из числа самих южан: по их мнению, это было никакое не «объединение», а самое что ни на есть элементарное насильственное «присоединение» Юга к Северу (иными словами, аннексия). В результате чего южная Италия фактически стала (и остаётся) колонией северян.

Вот этому моменту я главным образом и уделю внимание более подробно, сопроводив его кое-какой общедоступной информацией из итальянских источников.

Но для начала проследим (хотя бы в общих чертах) жизненный путь национального героя Италии. Какие «вехи» на этом пути очевидны и непротиворечивы, какие поступки Гарибальди не поддаются пересмотру при любых интерпретациях? И наконец на какую информацию (из той, что располагали его современники) мы можем положиться с достаточным на то основанием? Попробуем суммировать такие факты хотя бы вкратце и без пространных уточнений и ссылок. И вот какой «абрис» получается, если пройти по узловым моментам биографии Гарибальди, попутно отметив в ней наиболее яркие события и поступки самого и указав на те из них, что заслужили наиболее противоречивые оценки со стороны современников и потомков.

Джузеппе было всего 15 лет, когда в 1822 году он в качестве юнги вышел в море (отплыл из родной Ниццы в Одессу на борту торговой шхуны «Констанца»). Его морская служба в Европе продолжалась в течение одиннадцати лет (в продолжение которой он дослужился до должности капитана).

Историки и биографы Гарибальди располагают лишь незначительными сведениями о событиях и тем более, о подробностях его жизни в те годы (не содержат таковых ни его собственные «Воспоминания», ни обширное эпистолярное наследие). Увы. Зато определённо известно, что за свою моряцкую жизнь ему пришлось командовать кораблями самых разных стран: Италии, Франции, Америки, Бразилии, Перу и Уругвая (где он отверг предложение возглавить национальный флот), а кроме того, турецкой бригантиной и фрегатом тунисского бея (к которому чуть было не поступил на постоянную работу)

* * *

В эти годы он побывал и в Риме, который с тех пор (как выразился Индро Монтанелли¹) «каждый раз являл ему два своих лика: когда-то тут обитали герои Древнего Рима, ныне же в нем задавали тон папские священники. То, что осталось от первых, неумолимо влекло его к себе, ну, а о том, который наполняли служители Церкви, он не мог думать без отвращения». Последнее (замечу от себя) не в последнюю очередь наложило неизгладимый отпечаток на будущий выбор его политических и военных целей в ходе событий Рисорджименто² и, кроме того, во многом послужило причиной закоренелого атеизма.

Первое «идеологическое» влияние на него оказал (в 1833 г.) некий француз, проповедник идей сен-симонизма по имени Barrault, среди идей которого больше всего по душе пришла Гарибальди мысль о «Герое» с большой буквы — борце за справедливость и свободу ЛЮБОГО народа, в ЛЮБОЙ стране мира против тирании ЛЮБОГО типа. Однако еще большее впечатление произвела на Гарибальди встреча (в том же году) в Таганроге с одним из членов незадолго до того созданной радикальной партии «Молодая Италия», вдохновленной республиканской идеологией. Там же впервые услышал тогда Гарибальди и о ее лидере — Джузеппе Мадзини, проповедовавшем

идеи национального суверенитета и объединения Италии.

Морская карьера Гарибальди продолжалась до 1834 года, когда он принял активное участие в попытке республиканцев — сторонников Мадзини поднять восстание в Генуе. Попытка провалилась, практически так и не начавшись, и Гарибальди, спасаясь от наказания, бежит сначала в родную Ниццу, а затем в Марсель (где узнает, что приговорен к расстрелу). В конце 1835 года из Марселя он отплывает в Бразилию. В странах Латинской Америки Гарибальди прожил до 1848 года, участвовал там в ряде войн за независимость будущих государств континента, возникших в результате обретения независимости от испанского и португальского владычества, а также вновь служил капитаном на кораблях торгового и военного флота.

Там же он впервые женился (причём «умыкнул» свою будущую жену Аниту у её мужа).

В своих «Воспоминаниях» он лишь вкратце коснулся этого периода своей жизни. Подобные умолчания (в том числе и в отношении упомянутого выше периода его морской службы в Европе) вполне логично наводят современных историков на определённые размышления отнюдь не комплиментарного характера — ведь Гарибальди не чурался литературной практики: его перу принадлежат три романа, кроме того, он автор обширного эпистолярия...

Однако двигаемся дальше по хронологической канве его жизни. Узнав в 1848 году о начале европейских революций, Гарибальди снимается с места и отправляется на родину, спеша принять участие в военных действиях. Цель его жизни давно сформирована — освобождение итальянских территорий, захваченных австрийцами, и объединение их всех в единое государство (на основе республиканского образа правления, поскольку в тот период разделял идеи Джузеппе Мадзини).

В Италии Гарибальди возглавил военные силы Римской республики, которая просуществовала до середины 1849 года, когда город за-

няли французы, пришедшие на помощь Папскому государству. Причём вошли они в Рим только со второго раза, благодаря подкреплениям (в первом сражении гарибальдийцы разбили французов, несмотря на многократное численное превосходство и лучшее вооружение их экспедиционного корпуса). Гарибальди был вынужден бежать из Рима, его оставшиеся в живых добровольцы рассеялись по стране, а сам он (потеряв во время многодневного отступления любимую жену) в результате оказался заложником правительства Пьемонтского королевства, которое сохранило ему жизнь и выслало за пределы Италии в Тунис. Однако, тунисский бей не принял его, и на том же судне Гарибальди прибыл в Гибралтар: здесь англичане предложили ему на выбор Америку или Англию, но Джузеппе отказался и направился в Танжер (где пробыл всего несколько месяцев).

Кстати, именно там он написал первый вариант своих «Воспоминаний» («Mémorie») о годах, проведенных в странах Латинской Америки.

В следующем, 1850-м, году Гарибальди неожиданно для многих отбыл в Англию, откуда вскоре отправился в Америку (на сей раз, впрочем, в Северную), прибыв в порт Нью-Йорка 30 июля 1850 года. Там некоторое время он работал на свечном заводике, принадлежавшем одному из итальянских политических иммигрантов, а через год получил желанное место капитана на одном из судов американского торгового флота. В этом качестве он вновь побывал в Перу, плавал в Китай, Гонконг, на Филиппины, в Австралию и Новую Зеландию. Вернувшись в Нью-Йорк, через некоторое время отправился в Лондон, где зимой 1854 года в очередной раз столкнулся со своим тёзкой Мадзини (тот вечно жил вне пределов родной страны, поскольку во всех итальянских государствах считался персоной нон-грата). А также с другими известными политическими иммигрантами из ряда европейских стран (в том числе с Герценом, который, вспоминая об этой встрече — на страницах романа «Былое и ду-

мы», отметил, что Гарибальди в беседе с ним сформулировал то главное, что отличало его от Мадзини: «Я знаю наш народ гораздо лучше, чем Мадзини, потому что всегда жил среди него, а он знаком лишь с наиболее образованной его частью... Он не терпит мнений, отличных от его собственных, и, постоянно рассуждая о народе, не имеет о нём, ни малейшего понятия... Да и революции его существуют исключительно на бумаге, ни одна из них так и не случилась на деле»).

Мадзини, со своей стороны, называл Гарибальди «великим исполнителем», отказывая ему в организаторских способностях, и отзывался о нём как о человеке «необразованном, с лицом бесстрашного глупца».

Однако, к тому времени во взглядах Гарибальди произошла почти радикальная трансформация: он больше не был, как в юности, готов на любые «безумства» ради чьих-то идей. Теперь он руководствовался только своими собственными убеждениями, и его политический выбор созрел: он намеревался идти в одном строю с пьемонтской монархией, ставившей те же цели — объединение страны на национальных основах. В связи с чем обратился к королевскому правительству за разрешением вернуться. Очевидно, с той поры пути-дороги Гарибальди и Мадзини разошлись окончательно и бесповоротно.

В ожидании ответа он затеял роман с английской аристократкой Эммой Робертс, молодой богатой вдовой. В это же самое время и в том же Лондоне ему в объятия бросилась, причем по собственной инициативе, юная итальянка (и тоже аристократка) Мария Делла Торре. Ею же Гарибальди только «попользовался», а вот на англичанке всерьёз задумал жениться. Почему и как ему в голову запала подобная идея, чья это была инициатива и что вообще общего могло быть у столь разных личностей, — по сей день биографы задаются вопросами, на которые нет ответов.

Вообще-то Гарибальди привлекал многих женщин: возможно, их влекла к нему сама его личность искателя приключений, эдакого современного кондотьера. Ему же всегда было не до них: не хватало ни времени, ни желания крутить романы и тратить нервы, к тому же он не обладал соответствующим терпением и не владел «языком любви». Зато женщины сами, грубо говоря, вешались ему на шею, хотя бывали и исключения, в первую очередь, конечно, его первая жена Анита, которую он по-настоящему и до конца её жизни любил. Может быть, ещё одним исключением и была история отношений с Эммой Робертс?..

Как бы то ни было, 24 января 1860 года Гарибальди всё-таки женился, однако вовсе не на англичанке, неожиданно для всех — на юной маркизе Джузеппине Раймонди. Но едва лишь закончилась свадебная церемония, кто-то «услужливо» передал ему записку. Гарибальди прочел ее и спросил невесту: правда ли, что она беременна? Не услышав от неё определённого ответа, Гарибальди назвал ее проституткой и навсегда покинул дом богатой маркизы (на берегу озера Комо), чтобы никогда больше ее не видеть. Брак этот, замечу вскользь, был расторгнут только много лет спустя, в конце жизни самого Героя: вот вам и ещё одно из событий его личной жизни, не получивших однозначного объяснения у биографов³.

В промежутке между событиями личной жизни Гарибальди получил от короля Виктора Эммануила II генеральский чин и разрешение принять участие в военной кампании 1856 года: ее целью стало освобождение из-под власти австрийцев северных областей Апеннинского полуострова — от Милана до Венеции и Триеста. Для этого Сардинское королевство вступило в союз с набиравшей силы Пруссией, преследовавшей аналогичные цели в отношении германских земель. Увы, эта война оказалась победоносной лишь для Пруссии, добившейся поставленной задачи. Для Италии же всё завершилось далеко не столь радужно, как предполагалось правительством Кавура:

хотя гарибальдийцы (на своём участке фронта в Альпах) действовали более чем успешно и разбили превосходящие силы противника на высотах австрийского Тироля, они были вынуждены оставить эти территории, поскольку главные силы итальянской армии (в составе 80 тысяч человек) в решающем сражении с австрийцами потерпели сокрушительное поражение, не согласовав свои действия с прусским командованием. В итоге к Италии отошла только территория области Венето. Между прочим, население занятых гарибальдийцами областей отнюдь не выражало радости по этому поводу, что неприятно поразило генерала Гарибальди...

Впрочем, прошло не так много времени, и вновь последовали решительные события, в которых судьба отвела Джузеппе Гарибальди самую что ни на есть ведущую роль: готовилась военная кампания по присоединению (или, если угодно, захвату) Неаполитанского королевства. Началом стала так называемая «экспедиция Тысячи», т.е. высадка гарибальдийских «волонтёров» на Сицилию, в порту города Марсала, 11 мая 1860 года. В тот момент их насчитывалось 1084 человека, более половины из которых не достигли 20-летнего возраста, причём самому младшему едва исполнилось двенадцать, а старейший из ветеранов успел перейти 70-летний рубеж. Кстати, в числе его добровольцев числились и иностранные подданные, в том числе несколько десятков русских.

Перед высадкой Гарибальди переоделся: накинул белое пончо поверх традиционной красной рубашки, на голове, как обычно, широкополая фетровая шляпа, вокруг шеи повязан шёлковый платок, во рту — полсигары. Впоследствии этот наряд стал его своеобразной униформой, особенно в торжественных обстоятельствах: на разнообразных церемониях и приёмах, а также на многочисленных портретах Гарибальди.

Сицилийская «экспедиция» заняла чуть больше трёх месяцев и победно завершилась

победным вступлением гарибальдийцев (усиленных несколькими тысячами местных ополченцев) в столицу острова Палермо.

Следующий этап «присоединения» начался 19 августа, когда гарибальдийские отряды (вновь пополнив ряды сицилийскими добровольцами) высадились на материк в Мессине, легко справившись со значительно превосходившими их силами противника, — ситуация, почти каждый раз складывавшаяся до этого на Сицилии и далее в ходе сражений на материковой части. Завершился же процесс 7 ноября въездом в Неаполь короля Виктора Эммануила II (в сопровождении Гарибальди, который, сложив с себя полномочия военного диктатора и передав южную Италию под власть королевского правительства, отбыл домой на Капреру).

Вот такая слегка странная история почти моментального крушения целой страны и её многотысячной армии — под «натиском» нерегулярных военных отрядов (численность которых значительно уступала регулярным соединениям Королевства Двух Сицилий).

* * *

Однако лишь в самые последние десятилетия эта история стала привлекать более пристальное внимание отечественных историков. Начало было положено капитальной биографией Гарибальди, опубликованной уже упоминавшимся журналистом и историком Индро Монтанелли в 1972 году. Впрочем, книга его послужила толчком, и исследователи решили непредвзято взглянуть и на другие узловые моменты национальной истории периода Рисорджименто и более свободно начать интерпретировать многие события и детали биографии самого Джузеппе Гарибальди.

Суммируя и отмечая крайности и явные преувеличения, как обычно, допускаемые в пылу полемики, кратко укажу на основные претензии, сформулированные в последние годы оппонентами официального подхода к событиям и персонажам этого ключевого периода в истории воссоединения Италии.

Эти исследователи полагают, что вместо истинного «лица» военной кампании 1860–61 годов (а по сути, военной интервенции Пьемонтского королевства на территорию суверенного государства) подавляющее число историков (главным образом, конечно, итальянских) на протяжении многих десятилетий рисовали псевдоромантический, вымышленный «пейзаж», сдобренный обильной риторикой, за фасадом которого на деле скрывалась грязная война. Похоже, истинной целью Рисорджименто была откровенная колонизация, сопровождаемая подкупом и шантажом, скрытым участием иностранных государств, а также (нередко) практикой геноцида местного населения.

Так, к примеру, в одном из самых последних исследований, посвящённых вопросу присоединения Неаполитанского королевства к Пьемонтской монархии, опубликованном в 2010 году, авторы (Дж. Фазанелла и А. Гриппо) пишут: «Для сохранения шаткого национального единства истинные мотивы создания Итальянского государства десятилетиями замалчивались, место реальных исторических исследований занимали праздники и официальные торжества, во время которых не высказывалось ни слова критики. В результате была создана и в общественном сознании закреплена расхожая мифологема, опровергать которую давно считается делом сугубо неблагодарным»⁴

И одним из главных пунктов на этом идеологическом «поле» была как раз военная кампания по присоединению Неаполитанского королевства, начало которой положила высадка гарибальдийцев на Сицилии.

В целом ряде исторических исследований последних лет принято считать вполне доказанными как факты подкупа высшего начальственного состава армии и гражданской администрации Королевства Двух Сицилий, так и источники денежных поступлений. Следует признать, что правительства Сардинского королевства (в лице его премьер-министра Кавура, проводив-

шего двусмысленную дипломатию: параллельно официальным переговорам с Неаполем он тайно спонсировал экспорт «народного» восстания на его территорию) и Англии на первое место ставили экономические интересы (на Сицилии располагались значительные запасы серы, прибрать к рукам разработку и экспорт которых очень рассчитывало правительство Пальмерстона в случае успеха гарибальдийской военной кампании). В связи с этим Англия вкладывала значительные средства на осуществление военных действий (по крайней мере, на Сицилии). В частности, британский флот прикрывал высадку гарибальдийской «тысячи» и блокировал неаполитанским кораблям доступ к острову.

В итоге военные действия по присоединению Неаполитанского королевства завершились победой во многом благодаря повсеместной измене высшего и среднего военного руководства армии Королевства Двух Сицилий. Некоторые исследователи утверждают, что в ходе своего продвижения по территории королевства Гарибальди реально одержал всего лишь две (!) победы на Сицилии: при Калатафини и в Марсале. Остальные же явились результатом сдачи позиций военным руководством. Наиболее вопиющее в этом отношении событие случилось при осаде столичного Палермо: там трём тысячам гарибальдийцев противостоял гарнизон, насчитывавший не менее восемнадцати тысяч солдат и офицеров. Однако престарелый его начальник, генерал Ланца, сдал город практически без боя. В общих чертах события разворачивались по той же схеме — при высадке Гарибальди и на материк в Мессине, и в столице королевства Неаполе. Справедливы ли подобные утверждения или нет? В их пользу свидетельствуют данные о численности военных сил противников в каждом из сражений, а кроме того — свидетельства о частом нежелании и сопротивлении низового состава подобным решениям высшего командования. Налицо и тот факт, что почти никаких результатов не дала кампания агитации в неаполитанской армии по привлечению солдат в состав гарибальдийцев, а затем — в ряды

королевских войск объединённого Итальянского королевства.

И ещё одно замечание по ходу: издавна сложилось мнение, что основную массу гарибальдийских «волонтеров» составляли люди из народа, представители угнетённых слоёв. На самом же деле большая часть из них были школьники и студенты в возрасте до 20-ти лет, а остальные — фактически профессионалы, участники предыдущих военных предприятий генерала Джузеппе Гарибальди.

Можно только удивляться, что и в среде правящей элиты Королевства Двух Сицилий никто не взял на себя ответственность за судьбу государства: высшие чиновники добровольно отказывались выполнять свои обязанности, заявляя о готовности служить новому режиму. Так, министр внутренних дел и полиции генерал Либорио Романо заранее отправил Гарибальди депешу, извещая того о своей полной готовности подчиниться сардинскому королю (т.е. Виктору Эммануилу II) и, более того, в сотрудничестве с предводителями местной преступности (пресловутой «каморрой»), подготовил «всенародную» встречу диктатора в Неаполе. В совершенном одиночестве покидала свою столицу королевская чета (Франциск II и Мария-София) — лишь обслуга, стоя на коленях, провожала их. Зато «народные массы», руководимые каморристами и под их присмотром, толпами встречали Гарибальди по прибытии генерала-героя в Неаполь 7-го сентября 1860 года. В реальности же эти «массы» проявляли к смене власти, в лучшем случае (в городах) равнодушие, а в Сицилии поддерживали Гарибальди, ибо радели только свою землю и ждали от него решения этого насущнейшего вопроса. Большинство же населения Юга понятия не имело ни о «объединении», ни о короле Викторе Эммануиле II, не существовал для него и пресловутый «национальный» вопрос. Подавляющая часть населения (иными словами, бедное и очень бедное крестьянское население) на Сицилии стремилась к получению земли, которую она и начала самостийно захватывать у мест-

ных феодалов, как только Гарибальди прибыл на остров. Там развернулась подлинная местная «жакерия». Тогда, кстати, Гарибальди объявил себя диктатором и стал беспощадно усмирять все подобные популистские выступления. «По чьей инициативе?» — задаются при этом скептики вопросом: по собственной или исполняя волю правящих элит Турина и Лондона? Во всяком случае, это дало свои неизбежные плоды: народ вскоре утомился, а землевладельцы, поначалу опасавшиеся революционных преобразований. В итоге осознали, что новый режим вряд ли всерьез угрожает их собственности и реальным привилегиям и не станет кардинально менять сложившуюся систему социально-экономических отношений. Как значительно позже выразится один из персонажей знаменитого романа Томази ди Лампедузы «Леопард», «сменился лишь акцент: с неаполитанского на туринский. Вот, собственно, и все».

Ещё один из спорных вопросов, связанных с событиями 1860 года, на который до сих пор нет определённого ответа, формулируется приблизительно так: чьим же именно указанием следовал (либо НЕ следовал) Гарибальди, выходя на материковую часть Италии и тем самым перенося туда войну? Ведь в первоначальных планах правительства Кавура это вовсе не предполагалось (во-первых, из-за боязни протестов со стороны континентальных государств Европы, а во-вторых, исходя из трезвых оценок военных сил Неаполитанского королевства, противостоявших гарибальдийским сотням, пусть даже и усиленным сицилийскими ополченцами). Значит, Гарибальди получил-таки инструкции (от главы правительства либо от самого короля Виктора Эммануила II)? Или же он самолично принял подобное решение, означавшее — в случае победы — аннексию бурбонского королевства? Однако как военный профессионал Гарибальди не мог не понимать, что на материке силы противника настолько превосходят его возможности, что ни о каких победах он и мечтать не в состоянии. И тем

не менее, если решился всё же перенести войну на материковую часть территории противника, следовательно, знал заранее, что и там она будет поддержана из тех же финансовых и материальных источников?

Побочный вопрос — инструкции эти исходили от правительства или лично от короля, с которым сам Гарибальди всегда предпочитал иметь дело? Был ли он посвящён в подробности финансовых выплат верхам неаполитанской администрации? И сам ли он решал подобные конкретные проблемы? Однако, письменных подтверждений всему этому до сих пор не обнаружено, так что историкам приходится опираться на всевозможные косвенные документальные данные и на письменно зафиксированные устные свидетельства современников.

Впрочем, как подчеркивают некоторые авторы, сам Гарибальди был чужд политических и дворцовых махинаций и выполнял **итоговое** предписание короля — в том виде, в котором его получил. К тому же его (в первую очередь, стараниями коварного Камилла Кавура, бессменного главы правительства Пьемонтской монархии) никогда не допускали участвовать в принятии хоть сколько-нибудь значимых политических, дипломатических и прочих решений. А собственные военные инициативы Генерала (ещё одно его «народное» прозвище) либо успешно пресекались, либо не менее успешно использовались правительством в своих целях (как данная военная интервенция, превратившаяся — отчасти в результате политического везения, отчасти благодаря большим деньгам больших «спонсоров», вложившихся в эту беспроигрышную лотерею, — в один из крупнейших политических проектов столетия на Европейском континенте). Сам же Гарибальди, как показали все последующие события, не претендовал ни на какую политическую роль в объединённом государстве (а ведь, в принципе, мог бы и попробовать...).

И хотя в истории не существует сосласательного наклонения, так и хочется предпо-

ложить, что если бы Гарибальди ограничился захватом только Сицилии и не переправился бы на материк, история Италии (да и отчасти Европы) могла бы сложиться совсем по-другому...

Так или иначе, но Гарибальди взял Неаполь, затем отбил атаки превосходящих сил противника 16 октября 1860 года в сражении при Вольтурно, и потеря независимости Королевством Двух Сицилий стала политической реальностью.

Однако лично для Гарибальди этот военный триумф стал своего рода «пирровой победой». В Турине выигранное им сражение Кавур и его сторонники представили Виктору Эммануилу и королевскому парламенту в качестве подтверждения республиканских устремлений Генерала и его намерений атаковать Папское государство (и таким образом поссорить Пьемонт с Францией Наполеона III, стоявшего на страже суверенности Папских владений). В итоге, победоносно завершив военную кампанию, Гарибальди — после торжественной встречи с Виктором Эммануилом II — получил от короля распоряжение отправиться домой, а значительное число его волонтеров вошло в состав правительственной армии.

(В качестве справки добавлю, что согласно подсчётам, произведённым вскоре после окончания военных действий в 1861 году, общие затраты на их проведение составили (в денежном исчислении тех лет): со стороны Неаполитанского королевства — 181 млн лир, со стороны Пьемонтского королевства — 650 млн лир).

В конце 1860 года на территории бывшего Королевства Двух Сицилий был проведён референдум, на котором большая часть населения (обладавшего правом голоса, т.е. не слишком значительная его часть) проголосовала за объединение Италии. Однако некоторые историки в последние годы придерживаются мнения, что референдум, во-первых, был тщательно подготовлен новыми властями, а во-вторых,

большинство населения не отдавало себе отчёт, что означает на деле это «объединение».

(Что же касается Гарибальди, то это фактическое объявление Юга составной частью единого государства не соответствовало его личным предпочтениям, поскольку он всегда полагал, что эти освобождённые им от власти иностранной монархии территории должны обрести автономию внутри объединённой Италии).

Тем временем 14 января 1861 года в Турине (столице тогдашнего Савойского королевства) было провозглашено создание на Апеннинском полуострове нового государства — Королевства Италии. За принятие решения на специальном заседании парламента (итальянская монархия XIX–XX веков — монархия конституционная) единогласно проголосовали все 443 депутата, представлявшие 2% населения страны, имевших в то время право голоса. К слову: побывав на одном из первых его заседаний, Гарибальди с горечью заметил: «Совсем не о такой Италии я мечтал...».

Таким образом, присоединение Юга, свершилось. Однако, боевые действия на его территории отнюдь не были закончены, как поначалу показалось победителям.

Начиная с весны следующего, 1861 года, на всей территории бывшего Королевства Двух Сицилий начались вооружённые выступления местного населения, основную боевую силу которого составили оставшиеся на свободе бывшие солдаты и младшие офицерские чины неаполитанской армии (общая численность которой изначально составляла не менее 100 тысяч человек). Современные итальянские исследователи свидетельствуют, что при подавлении этих выступлений было расстреляно более десяти тысяч человек, взято в плен — более десяти тысяч. И неудивительно, ведь партизанская война на Юге продолжалась вплоть до конца десятилетия, там действовали около четырехсот (!) отрядов, а для подавления этих выступлений

правительству пришлось задействовать куда более крупные силы, чем в ходе победоносной военной кампании (в целом, свыше двухсот тысяч солдат регулярной армии и национальной гвардии). Общие же потери (в продолжающемся до сегодняшнего дня отсутствии достоверных статистических данных) рассматриваются историками в масштабе от 18 до 60 тысяч человек (расстрелянных, погибших в боях и умерших от ран). К этому следует добавить: в 1860 году были тысячи итальянцев и отправлено в тюрьмы, расположенные на Севере, в альпийской зоне, где многие из заключенных не выдержали первой же холодной зимы и умерли от ран, от холода и недоедания, не дождавшись освобождения. Точное количество их также неизвестно, хотя современные историки приводят и такие данные: около 60% от общего числа военнослужащих неаполитанской армии не согласились перейти в состав армии победителей и, по крайней мере поначалу, числились пленными.

Впрочем, вне зависимости от этого, по глубокому и давнему убеждению Гарибальди, процесс объединения страны не был окончательно завершён: все еще оставалась «отъединённой» центральная часть полуострова — так называемая Папская область, расположенная на территории трёх областей современной Италии — Умбрии, Марке и Лацио. Однако на страже независимости Папской области стояла мощная Французская империя, тягаться с которой новорожденной итальянской монархии было не под силу. Но Гарибальди (как частенько случалось и прежде) не собирался принимать во внимание соображения высокой политики и дипломатии: в августе 1862 года, втайне от правительства, во главе двух тысяч своих бойцов он сделал попытку прорваться к границам папских владений, но был тут же остановлен отрядом правительственных войск (в составе элитного подразделения берсальеров). Последовала короткая перестрелка, после которой он счёл благоразумным сложить оружие.

И вновь был отправлен на Капреру, где вновь занялся мирным сельским трудом.

Правда, в апреле 1864 года, по приглашению британского правительства, Гарибальди отправился в Лондон. Там его окружили вниманием и заботой, он был принят в высших кругах государственной, общественной и аристократической элиты страны (в частности, встречался с премьером Пальмерстоном и Гладстоном, наследником престола, будущим королём Эдуардом II, крупнейшим английским поэтом Теннисоном⁵ и др.), а также с представителями революционных кругов ряда стран, проживавших в изгнании в Лондоне: в том числе с Мадзини, Кошутом, Герценом.

Надо сказать, что он пользовался необычайной популярностью в Англии — как среди правительственной элиты (не забывшей о его роли в оказании содействия британской экономике), так и среди масс населения страны. Британская пресса широко освещала боевые подвиги Джузеппе Гарибальди на протяжении многих лет, к тому же сказывалась и исторически присущая протестантскому большинству населения страны неприязнь в отношении католицизма и его главы, Папы Римского (против власти которого Гарибальди столь настойчиво выступал изустно и с оружием в руках).

Между прочим, согласно отзывам английской прессы того времени, в одном из своих публичных выступлений (в лондонском дворце «Кристалл Паллас») он недвусмысленно признал, что если бы не помощь британского правительства, Неаполь по-прежнему находился бы под властью испанских Бурбонов, а высадка его волонтеров как в Сицилии, так и на материке (после захвата острова) не смогла бы осуществиться без содействия английского флота.

Однако меньше через две недели визит пришлось прервать: из-за публичной агитации Гарибальди (в ходе его многочисленных выступлений) против Папского владычества выступили светские монархии Европы в лице

правительств Франции, Австро-Венгрии и России. По просьбе британского правительства 22 апреля Гарибальди отбыл на родину. Толпы лондонцев провожали его, неслись крики «не уезжайте, Генерал!».

По возвращении из Англии, как о том свидетельствуют донесения секретных сотрудников тогдашнего Министерства внутренних дел Италии, Гарибальди находился под постоянным наблюдением трех различных организаций, причем состоявших между собой во взаимной вражде: во-первых, подпольной радикальной структуры, руководимой издавна жившим в изгнании Джузеппе Мадзини (который не переставал надеяться перетянуть-таки общенародного любимца на свою сторону); со своей стороны, Виктор Эммануил II постоянно контролировал малопредсказуемого в поступках национального Героя через своих доверенных лиц, регулярно навещавших его по поручению монарха; и наконец, итальянское правительство, причем независимо от короля получало подробную информацию о словах и делах Гарибальди посредством собственного агента в лице его зятя (мужа его дочери Терезиты, в тот период проживавшего в семейной усадьбе на Капрере и трудившегося исключительно ради приличного вознаграждения).

Так и томился он в пределах своего островка, пока не грянула франко-прусская война 1870 года, в очередной раз перекроившая карту Европейского материка. Официальная Италия держала нейтралитет, но не таков был «герой двух континентов», чтобы остаться в стороне, тем более что вскоре после начала военных действий французская монархия пала, и на смену ей пришла Третья республика, когда-то столь чаемая им форма народной власти. К тому же после того, как в ходе объединения Италии (в 1859-60 годах) правительство хитроумного Кавура обменяло территорию Савойской области, на которой находилась его родная Ницца, на невмешательство Франции в итальянские

дела, он имел основания считать себя французом (по месту рождения). Так появился ещё один повод помочь бывшей родине, так снова пробил его час. Да ещё какой! В ходе этой войны гарибальдийцы оказались единственным (!) военным соединением со стороны Франции, одержавшим победы (пусть даже и не слишком значимые на общем фоне) над пруссаками: сначала выбили их из Дижона, а затем удерживали город вплоть до окончания войны. В этих боях, кстати, их противник потерял единственное за всю кампанию боевое знамя.

Во многом вследствие всего этого Гарибальди был избран в члены первого парламента новой Франции, но вскоре его лишили мандата из-за его слишком радикальных выступлений.

Депутатом его избирали и раньше, и позже — правда, в Италии (в частности, от Рима, где избиратели помнили о его героической роли защитника города от французов), но каждый раз Джузеппе покидал своё кресло из-за несогласия с решениями депутатов и правительства. В последний раз Гарибальди депутатствовал в 1875-76 годах: согласился, ибо намеревался реализовать давно вынашиваемый им проект расширения русла Тибра и строительства порта в его устье. Когда же из этой затеи ничего не вышло, итальянский герой навсегда покинул Рим и вернулся домой. Незадолго до того как ему стукнуло 73 года, у него родился последний из детей — сын Манлио.

К заключительному этапу объединения Италии — включению в её состав Папской области — Гарибальди допущен не был. Королевские войска, воспользовавшись отсутствием какой бы то ни было поддержки Ватикана со стороны (теперь уже республиканской) Франции, сначала без труда заняли Умбрию и Марку, а затем, пробив брешь в Аврелиановых стенах недалеко от Порто Пиано, 20 сентября 1870 года спокойно вошли в Рим. Швейцарский гарнизон не оказал сопротивления во много раз превосходившим его по численности соединениям регулярной

армии Итальянского Королевства. Строительство единой Италии завершилось. Только уже без участия прославленного Генерала.

Последний раз Гарибальди отлучился со своего острова в январе 1882 года, отправившись в поездку на Юг, по местам бывших сражений: через Неаполь на Сицилию, в Палермо. Вернувшись на Капреру в апреле, скончался там 2 июня того же года. Последние его слова по свидетельству третьей жены Франчески: «Умираю, сожалея, что не увидел Тренто и Триест свободными».

Уже вскоре после смерти Джузеппе Гарибальди превратили в народную легенду, и он перестал восприниматься реальной личностью. Тем самым он, по точному замечанию Индро Монтанелли «потерял прекрасную возможность стать живым и неповторимым, самым популярным персонажем Рисорджименто, наиболее полно воплотившим в себе все особенности этого столь значимого периода в истории Италии. Вместо этого его имя породило первый национальный культ личности, подвергать сомнению который стало чуть ли не преступлением... Потребовалось больше ста лет, чтобы только начать выявлять в нем реальные черты, стороны характера и поступки живого человека по имени Джузеппе Гарибальди».

Удивительная особенность этого культа при этом заключалась в том, что наиболее «итальянскими» чертами его личности, — продолжает историк, — провозглашались отнюдь не всегда однозначно позитивные свойства характера Гарибальди: «Одним из главных в этом плане стало получившее - с его легкой руки - широкое распространение в общественном сознании убеждение, что чуть ли не все проблемы страны можно решить посредством “сильной руки” (“железного кулака”, в буквальном переводе с итальянского — А. С.). Иными словами, по мнению Монтанелли, многократ-

ные призывы самого Гарибальди — да и его собственный опыт в роли диктатора (в ходе военной кампании 1860 г.), несомненно, способствовали укреплению подобных убеждений в общественном сознании в последующие десятилетия и в итоге — в значительной степени — подтолкнули итальянский народ принять реальную фашистскую диктатуру 20–40-х годов XX века в лице Бенито Муссолини.

Абсолютно очевидно, что объединение Италии, ее Рисорджименто — случилось бы рано или поздно, в том или ином формате, даже без личного участия в нем Джузеппе Гарибальди. Однако именно его участие способствовало росту симпатий широких масс населения к идее объединения страны (хотя их непосредственное участие в походе гарибальдийских «краснорубашечников» было минимальным). Добиться этого не смогли бы в тот момент ни военные, ни дипломатические усилия Пьемонтского правительства, ни тем более пропаганда Мадзини, отличавшаяся книжной риторикой и узкословными идеологическими установками. Так что если борьба за национальное объединение нашла отклик в умах и сердцах простого народа, то заслуга в этом принадлежит прежде всего лично Гарибальди: именно он, самый яркий и неоднозначный представитель этих самых “широких” масс», превратился в фигуру почти фольклорного масштаба и гениально сыграл свою главную роль. В итоге он стал чути ли не сказочным национальным героем, ибо маска, которую он носил, пришлась по вкусу большинству зрителей и участников тех далёких исторических событий, не говоря уж об их потомках последующих времён.

Как выразился тот же Индро Монтанелли: **«В то время идеология новообразованного государства остро нуждалась в личности, которую можно было бы преподнести народу в качестве «национального героя», и в этом отношении Гарибальди оказался вне конкуренции».**

Вот и пользовались этим образом на протяжении десятилетий идеологи всех мастей и направлений для сохранения шаткого национального единства (в котором «под одной крышей» были собраны очень не похожие друг на друга культурные, экономические и социальные составляющие).

«Но когда на месте реальных исторических событий и личностей возникают мифы, в результате страна лишается своего прошлого, а общество оказывается не в состоянии не только осознать своё настоящее, но (что гораздо опаснее) рискует не справиться с ожидаемым его будущим», — делают вывод уже упоминавшиеся современные историки Дж. Фазанелла и А. Гриппо.

На фоне того, что те же историки характеризуют как «генетические черты» своей страны⁶, «полученные раны, — как пишут они, — не затягиваются, а старые проблемы, подавленные в общественном сознании привычной со школьных лет идеологической обработкой, возвращаются с регулярным постоянством, поскольку никто не осмелится ни предложить адекватного их лечения, ни осознать их реального исторического масштаба».

Вместе с тем, согласно многочисленным свидетельствам современников и выводам нескольких поколений историков, тщательным образом изучавших и, в деталях описавших все стороны жизни социально-хозяйственного механизма, действовавшего в государствах на Апеннинском полуострове в эпоху Гарибальди, там существовал серьезнейший и всесторонний кризис, в котором оказалось большинство этих государственных образований. Объединение стояло на повестке дня — этого, впрочем, сегодня не оспаривают никто из серьезных историков. Другое дело — вероятно, конкретные формы, в которые отливались те или иные реальные действия и события, работавшие на это объединение. Но на этом поле историки непреложно сталкиваются с прямо противоположными отзывами и оценками со-

временников в отношении того или иного события или лица. И примирить их не представляется возможным. Поэтому для одних потомков личности, по масштабу деяний подобные Гарибальди, представляются и будут представляться героями, для других же — персонажами, чьи деяния ущербны, а моральные установки более чем сомнительны.

И поскольку личность Джузеппе Гарибальди и его роль в событиях давно минувших дней не поддаются однозначным оценкам, это подталкивает к выводу о том, что исторические персонажи, их речи и поступки вряд ли поддадутся взаимно приемлемым интерпретациям со стороны потомков (а уж тем более — массового сознания той или иной эпохи). Естественно, что речь в данном случае не идёт о «демонических» личностях, чьи преступные массовые деяния уничтожают всевозможные сомнения в отношении однозначных выводов. И тогда не следует ли из этого, что разумнее было бы просто принять как данность бытование различных взглядов и оценок, объяснений и предпочтений, которые опутывают и будут впредь окутывать их жизнь? Ведь ничего подобного не наблюдалось и не наблюдается в отношении рядовых участников тех же событий прошлого и настоящего. Возможно, весь этот виртуальный круговорот по поводу того или иного имени свидетельствует лишь о том, что носитель его вошел и прочно закрепился в потоке явлений прошлого, который давным-давно именуется Историей?..

Для сравнения: несколько слов о двух главных оппонентах «Героя двух континентов»:

1. МАДЗИНИ

«Презирал всё, что лежало за пределами культуры и работы интеллекта, что не являло собою плод чисто умственных размышлений» (И. Монтанелли).

Так что вполне логично предположить: вряд ли что-либо в личности Гарибальди пришлось

бы ему по вкусу. И он не замедлил открыто это продемонстрировать.

Что же касается Гарибальди, то он, со своей стороны, возможно, просто скрывал и не показывал (по крайней мере, поначалу), что разочарован не меньше.

И хотя нельзя сказать, что уже первая их встреча немедленно и впредь сделала их отношения более, чем прохладными (хотя в легендарной истории «Рисорджименто» они и представлены чуть ли не как братские), но определенно она не была «решающей» в исторической судьбе страны (как считают некоторые из их биографов, работавших и продолжающих работать в русле мифологизирования национальной истории). В связи с этим не удивительно, что оба они так и не поделились подробностями той встречи. С другой стороны, очевидно, что она не прошла совсем уж бесследно для развития последующих исторических событий (и уж точно вполне определила резкий и важный поворот в судьбе одного из ее участников, вынужденно и надолго оказавшегося на другом конце света. Имеется в виду, конечно, участие Гарибальди в попытке задуманного Мадзини (и немедленно провалившегося) восстания 1834-го года в Лигурии, что, кроме всего прочего, положило начало многочисленным пререканиям, взаимным обвинениям и упрекам, которыми они впоследствии обменивались на протяжении многих лет.

В годы, предшествовавшие европейским революциям 1848-49 гг., «Молодая Италия», созданная Мадзини, была единственным политическим организмом, проповедовавшим идеалы независимости и объединения страны. Однако в середине века она потеряла исключительную монополию на них: наравне с ней теперь существовали и другие общественные политические движения и партии с теми же общими целями, но иными идеологиями, программами и тактиками, которые не разделяли простого и радикального кредо «мадзиниевской» организации, единственным способом достижения

цели (т.е. объединения страны) провозглашавшей **народное восстание против тирании любого типа**.

Раньше на то были свои причины, поскольку ни в одном из государств на Апеннинах — когда родилась и начала свою деятельность «Молодая Италия», — голос патриота не мог быть услышан: все они находились тогда под властью тираний того или иного типа: отечественного (как Пьемонтское королевство и Папская область) либо иностранного (австрийского в Ломбардия-Венето, Парме, Модене и Тоскане; испанского — в Неаполитанском королевстве) происхождения.

Но времена изменились, и понятия и лозунги «свобода» и «нация» получили право гражданства в некоторых из итальянских государств, что вызвало к жизни умеренные политические движения и организации, чьи лидеры открыто агитировали за **мирный** путь объединения государств на Апеннинах. Радикализм «Молодой Италии» отходил на второй план. К тому же хоть Мадзини постоянно и клялся в верности идеалам и интересам «народа», на деле не имел о нём почти никакого понятия. «Ему было ведомо, что этот “народ” в Италии — слишком тёмный, необразованный и не готов воспринять идеалы свободы, равенства и национального суверенитета, которые, как он наивно полагал, столь же дороги этому народу, как и ему самому... Его идеалы разделяла лишь незначительная по численности интеллектуальная элита, естественно, существовавшая во всех государствах, составивших впоследствии единую Италию. До конца жизни он оставался в убеждении, что стоит “зажечь искру” вооруженного восстания в любом месте Италии, как народные массы подхватят ее и разнесут по всей стране», — писал по этому поводу тот же Индро Монтанелли.

Становится очевидным, чьими идеями с тех пор руководствовались «левые» радикалы Европы. В России они позаимствовали у него даже саму формулу: вспомним герценовское

«из искры разгорится пламя». А на другом конце Атлантики как не вспомнить героического Че Гевару, аргентинского интеллектуала крайне радикального «разлива» на службе кубинской революции, экспортировавшего эту «искру» едва ли не в самую отсталую страну Латинской Америки — Боливию будучи убежден, что из нее немедленно «возгорится пламя» народного восстания против местной тирании.

2. КАВУР

Почти бессменный глава правительства сначала Савойского королевства, затем не до конца объединённой страны (скончался накануне присоединения Папской области) был назван в честь своего крестного отца, Камилла Боргезе (племянника Папы Павла V и создателя знаменитой художественной коллекции в Риме), мужа любимой сестры Наполеона — Полины Бонапарт, который занимал должность губернатора северных территорий Италии, только что присоединённых тогда к Франции.

Камилл Кавур с детства слыл франко- и англоманом (в школе его даже прозвали «милордом») и плохо владел итальянским, называя свой пьемонтский диалект «самым варварским языком в христианском мире».

Повзрослев, прослыл ловеласом, причём до такой степени, что о нём бытовал афоризм, смысл которого можно передать примерно следующими словами: «Вряд ли он — “отец всех итальянцев”, хотя многие из них появились на свет благодаря ему».

Кавур был ярким противником республиканских принципов строительства новой Италии и непримиримым врагом Мадзини. Поначалу он не столь уж хорошо относился и к Гарибальди. Поэтому, когда (в 1854 г.) Гарибальди обратился к Пьемонтскому правительству с просьбой о возвращении, премьер-министр поначалу был серьезно обеспокоен: республиканцам никак нельзя было отдать инициативу в процессе

объединения Италии, и весьма желательно было бы посеять вражду между Мадзини и Гарибальди. Поняв же, что реальный союз между ними невозможен, Кавур успокоился и дал «добро» на возвращение Гарибальди и представление ему возможности участия в планировавшихся военных действиях против австрийцев.

Военные успехи Гарибальди в Сицилии стали неожиданностью для Кавура: он не предвидел их и, главное, не хотел, так как не рассчитывал на буквальное присоединение Неаполитанского королевства: его целью, как считают многие современные историки, была (в противоположность намерениям Гарибальди) лишь конфедерация Севера и Юга (о чем он не раз говорил в частных беседах). Естественно, что под эгидой Пьемонта. Кавур изначально презрительно относился к южным землям, к тому, *как* они существовали, *кем* управлялись, *какие* там надо было решать проблемы и т. д. и т. п. К тому же само объединение с ними, по его мнению, пахивало республикой, «Мадзинизмом» и вообще радикализмом — тем, чего он более всего опасался. И хотя, так сказать, «под ковром» он и готовил экспедицию гарибальдийской «тысячи», на деле планировал вовремя ее остановить. Реальная, полная победа Гарибальди ему была не нужна. Продвижение Генерала не удалось вовремя заблокировать лишь по той причине, что Кавур тогда впал в немилость у монарха и утратил поддержку парламента (из-за уступки Франции территории Савойской области и Ниццы — в результате которой Наполеон III не стал возражать против присоединения к Итальянскому королевству Великого герцогства Тосканы и государств центральной Италии). В намерения премьер-министра входило создать Италию дипломатическим (а не военным) путем. Однако после сдачи Палермо бурбонскими войсками Кавур понял, что такой вариант вряд ли удастся реализовать на практике. Тогда он резко поменял курс и в итоге — чтобы отрезать путь к объединению триумфатора Гарибальди с республиканцами и радикалами — под-

хватил риторику Генерала, направленную на силовое присоединение Юга к Северу. Но только и исключительно, Неаполитанского королевства: дальнейшему расширению пределов государства (т.е. намерениям Гарибальди, совпадавшим с идеями Мадзини) о присоединении Папской и Венецианской областей, оставшихся в тот момент под властью Австро-Венгрии, он поставил жесткий и однозначный предел. Правда, выполнить эту установку выпало на долю Виктора Эммануила II — при встрече с Гарибальди сразу по окончании военных действий на Юге. Ослушаться монарха — по крайней мере, в тот момент, — «герой двух континентов» не посмел.

Вместо **ЗАКЛЮЧЕНИЯ** — некоторые из излюбленных идей Гарибальди:

- правительства различаются лишь по степени бездарности в управлении страной;
- необходимо запретить войны между народами;
- привести итальянцев к свободе можно лишь посредством диктатуры.

А также — немного в **сторону**:

во второй половине XX века целый ряд крупнейших итальянских кинорежиссёров отразили в своём творчестве события 60-х годов XIX века. Среди них — Марио Солдатти, Марио Камерини, Пьетро Джерми, Лукино Висконти, Роберто Росселлини, Франческо Роззи, братья Тавиани, Лина Вертмюллер...

Снимались у них такие звёзды мирового кинематографа, как Марчелло Мастоаянни, Клаудиа Кардинале, Берт Ланкастер, Ален Делон, Нино Манфреди, Орнелла Мути и др.

© Александр Сергеевский

Краткая библиография:

- Fasanella, G. e Grippo, A.* 1861. Milano, 2010
Martucci, R., L'invenzione dell'Italia. Milano, 1999
Selvaggi, R. M. Nomi e volti di un'esercito dimenticato. Napoli, 1990
De Witt, A. Storia politico — militare del brigantaggio. Bologna, 1984
Padella, D. F. Brigante a terra nostra. 1984
Bassi Angelini, C. Gli "accoltellatori" a Ravenna. Ravenna, 1983
Molfesi, F. Storia del brigantaggio. Roma, 1979
Nitty, F. S. Il capitale straniero in Italia. Bari, 1977
Del Carria, R. Proletari sulla rivoluzione. Milano, 1970
Montanelli, I. e Nozza, M. Garibaldi. Milano, 1962.

Примечания

- ¹ Индро Монтанелли (Indro Montanelli) — крупнейший итальянский журналист второй половины XX века, политолог и историк; автор капитальной биографии Гарибальди, по сути, положившей начало современным подходам к фактам и событиям его жизни и деятельности (Montanelli, I. e Nozza, M., *Garibaldi*. Milano, 1962).
- ² Рисорджименто (Risorgimento) — так в Италии принято называть десятилетия «собрания» национальных территорий, начавшееся вскоре после окончания наполеоновских войн и завершившееся в 1870 году присоединением Папского государства и перенесением столицы объединённой страны в Рим.
- ³ К этому времени, кстати, Гарибальди обрёл наконец постоянное жильё: в 1856 году он купил половину малюсенького острова Капрера (Caprera), потратив на это гонорары, незадолго до того полученные им за капитанскую службу в Америке, и собственноручно построил там одноэтажный домик (из четырех комнат) в латиноамериканском стиле.
- ⁴ *Fasanella G. e Grippo, A.*, 1861. Milano, 2010.
- ⁵ После встречи классик литературы заметил с чисто английским юмором: «Благороднейший из людей... Истинный герой, наделённый божественной глупостью».
- ⁶ То есть такие характерные черты государственной политики Италии, как:
 - её непостоянство;
 - коррумпированность бюрократического аппарата;
 - склонность к заключению «договоров с дьяволом»;
 - блокирование со стороны-победителем;
 - использование агентуры для достижения «грязных» целей;
 - беззастенчивое использование в собственных целях профессиональных революционеров и террористов.

Историческая хроника

“Вестник Европы” об Италии

«Вестник Европы», 1868 г., т. 2

Римский вопрос

«...Римский вопрос носит в себе все зло своего темного зарождения. Им начиналась в 48 году императорская карьера Наполеона III, им же кончалось брэнное существование февральской республики. 18 лет оказались недостаточны для его разрешения, и второе римское вторжение сопровождается не менее трагическим предательством, чем и первое. <...>

Связь, существующая между экспедицией 49 г и экспедицией 69 г, вполне выражена Ж. Фавром в его последней речи и дает <...> нам случай коротко напомнить первое французское вторжение. «...Мысль правительства не состоит в том, чтобы заставить Францию способствовать свержению существующей Римской республики. <...> Дочь народной революции, Французская республика не могла бы, без ущерба, содействовать рабству независимой национальности... Франция должна <...> водрузить свое знамя в Италии, чтобы под его сенью человечность была уважаема, а свобода хоть отчасти спасена»....

Месяца не прошло, как тот же Ж. Фавр, больной, едва держась на ногах, взошел на трибуну для речи о римском вопросе, но на этот раз речь была иная...

«Было вполне установлено, что французская экспедиция не могла иметь целью покровительства такой форме правления, которая отвергается римским населением... Таково было, в сущности, честное слово, данное нам... Я говорю с болью в груди, кровь итальянская, кровь французская пролита... Какому делу служили мы? За кого лилась кровь наших офицеров и наших великодушных солдат? За кого лилась итальянская кровь, кровь той благородной нации, к которой мы высказали самые теплые симпатии? Она лилась за Папу за абсолютизм. Вы делаете из Франции жандарма абсолютизма!» <...>

Май месяц 1849 года прошел в переговорах французского чрезвычайного посла Ферри-де-Лесепса с римскими триумвирами., его переговоры готовы были увенчаться успехом; с Римской республикой был заключен мир, дружеский договор; вместе с Лесепсом договор был подписан и суровым генералом Уино; но это не понравилось исполнительной власти в Париже; Лесепс был отозван; договор объявлен несуществующим.

Уино объявил изумленным римлянам о предстоящем насильственном вступлении [войск] в Рим, по требованию французского правительства.

Триумвират призвал Бога и народ в свидетели такого предательства и снова стал готовиться к отпору почти безнадежному<...>

30 июня Фрибальди, весь обрызганный кровью и грязью, вошел в зал римского собрания и среди воплей и криков отчаяния грустно произнес слова: «Нельзя требовать от людей подвигов, превосходящих их силы. Сопротивление долее невозможно».

Собрание провозгласило прекращение бесплодной, невозможной защиты; и в этот же день Фрибальди с четырьмя тысячами измученных солдат, вышел из ворот св. Иоанна и начал свое знаменитое отступление, направляясь к Венеции среди четырех враждебных армий.<...>

2 июля 1849 года французские войска вошли в Рим, встреченные мрачным молчанием, для того чтобы оставить его только 1 декабря 1866 года, оставить, как увидим, меньше, чем на один год — после 17-летнего занятия.

<...>

«Интерес католичества настоятельно требовал, — говорят гг Бер и Бквиль, — восстановления светской власти Папы». Это следовало сказать раньше, не следовало обманывать ни Францию, ни римский народ...

<...> Затем, совершилась «римская экспедиция внутри» (по выражению Монталамбера). 2-го декабря 1851 года французская палата была точно так же разогнана штыками, как и римская. Президент II республики, принц Луи Наполеон Бонапарт, опираясь на клерикальную и ретроградную партию <...>, стал императором Второй французской империи.

В письме полковнику Э. Нею (18 августа 1849 г) Наполеон III писал:

«Я формулирую таким образом восстановление светской власти Папы: всеобщая амнистия, секуляризация администрации, Кодекс Наполеона и либеральное управление».<...>

В этой политике было только два важных неудобства: во-первых, ни клерикальная партия, ни либеральная до сих пор не хотят признать возможности подобного союза...»

Во-вторых, Папа вполне согласен с клерикалами: итальянцы готовы идти гораздо дальше либералов»<...>

Позже, в 1859 г, после заключения мира, Наполеон III обращался к Папе напрямую, советуя ему ввести светское управление; на что Папа категорически ответил ему (8 января 1860 г) угрозой Страшного Суда. Угроза эта была обобщена в папской энциклике от 19 января 1860 г, и с тех пор папство замыкается в свое упорное «Non possumus».

Тосканцы в России

Путешествия Вьёссё, Серристоры и Пуччи в Россию

Лючия ТОНИНИ

«Какие широкие возможности для писателя-путешественника — несколько лет, проведенных в России!»

Джованни Пьетро Вьёссё

В конце наполеоновской кампании Тоскана предстала перед Европой во всем своем историко-культурном великолепии. В то же время она в этой новой Европе искала возможности дальнейшего прогресса. В этом контексте опыт путешествий был очень интересным средством обмена информацией, особенно если выбирались направления в наименее известные районы, за границами «домашней» Европы. Россия, едва вошедшая после победы над Наполеоном в европейское сообщество, стала главным объектом большого интереса. Так, в течение немногих лет три путешественника отправлялись, по схожим маршрутам, из Тосканы

в Империю царя Александра I. Из их исследований и наблюдений появились дневники, корреспонденция и отчеты. Несмотря на то что вся эта документация предназначалась для частного употребления, сегодня эти тексты, частично увидевшие свет, вызывают большой интерес — как основа будущей публичной деятельности их авторов, и как доказательство некой «европейской идеи», которая сформировалась в ту эпоху.

Три путешественника, уезжая из Великогерцогства Тосканского с различными целями, имели одно и то же намерение — изучить земли вокруг Черного моря, незадолго до того ставшие частью южной России. Джованни Пьетро Вьёссё (1779–1863), Луиджи Серристоры (1793–1857) и Джузеппе Пуччи (1782–1838) объединяло одно желание: найти районы, пригодные в перспективе к использованию

при развитии новых отношений, особенно в сфере торговли. Описание условий и потенциальных возможностей этих районов отражается на оценке положения всей царской России и ее правительства. В ту эпоху, по мнению европейцев, место Российской империи находилось между Востоком и Западом, и все еще не было единого и устойчивого взгляда на неё и ее роль в Европе. И до того как Астольф де Кюстин в своей книге *La Russie en 1839* («Россия в 1839 году») заклеил ее своим знаменитым определением «бесконечное варварство»¹, оставалась еще надежда на возможность развития событий в сторону просветления. В это время и появились свидетельства путешественников Вьёссё, Серристоры и Пуччи.

Сохранившиеся и практически не издававшиеся вплоть до недавнего времени, эти воспоминания имеют для нас огромную ценность, в том числе и для разрушения существовавших стереотипов в мнении о России².

Путешествие Вьёссё

Первым в хронологическом порядке был целиком опубликован отчет Вьёссё: *Journal — Itinéraire de mon voyage en Europe (1814–1817)*³.

Изучение дневника оказалось решающим для более глубокого понимания причин зарождения Научно-Литературного кабинета Вьёссё, открытого во Флоренции самим Джованни Пьетро в 1829-м, вскоре после его возвращения из путешествия. Довольно скоро Кабинет Вьёссё становится местом частого посещения для многих образованных иностранцев, приехавших во Флоренцию; среди них следует упомянуть, например, Ф.М. Достоевского, входившего в список читателей в 1862 и в 1868–69 годы. Сегодня можно с уверенностью сказать, что инициатива и сама деятельность Вьёссё во Флоренции зародились, согласно европейской прогрессивной идее, связанной так-

же с этим путешествием и последующими размышлениями о нем.

Этапы этого путешествия хорошо известны: выехав из Ливорно 26 сентября 1814 года по заданию торгового дома «Сенн Гвехард», после посещения наиболее известных крупных торговых центров (Париж, Амстердам, Копенгаген), Вьёссё, добираясь до Скандинавии. Затем через Петербург он въезжает в Россию. Проехав через Москву и Киев, он доезжает до южных земель, расположенных у Черного моря. После остановки в Одессе он посетил Крым, обязательный этап путешествия по этим районам, и доехал до Таганрога, на границе с азиатскими областями. Вернувшись в Одессу, Вьёссё описывает ее как интереснейший торговый город и порто-франко, который бурно развивается в то время. Затем он отправляется по морю до Константинополя, где ожидает возвращения в Ливорно. В дневнике присутствуют сведения о переговорах по торговле зерном на юге России и судоходстве по Черному морю, сопровождаемые замечаниями, письмами и различными комментариями. Также хорошо известно, особое отношение Вьёссё к Симонду де Сисмонди⁴, сыгравшее особую роль во время путешествия и имевшее решающее значение в дальнейшем формировании Научно-Литературного Кабинета во Флоренции. Сисмонди во время поездки направил его в Копенгагене к Федерике Брун, «Музе Севера», подруге Мадам де Сталь и Бенжамена Констана; именно через Сисмонди в Петербурге Вьёссё встретился с экономистом Андреем Карловичем Шторхом. И опять же Сисмонди был получателем письма из Одессы в 1817 году⁵, в котором Вьёссё, описывая современную ситуацию в России, вынужден воскликнуть: «Какие широкие возможности для писателя-путешественника — эти несколько лет, проведенных в России!»⁶. Наблюдения Вьёссё в *Journal Vieusseux* о торговле; по-новому раскрывают типичное понимание просвещенного гражданина, первым представителем которого в Европе был Сисмонди.

Повышенный интерес к России, возникший у основателя Научно-Литературного Кабинета в результате его путешествия, проявился впоследствии в приобретении книг о России для библиотеки Кабинета и в публикациях статей о ее ситуации в ней в журнале «Антология», основанном Вьёссё при Кабинете⁷, издание которого продолжается и в наши дни.

Инженер Луиджи Серристоры на службе в России

В том же 1819 году, в конце которого Вьёссё основал свое научно-литературное предприятие после возвращения во Флоренцию, 26-летний инженер Луиджи Серристоры выехал из Тосканы на работу в Российской империи⁸. Свои впечатления о десятилетнем пребывании в России он отразил в книге *Воспоминания о путешествиях*⁹, изданной (благодаря стараниям Ренато Ризалити) лишь в 1972 году, хотя — некоторые отрывки из неё увидели свет в статьях и брошюрах, еще при жизни автора. Книга, опубликованная в 1972 году, содержит не все труды, касающиеся России, а только заметки, написанные в 1822 году во время путешествия из Санкт-Петербурга в Москву, а затем в Одессу и Крым¹⁰, а также исторические, географические и коммерческие сведения, которые были включены в том *Иллюстрированная карта Черного моря 1351 года и воспоминания о Кавказе, Испании и Марокко*, вышедший в 1856 году¹¹.

Первая из двух глав называется *Описание колоний итальянцев на Черном море*, вторая — *Описание восточного побережья Черного моря и регионов Кавказа*: это картины быта, исторические и географические особенности тех мест, которые были известны Серристоры уже во время первой поездки и пребывания на Кавказе в 1822–23 годах. К воспоминаниям добавлены сведения (без указания на время их составления) о торговле России с Востоком и, что важнее,

с Персией¹². Однако, несмотря на исследования, предпринятые проф. Ризалити, еще предстоит уточнить хронологию отдельных текстов и жизни Серристоры на юге России (конкретная деятельность, знакомства и т.п.). В нашем случае речь идет только о некоторых наблюдениях Серристоры относительно новой границы на юге России, открытой для Европы, и о возможных точках соприкосновения с наблюдениями двух других путешественников. Среди трех путешественников, конечно же, Серристоры лучше остальных знал устройство, быт и нравы местного сообщества из-за длительного проживания в России. Он поступил на русскую службу в 1819 году, где входил в состав технического персонала иностранных специалистов, экспертов в различных дисциплинах, приглашенных Александром I. Участвовал в разработке гидротехнических сооружений в Митаве, в районе Риги, под руководством известного инженера Огюстена Бетанкура служил в Министерстве путей сообщения. В 1822 году, после прохождения службы по топографической части, Серристоры был отправлен на Кавказ — в расположение генерала Алексея Петровича Ермолова, командующего российскими войсками в регионе. Именно к этому периоду относятся его работы о торговле с Персией. Отсюда в 1825 году итальянец переезжает в Одессу, в ведомство князя Михаила Семеновича Воронцова, губернатора этого региона. Как инженер-геодезист он участвует в огромном городском строительстве, работая бок о бок с местными специалистами (например, принимает участие в разработке конструкции знаменитой лестницы с панорамным видом на Одесский порт)¹³. В *Воспоминаниях* подробно описывается разномастная среда торговцев, авантюристов, путешественников, военных и технических специалистов со всей Европы, приглашенных в Российскую империю для управления этой приграничной территорией, в государственном управлении дается анализ международной среды, проведенный российской администрацией, для управления этой приграничной территории

ей, где; по его словам — не только язык в Одесской опере, но и «язык бизнеса является итальянским»¹⁴. В этой разномастной городской среде Серристоры в 1824 году встречает Михаила Дмитриевича Бутурлина, (поселившегося там вместе со своим наставником Франсисом Слоуном из Флоренции, куда Бутурлины переехали в 1817 году¹⁵), от которого мы узнаём об одновременном присутствии в городе Александра Сергеевича Пушкина¹⁶. К этой же среде принадлежали также братья Иосиф и Александр Поджио¹⁷, сыновья одного из первых основателей Одессы (в то время они уже были участниками кружка декабристов). Но Серристоры все-таки оставался в стороне от политики¹⁸. В кругу итальянцев отдельное место принадлежит Софии Франкини, на которой он женился в Одессе в 1829 году и которая следует за ним во Флоренцию, когда в следующем году он выйдет в отставку¹⁹. Престиж и видное положение Серристоры отразилось на его назначении тосканским консулом, что позволило ему защищать интересы Великого герцогства Тосканского во время русско-турецкой войны 1828 года²⁰, и обеспечивать тосканским кораблям свободный проход в Босфор — согласно Адрианопольскому договору.

Что же касается — состава «Воспоминаний», то Серристоры, скорее всего впоследствии изъял из них главы, публикация которых была запрещена по цензурным соображениям — в 1855 году²¹.

Маршрут из Санкт-Петербурга в Москву, представленный в первой главе мемуаров Серристоры, повторяет этапы известного *Путешествия из Петербурга в Москву* Александра Николаевича Радищева (1790). Если дневник Вьёссё содержит записи впечатлений и размышлений, сделанные в дороге на скорую руку, то работа Серристоры — это ретроспективное описание. По пути из Петербурга в Москву, а оттуда в Одессу Серристоры, как и Вьёссё, отмечает большую разницу, существующую между городами (особенно Петербургом, где проявляется действие суверенной воли правителей) и де-

ревнями, а также указывает на контраст между «великолепными памятниками и дикой природой»²². Однако каждое место, по мысли автора, имеет свое значение в общей панораме российской действительности. Как профессиональный топограф и инженер Министерства путей сообщения Серристоры интересуется строительством новой дороги из Санкт-Петербурга в Москву, взамен старой и неудобной; делает вывод, что мосты и каналы единой системы внутренней навигации от Балтики до Каспия облегчают торговлю между Западом и Востоком. Даже на юге России, вокруг Одессы, внутренняя навигационная система, направленная к выходу в Черное море и существующая для развития торговли, является для него предметом неподдельного интереса и объектом точного описания. Наблюдение за военными поселениями вдоль тракта из Петербурга в Москву дает возможность констатировать величие и дальновидность этого правительственного проекта: «это великое учреждение, — замечает он, — целенаправленно воплощается в жизнь от Петра I и Екатерины II до Александра I»²³. (поясняя, что организация военных поселений, вызвала в то время оживленные дискуссии)²⁴.

Мудрость и благоразумие власти также проявляются и в отношении вопроса о крепостном праве. В отличие от Вьёссё, Серристоры в своих «Воспоминаниях» посвятил этому целую главу. Признавая, что наибольшим благом для каждого человека является личная свобода, либеральный Серристоры, тем не менее отмечает, что в России «материальная жизнь русского крепостного в большинстве случаев, особенно в центральных и восточных областях, иногда лучше, чем у крестьян и пролетариев Запада»²⁵. Согласно Серристоры, цари высказывали идею отмены крепостного права, но эта идея не осуществилась из-за негативных последствий для самих крестьян. Освобождение крестьян и отмена крепостного права являлись делом первостепенной важности для России, которая движется в направлении «полной реализации развития своей цивилизации», — писал Серристоры,

однако добавлял, что время для этого еще не пришло, да и что такая мера, с точки зрения порядка и безопасности, по-прежнему глубоко беспокоила русское общество. Адекватное социальное действие относительно «крепостного права» должно быть более подготовленным шагом, как это описано в его брошюре *L'education des serfs necessaire a leur affranchissement*, опубликованной в Митаве в 1820 году²⁶. Энтузиазм не оставляет путешественника и в Москве — городе, который всего десять лет назад полностью сгорел, но доказал свою силу и жизнестойкость, и теперь от пожара 1812 года в нем не осталось и следа. В Москве, где смешались «купола и таверны», в соответствии с описанием автора сохраняется социальное расслоение, которое сформировалось в течение долгого времени (в отличие от более однородного Петербурга). Для старой столицы характерно искусство византийского происхождения, которое в России, «казалось бы, замерло в своем развитии, однако на деле прогрессирует с эпохи Возрождения вплоть до нашего времени»²⁷.

Наблюдая за такими учреждениями, как благотворительные фонды, больницы, детские дома, лечебницы и тюрьмы, Серристоры приходит к выводу, что эти институты в России страдают от тех же недостатков, что и в Европе. Интерес к педагогическим аспектам, который в дальнейшем Серристоры проявит в полной мере в своей деятельности в Тоскане, очевиден и многократно обозначен уже здесь, в том числе в истории о полезности Просвещения и использования воспитателями Библии в ее канонической трактовке²⁸. На почтовых станциях вдоль дороги Москвы, из Тулы в Орел, из Харькова в Полтаву Серристоры наблюдает городские и ландшафтные изменения (в то время как Вьёссё ограничивается лишь общим описанием летнего ландшафта средней полосы России). В конце пути его ждала Одесса, чудо-город, построенный — согласно монаршей воле — на пустом месте всего за двадцать с небольшим лет. Впрочем, комментарии о городе, его населении и торговле страдают избытком статистических

данных, которые мало что прибавляют к непосредственным авторским наблюдениям.

Для Серристоры, как и для Вьёссё, Крым являлся обязательным этапом путешествия по югу России²⁹. Описание его занимает целых две главы неопубликованной книги: «Крым» и «Крымская Киммерия». Если, с одной стороны, познакомившись с местными нравами и обычаями, здесь можно почувствовать себя на Востоке, с другой же — там обнаруживаются признаки средиземноморской классической культуры. В то время как на однообразных, но плодородных равнинах Украины теряется чувство движения времени, в Крыму чувствуется дыхание античности. Серристоры пишет об экзотических народах, населяющих эти земли, и их мирных нравах. Описание свадебной церемонии в главе «Татарская свадьба» носит скорее этнографический, чем литературно-романтический характер. Крымским татарам, которыми интересовался и Вьёссё, в те годы было посвящено несколько научных работ³⁰ на европейских языках. На Кавказе Серристоры оставался около двух лет, с 1822 по 1824 год, и можно считать, что за это время был собран материал, ставший основой для написания работы «Воспоминания генерала графа Луиджи Серристоры о побережье Черного моря, то есть о России, о Крыме, провинциях Кавказа и о Турции». Серристоры в основном интересовался поисками путей, ведущих в Азию, что доказывается наличием исследований о торговле с Персией³¹ и целого ряда текстов, которые еще не расшифрованы, но приняты к рассмотрению: 'Notes sur l'histoire de la Perse' (Тифлис, 1823), 'Notices generales sur la Perse', 'Notes geographique et statistique sur la Perse', 'Remarque sur le commerce asiatique de la Turquie avec la Perse' (1824) 'Notes sur le commerce de la Russie avec la Perse' (1824), 'Memoire sur le relations commerciales del a Russie dans l'Asie Centrale avec la Perse' и 'Carte veritiere de la Perse'³². Вьёссё также интересовали азиатские порты на Черном море, хотя он не мог посетить их, поскольку был ограничен решением задач, связанных с торговым домом, за счёт которого

он и совершал своё путешествие. Тем не менее среди его бумаг сохранилось несколько трактатов на эту тему, вероятно, основанных на информации, полученной от местных коммерческих агентов³³. Интерес, проявленный обоими путешественниками к данным сведениям, объясняется важностью исследования территорий и прибрежных районов на границе с Азией, откуда открывались новые возможности контактов и торговли через территорию России.

Джузеппе Пуччи

Изучение путей торговли с Персией и Индией также было целью поездки Джузеппе Пуччи, третьего персонажа из среды «умеренных либералов» Великого герцогства Тосканского, который стремился «открыть» Россию в те же годы, что и два предыдущих исследователя. Его опыт путешествия по России — это не поиск путей торговли и выполнения поручений, как у двух других, а, по-видимому, личный интерес. Об этом нам известно в основном из писем Джино Каппони³⁴, кроме того, существует рукописный путевой дневник, ранее не опубликованный и до сих пор не изученный³⁵, как и некоторые другие документы, относящиеся к спискам расходов на лошадей и почту по маршруту. Все эти документы, хотя и требуют дальнейшего изучения, всё же их вполне можно отнести к материалам, авторами которых являются два предыдущих тосканца Образованный любитель литературы, коллекционер, член Академии Георгофили, специалист по сельскому хозяйству, имевший опыт поездок по Европе и часто в проживавший в Париже и Лондоне, Джузеппе Пуччи приехал в Санкт-Петербург 12 ноября 1821 года (как и Вьёссё из Копенгагена, тоже, имел рекомендательные письма, полученные от Федерики Брун). По прибытии в российскую столицу, сразу же нашел Луиджи Серристоры, и они начали регулярно встречаться³⁶. В Петербурге Пуччи общался с ита-

льянскими художниками, а также познакомился с представителями международной дипломатии (к которой принадлежали, например, секретарь английского посольства Бомбеллес, брат австрийского консула во Флоренции Людвиг фон Бомбеллес, зять Федерики Брун, и английский посол, у которого можно было читать газеты без цензуры). В рамках британской общины в Петербурге, с которой Пуччи имел тесные контакты, поскольку подолгу жил в Лондоне, он организовал путешествие и вскоре отправился через Россию в Грузию. В этой поездке, выглядевшей почти научной экспедицией, Пуччи сопровождали граф Салазард и английский аристократ Эдвард Пенрин. Гидом у них был ботаник Роберт Лиал³⁷, давно живущий в России и одновременно выполняющий обязанности переводчика. (В дальнейшем Лиал оставил подробное описание этого путешествия в книге *Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus, and Georgia*³⁸, в то время как отчет Пуччи останется до сих пор неопубликованным³⁹. Сравнение этих двух текстов, несомненно, заслуживает отдельного разговора⁴⁰. Небольшая группа выехала из Москвы, где Пуччи пробыл несколько месяцев и восторженно написал в письме к Каппони в марте 1822го: «насколько мне не нравилось в Петербурге, настолько сильно мне нравится здесь [в Москве]». Именно в старой русской столице он увидел проявление своеобразия всей России. Отсюда 22 апреля 1822-го Пуччи с товарищами отправился в Тулу, затем, по пути почтового маршрута, каким следовали Вьёссё и Серристоры, в Крым. Наблюдения автора в основном носили общий, обзорный характер и в этом смысле мало чем отличались от записей двух других путешественников, несмотря на то, что присутствие Лиала существенно обогащало и разнообразило впечатления от встреч с местными жителями. Для сравнения заметим, что Вьёссё из-за отсутствия переводчика был лишен такой возможности, а свои коммерческие контакты устанавливал и осуществлял с помощью словаря, купленного в Петербурге. Таким образом, Пуччи обменялся мнениями с англий-

скими техниками и инженерами, работавшими на оружейных заводах в Туле; он наблюдал за поведением преступников во время исполнения приговора; обсуждал проблему военных поселений (в то время вызывавшую в России, как было указано выше, живой интерес в основном негативное отношение)⁴¹, посещал парки и сады (например, сад графини Поточкой на Украине, где встречался с европейскими ботаниками, с которыми говорил о выращивании различных культур). По приезде во Владимир Пуччи знавший многие события в истории России и ее христианизации. Везде Пуччи получал и обменивался письмами, имел доступ к представителям военных и дипломатических ведомств различных городов и налаживает связи с людьми, с которыми был знаком ещё во Флоренции (в том числе с графом Дмитрием Голицыным, с которым они встречались в Банны-ди-Лукка в Тоскане). Описывая своё путешествие через Крым до Грузии, автор не забывал и о природе, обычаях населения и других деталях местного колорита. В Тифлисе Пуччи познакомился с Александром Сергеевичем Грибоедовым⁴². Они говорили о древних этрусках, которыми русский дипломат был очень увлечен, и создают проект о совместном продолжении путешествия в Персию: «Гр[ибоедов], который провёл три года в Персии, глубоко изучил историю страны, считался ее экспертом и его любезное предложение сопровождать нас немало повлияло на наше решение посетить Персию». ⁴³ Но от поездки в Персию пришлось отказаться из-за слишком жаркого климата и опасности инфекций. Во время посещения внутренних долин Кавказа вместе с Грибоедовым вид пейзажа по дороге из Тифлиса в Зелау, знакомый ему лишь по описаниям романтической литературы⁴⁴ вызвал у Пуччи искреннее изумление. Это тот самый путь, который был описан в *Путешествии в Арзрум* Александра Пушкина, побывавшего в тех же местах несколькими годами позже (1829) и встретившего там гроб с телом зверски убитого в Персии Грибоедова⁴⁵. Несмотря на большое количество и разнообразие

его наблюдений, пожалуй, именно Пуччи явился свободным и любознательным путешественником, таким, который меньше всего ориентируется на принятые в стране суждения.

Несомненно, участие в мировой торговле и работа в администрации позволили двум другим путешественникам, Вьёссё и Серристоры, понять новую реальность на юге России, приведя ее к «общему знаменателю». Коммерческие навыки Вьёссё, хотя и устанавливали некоторые границы⁴⁶, дали на самом деле ему возможность лучше определить реальное состояние России, увидеть общую стратегию имперской политики и предугадать возможное развитие событий в европейском контексте⁴⁷. Однако многие детали поездки Пуччи проясняются и обретают логику в целом с учетом документов, что были приложены к его дневнику (аналогичная картина, напомним, складывается и в отношении всей совокупности документов, относящихся к путешествию Вьёссё).

Опыт своих путешествий по России Вьёссё резюмировал в письме к Сисмонди из Одессы в 1817 году⁴⁸, тогда как соображения Пуччи кратко изложены в его письме к Джино Каппони из Москвы в марте 1822 года: «*Страна такая особенная и пока подробно не описана! Она быстро меняется и описание 5-летней давности уже устарело. На самом деле эта девственная страна, богатая ресурсами, только теперь начала преодолевать инерцию и сопротивляться старым вредным привычкам. Можно поверить в то, что в будущем она начнет стремительно развиваться. Нельзя сказать, что ею хорошо управляют, но всё же не так уж плохо, как можно подумать. Самодержавие в хороших руках является пока для России единственным возможным выходом. Ведь страна эта — особенная: из-за привычек, влияния религии и отношений, к тому же раскинутая на этом огромном пространстве*». Это лишь один пример из рассуждений Пуччи⁴⁹. О необходимости непосредственного наблюдения и обновления России Вьёссё написал Сисмонди из Одессы: «*Паллас* имеет свои достоинства, но он уже устарел

для страны, пережившей так много перемен. Г-н Шторх сделал таблицы изменений для России на немецком языке, они читаются с интересом; но он работал в своем кабинете, и это было 10 лет назад; а Россия улучшается настолько быстро, что его работа является лишь предисловием к тем планам, которые мы хотим разработать»⁵⁰.

Итак, на исходе 1825 года (как раз накануне восстания декабристов) взгляду умеренного либерала из Тосканского герцогства Россия представлялась страной, ориентированной на быстрое развитие, невзирая на наличие в ней единовластия. Извне казалось, что царская власть способна вести страну по пути развития. Вместе с тем важным результатом этих поездок явилась потребность в более широкой информации о России, что нашло отражение в письме Пуччи к Каппони в 1824 году: «Я испытываю крайнее любопытство ко всему, что происходит в России, и хочу следить за всем, что публикуется там»⁵¹. Приверженность Вьёссё к русской теме, воплотившаяся в формировании библиотеки его Кабинета, и стала такой попыткой удовлетворить эту потребность.

В заключение следует отметить, что впечатления и сведения, оставленные вышеуказанными путешественниками, свидетельствуют, кроме прочего, о важной роли Тосканы в развитии прогрессивных тенденций европейской мысли в годы Реставрации. Еще долгие годы она будет благодатным местом встреч и обмена знаниями, в том числе и в отношении России.

Примечания

- ¹ A. de Custine, *La Russie en 1839*, Paris 1843, p.
- ² См., например: A. Stroeve, *Aventuriers européens en Russie: pasque et roles sociaux*, in *L'homme des lumières de Paris à Pétersbourg*, под ред. Ph. Roger, Napoli, Vivarium, 1995, p. 79-103. Id., *La Russie vue par Mme de Staël et par Prosper de Barante: renversement des stéréotypes et batailles idéologiques*, в *Il Gruppo di Coppet e il viaggio: Liberalisme e conoscenza dell'Europa tra Sette e Ottocento*, под ред. M. Bossi, A. Hoffmann, F. Rosset, Firenze, Olschki, 2006, p. 269-276.
- ³ G.P. Vieusseux, *Journal-Itinéraire de mon voyage en Europe (1814-1817 с перепиской, относящейся к путешествию*, под ред. Л. Тонини, Firenze, Olschki, 1998.

⁴ Об этом отношении см. F. Sofia, *Sismondi e la civiltà*, а также к тесным и случайным связям с кругом в Коппе, например в работе L. Tonini *Vieusseux e Sismondi: l'inizio di un fertile rapporto. Il circolo di Coppet e il viaggio*, F. Sofia, Firenze, Olschki, 2001, pp. 37; A. Volpi, *Storie familiari: i Vieusseux e i Sismondi*, в "Antologia Vieusseux" n.s. V, 13, 1999, pp. 5-51; Id. *Commercio e circuiti culturali. G.P. Vieusseux, un borghese all'inizio dell'Ottocento*, Pisa, Pacini, 2008.

⁵ Письмо к Симонду де Сисмонди опубликовано в G.P. Vieusseux, *Journal...* cit. pp. 158-163.

⁶ Ivi, p. 161.

⁷ A. Volpi, *Una grande nazione europea. La Russia nell'Antologia di Giovan Pietro Vieusseux*, in *Firenze e San Pietroburgo*, под ред. S. Pavan e A. Alberti, Firenze 2003, c. 187-208.

⁸ Луиджи, сын Аверардо Серристоры и Лукреции Пуччи, стал дипломированным инженером, окончив школу Св. Анны в Пизе

⁹ R. Risaliti, *Studi sui rapporti italo-russi. Con i "Ricordi di viaggio" inediti di L. Serristori*, Pisa, Libreria Goliardica 1972.

¹⁰ Рукопись находится в Государственном архиве Флоренции (ASF) (Serristori, famiglia 585).

¹¹ Эта публикация посвящена его сыну Альфредо, с которым он совершил новое путешествие в Одессу в 1852 году. Возможности публикации способствовала находка рукописи «Portolano» в библиотеке Лауренциана; к этому Серристоры добавляет описание мест, которые он хорошо знал уже во время первой поездки и пребывания на Кавказе в 1822-23 годах.

¹² Среди сочинений, которые хранятся в ASF: Serristori, famiglia 585, находятся, 'Notices generales sur la Perse', 'Notes sur l'histoire de la Perse, Tiflis 1823'; 'Notes géographique et statistiques sur la Perse'; 'Remarque sur le commerce asiatique de la Turquie avec la Perse redigée par Luigi Serristori 1824', 'Notes sur le commerce de la Russie avec la Perse, 1824'. Написанные впоследствии 'Ricordi del generale conte L. Serristori sul litorale del Mar Nero cioè la Russia, la Crimea, le provincie del Caucaso e la Turchia con altri sulla Spagna, il Marocco e corredati da tre carte geografiche'. Среди его бумаг находятся также 'Considerazioni sulla Russia pagana' (под другим названием 'Considerazioni sulle origini della Russia') и 'Considerazioni sulla campagna Russo Turca 1828'.

¹³ В его документах находится небольшой проект с расчетами и затратами на строительство лестницы в Одессе, которая спускается к морской набережной, с четырьмя пролетами по 15 ступеней. О его участии в этом проекте упоминает также Михаил Бутурлин в своем дневнике: М.Д. Бутурлин, *Записки графа М.Д. Бутурлина* Москва, Русская усадьба, 2006, т. I с. 163.

¹⁴ L. Serristori, *Ricordi di viaggio*, cit., p. 154.

¹⁵ *Записки графа М.Д. Бутурлина*, с.163-164. Многочисленные связи, существовавшие между Флоренцией и Россией, подтверждаются также тем фактом, что в тот же год и до 1829-го семейство Серристоры

сдавало свой дворец на Арно Николаю Демидову. ASF, Serristori, famiglia 333.

¹⁶ См. М.Д. Бутурлин, *Op. cit.*, т. I, p. 162.

¹⁷ О братьях Поджио (на итальянском языке) см. F. Venturi, *Il moto decabrista e i fratelli Poggio*, Torino, Einaudi 1956.

¹⁸ Ризалити в своей публикации скопировал список одесских офицеров, составленный Серристоры, в котором несколько имен известных декабристов вычеркнуты одним росчерком пера.

¹⁹ София Фракини была дочерью Антонио Франкини, Государственного советника Императора, первого переводчика в дипломатической миссии при Османском правительстве. В следующем, 1830 году, Луиджи попросил об отставке, окончательно вернулся во Флоренцию, и стал единственным наследником семьи, поскольку в тот же год умер его отец, а старший брат Антонио скончался еще в 1824 году. Серристоры поступил на службу в Императорское Министерство путей сообщения в звании капитана I класса, а завершил службу в звании полковника генштаба.

²⁰ Среди его документов находятся 'Considerazioni sulla campagna russo-turca del 1828'.

²¹ Текст рукописи о путешествии, разделенный на главы, продолжает обрабатываться. Он находится внутри папки с названием 'Manoscritto la cui stampa fu sospesa per ragioni di alta convenienza. 1855 Xbre': ASF, Serristori, Famiglia, 583.

²² L. Serristori, *Ricordi...* cit, p.128.

²³ Ivi, p. 133.

²⁴ Ivi, p. 134. Об актуальности вопроса относительно военных поселений в то время см. F. Venturi. *Il moto decabrista ...* cit., p. 106 e sgg.

²⁵ Ivi, p. 142

²⁶ Написано в okazji освобождения крестьян в Латвии в 1820.

²⁷ Ivi, p.136

²⁸ Ivi, p.138

²⁹ В его *Journal* специальная статья посвящена *Voyage en Krimée*.

³⁰ Татарам, например, была посвящена длинная статья в *Dictionnaire géographique et historique de l'empire de Russie* под редакцией Н.С. Всеволожского: опубликована в Москве в 1813 году (также как эссе М. deGoureff, *De la civilization des tatars-nogais dans le midi de la Russie européenne*, написанное несколькими годами раньше), в 1819 году вышла в «Nouvelles annales de voyages» (II, 1819, pp. 249-306).

³¹ См. сноску п. 10

³² Рукописи этих договоров, еще не опубликованные, хранятся в ASF, Serristori, famiglia, 585.

³³ G.P. Vieusseux, *Journal — Itinéraire ...* cit pp. 176-177, 240-259.

³⁴ A. Carraresi, *Lettere di Gino Capponi e di altri a lui*, Firenze 1890, V, pp.269-273. Маркиз Джино Каппони (1792—1876), писатель и государственный деятель.

³⁵ Архив Guicciardini, Carte Pucci, filza XLV, 301

³⁶ Письмо Л.Пуччи к Дж. Каппони, Петербург, ноябрь 1821, A. Carraresi, *Op.cit.*, p.269-273.

³⁷ Robert Lyall (1790-1831), по возвращении в Лондон публикует *The Character of the Russians and a detailed History of Moscow*, Лондон и Эдинбург, 1823. Произведение, посвященное резкой критике России, вызвало гнев Александра I.

³⁸ Лондон и Эдинбург, T. Cadell 1825

³⁹ Манускрипт сохранился в Архиве Guicciardini, Carte Pucci, filza XLV, 301, куда он поступил от наследников. С манускриптом можно ознакомиться с разрешения Пиеро Гвиччардини.

⁴⁰ В предисловии к своему рассказу Лиал утверждал, что он единолично отвечает за свой текст, считая вполне зрелыми свои суждения, сформировавшиеся во время длительного пребывания в России. Таким образом он хотел снять ответственность с сотоварищей по путешествию за свои критические суждения о России, уже вызвавшие гнев царя Александра I после публикации его предыдущей работы.

⁴¹ Сотоварищ по путешествию, R. Lyall, по возвращении публикует брошюру *An Account of the Organisation, Administration, and Present State of the Military Colonies in Russia*, London 1824.

⁴² Посланный полномочным послом в Персию, он был убит во время восстания 1829 года.

⁴³ Архив Guicciardini, Carte Pucci, Filza XLV, 301.

⁴⁴ См., например, на эту тему: S. Layton, *Russian literature and Empire. Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*, Cambridge University press, 1994; а также С.В. Сопленков, *Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века)* Москва, Восточная литература, 2000.

⁴⁵ Сотоварищ по путешествию, R. Lyall, по возвращении публикует брошюру *An Account of the Organisation, Administration, and Present State of the Military Colonies in Russia*, London 1824. См. Примечание 41.

⁴⁶ Хорошо известно, о его несогласии быть просто «грустным негодяем», которое он выразил в письме к Сисмонди, написанном в Одессе в 1817 году: G.P. Vieusseux, *Journal...* cit. p. 160.

⁴⁷ L. Serristori, *Ricordi ...* cit., p. 156.

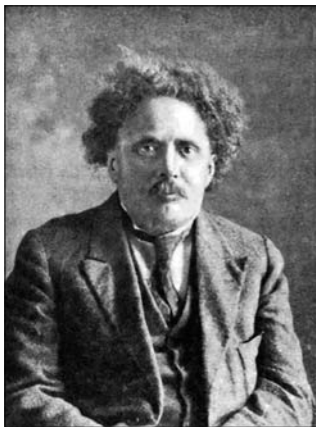
⁴⁸ Это относится к письму в сноске п.6

⁴⁹ Письмо Пуччи к Каппони, марта 1822. Нац. Библиотека Флоренции. Фонд Каппони X1, 27.

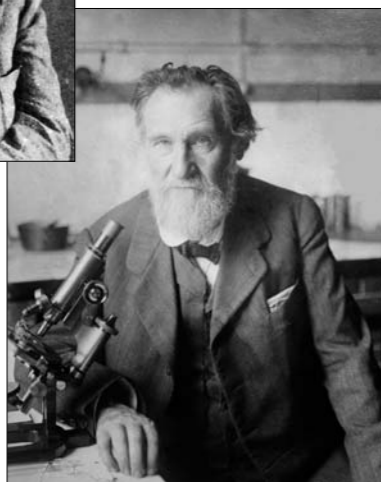
⁵⁰ См. G.P. Vieusseux, *Journal — Itinéraire ...* cit, p.162.

⁵¹ Письмо G.Pucci a G. Capponi, Москва, март 1822. В A. Carraresi, *Op cit.*, p. 297.

© Лючия Тонини

Ефим Лондон

Илья Мечников

Российские евреи в Италии

Для того чтобы проследить недолгую историю присутствия в Италии евреев из России в течение первых десятилетий XX века, необходимо обратить внимание на историю позднего иудаизма в Италии, с одной стороны, и на судьбы еврейской диаспоры из Российской империи, с другой. С этой точки зрения, было бы полезно начать наш обзор с нескольких примеров, относящихся ко второй половине XIX века.

Здесь (я имею в виду присутствие и деятельность в Италии нескольких представителей антицаристского революционного движения, принадлежавших к различным анархистским и народническим кружкам) я хотел бы напомнить, например, о широко известном географе и социологе *Льве Мечникове* (1838–1888), который вступил в ряды Гарибальдийской «тысячи» и был ранен в битве на реке Волтурно в 1860-м. Лев Мечников был братом знаменитого биолога Ильи Мечникова и племянником писателя и публициста *Льва Неваховича* (1776–1831), основоположника жанра русско-еврейской литературы. Недавно мемуары Мечникова о его пребывании в Италии были переизданы; они пред-

ставляют впечатляющую картину наиболее интересных моментов итальянского «Рисорджименто» — эпохи воссоединения Италии. Позже Мечников жил в Сиене и Флоренции, перед тем как принять участие в Парижской Коммуне, а затем эмигрировать в Швейцарию.

Другим российско-еврейским общественным деятелем, принимавшим участие в политической жизни Италии, была известная революционерка, анархистка и феминистка *Анна Кулишёва* (Анна Моисеевна Розенштейн) (1857–1925). Родившись в семье симферопольского купца еврейского происхождения, она была одной из первых женщин, принятых в 1872 году в Политехнический институт Цюриха. В Швейцарии она познакомилась с анархистскими идеями Бакунина и по возвращении в Россию присоединилась к популярному среди интеллектуалов и студенчества движению «хождения в народ». В 1876-м Анна вернулась обратно в Швейцарию и в 1877-м покинула Россию навсегда. В этот период она сблизилась с *Андреа Коста (Andrea Costa)* — важнейшим представителем итальянского анархизма и социализма — и вскоре поселилась в Италии. Она была заточена в тюрьму во Флоренции, а затем, в ходе громкого процесса была освобождена. С это-

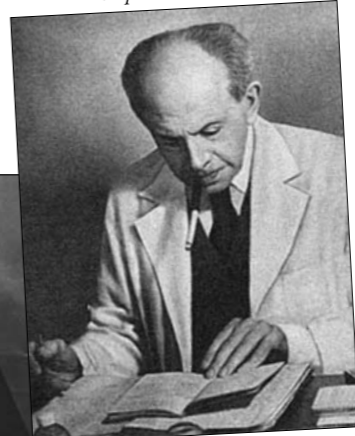
© Рисунок Валерия Саровского

Зеев Жаботинский

Розалия Бюсрад

Абрам Залманов

Пинхас Рутенберг

Марк Слоним

Стефано ГАРДЗОНИО, профессор Университета Пизы

го момента Кулишёва стала активной участницей политической борьбы в Италии. Позднее стала редактировала журнал социалистической направленности «*Critica Sociale*», игравшем заметную роль в политической жизни итальянских социалистов вместе с Филиппо Турати (*Filippo Turati*), отстаивавшем позиции реформизма — в противовес идеям фашизма и коммунизма.

Еще одной женщиной, игравшей заметную роль в политической жизни Италии и также внесшей значительный вклад в развитие Международного социалистического движения, была *Анжелика Исааковна Балабанова* (1878–1965), которая училась в Бельгии, а затем переехала в Италию. После знакомства с Лабриолой, Турати и Муссолини вступила в Социалистическую партию. После Октябрьской революции в России вступила в партию большевиков и работала секретарем в Коминтерне, но вскоре, разочаровавшись в идеях большевизма, вернулась в Италию. Однако, с ростом фашизма она эмигрировала в Швейцарию, а затем в США. После Второй мировой войны Балабанова вернулась в Италию, присоединившись к социал-демократической партии, и продолжала политическую карьеру до своей смерти.

Многие русские евреи, приехавшие в Италию в XIX веке, были связаны с наукой. Здесь я хотел бы вспомнить случай еврейского одессита *Марко Вальтуха* (1837–1907), одного из ранних переводчиков Пушкина на итальянский язык (*Poesie di A. Pusckin, Odessa, 1855*). Его книга «Психография, или Описание души» (*Psicografia, Ossia Descrizione dell' Anima con Segni Sensibili, Preceduta da una Nuova Veduta Sopra Alcuni Punti Cardinali della Filosofia Obiettiva; 1870*) сыграла значительную роль в философских дебатах, шедших в то время в Италии по поводу теорий Ломброзо. У нас есть данные, подтверждающие отношения Вальтуха с еврейской диаспорой в Италии (особенно в Ливорно). Это крайне интересный вопрос, поскольку связи между итальянскими и русскими евреями в XIX веке еще недостаточно изучены.

Что же касается естественных наук, то стоит напомнить, что в 1873 году в Неаполе была создана Зоологическая станция. Среди российских специалистов, работающих на станции, было много ученых евреев. Здесь я хотел бы вспомнить *Илью Мечникова* (1845–1916), брата гарибальдийца Льва Мечникова, известного биолога и «пионера» иммунологии, позже ставшего лауреатом Нобелевской премии (1908), и пато-

логоанатома *Ефима Лондона* (1869–1939). Весьма вероятно, что оба они поддерживали отношения с местной еврейской средой.

Уже в первом десятилетии XX века было несколько российских врачей-евреев, которые профессионально работали в Италии. Они обычно были связаны с революционной средой и жили на Лигурийском побережье. Можно вспомнить, например, жену Георгия Плеханова — *Розалию Боград* (1856–1949), *Виктора Магдельберга* и *Абрама Залманова* (1875–1964), который в 1918 году стал личным врачом В.И. Ленина, а затем эмигрировал во Францию. Вышеупомянутая Анна Кулишѐва также работала врачом в многолюдном пригороде Милана.

В конце XIX и особенно в начале XX века (после революции 1905 года) можно выделить следующие категории российских евреев, которые выбирают Италию в качестве убежища или страны для постоянного места жительства. Революционеры. Студенты. Корреспонденты (журналисты). Сионисты. Музыканты и художники.

Важно подчеркнуть, что в начале XX века еврейско-российские беженцы и эмигранты имели веские основания выбрать Италию. Правительство Джованни Гиолитти (*Giovanni Giolitti* 1842—1928) предоставляло демократическую и конституционную защиту иностранцам, подкрепляемую наличием сильной социалистической партии и либеральным общественным мнением. Также стоит упомянуть культурную и политическую значимость еврейской общины в Италии, особенно в таких крупных городах, как Рим, Милан, Флоренция и Неаполь, но также и в небольших городах — например Ливорно. И последнее, но не менее важное обстоятельство — образование в итальянских университетах было доступно для молодежи из России, хотя эта тенденция стала менее выраженной еще до того, как в Италию хлынули основные миграционные потоки из России после двух российских революций.

Чтобы лучше всего проиллюстрировать отношение Италии к политическим эмигрантам

из России, уместно вспомнить знаменитое дело Гоца. *Михаил Рафаилович Гоц* (1866–1906) был русским революционером, членом «Народной воли» и одним из основателей партии социалистов-революционеров (эсеров). За свою революционную деятельность он был приговорен к каторге в Сибири, а после амнистии 1895 года эмигрировал во Францию, а затем в Италию. В 1901 году российское правительство потребовало экстрадиции Гоца из Италии (его подозревали в причастности к убийству министра внутренних дел Дмитрия Сергеевича Сипягина). Революционера поддерживали в итальянских культурных и политических кругах. Как говорят, Риккардо Луццатто, член парламента и итальянский еврей, сказал: «Если бы в Англии или Швейцарии не принимали Мадзини и Гарибальди, итальянское “Рисорджименто” было бы невозможно!» После долгих и жестких дебатов в экстрадиции было отказано. Это привело к дипломатическому кризису и к отмене предполагаемого визита российского Царя в Италию. В то же время этот случай показал, что Италия была надежным убежищем для русских революционеров.

Есть еще один российский еврей, который имел очень тесные отношения с Италией и ее политической и культурной жизнью: я имею в виду *Владимира (Зеева) Жаботинского* (1880–1940), который в свое время жил в Италии в качестве студента Римского университета, корреспондента газеты и сионистского политического активиста.

Жаботинский — писатель и журналист, лидер сионистов, идеолог и основатель ревизионистского движения в сионизме, прибыл в Рим осенью 1898 года в качестве корреспондента «Одесского листка», а затем «Одесских новостей». Будучи студентом Римского университета, общался с такими политическими теоретиками, как Лабриола (*Antonio Labriola*), Ферри (*Enrico Ferri*), и другими. Он публиковал статьи на итальянском языке в газете «Л’Аванти» (*L’Avanti*), а также в других журналах и принимал активное участие в политических и идеоло-

гических дискуссиях, в то время проходивших в Италии. Его переписка из Рима дает впечатляющий взгляд на итальянскую жизнь и политическую борьбу начала века, в то время как его романы и сказки стараются следовать лучшим традициям русской прозы в стиле позднего реализма. Не хватит времени, чтобы описать, насколько широки и интересны были связи Жаботинского с Италией, в которую он возвращался несколько раз. Будучи лидером ревизионистского сионистского движения, в 1920-х годах Жаботинский познакомился с итальянским фашизмом. Так называемая «*Raggruppamento d’Italia*» была основана в 1925 году, и ее идеолог Леоне Карпи (1887–1964), глава революционного сионистского молодежного движения «Бетар», поддерживал четкую антибританскую позицию. В 1934 году в городе Чивитавеккья Жаботинский создал еврейскую военно-морскую академию. Еврейские курсанты поддерживали Италию во время второй итало-абиссинской войны. В академии обучались курсанты из многих стран.

Пинхас Рутенберг был еще одним сторонником сионизма, который жил в Италии с 1907 по 1915 год. Рутенберг был известным эсером, который организовал казнь русского православного священника и социального реформатора Георгия Гапона за его сотрудничество с царской полицией, а позднее создал в Италии общество *Pro causa ebraica*.

В 1913 году в Риме был организован первый Конгресс русских сообществ в Италии (Рим, Неаполь, Капри, Нерви и Милан). Многие из делегатов были евреями, и многие из них играли значительную политическую роль. Среди них был *Григорий Шрейдер* (1860–1940), экономист и член партии эсеров, который в 1917 году был избран петроградским городским головою и членом в Учредительного Собрания.

В архивах нескольких итальянских университетов можно найти документацию, относящуюся к еврейским студентам, которые выбрали Италию для учебы, поскольку в Россий-

ской империи действовал ценз на прием евреев в университеты. Еврейские студенты обучались в Падуе, Риме, Флоренции, Милане и других университетах. Например, я изучил документы, касающиеся нескольких студентов, обучавшихся в университете Пизы. В дальнейшем я расскажу о биографии одного из них, которая может служить примером того, как русский еврей смог полностью интегрироваться в итальянское общество.

Подобно Жаботинскому, *Марк Слоним* (1894–1976) был важным представителем культурной и политической жизни в России, а затем и в среде русской эмиграции в Италии. Будучи студентом филологии Флорентийского университета в 1913–14 годах он опубликовал в переводе на итальянский язык «*Senilia*. Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева. Затем, в 1919–1922 гг. он жил во Флоренции, став постоянным автором «левацкой» газеты «*Il Secolo*». Его перу принадлежат следующие итальянские тексты: «Спартак и Бела Кун» (*Spartaco e Bela Kun*) и две книги мемуаров: «Русская революция и большевизм глазами россиянина» (*La rivoluzione russa, Il bolscevismo visto da un Russo*).

Антон Геллер (1893–1935) также учился в университете Флоренции. Позже под псевдонимом «Антонио Кьярини» Геллер сыграл важную роль в процессе раскола итальянской социалистической партии и основания коммунистической партии в Ливорно в 1921 году.

Интересно отметить эмисаров большевиков и Коминтерна в Италии. Например, *Арон Визнер* (1883–1937) и *Натан Гринфельд* (1884–1938), соратник революционера Георгия Чичерина. Они оба позже пали жертвами сталинских репрессий, как и Марк Шефтель (1889–?), юный революционер, который учился в Генуе (позднее он стал известным врачом), сотрудничал с Чичериным, который вел агитацию среди русских студентов в Италии и затем стал представителем Российского общества Красного Креста и Наркомздрава в Италии вместе с *Всеволодом Шебедевым* и *Константином Кетовым* — поволжским немцем (чье настоящее

имя — *Иван Крейнерт*, который был вовлечен в молодости в террористическую деятельность в Саратове). Шефтель был ответственным за Римский комитет помощи русским эмигрантам. Позднее он присоединился к большевикам и в 1924-м вернулся в СССР. Также еврейско-российскими эмиссарами Коминтерна, сыгравшими значительную роль в жизни коммунистической партии Италии были, *Даниил Ридель* (1884–1933) и *Владимир Джогот* (1889–1944).

Известными студентами из России были, например, *Роза Гинцберг-Осоргина* (1885–1957), дочь известного еврейского философа и автора Ахада Хаама (Ашер Гинцберг, 1856–1927), позднее ставшая женой писателя Михаила Осоргина, изучавшего право в Римском университете, и *Лия Кремер* (Иза Кремер, 1887–1956), которая стала певицей и поэтессой и училась в Милане вместе с маэстро Луиджи Ронци (Luigi Ronzi) — известного итальянского баритона и композитора. К сожалению, полный список российских студентов еврейского происхождения, учившихся в итальянских университетах, отсутствует, но в последнее время несколько исследований были посвящены именно этой теме, заслуживающей внимания. Многие евреи, корреспонденты российских газет, печатавшихся в Италии, в основном считались революционерами, эмигрантами или студентами одновременно. Например, *Жаботинский* и *Слоним* были журналистами и публицистами. Я хотел бы обратить ваше внимание еще на одну очень интересную фигуру того времени — журналиста *Самуила Певзнера* (1883–1967), студента Санкт-Петербургской консерватории, бежавшего из России после студенческих беспорядков 1899 года и поселившегося в Италии в 1906 году. Он был близок к эсерам, стал корреспондентом московской газеты «Раннее утро». В 1914–19 годах Певзнер был секретарем «Русского общества» в Риме, а затем отправился в США как корреспондент ежедневной газеты «Русская воля»; после Февральской революции 1917 года вернулся в Россию. В конце концов он нашел работу в пресс-службе Наркоминдел,

но в 1925 году вернулся в Италию со своей семьей, руководил пресс-службой в посольстве СССР в Риме. В 1928-м он отказался вернуться в СССР, стал «невозвращенцем» и обосновался в Милане, где сотрудничал в ежедневной эмигрантской газете «Последние новости». В тот период (в 1936 г.) он опубликовал книгу, посвященную Евно Азефу и истории российского терроризма (1936). После введения в 1938 году расового закона Муссолини он был вынужден покинуть Италию и эмигрировать в Соединенные Штаты, где сотрудничал с «Русским словом» и преподавал русский язык в Пентагоне.

Как мы видим, состав еврейской диаспоры из Российской империи обосновавшейся в Италии, был весьма разноречивым, но тем не менее оказавшим значительное влияние на итальянское общество и историю. Многие российские евреи занимались искусством, музыкой, литературой и театром. К сожалению, этот аспект выходит за рамки нашего исследования, но я хотел бы упомянуть, что многие художники и литературные деятели впервые посетили Максима Горького на Капри, а затем в Сорренто в 1920-х годах. Среди творческой интеллигенции, приезжавшей в Италию для изучения изобразительного искусства или музыки, можно выделить, например, скульптора *Янкеля Каца* (1887–1964), поэта и переводчика *Раису Григорьеву Олькеницкую Нальди* (1886–1978), знаменитую актрису *Татьяну Павлову (Зейтман)* (1890–1975) и многих других.

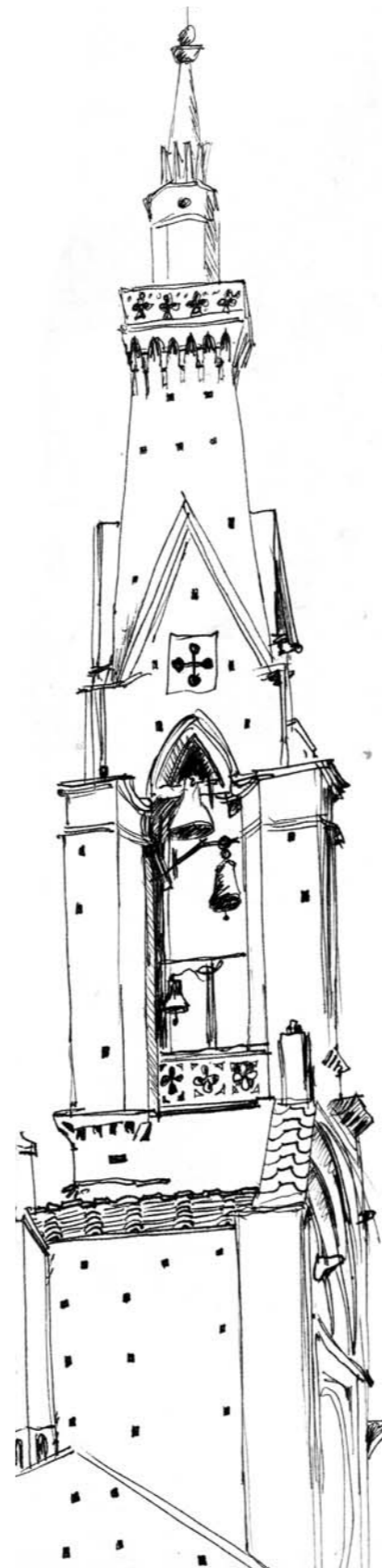
Теперь я хотел бы сосредоточить внимание на личности двух эмигрантов, чей вклад в литературу играл заметную роль, которую евреи из России играли в итальянской культуре. Я имею в виду писателя *Осипа Блиндермана* (писавшего под псевдонимом *Осип Фейлин* — *Osip Felyne*, 1882–1950), а также переводчика и критика *Леоне Гинзбурга* (1909–1944). Эти люди принадлежали к разным поколениям, разную судьбу. Осип Блиндерман, еврей из Одессы, начал свою литературную деятельность в России, публикуя рассказы и романы в литературу-

она не кафельная, такой уж неслучайной, но издалека она напоминает неоготические сооружения, которые портят все города, где их можно увидеть.

Музей ходит даже келься святой божественной группы: она создает божественную группу, божественных келься, но сформирована, а варителем групп. Скорее всего, поезде. прекрасная кад. С точки зрения поезда — флорентинский келься город: окрестности в яме, и здесь поезда всегда очень грязно.

Santa Croce

Firenze 18.05.97

Валерий Сировский. Из записных книжек

ных «толстых журналах». Его короткий роман «Проклятие» (1910), посвященный еврейскому погрому и предвосхитивший «Историю моей голубятни» Исаака Бабеля, был запрещен цензором за откровенные сцены насилия и жестокости. Учился Блиндерман за границей — в Швейцарии и во Франции, затем стал авиационным инженером. Впоследствии он жил в Италии, где с 1919 года начал публиковать свои романы, рассказы и пьесы. Его ранние работы сначала были переведены на итальянский итальянскими славистами, такими как Федерико Вердиноис (*Federigo Verdinois*) и Этторе Ло Гатто (*Ettore Lo Gatto*), но позже он уже сам переводил свою прозу на итальянский язык. Работал Блиндерман в соавторстве со своей женой *Лицей Неановой* (*Фанни Розенберг*, 1883–1964), а затем и с дочерью Ирис.

Фейлин стал известным итальянским драматургом. Он публиковался в знаменитом журнале «Comedia», а позже стал директором популярного театрального журнала «Il teatro per tutti». Его пьесы были поставлены известными итальянскими театральными труппами, такими как Эмма Грамматика (*Emma Grammatica*), Этторе Петролини (*Ettore Petrolini*) и Ренцо Риччи (*Renzo Ricci*). В то же время прозу Фейлина хорошо принимали итальянские критики и читатели. Его романы, такие как «Il bivio, In due con l'ombra», и его сборники коротких рассказов, такие как «Il silenzio dei colori» или «Bagliori sull'abisso», положительно оценивались итальянскими критиками и писателями (например L. Zucconi или U. Fracchia). В 1929–30 году Фейлин был приглашен редактором издательского дома *Corbaccio* в Милане, чтобы возглавить новую серию переводов русской литературы — под названием «Волга». В период между двумя мировыми войнами Фейлин смог найти свое место в истории итальянской литературы. Его проза была элегантной и яркой, она идеально подходила для аполитичной и ностальгической атмосферы итальянской литературы 1930-х годов. Как и другие российские евреи, Фейлин был лишен итальянского гражданства

после принятия расовых законов 1938 года. Однако он продолжал жить в Италии нелегально и скончался в Бордигере в 1950 году. Написанный им сценарий по мотивам романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» уже после смерти Фейлина с большим успехом был реализован в виде телесериала, выпущенного RAI в 1958 году.

Судьба *Леоне Гинзбурга* была совсем иной. Гинзбург сыграл очень важную роль в создании новой интеллектуальной культуры и литературы в демократической Италии, но не увидел, как она пережила войну, поскольку он был зверски убит гестаповцами в последние дни оккупации Рима. Гинзбург был одним из самых инновационных и оригинальных переводчиков русской литературы того времени и внес значительный вклад в развитие известного издательства *Einaudi* в Турине. Его сборник эссе «Русские писатели», который был опубликован уже после его смерти, является основополагающим текстом для итальянской славистики. Его жена, *Наталья Гинзбург*, была в числе самых знаменитых итальянских писателей второго послевоенного периода.

В конце этого обзора я хотел бы сосредоточить свое внимание на двух локальных примерах из прошлого города Пизы, которые я считаю весьма полезными для демонстрации многих социологических и культурных характеристик российских евреев в Италии. Здесь я имею в виду *Зигмунда* (*Сигизмундо*) *Джонассона* (*Sigmund Jonasson*, 1884–1954) и *Нафтоли Эмдина* (*Naftoli Emdin*, 1891–1975).

Зигмунд Джонассон, родившийся в Смоленске, приехал в Италию в 1907 году, первоначально поселился в Генуе, где участвовал в политической антицаристской деятельности (его присутствие отмечено во многих документах того времени, и он был арестован вместе со всей редакцией социал-демократической газеты «Пролетарий»). В Генуе он работал в аптеке *Atri Oliva*, находящейся в центре города. В 1911 году Джонассон обосновался в Пизе, где через несколько лет основал парфюмерную индустрию

Jonasson & C., которая получила эксклюзивный патент для Италии знаменитых парижских брендов *Freres Sauzé* и *Madelys Paris Beauté*. Объявления о его товарах публиковались на страницах местного еженедельного журнала «L'Idée Fascista» в 1923 году. Очень скоро и Джонассон присоединился к фашистской партии. Ситуация изменилась с объявлением Муссолини «автаркии» — политики самообеспечения, когда парфюмерную промышленность обвинили в лояльности к иностранным державам. А после вступления в силу расовых законов Джонассон был вынужден изменить название своего предприятия на *Medicea Industria Profumi Cosmetici e affini* и передать право собственности своему зятю, итальянскому чиновнику. Во время Второй мировой войны Джонассону удалось скрываться в сельской местности неподалеку от Пизы — вероятно, с помощью архиепископа Пизанского Габриэле Веттори — (*Gabriele Vettori*). Имя Сигизмундо Джонассона по-прежнему хорошо вспоминают в Пизе добрым словом: он пожертвовал знаменитое «Распятие» художника Джунта Пизано (*Giunta Pisano*) в местный музей изобразительных искусств Сан-Маттео. Эту работу так и называют: «Джунта Джонассона».

Нафтоли Эмдин, сын дантиста из Гомеля, изучал медицину и хирургию в университете

Пизы в 1913–18 годах. В Италию решил эмигрировать в Италию после того, как ему отказали в приеме в Московский университет. Отрекшись от российского гражданства в 1926 году, он в 1928-м и получил итальянский паспорт. Работал Эмдин в Институте судебной медицины Пизы вплоть до октября 1938 года, когда его выгнали за еврейское происхождение. Интересно, однако, что в начале тридцатых годов он присоединился к фашистской партии и был откровенным противником большевизма и радикального социализма. Позже он стал президентом «Делегации еврейской помощи» — организации, которая помогала итальянским евреям после принятия расовых законов 1938 года. После войны Эмдин был избран представителем республиканской партии и стал советником по вопросам здравоохранения в Пизанском муниципалитете.

Как я пытался показать, история еврейской эмиграции из Российской империи в Италию представляет очень богатый и многогранный культурный феномен, который заслуживает дальнейшего анализа. Думаю, что дальнейшее изучение архивов, особенно в Израиле, предоставит новые материалы об этом сложном факторе культурного взаимодействия, который затрагивает историю России, Италии и Израиля.

Перевод с английского Дарьи Усачевой

© Стефано Гардзонио
© Перевод Дарьи Усачевой

Это Тоскана!

Эудженио Джани (Eugenio Giani), Президент Регионального совета Тосканы в беседе с корреспондентами журнала «Вестник Европы»

С Эудженио Джани нас познакомила лет десять назад Екатерина Юрьевна Гениева на открытии памятника Данте в Атриуме Библиотеки иностранной литературы. И потом много раз бывал в Москве и непременно — в Библиотеке; как президент дома Данте Алигьери открывал дантовские выставки и чтения; уже после смерти Екатерины Юрьевны участвовал в открытии в библиотечном Атриуме памятника папе Бенедикту XV (тоже была ее идея).

* * *

Eugenio Giani родился в Эмполи 30 июня 1959 года. Он окончил юридический факультет Флорентийского университета в 1990 году синьор Джани был избран в городской совет Флоренции, выполнял функции Председателя Комиссии по разработке муниципального

устава, а затем (в разное время) в ранге советника занимался вопросами мобильности, градостроительной политики, спорта, флорентийских народных традиций, культуры и топонимики, международных отношений. Он был президентом Городского Совета Флоренции, получив наибольшее количество голосов среди муниципальных советников на выборах 2009 года. В настоящее время Джани — президент Casa Museo Buonarroti.

Он автор многочисленных эссе и книг по культурной, исторической и спортивной тематике. Среди его книг — «Стопятидесятая годовщина плебисцита в Тоскане для объединения Италии» (11-12 марта 1860 г.) (совместно с Анитой Валентини); «Флоренция и Фиорентина», «Праздник Фиорентины» «Флоренция, день за днем», где каждому дню из 365-ти сопутствует какое-нибудь событие из долгой флорентийской истории разных веков. Рядом могут оказаться события разделенные сотнями лет и объединенные Флоренцией.

В декабре 2017 года Джани был переизбран на должность Председателя областного Совета Тосканы.

В очередной раз мы встретились 1 марта 2018 года, накануне парламентских выборов.

* * *

«Вы посмотрите на его походку: голова высоко поднята, грудь колесом, на губах до того естественная улыбка, что кажется нарисованной. Идет человек, и кажется, ни на что не смотрит, ничего не видит, словно занят своим делом, и вы его совершенно не интересуете. Но на самом деле, когда он так шагает — голова высоко, взгляд устремлен вперед, — он смотрит и все видит.

Не было еще случая, чтобы он смотрел и не видел, потому что тосканец видит даже тогда, когда не смотрит» (Курцио Малапарте).

Нам показалось уместным ввести в обрамление этой и других тосканских бесед несколько цитат из книги Курцио Малапарте, «Проклятые тосканцы»¹ — книги дерзкой, вызывающей, но принизанной пониманием и любовью. Тем более что синьор Джани очень ценит этого писателя, написавшего «Проклятых тосканцев», а также книги о Второй мировой войне — «Капут» и «Шкура», полные шокирующей и неприятной правды. Он напомнил, что по мотивам «Шкуры» Лилиана Кавалли в начале 80-х сняла фильм — о высадке американцев в Неаполе в 1943 году и о том, как итальянцы воспринимали это. Роль Малапарте исполнил Марчелло Матространны.

В.Ярошенко: Господин Председатель, мы встречаемся здесь, в историческом здании Палаццо Пегасо Областного совета — Синьории Тосканы — в вашем кабинете.

Каково это — руководить одним из самых знаменитых регионов на планете?

Эудженио Джани: Флоренция и другие древние города Тосканы — Лукка, Пиза, Сан-Джиминьяно — это образцы древних, тысячелетних городских демократий; с раннего Средневековья здесь развивалась живая история городского самоуправления. Почитайте «Историю Флоренции» нашего земляка Маки-

авелли, создателя политической философии. Кстати, «История» написана по заказу ректора Флорентийского университета, одного из древнейших в Италии, который тогда возглавлял кардинал Джулио Медичи (впоследствии Папа Климент VII).

Наша земля рано или поздно всегда изгоняла тиранов. Ведь даже трехлетний опыт теократии при Савонароле и его страшный конец имел результатом — в политическом смысле — демократическую реформу, ведь тогда как раз и установилась власть «Великого совета» Флорентийской республики.

«История Флоренции» Макиавелли была тогда книгой остроактуальной: в ней повествование доводилось от древних времен до смерти Лоренцо Великолепного в 1492-м, судьбоносном для Европы году. (Ну как если бы теперь писали историю России, доводя ее до конца Советского Союза, Горбачева и Ельцина.) Макиавелли считал, что защитить республику может только ее народ — народное ополчение.

Мы обмениваемся сувенирами, подарками. Синьор Джани дарит нам вымпел с Пегасом, символом Тосканы.

В.Я.: Почему древнегреческий образ стал символом ренессансной Флоренции? Почему Пегас, почему Палаццо дель Пегасо?

Э.Д.: Пегас как образ мифологического крылатого коня, содержит в себе идеалы Тосканы. Рожденный между мифом и легендой, Пегас — прекрасный крылатый конь, был плодом связи ужасной Медузы Горгоны и могущественного бога Посейдона. Он летал быстрее ветра, доставлял молнии Гепеста Зевсу, а копытом мог высвобождать источники воды.

Герой Белерофонт смог покорить Пегаса, но когда он хотел взлететь на Олимп, чтобы сравняться с богами, Зевс наказал его, послав гигантского овода, который ужалил Пегаса. Под хвост! Конь взвился и, сбросив Белерофонта в бездну, продолжил свой полет. Все очарование классической мифологии

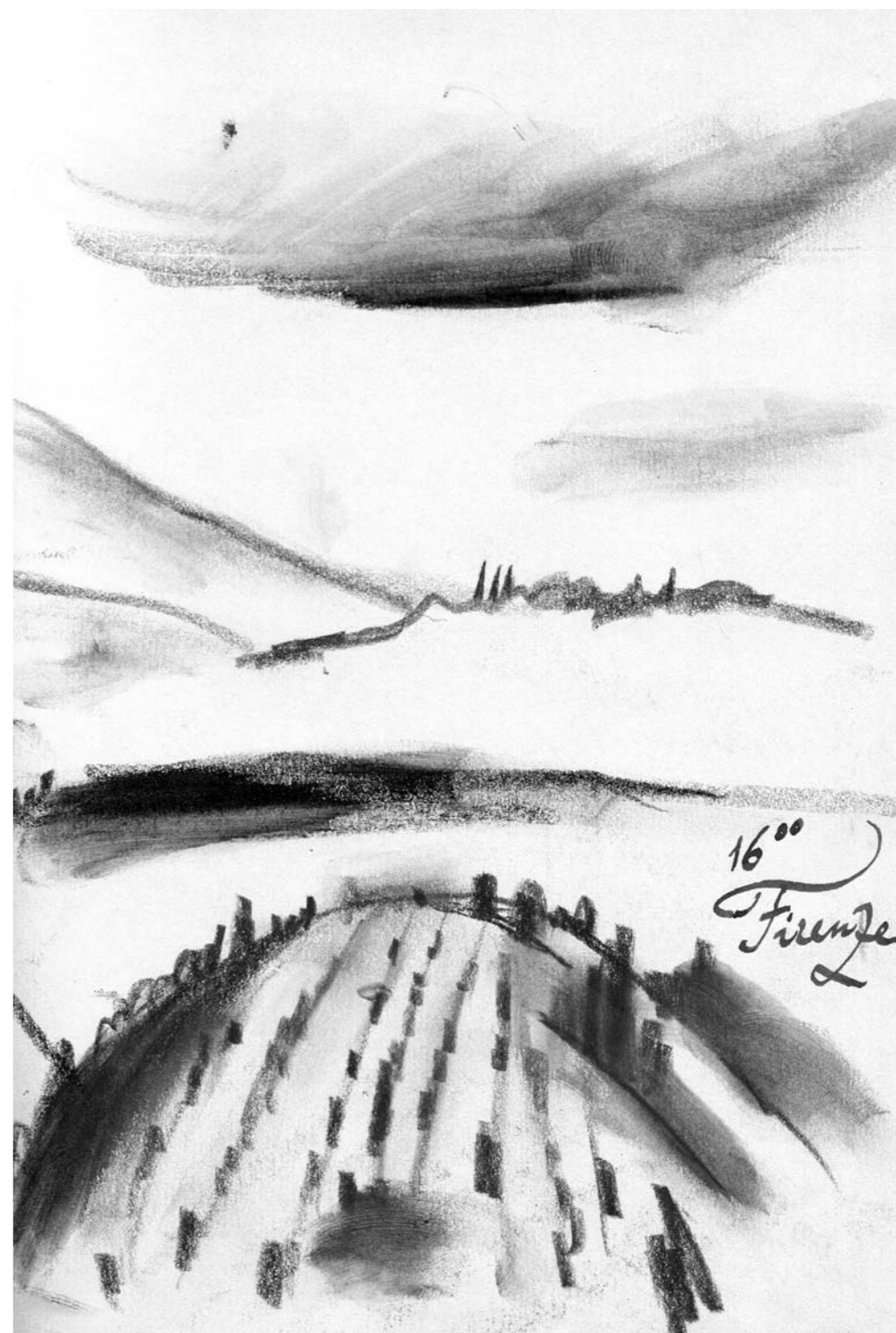
в этой истории, которая связывает невероятную фигуру крылатого коня с конкретной землей, Тосканой, чья история столь же древняя, как этот миф. Летающий конь — не облако, не привидение, не дух, не ветер, а полное сил физическое существо, всегда готовое к полету в будущее... Подумайте, сколько раз Тоскана бросалась на препятствия, сколько раз эта земля в центре Италии летела по дорогам в будущее, часто опережая всех (как, например, в битве за гражданские права).

В.Я.: Средние века, да и эпоха Возрождения были довольно кровавыми. На площади Синьории казнили Савонаролу, которому три года до этого поклонялись...

Э.Д.: История также напоминает нам и о 30 ноября 1786 года, когда Великий герцог Пьетро Леопольдо (впоследствии император) подписал указ в Пизе, которым он впервые уничтожил пытки, смертную казнь и конфискацию имущества осужденных. А мораторий на смертную казнь в Тоскане действовал еще двадцатью годами раньше — с 1769 года!

С этой подписью Тоскана встала на передний край движения демократических идей и свободы, поддержав идеи Чезаре Беккариа, который в 25-летнем возрасте написал великую книгу «О преступлениях и наказаниях» (1764), буквально перевернувшую сознание многих европейцев, включая и монархов, в том числе и сознание российской императрицы Екатерины Великой.

Тоскана была первым государством, которое сделало этот смелый выбор, дав сигнал всему миру. Это и сегодня остроактуально: вспомним недавний призыв папы Франциска об отмене узаконенных убийств. Только 104 из двухсот стран мира официально отменили смертную казнь в своей правовой системе. Ежегодно государства убивают тысячи людей. Тем, что именно Пегас стал символом Тосканы, мы обязаны идее секретаря Тосканского комитета национального освобождения Карло Людовико Раггьянти, который был просто

Валерий Сировский. Из записных книжек

вдохновлен этим образом. И серебряный Пегас с медальона, приписываемого Бенвенуто Челлини, закон признал гербом в феврале 1995 года, став символом Региона Тоскана. Таким образом, Пегас суммирует демократические ценности и культурную традицию Тосканы и представляет ее в мире. Вот почему Совет по названию региональных активов, с его Резолюцией № 1 2016, решил, что нынешние заседания Совета директоров, здание, место деятельности Совета являются представительным собранием всего тосканского сообщества, т.е. Palazzo Carroni и Palazzo Ranciatichi в качестве единственного имени имеют «Palazzo del Pegaso». Когда мы говорим о Тоскане, мы говорим о древней земле, которая со времен этрусков была страной «толерантности и инноваций».

В.Я.: Но вернемся к современности. Как организована работа Регионального совета?

Э.Д.: Руководит всей жизнью Тосканы Региональное управление. Его Совет состоит из сорока членов. Я — председатель Совета, координирующий его работу, которая организована по принципам прозрачности. Вся наша работа открыта для граждан через интернет и свободный доступ. Так что нам нужно искать и находить ответы на вопросы, непрерывно выставляемые жизнью, согласовывать множество интересов, прислушиваясь к гражданам, бизнесу, экспертам, муниципалитету, в силу конкретных возможностей и полномочий региона, в рамках страны и Европейского Союза. Ну, а если мы это делаем неверно, 3 миллиона 700 тысяч жителей нас поправят. Я побывал, кажется, во всех из 274 тосканских муниципалитетах. Все они неповторимы, уникальны и очень независимы.

* * *

«Правильно думают тосканцы, что ум и свобода означают одно и то же. Ведь сама суть рабства подтверждает их правоту:»

рабство — это не только власть дубинки, но и господство ошибочных и тупых идей, глупых пережитков и лицемерия ханжей»
«К.Малапарте, Проклятые тосканцы».

Э.Д.: Кстати, я думаю, что на протяжении многих лет мы, возможно, слишком сосредоточились на прозрачности и упрощении административной процедуры, забывая о другом конституционном принципе: «действовать и решать в интересах гражданина». Короче говоря, хорошее администрирование должно быть прозрачным, но, что не менее важно, способным принимать решения и действовать.

В.Я.: Традиция и современность — как это сочетается в городе, где каждый дом — памятник архитектуры, а живопись цветет прямо на фасадах?

Э.Д.: Тоскане и ее народу три тысячи лет — по довольно точно определяемой хронологии, когда здесь обосновались этруски, еще за тысячу лет до Рождества Христова. Этот загадочный народ, — историки до сих пор спорят, откуда взялись этруски, и расшифровывают их язык... По-итальянски — Etruschi, на латыни Etrusci, Tusci, для древних греков τυρσνοί, сами они называли себя Rasenna, Raśna, это имя слышится в названиях наших древних городов. Территория Этрурии довольно точно совпадает с границами современной Тосканы и отчасти Романьи, в междуречье рек Арно и Тибр. Они первыми научились использовать железо, это с них начался «железный век». Римляне многое заимствовали от этрусков. У них научились возводить арочные своды общественных зданий. Многие римские обычаи и ритуалы — бои гладиаторов, гонки на колесницах, уважение к женщине — имеют этруское происхождение.

В.Я.: *Тит Ливий считал, что этруски происходят от местных приальпийских племён...*

Э.Д.: Эту версию разделяют и сегодня многие специалисты... Но это означает, что их можно рас-

сматривать в качестве автохтонного, вплоть до индоевропейского населения Европы. Тосканцы — наследники этрусков, коренные жители Европы, законные наследники великой культуры, вот что это означает.

Этруские врачи хорошо знали анатомию, и не случайно латинский историк Марциан Капелла писал про «Этрурию, прославленную открытием лекарств».

Не случайно на территории Тосканы находится больше половины всех важнейших памятников культуры и искусства Италии.

С III века н. э. «Этрурия» постепенно заменяется именем Тусция, а затем — Тоскана...

И.Буйлова: Как жаль, что такое красивое древнее имя исчезло...

Э.Д.: Вы знаете, что название «Этрурия» с титулом королевства было восстановлено в 1790 году Наполеоном Бонапартом?

В.Я.: *Знаем, что Наполеон был корсиканец с итальянскими корнями...*

Э.Д.: Его предки были родом из Флоренции! Среди флорентийских Буонапарте известны имена историка Якопо Буонапарте и комедиографа Николо Буонапарте. Так вот, Наполеон Бонапарт, в ходе своих итальянских походов захватив Тоскану, переименовал ее в королевство «Этрурия».

В.Я.: *Это у него так выражалась родовая ностальгия?*

Э.Д.: Скорее, стратегическое видение интересов, как он их понимал.

В 1809 году он назначил свою сестру Элизу Баччиоки правительницей Этрурии с титулом Великой герцогини Тосканской, Герцогини Луккской и Пьомбинской с резиденцией в палатце Питти. В 1814 году, после разгрома Наполеона «в битве народов», после местных войн и смут Элиза бежала из Флоренции в Лукку, а затем — дальше в Геную и Триест. В древней Лукке она оставила о себе хорошую память: построила новый дворец, открыла два театра,

школы и лицеи, учредила Комитет общественной благотворительности и организовала бесплатную медицинскую помощь для бедных, открыла больницу в бывшем монастыре Сант-Анастасия.

А Тоскана на Венском конгрессе решением стран-победительниц была возвращена великому герцогу Фердинанду III.

Но слово «Этрурия» завело нас уже в XIX век — через тысячелетия нашей славной истории.

История Тосканы и история Флоренции — тема необъятная, ей посвящены тысячи книг и жизней.

В.Я.: *Вы президент общества и дома-музея*

Данте Алигьери, Вас можно встретить на открытии многих выставок, посвященных Данте, даже в Москве...

Э.Д.: Чем больше я живу во Флоренции, тем более восхищаюсь и углубляюсь в непостижимые бездны и тайны двух гениев Флоренции — Данте и Микеланджело. Я изучаю Данте всю жизнь, читаю его, размышляю над его пониманием ада и рая... Через двести лет этими же, невероятной сложности и глубины темами был охвачен другой титан — Микеланджело. Его творчество столь же бездонно и до конца непостижимо, как и наследие Данте. И сегодня Данте не просто классик, он остроактуален, его чтение всякий раз открывает новые, может быть, и не прораставшие сквозь бездну веков смыслы и глубины. Он истинный создатель «итальянского образа мыслей», множество его образов и выражений вошло в итальянский язык, да он, по существу, и есть создатель этого связанного с метафизическими и тайными глубинами, гибкого и полного новизны языка. Без Данте нет итальянского языка, нет итальянского миропонимания, нет итальянской политической культуры.

Мой сын в 18 лет выдвинул свою кандидатуру на школьных выборах. Он сравнивал современное видение социума и видение Данте. «С открытым лицом» — это он первый сказал.

Данте, мудрец и мыслитель, обладал невероятными знаниями, глубину и широту которых мы даже не можем себе представить. Он цитировал античных авторов и Авиценну, он был глубоким знатоком исламской философии и науки; он знал Мухаммеда — и все это в XIII веке, довольно закрытом времени! А знаете ли, что он был первым, кто заговорил об объединенной, единой Европе?.. Если подумать об этом, трудно говорить о прогрессе. Как мыслитель Данте был вершиной — максимальной высотой человеческого гения.

С Микеланджело, абсолютным гением, вообще никого невозможно ни сравнить, ни сопоставить — ни в скульптуре, ни в живописи. Его «Пьета» — вершина христианской философии и художественного совершенства, и в то же время — гармоничнейшее соединение мысли и образа, это идеальный «мыслеобраз» и материальный объект, воплощенный в камне, который под его резцом становился мягчайшим материалом, — такова была сила его творческого духа.

Или его работа в Сикстинской капелле. И сегодня миллионы людей потрясает его «Страшный Суд», с поразительным одухотворением человека Богом и их взаимное тяготение друг к другу. Или, наконец, Собор Святого Петра, грандиозный купол, стремящийся стать небом, словно поднимающий ввысь тяжесть собора. Невозможно представить никого другого, кто смог бы все это реализовать — «Давида», «Пьетру», «Христа с крестом», «Моисея», «Рабов», ни с чем не сравнимую Капеллу Медичи, где Микеланджело сотворил невероятное — остановил здесь Время.

Он ведь был скульптором, живописи специально не учился, художники долго не воспринимали его как живописца; но его фрески в Сикстинской капелле, величественные и дерзновенные, на века лишили сна многих художников.

Я не понимаю, как можно не любить искусство. Ведь это важнейший способ разговора с самой лучшей сутью человека. Чтобы быть к нему равнодушным, надо жить с непроснувшейся

душой. Есть русский погребальный рельеф — «Демон, похищающий душу». Искусство не похищает душу, не уводит ее от Бога, как думали последователи Савонаролы, бросая картины в костер. Искусство, как ничто другое, возвышает человека, пробуждая его душу — и это понимали великие блюстители веры. Они знали, как легко людей расчеловечить людей, разбудить в них зверя. Искусство же, напротив, поднимает человека выше в мир идеального.

И. Буйлова: *Мы бывали в старинном Доме Данте, Casa di Dante, рядом с древней церковью, в которой он встретил Беатриче. Как удалось все это сохранить?*

Э.Д.: Это церковь Санта Маргарита, одна из старейших во Флоренции, построенная в 1032 году (во всем мире ее знают как «Церковь Данте и Беатриче»). Здесь покоится Беатриче Портинари. Это удивительное место силы и вдохновения. А «Дом Данте» не такой уж и старинный, ему немногим больше ста лет. Ценность его не столько историческая, сколько просветительская, культурная. Многие тысячи людей проходят за год через него. Вот уже несколько лет я — председатель совета музея, здесь проводится огромная работа, связанная с именем поэта. Конференции, выставки, семинары, поэтические вечера идут непрерывной чередой круглый год. Каждый год Флоренция и Общество Данте предлагают своим жителям и гостям богатую и разнообразную программу, посвященную жизни и творчеству великого соотечественника. Осенний цикл традиционного «Lectura Dantis» проходил в 2017 году по четвергам. Ноябрь — это месяц дантовских конференций. Он начинался 9 ноября и был посвящен «Критике данте Франческо де Сантиса», организованной под эгидой министерства и Национального комитета для празднования двухсотлетия рождения великого литературного критика. 23 и 24 ноября — дни международной конференции «Мифы, цифры, метаморфозы Овидия и Данте» под эгидой министерства и Национального комитета в рамках

юбилея двухтысячной годовщины смерти Овидия. На все эти инициативы вход бесплатный. Два события прошли в декабре 2017 года: семинар, посвященный Данте «Ла Монархия», предназначенный для студентов университетов и докторантов, и презентация сочинения Микеланджело Пиконе «Писания Данте», в Палаццо дель Пегасо. Каждый месяц у нас что-то происходит что-то, связанное с именем Данте.

УНИКАЛЬНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ

В Италии 20 регионов; Тоскана — единственная, сохранившая свои древние исторические границы. Область Тоскана делится на 10 провинций: Ареццо, Гроссето, Ливорно, Лукка, Масса-Каррара, Пиза, Пистойя, Прато, Сиена, Флоренция.

В.Я.: *Как тосканцы оценивают свою жизнь? Что об этом говорит социология?*

Э.Д.: Об этом можно прочесть на наших сайтах. В 2017 году в Тоскане удовлетворенность жизнью в целом, выраженная в шкале баллов от 0 до 10, остается такой же, что и в 2016 году, — со значением 7.1. В других регионах Италии (Север, Юг) тенденция к незначительному снижению. Это основной показатель, который вытекает из анализа, проведенного Тосканской региональной «Информационной системой для поддержки принятия решений «Региональное статистическое управление». В исследовании Istat, посвященном условиям жизни итальянцев, анализируется удовлетворенность, выраженная в пяти аспектах жизни: экономическая ситуация, здоровье, семейные отношения, дружба и свободное время. Эти данные есть в свободном доступе в сети. Доклад «Удовлетворение граждан условиями жизни — 2017 год» доступен в базе данных Istat. Мы проводим исследования и по другим чувствительным для общества проблемам, таким как нищета, бедность, социальная изоляция, адаптация мигрантов, отношение к миграции.

Недавно мы представляли здесь доклад «Нищета в Тоскане», основанный на остром проблемном исследовании наших социологов.

Мы видим, что значимая часть населения, по сути дела, оказывается вне системы социальной защиты. Мы должны признать значимость проблем, существующих, в том числе, а из-за глобального давления таких факторов, как миграция, с тем чтобы искать их решения. Италия, и конкретно Тоскана оказываются в числе пострадавших от этой новой ситуации. Реальность, помимо важных показателей абсолютной и относительной бедности, начинает посылать противоречивые сигналы, которые требуют адекватных и прежде всего превентивных и комплексных политических ответов. Мы проводим мониторинг ситуации, организуем конференции и «круглые столы», которые готовят комплексные управленческие решения. Культура, архитектура, ландшафты любого из 274 муниципалитетов Тосканы уникальны, — я горжусь, что посетил их все. Если любую деревушку перенести в Америку, она станет там выдающимся памятником архитектуры и истории.

«Ведь даже самые обыкновенные и простые вещи в Тоскане обладают такими свойствами, из-за которых их считают чудесными... Для нас это искусство делать великие вещи соразмерно с ничтожностью человека, а простые и незначительные вещи соразмерять с величием человека, то есть с учетом той изумительной гармонии, которая существует между большим и малым, между земным и божественным»

(К. Малапарте «Проклятые тосканцы»)

Для нас, тосканцев, наше культурное богатство — источник гордости, конечно, но и непрерывных забот: все это требуется сохранять, изучать, реставрировать, жестко регулировать землепользование и строительство. Это усложняет развитие экономики, приход инвестиций — у нас дороже и сложнее построить

новый промышленный объект, чем в каком-то другом, не столь славном месте. Наши законы о сохранении культурного наследия довольно строгие, и инвесторы обязаны их соблюдать и им следовать.

Тоскана — древнейшая часть Италии, населенная местными жителями, происходящими от этрусков... Ее границы, в сущности, не менялись тысячелетия, это, можно сказать, — душа Италии, ее сердцевина. Не случайно именно Флоренция стала родиной кватроченто. Здесь возникли и расцвели искусство и культура Высокого Возрождения.

ФЕНОМЕН ФЛОРЕНЦИИ

В.Я.: А почему именно здесь? Вы ведь наверняка задавались этим вопросом.

Э.Д.: Я думаю, это связано с историей Флоренции. Здесь случился редчайший симбиоз власти, бизнеса и искусства. И природы, конечно, нашей чудесной природы. Небо Тосканы — важнейший фактор, определивший характер здешних людей, жизнелюбцев и оптимистов.

«Здравый смысл тосканцев — более удобно оправдания не отыскать! И как приятно смотреть на этот ловкий, подтянутый, хитрый, насмешливый народ тем, кто народа этого не знает, или притворяется из-за лени или осторожности, что не знает!»
(**Курцио Малапарте**).

Здесь родились, писали, творили величайшие личности Ренессанса: Данте Алигьери, Мазаччо, Макиавелли, Донателло, Брунеллески, Фра Анджелико, Сандро, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело. Созвездие блестящих имен, символизирующих гордость человечества... Здесь зародилась уже не античная, а постантичная, постримская, христианская по своей сути демократия, здесь возшла и закатилась звезда рода Медичи, в борьбе выко-

вывались республиканские идеалы и законы, о которых Макиавелли написал в «Истории Флоренции» и Гуиччардини, продолживший ее позднее. В высших своих проявлениях все они оставили нам непревзойденные сокровища ума, живописи, скульптуры и архитектуры..

В.Я. *Комментарий после встречи:*

Маттео Ренци, бывший премьер Италии, а до этого мэр Флоренции, коллега по партии и давний товарищ Эудженио Джани, издал несколько лет назад книгу. Stil Novo. La rivoluzione della bellezza tra Dante e Twitter («Новый стиль. Революция красоты между Данте и Твиттером»).

Такую книгу мог написать только флорентинец. Ренци смело соединил историю Флоренции и современность, проецировал случившееся с Данте на нынешние политические процессы, как если бы это происходило сейчас, рассматривал политический процесс средневековой Флорентийской республики с позиции современных «левых», сравнивал политическую технологию Макиавелли и Марио Монти. Он показал, как мудро Флоренция эпохи Возрождения вкладывала огромные силы и средства в капитализацию красоты и тем самым — в будущее города. Он писал:

«В истории Флоренции есть чему поучиться современной политике. Флорентийцы осознали чудо, названное «Ренессанс», хорошо инвестировали гору денег, которую они смогли заработать, и за эти деньги финансировали полезные и красивые работы. Они построили детские дома и больницы. Они субсидировали художников, но позаботились о том, чтобы защитить нуждающихся. И они не боялись сталкивать Леонардо и Микеланджело в действительно меритократической системе конкуренции. Это был другой мир, когда банки спасали государство, как это случилось с английской короной. Сегодня происходит наоборот: государства спасают банки. И после их спасения даже не сомневаются в запредельных зарплатах тех менеджеров, что ответственны за банкротство. Политика нуждается в новом стиле, который знает, как

привлечь людей, чтобы возбудить их. Говорить языком, понятным всем, и сделать нас снова родной красотой, а не областью пошлости».

Мы попробовали поговорить о предстоящих через день парламентских выборах, но Джани не поддержал эту тему: «В воскресенье все определится. Новый избирательный закон очень сложен, невозможно ничего прогнозировать», — сказал он. В воскресенье Демократическая партия крупно проиграла, но Тоскана осталась им верной. (см. в репортаже «Выборы в Италии»). Но вернемся к нашей беседе.

Э.Д.: Отсюда, из Флоренции происходит современное банковское дело с его инструментами и технологиями, но величие рода Медичи не объяснишь только успехами их банковского дома, обслуживавшего всю Европу. Ведь Медичи не были монополистами. Здесь многое сошлось, то, что сегодня называют «человеческим капиталом» — именно им Флоренция была богаче всех в то время. Флоренция была очень динамичным городом, став на целое столетие главным центром Европы. Только здесь мог развиться талант Николо Макиавелли, а его книга «Государь», первая политическая теория власти, была написана, основываясь на истории политической борьбы во Флоренции. Она анализировала сложную и динамичную борьбу различных политических групп и интересов....

Джотто родился здесь, в Тоскане, неподалеку от Флоренции, в раннем Треченто здесь расцвело его творчество. В середине века XIV Республика назначила главным архитектором Флоренции Брунеллески — с гонораром в сто золотых в год. Была республика, были ее институты, был ее главный архитектор Брунеллески. В нашем городе он создал выдающиеся произведения. А его *campanile* кампанила, колокольня рядом с куполом Брунеллески над собором Санта Мария дель Фьоре, в котором он погребен, на многие века символизирует наш город.

«Тосканский диалект» стал основой современного литературного итальянского языка тоже ведь не случайно.

Область Тоскана включает и древнюю Пизу с ее собором Duomo di Santa Maria Assunta, который архитектор Бускетто начал строить в 1064 году из античных еще камней, на площади, названной пьядца деи Мираколи (площадь чудес) со знаменитой «падающей башней» *Torre pendente di Pisa* и самым большим в мире Баптистерием Сан-Джованни; Лукку, самобитный, древний город-республика и непреклонный город, отстаивавший свою независимость против всех врагов вплоть до времени Наполеона.

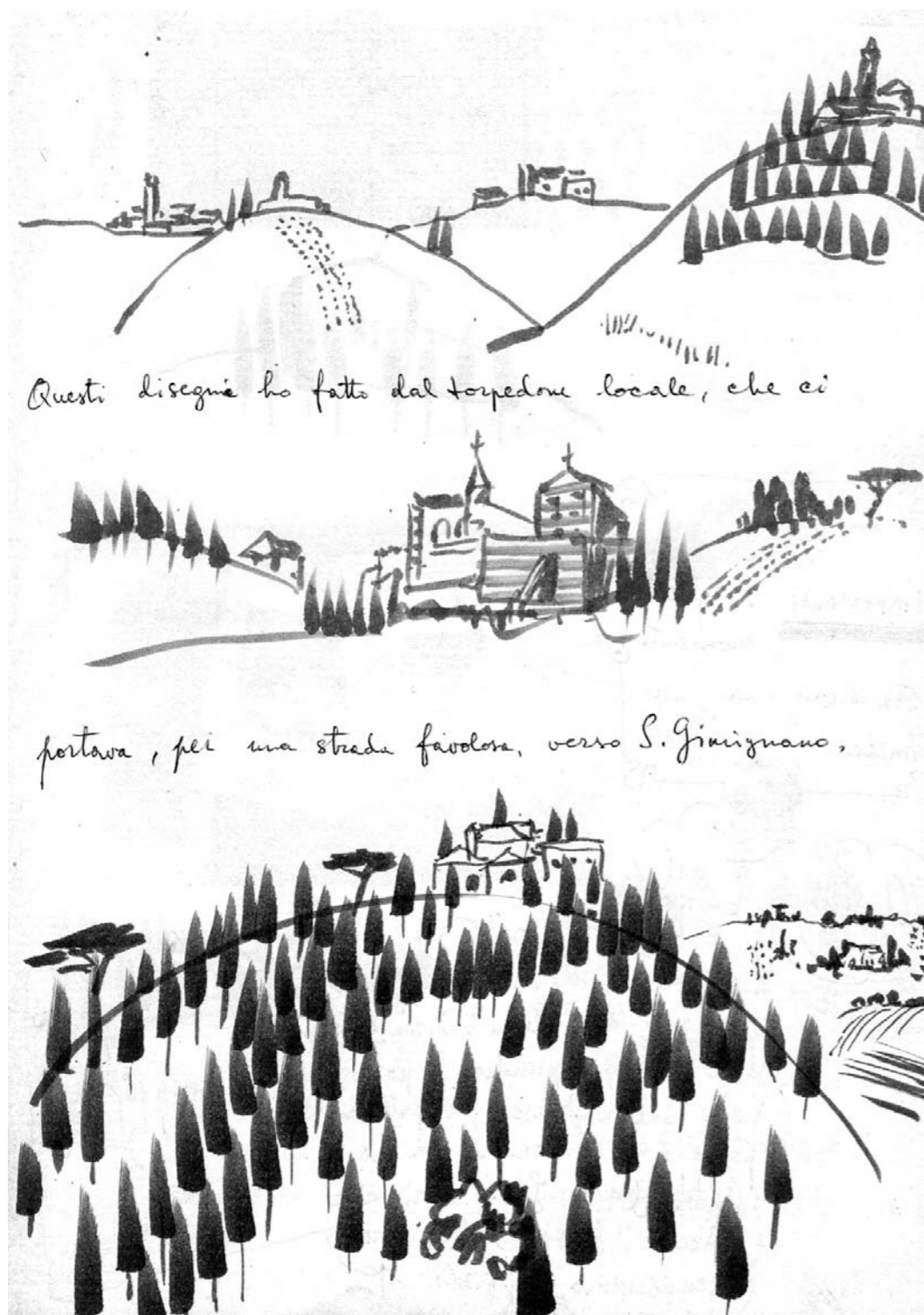
Это и гордая и изысканная красавица Сиена, вековая, неустанная соперница Флоренции в Средние века; множество других больших и малых городов, внесших свой уникальный вклад в развитие неповторимого тосканского сообщества.

Целый век — с середины XV до середины XVI — Флоренция была признана столицей мира. Именно здесь вырастали и получали заказы, творили самые великие мастера человечества за всю его историю.

Площадь Синьории с ее шедеврами архитектуры и скульптуры, Уффици, музей Академия, доминиканский монастырь Сан-Марко с гениальными фресками Фра Анджелико, где настоятелем был Джироламо Савонарола — сторонник республики и защитник бедных (теперь некоторые называют его популистом, но он ведь не слишком-то стремился понравиться).

Мы вырастаем и живем во всем этом. Я написал книгу об истории Флоренции «365 дней», один за одним, но из разных лет и веков. Есть там и страница про 23 мая 1492 года, когда был казнен Савонарола. Века разные, события разные, но все их объединяет место действия — Флоренция и герой — ее народ, ее культура. Сейчас пишу подобную книгу уже обо всей Тоскане.

Здесь возникли первые в мире регулярные общедоступные библиотеки и музеи, собравшие в себя прежде всего местных — «локальных»

Валерий Сировский. Из записных книжек

мастеров, но, как оказалось в дальнейшем — выдающихся творцов человечества.

Можно бесконечно рассказывать о неповторимых памятниках Флоренции и других городов и городков Тосканы; но для этого есть множество путеводителей, фильмов, наконец — лучше всего к нам просто приехать и пройти по этим улицам, и достопримечательным местам.

Тоскана — один из самых притягательных центров мирового туризма. Миллионы людей приезжают сюда каждый год, многие всю жизнь мечтают побывать здесь, а уж те, кто был, стремятся попасть вновь и вновь. Во Флоренции находится Национальная библиотека Италии, одна из самых наиважнейших библиотек нашей страны.

Мазаччо и Мазолино; Фра Анджелико, Филиппо Брунеллески... И Микеланджело с его каторжным многолетним трудом в Капелле Медичи, где он увековечил не только Джулиано и Лоренцо Медичи, но и себя самого и всю сложность ренессансного отношения человека к Богу и вечности.

Я убежден, что Флоренция стала первой столицей объединенной Италии в 1861 году, а тосканский диалект стал основой современного литературного языка, из-за уникальной ее открытости, демократичности и готовности принимать и развивать новое.

Флорентийцы издавна считали, что граждане должны воспитываться на искусстве; язык искусства — это универсальный язык взаимопонимания человечества. Живописи, скульптуры, архитектурной гармонии, музыки.

В конце жизни каждый человек должен подумать и понять, что дала ему культура, что он дал культуре, — нужно подвести такой баланс.

В.Я.: Но сейчас многие города, вполне понимая важную экономическую роль туризма, стремятся снизить «туристическое давление», вводят налоги, ограничения на посещения музеев, соборов, достопримечательностей.

Э.Д.: Тоскана давно стала обязательным местом для посещения всеми культурными людьми мира, таким выездным необходимым факультетом. Сначала британского, германского, потом, уже в конце XIX века — американского. В Тоскане 3 миллиона 700 тысяч жителей, из них 382 тысячи постоянно живут во Флоренции... А посещают Тоскану больше четырех миллионов туристов в год, хотя Флоренция расположена не у моря, гигантские круизные лайнеры не заплывают в город, туристы приезжают сюда автобусами, самолетами, поездами. Мы ввели туристический сбор, это помогает поддерживать инфраструктуру городов. Но к идее ограничивать поток мы относимся с осторожностью.

Тоскана давно живет так, с открытыми воротами. Поток паломников культуры (даже не хочется назвать их туристами) дает городу и области средства, но и накладывает на нас много дополнительных хлопот и обязательств — по поддержанию памятников, всей необходимой для пребывания гостей инфраструктуры, множества музеев, храмов, для изучения и развития культурных связей.

«Вы посмотрите, с какой соразмерностью с человеком они делают буквально все, как строят дома, даже самые огромные дворцы, башни, храмы, площади и улицы... пропорционально высоте домов, а церкви такие, чтобы человек входил туда склонив голову и шел сразу, чтобы стать на колени... А еще обратите внимание на то, как они никогда не теряют разумной меры человеческих пропорций, даже когда поднимают в небо купол Санта Мария дель Фьоре»

(К.Малапарте «Проклятые тосканцы»).

Флоренция, город музеев и сама город-музей — это удивительно живой, активный, страстный, творческий город с неповторимой атмосферой.

ТОСКАНА

Тоскана еще ведь уникальна тем, что она, как микрокосм, не слишком, впрочем, и малый, пример объединения и взаимовлияния очень разных по своей истории культур, разных путей. Пиза, Сиена, Лукка, Прато... В каждом из этих городов-государств выросло свое самосознание, свой патриотизм, отношение к полису, к церкви, своя философия жизни, свои гении, свои святые, свои герои, политики, свои художественные школы, свои ремесла, мануфактуры, традиции деловой этики. Во Флоренции издавна славились кожевенники в Прато — производители текстиля и одежды, в Ареццо — ювелиры, в долине Кьянти — виноделы, а Скарперия знаменита своими ножами. Они жестко конкурировали, воевали, и битвы эти сегодня на полотнах Учелло в Уффици, Лувре, Национальной галерее в Лондоне.

В перечне всемирного архитектурного наследия ЮНЕСКО значится 1301 объект, 51 из них расположен в Италии; восемь находятся в Тоскане.

В.Я.: Вы написали целую книгу об эпохе Рисорджименто — объединении Италии.

Э.Д.: Да, это интереснейший период, еще не очень изученный современными историками. История всегда переосмысливается новыми поколениями, это нормально. Италия, как и Германия, поздно пришла к единству, хотя идею объединенной Италии Тоскана хранила еще со времен Данте. И все произошло всего за два года — с 1859 по 1861-й. Это невероятно, но так было!

Еще в середине XIX века в центре Италии была Папская область — государство, под светской властью пап, с центром в Риме, Неаполитанское королевство (королевство обеих Сицилий), Пьемонт (королевство Сардинии), Тосканское герцогство и ряд других мелких герцогств и княжеств.

Единая Италия родилась сравнительно поздно из объединения Пьемонта и Тосканы; Сицилия, Неаполь и другие области присоединялись уже в вооруженной борьбе.

Тоскана была великим герцогством; здесь было создано Временное правительство с бароном Беттино Риказоли во главе, и был проведен первый в истории референдум 11 марта 1860 года. 90 процентов тосканцев проголосовало за объединение с Пьемонтом. Национальное собрание следом единогласно проголосовало за присоединение к Сардинскому королевству. 22 марта Великое герцогство Тосканское вошло в состав объединенного Итальянского королевства. Риказоли после смерти Кавура стал премьер-министром объединенной Италии.

В мае 1860 года Джузеппе Гарибальди выступил из Пьемонта и высадился в Сицилии со своей знаменитой «тысячей». Король Виктор Эммануил II и Камилло Кавур его не очень то поддерживали, они опасались Гарибальди, как бы он не стал диктатором. Тосканцы снабдили Героя оружием и судами, и он выступил со своей «тысячей», среди которых было много интеллигентов из Тосканы и Корсики.

Наполеон III в молодости жил в Италии, участвовал в мятеже в Папской области, бежал. Но только с его свержением после поражения в войне с Германией в 1871 году удалось до конца объединить Италию, когда Виктор Эммануил II вошел в Рим, а Папа Пий IX провозгласил себя «вечным пленником» в Ватиканском дворце.

Участие Пьемонта на стороне Франции в Крымской войне против России было частью большой европейской игры, ценой французской поддержки экспансионизма Сардинского королевства. 17 марта 1861 года общенациональный парламент в Турине провозгласил создание Итальянского королевства со столицей во Флоренции.

В.Я.: Что бы Вы пожелали своему региону Тоскана лет через 10-20?

Э.Д.: Больше свободы, больше автономии, больше инициативы, инноваций, конкурентоспособности. В Европе нарастает тенденция к региональному развалу, к усилению региональной самостоятельности, культурной самобытности.

Ирина Буйлова: В этой связи неизбежен вопрос об отношениях с Россией, в которой с такой теплотой относятся к Италии, к Тоскане.

Э.Д.: Тоскана давно установила прямые отношения с Россией, наши города дружат со многими российскими городами. Мы поддерживаем идею: Европа от Урала до Атлантики, и Россия — тоже Европа, тут нет для нас спора. Это заповедь Данте — единая Европа.

Я думаю, что Россия, когда стала свободной, очень хотела установить равные отношения с Европой, с латинскими странами, с Италией в первую очередь, как с очень культурно близкой страной. Когда Петр I и Екатерина II строили Петербург, они приглашали итальянских архитекторов, а не английских и не германских. Я считаю, что Россия рано или поздно станет полноправной частью Европы, потому что нас объединяет огромное культурное и духовное наследие.

* * *

Вместо послесловия

Курцио Малапарте в книге «Проклятые тосканцы» (Москва, изд-во «Барбарис», 2015 г.), очень яркой, парадоксальной, и провокативной (как все, что он писал), утверждает:

«И то, что другие нас не любят, не верят нам, боятся и завидуют нашему исключительному уму, нашей манере рассматривать ближнего и при этом холодно улыбаться (когда другой, не тосканец, заплакал бы), то, что все относятся с подозрением к нашему, так сказать, цинизму, нашей жестокости, нашей наглой любезности, — все это нам почти приятно. Больше того, уж если говорить начистоту, то мы этому даже рады» (Перевод Валерия Сировского):

Малапарте, в общем-то, самозванец, чужак (подлинная фамилия Зуккерт, отец — немец, мать — из Милана). Этот экстравагантный, талантливый

человек, сменивший несколько крайне радикальных убеждений (от фашизма до коммунизма), родился в Прато. Не знаю, понравилось бы ему там сейчас — Прато стал столицей китайской экспансии в Италию, а может, и в Европу, центром (легального и нелегального) китайско-итальянского ширпотреба. Никто не знает, сколько китайцев проходит через Прато и сколько денег уходит через него.

«... Было бы пределом счастья, если бы в Италии было побольше тосканцев и поменьше итальянцев».

В этой фразе есть универсальная формула всякого местного патриотизма — так думают простой венецианец, неаполитанец, римлянин, сицилиец, новгородец, иркутянин...

В беседе с Эудженио Джани участвовали:

Ирина Буйлова,

Станислав Усачев,

Виктор Ярошенко,

Григорий Ярошенко (фотограф).

Переводила — Лолита Тимофеева, художник

Подготовка к печати — В. Ярошенко.

* * *

Публикуем статью Эудженио Джани, написанную специально для итальянского номера «Вестника Европы».

ЛИЧНОСТЬ ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Фигура Данте Алигьери, человека чрезвычайно важного в интеллектуальном и культурном пространстве Европы для утверждения гуманизма в XIII веке, в Италии прежде всего воспринимается как образ автора «Божественной Комедии» — первого произведения, написанного на народной (вульгарной) латыни, которая по сути

и является новым итальянским языком того времени.

Образ Данте крепко связан с фигурой интеллектуала, которому удалось вызвать к жизни дебаты о ключевых ценностных концептах своего времени, а также предложить вариант лингвистической эволюции посредством развития поэзии, что даёт полные основания считать самого Данте «отцом итальянского языка».

Данте родился во Флоренции в 1265 г. и прожил, таким образом, фазу сильнейшего и бурного развития, которое сделало из города второй по численности населения центр Европы к началу 1300 г., но в то же время сам поэт стал жертвой ожесточённых споров, характеризующих внутренние конфликты тосканской столицы: сначала это была борьба Гвельфов и Гибеллинов, а позже — междоусобное столкновение Чёрных и Белых Гвельфов.

Он был приговорён к смерти и был вынужден уйти в изгнание из Флоренции 10 марта 1302 г., в возрасте 37 лет: он уже никогда не вернётся в свой город вплоть до смерти, которая достигнет его в ночь с 13 на 14 сентября 1321 года.

Поэтому «Божественная комедия» — это поэма, написанная в изгнании человеком глубоко огорчённым и разочарованным, но всё так же воодушевлённым идеей надежды и веры в Европу, способную утверждать высшие человеческие ценности.

Данте — мыслитель, обладающий необыкновенным уровнем культуры и эрудиции в области истории, литературы, астрономии, географии, философии, теологии; он создает «Божественную комедию», фактически странствуя по территории разных стран, которые приютили его — от Казентино до Муджелло, от Луниджаны до Гарфаньяны, то есть в регионах Эмилия, Венто и Романья.

Это придаёт ещё большее значение его произведению, а его земной жизни — поистине народное призвание.

Однако его связь с Тосканой остаётся сильной и в условиях жестокого изгнания, а герои и исторические лица, выведенные в качестве персонажей или чьи имена лишь упомянуты на страницах «Божественной комедии», словно сошли на страницы книги из разных исторических эпох Тосканы.

Данте видел миссию человека, как обращённого к глубине, к знанию, к внутреннему обогащению в поиске строительства идеального государства, — одухотворенного богатой серией исторических предпосылок, которые превращают его мечты в реально осуществимые.

«Божественная комедия» и по сей день обладает необыкновенной актуальностью из-за своей светской концепции отношений между государством и церковью и благодаря особо живым диалектическим выражениям, а также в связи с тем, что места, описанные Данте в тексте и сейчас, спустя 750 лет, можно лицезреть в том виде, какими их видел сам поэт.

Тоскана для Данте — это центральная точка отсчёта для размышлений, помогающая вспомнить о великих людях, которые были его современниками или жили незадолго до него и определили ход истории.

Известные строфы, посвящённые Фаринате дельи Уберти, графу Уголино, Маэстро Брунетто Латини, как и многим другим персонажам, жившим во Флоренции во времена Данте, помогают, словно вырисовывая фреску, вписать «Божественную комедию» в конкретный исторический контекст, выражая ценности времени, предлагающие к анализу глубокое познание периода, в который жил Данте.

С целью возродить общественные мысли и пробудить у рода человеческого чувство цивилизации поэт пишет:

«Вы созданы не для животной доли, / Но к доблести и знанию рождены» (Ад, Песнь XXVI, пер. М. Лозинского).

Мыслям великого поэта всегда следовали и особо их ценили в России, и два года назад я смог поучаствовать в прекрасной выставке, посвященной изданиям его произведений, проходившей в библиотеке Иностранной литературы в Москве, где был собран фонд, состоящий из более тысячи книг, написанных на тему «Данте Алигьери».

Впрочем, для многих русских авторов Данте Алигьери стал источником вдохновения, возможно, потому что на Данте интеллигенция времён Возрождения указывала как на ключевую фигуру мысли эпохи: такая интерпретация его личности ве-

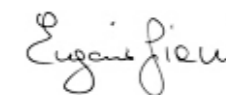
дёт своё начало со времён Микеланджело и Боттичелли.

Флоренция времён Данте — это ещё и Флоренция времён Джотто, родившегося двумя годами позже, в 1267-м, и считающегося отцом современной живописи.

Следовательно, у Данте была возможность вырасти в городе и области, формирующим сильные интеллектуальные стимулы.

Я надеюсь, что изучение личности Данте и его творчества предоставит прекрасные возможности для совместных инициатив между итальянскими и русскими организациями в ожидании того, что личность такого масштаба сможет помочь объединить европейские ценности, которыми наделила история две такие великие страны, как Италия и Россия.

Эудженио Джани
председатель Регионального Совета Тосканы

Перевод с итальянского
Э.С. Малыхиной-Акуиланти

Примечание

¹ Курцио Малапарте. Проклятые тосканцы. Изд-во «Барбарис», М., 2015. Перевод Валерия Сировского.

© В. Ярошенко
© Перевод Э.С. Малыхиной-Акуиланти

Паоло дель Бьянко

Флоренция — как школа взаимопонимания культур

Паоло дель Бьянко,
основатель международного
«Фонда Ромуальдо дель Бьянко»
отвечает на вопросы журнала
«Вестник Европы»

Life Beyond Turism

Паоло дель Бьянко — истинный тосканец, ироничный, веселый, с лукавым взглядом. Его уверенный голос привык к тому, что его слушают. Во Флоренции он человек известный — крупный бизнесмен, владелец сети отелей и основатель международного «Фонда Ромуальдо дель Бьянко».

Мы знакомы с ним уже много лет благодаря незабвенной Екатерине Юрьевне Гениевой, которая много лет назад стала участвовать в первых встречах и акциях этого фонда и немало способствовала тому, чтобы в его работе было много российских участников.

В марте 2018 г. прошла уже 20-я генеральная ассамблея международных экспертов и конгресс «Наследие для планеты Земля».

© Фото: Виктор Ярошенко

Мы беседуем с Паоло дель Бьянко на полях Международного конгресса культуры, который «Фонд Ромуальдо дель Бьянко» проводит во дворце, принадлежащем его семье. Во дворце «Аудиториум аль Дуомо» каждой весной собираются эксперты из 35 стран и из 80 городов со всего мира — от Канады до Японии и Австралии.

Вестник Европы: Только что закончился очередной международный конгресс, организованный Вами. Уже несколько лет мы наблюдаем Вашу впечатляющую, активную международную деятельность Вашу деятельную философию, которую Вы назвали *Life Beyond Turism* (что мы переводим, может быть, и не совсем верно, «жизнь круче туризма») и распространяете по всему миру. Все эти регулярные ежегодные конференции, собирающие во Флоренции людей, своих единомышленников (если не адептов) со всего мира. Ваши семинары, школы, ваша многолетняя кропотливая работа проводятся также и с провинциальными и культурными центрами в России...

— Отсюда и первый вопрос: **Как** все это начиналось, **как** возник Ваш фонд?

П.д.Б.: Идея фонда родилась после падения Берлинской стены. Рухнули стены разделяющие Европу. В Восточной Европе появилась возможность (прежде сдерживаемая властями) контакта и сближения, мощная приливная волна к европейскому берегу, к единству. В 1991 году мы начали организовывать наши первые международные встречи, которые с энтузиазмом были приняты молодежью из многих открывающихся миру стран. Философия *Life Beyond Turism* развивалась постепенно. В моем понимании, это путешествие, необходимое для строительства собственной

жизни, для диалога с миром, незаменимое средство понять самого себя, и лучше узнать наших ближних в их собственном культурном контексте.

В.Я.: Ваш фонд возник в бурные ранние девяностые годы, когда вся Европа вдруг начала меняться.

П.д.Б.: Начало девяностых — незабываемое время. Люди из России, СНГ впервые в жизни массово поехали в Европу, в том числе во Флоренцию, конечно. Мы задались вопросом: чем мы можем помочь нашим братьям по ту сторону рухнувшей стен?

Идея пришла не сразу, а спустя год... Сначала мы стали приглашать из этих новых стран молодежь сюда, во Флоренцию, чтобы они могли отогреться у очага культуры... Людей из стран, распавшихся из-за экономики и политики попытаться объединить их здесь, во Флоренции, но уже вокруг универсальных ценностей культуры. И молодые люди стали приезжать к нам приезжать из России, Казахстана, Украины, Грузии, Армении, Киргизии, Узбекистана...

В.Я.: Что Вас подвигло на эту деятельность?

Какие события Вашей жизни послужили началу этой хлопотной деятельности, требующей и времени, и огромной внутренней мотивации и самоотдачи? Да к тому же — и немалых средств. Как Вы подошли к этой философии?

П.д.Б.: Хороший вопрос, но и очень трудный... Как на него ответить?

Я думаю, в первую очередь, потому что мы — христиане. Это самое главное, самое ключевое для понимания... Я вырос в католической семье, в которой был очень сильный христианский дух. Уже в детстве и в молодые годы я участвовал в жизни нашей церкви, которая принадлежала к ордену братьев-францисканцев. Наш городок лежит к северу от Флоренции... Отец мой был строителем уже в третьем поколении (его дед тоже был строителем),

я перенял его умения, а мои дочери — значит, уже в пятом... Отец мой, Ромуальдо дель Бьянко, родился в 1910 году; он был владельцем небольшой строительной компании, полученной от своего отца, и с юности начал работать с ним. Отец позже стал независимым строительным подрядчиком, восприняв множество строительных навыков и знаний от своего отца. Их было пятеро братьев.

В семье были очень крепкие традиции; у отца — непрекаемый авторитет, мама вообще — наш добрый гений. Может, поэтому во всей истории семьи никто не помнит никаких раздоров на экономической почве, конфликта интересов, все было дружно и всегда помогали друг другу. ...У нас больше всего ценили интересы семьи в целом; эти интересы оберегал отец, верный узам родства. Об этом много не говорилось, просто подразумевалось.

И.Б.: А для Вас стоял вопрос выбора профессии? Эту или какую-то другую? Адвокатом стать или врачом?

П.д.Б.: Нет, так вопрос не стоял, я просто учился, а потом стал работать, помогать отцу. Дед Джованни организовал общество взаимной помощи для рабочих. Сан-Педро Асьедо (?) — место, откуда происходили Медичи. Там находятся два их замка (они значатся во Всемирном наследии ЮНЕСКО). Двадцать километров всего отсюда. Оттуда в город ходили пешком или на велосипедах.

После Второй мировой войны, когда я рос, было как бы две Флоренции. Я рос во Флоренции простых людей, которые работали каждый день. И на обед все возвращались домой. Пешком, на велосипедах, но все мы обедали дома... Я родился в 1945 году, когда окончилась война, 6 августа, сын надежды...

И.Б.: В то время — в 1950–60-е годы, все очень любили кино. Какие фильмы Вы смотрели в своей молодости?

П.д.Б.: В юности мы, конечно, все сходили с ума по вестернам. Американские и, конечно, итальянские, французские. «Три мушкетера», «Фанфан-Тюльпан», «Десять заповедей»... Итальянские тогда называли «спагетти-вестерн»... Нам они нравились. ...Кино нам открывало мир.

...Я дожил до определенного, уже взрослого возраста, много чего повидал, много где побывал, и решил, что пора подыскать себе жену. На всех девушек стал смотреть как на потенциальную жену. Но когда ее встретил, больше уже никого не искал. Я работал в университете ассистентом на кафедре строительства и архитектуры. Открылась дверь, вошла девушка — и я сразу понял: это она! Она была студенткой, родом из Мантуи. Ее родные жили в Мантуе, а она училась на факультете архитектуры во Флоренции. На второй день я уже спросил ее, не хочет ли она выйти за меня замуж. Она была шокирована, но не сказала «нет». Однако произошло все не сразу. Мы решили пожениться, когда она окончит учебу. Ждать пришлось недолго, она закончила университет, через несколько месяцев. Это было в 1976 году. Когда решения принимаешь, надо действовать быстро... Джованна подарила мне трех дочерей.

У наших дочерей был довольно большой выбор. Родители всегда хотят, чтобы дети шли по их стопам, но никогда у нас не было принуждения, всегда их выбор — это их личный выбор, с которым мы считались. У каждого формируются свои взгляды на жизнь, конечно, но семья, я надеюсь, всегда скорее помогала развитию каждого, чем мешала. Спросите у них. Я думаю, что у нас удачная семья. Возможно, мы помогали друг другу, для того чтобы она была удачная.

Флоренция — небольшой город — но с огромным культурным наследием, мировой известностью и влиянием. Я не сразу это осознал, занимаясь гостиничным бизнесом, принимая туристов, меня вдруг осенило: мы пред-

лагаем не номера в отеле, мы предлагаем людям встречу с Флоренцией! Теперь это звучит банально, а тогда просто перевернуло все мое представление.

Имея трех дочерей я захотел представить их миру, познакомить с миром. С этого посыла все и началось, а сегодня мы — всемирно известная и уважаемая в ООН, ЮНЕСКО, ИКОМ культурная институция с сотнями членами-участниками и экспертами по всему миру. Мы начали приглашать их во Флоренцию, и наши дочери, когда подросли, во всем этом участвовали... Потом этот интерес распространился и на другие страны: сначала — Франция, Германия, Англия, потом и Восточная Европа, Россия.

В.Я.: С чего и как началось русское участие?

П.д.Б.: Еще в самом начале нашего движения я познакомился с Екатериной Гениевой, директором Государственной библиотеки иностранной литературы. Гениева стала незаменимым другом нашей семьи и нашего фонда; многие годы приезжала она на наши форумы, она помогала сформулировать его принципы, привозила множество разных людей, библиотекарей, работников культуры из многих российских регионов. Мы в прошлом году в ее честь открыли памятный дворик-патио в палаццо Коппини, нашем международном центре исследований и встреч, культурном и музейном центре.

В.Я.: Да, мы помним, мы были на этом волнующем церемониале.

П.д.Б.: И, конечно ее друг, профессор Алексей Комеч. Оба они люди блестящего интеллекта и самой высокой европейской культуры привлекли множество российских партнеров, участников, ставших нашими экспертами, партнерами, из Москвы, Петербурга, из волжских и сибирских университетских городов, из Владимира, Суздаля, Иванова, Ульяновска... Имя Комеча носит теперь один из залов палаццо Коппини. Теперь их университеты обменива-

ются студентами (и преподавателями) с Флорентийским и Пизанским университетами. Преподаватели привозят студентов, аспиранты уже приезжают сами; они участвуют в наших конференциях, мы включаемся в их проекты. Они живут в наших отелях, это на пользу бизнесу, сокращает расходы фонда. Нам помогает мэрия Флоренции, региональный совет Тосканы, музеи и культурные центры, ЮНЕСКО. Теперь уже многие.

И.Б.: Пять лет назад на вопрос почему Вы создали этот фонд, Вы ответили: я хочу, чтобы молодые люди приезжали во Флоренцию, чтобы они хотели снова и снова вернуться сюда...

П.д.Б.: Да, да, именно так. Поэтому мы создали такое постоянное общественное начинание, как Фонд имени Ромуальдо дель Бьянко с девизом «Life Beyond Tourism — Жизнь круче туризма». Чтобы люди ощутили несколько дней, проведенных во Флоренции, как важную часть своей жизни, к которой они будут возвращаться в памяти снова и снова. И по возможности еще приедут сюда... Мы хотим, чтобы они полюбили флорентийскую кухню, а не искали, как иногда бывает, «Макдональдс», чтобы они захотели раскошиться на что-нибудь «по-флорентийски» и запивали бы это тосканским вином, а не кока-колой, чтобы они ходили по нашим улицам и понимали, где они находятся, раз уж сюда приехали...

Во Флоренции за год бывает несколько миллионов туристов, они дают серьезную подпитку городскому бюджету и вообще экономике города, но дело даже не в этом. Без культуры как важнейшего элемента нашей жизни и экономики жизнь уйдет из этого города. Останавливаться нельзя, нужно двигаться в будущее, сохраняя прошлое. Флоренция без гостей, без множества туристов будет неживым городом. Весь этот поток, эта кружевка, связывающая нас со всем миром, дают городу драйв и жизнь. Мы хотим делиться своими богатствами со всем миром,

только так они продолжают наращивать свою силу. Я убежден, что нет другого пути, чем удовлетворение и поддержание этого жадного всемирного интереса, этого движения людей.

Надо двигаться в будущее, сохраняя ценность прошлого — это довольно парадоксально в эпоху стремительной смены всего внешнего предметного мира, создаваемого цивилизацией. Об этом я говорил сегодня на открытии нашего очередного конгресса, на который приехали искусствоведы, люди туристической индустрии, работники музеев и городские администраторы со всего мира; они приезжают чтобы поделится опытом, как лучше сохранить, организовать и предложить потребителю продукт под названием «Культурное наследие».

И.Б.: Синьор Паоло, что Вы как глава известного европейского культурного фонда думаете, о современной единой Европе? О Европейском проекте? В Италии к этому у многих скептическое отношение.

П.Д.Б.: Я не вижу альтернатив единой Европе. Все остальное — с моей точки зрения, сумасшествие.

Бюрократию мало кто любит, римскую или брюссельскую, но у Европы нет альтернативы, у открытых внутренних границ, единой валюты, единых правил и норм, единой социальной политики в области медицины, образования, культуры, наконец в решении иммиграционной проблемы-только единая скоординированная политика ЕС может дать плоды. У нас очень сильная и развивающаяся международная коммуникация, интернет соединил миллиарды людей во всем мире. У нас есть возможность самим узнавать новости, правду о событиях или непосредственно или от участников событий; людьми все труднее манипулировать. Мы способны понимать происходящее и принимать свои решения.

В.Я.: Да, мир очень быстро меняется, социальные сети стали важнее телевидения и газет.

Как с этим справляется такая инерционная отрасль, как индустрия туризма? Ведь она связана с развитием инфраструктуры, со строительством отелей, дорог, аэропортов, и все это требует десятилетий.

П.Д.Б.: Сейчас другая опасность — множество «корольков», и у каждого в руках микрофон, выход в мировую паутину и каждый может завести свой собственный телеканал и если его будут слушать и смотреть, он будет влиять на людей. Вся сложность в том, что стало слишком много громких голосов — они превращаются в шум, в котором ничего и никого не слышно. Мы исповедуем принцип «путешествие для диалога», и «культура для диалога», здесь *диалог* — основополагающее слово. Мы считаем, что все они — путешественники (не люблю слово «турист») — что в идеале они тоже пусть непостоянные, но — жители нашего города. И у них есть права и обязанности. К сожалению, пока еще многие миллионы туристов перемещаются по миру, как потребители услуг, не вступая в контакты с местным населением, разве что с официантом в ресторане, портье в отеле, таксистом при трансфере. Они обкрадывают себя и не вносят вклада в международное мировое сообщество людей и идей.

В.Я.: Расскажите подробнее о Вашей программе и творческой философии «Life Beyond Tourism»?

П.Д.Б.: Мы начали эту деятельность в 1991 году при творческом участии — «неформальном задании» — польского профессора Анджея Томашевского. Первая презентация сформулированной идеи «Life Beyond Tourism» произошла уже 10 лет назад, в ноябре 2007 года в Баку, на конференции «XXI век: исторические исламские города». Последовали конференции во Флоренции, в Азии, Европе, Японии, Южной и Северной Америке, в странах Восточной Европы, в России, на Кавказе, в Польше, Венгрии, Камбодже, арабских странах

За эти годы много выдающихся интеллектуалов и ученых подарили нам свою дружбу, мысли и идеи, участвовали в нашей работе, направляли и улучшали ее, придавали ей все более глубокий смысл.

Наши исследования, многолетние дискуссии и обсуждения по всему миру привели нас к мнению о необходимости разграничить такие понятия, как «туризм и культура» и «путешествие и культура». Мы видим их как принципиально различные понятия и даже сферы бизнеса.

Первое прежде всего ассоциируется с сервисом, гедонистическим и эгоистическим потреблением услуг; второе — гораздо более многозначное, — включает важнейшую культурную компоненту и затрагивает становление, формирование личности, образование и воспитание.

Еще в XVIII веке в Европе, прежде всего в Англии, практиковалось «большое путешествие» («гранд вояж») как необходимый элемент образования и воспитания джентльмена; такое путешествие проходило под руководством опытных «тьюторов» — сопровождающих, тщательно планировалось и продолжалось несколько лет.

В.Я.: И как вы относитесь все-таки к обычному туризму, ведь Ваш лозунг как-то умаляет его значение...

П.Д.Б.: Я отдаю должное этому феномену. Туризм объединяет мир с его культурным разнообразием и способствует развитию самых разных территорий. Операторы сферы туризма — это реальный «корпус мира», это самый миротворческий бизнес из всех, ибо туризм возможен только в спокойном, благоприятном, доброжелательном мире. Эта огромная сфера бизнеса, включающая отельный бизнес, рестораны, транспорт, дороги, авиацию, страховое дело... Все мы представляем собой недоиспользованный потенциал мирного и ускоренного развития, культурного потенциала человечества. Никто как ту-

ристические операторы не страдают больше от войн, терактов и эпидемий, экономических кризисов и роста международной напряженности между странами.

Хотя туризм является сегодня самой массовой статьей международных контактов, связанных прежде всего с понятиями потребления, но, по сути, он является гедонистическим и даже эгоистическим, а зачастую даже высокомерно-агрессивным и неуважительным по отношению к местному населению способом самоутверждения туристов из благополучных стран. Для него страна пребывания — всего лишь объект потребления.

Но времена изменились; изменились и народы, которые хотят больше уважения к их культуре, к их достоинству, хотят контакта

и взаимодействия, продолжения общения после вашего пребывания в их стране — в обмен на их пребывание в вашей.

В ближайшем будущем вся сфера международной коммуникации должна будет измениться.

И.Б.: Почему Вы стали говорить об «альтруистическом путешествии» как антитезе туризма? Нет ли здесь некоторой утопичности? Трудно представить себе многие миллионы альтруистов, которые сменяют алчущих новизны и удовольствий простодушных туристов...

П.Д.Б.: Нет-нет я думаю — это цель, некий ценностный ориентир, который, я надеюсь, сменит парадигму «простодушного и эгоистичного туризма».

Современного человека характеризует не только его след в социальных сетях, но и его «личная география», карта его путешествий, объектов культурного наследия, которые он видел и посетил — как часть истории его собственной жизни.

Поэтому мы решили оставить на станции «туристический поезд», на котором так долго ехали, и пересесть на более интересный поезд «путешествия, основанного на ценностях», чтобы содействовать преобразованиям, о которых говорит Генсек ООН. Объекты Всемирного наследия обладают колоссальным потенциалом, чтобы стать площадками Всемирного диалога для мирного развития народов. За мир и понимание без агрессии надо бороться.

Мы считаем принципиально важными конвенции ЮНЕСКО «о сохранении культурного наследия», об их объектах, важнейшими руководящими документами для всей сферы путешествий и туризма.

Мы поддерживаем важную конвенцию ЮНЕСКО 2005 года по охране и продвижению разнообразных форм культурного самовыражения. Объекты культурного наследия и инфраструктура временного пребывания их посетителей должны стать элементами всемирной

воспитательной среды культуры. Мы говорим — наследие для планеты Земля «от Коллизея до Биосферы». Нет такой цены, которой не стоил бы мир и здоровье нашей единственной планеты.

Это совсем новый, революционный подход, в котором коммерческая инициатива предпринимателей должна получить поддержку и благоприятствование со стороны правительств и местных властей. Надо ли говорить, что мы сторонники открытого мира, без границ и виз.

Сегодня философия «*Life Beyond Tourism*» уже разработана на разных уровнях до конкретных программ и экономических моделей, распространяется через франчайзинг на мировом уровне.

Мы разработали сертификат и критерии качества в рамках «путешествия для диалога»; создали ряд интернет-порталов с пилотной схемой — территории Флоренции как модели. Перемены неизбежны — они происходят в наших умах, в наших обществах, наших технологиях. Мы должны не противодействовать, а возглавлять эти перемены, потому что те люди, что организуют путешествия по миру миллионов других людей, конечно, что-то знают об этом мире; во всяком случае, они способствуют обновлению и гармонизации мира.

В.Я.: Но ведь часто именно нарастающий туристический поток смыкает местное своеобразие и нивелирует жизнь и самобытность культур, не говоря уже о том, что сервисное обслуживание богатых иностранцев, может быть, и спасает бедных от голода, но это — явно не «предел мечтаний» для жителей развивающихся стран?

П.Д.Б.: Конечно же, культура местности должна руководить путешествием и поведением «посетителей, не должно быть позволено услугам и внешним стандартам потребления видоизменять культуру посещаемой территории. Мы стремимся использовать мировую сеть туризма для «вирусного распространения этих идей».

Эволюция и успех знаковых городов, культурных символов цивилизации, таких как Флоренция, — следствие развития туристического феномена за последние полвека. Успех в этой сфере измеряется главным образом оборотами компаний сферы услуг. Здесь свои критерии. Сроки пребывания, средняя стоимость пребывания, оборот и т.д. Есть и проблема *допустимой плотности* этого потока: некоторые города уже вынуждены ограничивать число приезжающих гостей.

В.Я.: Трагическая судьба древних статуй в Бадмиане, взорванных талибами в Афганистане, судьба — еще незавершенная — Пальмиры в Сирии, или памятников в Ираке, как и других объектов мирового значения, показывает, что культурное наследие уязвимо...

П.Д.Б.: Наше отношение к наследию прошлого как к ценности не универсально и не обязательно сохранится в будущем. И эта мысль меня ужасает. В истории и в современной хронике нередки примеры и сознательного (если можно так сказать), во всяком случае, намеренного уничтожения объектов культуры прошлого — от древнего Египта, иконоборчества в Византии до современных фундаменталистов. Да и радикальные современные градостроители, девелоперы готовы снести целые районы исторической застройки ради реализации своих коммерческих или творческих планов...

Вторая мировая война ведь окончилась всего за год до моего рождения! Когда я думаю об этом, то холодею. Сколько же было разрушено городов, соборов, крепостей, аббатств, замков, сколько погубило книг и картин!..

В.Я.: Когда я был в Англии, я узнал, что немецкие летчики бомбили древние соборы Экстера просто по путеводителю Бедекера...

П.Д.Б.: В самом конце Второй мировой войны германские нацисты взорвали все флорен-

тийские мосты. Мост Понте Веккьо каким-то чудом уцелел. И сейчас никакой величайший объект культуры не защищен от террористического нападения варваров или нигилистов. У нас во Флоренции не забывается 27 мая 1993-го когда была взорвана бомба в Уфици. Четыре человека погибли. Считается, что это дело рук мафии.

Чем более знаменит шедевр или памятник, тем под большей угрозой он находится. Впрочем, беззащитность, хрупкость объектов культурного наследия делает их еще драгоценнее в моих глазах. Сохранность не только архитектурного и художественного наследия — вообще прошлого, документов, архивов визуального и звукового образа сегодняшнего дня, переходящего ежесекундно в прошлое.

Есть места, есть города на Земле, попав в которые, думаешь: как здесь можно жить?! Поэтому я убежден, что люди, живущие в самых замечательных и древних городах мира, самых притягательных, а значит — и самых влиятельных, должны быть и самыми активнейшими сторонниками «Партии мира» в мире.

Сейчас мы проводим очередной всемирный фотоконкурс — *Heritage for planet Earth*, на нем разыгрывается 26 ежегодных премий, выставка лучших работ будет показана в разных странах. Мы получаем великолепные, уникальные работы, показывающие не только красоты Земли, но и драматические факты бездумной деградации.

Важно понять, что наследие, природа, культура и экономика представляют собой единую целостность.

Наследие уникально и неповторимо; но оно обладает универсальным влиянием на людей разных культур; памятники Киото, Лхасы, Багдада, Мексики или Санта Мариа дель Фьоре во Флоренции восхищают, потрясают, умиротворяют людей всех культур, потому что это наше общее наследие. Иными словами, это мост между Колизеем и Биосферой.

В.Я.: Да, мы видим две тенденции: рост туризма и рост популярности важнейших мировых культурных центров.

П.д.Б.: Число путешествующих уже превысило миллиард человек в год — это огромная цифра, огромная экономика. В сущности, экономика туризма является экономической мирного развития, объединяющей людей через наследие. Мы наблюдаем и склонны поддерживать эволюцию эгоистического туризма к альтруистичному путешествию.

Утопия? Возможно, это еще утопия для многих, но вы видите, как идеи, овладевающие обществом, изменяют мир. Мы представляем это таким образом: возникнут динамичные обучающие сообщества для территориального развития и диалога.

Культура местности должна вести путешественника за собой. Он в любом случае должен быть исполнен уважения к культуре местности и людям, ее населяющим, их традициям и обычаям. Туризм не должен деформировать культуру посещаемой местности.

В.Я.: Как такое возможно?

П.д.Б.: Культурное наследие, материальное и нематериальное, выраженное в верованиях, ритуалах, традициях, легендах, песнях, танцах, одежде, кухне, — вся эта антропология представляет собой возможность неизмеримой важности для широкого диалога между культурами и людьми.

В.Я.: Это звучит красиво. Но представим себе отель пять звезд где-нибудь в Африке, рядом с трущобами и землянками, в которых живут местные жители. Какой возможен диалог между ними, кроме попрошайничества?..

П.д.Б.: Это и так, и не так. Во-первых, есть множество регионов, в которых нет шокирующей разницы между жизнью в отеле и местной жизнью, так повсюду в Европе, в Японии, США, во многих арабских странах. Во-вторых, все равно: наличие туристской инфраструктуры объективно способствует развитию мест-

ной экономики, хотя и не она ее определяет. Задача — перейти от туризма потребления к путешествию познания и понимания.

Местным людям нужно помнить, что приезжий человек — прежде всего гость твоей страны, гость твоего города, гость отеля, и только потом — платящим клиентом!

В.Я.: Расскажите немного подробнее о специфике Флоренции как мирового туристического центра.

П.д.Б.: Перспективный пан развития Флоренции 1964 года, за пять лет до катастрофического наводнения 1969 года, предполагал к концу XX века рост населения от 500 до 700 тысяч человек. Однако население города не выросло, а упало на 30 процентов. И это очень тревожит нас всех. Значит, что-то идет не так. Но глубоко причины этого не исследованы.

Во Флорентийском городском плане развития и управления на 1992–1994 годы туризму было посвящено менее одной страницы. Из 220 страниц плана! Между тем уже с 1970-х годов туризм представлял для экономики города важнейший ресурс. Кстати, в список Всемирного наследия ЮНЕСКО исторический центр Флоренции был включен только в 1982 году.

Все последние десятилетия туризм приносил городу львиную долю доходов, но никогда всерьез не изучался и не планировался. В мире совсем немного таких городов, и Флоренция — из их числа, для которых богатство, приносимое туристами, становится своего рода болезнью.

В.Я.: Как южноамериканское серебро и золото для средневековой Испании? Как нефть для нефтедобывающих стран?

П.д.Б.: Как всякий ресурс, который можно легко эксплуатировать и получать доход. В документах нашего конгресса говорится: «Рынок становится создателем, режиссером и исполнителем деятельности по строительству и бессознательному использованию город-

ских территорий». Такие города становятся жертвой бессистемного и уродливого развития, жертвой собственных администраций... Все это происходит настолько быстро, что администрация не успевает ни заметить, ни отреагировать адекватно, ни вмешаться в ключевые решения касающиеся судьбы города, — будь то порт, крупный завод, стадион, торговые центры, авиаузлы и крупные отели.

Если городская администрация не управляет развитием туризма, она способствует тому, что он живет по правилам рынка, становится жертвой этих правил. В решениях, касающихся городского развития, нужны постоянные многоотраслевые исследования, постоянный диалог со специалистами, атмосфера открытости и дискуссии.

В.Я.: Но как принимать решения в такой атмосфере, ведь всегда найдется влиятельная группа «партии интересов» или противников предлагаемого решения? Кто-то лоббирует строительство огромного торгового центра, другая группа — стадиона, третья — аэропорта и т.д.

П.д.Б.: Чем глубже будут наши прогнозы, чем более умными и многокомпонентными, тем боль-

ше шансы принять правильное решение, а не стать его жертвой из-за отсутствия политической воли, плана и видения перспектив развития.

В таком городе, как Флоренция, культурное наследие представляет собой главное богатство, накопленный веками ресурс, как у других — нефть или промышленная инфраструктура. Решения, принимаемые сегодня, будут реализованы и дадут последствия через много лет.

Поэтому самое главное — то, что за эти четверть века сформировалась и развивается всемирное сообщество единомышленников из многих десятков стран, которые на практике реализуют в своих исторических городах по всему миру идеи нашей общей философии «Жизнь больше чем туризм». Мы все согласны с тем, что путешествие, ориентированное на диалог, представляет собой волшебный момент для каждого человека — в его прозрении и понимании важности сохранения жизни на планете Земля.

Ошибаюсь ли я, если утверждаю, что мы никогда не должны забывать, что первичное великое Наследие — это МИР, понимаемый как мир между народами, мирное сосуществование в уважении к отдельным традициям и собственному культурному наследию?

В беседе с синьором Паоло Дель Бьянко принимали участие Ирина Буйлова и Виктор Ярошенко

© «Вестник Европы»

Айке Шмидт

Иностранец в музее

Айке Шмидт,
директор галереи Уффици,
в беседе с главным редактором
журнала «Вестник Европы»
Виктором Ярошенко

Досье из прессы

Айке Шмидту в апреле нынешнего года исполняется 50 лет.

Он родился во Фрайбурге 22 апреля революционного 1968 года, учился в Гельдерберге, самом древнем и самом престижном университете Германии где и получил докторскую степень. Диссертация была связана с Флоренцией: «коллекции Медичи из слоновой кости шестнадцатого и семнадцатого веков». В молодости он уже несколько лет учился и работал во Флоренции. В 1997 году выиграл премию Николетта Квинто Foundation Award Галилей. С 2001 по 2006 год он был куратором и ученым-исследователем в Национальной галерее искусств в Вашингтоне, 2006–2008 — куратор в отделе скульптуры и декоративно-прикладного искусства в Музее Гетти (Лос-Анджелесе). С 2008 по 2009 год работал в Лондоне в качестве директора и главы отдела европейской

© Фото: Григорий Ярошенко

скульптуры и прикладного искусства аукционного дома Сотбис. А.Д. Шмидт считается признанным международным экспертом в искусстве флорентийского Возрождения, автор многих книг и статей.

В ноябре 2015 года Айке Шмидт был назначен директором галереи Уффици, что было неоднозначно воспринято в Италии и особенно, понятное дело, — во Флоренции. Немец в Уффици — невиданное дело! Его судьба переплелась с большими изменениями в культурной жизни Италии последних лет, известными как «реформы Франческини», или даже «революция Франческини». Реформы министра культурного наследия, культуры и туризма Италии Дарио Франческини затронули целый комплекс проблем в организации и финансировании музейного дела, театра, кинематографа и телевидения, местного и регионального культурного развития, туризма и сохранения непревзойденного итальянского культурного наследия. Смысл реформ — больше свободы в деятельности культурной сферы, меньше бюрократических ограничений, оптимизация государственных (немалых) расходов с целью оживить и преобразовать жизнь богатейших (коллекциями, но не финансами!) итальянских музеев, порой погрязших в рутине повседневности. Главная идея — больше свободы и самостоятельности, освобождение благотворителей и меценатов от налогов, содействие местной инициативе.

Правительство Италии приняло решение о назначении новых директоров крупнейших государственных музеев. Был объявлен открытый международный конкурс, в котором участвовали тысячи специалистов со всего мира. Семь важнейших музеев Италии получили иностранного директора, среди них знаменитейшие — Уффици во Флоренции, Академия в Венеции, Каподимонте в Неаполе, Пинакотекка Брера в Милане... Айке Шмидт стал одним из семи иностранцев, отобранных в ходе международного конкурса.

АЙКЕ ШМИДТ —
директор галереи Уффици

Виктор Ярошенко: Журнал «Вестник Европы» издается в современном виде уже 16 лет, а до этого он издавался с 1802 по 1918 год. Сейчас мы делаем большой номер об Италии, большая часть журнала будет посвящена Флоренции. Поэтому для нас большая удача — встретиться с Вами в Москве. И мы надеемся, что сможем увидеть Вас или Ваших коллег во Флоренции. Мы хотели бы сделать большой материал об Уффици, в том числе о тех преобразованиях, которые Вы там планируете. Сейчас вся Москва обсуждает сериал «Молодой Папа», и я подумал, что Вы тоже в своем роде «молодой папа». Иностранец приехал из Америки, возглавили традиционный итальянский музей, чтобы проводить в нем большие реформы. Так что, возможно, по мотивам Вашей биографии можно будет снять новый сериал о «молодом директоре»: интриги внутри музея, недовольство старых сотрудников, «Кто он такой, этот выскочка? Что он понимает?»

А.Ш.: У них было бы много материала! (смеется).

В.Я.: Поэтому очень интересно услышать Ваше мнение: как Вы осмелились пойти, подать свою кандидатуру на этот конкурс, не было ли у Вас ощущения: «Боже мой, во что я ввязался?» И как Вы ощущаете себя сейчас?

А.Ш.: Конечно, в каком-то смысле Вы правы, и это не касается лично меня, это касается музея, всё же Уффици — это мировой Музей с большой буквы. Естественно, не единственный, есть Лувр, есть Британский музей, Метрополитен в Нью-Йорке, здесь, в Москве два важнейших музея — Пушкинский музей и Третьяковская галерея, конечно же, старейший Эрмитаж в Санкт-Петербурге и другие музеи. Что привлекло меня к этой должности — директора Уффици? Привлек, тот факт, что такого другого места совершенно точно нет больше нигде на этой планете.

Валерий Сировский. Из записных книжек

* * *

А.Ш.: Этот музей обладает богатейшей в мире коллекцией, одной из самых целостных и ценных коллекций, и одновременно с этим — это один из самых плохо функционирующих, хаотично организованных музеев. Однако все можно изменить. Честно говоря, когда мне в Америку посреди ночи позвонил министр культуры Италии Дарио Фраческини (это было около трех или четырех утра), я не сразу понял, в чём дело, но он сделал мне такое предложение, что я сразу же проснулся. И ответил: «Да, конечно, для меня это большая честь...». Естественно, что сердце мое стало учащенно биться, но так как это было в середине ночи, я дал согласие и снова уснул, а когда утром проснулся, сразу подумал: «Мне это просто приснилось». Но уже через полчаса меня стали поздравлять друзья из Италии, начали звонить первые журналисты с просьбой дать комментарии. Я экспромтом дал первые комментарии (Вы сможете прочитать об этом позже в итальянской прессе). Потом по размышлению, я, конечно, немного запаниковал: «Во что же я ввязался?!» Но, размышляя более основательно, я вспомнил всё, что знал об Уффици (а знал я все-таки не так уж и мало), чтобы понимать важность и значение такой почтенной и ценимой во всем мире институции, как этот уникальный, выросший живым и естественным образом музей. Каким большим потенциалом обладает такая историческая организация, где люди работают поколениями, и как важно сохранить её традиции, и при этом сделать максимально открытой и доступной для миллионов современных посетителей и будущих поколений. Конечно, я понимал все риски, знал наверняка, что успех или неуспех в этой работе определит и мою будущую карьеру. Но не это было главным — впереди меня ждала потрясающе интересная работа, и это действительно движет мной, несмотря на трудные моменты, которые конечно же есть... Уффици ценит свои традиции, держится за непрописанные, но соблюдаемые ритуалы, даже какие-то рутин-

ные вещи (типа «эти двери мы никогда не открываем», «в эти ворота входить не принято, можно только выходить» и проч.). Эту рутину, заведенную бог весть когда, но получившую статус традиции, очень трудно отменить. В музее сложились весьма консервативные структуры, они принципиально не приемлют никаких новшеств, но это как раз то, что я хочу изменить, то, с чем надо бороться. Естественно, невозможно и не нужно изменить все, попытки сделать это во что бы то ни стало могут быть обременительными и не идти на пользу делу... В суете текущих проблем нельзя забывать ни на минуту, ради чего ты сюда пришел — помочь этому древнему храму искусств, не теряя себя, стать современным. Иногда это вязкое сопротивление среды разочаровывает, но одновременно с этим она так прекрасна...

Я имею в виду: дорогого стоит каждое утро видеть все эти прекрасные произведения искусства в той среде, где они живут веками: а они именно живут, они живые, в том-то все и дело. Я вспоминаю, почему это так важно, почему стоит прилагать усилия, я черпаю энергию из этого. Например, зал Сан Пьетро Скараджо. В прежние времена здесь была церковь и ее центральный неф сохранился до сих пор, как великолепный зал Уффици. Сан Пьетро Скараджо перестала быть церковью в XVI веке, когда Вазари, перестраивая, разрушая и возводя, создал то, что стало комплексом галерей Уффици. Теперь мы там проводим церемониальные и важные встречи, открытия выставок. В Средние века здесь было и место собраний граждан, именно здесь заседал городской совет Флоренции еще во времена Данте Алигьери. Так что теперь я встречаюсь с людьми там, где в XIV веке творил Данте Алигьери. Это особый «Genius loci» (гений места) в музее. Здесь «непролазные» исторические дебри, и нам, музейщикам, необходимо сделать их доступными. Я думаю, это самое важное.

В.Я.: Возьмем Национальную галерею в Лондоне или Метрополитен в Нью-Йорке — круп-

нейшие музеи мира, но в жизни этих городов они не играют важной роли. А Уффици во Флоренции — важнейшая часть жизни этого города. Мне кажется, это очень важное обстоятельство. Как Вы к этому относитесь? И с другой стороны: в Москве Пушкинский музей — это музей для москвичей. А Уффици, как я понимаю, это музей прежде всего для иностранных туристов?

А.Ш.: Не соглашусь: все-таки Уффици — это тоже прежде всего флорентийский музей. Особое место для всех флорентийцев, для всех тосканцев. Но и для туристов — тоже. Этот вопрос, эта тема возвращает нас в 1737 год, когда Анна Мария Луиза Медичи, фактически последняя из рода Медичи, решила, что все произведения искусства великих флорентийских мастеров должны оставаться во Флоренции, когда династия Медичи прервется. Потому что иначе (и это было ясно!) все шедевры были бы все перевезены в Вену, т.к. согласно Европейскому договору, то если бы она не издала этот закон, согласно которому Уффици могли посещать как граждане города, так и иностранцы, коллекция могла бы быть утеряна для города. Это происходило уже в первые годы, когда появилась идея «Гранд Тура», «Большого путешествия», когда было принято (как часть образования джентльмена) совершать обстоятельное путешествие в Италию. Англичане, а несколько позднее также аристократы из Северной Европы, из Германии, Швеции (известно, что приезжала и датская принцесса) уже в XVII веке непременно посещают Флоренцию а позже, в XVIII веке, начинают приезжать из Америки...

В.Я.: *В 18 веке уже и из России... Русский наследник престола Павел Петрович под прозрачным псевдонимом «Князь Северный» во время своего европейского путешествия (1781–1782), в котором он посетил 14 стран, не минует Флоренцию и ее художественные сокровища. И сравнивает: «А в Петербурге уже существует Эрмитаж».*

А.Ш.: Поездки тогда были намного медленнее, если сравнивать с сегодняшним днем. Люди ездили на год, на два или три, а не на неделю — две-три, и оставались во Флоренции на несколько месяцев.

В.Я.: *Я читал, что примерно три миллиона туристов приезжают во Флоренцию ежегодно...*

А.Ш.: Сложно подсчитать, сколько людей приезжает в город каждый год на поездах, самолетах, в автомобилях и автобусах, с круизных лайнеров... Известно, сколько людей останавливается во Флоренции на ночь, потому что в городе введен туристический налог. Но зато мы точно знаем, сколько человек посещает Уффици. В 2016 году у нас впервые было более двух миллионов посетителей плюс 1,6 миллиона посетителей Дворца Питти.

В.Я.: *Вы изучали поток? Какая часть из этого потока — итальянцы, а какая — иностранцы? Я знаю, в Эрмитаже есть целый социологический отдел.*

А.Ш.: Мы считаем всех посетителей, потому что не можем иначе. В Италии действует строгий закон о защите данных, так что мы просто не можем узнать у них подобную информацию, и только когда люди просят бесплатный билет, мы можем что-то узнать: чтобы получить бесплатный вход, нужно быть гражданином Европейского Союза или быть моложе 18 лет либо иметь инвалидность, иначе мы не можем предоставить бесплатный билет. Однако (так же как и отели) мы получаем непрямую информацию о том, какой язык используют посетители на своих мобильных телефонах. Кстати в отелях знают, какой национальности их постояльцы, потому что по закону они обязаны получать копию паспорта иностранца, тогда как итальянцы используют id-карты. Мы имеем доступ к статистике отелей, но срабатывает и определенное чутье, позволяющее понять, откуда приезжают люди.

Например, зимой, в «несезон» (люди обычно не знают, что во Флоренции четыре месяца

«несезона»: с ноября по февраль) большинство посетителей — итальянцы. Но вот в сезон они составляют меньшинство; мы имеем обширный американский и китайский контингент, и мы очень рады, что круглый год у нас стабильный поток посетителей, в том числе и из России: каждый день я слышу и встречаю русских посетителей, что не может не радовать. По сравнению с другими их не так много, и, как правило, это подготовленные посетители, а не массовые туристы.

В.Я.: *В Уффици всегда огромные очереди, в Академию тоже трудно попасть, но проходишь метров двести, видишь потрясающий музей Сан Марко, а там пусто. Как Вы вообще это ощущаете? Музей — как шоу? Шоу для публики, которая совершенно не готова туда ходить?*

А.Ш.: В наше время все музеи переходят на интернет запись — это мировой тренд. Очереди останутся только для не владеющих интернетом. Вообще, это в итальянских интеллектуальных кругах весьма обсуждаемый вопрос. Некоторые люди говорят: «Все эти толпы не должны сюда ходить, здесь должна бывать только подготовленная аудитория»... Но Вы же знаете, что практически это очень сложно ранжировать, общество не поймет, если мы станем закрывать музеи. Вы не можете заставлять людей показывать диплом или проходить тесты; даже если это делать, это будет неправильно, как мне кажется, это будет недемократично и элитарно, а в конечном счете, губительно для всех музеев, страдающих от недостаточного финансирования. Ведь их финансирует государство, то есть в конечном счете — каждый налогоплательщик.

Я думаю, что назначение музея не в том, чтобы оценивать посетителя; напротив, его задача — заинтересовать и среднестатистического посетителя, который может прийти сюда только потому, что галерея Уффици известна во всем мире, и ни по какой другой причине. Но потом нужно удержать внимание такого посетителя

и дать ему что-то, что он сможет пронести с собой через всю жизнь, — прекрасный эстетический и эмоциональный опыт, а одновременно обучить его чему-то. Невозможно, встретив великое произведение искусства, не вынести ничего нового для себя из этой встречи. Но тогда мы должны спросить себя: «Что такое образование?» Образование — это не формальная передача информации от одного человека другому (не владеющему ею), обучение — это всегда диалог между людьми, между культурами или группами людей.

Так вот, одной из моих основных реформаторских задач является содержательное объединение кураторов — блестящих экспертов в искусстве — и «образования» (дидактического департамента) в одну систему: так, чтобы они могли взаимодействовать. Потому что для специалиста новый подход может быть также и ответом на вопрос, поскольку лучший способ получить ответ — посмотреть на проблему с новой стороны. Может ли это получиться лучше, чем при вопросе, которого никто не ожидает? Например, когда экскурсовод ведет группу по музею, а кто-то задает неожиданный вопрос (будь то ребенок или человек из Норвегии, или медсестра, одним словом, кто-то, кто не является профессионалом). Именно такие вопросы и заставляют нас двигаться дальше, потому что мы должны воспринимать их всерьез, особенно могут быть очень полезны вопросы детей: начинаешь задумываться о том, о чем никогда ещё не задумывался. Ведь профессионалы обычно мыслят привычными шаблонами, в рамках того, чему их учили (скорее, о конкретных вопросах, касающихся той или иной картины), и редко задаются фундаментальными вопросами; а диалог с публикой необходим, чтобы увидеть всё с другой, новой точки зрения. Также немало важно, чтобы публика имела доступ к знаниям экспертов. Поэтому только в диалоге с публикой может произойти перенесение старого искусства в современный контекст, своего рода даже «осовременивание» его. Наши исследо-

вания, сопоставления, экспозиционные решения могут спровоцировать неожиданные, случайные вопросы; такие исследования имеют социальное значение, ибо отвечают на те вопросы, которые интересуют общество. Иначе искусству не пробиться к людям сегодняшнего дня, и тогда поолучается, что оно практически друг другу не нужны.

Я думаю, что в этом глубокое значение образования — того, что может произойти с каждым человеком, к чему никто не может подготовиться заранее... Очень хорошо, что более двух миллионов человек решают заплатить деньги и приехать во Флоренцию, отстоять очередь, чтобы попасть в музей: это значит, что они очень мотивированы, хотя многие могут даже не понимать, зачем они сюда приезжают. Это наше предназначение, наша задача — предоставить им уникальный запоминающийся опыт, предоставить возможность прикоснуться к искусству, к знаниям. Например, к залам Боттичелли, которые мы открыли после реставрации в октябре и которые Вы увидите на следующей неделе. Это прекрасный пример того, что мы пытаемся сделать в соответствии с вышеизложенными принципами.

В.Я.: *В Москве сейчас неожиданно возникла какая-то прямо-таки всенародная любовь к искусству. Массы посетителей в музеях, огромные очереди. И так не только у нас, это повсюду. Тысячи людей, которые в жизни никогда не ходили в музеи, теперь туда пошли. В чём Вы видите причины подобных процессов, этих вспышек массового интереса? И в этой связи — какой должна быть, по-Вашему, философия современного музея классического искусства? В чем состоит его задача: в сохранении, консервации, выстраивании каких-то культурных линий, которые так просто сами собой не выстраиваются? Выстраивает ли создание музейных экспозиций и композиций какую-то культурную линию, какую-то историософию культуры? Ведь при этом он (музей) должен*

пускать туда публику. У меня есть один знаковый, знаменитый театральный режиссер, он страшно не любит публику, ему не нужна публика, любая публика, он бы предпочел только заниматься со своими артистами, а публика ему не нужна. По-моему, идеальному директору музея тоже не нужна публика.

А.Ш.: Да, я мог бы согласиться с этим, но с уточнением — «в недавнем прошлом». Потому что когда я работаю над выставками, я обычно не задумываюсь об аудитории, о множестве людей, которые на них придут. Вы знаете, в фильмах это работает так: «Мне нужно получить больше денег, поэтому мне нужно привлечь максимум людей». И они проводят маркетинговые исследования, чтобы соответствовать, как они думают, ожиданиям аудитории. Мы постоянно видим это в Голливуде, потому что там люди тратят огромные деньги на свои фильмы, но больше чем половина этих фильмов — пустышки. Еще половина фильмов выпускается, чтобы сбалансировать убытки, но есть лишь пара фильмов, которые добиваются успеха, что и позволяет запустить весь процесс снова. Но, в общем, этот процесс не порождает произведений искусства. Есть, конечно, исключения, но это редкость. То же самое можно сказать и про выставки: ты заранее обдумываешь, какая экспозиция привлечет большее количество людей, значит нужен такой-то художник или такая-то тема... Скажем, объединить в одной экспозиции Моне, Ван Гога и Мане (или что-то вроде этого) — и получишь наибольшую аудиторию. Шучу, конечно же. Подобное неуместно, поэтому я тоже считаю, что во всем не надо гнаться за аудиторией. Полагаю, что воспринимать аудиторию серьезно — значит заранее полагаться на знания каждого человека этой широкой аудитории... Конечно, не все люди — эксперты в искусстве, но каждый в отдельности, даже дети — эксперты в чем-то конкретном. Конечно, рискуешь, если серьезно относишься к исследовательской работе, фокусируешься на ней, зато в итоге получаешь реальный интерес со сторо-

ны посетителей, а это так важно для того, кто занят «кабинетной работой». Это то, что позже помогает создать нечто единое из нескольких составляющих.

В 2016 году мы участвовали в организации выставки Рафаэля в Москве, в Музее изобразительных искусств имени Пушкина. Та прекрасная выставка была основана на годах исследований, и у нас появилась возможность собрать воедино, в одной экспозиции, работы, которые вместе никогда не выставлялись. Экспозиция была уникальной и вряд ли когда-нибудь повториться, потому что слишком трудно собрать все эти великие работы вместе. Та московская выставка была очень полезна для Италии, для Флоренции, поскольку это был редкий случай, когда вместе собрались работники музеев и научных центров, которые глубоко интересуются историей и литературой. С другой стороны, люди, которые занимаются изобразительным искусством, для того чтобы показать взаимодействие между литературой, поэзией и живописью. Мы получили новые результаты, и они позволили нам взглянуть на эти работы по-новому. И мы во Флоренции узнали больше, потому что кроме самих картин изучали русскую поэзию XIX и XX веков, изучали, что писали о Рафаэле русские поэты. И эта новая точка зрения не появилась бы, не случись этой выставки. Это была уйма новых открытий о Рафаэле, взгляд на его работы другими глазами, и подобное, мы надеемся, будет происходить на каждой выставке, которую мы планируем устраивать во Флоренции.

В этом году в Уффици запланировано 18 выставок, гораздо больше, чем обычно, почти вдвое больше, и они охватывают значительные культурные пласты времени. Например, у нас будет экспозиция пейзажей времен японского Ренессанса. Подобная экспозиция в стенах Уффици сразу же вызовет сравнение пейзажей этих работ с пейзажами художников итальянского Возрождения, что позволит выделить особенности и различия тех и других, а люди обязательно будут приходить, чтобы увидеть, какие интересные результаты даёт эта

концепция сравнительного экспонирования аналогичных жанров в живописи столь разных культур. Кроме того, это позволит расширить кругозор и по-новому увидеть, казалось бы, привычную европейскую классику, экспонируемую на «фоне» полотен столь отличной от ней культурной традиции. Такие экспозиции необходимы, они позволяют по-новому увидеть великие произведения искусства, а также предоставляют плодотворную возможность для межкультурного диалога, поскольку подобный же взгляд (на свою классику), без сомнения, возникнет и у японского посетителя. Увидеть, как соотносятся и взаимодействуют — через расширение восприятия зрителя — шедевры таких далеких, казалось бы культур, поистине удивительно.

В.Я.: *Уффици — галерея старых мастеров; а сейчас приобретает ли музей новые вещи? Какова Ваша политика в этом направлении?*

А.Ш.: Уффици не только музей старых мастеров. Мы приобретаем как старые, так и новые произведения. Хотя людям может казаться, что мы и так обладаем большой коллекцией, но музей не должен мумифицироваться, застывать, он должен развиваться и формировать для своего собрания современный контекст. Так, например, в прошлом году мы получили много произведений, которые будем выставлять на нескольких экспозициях в этом году. Продолжаем собирать и приобретать современные работы. Например, Уффици обладает старейшей и, думаю, наиболее полной коллекцией автопортретов в мире. Она была основана в XVII веке семьей Медичи, и буквально век спустя в неё начали поступать современные произведения. Вот мы и продолжаем эту традицию.

В.Я.: *А фотоискусство, фотография, входит в круг интересов музея?*

А.Ш.: Мы уже приобрели некоторое количество фотографий, хотя лишь немногие фотографы согласились отдать свои работы. Давно уко-

ренилась традиция, по которой людей просят пожертвовать портреты лучших художников своего времени, но, к сожалению, каждую неделю мне приходится писать письма художникам: «Это очень мило с вашей стороны, но мы не можем принять ваше предложение». Мы принимаем портреты «наиболее важных» художников нашего времени, или, при всей условности подхода, «наиболее значимых» художников нашего времени, но, конечно, не любые и не всех...

Обычно мы концентрируемся на текущем году и не собираем все современные работы, ибо мы не ставим задачу собрать все и у всех — у нас просто не хватает места. То, чем мы занимаемся сейчас, я представил на начало этого года — у нас идут выставки современного искусства, которые так или иначе связаны с основной экспозицией, и не обязательно должны быть автопортретами, но обладать связанными темами.

В 2017 у нас с большим успехом прошла выставка живущего в Италии художника и скульптора албанского происхождения Хелидона Хиха (Xhixha). Его работы мы выставляли в знаменитых садах Боболи, входящих в комплекс музеев Уффици.

Он прославился своей плавающей скульптурой «Айсберг», которая была показана на 56-й Венецианской биеннале в 2015 году, а в 2016-м году он был удостоен награды «Общественная медаль» за лучшую инсталляцию в Somerset House в Лондоне. Хелидон Хиха работает с очень современным материалом — полированной нержавеющей сталью и использует новейшие технологии. Он дал осязаемую форму своему видению этой сложной дихотомии, вдохновившись природным миром.

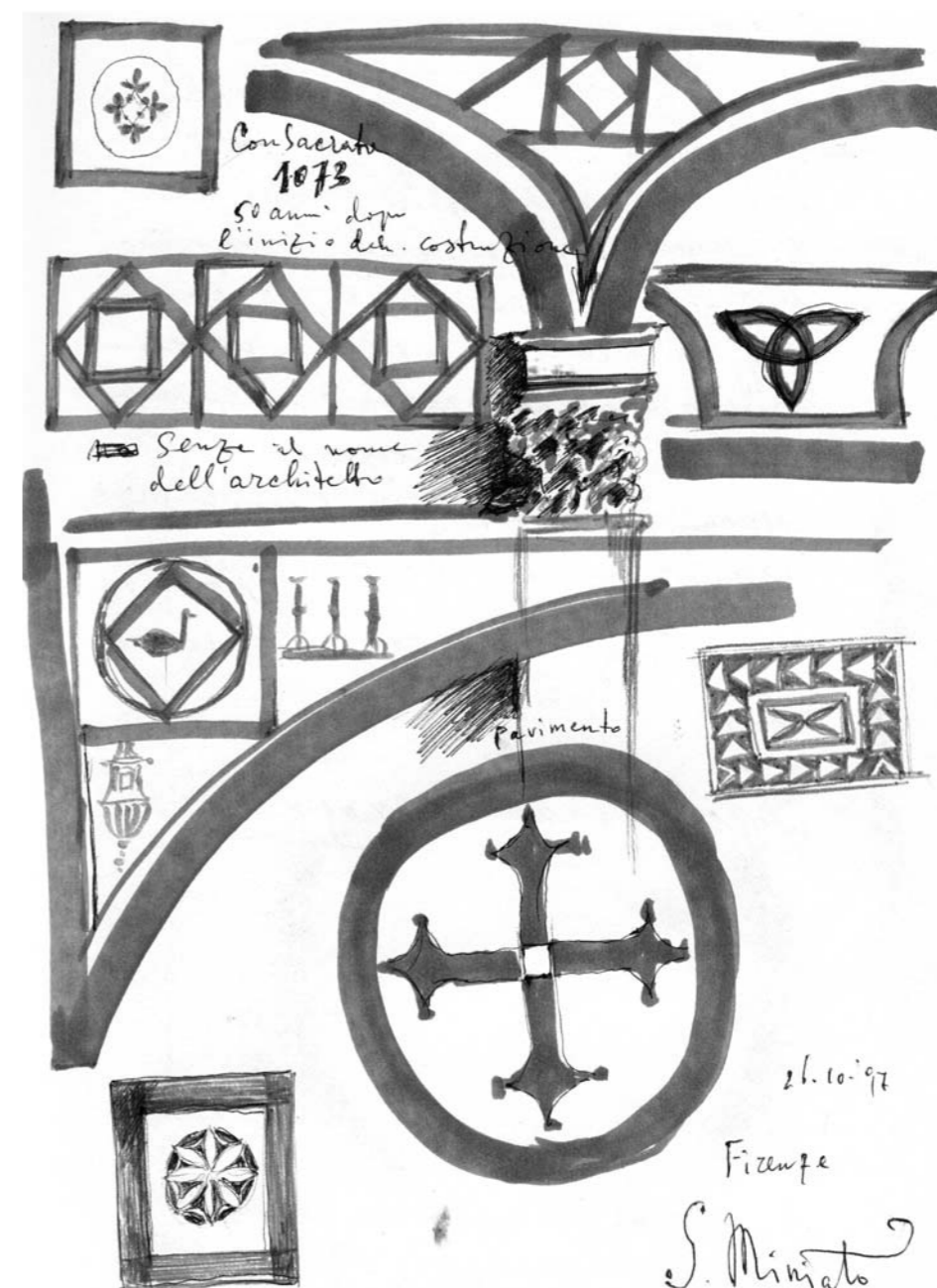
Мне его творчество очень интересно, оно находится как бы на стыке искусства, науки, современных технологий и материалов, а также полетов фантазии... Он затрагивает вопросы искусства и природы, хаоса и порядка, и делает отсылки к коллекции, которую мы собрали в самой Уффици, во дворце Питти и в садах

Боболи. Кстати, не все знают, что в Уффици есть уникальная ботаническая коллекция; в ней есть растения, которые были получены еще в XVI и XVII и XVIII веках. И мы знаем точно, когда, кем и откуда они привезены, как развивались и репродуцировались; их «пра-правнуки» растут в садах и сейчас. Сады — это живой музей и высокое искусство.

В.Я.: Я знаю, что обычно музейщики недолюбливают коллекционеров, и те, кто работает в музее, сами не собирают личных коллекций — им вполне достаточно того искусства, которому они служат... Ваши личные вкусы в искусстве, могли бы Вы их как-то охарактеризовать?

А.Ш.: Знаете, у меня есть некоторое количество работ современных авторов; когда я жил во Флоренции в 90-е, я был окружен великолепными произведениями искусства и коллекционировал работы, но сейчас я этим не занимаюсь: не потому что придерживаюсь какой-то определенной политики, просто не хочу коллекционировать произведения сейчас; но когда я жил в Германии и в Америке, я собирал работы... Флоренция — это место, где такая большая концентрация искусства, и не только в музеях, но и в городе, на улицах — почти все здания здесь, по сути, являются художественными произведениями. Искусства здесь так много, что я не хочу добавлять еще, ведь просто открывая окно, я вижу дворец Питти... В том смысле, что взгляд на него дает мне намного больше, чем любое приватное произведение искусства. Я до сих пор храню несколько работ, которые я купил у современных художников, когда уезжал из Америки, и которые я хотел бы сохранить, но я не хочу собирать их для себя, потому что я и так окружен сокровищами искусства буквально всех веков.

В.Я.: Вы занимались скульптурой, в Сотбис Вы заведовали направлением скульптуры. Скажите, в скульптуре кто Ваши самые любимые мастера?

Валерий Сировский. Из записных книжек

А.Ш.: Вы знаете, это действительно проблема, потому что я люблю скульптуру буквально всех времен, всех периодов. Когда я учился, я писал о художниках, в моих работах даже были микроскопические открытия, работал я и с живыми художниками, среди них есть и мои друзья... Скульптура же до сих пор завораживает меня, а Уффици до XIX века была особенно популярна как галерея скульптуры. Но сейчас про это почему-то забыли, проходят мимо замечательных произведений, смотрят краем глаза, топясь к шедеврам живописи — так сейчас принято. И очень жаль, потому что у нас ценнейшая коллекция, около двух тысяч скульптур, древнегреческих и римских, времен Ренессанса и современных. По крайней мере, несколько сотен этих скульптур имеют огромное художественное значение, и сейчас я обдумываю возможность вынести их на свет, этот аспект коллекции. Думаю, сейчас это будет хорошо принято и пойдет сейчас в эпоху 3D — кино, возврата к “осязательной ценности” (как говорил некогда знаменитый искусствовед Бернард Беренсон (знаток Ренессанса и Уффици)... Увлечение скульптурой должно вернуться. Только она дает ни с чем не сравнимое чувство реальности, запечатленного на века многомерного образа, что может сравниться с хорошим скульптурным портретом?

В коридорах Уффици нас во множестве радуют знаменитые скульптуры, в XVIII веке путешественники приезжали, чтобы зарисовывать их, восхищаться ими и изучать их. И лишь во вторую очередь посмотреть на картины. Только в течение XIX века Уффици стала важной картинной галереей, несмотря на то, что картины там были и до этого.

В.Я.: Планируете ли Вы какие-то специальные совместные программы с германскими музеями?

А.Ш.: Сейчас у меня множество связей и планов, связанных с русскими, японскими и нидерландскими музеями, с Мексикой, но к сожалению, мы вынуждены извиниться перед немецкими музеями. Я полагаю, Вы знаете, что я родил-

ся и вырос в Германии и поддерживаю контакты с тамошними коллегами и владельцами коллекций предметов искусства, но в Германии и так проходит большое количество выставок флорентийского Ренессанса. Меня же не интересует организация обычных текущих сборных выставок: я имею в виду экспозиции в составе одного-двух шедевров плюс два десятка работ мастеров второго ряда да ещё ученики, последователи — вот и выставка готова...

Мне неинтересны подобные концепции, и хотя так было принято ещё недавно, меня подобные мероприятия не вдохновляют, они не принесут ничего нового: ни истории искусств, ни аудитории. Я думаю, что к составлению экспозиции необходимо относиться творчески, чтобы она каждый раз удивляла зрителей чем-то особенным и даже неожиданным. Уверен, что придет время, когда я буду делать выставки и в Германии, но на текущий момент мои основные партнеры — Япония, Россия и Нидерланды.

В.Я.: Лет двадцать назад в Москве была большая выставка европейского портрета в Пушкинском музее, и там рядом висели работы, художников из разных стран (включая русских), созданные в одну и ту же эпоху. В итоге возникал совершенно новый взгляд на ход мирового художественного процесса... Вы не думали сделать что-то подобное? Повесить рядом Дюрера и Джорджоне, например, они ведь современники...

А.Ш.: Великолепно, да, но мы это уже сделали в нашей постоянной экспозиции, посвящённой эпохе Ренессанса. Когда Вы приедете во Флоренцию, то увидите, что в последнем зале Боттичелли у нас висят и картины голландских мастеров того же времени. Это не моя идея, это было сделано Роберто Муссолини, который работал директором Уффици после Второй мировой войны (в 1950–1957 гг.), после трагедии, спровоцированной немцами. Он хотел показать художественную связь, существовавшую между югом и севером Европы в эпоху Ренессанса, и поэтому поместил

знаменитый триптих Гуго ван дер Гуса вместе с Рафаэлем. От него-то я и воспринял эту идею, и хотя мы убрали оттуда «Рождение Венеры» (причиной переноса рафаэлевского полотна стал резкий прирост числа посетителей: в те времена в Уффици приходили две-три тысячи, а сейчас... два миллиона!), я использовал аналогичный принцип развески в боттичеллевском зале, разместив там и других флорентийских художников, вдохновлявшихся северным искусством. Когда триптих Ван дер Гуса «Алтарь Портинари» прибыл во Флоренцию в 1482 году, он оказал огромное творческое влияние на местных художников, чему существуют многочисленные свидетельства — в виде их произведений. И этот принцип международного «соседства» полотен очень меня впечатляет, думаю и в будущем использовать его в построении отдельных компонентов нашей перманентной экспозиции.

Пока же в залах Уффици Вы наблюдаете в основном все еще раздельное экспонирование полотен иностранных мастеров от собраний живописи итальянских художников — такое, своего рода, иностранное «гетто», но мы планируем прекратить эту практику, история европейской живописи должна составлять единую композицию, в которой «разделительными» моментами могут быть лишь хронологические рамки, стилистические или жанровые характеристики и т.п. Намного интереснее увидеть, как художники из других стран, которые путешествовали по Италии, работали здесь, какое влияние на них оказывало творчество их местных современников и что они — под этим влиянием — привносили в своё собственное искусство. Каждое из таких произведений имеет свою особенную историю, свою собственную причину быть в Уффици. Кстати, прежде их никак не выделяли внутри общей экспозиции, это произошло лишь в начале XX века под влиянием идеологии крайнего национализма начала. В следующем году, в ходе

реализации многолетнего проекта «Новый Уффици», мы исправим это упущение.

В текущем же году мы сосредоточились на работе с архитекторами, кураторами и техниками, мы будем перегруппировывать большие части коллекции в соответствии с принципами галереи (как уже сделали в залах Боттичелли). По этой причине стоит возвращаться к нам каждые шесть месяцев, и тогда сами увидите, как тут всё постепенно будет меняться.

В.Я.: *Могли бы мы рассчитывать на своего рода фотосессию в залах Галереи: хотелось бы, чтобы наш фотограф походил там и тщательно пофотографировал отдельные части экспозиции... Когда я был еще молодым журналистом, я месяца два болтался по залам Эрмитажа, но — за его знаменитым директором, Борисом Борисовичем Пиотровским... У него любимые дни были, когда там не было никакой публики, когда музей был закрыт, а он ходил по залам и наслаждался. Я тогда написал большое эссе о том, как великий реставратор Александра Михайловна Малова (она уже умерла), несколько лет работала там над «Юдифью» Джорджоне. И нам было бы интересно увидеть внутреннюю жизнь Вашего музея, если можно, конечно.*

А.Ш.: Буду рад дать Вам контакты и возможность встретиться с моими сотрудниками, чтобы Вы смогли попробовать хотя бы сделать нечто подобное тому, что Вы описали. Думаю, для этого Вам потребуется несколько недель во Флоренции, а не эти три дня, но тем не менее Вы сможете сами познакомиться с внутренней жизнью Уффици, когда будете ходить по её залам с одним из моих помощников.

В.Я.: *Поговорить с каким-нибудь старым сотрудником, который бы сказал: «Зачем нам прислали этого немца?»*

А.Ш.: Ну, по этому поводу проще всего поговорите с любым.

Беседу переводил Станислав Усачев

© Перевод Станислава Усачева

Лука Беллиньери

Книга в Италии

Лука Беллиньери,
Директор Национальной
центральной библиотеки
Флоренции в беседе
с «Вестником Европы»

* * *

Кто как, а Лука Беллиньери всегда хотел быть библиотекарем. Жизнь у людей складывается по-разному: в юности хочешь одного, но частенько получается иначе. Но ему всегда нравилась тишина библиотек, бесконечные стеллажи, кожаные корешки старинных книг с золотыми надписями, фолианты и манускрипты — словом, то, что в нашей памяти возникает, когда мы произносим слово «Библиотека», хотя мало кто из нас в таких залах бывал хоть раз в жизни. Тихое место, закрывающее от звуков и страхов мира за толстыми стенами святилища. Что-то почтенное, благородное, старое, малолюдное и, в общем, не очень современное и небогатое место. Наша беседа в неоклассицистском здании Флорентийской национальной библиотеки (открыта в 1935 году, немного что в этом ренессансном городе осталось

© Фото: Григорий Ярошенко

от того периода) была именно об этом: о роли библиотек, книги и чтения в современном мире и об итальянском подходе к сохранению своих культурных ценностей. Незримая тень нашей незабвенной Екатерины Юрьевны Гениевой, библиотекаря из библиотекарей, стояла за нашими спинами, когда мы задавали Луке Беллиньери свои вопросы.

Культурное наследие хрупко и беззащитно; оно страдает от войн, пожаров, землетрясений, наводнений. Флорентийская библиотека пятьдесят лет назад прославилась на весь мир, когда вздущаяся от дождей скромная река Арно набрала силу, перемахнула многометровую набережную и залила стоящие на набережной дворцы — Уффици, библиотеку манускриптов Лауренциану, Национальную библиотеку... Урон был неисчислимым, библиотека борется с его последствием уже полвека.

Когда мы пришли для беседы с директором Лукой Беллиньери, в центральном холле рабочие разбирали фотовыставку, как раз посвященную наводнению и тому, как город и сотрудники библиотеки спасали книги.

Потом нас провели по залам и хранилищам библиотеки. Она не поражает новизной. Построенная до Второй мировой войны, а запроектированная еще до Первой, пневматическая почта — новшество столетней давности; длинные ряды каталож-

ных ящиков. Но что поразило, так это реакция сотрудников, которые нам показывали свои богатства. Когда я рассказал, что у нас в библиотеках выбрасывают каталожные блоки и каталожные карточки, они пришли в священный ужас: как выбрасывают?! Мы их реставрируем после потопа!

Эти карточки — сами по себе ценность, работа наших предшественников, как же можно их уничтожить?! А если компьютерный сбой? Вирус? Нет, мы храним все, что к нам попадает. В этом, если хотите, главная функция библиотеки, как хранилища культуры.

Итальянские библиотеки, как мы поняли, так же страдают от недостатка средств, внимания, малых зарплат и нехватки квалифицированных сотрудников, которые нужны библиотеке сегодня. И прежде всего — программистов, специалистов в информационных технологиях, компьютерных инженеров. Оцифрована лишь малая часть основных фондов, и потребуются еще годы и годы, чтобы хотя бы каталогизировать, не говоря уж о дигитализации шести миллионов единиц хранения, которое увеличивается на 60 тысяч документов в год.

Каждый год прибавляется 1300 метров библиотечных полок, и найти место для этих полок — тоже проблема.

По глубокому убеждению Луки Беллиньери, **национальная библиотека в первую очередь должна сохранять**, а уже во вторую и третью — предоставлять услуги, доступ, устраивать выставки, быть культурным центром и прочее.

Лука Беллиньери: Исторически в Италии так сложилось, что страна возникла из нескольких государств, и в каждом были свои центры культуры, в частности, библиотеки, в Риме, Милане, Неаполе, Венеции, Турине... В результате в Италии есть несколько важнейших библиотек и в каждой хранится множество важных изданий. Задача Национальной библиотеки заключается, во-первых, в сохранении фондов и, во-вторых, — в унификации и внедрении во все библиотеки Италии единых принципов каталогизации, обработки и описания, хранения и выдачи книг. Последние пятнадцать лет мы зани-

маемся оцифровкой фондов. Надо понимать, что это работа дорогостоящая и не быстрая; к тому же требует непрерывного перевода на новые носители и программы. Мы начали с оцифровки важнейших исторических документов — периодики, газет, журналов и древних манускриптов. Ведем оцифровку материалов Первой мировой войны.

Вестник Европы: Сейчас есть тенденция пересматривать традиционную роль библиотеки, продвигать их не как книгохранилища, в первую очередь, а как образовательный, культурный центр, центр общения...

Л.Б.: Не знаю. В Италии сложилась иное отношение к библиотекам. Оно очень разное; у нас часто все зависит от города, от региона, даже от коммуны. Бывает, что библиотека — это в первую очередь хранилище, ну и читальные залы, абонемент, система выдачи книг. Правда, некоторые библиотеки функционируют и как культурный центр. Это ведь зависит и от конкретных личностей. Я не думаю, что это универсально. Национальные библиотеки имеют свои, описанные в их уставах задачи, и первая и главная — сохранять, систематизировать, каталогизировать... Во Флоренции, где культуры так много на каждом шагу, библиотека занимает, скорее, свою традиционную роль.

В.Е.: А что Вы можете сказать о роли книги в современной жизни?

Л.Б.: В общем, мы видим, что роль книги снижается. Исследования показывают, что больше 50 процентов итальянцев не прочитали и одной книги за год. Наступает новая ситуация, возникает новая неграмотность. В Средние века большинство людей были неграмотны; знания сохранялись в монастырях, в церквях, ну и в среде высшей аристократии. Потом, после изобретения Гутенберга, возникновения книгопечатания — а Флоренция быстро стала одним из европейских центров книгоиздания — резко стало расти число грамотных людей. Но к моменту объединения 75 процентов

населения были неграмотными. В 1900 году было в среднем 40 процентов неграмотных! Хотя в разных регионах ситуация очень сильно отличалась. В Милане было 10 процентов неграмотных, а в Калабрии 90 процентов. До сих пор деревенская среда сильно отличается от городской. Юг Италии остался крестьянским и малообразованным. Там многие считают: зачем крестьянину учиться? Исторически вопрос образования детей зависит от их родителей и от политики властей.

В.Е.: Лора Гуэрра, вдова поэта Тонино Гуэрра, рассказывала, что его мать, Пенелопа родом из Романьи, из Сантарканджело, рядом с Римини, была неграмотной; продавала зелень, ставила крестики и нолики; он учил ее читать. А это были тридцатые годы. У нас в семидесятые годы прошлого века был, наверное, максимальный исторический охват населения систематическим чтением.

Л.Б.: В 20-е и 30-е годы в итальянских деревнях было открыто много школ, а в 60-е благодаря телевидению, с одной стороны, культура проникла глубже, но с другой — многие люди утратили привычку читать. В 50–60-е годы еще пытались обучать грамоте, культуре чтения через телевидение, но потом эти попытки сошли на нет. Можно даже сказать, что для широких слоев населения, которые только-только начинали приобщаться к книжной культуре, приход телевидения убил книгу. Но новый век принес новую неграмотность, эпоху визуальной культуры. Что будет дальше, не знаю, но вряд ли этот график вдруг изменится и пойдет в рост. Между людьми книги и людьми телевидения существует и расширяется огромная пропасть. Ну, а с приходом множества мигрантов, людей, не знающих итальянского языка, все только усложнилось и усугубилось. Рядом с Флоренцией есть древний город Прато; он был столицей местного ткачества. Теперь это центр китайской диаспоры; целые районы города стали китайскими. Никто не знает доподлинно, сколько китайцев там живет, легальных,

а больше нелегальных, как и бизнесов. В Прато одевают всю Европу. Недавно там построили великолепный музей современного искусства. Будем надеяться, что это поможет решить проблемы межкультурной коммуникации.

В.Е.: Как Вы стали библиотекарем?

Л.Б.: Это, наверное, судьба. Никаких драматических переломов в моей жизни не было. Я был и есть библиотекарь. И знаете — мне нравится эта профессия.

Перевод Станислава Усачева

Публикуем статью профессора Луки Беллиньери, написанную специально для итальянского номера «Вестника Европы».

МАЛЪЯБЕКИАНА — между прошлым и будущим

История современной Национальной центральной библиотеки Флоренции (Мальябекиана — как ее называют в городе) ведется с 1714 года. В тот год скончался Антонио Мальябеки (*Antonio Magliabechi*) (1633–1714), известный ученый и библиофил, утонченный знаток латыни, греческого и еврейского языков, библиотекарь Палатинской библиотеки, патроном которой был Козимо III де Медичи. Несколькими годами ранее, «для содействия исследованиям, добродетелям, наукам наряду с благочестием и историческим наследием», он решил завещать свою богатейшую частную библиотеку, в том числе около тридцать тысяч томов, «в интересах всего города, и, в частности, бедняков, священнослужителей и светского духовенства, неспособных покупать книги и учиться».

Завещание Мальябеки превратить свою частную коллекцию в публичную библиотеку было реализовано не сразу — из-за финансовых и прежде всего, организационных проблем. Тем не менее с 1736 года великий герцог Тосканский Джан Га-

стоне Медичи (*Grand Duke Gian Gastone*) и впоследствии герцог Франческо III, великий герцог Лорренский (*Francesco III, the first Grand Duke of Lorraine*), приняли ряд мер, которые в скором времени сделали библиотеку прекрасно действующей. В 1736 году великий герцог назначил Лоренцо Компарини (*Lorenzo Comparini*) библиотекарем и приказал составить каталог. Было принято положение, обязывающее всех издателей Флоренции доставлять печатную копию каждой публикации в Библиотеку. В подтверждение признания её общественного характера Библиотека была передана Верховному Магистрату, соответствующему институциональному члену Великого Герцогства, а через несколько лет, в 1743 году, согласно закону о депозите, обязательство по доставке каждой печатной копии распространилось на весь регион Великого герцогства Тосканского. 3 января 1747 года библиотека Мальябекиана была наконец открыта для публики в Уффици. Очень скоро два зала, которые Козимо III выделил библиотеке в Палаццо Веккьо, заполнились книгами. После классификации и каталогизации как печатных книг, так и манускриптов и рукописей, Библиотеке были выделены новые залы в Палаццо делла Догана, расположенные в Уффици.

Основная коллекция книг пополнялась благодаря подаркам частных коллекций бывших библиотекарей (Антонио Кокки и Джованни Тарджиони), а также другим частным пожертвованиям. Важнейшим для ее судьбы стало решение нового великого князя Пьетро Леопольдо (*Pietro Leopoldo*) — присоединить к Мальябекиане в 1771 году Палатинскую библиотеку (*Biblioteca Palatina Lotaringia*), располагавшуюся в Палаццо Питти и насчитывающую 12 тысяч печатных книг и 600 манускриптов. Впрочем, спустя несколько лет, в 1783 году, уже Библиотеке Флоренции пришлось передать древние манускрипты в старейшую Библиотеку Лауренциана (*Biblioteca Laurenziana*), тогда как в обмен она получила старые печатные издания.

В дальнейшем коллекции также продолжали расти — в связи с принятием нескольких положений об упразднении религиозных орденов. Во-первых, в 1773 году был упразднен орден иезуитов, а позднее и так называемые законы Лео-

польдини, которые в период с 1782 по 1785 год трагивали многочисленные религиозные ордена, мужские и женские монастыри, светские общины и объединения. Вскоре за ними последовали наполеоновские постановления и преобразования, которые не могли не коснуться библиотек и художественных коллекций. Между тем, в рамках реформ, вдохновленных Французской революцией, согласно двум законопроектам 1808 и 1810 годов, гильдии и монастыри были полностью упразднены (в том числе 450 общин — только в Тоскане). Наконец, уже в бурную эпоху Рисорджименто так называемые «законы о подрывной деятельности» (в частности, декрет от июля 1866 года), сразу же после объединения Италии лишили юридического статуса все ордена, гильдии, регулярные религиозные общины и монастыри, которые могли стать прибежищем религиозной мысли, и привели к конфискации их имущества и недвижимости с переводом в государственную собственность. Их книги попадали в Библиотеку.

Вслед за объединением Италии и провозглашением королевства (март 1861 года) Палатинская библиотека (*Biblioteca Palatina*), воссозданная в последней четверти XVIII века великим князем Пьетро Леопольдо (*Pietro Leopoldo*) и его сыном Фердинандо III, с коллекцией, содержащей более 85 тысяч томов и три тысячи рукописей и приобретенная новым государством после завершения истории Великого герцогства Тосканского, была передана библиотеке Флоренции, превратив ее, таким образом, в одну из важнейших национальных библиотек нового государства.

Среди множества острых политических проблем, с которыми пришлось столкнуться правительству объединенной Италии, в основном возникших из опыта Рисорджименто, и связанных, например, с согласованием законов, действовавших в некоторых государствах до объединения, проблема библиотек в первый период Итальянского королевства не рассматривалась как первоочередная. И только после того, как этот вопрос привлек внимание политиков и интеллектуалов, стремящихся превратить Италию в современную страну, способную конкурировать с ведущими европейскими го-

сударствами, тема развития библиотек оказалась в центре политико-культурных дебатов, давая рост целой серии общественных и законодательных инициатив.

Среди таких инициатив — первое постановление о «правительственных» библиотеках — было одобрено в ноябре 1869 года, согласно данным, предоставленным Комиссией надлежащих исследований, под председательством сенатора Чибрарио (*Cibrario*). Эта комиссия, с одной стороны, отказалась от создания головного института, который мог бы стать основой национальной библиотечной системы во имя «исторического полицентризма» Италии; а с другой — передала Национальной библиотеке Флоренции некоторые функции, подчеркивающие ее центральную роль и, в частности, обязательство по депонированию всех печатных изданий, вышедших на территории государства. Только в 1910 году по закону подобное обязательство было распространено также и на Национальную библиотеку Рима, основанную в 1875 году. Законом, утвержденным в октябре 1885 года, Флорентийская и Римская библиотеки получили название Центральной Национальной библиотеки, что отличало их от многих других итальянских библиотек. Кроме того, им была поручена работа по изданию Бюллетеня итальянских изданий, полученных на основании обязательных экземпляров (*Bollettino delle pubblicazioni italiane ricevute per diritto di stampa*), который впоследствии, в 1958 году, стал основой Национальной Итальянской Библиографии (BNI). Национальная библиография включает все итальянские печатные издания.

* * *

Такое увеличение объема решаемых задач и объема коллекций не могло не повлиять на существовавшую техническую структуру Библиотеки, которая с самого основания постоянно сталкивалась с нехваткой помещений. В период с конца XIX до начала XX века, во многом благодаря усилиям тогдашнего директора Библиотеки Десидеро Чилови (*Desiderio Chilovi*), вызрела идея переезда библиотеки в новое специальное здание, должным образом построенное и способное обеспечить пер-

© Фото: Виктор Ярошенко

спективы размещения развивающихся коллекций. После того как было определено самое подходящее месторасположение, недалеко от Санта-Кроче, и собраны необходимые средства, в 1902 году на проект был объявлен конкурс, который выиграл архитектор Баццани (*Bazzani*). Работы, начатые в 1911 году, были прерваны Первой мировой войной возобновлены только спустя годы; здание было закончено в 1935 году, и 30 октября того же года был открыт новый монументальный комплекс зданий библиотеки.

НАВОДНЕНИЕ

Место для библиотеки на набережной реки Арно выбрали как раз для того, чтобы гарантировать достаточное количество воды в случае пожара. Но именно эта близость к реке и стала причиной самого драматического события, когда-либо имевшего место в многовековой истории Библиотеки.

На рассвете 4 ноября 1966 года, после нескольких дней сильного ливня, река Арно вздулась, вода поднялась на несколько метров, вышла из берегов, и огромная масса воды, грязи, а затем нефти и экскрементов обрушилась на Библиотеку, уничтожив мебель, каталоги, офисы и, что самое страшное, коллекции, хранившиеся на первом этаже и в подвале здания. Последствия были разрушительными. Были повреждены серьезно или необратимо разрушены около 300 000 томов, в том числе старинных книг, 20 000 газет и 10 000 журналов (в общем, соответственно 400 000 и 60 000 томов, 400 000 единиц различных коллекций, 40 000 диссертаций, вся коллекция плакатов, не говоря уже обо всех перечнях и каталогах для пубрики, в общей сложности более 10 км карточек и более 24 км полок). Весть об этом событии дошла до самых отдаленных уголков мира. Благодаря участию и солидарности добровольцев, вскоре прибывших со всей Италии и из-за рубежа, и благодаря профессионализму бывшего директора библиотеки Эмануэле Касамассима (*Emanuele Casamassima*), чуть более чем через год Библиотека смогла начать работу. Она вновь, пусть и не полностью, бы-

ла открыта для публики. Постепенно значительная часть затопленного материала была восстановлена, во многом благодаря использованию абсолютно инновационных методов восстановления, которые ранее никогда не применялись. До сих пор около 36 000 единиц томов и различных коллекций хранятся в депозитах Библиотеки в ожидании полного восстановления.

СОВРЕМЕННОСТЬ

В настоящее время, благодаря закону 2008 года, Библиотека обладает полной научной, финансовой, организационной и бухгалтерской автономией, в дополнение к задачам, традиционно выполняемым в сотрудничестве с римским «близнецом». Это сбор опубликованных итальянских изданий, увеличение собственных коллекций, приобретение и документирование иностранных печатных изданий на итальянском языке, каталогизация, хранение и обеспечение доступа к коллекциям, распространение знаний о библиографическом наследии посредством публикаций, выставок и конференций, а также обеспечение сотрудничества и укрепления системы итальянских библиотек, развитие международного сотрудничества и предоставление научных консультаций.

Флорентийской библиотеке были доверены еще более сложные задачи, которые она уже выполняет, такие как реализация национальных библиографических услуг путем создания, координация и распространения Национальной библиографии Италии (*Italian National Bibliography*) (BNI); разработка новых национальных инструментов, таких как проведение исследований и экспериментов по совершенствованию библиографических и библиотечных услуг в связи с семантической каталогизацией. Еще более сложной задачей является сохранение цифровых ресурсов в течение длительного периода.

Тем временем, в связи с наступившим мировым кризисом, финансовые и человеческие ресурсы Библиотеки постепенно и неизбежно уменьшались, достигнув порога простого выживания. Если в 2000 го-

ду общий доход составлял около 5.600.000 евро, то в период между 2011 и 2015 годами он в среднем достигал 1.400.000 евро в год, при этом наибольшее падение в 2011 году составило 1.100.000 евро. Аналогичная ситуация связана с персоналом Библиотеки, штат которой сократился с 341 единицы, из которых 74 библиотекаря со средним возрастом около 40 лет в 2000 году, до 152 единицы и 40 библиотекарей со средним возрастом 58 лет в 2015 году. Большая проблема — хроническая нехватка пространства. Мы получаем и храним обязательные экземпляры всех изданий. Коллекции Библиотеки увеличиваются примерно на 60 000 наименований в год, что требует более 1300 метров новых полок. Благодаря дополнительному финансированию в размере около 15 миллионов евро стало возможным начать проект по перестройке военных казарм, которые будут предоставлены Библиотеке после завершения ремонтных работ. На какое-то время, может быть, станет просторнее.

Автор этой статьи руководит Дирекцией Института с ноября 2015 года, фокусируясь на основных институциональных задачах Библиотеки. Это прежде всего создание Итальянского национального архива изданий и предоставление документов, входящих в разряд культурных ценностей. Общественные запросы обеспечиваются предоставлением библиографических услуг высокого технического и научного уровня.

Национальная библиотеки Рима, а также некоторые другие библиотеки, отобранные по принципу научной специализации (Юридическая библиотека) или локализации сообщества (Европейская Библиотека Милана) используют принятый научный стандарт, позволяющий сократить сроки реализации Национальной библиографии и прежде

всего расширить ее охват, переходя от каталогизации текущих 8 000 к 20 000 наименований в год.

Публикация нового издания Предметного указателя (*Il Nuovo Soggettario*) намечена на начало 2018 года. Что же касается важнейшей задачи сохранения в течение долгого времени документальных ресурсов, как традиционных бумажных, так и иных информационных ресурсов, мы продолжаем реализацию проекта «Magazzini digitali». Этот проект начался несколько лет назад в сотрудничестве с Национальной библиотекой Рима и библиотекой Марчиана ди Венеция (*Marciana di Venezia*). Он основан на установке автоматической системы сбора информации для создания коллекции итальянских сайтов (начиная с сайтов культурных учреждений), представляющих интерес.

Возобновляются некоторые услуги для публики, закрытые в предыдущие годы из-за нехватки ресурсов. В частности, речь идет о собрании газет, хранящихся в Forte Belvedere, а также открытии читального зала музыкальных материалов. Этот проект находится в процессе реализации. Нашими специалистами продолжается процесс каталогизации изданий XVI века, оставшихся от Палатинской коллекции (около 10 000 единиц) и еврейских изданий XVI века, оцифровка всех принадлежащих Библиотеке еврейских рукописей; готовится публикация каталога инкунабул Библиотеки, а также рукописей коллекций, принадлежащих одному из упраздненных монастырей.

Я надеюсь, самые большие проблемы, по крайней мере в настоящий момент, будут преодолены, и это исторически важное культурное учреждение может смотреть в свое ближайшее будущее с оптимизмом.

Перевод Дарьи Усачевой

© «Вестник Европы»
© Перевод Станислава Усачева,
Дарьи Усачевой

Дантовское вдохновение в русской поэзии

Ольга СЕДАКОВА

*Oh quanto è corto il dire e come fioco
Al mio concetto!*

Par. XXXIII, 121-122

Мое сегодняшнее сообщение представляет собой расширенную и несколько измененную русскую версию итальянского текста «Ispirazione dantesca nella poesia russa», с которой я выступала на международных дантовских торжествах во Флоренции в 2006 году «Arte che genera arte» («Искусство, которое порождает искусство»).

Это название торжеств — счастливая находка. Оно как нельзя лучше отвечает динамическому миру Данте, в котором ничто не кончается собой, всё что-нибудь порождает, «причиняет» (и, в свою очередь, само чем-нибудь порождено); миру, где «каждая причина любит свое следствие и никогда его не забывает», сообщая ему свой

энергетический импульс. В этой перспективе, которая мне очень нравится, я веду речь. Я не собираюсь представить *modo accademico* картину «русского Данте», более или менее полную (впрочем, если бы я и захотела, я не смогла бы этого сделать). Я оставляю в стороне всю историю переводов, исследований и критических статей, которые в России посвящали великому флорентинцу. Их немало. Присутствие Данте в русской культуре-, и в современной русской культуре в том числе — значительно. При этом дантовское присутствие в России своеобразно. Я бы сказала, русский Данте — это скорее *предчувствие* Данте. Слишком мало еще известно о реальном Данте, то есть о Данте — авторе, тогда как *миф Данте* исчерпал себя, кажется, уже ко времени Александра Блока. Этот романтический миф был общим для всей Европы XIX века. Его составляющие можно перечислять по пальцам: тень «с профилем орлиным»- под темным капюшоном; любовь к неземной Беатриче; политическое изгнание; посещение зловещего загробья (для наших читателей и поэтов Данте остается по существу автором первой Кантики — *Ада*); «величие» Данте и крайняя «трудность» («темнота») его сочинений, его «суровость»-, его «мистика»... Кажется, это — все.

Вместе с этим мифом я оставляю в стороне и все русские стихи, посвященные Данте, которые основаны на его биографической легенде. Среди этих стихов есть прекрасные, особенно те, что посвящены Данте-изгнаннику. Русские поэты как бы примеряли на себя ностальгию Данте, его отказ вернуться в родной город ценой формального покаяния. Об этом пишут Блок, Ахматова, Заболоцкий и другие. Сюжет «поэт и его жестокая родина» слишком знаком русским поэтам, и у них есть что сказать по этому поводу. В этом повороте — не желающего вернуться изгнанника — видел собственную историю Иосиф Бродский.

Я не буду сегодня говорить и о том, как русская проза воспользовалась трехчастной структурой «Божественной комедии» (Ад — Чи-

стилице — Рай) как моделью для построения новых сюжетов. Самые известные примеры здесь — «Мертвые души» Гоголя, романы Андрея Белого, «В круге первом» Солженицына, «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева. Это отдельный разговор.

Моя сегодняшняя тема — не столько дантовское присутствие, сколько дантовское вдохновение в русской поэзии. Какое искусство порождает его искусство? Пушкин писал: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная». *Есть наука*, может быть, еще более занимательная и определенно более рискованная — следовать за вдохновением великой души, следовать этому пламени *в форме слов, in forma di parole* — словами самого Данте:

*Posa favilla gran fiamma seconda (Par.I, 34)
За малой искрой следует огромное пламя.*

Глагол «следовать» (*seguire*, «идти вслед», как Данте шел за Вергилием, и *secondare* «быть следствием», «рождаться из», как пламя из искры) обретает здесь другой смысл, другую интенсивность.

Боюсь, что современный художественный мир больше не знает этой радости следования великому образцу, следования огню чужого вдохновения:

Per te poeta fui, per te cristiano —

Благодаря тебе я стал поэтом, благодаря тебе — христианином, — как говорит потрясенный Стаций, когда узнает Вергилия (Purg. XXII, 73). Литературный мир современности знает только убогий «страх влияния». Художник Нового времени предпочитает «быть (или оставаться) самим собой» любой ценой. «Быть собой» — первый пункт его кредо. Но в случае Данте такое кредо не годится. Следовать Данте, следовать из Данте значит как раз не «быть собой» (то есть всеми силами сохранять status quo «себя самого»), а наоборот: быть готовым расстаться с собой, чтобы стать чем-то другим, еще неизвестным себе самому, более свободным и более умелым. Об этом рождении «себя другого», о *transumanare* и повествуют все три Кантики «Божественной комедии» Данте. Это история многоступенчатой инициации, или же многоступенчатого покаяния, которое свершается совсем всерьез и стоит крови. Принято думать, что художнику не до того: он, оставаясь собой («храня верность себе»), производит «произведения», «вещи искусства».

Я думаю, ни один другой европейский поэт двух прошедших тысячелетий не передает собратям по перу такую страсть к «искусству, которое порождает искусство», а не «предмет искусства», не «прекрасную (безупречную, совершенную) вещь»; к искусству, которое есть чистая энергия, восходящая по лестнице образов, смыслов и звуков. Что же из этого дантовского дара усвоила себе русская поэзия?

О.Мандельштам: «Русская поэзия развивалась так, как если бы Данте вообще не существовал. До сих пор мы еще не осознали вполне размеры этой катастрофы». Это суждение, несомненно, слишком сурово, но в нем есть доля истины. Можно понять Мандельштама: пережитая им встреча с «настоящим» Данте, «сырым», не сваренным и переваренным в переводах, с Данте, который обжигает слух и ум, — это настоящий шок, после которого поэт в растерянности оглядывает все, что в русской поэзии связано с именем Данте, и не находит ничего похожего. «Пушкин был единственным, кто подошел к порогу подлинного, зрелого понимания Данте». Удивительно, что Мандельштам не различает дантовской стихии в своем старшем современнике Александре Блоке, которого во многих отношениях можно было бы назвать «русским Данте». Нет, он видит в Блоке лишь следы «невежественного пиетета» перед Данте, то есть мифа XIX века. «Чтобы писать (о Данте) таким образом, необходимо прежде всего его никогда не читать». И все же, когда Мандельштам говорит о Блоке в годовщину его смерти, он, быть может, помимо воли, начинает свою речь с аллюзий *Новой Жизни* и кончает финалом *Комедии*: «Поэтическая культура рождается из желания предотвратить катастрофу, поставить ее в зависимость от центрального солнца всей системы, будь то любовь, о которой говорил Данте, или музыка, последнее слово Блока».

Данте Мандельштама и Данте Блока — два больших и совершенно разных *пламени*, которые *следуют* за *искрой* Данте. Но прежде чем говорить о них, скажу о других «дантовских событиях» в нашей поэзии.

Первым таким общезначимым событием был Данте Пушкина. То особое внимание, с которым Пушкин в 1830-е годы обращается к Данте, — еще одно свидетельство его «мгновенной уникальности». Современники Пушкина искали «итальянской гармонии», понимая ее совсем иначе: это была светская, сладостная и богатая,

чувственная и фантастическая словесная гармония Петрарки, Ариосто, Тассо, «язык Петрарки и любви». Благодаря поэтам-италофилам, учителям и друзьям Пушкина (К.Батюшкову в особенности) классическая русская версификация впитала в себя «звуки италийские». Эта гармония, можно сказать, в крови у стиха Золотого века и у самого золотого в нем — пушкинского стиха. Но где этой «итальянской гармонии» совсем нет, так это как раз в стихе *Божественной комедии*, в ее *rime aspre e sottili* («колючих и ранних созвучьях»). И Пушкин, при всей огромной удаленности его культурной ситуации от дантовской — вообще говоря, непреодолимой в его эпоху, — и вопреки «петрарковскому» вкусу своего времени, читает Данте с величайшим вниманием и пристрастием. Он читает итальянский оригинал:

*Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает.
На устах начатый стих
Недочитанный затих.
Дух далече улетает.*

(1829)

Три последних стиха, описывающие забытье, полны звуками имени Данте: Н — А — Т — Д — Е. Это анаграмма ДАНТЕ.

Пушкин создал образец «дантовского стиха» для русской поэзии. Каждый наш читатель, думая о Данте, в первую очередь вспоминает терцины Пушкина:

*В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.*

*Смирренная, одетая убого
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.*
(1830)

Энергия дантовского шага из строфы в строфу, сила «третьей рифмы» передана безупречно — но в пушкинской просодии Данте меняет тональность. Это другой тон — ровный, задумчивый, простой и возвышенный. Так говорит человек зрелый, богатый опытом,

умеющий благодарно вспоминать все, что было. Семантический пейзаж освещен мягким светом элегии, и это медлительное созерцание минувшего, благожелательное и меланхолическое, совершенно невозможно у Данте. Чего у Данте нет и быть не может, так это элегии и «светлой печали». У Пушкина же, напротив, непредставим яростный дантовский голод по Новому, Будущему, Необычайному, Справедливому. Быть может, в этом контрасте отражается и более общее различие «тональности» двух христианских традиций: западной, католической — и православной.

Ямб пушкинских терцин стал ритмическим образцом для классического перевода *Божественной комедии*, выполненного М.Лозинским. Еще прежде этот ямб — в роли дантовского ритма — мы встретим у Блока (см. его «адские» терцины «*День догорал...*»). Но именно этому плавному и проясненному звучанию объявит войну Мандельштам.

Другим «дантовским» событием в России — точнее, целой вереницей событий — стал Серебряный век, эпоха русского символизма. Эта эпоха была несравненно лучше подготовлена к тому, чтобы читать и осознавать Данте в его реальном историческом контексте. Корни Данте, почти неизвестные в пушкинское время: Аристотель, Ареопагит, томистское богословие, средневековая мистика, схоластика — в это время обсуждаются именно в связи с Данте. Владимир Соловьев, Вяч. Иванов, В.Брюсов, К.Бальмонт, Дм. Мережковский, Эллис, Б.Зайцев, о. Павел Флоренский... Дух Софии, Премудрости Божией, Вечной Женственности витает над эпохой. Владимир Соловьев вызвал этот дух, Блок сделал его предметом своего артистического служения. Беатриче — близко.

Теперь Данте воспринимается прежде всего как высший образец вдохновения. Анна Ахматова, читавшая Данте в оригинале (так же как Пушкин и Мандельштам) узнаёт в своей музе музу Данте:

*Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».*

И вновь: Муза Ада! (Данте, как мы помним, в каждой Кантике призывает на помощь разные языческие божества: Муз — в Аду; Муз и Каллиопу — в Чистилище; самого Аполлона — в Раю). В шутку (но, может быть, и не совсем в шутку) Ахматова изображает саму себя саму в образе Беатриче, которая впервые «заговорила», то есть стала поэтом:

*Могла ли Биче, словно Дант, творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить:
Но Боже, как их замолчать заставить?*

Голос Музы Ада (в пушкинской, то есть эпически и элегически отстраненной редакции) звучит в зрелой поэзии Ахматовой. Это голос поэта, лично вовлеченного во всеобщую историю человечества, голос скорби, гнева и того чувства, которое мы, вероятно, напрасно будем искать у Данте: чувства соучастия в чужом и общем грехе.

*О Боже! за себя я все могу простить.
Но лучше б ястребом ягненка мне когтить
Или змеей уснувших жалить в поле,
Чем человеком быть, и видеть поневоле,
Что люди делают, и сквозь тлетворный
срам
Не сметь поднять глаза к высоким
небесам.*

Муза, которая диктовала страницы Ада, диктует и Поэму без героя. Рваное, улетающее пространство поэмы —

И поэмы смертный полет,

в котором проносятся тени умерших друзей ахматовской юности (и все они при этом — ряженые), кажется каким-то особым отсеком подземного царства, куда Данте не успел заглянуть. Оно похоже на странную смесь Первого (античный Элизий) и Второго кругов («невоздержанные») Ада. Как если бы в дантовском Лимбе поднялся вихрь, который носит Паоло и Франческу, захватил Гомера, Марциала и всех участников мировой легенды. Но это Ад любимый

и взывающий к сочувствию (ср. похожий образ «родного Содома» в «Жене Лота»).

Стоит отметить еще один неожиданный дантовский эпизод в русской поэзии этой эпохи: ранний Маяковский, Маяковский до-революционных поэм. Признаюсь, если бы не подсказка французского исследователя, связь Данте — Маяковский не пришла бы мне в голову. Слишком велика мировоззренческая дистанция между ними, слишком маловероятно, чтобы Маяковский всерьез читал Данте. Впрочем, воздух эпохи был полон Данте, а Маяковский принадлежал к тому роду поэтов, которым вовсе не требуется изучать оригиналы. То, что им нужно, они берут из этого воздуха и «конфискуют». И тем не менее: космический размах сюжета (любовного сюжета в том числе), библейская подкладка, гротескные метафоры, гиперболы, стилистические скачки, репортерская спешка изложения, редкая страсть к детали, почти садистская пристальность в описании физических страданий... И главное, этот тон, этот ритм, который куда ближе передал бы дантовские *time aspre*, чем полированный классицистический стих и музейный слог Лозинского. После долгого перерыва дантовское звуковое пламя вновь — на прощание — загудело в последних стихах Маяковского:

*Я знаю силу слов, я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут ложь.
От слов таких срываются гробá
Шагать четверкою своих дубовых ножек.*

Вот так — «во весь голос» — и нужно было бы переводить Ад. Впрочем, нельзя сразу же не отметить, что мысль, образ и слово Маяковского, в контраст фантастической точности Данте, почти всегда не сфокусированы — и промахиваются, как в приведенных стихах. Военный аналог письма Данте — стрельба из лука (или же — новейшая техника точечного удара); Маяковский шпарит из пулемета:

*В гуцу
Бегущим
Бей, парабеллум!*

И наконец мы подошли к двум главным героям нашего рассказа — к Блоку и Мандельштаму.

Блоковский Данте вырос в колыбели символизма, в атмосфере «новой духовности» с ее культом художника-демиурга и опьянением мировой культурой. Блок не читал по-итальянски (или читал мало), и его дантовская интуиция питается из другого источника.

В последние годы жизни Блок постоянно возвращался к мысли о том, чтобы подготовить новое издание своих юношеских *Стихов о Прекрасной Даме*. В этом новом издании стихи должен был бы сопровождать комментарий в прозе, отрывки, взятые из дневников Блока. Так Блок собирался вынести на свет изначальный замысел своей ранней и любимой книги, задуманной как своего рода *Новая Жизнь*, рассказ об опыте посвящения, о мистической инициации. И так же как у Данте рядом с Беатриче есть другой женский образ — любимая и вероломная Флоренция, так и у Блока есть «Русь моя, жена моя». Родство Данте и Блока удивительно, и это родство не собственно литературное. Человеческая жизнь, понятая как путь, как библейский образ «пути нашей жизни», *il cammin di nostra vita*, с которого начинается «Божественная комедия», — сквозной символ Блока. Уже в самом начале этого пути, с момента первой и роковой встречи с некоей *Прекрасной Дамой, Госпожой*, посланной с небес, «чудом новым и благородным», словами юного Данте, оба поэта переживают необычайно сильное предчувствие приближения Нового Века и сознание собственной избранности для какого-то особого служения, опыт радостного страдания или страдальческой радости, падения и спасения — причем спасения не личного, а всеобщего. Различия между ними при этом не менее остры. *Прекрасная Дамы* Блока с самого начала несет в себе нечто смутное и сомнительное, в ней есть какая-то призрачность и едва ли не обратничество:

Но страшно мне: изменишь облик Ты.

Такая «проводница» не может привести своего паладина к белоснежной Таинственной Розе (*candida Rosa Mistica*), которую составляют «святые стражники» (*milizia santa*) Рая (Par. XXXI, 1-2). Она приводит его к «белому венчику из роз», к отряду революционных громил, «святой злобе» *Двенадцати*.

В случае Блока спасительную силу несет в себе, скорее, другая любовь — мучительный, но полный надежды образ России, «святой грешницы». Как почти все русские поэты (за исключением Вяч. Иванова и Эллиса), Блок знает в Данте только Ад. «Искусство есть Ад, — писал Блок еще в 1910 году. — По его бессчетным кругам может пройти, не погибнув, только тот, у кого есть спутник, учитель и руководительная мечта о Той, которая проведет туда, куда не смеет войти и учитель». Мужественное восхождение *Чистилища*, преображение *Рая* ему как будто незнакомы. Но в музыке его поздней поэмы *Возмездие*, в его своего рода *Carmen secularis* можно услышать голос Данте, уже выходящего из Ада: Данте, *верного надежде*. Я прочту вам стихи, которые, на мой взгляд, более всего в русской поэзии несут на себе печать дантовской энергии, «жар души и хлад ума». Латинскому субстрату, который как бы держит в уме народный итальянский язык Данте и который сообщает его слову особый вес, в торжественной просодии Блока соответствует стихия церковнославянского языка. Это не цитаты из церковнославянского, а своего рода *семантические* славянизмы. Интересная подробность: в этих стихах Блок просит благословения не у своей Дамы и не у Музы (Музы «проклятого поэта», как он ее изображает), но у Богородицы. При этом он может именовать Ее только перифрастически («Ты, поразившая Денницу») — как если бы все происходило в Аду, где, как мы помним по Данте, не позволено произносить святые имена.

*Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.*

Над нами сумрак неминуемый
Иль ясность Божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет — поймешь, где тьма.
Пускай же все пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
<... >
Но песня — песнью все пребудет,
В толпе всё кто-нибудь поёт.
Вот — голову его на блюде
Царю плясунья подает;
Там — он на эшафоте черном
Слагает голову свою;
Здесь — именем клеймят позорным
Его стихи... И я пою, —
Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста!..
Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни
Пройду росистую между,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.

Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страничку
Из книги жизни повернуть.
<... >
Так бей, не знай отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издадека —
Дроби, мой гневный ямб, камня!
1910–1916

И последний дантовский случай в русской поэзии, о котором я бы хотела вкратце ска-

зать, — это настоящий взрыв Данте: Осип Мандельштам. Все, что дорого в Данте Блоку, ничего не значит для Мандельштама. Он решительно отодвигает в сторону все богословские, этические, исторические, политические, биографические темы, всю академическую традицию дантологии. Ему нужно другое: сама плоть «Божественной комедии», ее «дикое мясо», ее непространственная, «антикульптурная» структура, ее «формообразующий порыв». Сражаясь за «другого Данте» против «школьного Данте» и «обывательского Данте», Мандельштам защищает честь поэзии как особого рода смысла — и особого рода человеческого существования: существования в области чуда и катастрофы. Он хочет снять с «поэтической материи, самой точной из всех материй, самой пророческой и неукротимой» позор зачисления ее по ведомству «культуры, то есть внешнего приличия». Данте Мандельштама существует в будущем, там, где место всех поэтов. Здесь, у нас их еще нет. Мы можем только «радостно предчувствовать» их.

Разговор о Данте Мандельштама стал мировым событием. Поэт увидел Данте, прочувствовал Данте настолько неожиданно, что многие решили: разговор этот Мандельштам ведет не о Данте, а о себе самом. Так оно и есть, это и в самом деле разговор о последних стихах Мандельштама о его трагической судьбе... Однако сама новизна этих стихов, сам их симфонизм — результат следования Данте. В это новое пламя разгорелась дантовская искра. На месте готовых смыслов нас встречает то высокое значение, которое само строит себя по ходу речи и несоизмеримо с пересказом; которое не копирует, но «разыгрывает» Вселенную, язык и историю рода человеческого в ее апокалиптическом развороте. Смелость этого мандельштамовского «неодантизма» остается непревзойденной и в наши дни. Здесь дантовское вдохновение, на мой взгляд, отзывается с предельной интенсивностью. Это строфы из «Стихов о неизвестном солдате».

<... >
Сквозь эфир десятично-означенный
Свет размолотых в луч скоростей
Начинает число, опрозраченный
Светлой болью и молью нулей.

И за полем полей поле новое
Треугольным летит журавлем,
Весть летит светопыльной обновой,
И от битвы вчерашней светло.

Весть летит светопыльной обновой:
Я не Лейпциг, я не Ватерлоо,
Я не «Битва Народов», я новое,
От меня будет свету светло.

<... >
Хорошо умирает пехота
И поет хорошо хор ночной
Над улыбкой приплюснутой Швейка
И над птичьим копьем Дон Кихота
И над рыцарской птичкой плюсной.

И дружит с человеком калека —
Им обоим найдется работа,
И стучит по окраинам века
Костылей деревянных семейка, —
Эй, товарищество, шар земной!

<... >
Ясность ясеневая, зоркость яворовая
Чуть-чуть красная мчится в свой дом,
Словно обмороками затоваривая
Оба неба с их мутным огнем.

Нам союзно лишь то, что избыточно,
Впереди не провал, а промёр,
И бороться за воздух прожиточный —
Эта слава другим не в пример.

И сознание свое затоваривая
Полубморочным бытием,
Я ль без выбора пью это варево,
Свою голову ем под огнем?

<... >
Наливаются кровью аорты
И ползет по рядам шепотком:
— Я рожден в девяносто четвертом, —
— я рожден в девяносто втором...
И в кулак зажимая истертый
Год рожденья — с гурьбой и гуртом
Я шепчу обескровленным ртом:
— Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году — и столетья
Окружают меня огнем.

Итак, вспомнив все эти стихи русских поэтов, вдохновленные Дантом и вдохновляющие нас, остается спросить: чего же недостает нам в русском Данте? Ответ будет очень простым: того же, чего недостает в Данте всей нашей современности, — недостает того Данте, который все-таки вышел из Ада! У меня недостает времени, чтобы раскрыть этот простой тезис.

2006–2015

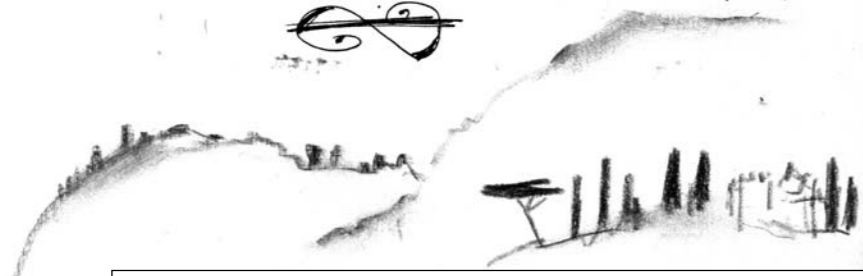
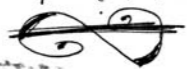
© Ольга Седакова

Данте на всех усо-
брашенных огнях за-
думливо-злой. И я
его понимаю. Усо-
брашение это у
Santa Croce очень
удачное. Досадно,
но посмотрев на
эти толпы ту-
ристов: из них
нигде не
смотрим на Данте;
и Данте уверяет
нас в обратном.

TIME
18.01
TIME

Тюль Флоренция → Рим. Чудом оказалось свободное место в
вагоне с кондиционером. (Кто-то занял место и не пришел).

© Рисунок Валерия Сировского

Дантовский Рай — это лишь большой небесный театр,
«тень блаженного царства» (Par. I, 23)¹ и воедино
собранные знаки «истинного царства» (Par. XXX, 98).
Настоящий Рай, обитель Бога, ангелов и святых —
в Эмпирее, чисто умозрительной световой сфере,
находящейся «за пределами» девяти материальных небес.
Когда Данте и Беатриче достигают этой сферы, Беатриче
описывает ее следующими словами:

Знаки, звуки, свет: поэзия Рая

Джузеппе ЛЕДДА

<...> «Мы вышли наружу
из наибольшего тела в небо, которое есть
чистый свет:
свет умозрительный, полный любви;
любви к истинному благу, полной радости;
радости, превосходящей любую усладу.
Здесь ты увидишь оба райских воинства,
и одно из них — в том облике,
в котором ты увидишь его на Страшном
суде».
(«Рай», Песнь XXX, 38–45)

Данте, однако, пока еще смертен, а потому
не может умозрительно познавать отдельные
от материи сущности чисто духовных объек-
тов, таких, как Бог, ангелы и святые. Челове-
ческое познание, как учит философия Аристо-
теля, возможно лишь благодаря «внешним чув-
ствам». Только пройдя через органы внешних
чувств, воспринятые сведения о мире могут
быть познаны разумом посредством «внутрен-
них чувств». Об этом философском принципе
напоминает нам Беатриче еще в первой сфе-
ре — небе Луны:

Так следует говорить с вашим разумом,
ибо только через чувственное восприятие
он постигает
то, что потом становится достойно
познания.
(Песнь IV, 40–42)

Именно поэтому, как объясняет Беатриче,
души святых, нарушивших при жизни свои мо-
нашеские обеты — в частности, Пиккарда До-
нати и Констанция д'Альтавилла — спустились
навстречу Данте в небо Луны. Они сделали это
не потому, что небо — теперь их вечная оби-
тель (ведь они, как и все остальные святые, пре-
бывают в Эмпирее), а для того, чтобы показать
смертному человеку через доступные чувствам
знаки, что они занимают наименее высокое по-
ложение в небесной иерархии:

Они показались здесь не потому,
что эта сфера предназначена им, но чтобы
явить знак
занимаемой ими нижней ступени
в духовной сфере (Эмпирее).
(Песнь IV, 37–39).

Но на самом-то деле все души святых пре-
бывают в Эмпирее, и различия между степеня-
ми их блаженства, обусловленные их разным
поведением на Земле, чисто внутренние и ду-
ховные:

но все украшают собой высшее небо,
и сладость их жизни различна в том,
что одни воспринимают вечный (Святой)
дух в большей, а другие — в меньшей
степени.
(Песнь IV, 34–36)

Итак, чтобы снизить к ограниченным способностям Данте, души святых спускаются из Эмпирея — каждая в ту из семи планетных сфер, под чьим влиянием более всего находилась в своей земной жизни. Здесь мы имеем дело со сложной системой соответствий, в рамках которой реализуется идея средневековой астрологии о том, что характеры людей определяются влияющими на них планетами.

Райская кантика начинается с торжественной речи о Боге как о начале и конце всего сущего, а затем, уже со второй трети, вводится великая тема невыразимости через реминисценцию из апостола Павла, который, будучи в Раю, услышал слова, что человек не может повторить: «неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12, 2–4). Невыразимость пронизывает также сцены в Эмпирее — в небе, где более чем в каком-либо ином, сосредоточен божественный свет:

*Слава того, кто движет всем,
проникает насквозь всю вселенную
и отражается
в одной ее части больше, в других —
меньше.
В небе, где собрано больше всего ее света,
я побывал и увидел вещи, пересказать
которые
не умеет и не может тот, кто спускается
с тех высот.
(Песнь I, 1–16)*

После этого великого пролога в первой песни «Рая» начинается описание основного действия — вознесения Данте и Беатриче на небеса. Они находятся на вершине горы земного Рая, когда Беатриче вдруг вперяет взор в солнце сильнее, чем любой орел: идеальный пример подобной зрительной способности из животного мира:

*когда я увидел, как Беатриче
поворачивается влево и смотрит на солнце —*

*ни один орел никогда не вперялся в него так
взором.
(Песнь I, 46–48)*

Данте пробует последовать ее примеру, но очень скоро вынужден сдаться. Зато он может устремить взор на глаза Беатриче, которые, в свою очередь, по-прежнему сосредоточены на солнце — очевидном символе божественного света:

*Беатриче была вся погружена взором
в вечные сферы; и я в нее
вперил взгляд, отведя его от высот.
(Песнь I, 64–66)*

Таким образом, здесь мы имеем треугольную траекторию взглядов: Данте воспринимает свет солнца опосредованно, через его отражение в глазах Беатриче. С этого опосредованного света, превышающего возможности человеческого существа, и начинается вознесение Данте на небо. Здесь обретает совершенную законченность образ Беатриче, который Данте начал строить еще в «Новой жизни», изображая в ней человеческую красоту, отражающую в себе божественную красоту и способную привести влюбленного к источнику этой отраженной красоты — к Богу. Апостол Павел утверждал, что не знает, был ли он восхищен на небо в теле или вне тела, и приписывал одному лишь Богу знание об этом («не знаю — в теле или вне тела: Бог знает»). Данте в одной-единственной трети заявляет о том, что он — новый Павел, который при жизни удостоен посещения Рая, и утверждает, что Бог, отраженный во взгляде Беатриче, вознес его на небеса:

*Была ли это только та часть меня,
которую ты создала последней, о любовь,
правлящая небом,
знаешь только ты, вознесшая меня
ввысь твоим светом.
(Песнь I, 73–75)*

Восходя в Рай, Данте попадает в Эмпирей не сразу, а лишь по мере подъема от неба к небу, через девять материальных сфер средневекового космоса. Но, еще до того как прибыть в небо Луны, небесные странники пересекают сферу огня:

*Когда вращение сфер — которое ты
делаешь вечным,
благодаря желанию, с каким
они стремятся к тебе — привлекло меня
гармоничными звуками, которые ты
сводишь воедино и разводишь,
столь огромная часть неба показалась мне
воспламененной
огнем солнца, что ни из-за дождя, ни из-за
реки
никогда не разливалось такое озеро.
(Песнь I, 76–81)*

Здесь к видам ярчайшего света прибавляются также картины звуков: Данте захвачен таинственной музыкой, производимой вращением небесных сфер. Эти необычайные феномены, воспринятые путником, разжигают в нем острейшее желание познать их причину, то есть самого Бога:

*Новизна звука и великий свет
разожгли во мне такое желание познать их
причину,
Острее которого я никогда не испытывал.
(Песнь I, 82–84)*

В небе Луны Данте встречает души святых, что при жизни нарушили свои обеты и теперь являются ему в самом низком и медленно движущемся небе, показывая ему свое невысокое положение среди других святых. Но Пиккарда объясняет, что в состоянии вечного блаженства воля святых идеально совпадает с волей Божьей: «E 'n la sua volontade è nostra pace» — И в его воле мы обретаем мир (Par. III, 85).

По окончании речи Пиккарды открываются еще одна важная структурная особенность «Рая» — молитвы и гимны святых. В соответствии с литургическим первенством Девы Марии и ее главной ролью среди образцов добродетели в «Чистилище», первая молитва, которую затягивают святые, «Богородице Дево, радуйся» на устах у Пиккарды:

*Так она сказала мне, а потом начала петь
«Аве, Мария», и с песней растворилась,
как тяжелая вещь в глубокой воде.
Мой взгляд, который следил за ней столько,
Сколько было возможно, потеряв ее,
Обратился к цели более сильного желания.
(Песнь III, 121–126)*

Пиккарда затягивает молитву в момент ухода, исчезая с глаз Данте. Пока что ни у Данте-персонажа, ни у автора нет никакой приметы, по которой можно было бы догадаться, куда ушла Пиккарда: святые появились в небе Луны неожиданно, так что нельзя было понять, откуда они возникли, а теперь Пиккарда исчезает так же бесследно. Поэтому Беатриче должна объяснить Данте и читателям, что святые всегда находятся в Эмпирее и спускаются в отдельные сферы лишь для того, чтобы выйти навстречу Данте, а затем, показавшись ему и поговорив с ним, возвращаются обратно в Эмпирей.

Еще более типичен для «Рая» второй вариант зрительного «поражения», когда героя ослепляет непереносимый божественный свет, отраженный в святых и ангелах. В особенности Беатриче, поднимаясь от неба к небу и приближаясь к Богу, сверкает все ярче и ярче, и это сияние превышает зрительные способности Данте. Это явление упоминается, начиная с подъема во второе небо, и потом повторяется еще много раз:

*«Если я пламенею перед тобой жаром любви
ярче, чем любое сияние, видимое на земле,*

*так, что превышаю твою зрительную
способность,
не изумляйся: ведь это происходит
от совершенства зрения, которое, чем
больше блага усваивает,
тем глубже погружается в него.
Я хорошо вижу, как отражается
в твоём разуме вечный свет,
который, когда его видишь, всегда
возжигает любовь к себе.
(Песнь V, 1–9).*

Так, от неба к небу, героя возносит божественный свет, отражающийся в глазах Беатриче, а в отдельных небесах ему являются различные святые. Первые три неба все еще достигает тень конуса Земли, поэтому в них Данте встречает святых, которые творили добро, но на нем все же оставалась какая-то тень. После тех, кто нарушал свои обеты, в небе Меркурия ему являются души людей, при жизни стремившихся к славе и чести, а в небе Венеры — души любивших земной любовью. До последующих четырех небес тень Земли уже не доходит, и Данте встречает там святых, которые воплотили на самом высоком уровне в своей христианской жизни четыре главных добродетели: мудрецы являются ему в сфере Солнца, сражавшиеся за веру — в небе Марса, справедливые — в небе Юпитера, созерцатели — в небе Сатурна.

Музыкальная тема, возвещенная начальным образом гармонии сфер и начавшаяся с пения Пиккарды «Аве, Мария», постоянно возобновляется в каждом отдельном небе. Неудивительно, что самый интенсивный музыкальный эпизод происходит в небе Марса, центральном в системе девяти материальных сфер и традиционно ассоциирующемся с музыкой. Здесь, после хороводов сферы Солнца, новая сцена открывается следующим священным знаменем: в красноватом свете Марса души собираются в фигуру креста, описание которого прерывается еще одним вариантом топоса

невыразимости. Заявление о невыразимости, однако, кончается обращением к читателю, а поражение поэта оборачивается воззванием к христианским добродетелям и обещанием будущей славы тем, кто берет свой крест и следует за Христом:

*Здесь возможности моей памяти
превышают мою творческую способность:
ибо в этом кресте сверкал Христос,
так, что я не могу найти достойного
сравнения;
но тот, кто берет крест свой и следует
за Христом,
простит меня за то, что я опускаю (в
своем рассказе),
когда увидит, как Христос подыхает
в этой белизне.
(Песнь XIV, 103–108)*

Глубоко христологический характер этого эпизода и этого обращения к читателю подчеркивается также тройной рифмой «Cristo — Cristo — Cristo» («Христос — Христос — Христос»), уже во второй раз звучащей в поэме.

От сияющего креста, образованного святыми, поднимается пение, непонятное для главного героя, который восхищен сладостью мелодии, но не может разобрать слов:

*И, как жига и арфа гармоничным
напряжением
многих струн производят звон,
сладостный и для тех, кто не разбирает
нот,
так от сияний, представших мне там,
собиралась вдоль креста единая мелодия,
восхищавшая мой дух, хоть я и не разумел
слов гимна.
(Песнь XIV, 118–123)*

Пусть Данте и «не понимает слов гимна», он, однако, различает в нем два повторяющихся слова: «Resurgi» (Ты воскресаешь) и «Vinci» (Ты побеждаешь), в стихах 124–126. Хоть че-

ловеческому пониманию и недоступно это пение во всей его полноте, ясно, что это хвала высшему таинству — Воскресению Христа. Музыкальные инструменты фигурируют здесь в сравнении: жига и арфа, посредством идеальной гармонии своих струн, рожают единую мелодию, сладостную даже для тех, кто не в состоянии различить отдельные ноты.

Следующая песнь также начинается с музыкального образа: святые, образующие фигуру креста, метафорически описываются как «лира» со «святыми струнами», на которой играет Бог:

*[Благая воля] призвала к молчанию эту
сладостную лиру
и успокоила святые струны,
которые десница неба ослабляет
или натягивает [по своему желанию].
(Песнь XV 4–6)*

Это еще один, на сей раз музыкальный вариант великой райской темы совершенного соответствия воли святых воле Божьей.

Прибыв в Эмпирей, Данте обретает возможность видеть всех святых, устремляющих свои взоры к божественному источнику света и созерцающих в нем Господни тайны. Таким образом, свет Святой Троицы отражается и сияет в их глазах, как одна звезда, и утоляет целиком их желание познания:

*В этом беспечальном и ликующем царстве,
заселенном людьми Ветхого и Нового
Завета,
взоры и любовь были направлены к одной
общей цели.*

*О, тройственный свет, что, искрсясь
единой звездой
в их очах, так утоляет их желание!
(Песнь XXXI, 25–29)*

К последнему видению Данте ведет новый проводник, занявший место Беатриче. По-

сле того как герой обозрел собрание святых в Эмпирее, он вновь поворачивается к своей донне, но вместо святой спутницы видит «старца, облаченного в одежду славы» (Par. XXXI, 59–60). Этот величественный старец сразу же успокаивает Данте, взволнованного исчезновением Беатриче, и объясняет, что послан сюда именно ею, чтобы помочь ему завершить его загробное странствие: «Для того, чтобы ты довел до конца <...> твой путь» (стихи 94–96). Роль нового персонажа заключается в том, чтобы сопровождать Данте на пути созерцания Эмпирей, которое должно подготовить его к высшей ступени созерцания. И, как бы гарантируя Данте возможность успеха в этом деле, таинственный «старец» прибавляет, что он уверен в поддержке Царицы Небесной, которая должна даровать все свои милости Данте и его спутнику, ибо сам он не кто иной, как «ее верный Бернард» (стих 102). Только тут открывается, загадка этого персонажа. Речь идет о Бернаре Клервоском — одном из самых важных представителей средневековой Церкви, известном как знаток созерцания и мистического богословия, а также как маррианский (т.е. богородичный — *К.Л.*) теолог и красноречивейший оратор. Бернар сразу же призывает Данте поднять взор и обозреть розу святых, вплоть до высшего ее круга, чтобы увидеть «царицу, которой послушно и предано это царство» (стихи 116 - 117). Эпизод, посвященный Деве Марии, особенно торжествен; святой весь украшается и сияет светом Марии:

*Так я еще раз прибежну к наставничеству
того, кто был украшен Марией,
как светом солнца — утренняя звезда.
(Песнь XXXII, 106–108)*

После того как Данте прошел подготовку через созерцание Девы Марии, Бернар может наконец призвать поэта смотреть напрямую на божественный свет:

*и устремим наш взгляд на первую любовь
[Бога],
так, чтобы, глядя на него, ты проник
[взором],
насколько это возможно, в его свет.
(Песнь XXXII, 142–144)*

Но этого все еще недостаточно. Мало последовательного «воспитания» взгляда: Бернар еще должен привести Данте к осознанию человеческой ограниченности и неизбежности краха в случае, если бы герой пожелал достичь высшего знания и счастья, полагаясь только на свои силы. Его цель может быть достигнута лишь с Божьей помощью. Таким образом, для обретения этой благодати необходимо вознести молитву, и молитва эта должна быть обращена к Деве Марии — «той, что может помочь тебе» (стих 148).

Итак, к Марии взывают в самом конце, чтобы Данте мог завершить свой путь, но следует помнить, что именно Мария первой, по своей милосердной заботе, привела в ход ту цепочку «благословенных жен», которая в итоге сподвигла Вергилия помочь Данте, заблудившемуся между лесом и холмом и к тому моменту уже почти безвозвратно отнесенному к чаще (Inf. [Ад] II, 94–96).

В молитве Бернара можно выделить три момента, типичных для античной молитвы в ее христианском варианте: воззвание, хвалебное перечисление добродетелей божества (так называемая «eulogia») и, наконец, «supplicatio», то есть обращенные к нему просьбы. Первая терцина, хоть и является обращением, на самом деле уже выражает хвалу Марии самым возвышенным и изысканным способом. «Eulogia», таким образом, включает в себя первые семь терцин песни, первая из которых затрагивает недоступные человеку тайны Воплощения и содержит противопоставления, оксюмороны и парадоксы материнства Девы:

*«О Дева-Мать, дочь своего сына,
смирнее и выше любого творения,*

*предел, положенный вечным советом».
(Песнь XXXIII, 1–6)*

Все эти мотивы часто используются в марианской (богородичной — К. Л.) теологии и гимнах, чтобы показать, как логика, наука и человеческий рассудок терпят поражение перед лицом высших божественных тайн. Таким образом, начало песни совпадает с ее завершением, где — для того чтобы продемонстрировать невозможность постичь таинственное сопричастие человеческого образа в божественном круге — упоминается одна из самых известных неразрешимых в науке проблем — расчет квадратуры круга.

Оксюморонная природа Марии раскрывается и во втором стихе, в том же аспекте, в каком она выступает главным примером добродетели в Чистилище: «смирнее и выше любого творения». Мария — высший образец смирения, а в этической перспективе христианства смирение — единственная добродетель, позволяющая подняться к высотам. Поэтому, будучи самой смиренной из творений, она вместе с тем и выше всех. Из-за этого высшего смирения и соответствующей высоты в добродетели, Мария и была избрана вечной божественной волей, как «предел, положенный вечным советом».

Необычайная смысловая концентрация первой терцины несколько разбавляется во второй и в третьей, где уже более широко звучат темы Воплощения и Искупления:

*«Ты та, что так облагородила
человеческую природу, что ее создатель
не погнушался стать ее созданием.
Во чреве твоём разгорелась любовь,
от жара которой в вечном покое
так распустился этот цветок».
(Песнь XXXIII, 4–9)*

После первых трех терцин, посвященных исторической роли Девы Марии в тайне Воплощения, Бернар переходит к восхвале-

нию Мадонны за то, что ныне она обладает исключительными правами как Царица Небесная и ориентир для людей в земной жизни:

*«Здесь ты для нас полуденный светоч
милосердной любви, а внизу, среди
смертных,
ты живой источник надежды.
Госпожа, ты обладаешь таким величием
и такой силой,
что хочешь обрести благодать,
не обращаясь к тебе, —
значит думать, что желание взлетит
в воздух без крыльев».
(Песнь XXXIII, 10–15)*

Сила Марии необходима человеку. Без ее заступничества нельзя добиться благодати, помогающей выполнять самые высокие и самые глубокие желания. И доброта Девы Марии по отношению к человечеству такова, что она не только помогает тем, кто обращается к ней, но и часто предупреждает своим щедрым вмешательством просьбу человека, закрытого в своей гордости и неспособного попросить о помощи:

*«Твое благоволение помогает
не только просящему, но и не раз
бескорыстно предшествует самой просьбе».
(Песнь XXXIII, 16–18)*

Именно такое сострадательное и бескорыстное вмешательство Девы Марии спасло и самого Данте от гибели в лесу.

Хвала Деве Марии триумфально завершается терциной, описывающей Ее добродетели, теперь в качестве вечной помощницы человеческого рода, и торжественность ритма достигается анафорой «в тебе»:

*«В тебе милосердие, в тебе сострадание,
в тебе великодушие, в тебе собрана воедино
вся благодать, существующая в творениях».
(Песнь XXXIII, 19–21)*

Последняя часть молитвы состоит из «supplicatio», когда Бернар просит Марию еще больше укрепить зрительные и познавательные способности Данте, чтобы он смог увидеть Бога — высшее спасение:

*«И ныне этот человек,
что от низшей глубины
вселенной и до этих мест наблюдал
души умерших одну за другой,
умоляет тебя, милостью твоей,
дать ему столько силы,
чтобы он мог подняться глазами
еще выше, к вечному спасению».
(Песнь XXXIII, 22–27)*

Молитвы, обращенные Бернаром к Марии, сразу же исполняются, и созерцатель может, наконец, «вперить взор в вечный свет», благодаря постоянно возрастающим зрительным способностям. Видение Бога подразделяется на три этапа: сначала Данте различает в Боге объединяющее начало, придающее порядок и смысл всей множественности вселенной; затем он созерцает единство в Троице, в виде трех кругов с тремя разными цветами, но одного размера; наконец, в божественном круге, представляющем собой второе Лицо Троицы, ему удастся различить образ Человека, то есть высшую тайну божественной и человеческой природы Сына Божия.

Сначала созерцатель видит в Боге всю Вселенную. Поэт пользуется старинной метафорой мира как книги, но раскрывает этот образ по-новому. Мир в земном, человеческом восприятии предстает не столько книгой, сколько хаотично разбросанными листами бумаги, которые невозможно сложить по порядку чтобы понять их значение. Только в Боге эти рассеянные, разбросанные по всему свету листы обретают гармонию и смысл:

*Я увидел, что в глубине этого света
скрывается,
переплетенное любовью в единую книгу,*

*то, что рассеяно по всей вселенной:
сущности, и их качества, и их отношения
друг с другом,
точно слитые воедино [Духом Божьим]
так,
что то, что я говорю — это лишь бледный
ответ [той реальности].
(Песнь XXXIII, 85–90).*

Чтобы изобразить единство Бога в Святой Троице, Данте прибегает к фигуре трех кругов, идеально совпадающих друг с другом по размеру, но разных по цвету. Это явление можно описать на словах, но нельзя воссоздать в реальности. И, чтобы подчеркнуть отношение, связывающее Отца с Сыном — отношение между порождающим и порождаемым, — Данте приводит в пример двойную радугу, причиной которой, согласно аристотелевской метеорологии, является принцип отражения («как радуга от радуги»). Но это сравнение уместно только отчасти и не может целиком объяснить таинство созерцаемых героем отношений:

*В глубокой и ясной сущности
высокого света мне явились три круга
трех кругов и одного размера;
и один от другого, как радуга от радуги,
казался отраженным, а третий казался
огнем,
что происходил от дыхания и первого,
и второго в равной мере.
(Песнь XXXIII, 115–120)*

Кульминация видения Бога и всего опыта Данте-персонажа — это созерцание тайны Воплощения и человеческой природы Христа. Все повествование о видении Бога перемежается поражениями и слабостями языковой и познавательной способностей поэта, чья память не смогла вместить и удержать все грани божественного опыта и чей человеческий язык теперь не в силах выразить даже то немалое, что смогла удержать память.

В заключение, автор описывает поражение своего разума при попытке понять возможность Боговоплощения и наличия человеческой природы у Христа в терминах неудачи геометра:

*О вечный свет, ты, что пребываешь сам
в себе,
сам себя постигаешь, и, постигнутый
собой
и постигающий себя, любишь себя
и улыбаешься!
Мне показалось, что внутри этого круга,
таким образом понятого мною,
который являлся в тебе
как бы отраженным светом
и весь был охвачен моим взором,
был запечатлен наш [человеческий] образ,
того же цвета, что и круг,
и потому мой взор был целиком
сосредоточен на нем.
Словно геометр, что прилагает все усилия
к тому, чтобы измерить круг,
и, как ни думает,
не находит нужный ему принцип,
таков был и я при этом невиданном
зрелище:
я хотел увидеть, как сочетается
этот образ с кругом, и как он умещается
в нем;
но моим крыльям это было не под силу...*

Разум терпит поражение при попытке увидеть, как возможно это таинство, но сияние благодати поражает и озаряет ум созерцателя, утоляя его стремление к знанию:

*Но моим крыльям это было не под силу:
однако мой ум поразило
сияние, в котором его достиг предмет
его желания.
Высокой фантазии здесь не хватило сил.
(Песнь XXXIII, 139–142)*

Божественный опыт был пережит поэтом в сугубо зрительном и умственном плане, но в конце происходит переход к аффективной реальности — желанию и воле, движимым Богом в гармонии со движением Вселенной:

*Но мое желанием и волю,
словно равномерно движимое колесо,
уже направляла любовь, что движет
солнцем и другими звездами.
(Песнь XXXIII, 143–145)*

Кантика начиналась во имя «того, кто движет всем», и теперь торжественно завершается словами о любви, «что движет солнцем и другими звездами». Это божественная любовь, которая после небесного созерцания «направляет» Данте вновь на землю, где он должен выполнить доверенную ему миссию: написать

поэму, чьей высочайшей целью является утешить отчаявшееся человечество надеждой на «будущую славу».

Джузеппе Ледда,
профессор Болонского университета
Перевод с итальянского Кристины Ланда

Примечания

- ¹ Здесь и далее краткие цитаты из «Божественной комедии» приводятся в подстрочном переводе, с целью избежать возможных неточностей литературного перевода. Терцины цитируются на итальянском языке с подстрочным переводом. Перевод выполнялся на основании комментария и парафразы «Комедии», выполненных Анной Марией Кьяваччи Леонарди, так как ими пользуется и автор статьи. Все цитаты принадлежат третьей кантике поэмы — «Paradiso» (Рай), за исключением одной цитаты из «Inferno» (Ад), где это оговорено отдельно. — Прим. пер.

© Джузеппе Ледда
© Перевод Кристины Ланда

© Рисунок Валерия Сировского

Ключи к Данте

Итальянская литературная критика XX и XXI веков о Данте Алигьери

Кристина ЛАНДА

В безбрежном море мировой «дантоведческой» литературы, омывающем берега произведений Алигьери вот уже семь с лишним столетий, — как не потеряться читателю, который хочет открыть для себя «высочайшего поэта», как приблизиться вплотную к средневековому тексту, как актуализировать в своей повседневности ветхое слово? Ветхое, как мы помним, уже для Пушкина:

*Зорю бьют. Из рук моих
Ветхий Данте выпадает...*¹

Для современного русского читателя дело осложняется вдвойне: ведь помимо проблемы перевода существует проблема интерпретации, которая — в случае Данте — невозможна без подробных комментариев, глоссария, соответствующих критических статей. Как, например, «перевести» такую терцину:

Sù sono specchi, voi dicete Troni,
onde refulge a noi Dio giudicante;
63 sì che questi parlar ne paion buoni².
(Paradiso IX 61–63)

61 Вверху есть зеркала (для вас — Престолы),
Откуда блещет нам судящий Бог
И эти наши истины глаголы.
(Рай IX 61–63, перевод М.Л. Лозинского)

Глагол «перевести» мы употребляем сознательно: язык, на котором «святая» Куницца да Романо, явившаяся Данте в небе Венеры, общается с поэтом-пилигримом, — это язык мистических откровений, подчас темный для современного восприятия и требующий дополнительных разъяснений. Перевод Лозинского не является «интерпретирующим», а его комментарий к «Раю» довольно краток и не может удовлетворить все вопросы читателя. Это вполне естественно: единственное «каноническое» научное издание произведений Данте в России, вышедшее в 1967–1968 гг. под редакцией И.Н. Голенищева-Кутузова и М.П. Алексеева, включает всего два сравнительно небольших тома, причем в них уместается не только «Божественная комедия», но и все малые произведения, включая «Цветок» и «Вопрос о небе и земле», а также, разумеется, комментарии редактора и переводчика³. В то время как итальянских изданий — отдельно поэмы, отдельно трактатов, писем и т.д. — не счесть, а традиция составления комментариев к поэме, начавшись со времен сына Данте Якопо Алигьери и первого настоящего дантоведа — Джованни Боккаччо — счастливо продолжается по сей день.

И не только в Италии, но и в англосаксонских странах — в первую очередь в Англии и в США — существует и развивается эта славная традиция, в том числе на просторах интернета: так, благодаря созданию сайта dantedarmouthproject.com, теперь из любой точки мира и совершенно бесплатно читатель может получить доступ к различным комментариям какой угодно терцины из «Божественной комедии».

Но, помимо подготовки текстов и комментариев к ним, составляющих содержание дисциплины «дантовская филология», исключительно важна для понимания Данте и так называемая «дантовская критика» — многочисленные статьи,

монографии, журналы и многотомная «Дантовская Энциклопедия»⁴, где исследуется интертекстуальность и интермедальность дантовских произведений, выявляется влияние философов, теологов, поэтов и художников на Данте и влияние самого Данте на последующих авторов. Казалось бы, за столько веков уже столько было сказано; есть ли шанс у современного филолога-дантоведа открыть что-то новое? Очевидно, да, так как наука о Данте, расцветшая пышным

Nel suo profondo vidi che s'interna
legato con amore in un volume
ciò che per l'universo si squaderna.
(*Paradiso XXXIII 85–87*)

Образ вселенской книги, предвосхищающий обманчиво-недавнюю идею «мира как текста», встречается нам в «Раю» — но первый раз мы сталкиваемся с этим образом в пятой песни «Ада», в знаменитейшем эпизоде Паоло и Франчески, с которого, по сути, начинаются описания адских мук⁵. Образом книги открывается «история греха» — и образом же книги замыкается «история спасения» в поэме Данте. Отечественная критика нередко сосредотачивала свой взгляд на первой книге, но обходила своим вниманием вторую. Есть у Боккаччо легенда, согласно которой последние семь песен «Рая» не были обнародованы автором сразу по написании, а были найдены его сыновьями лишь через годы спустя после его смерти, в нише, сделанной в стене спальни Данте в Равенне.

Эта история в каком-то смысле может послужить аллегорией истории дантовского «Рая» в России. Переведенный и прокомментированный, он тем не менее не привлекал ни специалистов, ни простых читателей в течение многих лет: для понимания «Ада» в основном требуются познания в аристотелевской философии и истории средневековой Италии, а для интерпретации «Рая» — еще и в богословии и мистике. Тройной барьер — советская идеология, труднодоступность западного богословия и мистики и под-

цветом в XX в., не увядает и в третьем тысячелетии: ежегодно выходят дантоведческие исследования, в которых выдвигаются смелые гипотезы, а дантовские тексты прочитываются в современной перспективе. И это доказывает, что поэма Алигьери — действительно вселенская книга, текстовое воплощение того вечного образа, который явился поэту-персонажу на вершине его небесного пути:

Я видел — в этой глуби сокровенной
Любовь как в книгу некую сплела
То, что разлистано по всей вселенной...
(*Рай XXXIII 85–87*)

час трудночитаемый перевод — стал надежным препятствием на пути советского, а позже — и российского читателя к «вселенской книге» третьей кантики.

А что же происходило на родине «высочайшего поэта»? Подобрала ли итальянская критика ключ к интерпретации дантовского «Рая»? Какие ведущие тенденции прослеживаются в исследованиях «Божественной комедии» в XX в., и что изменилось (или сохранилось неизменным) в веке XXI?

Разумеется, в рамках настоящей статьи невозможно привести подробный библиографический обзор всего итальянского дантоведения за указанный период времени. Мы постараемся осветить здесь только основные этапы и знаковые имена современной итальянской науки о Данте. В нашем поле зрения в основном будут находиться лишь некоторые ученые, чьи работы стали краеугольными камнями и отправными точками любого серьезного исследования дантовского творчества. Коль скоро море, по которому нам предстоит плыть, поистине безбрежно — ограничимся основным, уже проложенным курсом.

И, поскольку на XX век тень отбрасывает век XIX — начать, пожалуй, стоит с Франческо Де Санктиса (Francesco De Sanctis, 1817–1883) — знаменитого литературного критика, автора «Истории итальянской литературы» и множе-

ства статей, посвященных отечественным классикам — от сицилийских поэтов до маринистов. Де Санктиса принято относить к школе позитивизма, однако его принадлежность к позитивистам — вопрос спорный, недаром же Бенедетто Кроче (Benedetto Croce, 1866–1952), итальянский философ и литературовед, придерживающийся идеалистических воззрений, считает себя «совершенным учеником и продолжателем Де Санктиса»⁶. Де Санктис посвятил Данте ряд «Лекций» и две главы «Истории литературы»; Джанфранко Контини (Gianfranco Contini, 1912–1990) в своем «Введении» к последней отмечает идею эволюции и прогресса в поэзии, присутствующую (в различных выражениях) в каждом из этих произведений.

«Данте, который должен был быть началом всей литературы, стал ее концом. Его мир, столь совершенный снаружи, раздроблен и слаб изнутри: это созерцание художника, но уже не вера и не чувство... Данте возвел Беатриче на вершины вселенной <...>: он [Петрарка] низвел всю вселенную до Лауры <...>. Это кажется регрессом: однако это прогресс», — цитирует Контини Де Санктиса⁷. «Поэзия тогда еще не могла избавиться от аллегории. Христианство во имя духовного Бога сражалось не только с идолами, но и с поэзией... оно хотело обнаженной истины. А истина была философской или исторической: поэтической истины не понимали. Поэзию считали плетеньем лжи, и поэт и лжец... были одним и тем же... С помощью этой лже-поэтики, влияние которой на наших лириков мы видели, Данте работает с абстрактными идеями; находит ряд понятий и создает к нему соответствующий ряд объектов», утверждает Де Санктис. Исходя из этого видения, он анализирует и «Рай» Данте — «чудо» художественного воображения, которое «позволяет нам проникнуть в воздух и свет», «поэтическая форма науки», отягощенная, однако, «варварской» схоластикой. Де Санктис выделяет основной элемент «райской» поэтики — световые образы — но упрекает «Рай» за «единообразие», единственным спасением от которого являются

земные образы, щедро вводимые Данте на небеса. Указывая путь будущим исследователям третьей кантики, критик осуждает главный прием, используемый для описания жизни обитателей небес — сведение индивидуальности к общему, личности к единению, разлада к согласию. Это, по мнению ученого, «слабая часть *Рая*»; в конце концов, размывание образов есть размывание поэзии, смерть фантазии ведет к смерти произведения; и, подробно описав структуру третьей кантики, засвидетельствовав ее красоту и музыкальность, а также ее миссионерский характер — словом, наметив основные черты «Рая», которые позже станут предметом отдельных тщательных исследований — Де Санктис сожалеет об однотонности и схоластичности третьей части поэмы. Не удивительно, что Петрарка выступает на этом фоне провозвестником зари Возрождения и носителем творческого прогресса.

В 1921 г. — в шестисотлетнюю годовщину смерти флорентийского поэта — Бенедетто Кроче, бывший в то время министром народного просвещения Италии, издал работу «Поэзия Данте», в которой ставил перед собой задачу «предложить методологическое руководство к чтению «Божественной комедии», «избавиться в какой-то мере от помех, создаваемых традиционной литературой о Данте», и «указать читателям на самое характерное и существенное в дантовском произведении»⁸. На самом деле, труд Кроче стал выражением взглядов философа на универсальные проблемы поэтического творчества: соотношение структуры («литературы») и поэзии на примере «Божественной Комедии». Кроче утверждает, что дантовская поэма дуальна по своей природе, как всякое художественное произведение: по структуре своей она является «теологическим или этико-политико-теологическим романом», но эта структура не имеет никакого отношения к поэзии, содержащейся в «Комедии». Под «структурой» Кроче понимает устройство загробного мира, время и пространство дантовской вселенной, систему наград и наказаний, метафизические откровения, получаемые Данте от его проводников и встре-

чающихся ему грешников и святых. И все эти элементы, как полагает Кроче, не являются даже «технической частью» поэмы, ибо техника <...> или не существует в искусстве, или совпадает с ним самим, а структура «Божественной комедии», имея иное психологическое происхождение, не совпадает целиком с ее поэзией». Однако в то же время структура и поэзия образуют в поэме диалектическое единство, как ни у одного другого автора. И особенно это единство проявляется в «Раю», где тонкий лиризм постоянно сопутствует доктринальным построениям. Кроче подчеркивает монументальность «Рая», заявляя, что его поэтика во многом подчинена масштабным богословским концепциям (грандиозная фигура орла в небе Юпитера, три огня святых апостолов, сфера Солнца), но не эти огромные и монотонные в своем величии картины привлекают читателя третьей кантики. В «Раю» ценны свежие, жизненные соки лирической поэзии, пробивающиеся тут и там сквозь «интеллектуалистические» описания монотонных световых явлений: ценен образ жаворонка, журчанье реки, яркие цвета сада в Эмпирее — живые краски, щедро разбрасываемые поэтом по теологической палитре своего «романа». И для того, чтобы проникнуть в сокровенную глубину дантовской поэзии, вовсе не нужно изыскивать ответы на теологические и философские вопросы или высчитывать количество часов, проведенных героем на небесах — достаточно «читать Данте именно так, как его читают (и правильно делают) все наивные читатели, обращая мало внимания на загробный мир, совсем мало — на моральные построения, вовсе не заботясь об аллегориях и наслаждаясь поэтическими картинами, в которых сосредотачиваются, очищаются и выражаются все многообразные страсти» автора.

Модель наивно-интуитивного постижения дантовской поэзии была весьма спорной, но имела своих последователей. Знаменитый итальянский литературовед Джанфранко Контини замечает, что именно «работа Кроче стала первым призывом к современному прочтению поэмы,

более адекватным <...>, чем все вековые герменевтические изыскания вместе взятые»⁹.

Нельзя утверждать, что для самого Контини третья кантика составила основной предмет его исследований и центр его интересов. Но некоторые элементы его научного метода легли в основу фундаментальных дантоведческих трудов наших дней. Лингвист, литературный критик, стилист и филолог-романист, Контини выработал принципы структурного анализа дантовских произведений, поставив перед собой задачу «крайне внимательно прослушивать поверхность текста»¹⁰. Это означало, что в своих исследованиях критик отталкивался от самих текстовых элементов, а не от абстрактных эстетических или психологических предпосылок. Так, в своей статье «Un esempio di poesia dantesca (Il canto XXVIII del *Paradiso*)» (Пример дантовской поэзии (XXVIII песнь «Рая»)), Контини разбирает указанную песнь не с позиций теологии, философии или психоанализа, а с точки зрения стилистики¹¹, уделяя особое внимание лексико-семантическому составу песни. Вычленив ее ключевые лексемы, он анализирует контексты, в которых они употреблены, переключки этих контекстов с другими частями «Божественной комедии», их роль в дантовском макротексте, их литературные традиции в поэзии трубадуров и сицилийцев, и через тщательное изучение индивидуального стиля автора путем индукции выходит в область глобальных вопросов, таких, как дантовская концепция истины. Решаются эти вопросы на двух уровнях: Данте-героя и Данте-автора, ведь Контини в своих работах четко ставит проблему разграничения этих двух феноменов, вырабатывая к ней строго научный подход. Таким образом, он создает портрет поэтического языка Данте, учитывая культурно-исторические и литературные влияния, и на основе этого портрета описывает индивидуальные черты самого поэта. Теологические идеи, присутствующие в «Комедии», интересуют его ровно в той мере, в какой позволяют ему не сужать свое исследование до чисто формального анализа текста.

Большой заслугой Контини является то, что он стремится изучать Данте в лоне его собственных произведений и предшествующих и современных ему поэтических традиций. Однако одного структуралистского инструментария было явно недостаточно для комплексного исследования «Божественной Комедии». Это доказывают труды Микеле Барби и Бруно Нарди.

М. Барби (Michele Barbi, 1867–1941), профессор итальянской литературы, секретарь и президент Дантовского общества в Италии, главный редактор национального собрания сочинений Данте, был отцом-основателем дисциплины «дантовская филология» в XX веке. Как Контини при изучении дантовского творчества стремился к лингвистической точности, так Барби настаивал на необходимости фундаментального текстологического подхода к наследию великого флорентийца; его девизом стали «тщательная экспертиза древнего языка... редчайшее прилежание при сопоставлении манускриптов... знание причин, по которым тексты так плохо сохранились; положительность и надежность критериев, согласно которым их следует корректировать»¹². Тут необходимо пояснить, что до нас не дошло ни одного автографа Данте Алигьери; все доступные нам рукописи — результат работы переписчиков, и во многих местах они расходятся друг с другом. Поэтому любой профессиональный дантовед рано или поздно встает перед необходимостью выбора между существующими вариантами, и понятно, что этот выбор должен быть основан на хороших знаниях как историко-биографического контекста, так и самих манускриптов и глосс к ним. Барби ратовал за то, чтобы такой подход стал нормой в дантоведении, и немало сделал для осуществления этого проекта. В то же время он занимался исследованием дантовской мысли, и из-под его пера вышли такие работы, как «Razionalismo e misticismo in Dante» (Рационализм и мистицизм в дантовском творчестве), «L'ideale politico-religioso di Dante» (Политико-религиозный идеал Данте), «Impero e Chiesa» (Империя и Церковь). В первой из них Барби полемизирует с автором по-

пулярного в первой половине XX в. комментария к «Комедии» Луиджи Пьетробоно, который склонялся к идее, что Беатриче в «Новой жизни» и Беатриче в «Божественной комедии» равно святы и имеют одинаковые функции и одинаковое значение в жизни персонажа обоих текстов. Барби показывает, что с такой точки зрения «Новая жизнь» может представляться только записью реального видения, а не книгой о юношеской любви. Ученый настаивает на важности литературного, а не мистического прочтения образа Беатриче; основным его тезисом является утверждение о необходимости рассмотрения «Новой жизни», «Пира» и «Божественной комедии» Данте по отдельности, анализируя их не как единый роман о духовном развитии автора, а как тексты, написанные в разные периоды его жизни и интеллектуальных устремлений¹³.

Если Микеле Барби задал современному итальянскому дантоведению строгие филологические координаты, то Бруно Нарди (Bruno Nardi, 1884–1968) своими работами доказал невозможность исследования дантовского творчества вне его философского и богословского контекстов. Считая себя учеником Барби и Пьетробоно, он, однако, влил совершенно новую струю в итальянскую науку о Данте. Будучи историком философии, Нарди создает огромное количество трудов, в которых пытается показать точки совпадения и расхождения дантовских концепций с теориями таких средневековых мыслителей, как Авиценна¹⁴, Сигер Брабантский¹⁵, Фома Аквинский, Альберт Великий¹⁶ и т.д. В центре внимания ученого оказывается доктрина лунных пятен во второй песни «Рая», гармония сфер, движение звездного неба и планет в Раю, учение об Эмпирее, метафизика света в «Божественной комедии», но также и политические аспекты мысли Алигьери, миф об Эдеме, соотношение разума и веры в поэме¹⁷. В отличие от Кроче и многочисленных филологов и теологов, разделявших его взгляды, Нарди настаивает на пророческом характере дантовского творчества: по его мнению, «Божественная комедия» — не аллегорическая фикция, не «теологический роман», раз-

бавленный живой водой поэзии, а результат подлинного мистического откровения, видение, записанное поэтом-пророком в назидание человеческого роду¹⁸.

Нарди столь же скрупулезен в своих исследованиях, как и Барби, но текстологическую верность он дополняет точностью философских определений, возвращая такие используемые Данте понятия, как «*sostanze separate*» («отдельные», то есть неземные «субстанции», явления небесного мира), в их метафизический и богословский контекст. Ученый прослеживает историю употребления отдельных терминов, фигурирующих в «Божественной комедии», находя их у Аристотеля, Августина, Боэция и т. д. В «мире Данте» его интересует, главным образом, история идей, в свете которой он решает такие вопросы, как сущность Мателды (прекрасной обительницы Земного Рая), природа ангелов, не восставших против Бога, но и не сохранивших Ему верность (речь о них идет в III песни «Ада»), аллегория «благородной донны» (персонаж «Новой жизни» и «Пира») и т. д.

Наследие Нарди поистине неисчерпаемо; некоторые его утверждения — в частности, подлинность дантовского видения — весьма спорны, но нельзя отрицать, что именно он, первым среди итальянских дантоведов, начал изучать дантовскую философию комплексно, на солидной академической основе. После Нарди стало довольно сложно заниматься дантовским творчеством, не учитывая теологические и философские воззрения самого флорентийского поэта и известных ему мыслителей. Работы Нарди превосходно знал и ценил патриарх советского дантоведения И. Н. Голенищев-Кутузов¹⁹. Увы, на трудах Голенищева-Кутузова знакомство отечественных дантологов с итальянскими надолго прерывается. И студент отделения итальянистики какого-либо из советских вузов конца XX века мог бы предположить, что итальянское дантоведение завершило свой путь на Бруно Нарди.

Но, разумеется, это было вовсе не так. В 70-е гг. плеяда талантливейших дантологов под руководством крупнейшего профессора-ита-

льяниста Умберто Боско (Umberto Bosco, 1900–1987) подготовила к изданию «Дантовскую энциклопедию» — уникальный шеститомник, в котором отводилась отдельная статья каждому слову, каждому понятию, когда-либо встречающемуся в дантовских произведениях и каждому названию, связанному с событиями биографии поэта. Процветал структуралистский — или формалистский — анализ дантовского творчества континианского толка; создавались работы, посвященные дантовским аллегориям, структурным особенностям поэмы, историко-политическим аспектам «Божественной Комедии», нередко в ущерб изучению влияний тех или иных философских или теологических концепций на Данте.

Дело в том, что помимо позитивистского и интуитивистского подходов в дантовской критике начала века существовал и еще один подход — теологический, с которым нередко полемизировали литературоведы, но который успешно развивался в среде богословов и историков богословия. Данте — поэт-теолог, считали сторонники этого подхода, и, исходя из этого, следует анализировать его произведения, прежде всего «Божественная комедия». Ярким представителем такого направления в дантоведении явился падре Джованни Бузнелли (Giovanni Busnelli, 1866–1944) — иезуит-томист, который в своем двухтомном труде «*Il concetto e l'ordine del Paradiso dantesco*» (Концепция и устройство дантовского Рая, 1911) подробнейшим образом анализировал теологические основания третьей кантики. Бузнелли был убежден, что для того, чтобы полноценно постичь дантовский замысел и поэзию, нужно хорошо знать теологические воззрения Данте, которые, как полагал автор исследования, фактически целиком совпадали с идеями Фомы Аквинского. С точки зрения богослова-томиста, Данте, как и Фома, верил в единство сущностной формы в человеке, в чистую форму отдельных субстанций, лишенных материи, в превосходство разума над волей и, следовательно, в то, что в состоянии райского блаженства первичен акт зрения, а не любви²⁰. Неудивительно, что особое внимание Бузнелли

уделял световой поэтике «Комедии»: он утверждал, что метафора света лежит в основе развития сюжета поэмы в третьей кантике, подробно анализировал различия между умственным светом Эмпирея и реальностью физического света сфер, а также образы света как средство изображения теологической реальности воскресшего тела святых. Бузнелли ставит вопрос о природе света у Данте: ответы на него будут искать все литературоведы, занимающиеся «Раем».

«Томизм» Данте — бездонная тема, которой так или иначе касался любой ученый, интересовавшийся дантовской философией. На протяжении первой половины XX в. и в Италии, и в других странах существовало немало сторонников идеи, что «Божественная комедия» есть изложение доктрины Аквината в стихотворной форме. С теологами-дантоведами, придерживавшимся такой позиции (в частности, Дж. Бузнелли и Пьером Мандонне [Pierre Mandonnet, 1858–1936]) полемизировали и Б. Нарди, и французский историк философии и теологии Э. Жильсон²¹.

Но, как в богословии «соперником» томизма исторически является мистико-неоплатоническое направление, так и при исследовании третьей кантики «Божественной комедии» сторонникам дантовского томизма противостояли ученые, полагавшие, что Данте склонялся на сторону францисканской, в частности, бонавентурианской мистики, и ставил волю к любви выше интеллектуального познания Бога. Так, «францисканский» Данте возникает под пером Эрнесто Яллоджи (Ernesto Jallonghi, 1876–1934), автора исследования «*Il misticismo bonaventuriano nella Divina Commedia*» (Мистицизм Бонавентуры в «Божественной комедии») ²². Согласно Яллоджи, в божественном космосе поэмы, как и в трактатах Бонавентуры, не на пути познания рождается озарение, а от озарения происходит знание; Бога не познают, но любовно созерцают. Вся Вселенная несет в себе следы Божественного света, и именно поэтому в «Рае» так много сравнений с земными образами: ведь они и есть отражения вечного сияния, образы, доступные чувственно-

му восприятию смертных. Этот же свет пребывает и в блаженных душах, где, как в зеркале, отражается все мироздание. Мистическое понимание Вселенной выражается в многочисленных поэтических тропах третьей кантики, связанных со световыми явлениями. В земных картинах герой «Рая» находит, согласно христианскому неоплатоническому учению, отображение вечных идей.

Попытки свести многогранное явление «Божественной комедии» к какой-либо одной теории в середине столетия устаревают и уступают место сугубо литературоведческим трудам: после Бруно Нарди и Этьена Жильсона, проиллюстрировавших богатство идей в творчестве Данте, стало немыслимо изображать поэта выразителем лишь одной идеи. Такие авторы, как Гульельмо Горни (Guglielmo Gorni, 1945–2010), Антонино Пальяро (Antonio Pagliaro, 1898–1973), Эмилио Пасквини (Emilio Pasquini, род. в 1935) посвящают себя изучению отдельных образов «Божественной комедии», ее повествовательных структур, тем, мотивов, интертекстов; ранних произведений Алигьери, взаимоотношений и взаимовлияний поэтов сладостного нового стиля, сицилийцев, тосканцев и умбров друг на друга и т. д.²³ Возникают отдельные любопытные исследования, посвященные астрономической системе «Комедии»²⁴. Значительно реже, чем в начале XX в., в этот период появляются исследования «Рая»: тому есть и социально-исторические, и собственно литературоведческие причины. Поскольку занятия теологией «Рая» означали в большинстве случаев попытки описать ту или иную богословскую концепцию при помощи дантовской поэзии или провозгласить поэта мистиком и пророком в определенных политических целях (особенно в период господства фашизма), то отношение ученых к теологическому аспекту дантовского творчества становится довольно скептическим. Метод формального изучения текстов обретает все большую популярность; продолжает использоваться традиционный историко-литературный метод, но все меньше становится желающих углубляться в теологическую специфику «Комедии».

Однако в конце 80-х — начале 90-х гг. ситуация в дантоведении начинает меняться. Если раньше в трудах, посвященных Данте, преобладал тот или иной подход, то отличительной характеристикой нарождающейся современной науки о Данте становится стремление объединить методологии различных дисциплин — исторической филологии, палеографии, литературоведения, лингвистики, истории, философии, богословия, библеистики, искусствоведения. Это обусловлено необходимостью выработки нового взгляда на творчество великого поэта, осознанием эффективности междисциплинарных исследований и многоплановости дантовского наследия. В каком-то смысле, дантоведы таким образом возвращаются к заветам самого Данте, данным в трактате «Пир»: истинный ученый («философ») не может ограничиваться только одной областью знаний²⁵.

«Первыми ласточками» такого подхода были работы Марии Корти (Maria Corti), Мануэлы Коломбо (Manuela Colombo), Джулианы Каругати (Giuliana Carugati), Паолы Риго (Paola Rigo)²⁶. Изучая проблему поэтического языка Данте, Корти, «матриарх» итальянской литературной критики (1915–2002), рассматривает в своей книге понятия аналогии и выдумки, памяти и фантазии на примере литературных произведений, принадлежащих к разным культурам и эпохам; исследует дантовские аллегории и метафоры, пользуясь при этом теологическим и философским материалом. Более молодые ученые Коломбо и Каругати прослеживают связи, существующие между мистической литературой и «Комедией», пользуясь в том числе и континиевским инструментарием индуктивного текстуального анализа. Риго пишет о соотношении реминисценций из античных и библейских авторов в дантовских произведениях, начиная с «Новой жизни» и заканчивая поэмой. Возвращая отдельные дантовские эпитеты в контекст классических или религиозных источников, откуда они могли быть позаимствованы флорентийским поэтом, она объясняет, как, в зависимости от каждого конкретного употребления, эти слова меняют

настроение и смыслы той или иной сцены «Божественной комедии», придавая им абсолютно индивидуальный характер.

В 1991 г. начинает выходить новый комментарий «Божественной комедии» с прозаическим переложением — парафразой — выполненный Анной Марией Кьяваччи Леонарди (Anna Maria Chiavacci Leonardi, 1927–2014). Исследовательница, автор и редактор многочисленных трудов по дантоведению, Кьяваччи Леонарди изучает произведения Данте в христианском контексте, не стремясь приписать поэту строго те или иные взгляды, но бережно восстанавливая интертексты «Божественной комедии» на основании средневековых толкований поэмы и биографий Алигьери²⁷. В том же русле работают такие ученые международного уровня, как Пьеро Боитани (Piero Boitani, род. в 1947), Карло Оссола (Carlo Ossola, род. в 1946), Франческо Мадзони (Francesco Mazzoni, 1925–2007).

Особенно активно развивается наука о Данте в 2000-е годы. Следует отметить возрастающий в этот период интерес к третьей кантике «Божественной Комедии». Ей уделяют внимание профессор Гарвардского университета Лино Пертиле (Lino Pertile, род. в 1940 г.; автор книги «La punta del disio»²⁸ — Острые желания), профессор Флорентийского университета Марко Ариани (Marco Ariani, род. в 1948 г., автор книги «Lux inaccessibilis. Metafore e teologia della luce nel Paradiso di Dante»²⁹ — Недостижимый свет. Метафоры и теология света в дантовском «Раю»), профессор Болонского университета Джузеппе Ледда (Giuseppe Ledda, автор работы «La guerra della lingua. Ineffabilità, retorica e narrativa nella “Commedia” di Dante»³⁰ — Война языка. Невыразимость, риторика и нарратив в «Комедии» Данте) и другие крупные ученые-дантоведы. Особо здесь следует остановиться на книге Ариани. Эта монография является на данный момент самым фундаментальным и исчерпывающим исследованием поэтики света в «Комедии» Данте, плодом многолетнего интереса ученого к данной теме. В поисках источников, которые могли послужить образцами для дантовского «видения»,

Ариани обращается к античным и средневековым авторам: Цицерону, Алану Лилльскому³¹, Бернарду Сильвестрису³², Макробию³³, Марциану Капелле³⁴ и другим. Он исследует неоплатонические влияния в поэме, прибегая к Дионисию Ареопагиту, Августину, Боэцию, Бонавентуре; выявляет ее теологические основания в трудах Фомы и Альберта; анализирует физиологические и психологические особенности восприятия персонажей, опираясь на Аристотеля. Все это для него — ключи к интерпретации метафоры света, в которой он видит выражение концептуального ядра поэмы, движущую силу сюжета, динамическое начало повествования. Свет подвергается здесь всестороннему анализу: как отдельный субъект, как объект восприятия персонажа, как преобразующая его сила, как объединяющая субъект и объект энергия. Рассматриваются все приемы визуализации метафизики света, топысы, содержащие световые образы, темы отражения, рефракции и ослепления, и, наконец, сияющая темнота — отсутствие света — как прием описания высшей реальности в соответствии с мистикой Псевдо-Дионисия Ареопагита. В конце поэмы — в XXXIII песни — «круг замыкается»³⁵, — пишет Ариани, имея в виду круг повествования, так как Данте, поднявшийся в Эмпирей из «места, где не слышен голос света» («Ад» V 28), вновь оказывается перед таким избытком света, который человеческое чувство может воспринять только как абсолютную тьму. Так отсутствие света, давшее толчок развитию сюжета поэмы, замыкает его, лишая автора возможности продолжать, а читателю показывая, что «Комедия» есть произведение о свете и сотканное из световых образов, и, когда свет окончательно исчезает, писать уже не о чем.

Параллельно с интересом к теме света у Данте — поэтике, метафизике и структурной роли световых образов в третьей кантике — в дантоведении развивается интерес и к науке о зрении в дантовском творчестве — оптике, или, как называли ее в Средние века, перспективе. Основы исследования дантовской перспективы заложил еще в 1960-е гг. Алессандро Парронки

(Alessandro Parronchi, 1914–2007), и вопроса этого, разумеется, не мог не коснуться Бруно Нарди. Парронки предложил очень точное, но довольно техническое по своей сути описание законов перспективы в дантовском творчестве, в сопоставлении с текстами трактатов средневековых ученых — Роджера Бэкона, Вителлия, Аль-Газали, Роберта Гроссетеста и т. д.³⁶. В 2000-е годы его дело продолжили и развили ученые не только Италии, но и Англии (Саймон Гильсон³⁷), а среди итальянских исследователей следует указать Джорджо Стабиле³⁸ и Миру Мокан (Mira Veronica Mosca) — автора двух монографий, являющих собой образец современного научного подхода к изучению Данте: «La trasparenza e il riflesso»³⁹ (Прозрачность и отражение) и «L'arca della mente. Riccardo di San Vittore nella Commedia di Dante» (Ковчег ума. Ришар Сен-Викторский в «Божественной комедии» Данте)⁴⁰. В своих работах Стабиле и Мокан прибегают к трудам теологов и философов, мистическим трактатам, античным авторам, пользуются герменевтическим инструментарием школы Контини, учитывая также открытия современных философов и лингвистов. На основании лексико-семантического анализа дантовских произведений, от «Рифм» к «Комедии», в контексте поэзии сладостного нового стиля и провансальских трубадуров, они реконструируют тайные смыслы дантовских текстов, следуя авторской мысли, и приближают непривычные образы дантовского «Рая» к восприятию современного читателя, описывая всю «корневую» систему средневековой и античной культуры, питающую тот или иной эпитет, метафору, сравнение, встречающиеся на страницах дантовских сочинений.

В настоящее время итальянская дантовская наука продолжает активно развиваться: ежегодно и почти ежемесячно выходят исследования, посвященные жизни и творчеству великого флорентийца. Ученые находят все новые перспективы для изучения дантовского наследия: современная теория метафоры, когнитивная лингвистика, даже нейронауки и теория игр. Примеры такого рода изысканий приводились на междуна-

родной конференции докторантов и молодых преподавателей-исследователей «Alma Dante» — «Душа Данте» — проведенной в Болонском университете 04–05 июня 2015 г. по инициативе профессора Джузеппе Ледда. Большое число участников, их активность и заинтересованность, научная подготовка и сам возраст выступающих свидетельствуют о том, что у дантовской науки есть большее будущее в разных странах мира.

В нашем обзоре итальянской литературы о Данте XX века не было названо и десятой доли трудов, которые обязан знать каждый итальянский филолог-дантовед. Однако мы постарались схематично воспроизвести здесь общие тенденции развития дантоведения, приведшие его в современное русло. Только учитывая опыт предыдущих веков, можно понять специфику современной итальянской науки о Данте, которая позволяет нам увидеть творчество великого флорентийца глазами его современников.

Кристина ЛАНДА

Рим

Примечания

- 1 «Сочинения Пушкина», изд. Анненкова, т. 1, 1855, стр. 223.
- 2 Цитаты из «Божественной комедии» в оригинале приводятся по изданию: Alighieri Dante. La Divina Commedia. Inferno. Purgatorio. Paradiso / a cura di A.M. Chiavacci Leonardi. Bologna: Zanichelli, 2001. Цитаты из перевода поэмы приводятся по изданию: *Алигьери Данте*. Божественная комедия / Пер. с ит. М. Л. Лозинского / Общ. ред. М.П. Алексеев, И.Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1967.
- 3 Алигьери, Данте. Божественная комедия; пер. с ит. М. Л. Лозинского / Общ. ред. М.П. Алексеев, И.Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1967; Алигьери, Данте. Данте. Малые произведения / Пер. с ит. И. Н. Голенищева-Кутузова, Е.М. Солоновича, А. Г. Габричевского, Ф. А. Петровского / Общ. ред. М.П. Алексеев, И.Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1968.
- 4 <http://www.treccani.it/scuola/dossier/2008/dante/13.html>
- 5 Идея сопоставления этих двух «книжных» образов на основе «единства понятий чтения и любви» у Данте раскрывается в статье профессора Оксфорда Елены Ломбарди: Lombardi E. Francesca lettrice di romanzi e il «Punto» di *Inferno* V // L'Alighieri. Rassegna dantesca. / A cura di S. Bellomo, S. Carrai, G. Ledda. 43. Nuova Serie, gennaio-giugno 2014, anno LV. Ravenna: Longo, 2014. —

С. 19–39. Здесь и далее перевод критических текстов мой — *К.Л.*

- 6 Contini G. Introduzione // Storia della letteratura italiana di Francesco De Sanctis / Gianfranco Contini. Torino: Torinese, 1981. С. 9.
- 7 Там же, с. 29.
- 8 *B. Croce*. La poesia di Dante. — Bari: Laterza, 1966. — С. 7.
- 9 *Fubini M. Croce, Benedetto* // Enciclopedia Dantesca / Bosco U. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana Giorgio Treccani, 1984. Т. 2. — С. 275. (271–275)
- 10 Из интервью, взятого у Контини Ренцо Федеричи в 1968 г., цит. по: Italia P. Contini, Gianfranco // Enciclopedia Treccani.
- 11 *Contini G.* Un esempio di poesia dantesca (Il canto XXVIII del *Paradiso*) // Contini G. Un'idea di Dante. Saggi danteschi. — Torino: Einaudi, 1976.
- 12 *Mazzoni F.* Barbi, Michele // Enciclopedia Dantesca / Bosco U. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana Giorgio Treccani, 1984. — С. 516–517.
- 13 *Barbi M.* Razionalismo e misticismo in Dante // Barbi M. Problemi di critica dantesca. 1920/1937. — Firenze: Sansoni, 1975. — С. 1.
- 14 Авиценна (Ибн Сина, 980–1037) — персидский врач, философ, поэт. Последователь Аристотеля, был автором многочисленных трактатов по медицине, механике, психологии и астрономии. Данте неоднократно упоминает его в своих произведениях; в «Комедии» он помещен в Лимб, среди прочих мудрецов древности [«Ад» IV 143].
- 15 Сигер Брабантский (Siger de Brabant, ок. 1240–1284) — философ, профессор Парижского университета, автор комментариев к различным произведениям Аристотеля, последователь арабского философа Аверроэса. Отстаивал необходимость проводить различие между философией как областью исследований человеческого разума и теологией как областью божественного откровения. Его противниками были Фома Аквинский и Бонавентура да Баньореджо. Несмотря на спорность этой фигуры, Данте помещает Сигера в X небо «Рая», среди святых мудрецов [«Рай» X 136].
- 16 Альберт Великий, или Альберт Кельнский (Albertus Magnus, ок. 1200–1280) — немецкий теолог, философ и ученый, автор комментариев к многочисленным работам Аристотеля и большого количества трудов, в которых затрагиваются все области человеческого знания. Учитель Фомы Аквинского, член доминиканского ордена, канонизирован в 1931 г. В 1941 г. Альберт был провозглашен покровителем ученых. Данте хорошо знал труды Альберта, что явствует как из «Пира», так и из «Комедии».
- 17 *Ср. Nardi B.* Saggi di filosofia dantesca. — Firenze: La Nuova Italia, 1967.
- 18 *Ср. Gregory T. Nardi, Bruno* // Enciclopedia Dantesca / Bosco U. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana Giorgio Treccani, 1984. — Т. 4. — С. 6.
- 19 *Ср. ссылки на работы Б. Нарди в статье Голенищева-Кутузова: Данте и сладостный новый стиль // И.Н. Го-*

ленищев-Кутузов. Данте и всемирная литература. — М.: Наука, 1967. — С. 59–84.

- 20 *Ср.: Mariani A. Busnelli, Giovanni* // Enciclopedia Dantesca / Bosco U. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana Giorgio Treccani, 1984. — Т. 1.
- 21 *Ср., напр., Nardi B.* Il tomismo di Dante e il p. Busnelli S. J. // Nardi B. Saggi di filosofia dantesca. — Firenze: «La Nuova Italia», 1967. — С. 341 — 380; Gilson É. Dante et la philosophie. — Paris: Vrin, 1939.
- 22 *Jallonghi E.* Il misticismo bonaventuriano nella Divina Commedia. — Citta di Castello: Leonardo da Vinci, 1935.
- 23 *Ср., напр., Pagliaro A.* Ulisse. Ricerche semantiche sulla Divina Commedia. — Messina-Firenze: Sant'Anna, 1966. — 2 т.; *Gorni G.* Il nodo della lingua e il verbo d'Amore. Studi su Dante e altri duecenteschi. — Firenze: Olschki, 1981; *Pasquini E., Quaglio A. E.* Lo stilnovo e la poesia religiosa. — Bari: Laterza, 1971.
- 24 *Gizzi C.* L'astronomia nel poema sacro. — Napoli: Loffredo, 1974. — 2 т.
- 25 *Ср. Convivio III xi 12 // Alighieri, Dante.* Convivio / a cura di G. Inglese. Milano: BUR, 2007.
- 26 *Corti M.* Percorsi dell'invenzione: il linguaggio poetico e Dante — Torino: Einaudi, 1993.; *Carugati G.* Dalla menzogna al silenzio. La scrittura mistica della «Commedia» di Dante. — Bologna: Il Mulino, 1991.; *Colombo M.* Il linguaggio dell'ineffabilità — Pavia: Pubblicazione della Facoltà di lettere e filosofia dell'università di Pavia, 1987; *Rigo P.* Memoria classica e memoria biblica in Dante. — Firenze: Olschki, 1994.
- 27 *Ср., напр., статьи ученого в сборнике Dante poeta cristiano / A cura di Società Dante Alighieri.* Comitato di Firenze. Firenze: Polistampa, 2001. — сс. 19–40; 69–84; 117–132.
- 28 *Pertile, L.* La punta del disio. Semantica del desiderio nella Commedia — Fiesole (Firenze): Cadmo, 2005.
- 29 *Ariani M.* Lux inaccessibilis: metafore e teologia della luce nel Paradiso di Dante. — Roma: Dulcis musae, 2010.
- 30 *Ledda G.* La guerra della lingua. Ineffabilità, retorica e narrativa nella «Commedia» di Dante — Ravenna: Longo, 2002.
- 31 Алан Лилльский (Alain de Lille, ок. 1128–1202) — французский философ-неоплатоник, поэт, богослов, член Шартрской школы. Самое знаменитое произведение — аллегорическая поэма «Anticlaudianus» (Антиклавдианус); по мнению некоторых авторитетных дантоведов, повлияла на создание структуры дантовской «Комедии».
- 32 *Бернард Сильвестрис (Bernardus Silvestris, XII в.)* — средневековый философ-неоплатоник, живший в округе

Шартрской школы, но, возможно, не принадлежавший ей. Самым значимым трудом являются «De Mundi universitate sive Megacosmus et microcosmus» (О целокупности мира, или Мегакосм и микрокосм), а также комментарий на «Энеиду» Вергилия, с которым Данте мог опосредованно быть знаком.

- 33 *Макробий (Ambrosius Theodosius Macrobius, ок. 390 — ок. 430)* — римский философ-неоплатоник, астроном, писатель. В Средние века наибольшей известностью пользовался его комментарий к Цицероновскому «Somnium Scipionis» (Сну Сципиона). Данте ни разу напрямую не цитирует Макробия, которого в Средневековье считали христианским автором, но несомненно испытывает его влияние.
- 34 *Марциан Капелла (Martianus Minneius Felix Capella, V в.)* — латинский философ-неоплатоник, поэт, ритор. Самое известное произведение — аллегорический роман в стихах и прозе «De nuptiis Philologiae et Mercurii» (О бракосочетании Филологии и Меркурия), где описывается, в частности, вознесение девы-Филологии на небеса. Ариани усматривает в этом описании элементы, сходные с теми, что присутствуют в описании вознесения на небеса Данте в «Рая».
- 35 *Ariani M.* Lux inaccessibilis: metafore e teologia della luce nel Paradiso di Dante. — Roma: Dulcis musae, 2010. — С. 388.
- 36 *Parronchi A.* Studi su la dolce prospettiva. — Milano: Aldo Martello, 1964. Все ученые, о которых идет речь в книге, исследовали законы оптики, пытались постигнуть через них законы вселенной, божественного и человеческого бытия, а также земные природные феномены.
- 37 *Gilson S. A.* Medieval Optics and Theories of Light in the Works of Dante. — Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000.
- 38 *Stabile G.* Sole. Temi di simbologia in Dante // *Stabile G.* Dante e la filosofia della natura. Percezioni, linguaggi, cosmologie. — Firenze: Galluzzo, 2007. — P. 329–341; *Strutture della percezione, teoria fisica e simbologia solare in Amor che movi // Stabile G.* Dante e la filosofia della natura. Percezioni, linguaggi, cosmologie. — Firenze: Galluzzo, 2007. — P. 31–67; *Teoria della visione come teoria della conoscenza // Stabile G.* Dante e la filosofia della natura. Percezioni, linguaggi, cosmologie. — Firenze: Galluzzo, 2007. — P. 9–29.
- 39 *Mocan M.* La trasparenza e il riflesso. Sull'alta fantasia in Dante e nel pensiero medievale. — Milano: Mondadori, 2007.
- 40 *Mocan M.* L'arca della mente. Riccardo di San Vittore nella *Commedia* di Dante. — Firenze: Olschki, 2012.

© Кристина Ланда

Лолита ТИМОФЕЕВА

Путешествие по «Божественной комедии» Данте

(походный дневник)

вокруг Данте

Лолита Тимофеева — всемирно известный художественный деятель. Родилась в Риге (Латвия), с 1991 г. живет в Италии (в Болонье). В 1997 г. представляла Латвию на Биеннале в Венеции, в 2011-м участвовала в Биеннале в Москве. Её работы присутствуют в музеях и частных коллекциях по всему миру. Она сотрудничала как журналист с еженедельником «Огонёк» (Москва), «ЛММ» (Рига), «Zeta» (Удине), «Images Art & Life» (Модена). Её рассказы опубликованы в сборниках «Развязавшиеся ботинки», «Дом-мир» и «Пересечения», изданных Eks&Tra.

Итак, начну заново. И да будут в этот раз шаги мои смелее. Разложу-ка я на столе тетрадь, чернильную ручку и три разных издания «Божественной комедии» Данте Алигьери. Первое — на языке оригинала (издание это является частью «Собрания сочинений Данте Алигьери», в которое включена также критическая работа 1921 г., написанная Итальянским обществом Данте) и два русских издания — в переводе Минаева и Лозинского.

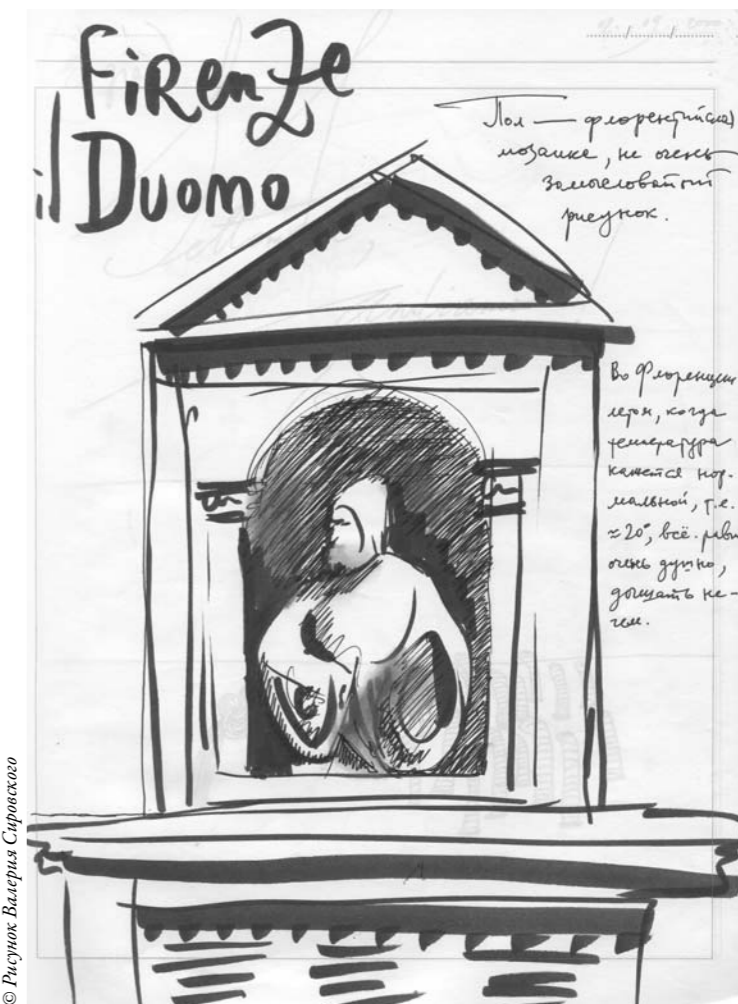
Чтобы набрести на верный путь, да будет мне подмогой знание, что получила я за все 25 лет, прожитые мною в Италии. Бесполезно обманывать себя: чтобы понять «Божественную комедию» Данте, необходимо быть человеком подготовленным. Нужно быть опытным любителем приключений, будоражащих разум, но полных каверз, иначе просто

окажешься не в состоянии отправиться в такое путешествие.

Итак, прежде чем отправиться в путь, лучше обратиться к некоторым основам, потому что без знания истории Флоренции и всей Италии можно долго и бесцельно блуждать, как блуждаешь без ориентира в лабиринтах греческих мифов и как пилигримы отправляются в путь без компаса и географической карты, а не иметь понятий о различных религиях — это как путешествовать с завязанными глазами. По существу, нужна культурологическая база.

Мысленно пробегаю воспоминания о моей первой встрече с «Божественной комедией», когда в конце 1980-х гг. я еще жила в своём родном городе Риге, столь далёком от мира Данте. На моём столе среди книг по итальянской тематике выделялась одна — в серой обложке, которая как будто бросала мне вызов своим существованием. На улице падали белые снежинки, подсвеченные фонарями, а шум машин был приглушён падающим снегом, в то время как я погружалась в атмосферу Ада, пытаюсь воссоздать в моей голове формы, образы и цвета, которые могли бы приблизить меня к Данте и его далёкой Тоскане. Первой «Божественной комедией» Данте в переводе М. Лозинского я зачитывалась, чувствуя себя опьянённой, как будто меня вела за собою чья-то таинственная рука. Я терялась в этой музыке слов, в загадочности содержания, а моё сознание ярко живописало сцены Ада, но еще многое оставалось неясным. Я отдавала себе отчёт в том, что совершаю лишь первые шаги и что в руках у меня произведение, к которому совершенно точно необходимо будет вернуться.

Сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю, что такому человеку, выросшему в Советском Союзе, безусловно, недоставало знания многих вещей, дабы понять это невероятно сложное сочинение. Но отнюдь не потому, что нам якобы не хватало какого-то культурного компонента, напротив, со-

© Рисунок Валерия Сиверского

ветская система образования была весьма стройной и, возможно, поэтому образцовой (хотя признаюсь также, что вместо наискучнейших брежневских речей, я бы предпочла изучать греческую мифологию). Но судьбе не прикажешь: нам досталась эпоха «застоя» (как принято называть её по-русски) в атеистической стране.

Переезжая в другую страну, человек поначалу неминуемо сталкивается с разницей культур, и интеграция может успешно пройти лишь в том случае, если ему удастся создать необходимые связи в той стране, которая приняла эмигранта у себя.

Я научилась любить Италию со всеми ей достоинствами и недостатками — в точности так, как любят человека.

Ничто неслучайно в нашей жизни: и этой книжке в серой обложке с моего стола было суждено сопровождать меня в «Прекрасную страну», как принято называть Италию в классической традиции. Книга эта как будто вела меня шаг за шагом: я посетила места, где жил Данте, углубила свои знания об истории Италии, узнала историю жизни проклятых персонажей, а также героев, томящихся в Чистилище и блаженствующих в Раю. А потом пережила и греческие мифы, потому что одно дело — прочитать о них в книгах, и совсем другое — открыть их заново, посетив Сицилию, откуда и происходило большинство из них. Иметь чёткое представление об истории страны — основа для понимания динамики современного общества.

Итак, снова в путь. И в этот раз не для того лишь, чтобы просто в сотый раз перечитать «Божественную комедию», но чтобы воплотить её слова в образы. Дело это нелёгкое, я знаю. На столе моём три книги, бросающие мне вызов. Издание на русском в переводе Лозинского — больше и сильнее всего волнует меня: книга эта толстая, обложка у неё красная, издана она с иллюстрациями Боттичелли. Это словно быть вызванной на дуэль: перчатка

брошена в лицо. Я должна отыскать стратегию, чтобы суметь выйти из борьбы нетронутой: если я покину место сражения без какой-либо уважительной причины, то рискую оказаться заклеянной бесчестьем.

Переложу-ка я и другие тома из книжного шкафа на свой рабочий стол: это альбомы по искусству, в них собраны иллюстрации «Божественной комедии» великих мастеров — Джотто, Уильяма Блейка, Доре, Сальвадора Дали. Когда я перелистываю их, Боттичелли вновь взывает ко мне. Тогда я заново вчитываюсь в «Божественную комедию», всматриваюсь в плод сомнений и размышлений, художника, анализируя следы его металлического инструмента и чернил на пергаменте. Как отличаются его рисунки и как они современны в сравнении с классикой Высокого Возрождения! И именно «Божественная комедия» так прославила Сандро Боттичелли, как иллюстратора, а не только те холсты, что известны миру. Закрою-ка я все книги и приведу в порядок стол. Оставлю лишь три первых издания «Божественной комедии», и возьму с себя обещание не отвлекаться снова на иллюстрации Боттичелли. Стоит отказаться от фехтования, раз не будет никакой дуэли. Я же не буду иллюстрировать песни Данте, а постараюсь выделить символы и поработать с ними. Я постараюсь внимательно вчитаться в эмблемы, аллегории и метафоры.

«Божественная комедия» Данте, как и все великие произведения, обладает разными уровнями прочтения: это аспект чисто литературный, нравственный, а также теологический, философский, исторический, политический. Не следует пренебрегать и эстетическим вкусом и поэтикой произведения. Сейчас три мои книги кажутся мне живыми существами, которые вступили в диалог между собой, и вот уже из противников они превращаются в моих союзников: текст на языке оригинала необходим мне, чтобы услышать самого Данте. Две другие книги помогут дать более верную интерпретацию. Да, верно то, что Данте —

отец итальянского языка, но его итальянско-то-сканское наречие отличается от современного, и чтобы разобрать некоторые строки, даже самые «продвинутые» итальянцы прибегают к перифразам и толкованию. Текст, переведённый Лозинским, лучше всего передаёт атмосферу Данте и музыку его стиха, превозносит красоту слова и верно отражает структуру поэмы, а значит, воспитывает вкус читателя и улучшает его эстетическое восприятие.

В то время как Минаев мыслит образами, создаёт формы, воспроизводит их и украшает, но он более сухой и внезапный, помогает нам лицезреть, то есть стимулирует зрение читателя. Есть одна любопытная деталь, которая отличает его перевод: Минаев словно применил к Данте цензуру, отредактировал и смягчил все использованные великим поэтом грубые слова и ругательства, опустил те описания, где встречается упоминание половых органов: к примеру, в XXV песне «Ада», при виде наказания воров описаны их превращения: змей сжимает проклятого Богом преступника и сливается с его телом, и нижние конечности змея, сжавшиеся вместе, становятся членом, что прячет человек: «... Две задние конечности смотались в тот член, который человек таит...» Переводчик скрыл от читателя эти последние слова. Кто знает, потревожило ли это великого Поэта?

Сейчас все три тома рябят моими карандашными пометками. Все три отражают мой личный выбор: я буду всегда работать с бумажными изданиями, и пигментация от кофе со временем принесёт этим книгам особое очарование. История жизни Данте, потерявшегося в сумрачном лесу, уже сама по себе символична, поскольку отражает коллективную легенду, в которой человечество может отыскать само-

определение, а значит — архетип. Данте в своём произведении соединяет воедино языческий дух и христианский. Он пользуется древними мифами, отфильтровывает их через повествование-открытие, наполняет его христианским значением, чтобы соединить прошлое с настоящим. Он ставит мифологических и библейских героев на один уровень, ибо выражает человеческие чувства, а следовательно, и духовность.

Использование мифа более всего ощутимо в «Аде», гораздо меньше — в «Чистилище» и сведено до минимума в «Рае». Язычество — это грех, христианство — спасение. Миф говорит образами и цветами, так что сложность моей работы возрастает при приближении к «Раю», в котором уже не будет сюрреалистических образов и необычных происшествий.

Попробую дать анализ «Рая»: в I песни сфера огня порождает СВЕТ; во II — присутствуют зеркала, которые отражают СВЕТ; в III песни есть свечи разума, которые СВЕТАЮТ; в X же, когда Беатриче переселяется на солнце, Данте видит СВЕТ, а не цвета; в XIV песни присутствует СВЕТАЮЩИЙСЯ крест; Данте сравнивает Беатриче с СОЛНЦЕМ, а солнце-Гелиос — это символ Бога: оно разгоняет ночной сумрак, ОСВЕЩАЕТ душу, освобождает ото зла; в XXVIII песни Данте видит СВЕТАЮЩУЮСЯ точку — и это Бог. Поэтому Рай — это СВЕТ.

Как же я смогу изобразить СВЕТ?

Решено!

В Раю не будет фигур: я использую священную геометрию, последовательность Фибоначчи, «рыбий пузырь» (*vescica piscis*) — фигуру, образованную пересечением двух кругов с одинаковым радиусом, наложенных так, что центр одного лежит на окружности другого.

Перевод Элеоноры Малыхиной-Акуиланти

© Лолита Тимофеева
© Перевод Элеоноры Малыхиной-Акуиланти

Россия и Ватикан

Интервью Посла РФ
в Ватикане А.А. Авдеева
журналу «Вестник Европы»

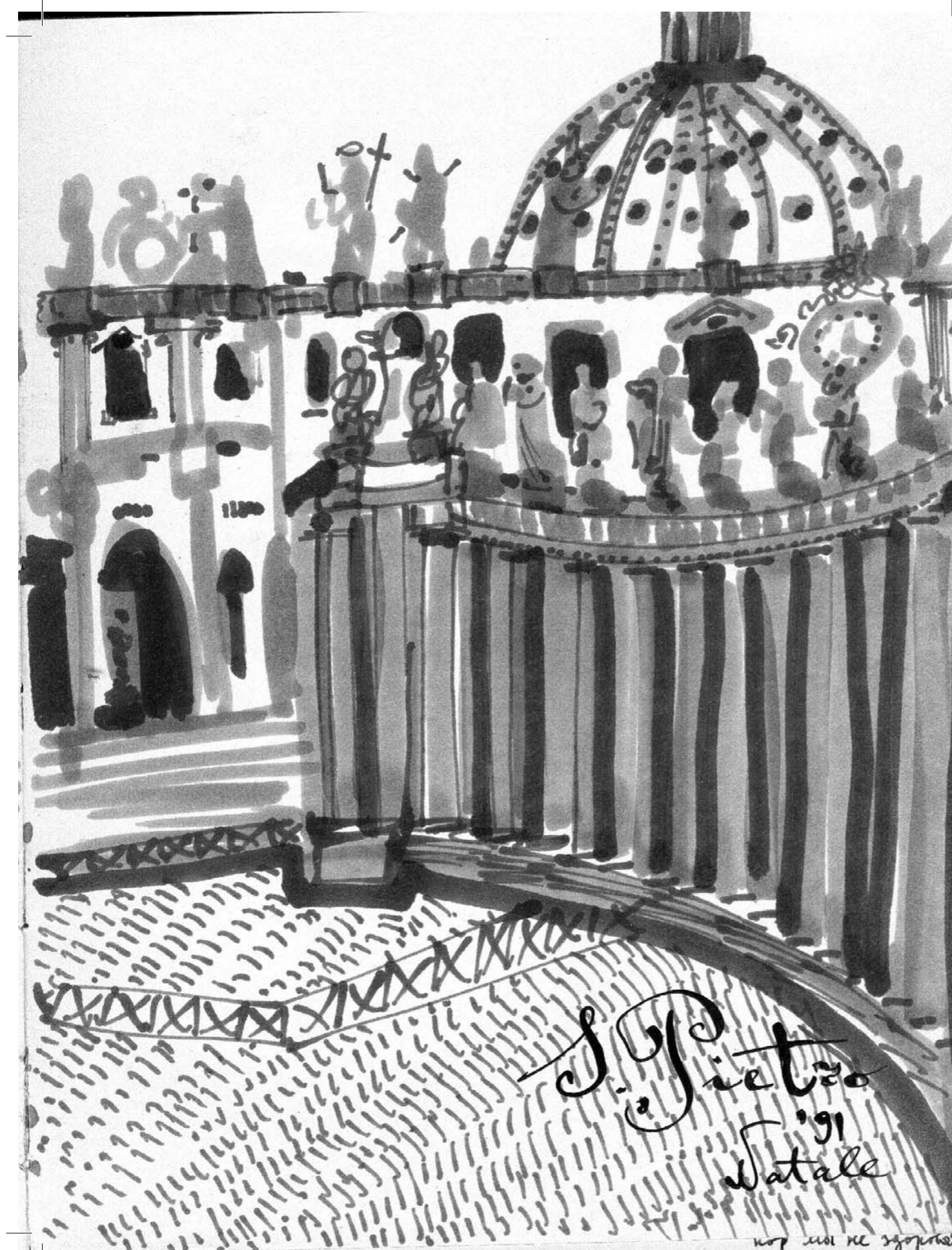

© Фото: Виктор Яромиски

Посол РФ в Ватикане А.А. Авдеев

«Вестник Европы»: Александр Алексеевич, расскажите, пожалуйста, об истории отношений России и Ватикана — Папского государства. История эта очень непростая, об этом «Вестник Европы» писал еще в XIX веке. Например, в 1868 году журнал опубликовал обширную работу А.Н. Попова «Последняя история Папской политики в России», анализирующую политику католической церкви в отношении униатов в Царстве Польском и западных губерниях России. Многие главы той работы актуальны и сегодня актуальны. Так что для нашего журнала интерес к Ватикану не случаен.

Александр Авдеев: История межгосударственных отношений с Ватиканом действительно непростая. Ее спецификой являлось совмещение в России в течение двух веков (с XVIII и до начала XX века), а также в Ватикане функций главы государства и главы церкви. Поэтому в повестку дня межгосударственного диалога царей и понтификов автоматически попадали межцерковные вопросы и проблемы.

© Рисунок Валерия Сировского

Папские дипломаты (легаты) стали приезжать в Россию уже в XV веке. Браку царя Ивана III с Софией Палеолог предшествовало сватовство, в котором участвовал и Ватикан. С конца XVIII века, т.е. уже при Екатерине II, временные миссии Папы к русским царям начинают приобретать регулярный характер. После трехкратных разделов Польши на территории России оказались многочисленные приходы католиков. Эта тема, а также вопрос о положении иезуитов в России стали предметом переписки Екатерины II с понтификом.

В 1817 году в Ватикане появилось первое российское дипломатическое представительство. Кстати, в нем в 1827–1828 гг. работал в качестве секретаря миссии будущий русский канцлер А.М. Горчаков.

В 1845 году Рим, который тогда был столицей Папского государства, посетил с визитом российский император Николай I. Он встречался с папой Пием IX, который сказал, что на «приезд русского императора и личное свидание с ним он смотрит как на особое дело Провидения»... А в 1847 году был заключен конкордат, включавший 31 статью, подписанный уполномоченными императора и папы.

После революции 1917 г. отношения России с Ватиканом были надолго прерваны. Репрессии советской власти против Русской Православной Церкви, массовые расстрелы священников вызвали протесты Ватикана. Хотелось бы выделить большую роль Папы Бенедикта XV в организации помощи России во время голода в Поволжье в 1921 году.

В СССР в годы массовых репрессий было казнено более 80 тысяч служителей Русской Православной Церкви. Ватикан постоянно призывал власти в России прекратить преследования верующих и церкви. Естественно, о дипломатических отношениях не могло быть и речи. Негативным фактором явилось и политическое сотрудничество Ватикана с гитлеровской Германией.

Официальные (но еще не дипломатические) отношения с Ватиканом в России были установлены лишь в 1990 году, а с 2009-го в Свя-

том Престоле действует полноценное посольство Российской Федерации. Сегодня отношения России с «Государством Град Ватикан» носят дружественный характер и имеют хорошую перспективу.

«В.Е.»: *Объясните читателю, зачем нужно «полноценное посольство» в государстве, в котором числится всего около тысячи граждан, а проживает там около трехсот человек?*

А.А.: Недавно в дискуссии с одним западным коллегой мне пришлось объяснять, что, имея территорию размером с Кремль, Папа Римский является духовным лидером почти для полутора миллиарда католиков.

Как пошутил один из итальянских журналистов: «В Ватикане нет дивизий, но по количеству верующего населения он, уж извините, на символическом третьем месте после Китая и Индии». И логика в этом есть. Дипломатия небольшого Ватикана имеет почти глобальные интересы, предполагающие обеспечение мира и стабильности в регионах, где живут католики. А сегодня католические общины имеются во всех уголках мира.

Государство Ватикан заинтересовано в укреплении международного права, урегулировании конфликтов мирным путем, отстаивает соблюдение фундаментальных прав личности. В этом — основное содержание внешней политики Папы Франциска. У нас весьма близкие позиции по Сирии. Прекращение кровопролития, сохранение сирийской государственности, обеспечение межконфессионального и международного мира, гуманитарная помощь населению — все это главные элементы позиции Святого Престола. Ватикан категорический противник терроризма во всех его проявлениях. Заявления о несправедливости устройства мира звучат из уст представителей Ватикана постоянно. Ответственность за «массовый исход» в Европу беженцев из Ливии и стран Ближнего Востока здесь возлагают на политику западных стран. Папа Франциск в своем знаменитом выступлении в Европарламенте в 2014 г. подверг

Евросоюз критике. Он отмечал морально-нравственную апатию и неспособность ЕС противостоять новым рискам и угрозам XXI века. Много претензий адресуется «неуправляемой глобализации», которая, по мнению Ватикана, пропагандирует сомнительные духовные стереотипы общества потребления, наносящие вред христианской цивилизации.

Святой Престол осуждает санкции, принятые в обход Совета Безопасности ООН, в том числе — и против России.

«В.Е.»: *Вы — опытный дипломат, работали в разных странах, были первым заместителем министра иностранных дел СССР, министром культуры России. Есть ли особая специфика в дипломатической работе в Ватикане?*

А.А.: Специфика связей с Ватиканом состоит в том, что наш партнер по диалогу является одновременно государством и крупнейшим духовно-религиозным центром. Работа российского посольства строится по традиционным канонам, но мы учитываем, что собеседниками-дипломатами и государственными деятелями Ватикана являются монашествующие священники. Имея ватиканское подданство, этнически они представляют все континенты мира. Папа Франциск по происхождению аргентинец; госсекретарь П.Паролин — итальянец; глава дипслужбы — англичанин, глава конгрегации образования — поляк; другую конгрегацию возглавляет кардинал из Ганы Торксон и т.д. Словом, госаппарат Ватикана похож на многонациональный секретариат ООН, но во главе с монархом — Папой Римским.

Для работы с Ватиканом нашим дипломатам, разумеется, нужна дополнительная подготовка. Речь идет о знании текста Библии, истории христианства, ориентировании в сложных перипетиях разногласий между православием и католичеством. Как посол я представляю Российскую Федерацию. Межцерковной дипломатией со стороны РПЦ занимается ОВЦС во главе с митрополитом Иларионом. У нас разные повестки

контактов с Ватиканом, но часто они пересекаются, когда речь идет о борьбе против новых рисков, предотвращении войн, конфликтов, нарушениях фундаментальных прав человека. В этой связи хочу выделить как очень важный документ совместную декларацию Патриарха Кирилла и Папы Франциска по итогам их встречи на Кубе. Для политиков и дипломатов особую важность в этом документе представляют совместные оценки обстановки на Ближнем Востоке, в Сирии, трагедии гонений на христиан и т.д.

«В.Е.»: *Участвовали ли дипломаты в подготовке встречи двух предстоятелей на Кубе?*

А.А.: Отвечаю: нет, не участвовали. Декларация готовилась и редактировалась лично Патриархом и митрополитом Иларионом. Он же вел весь переговорный процесс.

«В.Е.»: *Влияют ли отношения между конфессиями на дипломатические отношения и наоборот?*

А.А.: Да, разумеется, влияют. В 90-е годы XX века после распада СССР в Россию зачастили польские миссионеры с целью зарегистрировать в местных органах власти как можно больше католических общин. Это было сделано даже в тех уголках России, где, по мнению РПЦ, католиков практически не было. Неприятие Русской Православной Церковью такого грубого прозелитизма привело и к охлаждению межгосударственных связей. Именно в это время российские власти воздержались от установления полноформатных дипотношений со Святым Престолом. Сейчас трудности позади. Папа Франциск назвал прозелитизм грехом. Уже более десяти лет наши межцерковные и межгосударственные отношения отличаются стабильностью и хорошей атмосферой. И главное, состоялось историческое событие — встреча на Кубе Патриарха Кирилла и Папы Франциска. Дальнейшее развитие связей видится в совместном противостоянии новым рискам и угрозам XXI века. Речь идет о борьбе с терроризмом,

наркотрафиком, религиозным и националистическим экстремизмом. Ватикан — надежный партнер в совместной работе по укреплению морально-этических основ международного права.

«В.Е.»: Как Вам видится роль религиозных институтов в современном мире?

А.А.: На этот вопрос лучше отвечать, ссылаясь на содержание сотрудничества между РПЦ и Святым Престолом. В первую очередь надо отметить объемную целевую гуманитарную помощь беженцам на Ближнем Востоке. Причем распространяется она в лагерях беженцев, в церквях и школах, независимо от конфессии пострадавших. На международной арене обе наши Церкви весьма активно продвигают прекращение огня и переговорный процесс в Сирии, скорейшее решение других ближневосточных проблем. Интересны и во многом схожи социальные доктрины РПЦ и Ватикана. Миротворческие усилия Святого Престола приносят свои плоды, особенно в странах Латинской Америки. Без ватиканского посредничества вряд ли состоялось бы историческое примирение в Колумбии. Подобные примеры миротворчества в последние десятилетия многочисленны. Полезен опыт проведения международной конференции «В защиту христиан на Ближнем Востоке» «на полях» Совета ООН по правам человека в Женеве. Ее итогом стала сильная резолюция, а в дебатах приняли участие как представители государств, так и высшие иерархи христианских церквей.

Пригодится нам и опыт католиков и РПЦ по анализу ситуации в мире с семейными ценностями. На эту тему состоялось два синода с участием кардиналов и епископов всех континентов. Проблемы «просвечивались» по 14 параметрам — от количества сирот и брошенных детей до систем налогообложения, которые препятствуют заключению браков и семейному счастью. Схожий анализ был проведен в Московской Патриархии. Итогом стала совместная конференция. Папа Франциск как глава государства и церкви издал специальную энцикли-

ку — документ, обязательный для ознакомления всеми католиками мира.

На очереди другие общемировые проблемы: к примеру, сохранение природы и окружающей среды. Церкви сегодня занимаются ими вплотную, поскольку христианские морально-этические ценности не могут существовать и воспроизводиться, когда среда обитания делает жизнь человека невозможной.

«В.Е.»: Александр Алексеевич, что Вы можете сказать о культурном взаимодействии с Ватиканом?

А.А.: Культура — может быть, самая увлекательная и еще не вполне освоенная сфера нашего сотрудничества. В Ватикане собрано огромное интеллектуальное и художественное богатство христианского католического мира. В залах Папского дворца и в Пинакотеке находятся шедевры Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Микеланджело, Эль Греко, Рубенса и других великих мастеров, уникальная скульптура и мозаика. Имеются также великолепные коллекции египетского и античного искусства. Поражают художественные сокровища Папской библиотеки, российский раздел которой, кстати, еще до конца не разобран.

Особая тема — доступ к секретным архивам Ватикана. Недавно Росархив договорился со Святым Престолом о сотрудничестве в архивных делах. Теперь российские исследователи и их коллеги из Ватикана получают возможность изучать документы, посмотреть которые раньше было невозможно. Недавно в Москве состоялась уникальная выставка архивных документов «Романовы и Папский престол», организованная Госархивами России и Ватикана.

Хочу отметить, в наши дни случаются сенсационные находки, в том числе по теме связей России со Святым Престолом. Недавно крупный российский историк, посол П.В. Стегний обнаружил в одном из российских архивов подлинник документа, подтверждающий, что Павел I предлагал Папе Римскому начать диалог о восстановлении единства католичества и православия.

Раньше это была всего лишь одна из версий. Теперь она документально подтверждена и стала историческим фактом.

А в конце 2016 года в Третьяковской галерее состоялась замечательная выставка шедевров из Пинакотеки Ватикана. В Москву привезли картины великих мастеров итальянского Возрождения. Организация художественных экспозиций — дело сложное и очень дорогостоящее, а в России особенно. У нас ведь нет системы государственных гарантий на иностранные произведения искусства, привозимые на выставки. Поэтому страховку приходится оплачивать наличными. Слава Богу, есть еще в России замечательные спонсоры. В этой связи особая признательность Алишеру Усманову и Михаилу Абрамову, ибо без их спонсорского участия эта выставка не состоялась бы. То же самое относится и к выставке русских икон, которая сейчас демонстрируется в городах Италии — в Риме, Пальманова, Бари.

Развиваются культурные связи между Святым Престолом и РПЦ. Каждое Рождество в католических храмах Ватикана и Италии поют российские православные хоровые коллективы. Здесь их любят и ценят. Впереди много интересных проектов в культурных связях: обмен опытом в реставрационном деле и сохранении памятников культуры, в уникальном искусстве мозаики и т.д. Налажен обмен выставками иконописи. Особым почетом у высших католических священников пользуются православные кресты и панагии, сделанные российскими мастерами. Словом, планов и идей и у Ватикана, и у РПЦ множество, были бы на это средства.

«В.Е.»: Вы посол России не только в Ватикане, но и при Суверенном Мальтийском ордене. Расскажите, пожалуйста, об этом.

А.А.: Суверенный Мальтийский орден (СМО) — одна из крупнейших католических организаций. Она специализируется на оказании гуманитарной помощи в бедствующих и кризисных районах мира. У России очень интересная, я бы ска-

зал, увлекательная история отношений с орденом. Царская семья Романовых относилась к нему с большой симпатией. Особенно это проявилось во второй половине XVIII — начале XIX века. Орден объединял высшую католическую аристократию большинства стран Европы и в тот период имел собственную территорию — остров Мальта. Россия, по просьбе ордена (правда, недолго) была его протектором, а российский император Павел I главой ордена, т.е. Великим Магистром. Однако механизм такого протектората был неэффективным, поскольку дипломатия в то время зависела от «скорости всадника». Путь дипкурьера от острова Мальта до Санкт-Петербурга занимал, как правило, 5-6 недель. Россия много сделала для дружеской поддержки ордена после того, как он был вытеснен с Мальты войсками Наполеона. Портрет Павла I и сегодня висит на почетном месте в штаб-квартире СМО. В наши дни СМО развернул более ста медицинских пунктов на Ближнем Востоке и в Африке. В Палестине и в Ираке успешно действуют родильные дома, финансируемые орденом. В африканских странах его врачи борются против проказы и диабета. В районы катастроф зачастую первыми прилетают спасатели МЧС России и Мальтийского ордена. Гуманитарные вопросы — основная сфера нашего взаимодействия. В 2015 году по приглашению министра иностранных дел России С.В. Лаврова Великий Магистр ордена, англичанин Мэтью Фестинг посетил Санкт-Петербург. Здесь, в Эрмитаже, была открыта интереснейшая выставка портретов русских кавалеров Мальтийского ордена. Его имели члены царской семьи, а также генералы и офицеры русской армии. Символика ордена до сих пор красуется на фасадах многих дворцов и зданий нашей северной столицы. И в наше время есть российские кавалеры этого ордена. Среди них была и замечательный деятель нашей культуры Екатерина Юрьевна Гениева, директор Библиотеки иностранной литературы, одна из учредителей журнала «Вестник Европы».

Архиепископ Челестино Мильоре

Архиепископ Челестино Мильоре, Апостольский нунций в РФ отвечает на вопросы журнала «Вестник Европы»

Ваше Высокопреосвященство, Журнал европейской культуры «Вестник Европы» основан великим русским историком Николаем Карамзиным еще в 1802 году. Журнал был закрыт большевиками в 1918-м и возобновлен Егором Гайдаром, Екатериной Гениевой и Виктором Ярошенко в 2000 году. «Вестник Европы» — журнал светский, но на всем протяжении своей длинной истории всегда уделял большое внимание религии, философии, этике, еще в XIX веке публиковал большие обзорные статьи о взаимоотношениях Российской империи и Святого Престола, о великих ревнителях христианской веры. Учредитель журнала Егор Гайдар несколько раз встречался с Папой Иоанном Павлом II. Мы неоднократно публиковали его произведения в нашем журнале, так же как и статьи православных богословов и мыслите-

© Фото: Григорий Ярошенко

лей. В журнале можно прочесть эссе о миротворческой деятельности в годы Первой мировой войны Папы Бенедикта XV и статьи о нынешнем Папе Франциске.

В настоящее время мы работаем над специальным номером, посвященным Италии, где значительное место займут размышления наших авторов о роли христианства в современном мире, о взаимоотношениях между католической и православной церковью.

Мы планируем опубликовать ряд статей об уникальном государстве Ватикан, о его истории и влиянии в современном мире, о вкладе католицизма в мировую культуру, о богатстве Ватиканских музеев и архивов. Мы хотели бы получить от Вас ответы на некоторые наши вопросы. С глубокой благодарностью за Ваше внимание

Виктор Ярошенко, Главный редактор журнала «Вестник Европы»
Ниже публикуются письменные ответы, которые Апостольский нунций дал нашему журналу:

* * *

«Вестник Европы»: Как Вы можете прокомментировать достигнутый уровень межгосударственных отношений между Россией и государством Ватикан?

Архиепископ Челестино Мильоре, апостольский нунций в РФ: Речь идёт о дипломатических отношениях между Святым Престолом и Российской Федерацией. Международным

субъектом, который представляет Папа Римский, является Святой Престол, имеющий в качестве своей территории Государство Град Ватикан. В качестве отправной точки современного развития отношений между Святым Престолом и Россией я бы взял 1990 год, отмеченный изменениями в политической и общественной жизни России периода «перестройки», год, который также явился предпоследним годом существования СССР.

Встреча между Папой Иоанном Павлом II и президентом СССР Михаилом Горбачёвым 3 декабря 1989 года явилась тем краеугольным камнем, на котором стали возводиться ватикано-российские отношения. 15 марта 1990 г. стороны решили учредить официальные представительства, во главе соответственно с Апостольским нунцием и чрезвычайным и полномочным послом.

3 декабря 2009 г. в ходе визита Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева к Папе Бенедикту XVI две высокие стороны формализовали решение установить дипломатические отношения между Святым Престолом и Российской Федерацией, подняв таким образом на более высокий уровень сопоставление взглядов по целому ряду важных вопросов, представляющих взаимный интерес, по которым Святой Престол и Российская Федерация находятся в гармонии. Это решение знаменовало также, что официальный диалог с Русской Православной Церковью вошёл в новую фазу сердечного взаимопонимания и сотрудничества.

«ВЕ»: Как вы оцениваете значение встречи Предстоятеля Римской католической церкви Папы Франциска и Патриарха Русской Православной церкви Кирилла в Гаване?

Архиепископ Челестино Мильоре: Это был целебный жест, закрывший рану разделения и положивший основание для совместного пути. Конечно, речь идёт о долгом пути, но верно также и то, любой путь, даже длинный, начинается с первого шага.

«В.Е.»: *Какими Вы видите перспективы дальнейших отношений между Римом и РПЦ и шире? Между католиками и православными? В каких сферах возможно расширение контактов и сотрудничества?*

Архиепископ Челестино Мильоре: Совместная Декларация, подписанная в феврале 2016 г. на Кубе Папой Франциском и Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, гласит: должны показать всем народам мира, что различия в понимании религиозных истин не должны препятствовать людям разной веры жить в мире и гармонии. Это то, что Патриарх Кирилл называет «конструктивным межрелигиозным диалогом», то есть поиском пространств — религиозных, культурных, общественных и гуманитарных, в которых мы можем сотрудничать. Папа Франциск любит повторять, что «все мы ходим под Богом» и что религиозные лидеры могут работать совместно ради мира, распространения Евангелия на благо всех народов Земли.

«В.Е.»: *Мир полон проблем, вызовов и опасностей, среди которых вновь надвигается угроза гибели человечества в ядерной войне. Налицо обострение проблем на Ближнем Востоке, в Африке, мы видим потоки беженцев, рост взаимного недоверия, агрессивную риторику и очаги войны. Что может сделать Церковь в этой ситуации?*

Архиепископ Челестино Мильоре: Церковь может внести свой специфический вклад. То есть прежде всего искать гармонии и сотрудничества между различными общинами, чтобы таким образом сказать миру — мирное сосуществование между людьми различных культур, национальностей, религий возможно и плодотворно. Понимание и сотрудничество, а не противостояние, основанное на насилии, создают общее благо человечества. Путь свидетельства и убеждения рассчитан на долгое время, но, по большому счёту, именно он побеждает. Сразу же должен сказать, что специфика под-

хода Церкви подразумевает — и нашу веру в действенность молитвы, и убеждённость в том, что мы все зависим от Бога и что Он является Господином истории.

«В.Е.»: *В наше время, когда христиане во многих концах планеты подвергаются гонениям и насилию, что делает Ватикан и что могут сделать священники разных религий для обращения людей к миру?*

Архиепископ Челестино Мильоре: Для религиозного человека любой веры первостепенно важно свидетельствовать и верить в то, что Бог всегда стоит на стороне мирного и конструктивного сосуществования и никогда — на стороне насилия в любой форме. Среди множества инициатив, предпринятых и поддерживаемых Святым Престолом в этом отношении, упомяну только межрелигиозные встречи в Ассизи, начавшиеся уже в 1985 г. От ответственных представителей религий, участвующих в этих молитвах, требуется прежде всего желать дистанцироваться, а также дистанцировать свои общины от любого акта или формы насилия, особенно совершаемых именем Бога. Эти межрелигиозные действия — те же частицы мозаики — мозаики, что составляет культуру мира.

«В.Е.»: *Базовые принципы европейской культуры основаны на христианских ценностях, однако люди повергаются новым искушениям. Как католическая церковь противостоит этим вызовам?*

Архиепископ Челестино Мильоре: Во многом наша культура — философия, литература, искусство, но также и основания совместного гражданского бытия — берут начало из Евангелия Иисуса Христа. То, что сегодня хранится некое безразличие, происходит отдаление от наших корней, либо же их отрицание, происходит в том числе и потому, что меньше людей и общин свидетельствуют в повседневной жизни освобождающую силу, потенциал человеческой и социальной самореализации,

а также радость (потому что сегодня мир погрузился в печали и страхи) Евангелия Иисуса Христа. В связи с этим Католическая Церковь уже тридцать лет назад начала разрабатывать программы новой евангелизации. Папа Франциск очаровывает людей, потому что говорит и свидетельствует об Иисусе Христе не как об идее или мифе двухтысячелетней давности, но как о близком Человеке, присутствующем и действующем в реальной жизни.

«В.Е.»: *Какова позиция католической церкви в сложном вопросе вынужденной массовой миграции?*

Архиепископ Челестино Мильоре: Если под «вынужденной массовой миграцией» имеется в виду масса людей, которые поставлены в условия необходимости покинуть свою страну, потому что подвергаются насилию и преследованиям любого типа, тогда могу сказать, что Католическая Церковь прежде всего пытается выявить причины этих ситуаций — войны, этнические и религиозные чистки, невыносимые экономические и социальные условия — и потребовать от соответствующих властей положить им конец, с тем чтобы граждане могли оставаться в своих странах. А еще существует долг «добротного самаритянина». Если кто-то стучится в дверь, нельзя оставаться глухими и бесчувственными. Церковь признаёт, что долг гостеприимства должен сочетаться с требованиями легальности и солидарностью, в которой участвуют хозяева разных дверей,

куда стучатся беженцы. То есть речь идет о такой солидарности, которая считается с условиями для предоставления достойной помощи или быстрой интеграции беженцев в стране, оказывающей гостеприимство.

«В.Е.»: *Что делает Ватикан для сохранения преемственности между поколениями, исторического единства христианской культуры?*

Архиепископ Челестино Мильоре: Думаю, что всех поражает то благотворное внимание, которое Папа Франциск оказывает бабушкам и дедушкам, престарелым людям. Он захотел посвятить им особый день в Юбилее милосердия, который мы будем отмечать в этом году. Эта особая чувствительность получила всеобщее признание как уместная и важная в наши дни. Старики — хранители культуры и традиций. В хаотичном современном мире — родители зачастую поглощены профессией и работой и меньше времени проводят со своими детьми. И именно старики становятся учителями и конфидентами для нового поколения. На них ложится также драгоценная ноша посредников в преемственности поколений, в том числе и в вопросе передачи веры, проживаемой и радостной. Конечно, на этом всё не заканчивается. Сейчас стал обычным дискурс о «поддерживающем развитии». Эта концепция — при разработке любой социальной, культурной, экономической и экологической программы — предполагает уделять особое внимание вопросу отношений между поколениями.

© «Вестник Европы»

Епископ Карлос Азеведо

Вести диалог и слушать другие мнения

Епископ Карлос Азеведо,
Генеральный секретарь
Папского Совета по культуре
отвечает на вопросы журнала
«Вестник Европы»

Благодаря содействию посла России в Ватикане А.А.Авдеева мы имели возможность побеседовать с одним из ключевых людей, занимающихся отношениями католической церкви и культурой, в самом широком смысле этого слова. В здании Папского Совета по культуре нас принял монсеньор епископ Карлос Морейра Азеведо.

Мы рассказали о нашем проекте, о долгой истории журнала, о том что, «Вестник Европы» и в девятнадцатом веке внимательно следил за событиями в Италии, публиковал пространные работы об истории отношений Российской империи и Папского государства. Мы публиковали произведения Папы Иоанна Павла II-го писали о Папе-мироотворце Бенедикте XV, о Папе-теологе Бенедикте XVI, и о нынешнем Папе-новаторе Франциске; так что наш интерес к деятельности Ватикана в современном мире не случаен. Мы готовились к встрече, читали материалы Ватикана.

© Фото: Виктор Ярошенко

История Папского Совета по культуре (Pontificium Consilium de Cultura) восходит ко Второму Ватиканскому Собору.

Папа Иоанн Павел II основал Папский Совет по культуре 20 мая 1982 года, в 1993 году он объединил Папский Совет по диалогу с неверующими, основанный в 1965 году, с Папским Советом по культуре.

Папский Совет по культуре — это целый институт, называемый дикастерия Римской курии, «помогающий понтифику в осуществлении его высшего пастырского долга для пользы и служения Вселенской Церкви <...> в сохранении Послания Евангелия в культурах, а также в исследовании важных проблем, таких как разрыв между Евангелием и культурой; безразличие в вопросах религии; неверие».

Совет призван развивать отношения между Церковью, Святым Престолом и миром культуры.

Мы расспрашивали нашего собеседника монсеньора епископа Карлоса Азевейду, одного из руководителей этой большой и важной институции в системе католической церкви, о соотношении религии и культуры в современном мире.

* * *

Монсеньор епископ Карлос Азеведо: Мне кажется очень интересным Ваш проект. Я сам много лет был редактором журнала религиозной истории в Португалии, который называется «Священная Лузитания»...

«В.Е.»: Мы коллеги! Это великолепно, журналисты всегда понимали друг друга и помогали друг другу!

Монсеньор Азеведо: А в качестве декана факультета теологии я возглавлял три журнала, которые были посвящены искусству, музейной деятельности и истории, поэтому у меня большой опыт в сфере издания журналов, и я очень рад познакомиться с таким известным журналом, имеющим большую и очень сложную историю...

«В.Е.»: Мы делали номер о Португалии, бывали в Лиссабоне, встречались с Президентом Суарешем, который недавно умер, и нам очень интересно поговорить с Вами об этом слож-

ном и противоречивом диалоге между верой и культурой.

Монсеньор Азеведо: Я попытаюсь ответить на Ваш вопрос о соотношении культуры и католицизма сегодня. Прежде всего хотел бы сказать, что на этот вопрос нет единого универсального ответа. Одна из характеристик католицизма — так называемое свойство инкультурирования разных сфер, то есть проникновение католицизма в разные культуры. Сегодня католицизм существует в разных регионах, и Папа является своего рода наследником, представителем этой культуры в Африке, в Азии, в Америке, на Востоке, в Европе — Северной и Южной, поэтому католицизм имеет много ипостасей. В России, например, существует великая литературная христианская традиция: — достаточно вспомнить Достоевского и Толстого, которые через свое творчество передавали христианские ценности, и корнем этих ценностей является традиция искупления греха. Творчество этих великих писателей — тому подтверждение.

«В.Е.»: Ну, например, у Толстого были сложные отношения с русской Церковью. По сути дела, он пытался создать собственную церковь. Что Вы думаете по этому поводу?

Монсеньор Азеведо: Это был период своего рода либерального радикализма. Здесь, конечно, было очень сильное влияние Франции, ее национальной церкви, в то время пытались как-то разграничить Церковь и Государство, отделить церковь от государства. Помимо литературы можно, конечно, говорить об искусстве и о транслировании религиозного чувства в живописи, архитектуре, скульптуре. Это нашло свое очень яркое проявление в Европе, и таким образом оригинальное религиозное чувство и вера были переданы через искусство, а некоторые периоды были открытием новой культуры в странах Латинской Америки, Африки, и это мы хорошо видим в XVII–XVIII веках. Конечно, и в Средние века была своя особая культура. Постоянное взаимодействие религии с мыслителями, философами,

наукой, сложности отношений с католицизмом, особенно если мы будем говорить о XIX веке, где существовал своего рода конфликт науки с католицизмом, но в XX веке он преобразовался в синтез веры и разума, а если уж говорить о современном этапе, то возник диалог между верующими и неверующими по основным темам антропологии. И на современном этапе существует уже диалог и по вопросам духовности, основополагающим человеческим ценностям... Сегодня мы говорим уже не просто о культуре для элит, а о своего рода культуре менталитета, о культуре для каждого современного человека. Она характеризуется глобализацией, которая пришла к нам через средства массовой информации и через социальные масс-медиа, и происходит своего рода гармонизация культуры во всем мире, но, к сожалению, без идентичности, без каких-то местных особенностей. Сегодня в Европу прибывают массы мигрантов в том числе и мусульман, и речь идет о диалоге уже не только религий, католичества, ислама и других верований, но и диалоге культур, отношения к Богу. Вот почему Папский Совет по культуре придает этому столь огромное значение. Также очень большое значение мы придаем диалогу с атеистами, с неверующими людьми, речь идет, скорее, не о религиозной принадлежности, а о представителях разных культур.

«В.Е.»: Скажите, пожалуйста, когда мы говорим о глобализации, нельзя ли рассматривать заповеди Христа как универсальную формулу глобализации? Идите и учите все народы — ведь это и есть глобализация...

Монсеньор Азеведо: Можно сказать, что сегодня Папа Франциск в мире представляет собой духовного лидера, который провоцирует не только религиозных, но и политических лидеров, и экспертов в сфере экономики на критическое отношение к современному миру, к его ценностям и псевдоценностям. Это происходит именно потому, что Папа всегда ссылается на Евангелие, изначальное учение Христа, а не то, что потом наложилось с течением веков разными культурами.

«В.Е.»: К сожалению, у нас особенно сложен диалог между людьми воцерковленными и невоцерковленными. В начале XX века в Санкт-Петербурге и в Москве существовали «Религиозно-философские общества». В них на регулярной основе участвовали выдающиеся русские философы и богословы, такие как Николай Бердяев, отец Сергей Булгаков, отец Павел Флоренский, писатели Андрей Белый, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Василий Розанов и многие другие, священники, историки, философы и писатели. Но последнее заседание в Петербурге было, кажется, в марте 1917 года, а в Москве — летом 1918-го. С тех пор не собирались сто лет. Люди ищут Бога, общий современный язык в разговоре с церковью. Поэтому такой диалог идет через искусство, через кино, театр, через споры и конфликты.

Монсеньор Азеведо: Я однажды был в Москве в составе делегации, которая приехала в гости к Московскому Патриархату и также участвовал в организации здесь, в Ватикане, в Палаццо делла Кончеллера, выставки оригинального русского художника, который расписывал храм Христа Спасителя в Москве, — Василия Нестеренко. И я заметил, что существует проблема диалога современной культуры и религии. Религиозное искусство, как я понимаю, развивается на основе иконописных канонов.

«В.Е.»: Мы видели в музеях Ватикана целый большой музей современного искусства; значит, Вы поддерживаете поиск новых форм для выражения веры человека, взаимодействия людей с церковью. А вот исходя из современных инструментов, которыми обладает культура, в частности, кино, театр, что бы Вы, Ваше Преосвященство, не как официальный представитель, а как верующий человек сочли бы наиболее действенным?

Монсеньор Азеведо: Я считаю, что очень важно именно для веры вести сегодня диалог с современным искусством. Я всегда говорю своим молодым семинаристам, своим студентам, что если

они не понимают современного искусства, современной архитектуры, они не должны становиться священниками, потому что они не могут вести диалог с миром. Если они не понимают кино или литературу, они просто не понимают проблемы современного человека. Хочу вам показать книгу по иконографии, которую я опубликовал после выставок, в организации которых я участвовал... У меня на выставках, которые я курировал, всегда есть часть, посвященная современному искусству. Вот произведения художника, который живет в Лондоне. Они неоднозначны, но их много обсуждают. Они находятся во дворце Президента Португалии. Есть и очень провокационные произведения, они иногда шокируют, но заставляют думать и по-новому осознавать грандиозность Благой вести — Евангелия... (Достает с полки большой альбом «Лику Христа», листает страницы.) Вот смотрите — «Рождество Христово». Здесь показано, что даже Иисус родился таким же образом, как и все другие люди...

«В.Е.»: У нас в России немедленно нашлись бы люди, которые сказали, что такое искусство оскорбляет их религиозные чувства до глубины души.

Монсеньор Азеведо: Смотрите, вот «Оплакивание Христа». На мой взгляд, просто исключительное произведение, «Пьета». Цвет, взгляд, который обращен к небу, и в нем вопрос: Господи, почему я???! Такой крик, западающий в душу! На всех выставках, которые я проводил, я всегда приглашаю к участию современных скульпторов и художников. Крест и перстень, который я ношу, как вы видите, очень прост и лаконичен. Его сделала одна современная художница...

«В.Е.»: Вас не беспокоит проблема (которая сейчас очень обострилась у нас) — попытка религиозных фундаменталистов наложить цензуру на современное искусство, современный взгляд на Бога, на церковь, вообще на религиозную тему? В кино, в театре, на выставках устраиваются скандалы так называемой «оскорбленной в религиозных чувствах веру-

ющей общественности». Вы сталкиваетесь с этим в разных странах? На выставках? Это кого-то шокирует?

Монсеньор Азеведо: До того как Ватикан впервые принял участие в Венецианской биеннале, я замечал, что в разных павильонах выставки раньше всегда присутствовала какая-то провокация, какой-то укол в сторону католической церкви. Но после нашего участия это потихоньку исчезло, потому что люди стали осознавать, что мы в нашем павильоне показали не только традиционные произведения, но и очень неожиданных современных художников. Таким образом, у нас происходит диалог между современным искусством и верой, церковью. Он не всегда легок, но он идет. В 2018 году мы обязательно примем участие в архитектурной Венецианской биеннале. Мы поняли, что современные художники, представители искусства всегда пытаются через свою «грамматику», через свою систему символов передать собственное религиозное чувство, установить диалог.

«В.Е.»: Кардинал Равази и Вы возглавляете Совет по культуре. В чем состоит функция, в чем компетенция этого Совета, ведь это самая сложная область управления? Вы пытаетесь управлять культурой или Вы пытаетесь найти взаимопонимание между Ватиканом и культурой?

Монсеньор Азеведо: Перед нашим Советом стоят многочисленные задачи. Некоторые из них призваны способствовать развитию диалога между Благой вестью Евангелия и культурами нашего времени, часто отмеченными неверием или религиозным безразличием... Совет изучает проблемы атеизма и религиозного безразличия в различных культурах, он стремится устанавливать диалог с теми, кто не верит в Бога или кто не исповедует никакой религии. Но это в том случае, если люди открыты для подлинного сотрудничества. Совет сотрудничает с католическими университетами и международными организациями исторического, философского, теологического, научного, артистического или интеллектуаль-

От «цивилизации» к «культуре» и обратно: эволюция ценностных ориентаций католической церкви

Вероника ЯЗЬКОВА

Начиная со Второго Ватиканского собора (1962–1965) римские Папы призывали католическую церковь ответить на вопрос: что нужно сделать, чтобы новые формы интеллекта, то есть современная культура или, скорее, *современные культуры* приняли Благую Весть Христа? Как донести послание церкви до мира, который так гордится своими достижениями в различных областях знания?

Важным документальным свидетельством интереса понтификов к данной теме стал объёмный, более чем полуторатысячный труд «Вера и культура», изданный Папским Советом по культуре в 2003 г. В этой Антологии, охватывающей понтификаты от Льва XIII до Иоанна Павла II, собрано 1266 документов, которые отражают эволюцию католического учения в отношении веры и культуры.

Как подсчитал один из составителей Антологии, богослов и историк религии Бернар Ардура, в энцикликах и конституциях Второго Ватиканского Собора слово «культура» употреблялось 91 раз. Это много или мало? Много, если учесть, что подразумевали папы под этим понятием.

Как отмечается в пастырской конституции Собора «*Gaudium et Spes*» (1965 г.), культура есть способ гуманизации человека — при условии, что вера очищает его от деяний, которые препятствуют достижению подлинной и полной человечности. Культура, — учит католическая церковь, — это то, благодаря чему человек «уточняет и развивает различные душевные и телесные дарования; познаниями и трудом старается подчинить своей власти весь мир; делает более гуманной общественную жизнь и в семье, и во всем гражданском сообществе вследствие прогресса нравов и установлений,.. выражает, сообщает и сохраняет в своих творениях великий духовный опыт» прошлого на благо всего человеческого рода. Культура как подчеркивалось в соборной конституции, имеет исторический, социологический, этнологический аспекты, поскольку речь идёт не об одной культуре, а об их множественности. Но такое представление существовало не всегда. Оно стало результатом длительной эволюции.

Со времён Пия IX (1846–1878¹) и Льва XIII (1878–1903) церковь была объектом крити-

¹ Даны годы понтификатов.

ки либералов и модернистов: её признавали противницей «культуры», обвиняли в косности, обскурантизме на том основании, что она не желает мириться с современной цивилизацией, анафематствует рационализм, пантеизм, натурализм, гражданский брак, принцип свободы совести, отделение церкви от государства, выступает против демократии, либерализации общественной жизни и т.д. Под истинным же прогрессом понтифики понимали преодоление суеверий, рабства, варварства — словом, совсем не то, что было по сердцу либеральной обществу. Трактуя цивилизацию и культуру по-разному, церковь и общество зачастую воспринимали друг друга враждебно. Поэтому папские тексты этого времени следует интерпретировать с большой осторожностью, с учетом контекста, дабы избежать анахроничности восприятия.

Судя по папским документам конца XIX — первой половины XX века, «цивилизация» было принято считать синонимом «культуры». В 1892 г., отмечая 400-летие открытия Америки, папа Лев XIII обратился к понятию «цивилизация», дабы подчеркнуть «цивилизаторскую миссию» церкви, её роль в евангелизации народов, триумфе христианства в Латинской Америке и во всём мире.

«Цивилизация этого мира, — писал в 1905 г. пап Пий X (1903–1914, канонизирован в 1954 г.), — есть цивилизация христианская; церковь фактически стала её защитником и хранителем. Этот принцип лёг в основу законодательства многих стран, на нём строились отношения церкви и государства, он оправдывает авторитет церкви в вопросах нравственности, подчинение законов государства божественным законам Евангелия» (Вера и культура, №66). Модернисты же, — заявлял Пий X пятью годами позже, — «подрывают основы доктрины, законов, учреждений церкви. Они кричат о культуре и цивилизации, но не потому, что дорожат ими, а потому, что прикрывают этими великими словами коварство своих намерений» (Вера и культура, №127).

На рубеже веков, особенно в начале XX века модернизм стал серьёзным вызовом папству. Как отмечает Б. Ардура, именно Пий X с присущей ему тонкой интуицией выявил культурные и религиозные признаки явления, которое мы сегодня называем «туманным Нью-Эйдж» — движением «религиозного возрождения», системой взглядов или даже состоянием души. В 1910 г. Пий X, с опережением на несколько десятилетий, предостерег папство от соблазна стать жертвой надконфессиональной религии без догм и иерархий. Эта религия, — пояснял он, — позиционирует себя «универсальнее католической церкви», дескать, в ней работают «не для церкви, а для человечества», она не навязывает нравственных правил, не воздвигает препоны страстям — и «под предлогом защиты свободы и человеческого достоинства приведёт мир... к царству обмана и насилия» (№150-151).

Варварство Первой мировой войны, масштабы кровопролития на фронтах, «гигантская бойня», бесчинства, «чудовищность мысли и действия», презрение к законам, — всё это стало темой энциклики Бенедикта XV (1914–1922) «*Ad beatissimi Apostolorum Principis*» (1914 г.). Папа напомнил человечеству о заповедях Христа, заговорил о мире, о строительстве «цивилизации любви». Собственно культуре Бенедикт XV посвящена энциклика «*In graeclara*» (1921 г.), написанная по случаю 600-летия со дня смерти Данте Алигьери. Понтифик обратил внимание на глубокую религиозность поэта, которая могла бы послужить образцом для подражания современному поколению молодых людей, заражённых идеями модернизма и не желающих мириться с существующим порядком. Конечно, Данте сурово критиковал папство своей эпохи, — писал Бенедикт XV, — но это потому, что «по слабости человеческой даже святые души иной раз покрываются мирской пылью». Данте же глубоко чтит католическую церковь и власть Папы Римского, которая, по его мнению, «придавала ценность законам и установлениям са-

мой церкви». Секрет славы и величия Данте, как и любого гения, — в глубине и искренности его веры, — утверждал Бенедикт XV, — а потому те, кто отказывают религии в праве воспитывать молодёжь, на самом деле, выступают против прогресса наук и культуры (Вера и культура, №214-215, 217).

Проблема христианского образования особенно остро обозначилась после подписания между Ватиканом и правительством Италии 11 февраля 1929 г. Латеранских соглашений, признавших католицизм «единственной государственной религией». В энциклике «*Divini illius Magistri*» (1929 г.) папа Пий XI (1922–1939) отстаивал право духовенства участвовать в воспитании юношества, учреждать собственные школы, заниматься литературой, искусством, наукой — величайшими достижениями цивилизации.

Размышляя об истинных и ложных идеологиях, Пий XI не побоялся сорвать маску с нацизма, объявив его «культурной фальсификацией», усмотрел в материализме общую питательную почву для либерализма и коммунизма. В энциклике «*Quadragesimo anno*» (1931 г.) Пий XI развил ряд положений знаменитой энциклики Льва XIII «*Regum novarum*» (1891 г.), сосредоточившись на модернизации социального учения церкви. Папа утверждал, что христианские ценности должны быть привнесены прежде всего в общество и в культуру, поскольку именно с помощью культуры можно создать новое справедливое общество, реформировать учреждения и исправить обычаи, дискредитировавшие себя в период тоталитарных режимов. «Целые народы рискуют впасть в варварство, какого мир... не знал со времён прихода Спасителя, — писал Пий XI в 1937 г. в энциклике «*Divini Redemptoris*». — Вы уже поняли... что речь идёт о большевистском и безбожном коммунизме, цель которого — разрушить общественный порядок и подорвать самые основы христианской цивилизации». Церковь же стремится сохранить её, поскольку это *новая универсальная цивилизация*, обещанная Христом,

и она превосходит всё самое великое из созданного человеком (Вера и культура, №398-400). Эта же тема оставалась приоритетной в радиовыступлениях (1944 г.) и документах Пия XII (1939–1958) — в его посланиях к христианским ассоциациям трудящихся, к итальянским спортсменам, к женщинам (1945 г.), энциклике «*Humani generis*» (1950 г.).

Иоанн XXIII (1958–1963, канонизирован в 2014 г.) установил связь между культурой и социальной справедливостью. С этого момента «цивилизация» уступает место «культуре». Папа обращался к юристам, инженерам, проповедникам, врачам, преподавателям французских университетов, католической прессе, участникам II Всемирного конгресса писателей и художников Африки (1959 г.), Панамериканского конгресса католического образования (1960 г.) и т.д.

В понтификат Иоанна XXIII произошло крупнейшее событие в истории католической церкви XX века — созыв Второго Ватиканского собора. Папа призвал католиков вести диалог со всем миром, и не только с единомышленниками, но и с теми, кто придерживается иного мировоззрения, исповедует другую религию, и даже с неверующими. Второй Ватиканский собор поставил новую задачу — сделать Евангельскую Благую Весть привлекательной для современных культур, работать *внутри* этих культур, защищать права человека и его достоинство, воспитывать у верующих чувство солидарности.

Иоанн XXIII умер в самый разгар Второго Ватиканского собора. На долю его преемника — Павла VI (1963–1978) выпала нелегкая задача: завершить Собор, сдерживая натиск традиционалистов и модернистов. Верный линии своего предшественника, Павел VI сосредоточился на теме христианского воспитания. Урбанизация, невиданный технический прогресс, создание новых форм культуры (масскультуры), возникновение нового мышления, культурный обмен, — отмечалось в конституции «*Gaudium et Spes*» (1965 г.), — питает развитие различных форм культуры и постепенно готовит *универсальную форму человеческой культуры*. Чело-

век — творец культуры, она занимает исключительное место в его призвании. При помощи философии, истории, литературы, искусства, математических, естественнонаучных дисциплин он «может значительно способствовать тому, чтобы человеческая семья поднялась до самых возвышенных понятий об истинном, добром и прекрасном и до всеобъемлющего суждения о ценности вещей...» С развитием науки современная культура может, конечно, «благоприятствовать... феноменализму и агностицизму», — отмечалось в этой конституции, — но это ни в коем случае не должно умалить её ценностей, а именно: строгую верность истине в научных исследованиях, чувство международной солидарности, сознание коллективной ответственности учёных, стремление поднять уровень жизни и образования неимущих и малограмотных. Всё это может «служить некоторой подготовкой к принятию евангельской вести».

Заблуждениям и «слабостям» современного человечества Павел VI противопоставил «цивилизацию любви», основанную на защите человеческого достоинства и тотальном уважении всех форм жизни. Эта идея буквально пронизывает энциклику «*Humanae vitae*» (1968 г.). Отныне церковь стала рассматривать культуру как своё «поле деятельности», потому что именно здесь живет и развивается человеческая личность. Речь шла о принципиально новом типе эвангелизации, которая действовала бы не только индивидуальные, но и коллективные модели поведения, коллективные ценности, средства массовой информации.

«Я хочу посвятить себя проблемам культуры, науки и искусств, это важнейшее пространство, в котором сегодня решается судьба церкви и всего мира», — заявлял в 1979 г. кардиналам Папа Иоанн Павел II (1978–2005, канонизирован в 2014 г.). Как отмечается в энциклике «*Veritatis Splendor*» (1993 г.), «человек всегда соотносит себя с какой-либо культурой, но он не исчерпывается ею. Более того, прогресс культуры доказывает, что в человеке есть

нечто, что превосходит её и не позволяет ему становиться её пленником, — это природа человека». В 1980 г. папа сказал: «Культура призвана проявить в человеке его трансцендентное начало, её задача — не дать ему раствориться во всяческом материализме и потребительстве, не позволить науке или технологии, стоящим на службе у алчных тиранических режимов, уничтожить его» (Вера и культура, №1146).

Выдающийся мастер культурной дипломатии, папа Иоанн Павел II предложил верующим новое видение культурного факта: взаимодействие современных «живых» культур с Традицией — Евангелием, теологией, историей, великими достижениями гуманистических наук. На практике же в годы понтификата Войтылы католическая церковь прямо или опосредованно, через Папский Совет по культуре, поместные церкви, епископские конференции и другие каналы, вносила свой вклад в развитие культурного и научного обмена, сотрудничала в области истории, философии, теологии, естественнонаучных дисциплин, искусства с ЮНЕСКО, Советом Европы, международными католическими организациями и университетами.

Антология «Вера и культура» иллюстрирует девять понтификатов: Льва XIII, Пия X, Бенедикта XV, Пия XI, Пия XII, Иоанна XXIII, Павла VI, Иоанна Павла I и Иоанна Павла II. В общей сложности труд охватывает 113 лет их папской деятельности (1890–2003 гг.) и содержит 1266 текстов, каждый из которых так или иначе посвящён отношениям церкви и общества.

Хочется спросить: слушают ли и вообще слышат ли они друг друга сегодня? А если слышат, то готовы ли принимать культурные ценности оппонента? Секулярное общество далеко не всегда понимает молчание церкви или язык, на котором она говорит, а если даже и понимает, то интерпретирует услышанное на свой лад. Диалогу это, по всей видимости, не мешает. А вот взаимной доверительности, подлинному сближению — это еще вопрос...

Антонио Паолуччи

Среди сокровищ Ватикана

Профессор Антонио Паолуччи
отвечает на вопросы журнала
«Вестник Европы»

Профессор Антонио Паолуччи

Историк искусства; учился во Флоренции. Назначен Папой Римским Бенедиктом XVI директором музеев Ватикана в 2007 году и был им десять последних лет. На протяжении всей своей карьеры Паолуччи работал в Риме, во Флоренции, Венеции, Вероне, Мантуе и других итальянских городах, а также на государственных должностях, связанных с искусством и культурой. С января 1995-го по май 1996 года он занимал должность министра культурного наследия. До этого Паолуччи был генеральным директором по культурному наследию в Тоскане. Он автор многочисленных книг и статей по истории итальянского Возрождения, в том числе работы о художниках: Пьеро Делла Франческа, Лука Синьорелли,

© Фото: Виктор Ярошенко

Микеланджело, Рафаэль, Филиппо Липпи, Бронзино, Челлини, росписях Сикстинской капеллы, а также работы по методам реставрации и истории искусства в целом. Его работы были переведены на английский, русский, немецкий, французский, испанский, японский, а также другие языки.

Наша беседа состоялась в октябре 2016-го, когда мы начали работу по итальянскому номеру при содействии Российского посла в Ватикане А.А. Авдеева. Ныне директором Ватиканских музеев с 1 января 2017-го является Барбара Ятта (*Barbara Jatta*), выпускница университета Сапиенца, ранее работавшая заместителем директора ватиканских музеев, а еще прежде — директором ватиканской Апостольской библиотеки.

* * *

Посол России при Святом Престоле А.А. Авдеев любезно договорился об интервью в дирекции музеев Ватикана. Посольская машина въехала в ворота Святого города, швейцарские гвардейцы лихо откозыряли, и мы проехали там, где не бывают рядовые посетители.

Профессор Антонио Паолуччи принял нас в маленькой гостевой комнате за круглым столом эпохи Ренессанса. На стене — городской пейзаж, на инкрустированном бюро — античный бюст.

Профессор Паолуччи сказал, что когда Папа Бенедикт предложил ему возглавить музеи Ватикана, он долго не раздумывал: что может быть выше и почетнее для искусствоведа и музейного работника, чем поработать в этих знаменитых коллекциях, в этих залах, где на стенах отборные шедевры великих мастеров.

К моменту нашего разговора 26 октября 2016 г. он уже знал, что с нового года в музеях будет новый директор, и знал имя этого директора.

* * *

Музеев в этом уникальном городе-государстве Апостольского Престола целое созвездие. Они веками вырастали из находок и даров.

Их история, естественно, прямо связана с историей Рима, становлением в нем христианства, временем могущества католицизма, историей Папского государства, наконец «Римского вопроса», возникшего как неизбежный побочный продукт после Рисорджименто и объединения Италии. Последняя история особенно тесно связана с именами двух пап — Пия IX и Пия XI.

После того как Рим был объявлен столицей единого Итальянского государства, после присоединения Папской области к Итальянскому королевству Папа Пий IX объявил себя «добровольным затворником», захват Рима он не признал и отлучил короля Виктора Эммануила (!) от церкви. Формальные отношения с итальянским правительством были надолго прерваны.

Только при Пие XI, после трех лет переговоров, 11 февраля 1929 года были подписаны «Латеранские соглашения»¹, призванные нормализовать отношения между католической церковью, Святым Престолом как юрисдикцией и Итальянским государством.

С этой даты и начался отсчет новой истории Ватикана как государства. С этой даты же начинается и история музеев Ватикана.

Происхождение определило и лицо, и содержание, и значение этих музеев. Музеи Ватикана входят в первую пятерку Великих музеев мира: Наряду с Лувром, Национальной галереей и Британским музеем в Лондоне, Метрополитен-музеем в Нью-Йорке, Прадо в Мадриде, Эрмитажем в Санкт-Петербурге. Еще можно добавить, на мой взгляд, несколько городов, имеющих достойные музеи и достойные имена великих — это Флоренция, Венеция, Берлин, Вена, Милан, Неаполь, Афины, Каир. Но Британский музей, Лувр и Эрмитаж стали музеями мировой культуры, хотя, конечно, в первую очередь с европейским, конечно, перевесом.

Музеи Ватикана сложились как собрания артефактов и произведений по преимуществу местных (италийских, этрусских, древнегреческих и древ-

неримских), а уже позднее — произведений христианского искусства самых разных периодов — от раннего Возрождения до современного нам. И тоже почти исключительно католических и чаще всего — итальянских. Произведения французских и северных мастеров не делают здесь погоды; для их изучения надо ехать в музеи северных стран. Как и для изучения православных икон и вообще восточноевропейского искусства надо ехать в Восточную Европу. Но в любом музее мира надо отметить не то, чего в нем нет, а то, что в нем есть.

История музеев Ватикана

Век за веком в Европе сменялись короли и папы, шли нескончаемые войны, пресекались старые и создавались новые династии; ужасающие эпидемии уносили тысячи жизней.

Комплекс дворцов Ватикана, материальное воплощение духовной и светской власти, тоже создается вторую тысячу лет. Ветшали, рушились дворцы и базилики, возводились и сносились стены и храмы, неспешно строились новые.

ROMA Aeterna! Древним артефактам культуры этой земли тысячи лет; и христианским — немало начиная с первых христианских храмов, включая гробницу Святого Петра, который принял мученическую смерть при Нероне в 67 году от Рождества Христова. Получается: в 576 году от основания Рима.

В недрах Древнеримской империи возникал, оставляя следы, новый христианский мир. Растущее христианство должно было примирить «эллина и иудея», римлянина и галла, найти общий язык и образы. Редкие реликвии — катакомбные надписи, рисунки, барельефы на саркофагах, первохристиан не могут не волновать: столько в них еще свежего, нового, не устоявшегося поиска.

Этот богатый город завоевал полмира, но и его завоевывали и грабили множество раз. Галлы, гунны, вандалы, сарацины, франки, французы, германцы, немцы. В 846 году сарацины разграбили сокровища базилики Святого Петра: она не была защищена крепостными стенами Аврелиана.

Папа Лев IV построил могучие стены «Города льва» (часть стены стоит и сейчас). А после битвы при Остии (849 г.) сарацины уже не грабили Рим. При Папе Евгении III (1135–1153 гг.) возник «Новый дворец», который завершил Папа Иннокентий III (1198–1216 гг.). История Рима знала немало трагических страниц.

В 1527 году, когда французская армия Карла VII снова разграбила Рим, Папа Климент VII сумел сохранить Апостольскую библиотеку и ее бесценные манускрипты только ценой огромной контрибуции.

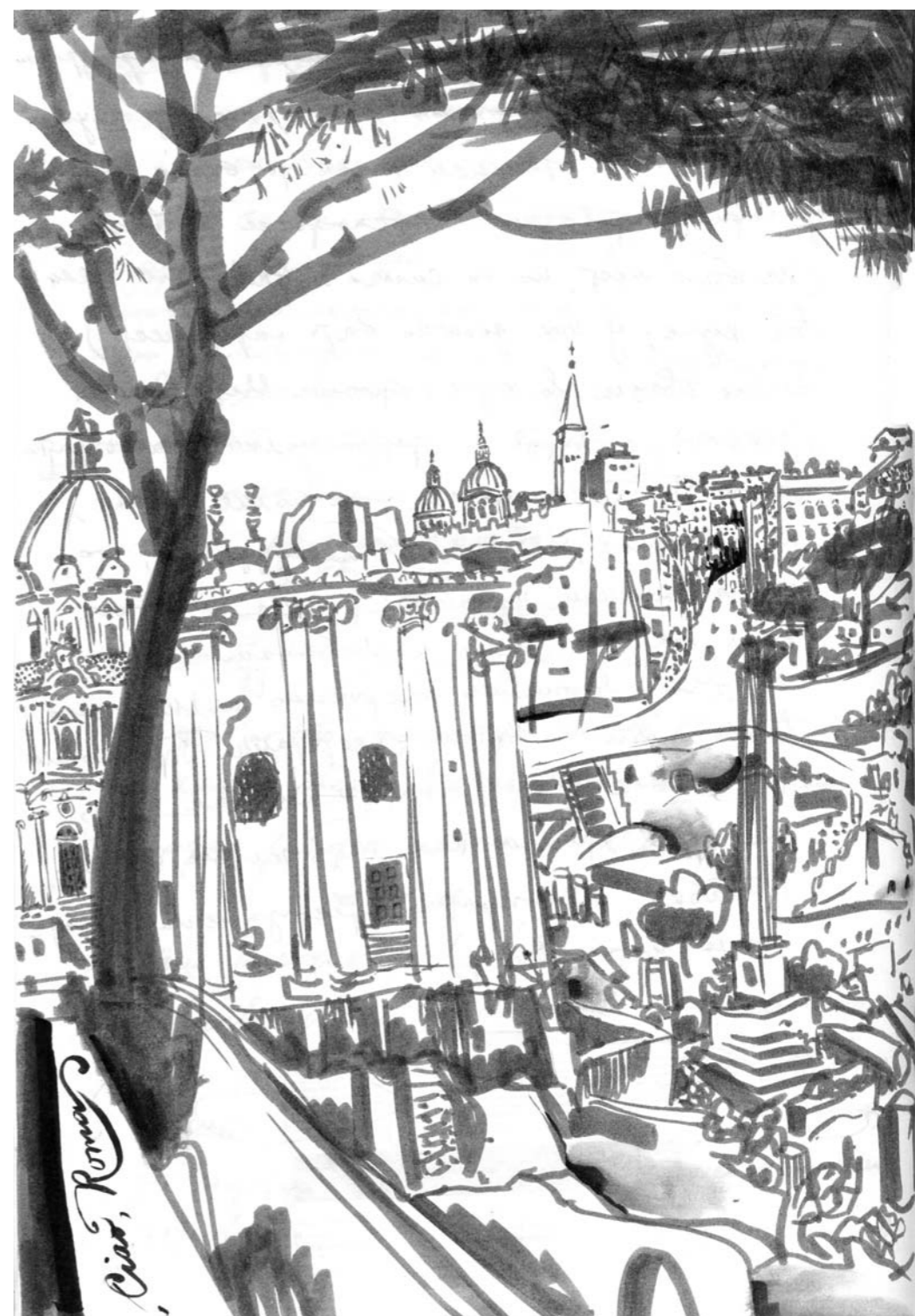
«Изначально светская власть Римского епископа распространялась на земельные владения, получаемые в дар от состоятельных римских семей и образовавшие т.н. Вотчину (Патримоний) Святого Петра и осуществлялась в рамках Римской империи; однако с VIII века Папа становится главой самостоятельного Церковного государства, просуществовавшего до объединения Италии в 1870 году. Церковное государство (Папская область) состояло из территорий, на которых в течение более чем тысячи лет признавалась власть Папы как светского правителя².

В XV веке, при Папе Николае V, началась перестройка базилики Святого Петра и папских дворцов, которая растянулась на сотни лет.

Но церковь живет «в больших временах» и куда не торопится. Папы были королями королей, отлучали их от церкви, а короли коленопреклоненно каялись. Их могущество и власть признавались императорами. Но бывало и иначе.

Папский трон стал предметом мечтаний честолюбивых стремлений могучих семейных кланов.

В бурном XV веке начался период избрания Пап из влиятельнейших семейств Борджиа (Александр VI), делла Ровере (Сикст IV и его племянник Юлий II); Медичи (Климент VII, Лев X). Про Папу Сикста IV прямо говорили, что он купил голоса кардиналов. Но история культуры помнит, что при нем была построена и расписана Сикстинская капелла, создана Ватиканская библиотека, заведен Тайный архив, написана история Папства. Флорентийские Папы пригласили в Рим знаменитых флорентийских художников. Для Папы Юлия II Браманте пере-

Валерий Сировский. Из записных книжек

строил папский дворец, окружил двор Святого Дамаса тремя ярусами аркад, создав лоджии, которые потом стали «Лоджиями Рафаэля» (1517–1519 гг.). Браманте соединил Папский дворец с виллой Бельведер. Так возник поражающий своей торжественной гармонией «Бельведерский дворик», видный из музейных окон.

* * *

История коллекции Ватикана начинаются с находки, у которой есть точное время и адрес: 14 января 1506 г. в виноградниках на склоне Эсквилинского холма случайно нашли античную скульптурную группу, ставшую одной из самых знаменитых в мире — «Лаокоон с сыновьями». О находке доложили Папе Юлию II, он послал за экспертами: архитектором Джулиано да Сангадло и Микеланджело. Уже через месяц скульптуру выставили в ватиканском Бельведере. Собственно, ничего сверхъестественного в находке не было: римская земля полна сокровищ; находки были до и после, музеи Ватикана полны этими богатствами, найденными буквально под ногами (а вернее, вывезенными из Эллады!).

Музей Пия-Клементя, экспозиция которого собрана преимущественно из статуй, найденных здесь же, в Риме и в окрестных виллах. Музеи Ватикана были основаны в «век Просвещения» при Папе Клементе XIV (1769–1774 гг.). В те же годы открывались музеи по всей Европе: в Вене, во Флоренции, Петербурге, Дрездене. Пий VI (1775–1799) продолжил дело своего предшественника. На его папство выпала нелегкая доля наполеоновской оккупации, разграбления художественных сокровищ, арест и скорая смерть в плену... После сдачи Мантуи в 1797 году Бонапарт направил освободившиеся от осады войска во владения Ватикана, где в первом же столкновении папские отряды были обращены в бегство. Города сдавались Наполеону без всякого сопротивления. Пий VI запросил мира. Генерал Бонапарт настаивал на полной капитуляции. 19 февраля 1797 г. в Толентино был подписан мир. Пий VI уступал значительную, и самую богатую часть своих владений, уплатил узурпатору 30 миллионов франков золотом, отдал сокровища (лучшие картины и статуи) из своих музеев, кото-

рые, так же как ранее из Милана, Болоньи, Модены, Пармы, Пьяченцы, а позже из Венеции, были отправлены Наполеоном в Париж. Наполеон Бонапарт, захватив Рим, упразднил Папское государство и учредил Римское королевство, провозгласив королем своего сына. Многие шедевры ватиканских коллекций тогда были вывезены в Париж и были возвращены Ватикану только после решения Венского конгресса, когда Рим вернули под власть Папы. По иронии судьбы, после падения Наполеона практически все представители семьи Бонапарт, попросив убежища у Папы Пия VII, поселились в Риме. Мать Наполеона, Мария Летиция Рамолино, проживала во дворце Ринуччини, его сестра Паолина — на вилле Номентана, а братья Луиджи и Джироламо — в палаццо Манчини и Нуньес³.

Об итальянской кампании Бонапарта подробно писал в своем новом журнале «Вестник Европы» молодой Николай Карамзин. В первых номерах журнала за 1802 русский историк подробно освещал ход военных действий, создание Цизальпинской республики и даже излагал ее Конституцию. Так связались история нашего журнала — и Италия.

Григорианский музей светского искусства в Ватикане посвящен греко-римским статуям. Посетители проносятся здесь транзитом, а зря.

Нельзя получить большее визуальное впечатление об этой давней эпохе, чем взглядываясь в эти скульптуры.

Музей был основан в 1884 году Папой Григорием XVI и содержит коллекцию скульптур, саркофагов и надгробных статуй, большинство из которых относятся ко времени ранней Римской империи.

Григорианский Этрuscoский музей Ватикана был основан Папой Григорием XVI в 1837 году. Здесь собрана одна из лучших коллекций этрусского искусства в мире.

Григорианский Египетский Музей Ватикана также был основан Папой Римским Григорием XVI, который очень интересовался египетской культурой.

В *Музее Пио-Кристиано* собраны редчайшие мозаики и скульптуры эпохи раннего христианства. Музей был создан в 1854 году Пием IX.

Этнологический миссионерский музей Ватикана был основан Пием XI в 1926 году для произведений Азии, Океании, Африки и Америки. Многие из ста тысяч экспонатов были привезены католическими миссионерами.

Исторический музей собрал уникальные экспонаты, показывающие длинную и бурную историю Ватикана. Музей был основан в 1973 году по решению Папы Римского Павла VI.

Музей современного религиозного искусства гораздо больше Пинакотеки (пятьдесят пять комнат). Экспозиция включает работы многих именитых художников мира XIX–XXI веков, включая Дали, Кандинского, Матисса, Пикассо, Родена, Ван Гога, Риверу, Гуттузо, Манцу и многих других. Этот музей тоже был основан в 1973 году по воле Папы Павла VI.

И, наконец, *Картинная галерея Ватикана (Пинакотека Ватикана)* — относительно новый музей. Ее создавал как целостный музей в конце XVIII века Папа Пий VI. Но открылась она только в 1932 году. Здесь находятся 460 шедевров живописи, включая византийские иконы. Здание Пинакотеки — картинной галереи — начали строить сразу после подписания латеранских соглашений, утвердивших существование независимой юрисдикции Государства Ватикан, и открыли 1932 году. Новый музей построил миланский архитектор и реставратор Лука Бельтрами (1854–1933)... Он очень тактично вписал новое здание музея в ансамбль старинных дворцов, созданных великими предшественниками.

* * *

Музеи Ватикана с утра до вечера полны народу; особенно людно конечно, в «Станцах» Рафаэля и в Сикстинской капелле. Но если у вас будет возможность: как минимум взглянуть во фрески Микеланджело, а если вы готовились, то что-то, возможно, и самому в них найти — не знаю, что, то но будет ваше собственное, личное открытие и вы унесете его «на сетчатке ваших глаз». Пинакотека Ватикана, напоминая себе, — не обычный музей, а прикладной, особенный, находящийся при церкви; короче — религиозный, христианский. Музей одной темы и в этом смысле — уникален. Здесь вы не найдете королей и герцогов, авто-

портреты художников, статуи нимф и богинь; портреты прелестных принцесс и гордых герцогинь. Здесь не гарцуют кондотьеры, не гремят литавры и не скрещиваются мечи. Тут все или почти всё — вокруг Священного Писания, молитвы и чуда, жизни и подвига Иисуса Христа, его Тайной Вечери, Моления о чаше, мук, Крестного пути, Снятия со креста, Положения во гроб, Преображения. Ну и конечно, страданий, мученичеств и чудес святых Иоанна, Франциска, Николая, Иеронима, Себастьяна, Варвары, Екатерины, Доминика, Ромуальда Равеннского и других святых. И конечно, «Воскресения» и «Вознесения» — в потрясающей интерпретации великого Рафаэля. Это работа особенная, он ведь не завершил ее, ушел, так и не попрощавшись. Огромная картина стояла у его гроба... Художник, создавая это произведение, глубоко уходит внутрь его, духовным подвигом постижения. Гений Рафаэль. Как бы мог написать он этот невысказанный взлет, это Преображение, непостижимое уму, самому не ощутив, не увидев и не взлетев к небесам — чего бы это ни стоило?

Профессор Антонио Паолуччи: Антонио Паолуччи в 2007 году, когда я пришел работать в Ватикан, в музее побывало около 4,3 миллиона посетителей; 6 миллионов было в 2015-м и примерно столько же на сегодняшний день. Мы считаем, что это предельная нагрузка при нынешней организации музеев. В наших галереях — самая великолепная коллекция античной и ренессансной скульптуры, которой нет аналогов нигде в мире... Музеи Ватикана своим богатством отражают историю католической церкви, влияние и силу христианства. В ренессансное время знаменитые папы Юлий II, Лев X сделали немало для доказательств земного величия римского двора, духовной и светской власти Папы Римского — короля над королями.

В.Я.: Но, при всей вселенскости католической церкви, здесь собраны прежде всего шедевры итальянского искусства...

Профессор Антонио Паолуччи: Так совпало, что лучшими художниками мира в то время были итальянские, прежде всего художники-флорентийцы. Работать на Папу, на римский двор означало в то время работать на самого могущественного и просвещенного заказчика в мире, к тому же гарантирующего художнику щедрую оплату. Давно и подробно описаны взаимоотношения пап Александра V, Юлия II, Льва X с великими архитекторами и художниками — Браманте, Микеланджело, Рафаэлем... Конфликты и примирения, страстные споры... Да, все они были эмоциональными людьми, но уважение к художнику здесь преобладало. Ведь на самом деле эти споры означали широчайшую свободу, которую папы давали мастерам, призванным к великому делу влияния через искусство на аудиторию, в том числе на высшую знать, влияния эмоционального, через художественное воплощение христианских и философских идей своего времени. Папы не были просто меценатами и поклонниками изящного; они понимали огромную эмоциональную роль непосредственного влияния образа и активно участвовали в формировании смысловой нагрузки художественного заказа. Роспись Станцев или Капеллы воспринималась как аргумент и программное утверждение истины.

В.Я.: До нового Папы, который зачастую менял задание...

Профессор Паолуччи: Как люди просвещенные, высшие иерархи церкви ценили высочайшие художественные достижения; как люди практические, они знали, что работы лучших художников — это капитализация затраченных средств, инвестиция в авторитет церкви. Сикстинская капелла, с ее грандиозными росписями Гирландайо, Микеланджело, да это же манифест того католичества, который воспринял и развил ренессансные идеи; творческую дерзость художника как свое послание миру; во имя этого и это Сотворение мира и Человека, и этот воистину страшный «Страшный Суд»...

Сикстина, где заседают коллегии кардиналов и где избирают Папу, особое место даже здесь, в священном граде Петра.

А «Станцы» Рафаэля, эти расписанные им комнаты, с невероятной глубиной и мудростью заложенного в них смысла — с «Афинской школой» и «Диспутом» или «Изгнанием Элиодора» — все они вовсе не декоративны, надо просто уметь их прочесть.

«Станцы» (комнаты) Рафаэля появились благодаря Папе Римскому Юлию II, который отказался жить в покоях, созданных для его предшественника Александра VI Борджиа. Для оформления своих новых покоев он пригласил модного 25-летнего живописца Рафаэлло Санти. Начиная с 1508 года Рафаэль работал в этих залах над монументальными фресками, ставшими вершиной Ренессанса.

Папа Лев X, пришедший на смену Юлию, высоко ценил Рафаэля. После смерти Браманте он назначил Рафаэля главным архитектором строящегося собора Святого Петра, а еще через год — главным хранителем древностей Ватикана. Но в день своего рождения — 6 апреля 1520 года, в тридцать семь лет, Рафаэль неожиданно умер, оставив безутешными своих друзей, заказчиков, кредиторов и возлюбленных.

Рафаэль, самый гармоничный из всех, ангел во плоти, шаловливый и беспечный гений, умерший в день рождения и похороненный в Пантеоне.

Эти великолепные музеи, недостатком которых можно назвать разве что только их невероятное богатство, перенасыщенность от пола до потолка высоким искусством и каждый сантиметр их драгоценен, отдан художественному образу. Человеку нужна не одна жизнь, чтобы все это увидеть, воспринять и осмыслить.

Поэтому Ватиканские музеи нужно сначала понять, а потом очень бережно сохранить и осторожно вводить всякие новшества.

Конечно, необходимы самые совершенные системы охраны и сохранности, сигнализации, соблюдение режимов влажности и кондицио-

нирования, пожарную и прочую безопасность, компьютерную очередь, оптимизацию потоков посетителей.

В последние годы была произведена большая модернизация музеев.

Мы модернизировали системы контроля микроклимата в Сикстинской капелле в 2014 году, заменили систему кондиционирования воздуха, которая проработала 20 лет.

В Сикстинской капелле была установлена новейшая система освещения с использованием около 7000 светодиодов. Было увеличено время посещения музеев по вечерам, запущена онлайн-система продажи билетов. Тут есть и дилемма — принципиальная ограниченность потока посетителей. Он не может возрастать бесконечно, хотя и наше желание — сделать музеи максимально доступными.

Люди со всего мира — католики, православные, иудеи — стремятся в Рим. Приехав в город Святого Петра, они мечтают побывать в музеях и Пинакотеке Ватикана, в первую очередь — попасть в «Станцы» Рафаэля и в Сикстинскую капеллу. Эти комнаты всегда полны народу; нужно очень постараться, чтобы выбрать время между шумными группами туристов, чтобы спокойно несколько минут постоять перед «Афинской школой», «Диспутом» или «Парнасом»...

Общая задача управляющей консистории и дирекции музеев — обеспечить сохранность, защиту, изучение, научную, работу и широкий комфортный доступ к нашим сокровищам для посетителей.

* * *

Я бывал здесь прежде, лет десять назад. Помнится, тогда посетителей было гораздо меньше. Впрочем, в залах Пинакотеки и других музеев и сейчас можно ходить довольно спокойно, но в переходах, галереях, вокруг Сикстины и Станцев Рафаэля творится столпотворение.

Нас провели по залам, хранилищам, спустили в кафе и магазины, подняли на лифте в галере-

реи и закрытые покои, показали работу реставраторов, Рафаэлевые комнаты, у нас даже получилось воспринять величие Сикстинской капеллы...

Roma Aeterna

Уже после нашей поездки — в Москве, в Третьяковской галерее прошла грандиозная, не имевшая аналогов в истории выставка «Roma aeterna». Шедевры Пинакотеки Ватикана. 42 работы из ватиканской коллекции.

Картины, которые никогда не покидали папского дворца, тремя разными авиарейсами отправились в Москву на свидание с русской публикой.

В Ватикане нам говорили, что это первый видимый результат «исторической встречи» Папы Франциска и Патриарха Кирилла. Дипломаты намекали, что не обошлось и без влияния встречи Папы и российского Президента. Попасть на эту выставку в Москве было гораздо труднее, чем получить интервью в Ватикане.

Куратором этой выставки был изысканный знаток Пиранези и эпохи барокко, сотрудник Эрмитажа Аркадий Ипполитов, написавший несколько отличных книг об Италии и итальянском искусстве.

Он отбирал экспозицию (почти все, что просил, дали), связывая и рифмуя работы художников разных веков, школ и даже стран.

Малоизвестный у нас мастер самого первого ряда Джентилле да Фабриано (XIV в) с чудесами св. Николая (в Уффици всех восхищает его роскошное «Поклонение волхвов»); гармоничнейший фра Беато Анджелико. Не забыть лика св. Франциска, вглядывающегося в вас, кисти Маргаритоне д'Арецо, родившегося раньше Джотто и Дуччо, может, даже и видевшего живым Франциска из Ассизи.

Два трагических «Оплакивания Христа» — венецианцев Карло Кривелли и совсем иное — Джованни Беллини; три музицирующих ангела Мелоццо да Форли на стене помпейского красного цвета.

И как всегда, потрясает грандиозное «Положение во гроб» Караваджо, (его уже привозили к нам в 2012 году, на прекрасную выставку шедевров Караваджо в Пушкинском музее). Но эту вещь можно смотреть снова и снова. Вот и здесь, в Ватикане, я был рад снова постоять у нее.

* * *

В.Я.: В годы журналистской молодости я месяцами бродил по Эрмитажу; потом публиковал в журнале, где я работал, рассказы о художниках, репортажи и интервью с музейщиками, с замечательным ученым-археологом, нашедшим древнее царство Урарту, академиком Борисом Борисовичем Пиотровским, тогдашним директором Эрмитажа, о моей дружбе с эрмитажными реставраторами, и особенно о работе Александры Михайловны Маловой, несколько лет расчищавшей картину Джорджоне «Юдифь». В левом верхнем углу она оставила маленький нерасчищенный квадратик, чтобы было понятно, какой темной картина была прежде.

Профессор Паолуччи: Будучи еще молодым человеком, я познакомился с замечательными собраниями Эрмитажа. Он похож на музей Ватикана, поскольку в нем собрано огромное множество произведений разных культур и цивилизаций — от античности и Египта, Ирана до великолепных коллекций европейского искусства.

В.Я.: В Великобритании я обратил внимание, что в Национальной галерее, например, совсем иная школа реставрации; там картины расчищают так, что они сияют, как новенькие. А у вас есть какая-то философия реставрации живописи?

Профессор Паолуччи: Хорошо знаю реставрационную лабораторию Эрмитажа, она одна из лучших в мире, нам близки их реставрационные принципы

Когда в 1966 году случилось страшное наводнение во Флоренции, реставраторы из Эрмита-

жа приехали в Италию помогать спасать книги и картины. Это незабываемый знак нашего сотрудничества. Школа реставрации в Эрмитаже близка к нашей; мы уважаем старую живопись, ее возраст, потемневший слой лака, кракелюры — это как морщины у пожилой женщины... Расчищать живопись нужно бережно, чтобы не утратить благоговения перед возрастом и дистанцией во времени.

У нас налажен постоянный обмен информацией с Эрмитажем и другими мировыми музеями, идет дискуссия. Наша философия реставрации — крайнее уважение к автору и его произведению, его истории. Особенно к шедевру как субъекту. Произведение искусства, архитектуры субъектно, и у него есть права. Необходимо учитывать его историю, контекст, знаки времени, которые отразились на лице произведения, будь то живопись, скульптура или здание. Их надо уважать и сохранять. Как делают в Эрмитаже и в Музее им. Пушкина.

В.Я.: Вопрос об атрибуции старых мастеров. Существует целый бизнес подделок, подставных историй; мир то и дело сотрясают скандалы с «литовыми» шедеврами. К примеру, недавняя сенсация вокруг аукционов Сотбис и Кристи, когда писали, что несколько сот известнейших работ оказались фальшивыми.

Профессор Паолуччи: Это мировая проблема! Мы должны научиться с этим бороться всеми методами искусствоведения и точными физико-химическими методами... Но ничто не заменит глаза и чутья настоящего профессионала. Фальсификаторы используют все достижения науки, так что это соревнование... Мы наблюдаем за этим процессом. Его надо отслеживать издали; не так много людей, способных изготовить столь изощренные подделки, и международное сотрудничество искусствоведов и полиции способно поставить этому заслон.

В.Я.: Судя по прессе, не менее важная проблема — кражи произведений искусства.

Профессор Паолуччи: Каждый год воруют тысячи произведений. Крадут из церквей, обворовывают частные коллекции, гораздо реже крадут из музеев. И далеко не всегда преступников удается найти. Произведения просто исчезают. Уж коли существует огромный «теневой бизнес», рынок денег, естественно, есть и «черные» коллекционеры. С этим должно бороться мировое сообщество.

В.Я.: Здесь есть несколько аспектов. Есть сообщество экспертов, которое определяет подлинно произведение или это подделка.

Профессор Паолуччи: Конечно, у музеев Ватикана есть свой круг экспертов. У них разные специальности — археологи, египтологи, нумизматы, знатоки живописи, как в Эрмитаже у Пиотровского... Но у нас принцип — никакими внешними экспертизами наши сотрудники не занимаются. Мы не выдаем внешних экспертиз никому.

В.Я.: Последние десять лет были ли у вас в Ватикане переатрибуции?

Профессор Паолуччи: «Музеи со временем изменяют свой облик и структуру, обновляются. Нередки также пересмотры авторства, реставрации существенно изменяют облик произведений, появляются новые, приходят в упадок старые художественные тенденции... Это непрекращающийся процесс, свойственный всем художественным собраниям, выставленным на публичное обозрение, ибо искусствоведение и музейное дело, как и любая другая область человеческого знания непрерывно прогрессируют»⁴.

Да, конечно, такое бывает — новая атрибуция. В истории искусства всегда были великие эксперты, которые заново пересматривали принадлежность картин, такие как некогда Бернард Беренсон и ряд других; а также молодые ученые, которые по новому видят очень многое в истории искусства... И атрибуция картин становится все более сложным, коварным делом. Сейчас легко ошибиться. Технологии, по-

вторюсь, полезны, но ничто не заменит глаз. Я думаю, это самое главное. Но рынок и деньги, к сожалению, могут оправдать любой компромисс, это во всем мире так.

В.Я.: Ватикан — один из самых посещаемых музеев мира — 6 миллионов посетителей каждый год. Это люди из разных стран; поток стал глобальным. В Эрмитаже есть социологи, которые занимаются публикой, изучают эти процессы, изучают поток. А как у вас?

Профессор Паолуччи: Конечно, у нас есть подобные службы. Мы стараемся удовлетворить всех посетителей, выпускаем путеводители, аудиогиды на разных языках. Прибывают все больше гостей из Китая, Индии, других стран Азии.

В.Я.: В Лувре часто видишь: за флажком гонда идет толпа, сметая все на своем пути, не глядя по сторонам — отстанешь! Они добиваются до Моны Лизы, и с чувством выполненного долга делают селфи. Что ищут такие люди в музеях?

Профессор Паолуччи: Это же понятно. Так устроен человек: все интересуются теми, кого знают, о ком слышали — Леонардо, Микеланджело, это уже великие медиа-мифы. Все целенаправленно идет в Сикстинскую капеллу — это центральный пункт внимания и концентрации гостей в нашем музее. Это такой патерн в воображении туриста. И ничего с этим не поделаешь, это нормально, это надо учитывать, обыгрывать, устраивать квесты, выделять места для селфи.

В.Я.: Сейчас копии с высочайшего разрешения работ лучших музеев Google помещают в сети. Но миллионы людей хотят видеть подлинники. Возникает вопрос: почему так? Что происходит с человеком в музее?

Профессор Паолуччи: Это тема для большой философии, для длинного разговора. Мы не сможем ее сейчас обсудить. Но не надо забывать,

что миллионы посетителей музеев — довольно малая часть растущего населения Земли.

В.Я.: Когда-то я проводил эксперимент в Эрмитаже, стоя возле «Блудного сына» Рембрандта. Меня интересовало, сколько времени люди проводят возле картины. Ну, пятнадцать секунд, двадцать; с экскурсоводом — минуту-две. Но если минут десять — это уже особые люди. Они замечают друг друга, стараются перестоять или пересидеть. Я их называю «похитители картин». Они исповедуют философию: как долго ты контактируешь с картиной, столько времени она — твоя. Есть люди, которые сидят или стоят у своих картин подолгу, нервирова служаителей.

Профессор Паолуччи: Я сам — такой человек.

В.Я.: Какой Ваш самый любимый музей кроме Ватикана и Уффици?

Профессор Паолуччи: О, их много! Итальянские музеи я знаю едва ли не все. Люблю венецианский музей «Академия», Брера в Милане... Когда я приезжаю в Петербург, самое приятное — встретиться с лоджиями Рафаэля в Эрмитаже. Екатерина Великая захотела иметь их копии — и ей их сделали... Это самое приятное, что Россия могла сделать для Италии...

Материал подготовил к печати
В. Ярошенко

Примечания

- 1 Латеранские соглашения состояли из трех частей и включали Договор (Трактат), финансовую конвенцию и конкордат. В соответствии с Договором, создавалось Государство Град Ватикан, и гарантировалась полная независимость и суверенитет Святого Престола. Папа обязывался соблюдать постоянный нейтралитет в международных отношениях и воздерживаться от посредничества в конфликтах, за исключением особо оговоренных всеми сторонами случаев. Конкордат определял права и привилегии католической церкви в Италии, государство объявляло нерабочими днями 10 церковных праздников, а также воскресенья (ст. 11); епископы обязывались присягать на верность королю Италии как главе государства (ст. 20). Другие статьи предусматривали широкое привлечение духовенства в систему просвещения Италии, признают организацию «Католическое действие» и т. д. Финансовая конвенция предусматривала выплату Италией Святому Престолу 750 млн. лир в пятипроцентных ценных бумагах (ст. 1); взамен Святой Престол отказывался от финансовых претензий к Италии, появившихся в результате образования Итальянского государства (ст. 2).

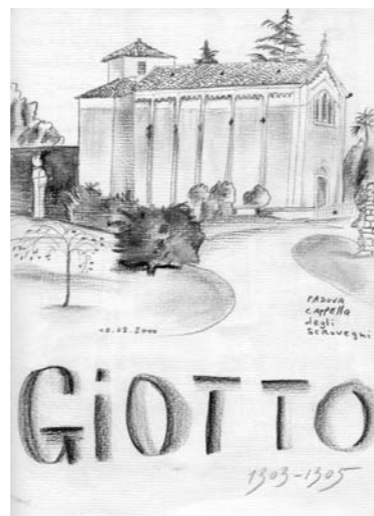
² <http://vaticanstate.ru/istoriya/>

³ <https://www.liveinternet.ru/users/stewardess0202/post368547376>

⁴ Из предисловия Антонио Паолуччи к каталогу произведений дворца Питти (Флоренция).

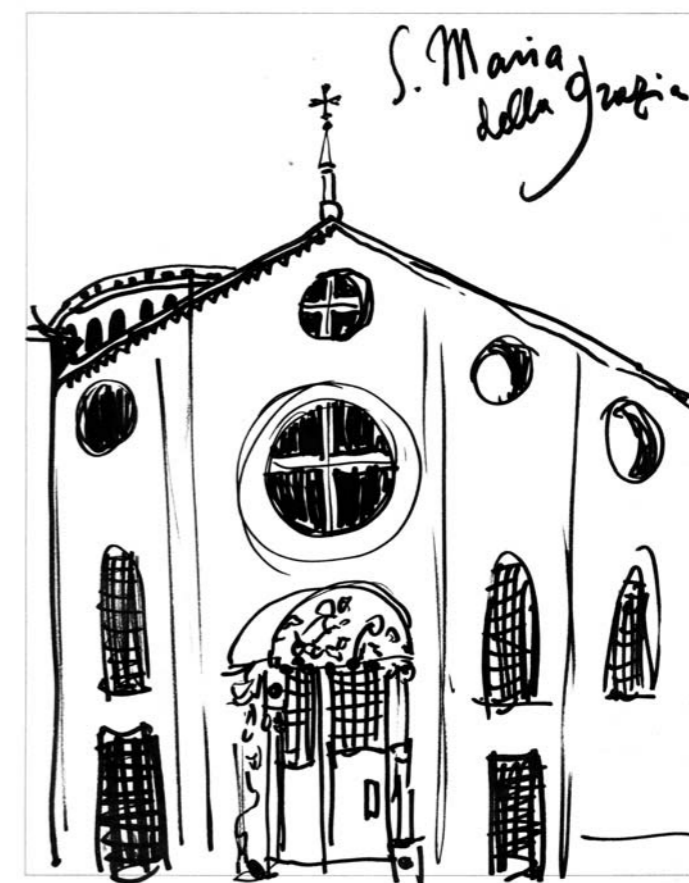
© «Вестник Европы»

Италия православная

Свящ. Владимир ЗЕЛИНСКИЙ

Бульвар в центре города, раннее утро, осень. Мы видим женщину на скамейке, и по первому взгляду понятно, откуда она здесь и почему. Сидит она так, что любому становится ясно, что она не просто отдыхает, а находится в некоей тягостной паузе жизни, идти ей особенно некуда. Может быть, даже дремлет. Вечером она доберется до комнаты, где за 5 евро за ночь она сможет переночевать вместе с четырьмя другими женщинами. Но сна всегда не хватает: телевизор верещит до часу ночи, а в 6-7 утра многие ее соседки уже шумят перед уходом на работу. Подходят два полицейских (одному за 30, другой помоложе, явно в предвкушении легкой работы). Documenti, Signora! — Cosa (Что)? — не сразу откликается она. — Passaporto! Делать нечего, вытаскивает из кошелки свой синий трезубец, трепещет, ждет.

Ребята из полиции уже знают эти паспорта с трезубцем и догадываются о том, что в нем можно увидеть. Да, так оно и есть: виза шенгенская, но не итальянская, а польская, а там — поворачивает про себя по-булгаковски страж порядка — «кому попало выдают паспорта». Да ладно, пусть будет польская, только она уже два года как просрочена. Тогда по правилам так: задержание немедленно, штраф, ночь в тюрьме, а завтра или уже сегодня — немедленная депортация. Даже домой зайти не дадут, вещи вам потом пусть знакомые отправляют, а высылают только в том, что сейчас на ней надето. С пятилетним последующим запретом въезда в любую «страну шенгена». И не по паспорту с запретом: «знаем мы, как вы там паспорта меняете», — а по отпечаткам пальцев.

Но это если по правилам. А по жизни бывает по-разному, не всегда по-полицейскому; «иногда и милосердие стучится в их сердца». Стоят двое парней, смотрят: женщина им в матери годится, а итальянская мама — это даже нечто большее, чем еврейская, она — предмет сыновнего культа (невесты, спешащие замуж за итальянцев, учтите это, а не то ваш брак даже и по пылкой любви даст трещину очень скоро). Да и сами полицейские здесь, по сути, чужие, только два года назад переехали на Север из своей Калабрии, Север на них смотрит сверху вниз: другие здесь люди и вообще все иначе, но какую работу найдешь на милом родном Юге? Ну вот и оказались тут места в полиции, взяли на постоянный контракт, теперь можно и семью заводить. «Знаете, синьора, — говорит старший, — мы вас здесь не видели, а вы подобрूपоздорову уезжайте-ка поскорей. От греха подальше». Вообще-то и уезжать с просроченной визой тоже не просто, на границе тебя должны занести в компьютер как нарушителя. Но там сидят такие же ребята; посмотришь на них, и по лицам увидишь, что думают они больше о своих bella; переживают о том, что их любимый футболист только что ушел из футбола со слезами на глазах; предвкушают чашку кофе через полчаса. Они тоже незлые, все понима-

ют, шлепнут штамп на выезд — и «до свиданья». А вы уж будьте добры, синьора, больше не нарушайте итальянских законов. «Да, — покорно отвечает наша синьора полицейским на бульваре, — не нарушу больше, завтра же уеду, — обещает она и переходит на другой бульвар. Может, там встретит кого-нибудь из своих, кто подскажет что-нибудь относительно работы. Или кто-то в отпуск скоро уедет, а ее на замену позовет.

А с работой здесь очень и очень не просто. Наша польская «туристка», прибыв в Краков или в Варшаву, на автобусах добирается до Неаполя, где у нее подруга из того же села. Та ее приманила еще в Украине и даже задаток взяла, но в Неаполе оказалось, что она совсем не то имела в виду, что обещанной работы, в общем-то, у нее и нет, а то место, что было на момент приглашения, уже давно занято. Что делать? Возвращаться? Нет, возвращаться никак, гроши в дорогу вложены, да и характером она не такая, чтоб растеряться, она за любую работу возьмется. Любая работа — это что? А вот что: тут как раз помидорный сезон начинается, работа в поле с утра до вечера, платят 20 евро в день. Правда, к этому добавляется еда и койка; еда простая, вроде бы сытная, но каждый день одна и та же: паста, кусок мяса, тот же помидор, хлеб, вода; койка в общем бараке, которая называется здесь «кашина» (нечто вроде каменного сарая). Все так устроено, чтобы побольше рабочих часов накапливалось; кашина рядом с полем, там же и едят, никуда не надо отлучаться. Работа тяжелая, да еще хозяин, бывает, пристаёт, но это к тем, которые помоложе.

Но вот помидорный сезон заканчивается, а за ним скоро откроется сезон оливок, на помидорах надо было все время вниз смотреть, на оливках — только вверх. Там ныла спина, здесь руки затекают, ибо все время их надо кверху держать: все делается вручную. Платят два евро за ящик; в итоге получается больше, чем за помидоры, но еды не дают, самой надо все организовывать, и койка тоже не предусмотрена. Польская виза уже просрочена, надо прятаться от полиции; правда, на работе у хозяина с по-

лицией свои дела, без специального приказа она в поле не сунется, ну, а как выйдешь в город? Там никакие «свои дела» уже не выручат. Словом, помучавшись в поле — сначала на одном, потом на другом, прослышав, что на Севере работы полно и платят там вроде больше, садится героиня нашего рассказа в ночной сидячий (самый дешевый) поезд и, одолев тысячу километров, подымается к самым Альпам: в Больцано, Бергамо, Брешию, Падую, Верону или даже в Милан.

Ей не до туризма, в Неаполе сказали: там на такой-то бульвар придешь, найдешь «дивчат», они помогут. Но бульвар пуст, здесь уже два года, как ходят полицейские патрули, «дивчата» там больше не собираются. А что ей там объяснили, мы уже знаем... И остается одно — в воскресенье она приходит в церковь. «Батюшка, работы ищущу». «Какая у меня работа, — разводит руками священник, — у меня только список есть ищущих работы, я сердцем всем сочувствую и каждый день по списку за всех молюсь. Иной раз вдруг и работа свалится. А ты, голубушка, пойдика к сестре Марии-Терезе из монастыря кармелиток, к ней отовсюду поступают запросы на домашнюю работу, она может помочь». «Да уж была, батюшка, но она меня прогнала. Говорит, без документов, без итальянского и разговаривать не будет». Ну ладно, подумаем, — ответит ей человек в рясе (ибо для таких вот несчастных странниц, не имеющих, где главу подклонить и кому слезы выплывать, Господь и привел его извилистыми путями в эту страну, в этот храм), — может, кто-то в отпуск поедет, замена нужна месяца на два, ничего конкретно не обещаю, но спрошу. А ты сама помолись, оставайся с нами». «Да я с радостью, — говорит женщина, — уж сколько лет в храме не была».

Проходит лет пять, недавняя наша приезжая (назовем ее Марией), которой до сих пор как-то некогда было до Бога добраться, всё другие заботы досаждали, сейчас — твердая, регулярная прихожанка, одна из массы тех, в ком бродит и взбухает православная Италия. Позади — всякие мытарства по нелегальным работам; первая

была замена на два месяца, потом — четыре месяца совсем без работы; потом год — со старухой под девяносто с болезнью Альцгеймера. Суший был ад. Старуха ночью не спала, надо было дежурить у ее постели, через каждые пять минут той хотелось знать, который час; днем бывала криклива, драчлива, могла и ударить, и ущипнуть; один раз даже утюгом замахнулась. Говорила старуха только на непонятном диалекте своего детства, а наша Мария и с итальянским-то еще не справилась. Дети больной старухи — сын и дочь, сами уже пожилые (за шестьдесят), — выходных сиделке не давали, разве лишь полдня в воскресенье. Платили, правда, неплохо, но в отпуск не пускали, обещали всё оплатить потом. А потом старуха умерла, никаких отпусков ей не оплатили, выставили на улицу, и вот она нашла вдовца лет восьмидесяти, капризного до невозможности, проверявшего сдачу после всякого похода в магазин, и, что докучней всего, проходу ей не дававшего, все норовившего прикоснуться ко всяким женским местам. В конце он даже и жениться надумал, но у нее дома муж остался, хоть с ним уж давно все разладилось (у него, по слухам, другая завелась, помоложе, и дети взрослые), но с этим полоумным — ни за что... Трудно было со стариком, зато он ей документы сделал, и теперь у нее уже обновленное *permesso di soggiorno*, (право на жительство), только на той неделе отпечатки пальцев сдала... Да и жизнь стала как-то чуток налаживаться, теперь она работает по часам, а значит, не сидит безвылазно в одном доме еще с каким-нибудь Альцгеймером, а ездит из конца в конец города убираться: то в одной семье, то в другой. Работы получается больше, и за автобус надо платить, но зато теперь она сама себе госпожа, уже не рабство в четырех стенах...

В этой — столь типичной, увы, истории есть одно белое пятно: превращение «польской туристки» с Украины в «работника социальной полезности», как это называется в Италии, имеющей право на работу. Этот тонкий мостик из одного статуса в другой нигде в Европе, кроме как в Италии, почти невозмож-

но построить; два этих статуса — работника и туриста — разделяет ров, который не перепрыгнуть в один прыжок. То есть, в принципе, оно и в Италии нельзя, но здесь его как-то «переползают» по дну; работодатели оформляют как-то временно, квестура (местная полиция) выдает справку (*certificato*) о подаче документов. С сертификатом можно даже дома побывать, правда, только на самолете, на «бусе», где много дешевле, но пересекать иные страны никак нельзя. Но за этот спасительный клочок бумаги в четвертушку листа уже можно ухватиться, теперь ее уже не могут выслать, пока ее просьба о *permesso* будет вариться где-то в непонятном бюрократическом чреве, которое когда-нибудь (бюрократия нигде не торопится и с обстоятельствами не считается) изрыгнет наконец этот вождельный «вид на жительство». А с ним она — уже вполне человек, обладающий правами, разве что голосовать не может, да ей это и не нужно, но зато может все остальное: путешествовать по шенгену (на что у нее, понятно, денег нет), давать бесплатно образование детям, если приедут до того, как им исполнится 18, лечиться, что бы ни случилось: артроз, инфаркт или опухоль с метастазами; в больнице все будет даром и в тех же условиях, что и для коренного жителя страны. А условия такие: в палате, как правило, два-четыре человека, белье меняется раз в день или сколько нужно, и никому в голову не придет совать за это 20 гривен. Возле койки — кнопка: нажми, и сестра явится в любую минуту... А если уж совсем плохо, то и с обезболивающими проблем не будет. И ни один человек не скажет: «понаехали тут». Хотя от понаехавших (а их еще из Африки каждый день сколько приплывает) у итальянской системы здравоохранения явно появляется одышка, растут цены на какие-то анализы, услуги (за пределами больницы); бывшие бесплатными, становятся платными, не только для понаехавших — для всех. Итальянцы ворчат, ропщут (не на гостей, на правительство), но что поделаешь — платят... Впрочем, и бездокументных тут тоже в беде не оставят, сделают

любую операцию: кто за нее заплатит, мне так и неясно, наверное, городская администрация...

А там, на родине, в «ридной Украине», жизнь все горше и горше. И раньше-то было несладко, а теперь с войной, с кризисом стало совсем тяжело. У нашей Марии сын, 22 года, учится, ждет повестки. Еще одна боль, хотя и тех, что были, уже достаточно. Что за война, кому она нужна? — никто не понимает. Дома все подорожало неимоверно. Нет, уезжать домой нельзя, всем надо помогать, хочешь — не хочешь, а тяни.

Вот так, спонтанно, незаметно, трудно, но не без воли Божией, рождается эта «православная Италия», которая и самим итальянцам часто невидима и неведома. Рождается из причудливого сочетания обстоятельств: чужой беды, толкающей к эмиграции, итальянского долгожительства, обеспеченного хорошей пенсией, но здоровья никому не обещающего, а еще из того, что здесь, почти, как в России (по Салтыкову-Щедрину), «строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения». Она невидима, потому что православие еще не вошло в культурное пространство страны; у него нет времени на телевидении (как у католиков, протестантов, иудеев), нет своих печатных изданий, о нем почти не пишут итальянские газеты. Разве что Пасху иногда отмечают как праздник местной диаспоры. Конечно, у этой новой Италии отнюдь не только «украинское лицо», но и румынское, и сербское, и русское, и греческое, и молдавское, и грузинское, и уже издавна — итальянское, новообращенное. Румынское виднее всего, румын в Италии, говорят, до миллиона. Сейчас у них около трехсот православных приходов, и каждый год открывается не меньше двух других. Практически здесь нет ни одного не только большого, но и среднего города, в котором не было бы румынской общины. Помню, как 1 января 2007 года Румыния стала членом ЕС, и все нелегальные иммигранты оттуда, ожидавшие со дня на день, что их поймут и вышлют, стали в один день легальными. Легальность, конечно, денег вам не добавит, но жизнь все же становится как-то легче.

Вообще религиозная практика, т.е. регулярное посещение храмов, у румын много выше, чем у бывших советских, но она, по моему наблюдению, отмечена традиционным крестьянским укладом. Храмы полны, но мало участников. В значительной степени румынский храм — неотъемлемая часть национальной идентичности. Не совсем так, как у русских, которые горды своим православием, но в храме их и на Пасху не всегда увидишь. И уж совсем редко увидишь их в церкви за пределами Руси; тот уголок в их жизни, который отведен благочестию, как правило, остается неподвижен и за границу не ездит; Европа — место для отдыха, туризма, релакса, шопинга, а не молитвенных подвигов. У румын же в Италии есть свой епископ Силуан, человек, умный, деятельный, очень церковный (таким по крайней мере я его знал, когда он служил иеромонахом в русском монастыре в Бюсси под Парижем).

Наблюдая годами за религиозной практикой своих прихожан, я поневоле отметил следующее. Наиболее многочисленная категория тех, кто оказывается в Италии, приезжает с Западной Украины, и чаще всего с той ее части, которая была присоединена к СССР в 1939 году перед Второй мировой войной. Именно с той полоски земли, которая когда-то была под Польшей или Румынией и не испытала расколов и гонений 1920-х годов, и по ней не проехался сталинский каток 1930-х. Потом была война, как бы НЭП в отношении православия, хрущевские набеги, но 1930-е годы «окончательного решения» уже не вернулись. И вот на этой уцелевшей полосе земли чудом еще сохранилась обычная крестьянская христианская семья, в которой традиция отмечать праздники, посещать свой храм, молиться перед иконой, соблюдать посты, наставлять детей так и не прерывалась. И тянулась эта традиция от прабабушки к правнучке, и эта правнучка, сама уже с внуками, приехав в Италию, чтобы найти заработок, первым делом находит и храм помолиться. Надо сказать, ничего подобного я не видел в Москве, где прошла бо льшая часть моей жизни.

Не могу вспомнить ни одной такой традиционной семьи с этой непрерывной, кровной передачей общего, сбереженного веками наследия; все мои новообращенные в православие друзья родились в семьях атеистов или агностиков. Да и в деревнях я таких семей тоже не встречал. Но там было наоборот: бабушки — верующие, внуки — нет.

Вторая по численности православная община в Италии — это, пожалуй, молдавская. Молдаван столько, что, как-то оказавшись в Кишиневе, я удивился, что в этом городе еще не так мало людей ходит по улицам; а в Европе кажется, что все они все уже здесь. В одной Италии их, по-моему, не одна сотня тысяч, а сколько их рассеялось по миру? У нас, в Брешии, есть приход, состоящий из деревни, которая вместе со своим священником переселилась сюда целиком. По его словам, более 800 человек. Как они здесь обосновались, с какими документами прибыли, какую работу здесь нашли, не ведаю, знаю лишь то, что многие молдаване имеют румынские паспорта, и это сильно облегчает дело. Причем тот молдавский приход принадлежит Румынской Церкви, а не Московской. Язык один, служба та же, но патриархаты разные.

У Московского Патриархата в Италии приблизительно 50 приходов, и его присутствие становится все более заметным. Однако большинство этих приходов — молдавско-румыноязычные. Например, в Турине, с его населением приблизительно в 600 тыс человек, есть три прихода Румынского Патриархата и один московский, но и там священник-итальянец служит по-румынски, т.е. в основном для молдаван.

Румыны, молдаване, украинцы — это, если можно так сказать, православные «массы». Не только в том смысле «массы», что их много, но и в том, что у них в основном одинаковая судьба. Они бегут из своих стран, которые не могут их прокормить, они должны помогать своим семьям, а здесь, на «общественной лестнице» обычно занимают самое скромное место. Конечно, немало таких и среди россиян. Но есть

и какое-то количество других, кого чужая страна встречает не разговором с полицейскими на бульваре, а белозубой итальянской улыбкой. Это те, кто выходит замуж, кто заранее находит подходящую работу, и те немногие, кто заводит здесь свое дело. И среди румын такие есть; на итальянских улицах то и дело встречаешь великолепные автомобили с румынскими номерами, но все-таки больше нищих, как тот добродушный толстяк, который каждое воскресенье сидит на ступеньках нашего храма, дожидаясь, когда после службы мы покормим его обедом. Словом, если вы приезжаете в страну и у вас уже есть крыша над головой и хоть какой-то обеспеченный доход, вашу иммиграцию можно считать вполне благополучной. Благополучная эмиграция — далеко не самая многочисленная и не поддается простой классификации и не описывается так же просто как неблагополучная; каждый случай, сколько бы их ни было, отдельный, каждая история, хоть она и бывает похожа на другую, складывается как-то по-особому. В Италии совсем уже нет старой эмиграции, той, которая когда-то осела во Франции или в Соединенных Штатах, четвертое поколение которой все еще сохраняет русский язык; я знаю только одно исключение из этого правила. А в нашем брешинском, достаточно типичном приходе нет ни одного человека, помимо детей, который родился бы на этой земле. Ни одного. Если не считать нескольких итальянцев.

Во Франции с первой волной эмиграции появились франкоязычные приходы, православные священники-французы и даже богословы, самыми известными среди которых были Павел Евдокимов и Оливье Клеман. В Италии, где православных численно гораздо больше, все это, с одной стороны, лишь начинается, а с другой — уже имеет за спиной какие-то традиции. Когда я прибыл сюда четверть века назад, здесь было всего шесть приходов Московской Патриархии, причем все они окормлялись священниками-итальянцами. Те из них, кого я знал, не говорили по-русски, но служили по-славянски и были

подлинными паладинами Святой Руси, чей образ почти сливался с ее верой. Но теперь Московский Патриархат, то ли опасаясь обвинений в прозелитизме, или из иных соображений больше не рукополагает итальянцев, но присылает священников из России или Молдовы, подерживая их материально.

Помимо приходов Московской Патриархии, в Италии издавна существует греческая Священная Метрополия Италии и Мальты с центром в Венеции и великолепным храмом, построенным еще в XVI веке. Метрополия имеет около 50 общин, из которых только шесть собственно греческие. Когда-то, в 1872 году, на соборе в Константинополе была осуждена ересь этнофилетизма, т.е. в узком смысле подчинение Церкви национально-политическим интересам, а в широком — смешение на уровне спонтанных чувств или подсознания веры и Церкви с национальной принадлежностью и культурой. По-моему, греки как раз менее всего убереглись от этого искушения; там, где служба идет не по-гречески, в храме их не увидишь, пусть даже они родились в Италии, родной язык у них итальянский, и они считают себя православными. И потому большинство приходов Священной Метрополии заполнены теми же выходцами из Восточной Европы, за исключением, как всегда, румын, у которых повсюду — свои храмы.

Нельзя не упомянуть и Русский Экзархат Вселенского Патриархата, к которому принадлежит и автор этих строк Экзархат (Архиепископия православных русских церквей), возникший в 1931 году после разрыва митрополита Евлогия, управляющего русскими православными церквями в Западной Европе, с Заместителем Местоблюстителя Патриаршего Престола в Москве митрополитом Сергием. Чтобы не оставаться в канонической пустоте, митрополит Евлогий «постучался в дверь» Вселенской (Константинопольской) Патриархии и был ею принят. Сохраняя верность русской богословской и литургической традиции, Экзархат чувствует себя частью Западной Ев-

ропы, отнюдь не желая при этом вливаться в Греческую Метрополию, стремясь сохранить свою русскость. Нашей Архиепископии, имеющей около десятка храмов, принадлежат два самых старинных (дореволюционных) и самых красивых из них — во Флоренции и в Сан-Ремо.

Но где же служат все прочие, своих церквей не имеющие? В Италии храмов «исторических», т.е. построенных именно как православные, при государственной поддержке, всего, насколько я знаю, всего шесть. Помимо Флоренции и Сан-Ремо, есть еще русские храмы в Бари и Мерано. Есть еще Собор св. Екатерины, построенный недавно правительством Российской Федерации в центре Рима. Есть упомянутый нами греческий собор в Венеции, есть сербский храм в Триесте. Других, честно говоря, не могу припомнить. А остальные чуть ли не 400 общин? Очень немногим особые помещения выделили городские власти. Кто-то уже давно приобрел для себя какой-то дом, ставший храмом, как Свято-Николаевский приход в Риме, в 2000 г. перешедший из Русского Экзархата в Московскую Патриархию. Кто-то снимает и платит аренду. Но в абсолютном большинстве случаев православие славит Бога в оставленных, заброшенных, переданных, бессрочно одолженных католических храмах, по большей части бесплатно. Этим сегодняшняя ситуация радикально отличается от той, что была сто лет назад, когда Римская Церковь никаким «схизматикам» своих церквей не предоставляла, и православные беженцы служили в гаражах и закутках. Да тогда их и не было так много, это сейчас, при общем падении религиозности многие из храмов опустели. А ведь их надо поддерживать, ремонтировать, причем непонятно для кого. И вот тут-то появляется «Италия православная» из Восточной Европы, и вселяется она в опустевшую католическую церковь и возносит молитву о (давно покойных) «строителях храма сего», ибо эта молитва входит в текст литургии, какими бы антикатолическими чувствами ни был обуян служащий там непримиримый патриот православия.

Впрочем, Восточная Европа бывает отнюдь не только православная. Разделение, столь жесткое в Украине, где в одной деревне могут стоять два храма: один православный, а другой — греко-католический, оспаривающих существование один другого, хорошо если не воюющих, за пределами этого противостояния несколько сглаживается. На первом плане — один язык, одна почва, одна ментальность, одна боль за «ридну Украину», одна вышиванка, одни песни, общая нужда, те же воспоминания. У греко-католической Церкви здесь 150 приходов, и они, надо признать, часто полнее православных. Так, у нас в Брешии по будням они служат в одном храме (в 80 метрах от моего), по воскресеньям — в другом, более просторном, а на Пасху и Рождество — в огромном пустом соборе, куда набирается до 2 тыс человек. 2000 человек только одних греко-католиков — и это там, где постоянно проживает около 200 тысяч! Не веришь глазам своим: каждый сотый житель небольшого итальянского города — украинский греко-католик? Ну, вероятно, кто-то еще из провинции приезжает. И это не считая всех разноязычных православных. Не считая наших соотечественников обоюдогола, которым и без храмов хорошо, у них совсем другие дела. Как, скажем, эта юная дама изысканных форм и в одеяниях смелых, в любую погоду в черных очках прибывшая самолетом из Москвы или из Киева, с отчужденным видом проходящая мимо соотечественников, толпящихся у автобуса, к сверкающей дорогой машине, за рулем которой ее ждет не очень молодой, но весьма крепко устроенный в жизни господин. Надо сказать, Брешия по количеству иностранцев в процентном отношении занимает в Италии первое место. Сходишь с поезда — и сначала видишь одни черные и пакистанские лица. Потом уже итальянские.

Но, возвращаясь к экономическим беженцам из Восточной Европы, следует добавить, что вовсе не все они православные или греко-католики, есть немало и баптистов, которые ходят в вальденскую церковь, самую старую

из протестантских церквей Европы, основанную в XII веке искавшим евангельской чистоты купцом-проповедником Пьетро Вальдо. В отличие от Франции и Испании, здесь не было особо кровавых гонений, но и до свободы культа тоже было далеко. Она пришла в 1870 году, с падением Папской области и объединением Италии, и тогда, как говорят сами вальденцы, «мы смогли спуститься с гор». Так возникли молитвенные дома (их сейчас около ста), куда ходят приблизительно 30 тыс. прихожан. Дома эти не одолжены у других, они построены именно как вальденские, часто с помощью братьев по вере из Англии или Германии; может быть, в будущем так возникнут и православные храмы. Надо сказать, что традиционные протестантские общины медленно, но неуклонно хиреют в силу естественной убыли своих верных, однако они пополняются за счет другого естественного прироста: африканцев (в основном из Ганы), а также украинских и русских баптистов. Впрочем, помимо вальденской, самой многочисленной, существуют так же как баптистские, и методистские, и лютеранские церкви. А приезжие либо вливаются в уже существующие протестантские общины, либо создают свои. Так возникают русско-украино-румыноязычные харизматики, называющие себя «Словом Жизни», «Преображением», «Благодатью Христовой» и др. В Брешии есть даже свои «Свидетели Иеговы», говорящие по-русски.

Все эти традиционные, но не очень многочисленные группы, за исключением «Свидетелей», находятся в молитвенном общении между собой и входят в Федерацию евангелистских церквей Италии. Куда более людными и куда менее известными являются различные харизматические общины, возникающие внезапно и буквально на пустом месте. В Италии их сотни, в мире — сотни тысяч, но они не всегда заметны, ибо, как правило, ни с какими другими, даже евангелистскими церквями в общение не входят, ни до кого им дела нет. У нас в соседнем доме находится подобная филиппинская община, которая собирает всех вместе, (включая

и малых детей) дважды в неделю и служит (поет, проповедует, танцует) много часов подряд. Когда я возвращаюсь около 2 часов дня со своей литургии, они все еще гремят своей музыкой и проповедуют: правда, дети уже играют на улице, подростки ребята перешептываются с девицами, словом, жизнь продолжается. На двери своего гаража, который они снимают, вывешено наименование их общины: «Иисус есть Господь. Брешианское отделение» — на английском языке.

Помимо этого, есть традиционные восточные церкви, из которых более всех представлена — Коптская, вышедшая из Египта, Эфиопии и других стран. Их храмы тоже полны, службы длятся много дольше православных, почти все молодые люди, присутствующие на службе, — дьяконы, но копты существуют как-то совершенно отдельно, доброжелательно, но сами по себе, в своем восточно-загадочном мире. Служат они, как и православные, как и униаты, в бывших католических храмах, но ни на каких экуменических мероприятиях, даже символических, их не встретишь.

Но самый видный, присутствующий, заявляющий о себе, существующий в католическом, отнюдь не враждебном, окружении христианский мир — это православный. Он явился совсем недавно, но уже освоился здесь как дома и не только смиренно просит, но и требует у местной католической курии, чуть ли не кулаком по столу стуча: дайте церковь! Нам служить негде! И ведь дают. Правда не всем. При раздаче храмов строго соблюдается принцип каноничности. Каноничность простыми словами означает включенность той или иной церкви в общину взаимопризнаваемых, находящихся в молитвенном и евхаристическом общении православных Патриархатов или Метрополий. Но есть еще и «малые созвездия» неканонических церквей, возникших на национальной почве (как в Украине) или на основе хранения «истинного православия», отличного от мирового, «еретического». Такие церкви, немногочисленные, но непреклонные, гордые, суще-

ствуют в России, в Греции, повсюду. В Италии помимо семи канонических (Вселенский, Московский, Румынский, Сербский, Грузинский, Болгарский Патриархаты и Польская Метрополия, управляющая своими приходами на Сардинии), есть и неканонические, происходящие от так называемых «греческих старостильников» (т.е. не принявших новый календарь, введенный в Греческой Церкви в 1924 году) или возникших спонтанно, от какой-то харизматической личности, привлеченной «верой Отцов», объявившей себя православной и получившей епископскую хиротонию от другой подобной фигуры. Сколько их в Италии, подсчитать трудно — думаю, пять или шесть, потому что они ни в какие справочники не входят и живут сами по себе. Некоторые из них претендуют на то, чтобы считаться «итальянским православием», в отличие от «православия понаехавших», но голос их едва слышен. Недавно в одно их таких православий публично обратился популярный в Италии психотерапевт и телеведущий и сразу же оказался там епископом.

Среди канонических церквей существует одна серьезная внутрицерковная проблема, которая неизбежно должна возникнуть, но созревает она, можно сказать, с подобающей православию неторопливой неизбежностью. Канонический принцип православия: на одной территории — одна церковь и один епископ. На итальянской же территории, как было сказано, — семь канонических национальных Патриархатов, находящихся в полном церковном общении, но в реальном человеческом общении. Едва ли какой-нибудь румын при отсутствии своего священника пойдет в русскую церковь, как и русский или украинец не пойдет в румынскую. Эта ситуация, противоречащая каноническому устройству Православной Церкви, в конечном счете просто абсурдна. Официально это имеет объяснение: мы, заявляет

каждая из церквей, окормляем нашу паству в рассеянии, в пути, в ее временном пребывании на чужой земле. Но сколько еще будет длиться это «временное пребывание»? Все чаще встает вопрос: когда же возникнет единый Патриархат Италии или, по крайней мере, Западной Европы? Рождаются дети; их язык, их культура, их обычаи — все пропитано воздухом новой, впрочем, уже не новой, а родной страны, и, навещая страну родителей или дедов, они должны к ней привыкать и в ней осваиваться. Как часто видишь 7-8-9-летних детей, родители которых дома говорят только по-украински, или по-русски, или по-румынски, но детям, после детского сада и начальных классов школы, даже хорошо понимающим семейный язык, уже проще объясняться с ними по-итальянски. Чтобы сохранить родной язык, знаю по опыту, нужно, чтобы желание ребенка соединилось с постоянным усилием родителей, даром же это не дается. А на такое усилие далеко не у всех хватает сил, навыков, образования. Только где-то после 13-14 лет, если родители приезжают сюда с детьми в этом возрасте, выученный новый язык уже не становится до конца своим, даже если вскоре дети заговорят на нем свободно. Дальний, пусть едва заметный акцент застревает, какие-то идиомы, пусть даже и понятные, остаются как бы сторонними. Всем родителям, приходящим крестить детей, я всегда говорю: не расставайтесь с храмом и Словом Божиим, но и сохраняйте в детях живое слово, принесенное с родины, пусть языковая родина останется с вами. Она — благословение Божие, родина пригодится и в чужой стране, даже если она больше уже не будет чужой, а станет своей, любимой. И не думайте, что сбережение родного языка помешает усвоению нового; если дети будут жить здесь; от здешнего языка они, в отличие от вас, взрослых, никуда не спрячутся, даже если и захотят.

© Владимир Зелинский

Портрет художника в его интервью

(Из интервью П. Соррентино, телеканал Sky Atlantic³):

Вопрос: Чем продиктовано Ваше обращение к Ватикану?

Соррентино: Я хотел нарушить табу. Обычно духовенство, монахи, священники изображаются или святыми, или мошенниками. Я же в «Молодом Папе» пытался представить их такими, какие они есть на самом деле, — то есть живыми людьми, которые в силу обстоятельств постоянно соприкасаются с Божественным. Они противоречат сами себе. А я обожаю противоречия. Они, конечно же, не живут нормальной жизнью. Священники чем-то похожи на кинематографистов. На нас. Люди духовного звания сбежали от реальности, потому что боялись её, вот почему они укрылись в Церкви. Мы ушли от реальности, потому что она нам не нравится, и мы встретили Кинематограф.

В.: Папа Франциск повлиял на «Молодого Папу»?

С.: Честно говоря, мало. Я старался держаться подальше от современности. Когда съёмки длятся почти два года, есть риск, что прямые отсылки к действительности быстро устареют. Хотя избежать этого совсем не удалось. Говоря о католической церкви, некоторых сюжетов не обойти (например, педофилии).

В.: Вас привлекла театральность, зрелищность ватиканской литургии?

С.: Да. Она созвучна театральному действу. Это одна из причин, побудивших снять картину... Ватикан - идеальное место для религиозного представления в стиле *Kolossal*.

(Из интервью П. Соррентино, *lifestyleblog.it*):

В.: Какая нота задаёт тон сериалу?

С.: К счастью, в «Молодом папе» не одна такая нота. Иначе было бы очень утомительно. Мы сле-

кардинал Ленни Белардо) — жёсткий адепт веры, призванный обратить современный мир к христианству в эпоху коллективного отступничества, «консервативной революции» и исламского экстремизма. Кто-то усмотрит во внешнем бытовом «либерализме» Белардо, его пристрастии к курению и вишнёвой кока-коле зачатки будущего великого реформатора церкви. Кто-то сочтёт его прагматиком, атеистом или шоуменом на троне. А кто-то, возможно, даже обнаружит черты Антихриста².

Такая широта трактовок проистекает из речей Пия XIII, его реплик, снов, воспоминаний. Светская секулярная культура вторгается в подсознание Ленни, и он требует легализации аборт, эвтаназии, разводов, однополых браков, отмены celibata. Одиночество побуждает героя искать дружбы кенгуру с женщиной. Забота о чистоте нравов и целомудрии духовенства настраивает против новоиспечённого понтифика кардиналов, поданных режиссёром в гротескно-карикатурном ключе.

И всё же кто такой Пий XIII? Человек контрастов, актёр в одеянии Папы Римского — так понимает своего героя исполнитель главной роли Джуд Лоу. «Стратег, умеющий держать дистанцию, честный и прямой». «Это персонаж, которого я так до конца и не понял, — признался Дж. Лоу. — Я начал было изучать биографии пап и влияние их понтификатов на историю Ватикана, но потом сообразил: я не там ищу ответ. Надо войти в мир Соррентино».

Попробуем сделать то же и мы.

«Молодой Папа» Паоло Соррентино произведение искусства, а не переложение катехизиса

Вероника ЯЗЬКОВА

О «Молодом Папе» (2016 г., реж. Паоло Соррентино, премия «Оскар» за фильм «Великая красота») написано заслуженно много и за рубежом, и в России. Монументальный сериал производства Sky Atlantic, Canal+, HBO, Wildside Media с бюджетом в 40 млн евро, вызвал неоднозначную, но весьма бурную реакцию. Вероятно, потому, что картина обращается к самому широкому зрителю: «У верующих не возникнет отторжения от сатиры (её там нет), у атеистов — отторжения от догм (их там тоже нет)»¹. Кто-то сочтёт, что герой сериала, вымышленный папа Пий XIII (до избрания американский

дили за тем, чтобы не исчезала ирония, чтобы она была связующим звеном картины. Думаю, она частый гость в Ватикане. Там не занимать свободного времени, а оно — неиссякаемый генератор иронии.

(Из интервью П. Соррентино, *la Repubblica.it*⁴):

В.: Ваши отношения с Богом?

С.: Не знаю... Отснял десять серий (должно было быть восемь, но я удлинил сериал), и у меня всё ещё нет ясного представления. Я надеюсь на второй сезон.

В.: А Ваш Папа? Признаётся на исповеди, что не верит в Бога, а потом берёт свои слова обратно: «Я пошутил».

С.: Знаете, дело не в том, веришь ты или нет. Гораздо важнее понять, почему Бог необходим настолько, что без Него невозможно обойтись. Почему мы Его отрицаем или принимаем? Вот этот вопрос задаёт себе каждый. Даже агностик. Я не нашёл ответа. Это выше моих способностей. Но человек умнее меня, учёный-теолог Джек Майлс в книге «Бог. Биография» написал, что Бог — величайший литературный герой всех времён. Великий настолько, что о Нём знает даже тот, кто никогда не читал Библии. Могущественный настолько, что заполняет собой нашу жизнь, невзирая на наше согласие. «Молодой Папа» — это фильм... об особых отношениях с Богом, не таких, как наши. Мы вспоминаем о Боге время от времени, а потом продолжаем заниматься своими делами. Нет, *те* узы *обязывают*...

Экстремист. Сектант. Фундаменталист. Папа Апокалипсиса

(Из интервью П. Соррентино, *lifestyleblog.it*⁵):

В.: Как Вы придумали своего Папу?

С.: Когда я размышлял о фильме со сложной религиозной подоплёкой, мне пришла в голову, на первый взгляд, шальная идея: «Почему бы не показать понтифика, который

станет антиподом папы Франциска?» Папа Франциск популярен в народе, его хорошо принимают массы верующих. Я представил себе полную его противоположность — человека, привязанного к традиции, к старым обрядам католической церкви. Папу, который захлопнет дверь, вместо того, чтобы её открыть; который отстранит от церкви нечестивых, вместо того чтобы по-пастырски милостиво увещевать их; который станет упрекать верующих, потребует от них полного самоотречения, фидеизма, даже обскурантизма.

В.: Ленни — преемник Франциска?

С.: Как знать. Это один из путей, по которому может пойти Ватикан. Жёсткий ответ на вызовы современности. Понимание, что мир внезапно стал слишком объёмным и его трудно загнать в рамки. Ленни — зародыш католического фундаментализма, который сейчас мы отрицаем априори. Как пятьдесят лет назад отрицали исламский фундаментализм.

(Из интервью П. Соррентино, *www.giornalettismo.com*⁶):

В.: Ваш Папа — антипрогрессист. Значит ли это, что он чужд революции?

С.: В точности до наоборот. В отличие от пап, которые взвешивают все «за» и «против», чтобы потом двинуться в сторону компромисса, Беллардо — вечный подросток в душе. Экстремист. Сектант. Фундаменталист. Папа Апокалипсиса. Он делает то, что считает справедливым. Он действует. Это жёсткий человек, один из тех, кто пробуждает в людях веру в Бога и готовность отречься ради неё от всего остального. Главное в теореме его папства — закрытость. Закрытость подпитывает любопытство верующих, а там недалеко и до безоговорочного принятия ультраконсерватизма. Беллардо требует полного и абсолютного благочестия. Не *частичной* привязанности к церкви, как нередко бывает. Её можно наблюдать у большинства людей. Нет. С Пием XIII на двух стульях не усидеть. Не получится балансировать между ве-

рой и неверием, невозможно приспособить веру к собственным потребностям...

Одиночество, которое можно... потрогать руками

(Из интервью П. Соррентино, *la Repubblica.it*⁷):

В.: Соррентино, Ваш сериал — провокация?

С.: Нет, конечно, потому что я знаю, чем он закончится. Надо набраться терпения и посмотреть все десять серий. Трудно резюмировать в двух словах такой длинный фильм, да еще на такую сложную тему. Я бы сказал, он об одиночестве, о разновидностях одиночества.

В.: Вас привлекает эта тема?

С.: Одиночество — следствие любой власти. Над этим я размышляю со времён «Изумительного», картины об Андреотти. Андреотти с виду общительный, а внутри страшно одинок. *Моего Папу* тоже ждут разочарование и цинизм.

В.: Ваш Папа ищет свои корни...

С.: Сиротство героя принципиально важно. Оно из категории вещей, которые определяют всю нашу жизнь и касаются каждого.

(Из интервью П. Соррентино, телеканал *Sky Atlantic*⁸):

В.: Власть и одиночество — завсегда *таи* сериала да и других ваших фильмов.

С.: Это своеобразный психологический механизм. Он часто встречается у человека, который страстно желает власти и при этом дико не уверен в себе, испытывает, что называется, проблемы самоидентичности. <...> Такая психологическая шизофрения - притягательный материал для исследования. <...> Наконец, Ватикан — замкнутое, закрытое пространство. Образец изоляции. Ограниченная территория, где одиночество почти материально, где его можно потрогать руками.

В.: Почему Ваш Папа — американец?

С.: А такого еще не было. Хотелось, чтобы он был далёк от игр конклава. Чтобы не знал внутри-

тальянских и внутриватиканских течений (они часто совпадают)... И потом некий консерватизм американской католической церкви был полезен для создания образа *антипрогрессиста*.

(Из интервью П. Соррентино, *lifestyleblog.it*):

В.: Так что же это за фильм?

С.: Притча о Папе, о власти, о Боге, об обыденности в необыденной обстановке, об одиночестве... В Евангелии, когда рассказ доходит до кульминации, Иисус на кресте вопрошает: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» И мы понимаем, что наш Бог действительно сделался человеком. Человеческое бытие фокусируется именно в одиночестве. И показать то, что оно значит для Папы римского, — приём интересный. На нём строится повествование.

В.: Выходит, что Ленни и другие — только повод?

С.: Ленни переживает одиночество как оставленность. Но на сиротство обречены все. Его боится всякий, кто прикрывается властью. Ленни ищет уединения в длинных эпизодах праздности, но не находит там ничего, кроме одиночества, с которым он и так хорошо знаком.

(Из интервью П. Соррентино, *R.it*⁹):

В.: Как Вы думаете, Ваш сериал понравится католикам?

С.: Да, если они отнесутся к нему как к произведению искусства. Когда мы рассматриваем живописное полотно, мы не ставим перед собой цель проверить, соответствует ли оно катехизису церкви и можно ли считать художника добропорядочным католиком. Сериал понравится, если зрители примут правила игры и поймут, что он обращается к их человеческому «Я».

(Из интервью П. Соррентино, *movieplayer.it*¹⁰):

С.: Заверяю вас, что сериал был задуман, написан и снят без какого бы то ни было злого умысла, мы не хотели кривотолков. Это не провокация.

Моя единственная цель — по возможности честно разобраться в противоречиях человеческой природы и феномене обаяния клира.

Очарованный... клиром

(Из предисловия книги П. Соррентино «Груз Бога. Евангелие Ленни Белардо»¹¹):

...Я работал над *Молодым Папой* очень долго. Идея запала в голову давным-давно, постоянно заявляла о себе и всякий раз отступала под давлением самоцензуры. Я был убеждён (ошибочно!), что в такой стране, как наша, на некоторые темы изначально наложено табу, если, конечно, говорить о них искренне. Но, к моему изумлению, продюсеры, которым я изложил свои соображения, самоотверженно решили продвигать проект. Более того, он не встретил (или почти не встретил) никакого противодействия. По мере работы над сериалом мне стало ясно, что проект включает в себя множество тем. Формат сериала помог вместить всё многообразие сюжетных ходов и персонажей, однако осложнил синтез — конечный смысл любой вещи.

Но что для других недостатков, для меня достоинство.

«Ментальный хаос», — скажут клеветники. В хаосе отчасти заложены идеи Красоты и Истины, возражу я. При условии, что за хаосом скрывается структурный порядок, на котором и выстроена моя «техническая» работа. Всякий, кто сумеет уловить этот порядок, с воодушевлением воспримет фильм и начнёт задавать вопросы. Кто же, напротив, увидит в нём хаос — и только хаос, отвергнет всё как скучное, провальное предприятие, представляющее интерес разве что для самого автора.

Вот почему в этом предисловии я не собираюсь растолковывать скрытые мотивы работы или её конечный смысл. Его здесь нет. Или, если есть, по-моему, он незначителен.

Я намерен решительно замалчивать окончательное сжатое «послание», так называемый «месседж» фильма, которого так ищут многие люди. Это слово вызывало нервную дрожь у Билли Уайлдера.

«Если вам нужна бандероль, идите на почту», — повторял он.

Уверен (и меня в том не переубедить), что неуёмный поиск «месседжа» фильма, книги или сериала — дань религиозного воспитания. Людей приучили к тому, что сказка непременно несёт в себе мораль, фильм обязан быть нравоучением, а символ — шарадой, разгадываемой при помощи интеллекта и общей культуры. Я не сторонник морализаторства и всегда полагал, что важно не «послание», а творческое воспроизведение реальной жизни с учётом контекста и внутренней логики. Логика, которая может показаться неумолимому искателю смыслов полным её отсутствием.

По этой причине невозможно ответить на вопрос, что хочет сказать *Молодой Папа* или о чём он?

Или, скорее, так: мне ясен смысл моей работы, но раскрытие его равнозначно насилию над картиной, выхолащиванию, обеднению содержания.

Если зритель придёт ко мне со словами: «Я увидел там то-то и то-то», с моей стороны было бы неправильно возразить ему, что он ошибся. Если он увидел *это*, а не другое, значит фильм сказал ему именно *это*.

И хорошо, что так.

Я солидарен со знаменитой писательницей, которая считала, что всё значительное в жизни человека происходит до двадцати лет. В соответствии с этой логикой я готов рассказать об истоках *Молодого Папы*, побудительных мотивах, которые постепенно — очень медленно — привели к осуществлению этой обширной работы. А истоки кроются в двойственном противоречивом чувстве: я был очарован духовенством и в то же время испытывал к нему недоверие.

Мир священников — это вселенная. Я наблюдал её ежедневно на протяжении пяти лет в Неаполе, с четырнадцати до восемнадцати лет посещая классический лицей монахов-салезианцев. В общем, писательница в очередной раз оказалась права: всё самое значительное происходит до двадцати лет.

Мои воспоминания помножены на радость и боль подросткового возраста, метания, кризисы, перепады. То было вторжение испуганного маль-

чишки в пространство особой эстетики — эстетики священников.

Строгая, упорядоченная простота, чистота го-стиных... Незначащие мелочи. Диванчик из ко-жзаменителя. Два кресла. На столике статуэтка печальной Богоматери. Одна картина на стене: Дон Боско. Основатель Братства.

Дон Боско был повсюду. Его благосклонная улыбка подбадривала, обнадеживала, обещала исцелить юношеские терзания. Но потом в момент нужды всегда приходило понимание, что это не так. Тревоги юности не лечатся благосклонностью портретных улыбок. Этим не успокоить. Это пройдёт с возрастом. Надо вырасти. Надо просто подождать.

Неизменный полумрак комнат. Неизменные бюро в кабинетах священников. Тёмно-зелёное стекло столешниц... Есть что-то неудержимо притягательное в этих кабинетах. И что-то зловещее. Тень убийства за дверьми, которая того гляди шагнёт в комнату. Груз физиологически непонятного, двойственного положения прелата, его власти.

Священники — бездна во взгляде и молчание. Невозможно поверить в их радость, в их ликование в преддверии хорошего дня. Мы, пятнадцатилетние мальчишки, не верили. Что может радовать священника? Никто — ни я, ни мои школьные товарищи — не понимали этого, как ни старались. Только одним можно оправдать их веселье, полагали мы. Грехом. Грехом, который прелаты постоянно пытались вытравить из наших мыслей и наших тел. Но который им самим, похоже, был дозволителен.

Свободные от занятий дни, выходные, особенно воскресенья, были островками их свободы... По понедельникам же их глаза светились от радости, от предвкушения греха. Греха, который мы совершили — не могли не совершить, с нашим-то легкомыслием — в часы обеденного воскресного одиночества в безлюдии квартала. Что было *смертью* для нас, давало им *жизнь*. Так нам казалось. А может, впрочем, всё это глупые выдумки мальчишек, игра богатого воображения? Гораздо более вероятно, что понедельники радовали их возможностью возобновить занятия, встретиться с воспитанниками. Вот причина энтузиазма, который представлялся нам таким неуместным.

Монахини... Ещё одна притягательная сила. Тени, незаметно скользкие вдоль стен, невидимые глазу. Их существование выдавал стук кастрюль в столовой. Они прислуживали священникам двадцать четыре часа в сутки. Их низвели до положения домашней прислуги под покрывалом. Нет-нет, да и проскользнёт в голове эта гаденькая мысль, когда тайком соприкоснёшься с миром клира.

Небезосновательно, впрочем, проскользнёт.

Монахини говорят, что служат Богу, а в большинстве случаев служат священникам. Я это видел. Время от времени, тайком забираясь на запретные этажи, я собственными ушами слышал, как хлестко их отчитывали за огрехи и промахи. Священники считали монахинь своей «территорией».

«Да будет воля Божия!» — говорили наши учителя. Исполнить волю Божию для монахинь значило обслуживать мужчин, вести их хозяйство, обеспечивать быт. *Постоянно*. Безвозмездно. Без какой бы то ни было награды.

Бытует мнение, что стюардесса — это облагороженная официантка. Не претендуя на оригинальность, скажу: монахини — облагороженная обслуга, отдающая всё своё время заботе о священниках и лишь то, что останется, — Богу.

...Каждую неделю у нас был урок религиозного воспитания -простой и незамысловатый, как американский футбол. Священник, который вёл эту дисциплину, приносил в класс печатные оттиски под громким названием: *Пастырский воспитательный проект*. Проект был всегда один и тот же, но учитель снабжал его небольшими уточнениями и всякий раз преподносил его как нечто исключительное. Вероятно, он полагал, что, прочитав два листка, мы сразу сделаемся непогрешимыми христианами, людьми замечательных способностей и выдающегося ума, которые перевернут мир. Он верил в это так неистово, что его вера рождала в некоторых, очень немногих впечатлительных натурах щемящую нежность. Чаще, однако, пастырская утопия давала пищу подростковой жестокости и низости — чувствам, которые впоследствии, уже во взрослом возрасте, я редко наблюдал у своих товарищей. «Курильщики» самозабвенно поджигали пресловутые распечатки. «Романтики» складывали

самолётики. Кто-то рисовал на обороте скабрёзные карикатуры. Словом, в течение этих пяти лет мы постыдно резвились при виде незнакомых слов: *Пастьырский воспитательный проект*. Подросток не хочет никакого проекта, никакого воспитания. Он решительно не понимает, что такое «пастьырский».

...Был ещё футбол. В школе в него играли при первой возможности. Надо отдать должное салезианцам, футболу они придавали исключительное значение, за что я всегда буду им благодарен. Когда мы гоняли мяч, жизнь замирала. Потные подростки и безупречно аккуратные, хмурые слуги Божии в кои-то веки достигали гармонии. Или «сопричастия», как любили повторять последние.

Наконец, каждый год — апофеоз. Духовные упражнения... Труды наставников в очередной раз разбивались о неистребимые животные инстинкты угреватых шестнадцатилетних ребят. Священники стремились привести нас к Богу кратчайшим путём. Нас же интересовало другое: маленький лифт, дорожка в запретное. Там, на последних этажах монастыря, в гулкой тишине парила вывеска, повергавшая в трепет: **МОНАХИНИ-ЗАТВОРНИЦЫ**.

Вот где наша храбрость улетучивалась. Мы мигом слетали вниз, не готовые к встрече с квинтэссенцией запретного, не зная, как к нему подступиться. Возможно, так и не узнали за всю жизнь... Таинственные существа, чудо молчания и молитвы, неузнанные прекрасные тени... Как много мы говорили о них, как мучительно томили они наше воображение! *Моё* воображение. Фантазию, которая питает эту книгу.

2

КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ.

**В поисках идеального Папы:
между модернизмом и традицией**

«На днях я разговаривал с одной немолодой уже женщиной редкого ума и образованности, и она вдруг сказала: “Я сейчас иду на мессу. Я каждый день хожу на мессу”. Меня это поразило: её рациональность, широта взглядов контрастировали с ве-

рой. Это своего рода короткое замыкание. Это так же трудно понять, как и то, как совмещается вера в трансцендентное с умом и образованностью. И тем не менее большинство исследователей католицизма — глубочайшие, тонкие интеллектуалы. А всё потому, что привыкли задавать вопросы».

Из интервью П. Соррентино

Восторг. Недоумение. Бойкот. Отторжение. Растерянность. Полная гамма чувств. Фильм Паоло Соррентино «Молодой Папа» вызвал горячую дискуссию в прессе с участием журналистов, писателей, историков церкви. Этому способствовали два фактора: во-первых, тематика картины, попытка «оскароносного» режиссёра проникнуть во святая святых Ватикана, в папские покои. Во-вторых, позиция официальной католической церкви, предпочитающей воздерживаться от комментариев, что не помешало ряду католически ориентированных изданий озвучить свою позицию по горячим следам, ещё до завершения трансляции всех десяти серий фильма.

До какого предела... (итальянский калейдоскоп)

По мнению специалиста по истории церкви Кристины Сиккарди, фигура Папы Римского на Венецианском кинофестивале-2016 была высмеяна, оболгана, поругана, оклеветана. Речь идёт о «безобразной, вульгарной, кощунственной» провокации, начисто уничтожающей ореол сакральности понтифика, о миазмах современной западной секулярной цивилизации, о знамении «жалкого времени, в которое мы живём». Церковь, — замечает Сиккарди на портале католического информационного агентства «Корреспондента Романа» (Римская корреспонденция), предстаёт в фильме как «сосуд праздности, властолюбия, фобий и мании величия». И это не шутка, не буффонада, — подчёркивает Сиккарди, — это образ обмирщённой, морально и духовно уязвимой псевдоцеркви, теряющей доктринальную и вероучительную опору. Таков итог излишней открытости, курса на диалог с миром, взятого на вооружение Вторым Ватиканским собором. Автор заканчивает совершенно в духе Цицероновских «катилинарий»: «Всего этого

© Кадр из фильма «Молодой папа».
Источники: <https://prophetalk.ru/article/297953/>

достаточно, чтобы постучать в ворота Ватикана и спросить: “Доколе мы будем остерегаться осудить то, что по справедливости требует осуждения, ради несправедности и коварства? Как долго ещё у бедного современного человечества, опьянённого Кантом, Фрейдом, Ранером, Тейаром де Шарденом... Пазолини... Соррентино, будут отнимать Истину, принесённую Сыном Божиим? До какого предела мы позволим безбожникам кичиться дерзостью перед Святой Троицей... и будем унижаться перед ними, глядя, как недостойные попирают бесценное сокровище?”¹²

Маурицио Турриони, обозреватель еженедельника «Фамилья кристиана» (Христианская семья), высказался мягче. Он признал бесспорные художественные достоинства фильма: подбор выразительных лиц в массовке верующих, блестящую операторскую работу, величественность интерьеров дворца Фарнезе, достоверно воссоздающих атмосферу Ватикана, великолепную игру актёров: магнетизм Джуда Лоу (Пий XIII, до избрания кардинал Ленни Белардо), убедительность Даяны Китон (сестра Мери), Джеймса Кромвелла (старый кардинал Спенсер). На этом, по мнению Турриони, плюсы заканчиваются. Могущественный госсекретарь Войелло (Сильвио Орландо), царедворец и интриган, выглядит карикатурой, шаржем, как, впрочем, и другие кардиналы — воплощение всех и всяческих пороков. Фальшь, утверждает автор статьи, граничит с наивностью на грани святотатства. Так — и

только так! — можно расценить эпизод, в котором Папа Римский уговаривает священника нарушить тайну исповеди.

Эпатажность Пия XIII в начальных сериях объяснима. Режиссёр ошеломляет зрителя дерзостью своего героя, чтобы потом явить нового Савонаролу: «Мне нечего сказать тем, у кого есть хотя бы малейшие сомнения в отношении Бога... Я не буду приводить им доказательства бытия Божия, пусть они докажут мне, что Его нет. Вы способны доказать, что Его нет? Если нет, значит, Он есть! Он есть, и мы Ему не интересны, пока Он не завладеет всеми нашими мыслями, пока мы не посвятим себя Ему всецело. Вы слышите? Все-це-ло! В вашем сердце и разуме должен быть Бог. Никто и ничто больше. Ни свобода суждения, ни свобода вообще... Я не укажу путь. Ищите его сами! И когда обретёте Бога, тогда, может быть, увидите меня!»¹³ — заявляет Ленни Белардо на площади Святого Петра, отказываясь показать верующим своё лицо. Отныне они обречены видеть только его тёмный силуэт.

Назвав «Молодого Папу» «рок-звездой от церкви», М.Турриони задаётся вопросом: пристало ли качественному кинематографу говорить о Ватикане и католической церкви на банальном, нарочито земном языке? Не заигрался ли Соррентино, переходя грань дозволенного, шокируя зрителя лже-отступничеством понтифика, пусть даже вымышленного (тирада «Мы перестали мастурбировать, предохраняться, делать аборт, радовать

ся бракам геев, запрещаем священникам жениться...»)? Приземлённость — вот чем грешит сериал Соррентино. Он забрался в чуждый для него мир. «Такое чувство, — заключает Турриони, — что это даже не провал. Это блеф»¹⁴.

Похоже, Соррентино не ожидал такого неприятия католических СМИ. На вопросы корреспондентов, не боится ли он негативной оценки Ватикана, режиссёр, оправдываясь, ответил, что фильм «любят умные священники». При этом он сослался на мнение авторитетного итальянского историка-ватиканиста Альберто Меллони, научного консультанта картины. Тот, в свою очередь, предположил, что кому-то, в противовес папе Франциску, новатору в церкви, понравится консерватор, пожелавший «реставрировать старый порядок»¹⁵.

На момент выхода в эфир заключительных серий в общем хоре славословий и критики зазвучали голоса в защиту замысла Соррентино. «Великой неспешностью» (по аналогии с названием другого его фильма «Великая красота») назвал «Молодого Папу» писатель и журналист Мауро Балдрати. Он предлагает неторопливо и вдумчиво смотреть сериал, предостерегает от поспешных выводов. Герой Соррентино, несомненно, многогранен и непредсказуем. Это убеждённый пророк веры, который внушает мысль о существовании Бога даже закоренелым атеистам. Бог несовременен. Бог не терпит компромиссов. Бог есть Бог. А потому уступок современности не будет. На смену обмирщению должна прийти Истина. И тут нет места половинчатости, заигрыванию с паствой, псевдотерпимости, псевдобратанию. В этом отчётливо слышится суровый, грозный голос ветхозаветного Бога, — так считает Балдрати. Пий XIII призывает церковь обратиться к истокам. Возможно, тогда верующие вернуться в её лоно, поскольку без церкви человек одинок и беспомощен перед тайной божественного. И сам Папа, и даже погрязшие в земных привязанностях, роскоши и наслаждениях кардиналы, и сюрреалистичный госсекретарь Войелло, невзирая ни на что, помнят, что они — сыны матери Церкви. На «Молодого Папу», таким образом, возложена особая миссия¹⁶.

Можно ли считать Пия XIII традиционалистом?

И да, и нет. Да, потому что он отвергает либеральные модели, требует от премьера Италии пересмотра конкордатов между Святым престолом и Итальянским государством. Нет — потому что его миссия лежит в иной плоскости, чем модернизм или традиционализм. Она гораздо крупнее.

Думается, что попытки загнать героя Соррентино в идейные рамки традиционализма продиктованы поверхностным прочтением этого явления. История противостояния традиционализма и модернизма насчитывает более ста лет и включает в себя различные этапы, на протяжении которых менялся облик самой католической церкви. В какой «традиционализм» возвращается Ленни Белардо и какого «модернизма» он сторонится? Чтобы ответить на эти вопросы, совершим небольшой экскурс в историю.

Историческая справка

Модернизм и традиционализм

Модернизм вызвала к жизни «моральная война», объявленная Итальянскому государству и обществу папами второй половины XIX века после упразднения светской власти католической церкви. Будучи сторонниками эволюционной теории, модернисты конца XIX — начала XX века отходили от аксиом церковной традиции, полагая, что религиозная вера развивается по общим законам истории человечества и, следовательно, должна прогрессировать. Они критиковали «внешнюю» религиозность в противовес «внутреннему» очищению, требовали примирить веру с наукой, современной цивилизацией и философией, надеялись преодолеть разрыв между церковной доктриной и религиозным опытом человека. Папы Пий IX (понтификат 1846–1878), Лев XIII (1878–1903), Пий X (1903–1914) решительно осудили новое движение. Это, однако, не мешало его приверженцам уговаривать и убеждать высших церковных иерархов пойти на уступки.

Лишь после Второго Ватиканского собора (1962–1965) дистанция между официальной позицией церкви и позицией модернистов сократилась.

Собор ознаменовал поворот католической церкви к обществу, подтвердил заложенный в Латеранских соглашениях 1929 г. и в конституции Итальянской республики принцип «автономии и независимости церкви и государства», дал начало новому учению о церкви, межрелигиозному диалогу, реформировал богослужение, перевёл его на национальные языки. Церковь распахнула «окна» и «двери» миру, заявила о намерении стать частью гражданского общества и разделить с ним его историю, поддержала прогресс во имя созидания, выступила за развитие новых технологий, побудила человечество к преодолению расстояний и информационных барьеров, признала важную роль мирян¹⁷. В соборных декларациях и декретах прослеживаются отдельные аспекты философского наследия немецких, бельгийских и французских католических мыслителей, многие из которых до того времени слыли модернистами: литургическое богословие О. Каселя (1888–1948), мистическое озарение Ж. Марешаля (1878–1944) и Блонделя (1861–1949), апологетика творчества Г. Марселя (1889–1973), космогенез Тейяра де Шардена (1881–1955), неотоцизм К. Ранера (1905–1984), «новая теология» Анри де Любака (1896–1991), М.Д. Шеню (1895–1990), И. Конгара (1904–1995), богословие Х.У. фон Балтазара (1905–1988) и др. Собор подчеркнул особое значение философии, причём не только традиционного томизма и его вариаций, но и «современных философских исследований», чтобы помочь людям «увидеть связь между... философской аргументацией и тайнами Спасения, которые богословие созерцает в высшем свете веры»¹⁸. В 1967 г. в энциклике «О прогрессе народов» папа Павел VI (1963–1978) дал высокую оценку теории «интегрального гуманизма» французского теолога Ж. Маритена (1882–1973) о всестороннем развитии личности при помощи религиозно-нравственных ценностей¹⁹.

Второй Ватиканский собор поставил модернистов перед необходимостью решать, что делать дальше. Часть их отошла в сторону, полностью удовлетворившись достигнутым. А часть, вслед за швейцарским теологом Хансом Кюнггом (род. 1928), потребовала новых, ещё более радикальных пре-

образований: реформы курии, переработки свода канонического права, избавления от фаворитизма, привлечения клира и мирян к избранию епископов, обнародования финансовых операций Ватикана, разрешения брака священнослужителей и епископов, допуска женщин к церковным должностям, расширения экуменизма и т.д.¹⁴²⁰.

В целом же в Европе учение католического модернизма стало всё больше вытесняться идеями секуляризма с типичным для него сугубо инструментальным подходом к религии как источнику социально полезных благ — своеобразной секулярной формой религии.

По мнению Н. Нобиле, и модернисты, и традиционалисты, несмотря на очевидные внешние различия, имеют много общего. Модернисты рассматривают всю Церковь исключительно сквозь призму собственного восприятия и собственного опыта. Традиционалисты, объединённые вокруг Священнического братства св. Пия X, основанного архиепископом М. Лефевром, также считают своё суждение и выбор единственно верными. Не ставя под сомнение догмы и главенство Церкви, но не признавая постановлений Второго Ватиканского собора в отношении литургии и экуменизма, они, по выражению Н. Нобиле, рискуют подменить веру «ценностями»²¹.

В 2009 г. папа Бенедикт XVI снял с лефевристов наложенное Иоанном Павлом II отлучение, разрешил служить мессу по старому тридентскому чину. Более того, десятью годами ранее он лично отслужил в Веймаре такую мессу в знак примирения. И это притом, что Ратцингер, при всех своих симпатиях к консерватизму, никогда не вставал на позиции традиционализма. Однако диалог так и не состоялся: традиционалисты остались при своём.

Нежелание идти на компромисс, стремление во что бы то ни стало сохранить застывшие формы отнюдь не свидетельствовали о правоверности их приверженцев. Как отмечал Л.П. Карсавин ещё в 1918 г., для католиков идея развития заложена в самой сути христианства. Современный католицизм уже потому не отрицает развития богословия и науки, что стремится «освятить, религиозно понять и преобразовать всю жизнь, стремится к

целостному знанию, которое насквозь должно быть религиозным»²².

Папа старый и Папа молодой

Возраст «молодого Папы» — понятие далеко не в первую очередь биологическое, хотя и это обстоятельство немаловажно. Его возраст — программа понтификата, готовность или неготовность к переменам. В этой связи интересны литературные предшественники героя фильма Соррентино.

Кульминацией романа «Святой» (1906) итальянского писателя Антонио Фогаццаро стала беседа Папы Римского с бенедиктинцем Фра Бенедетто. Этот разговор чрезвычайно важен и показателен. И дело тут не в содержании либеральных «ересей» монаха, якобы внушённых ему свыше (они типичны: моральное очищение церкви, отказ духовенства от роскоши, жадности, заносчивости, высокомерия, распутства и лжи), а в словах и поведении понтифика. В этой сцене, напоминающей аналогичную беседу в романе Эмиля Золя «Рим», обретает очертания и формы образ *идеального Папы*, черты которого впоследствии будут встречаться в художественной прозе и кинематографе. Перед нами — папа, каким его увидел человек светской гуманистической культуры рубежа XIX–XX веков:

«Папа умолк, но лицо его, руки, всё существо выдавали волнение. Он откинулся на спинку кресла, уронил голову на грудь, положил руки на стол и, опершись о него, задумался. В керосинке дымился багровый язычок пламени.

Он ничего не видел. Заметив же, поправил фитиль и нарушил молчание:

— Верить ли ты, что такова твоя миссия?

Бенедетто отвечал с затаённой страстью:

— Верю.

— Отчего же?

— Оттого, Ваше Святейшество, что всякий человек, приходя в мир, имеет цель, предначертанную природой. Когда мне ещё не являлись видения и иные чудесные знамения, моя природа была уже вполне религиозна. Она предписала мне действовать в сфере религии...

— И ты полагаешь, что исполняешь свой долг перед религией? Здесь, сейчас?

Бенедетто сложил руки, словно умоляя выслушать его:

— Да. Даже здесь. Сейчас.

Он опустил на одно колено...

— Встань, — произнёс Папа. — Скажи, что велит тебе Дух Святой. Не бойся».

«Сын мой, — произнёс он [терпеливо выслушав монаха. — В.Я.], — кое-что из того, о чём ты рассказал, Бог открыл и моему сердцу. Ты, да благословит тебя Господь, держишь ответ перед одним Создателем. Мне же надлежит договариваться с людьми, которых Он поручил мне, дабы я направлял их сообразно любви и благоразумию. Мне приходится взвешивать каждый данный совет, каждое распоряжение... Я бедный школьный учитель, у которого из семидесяти учеников сорок посредственны, двадцать не способны освоить даже азы и лишь десять радуют успехами. Учитель не приходит в класс ради этих десятерых, как и я не могу управлять церковью только ради тебя и тебе подобных. Видишь ли, Христос заплатил податей кесарю. Я же — не как понтифик, но как гражданин — охотно отдал бы дань уважения... просвещённым людям, о которых ты говорил, когда б я не опасался обидеть оставшихся шестьдесят учеников, лишиться пусть даже одной из этих душ. Они столь же дороги мне, как и другие. А это может произойти, если я удалю из «Индекса»²³ некоторые книги, если введу в Святую коллегия людей, чьи убеждения недостаточно ортодоксальны... И потом я стар, я устал. Кардиналы не знали, кого сюда поставили. Я не хотел этого [здесь и далее курсив мой. — В.Я.]. Я болен, должно быть, скоро предстану перед Судией... Не думаю, чтобы Господь ждал от меня исполнения того, о чём ты говоришь. Это не под силу даже *молодому Папе*. Однако кое-какие вещи, пусть не столь значительные, я смогу сделать. О большем будем молить Бога, дабы Он в своё время призвал тех, кто совершит это, и тех, кто им в этом поможет. Сын мой,

* Индекс запрещённых книг.

начни я нынче вечером перестраивать Ватикан, сыщу ли Рафаэля расписать его?»²³

Роман Фогаццаро тогдашнее руководство церкви не приняло и включило его в «Индекс запрещённых книг». А.В. Луначарский в 1910 году писал, что автору вменили в вину дарвинизм, симпатии к протестантизму и предложили публично отречься от убеждений, что он и сделал, к удивлению друзей и возмущению светской либеральной Италии²⁴.

По прошествии более чем ста лет два итальянских режиссёра явили миру «своих» пап: Нанни Моретти и Паоло Соррентино. Трогательный фильм о старом кардинале Мельвиле, избранном понтификом и не нашедшем в себе сил и смелости вступить в должность («У нас есть Папа», 2011), был восторженно принят публикой, обласкан критиками и в целом оценён по достоинству, хотя и не без серьёзных замечаний, официальными католическими СМИ: Радио Ватикана, «Оссерваторе Романо» и др.²⁵. Герой Моретти — умный, чуткий, пронзительный, совестливый человек, как и персонаж Фогаццаро. Но он нерешителен, он стар, он боится возложить на себя бремя ответственности и бежит, оставляя папский престол вакантным на глазах у многотысячной толпы растерянных, испуганных верующих.

Опустевший балкон базилики Святого Петра словно зовёт другого - молодого, деятельного, харизматичного Папу, бескомпромиссного, не склонного к рефлексии, не ведающего усталости. Пия XIII?

«Молодой Папа» вроде бы подходит на эту роль: «Братья кардиналы, — заявляет он, — с этого дня нас нет дома, кто бы ни стучал в нашу дверь. Мы существуем только для Господа. С этого дня всё, что было открыто, будет закрыто. Обращение в христианство? Мы это уже сделали. Экуменизм? Было такое, проходили. Толерантность? Она здесь больше не живёт, её выселили... Братья кардиналы, нам нужно снова стать недоступными, недосыгаемыми и загадочными. Только так мы снова станем желанными... Может ли это означать, что церковь не для всех? Гипотетически... Но даже гипотеза не так скандальна. Я считаю, что лучше иметь нескольких надёжных людей, чем целую толпу рассеянных и равнодушных».

Что это — закрытость, сектантство, традиционалистские ценности? Или возврат к истокам, к аскетике древней церкви, желание свидетельствовать о Боге — грозном, но и в то же время страдающем в своём одиночестве? Символично название глав книги Соррентино: «Груз Бога. Евангелие Ленни Белардо». В основу книги лёг сценарий фильма «Молодой Папа».

Глава I — «Бог Грозный. Война Ленни Белардо»

Глава II — «Тайный проект»

Глава III — «Страх и свобода. Бог спрятанный и Бог-ребёнок»

Глава IV — «Бог улыбается. Любовь Ленни Белардо».

Судя по заглавиям, Бог в книге доминирует. Жаль только, что идея автора в фильме не всегда находит убедительное драматургическое и художественное воплощение.

Тайна

Многие критики справедливо отмечали, что в «Молодом Папе» любопытнее всего сам факт обращения светского режиссёра к религиозной тематике, к истории понтифика. Последнее стало уже знаком времени.

Интерес к конспирологии Дэна Брауна свидетельствует о распространённом в современном секулярном обществе представлении о церкви как о таинственном организме с жёсткой иерархией и мощными, но всегда скрытыми рычагами власти. Ориентированные на материализм, гедонизм и потребительство, люди нередко склонны усматривать в действиях клира стремление чуть ли не к мировому политическому господству, видят исключительно политическое лицо церкви, оставляя за кадром её мистическую, сверхъестественную природу. Об ошибочности такого взгляда говорил ещё в 1984 г. Й. Ратцингер, в ту пору префект Конгрегации вероучения: «Многие больше не верят, что мы имеем дело с богоданной реальностью. Церковь, в том числе по мнению некоторых теологов, предстает как структура человеческая, инструмент, создан-

ный нами, и который мы, следовательно, можем сами беспрепятственно перестраивать, исходя из текущих нужд». За человеческим «фасадом», — пояснил Ратцингер, — всегда скрывается сверхчеловеческая тайна, в которую никто не имеет права вмешиваться. Если же сверхъестественное видение тайны церкви отсутствует, «сама христология теряет свою связь с Божественным, и, как чисто человеческая структура, начинает соответствовать чисто человеческому замыслу. Евангелие превращается в Иисус-проект, проект социально-освободительный, или в другие проекты исключительно исторические... которые с виду могут показаться религиозными, но они, по сути своей, атеистические»²⁶. Подобные модные экклезиологические модели, по мнению Ратцингера, лишают церковь тайны как «реального присутствия Бога в мире», а это влечёт за собой подмену личной ответственности — коллективной, отказ духовенства от послушания законной иерархии, менеджмент вместо духовного подвижничества и т.д.

Ожидание чуда в различных его проявлениях — от суеверий до высоких прозрений духа — издавна присуще итальянской культуре. В одном из интервью Соррентино признался, что его с детства влекла к себе тайна — тайна и очарование духовенства, монашества, самой веры. «На днях я разговаривал с одной немолодой уже женщиной редкого ума и образованности, — рассказывал он. — И она вдруг сказала: “Я сейчас иду на мессу. Я каждый день хожу на мессу”. Меня это поразило: её рациональность, широта взглядов контрастировали с верой. Это своего рода короткое замыкание. Это так же трудно понять, как и то, как совмещается вера в трансцендентное с умом и образованностью. И тем не менее большинство исследователей католицизма — глубочайшие, тонкие интеллектуалы. А всё потому, что привыкли задавать вопросы»²⁷.

Задача передать сверхъестественное языком кинематографа — задача не из лёгких. Можно спорить об эстетике Соррентино, однако многие критики сходятся на том, что в «Молодом Папе» присутствует мистическое напряжение, почти хич-

коковский «саспенс». Режиссёр, по его собственному признанию, пытался растворить в картине то, что верующие называют «тайной, не подвластной человеческому пониманию, измерением чуда»²⁸.

О таком чуде говорили средневековые мистики, о нём же мечтал на рубеже XII–XIII веков цистерцианский монах Иоахим Флорский, предвещая наступление эры Святого Духа и приход ангелического Папы — Папы, который очистит духовенство от скверны и обмирщения, спасёт Церковь, дарует людям возможность узреть Бога. Все последующие поколения верующих ждали такого Папу, в каждого вновь избранного понтифика вглядывались, пытались понять: не он ли тот самый святой и чистый? Эти чаяния не утихали в Средние века, в эпоху Возрождения и даже тогда, когда в Европе обожествляли прогресс.

Разговор с папой с глазу на глаз, один на один, как если бы не было остальной церкви, духовенства и его злоупотреблений, — тема, которая волновала людей во все времена.

Чего же ждут сегодня от Папы вымышленного — Пия XIII? Вероятно, личного опыта подвижничества, личного свидетельства о Христе. А как же Церковь? Где она? Создаётся впечатление, что в фильме Папа и есть Церковь. Но он один. Без епископов, духовенства и почти без мирян. Каково же будущее такой церкви?

Хочется надеяться, что ответ на этот вопрос мы получим во втором сезоне сериала.

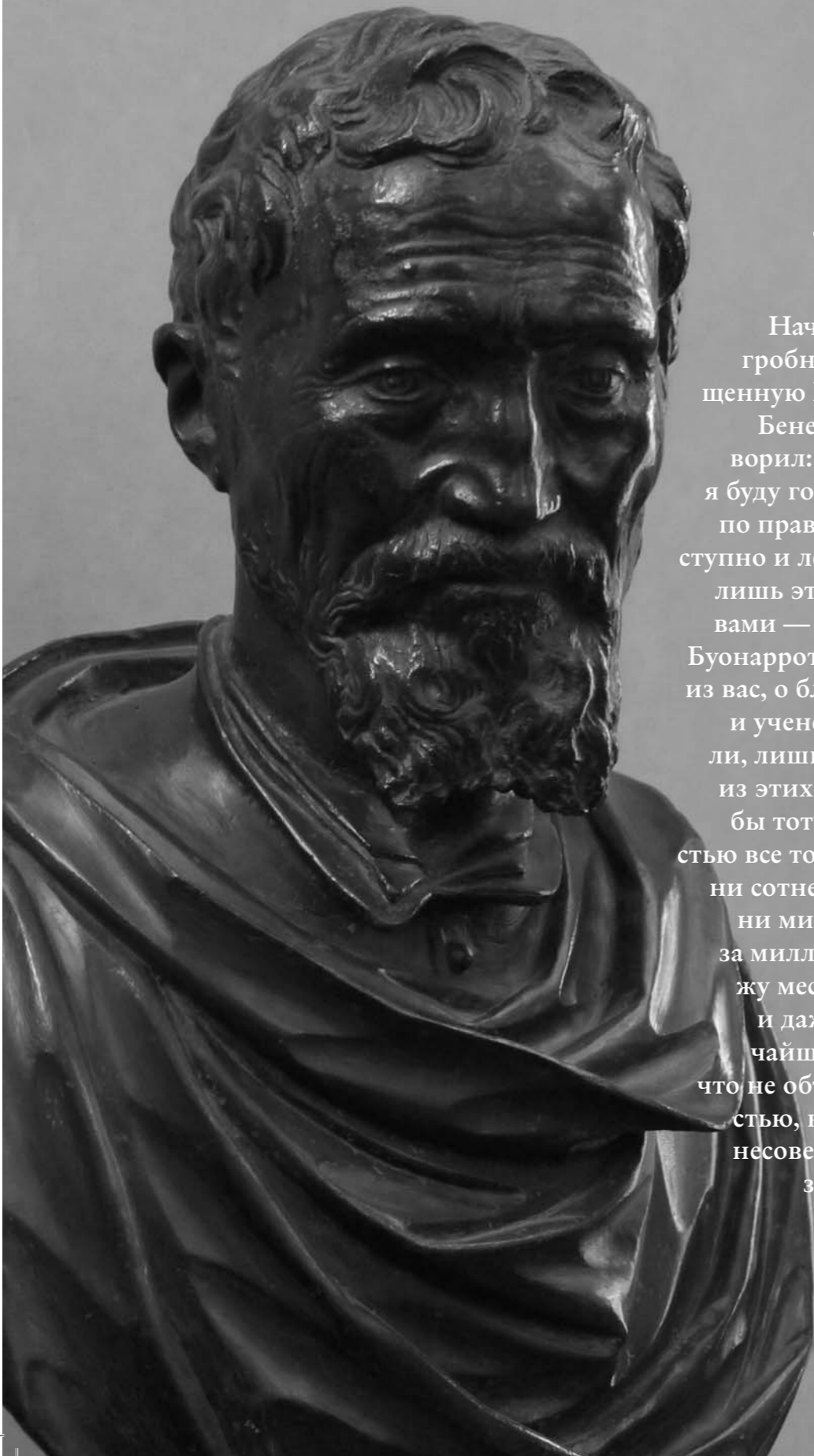
Примечания

- 1 *Тарханова Е.* Период первого инфаркта. «Молодой Папа», режиссёр Паоло Соррентино, «Искусство кино». 2017, №1 январь / <https://mail.kinoart.ru/archive/2017/01/period-pervogo-infarkta-molodoy-papa-rezhisser-paolo-sorrentino>
- 2 *Быков Д.* «Молодой Папа» глазами пожилого отца». / <https://www.kinopoisk.ru/article/2906502/>
- 3 *The Young Pope: l'intervista a Paolo Sorrentino.* 12 settembre 2016. / <http://skyatlantic.sky.it/skyatlantic/news/2016/09/12/the-young-pope-intervista-paolo-sorrentino.html> (дата обращения 20.04.2017)
- 4 *Zanuttini P.* Papale papale: intervista a Paolo Sorrentino su “The Young Pope”, *la Repubblica.it*, 30.09.2016 / <http://www.repubblica.it/venerdi/interviste/2016/09/26/news/>

[papale_papale_intervista_a_paolo_sorrentino_su_the_young_pope_-148575057/](http://www.repubblica.it/venerdi/interviste/2016/09/26/news/papale_papale_intervista_a_paolo_sorrentino_su_the_young_pope_-148575057/) (дата обращения 24.04.2017)

- 5 *The Young Pope, l'intervista a Paolo Sorrentino.* “Il mio Papa è un uomo solo con i suoi dubbi”. / <http://www.lifestyleblog.it/blog/2016/10/the-young-pope-l'intervista-paolo-sorrentino/> (дата обращения 17.04.2017)
- 6 *Paolo Sorrentino: “Il mio The Young Pope? Un estremista. Un settario. Un fondamentalista”.* / <http://www.giornalettismo.com/archives/2172645/paolo-sorrentino-the-young-pope-intervista/> (дата обращения 24.04.2017)
- 7 *Fumarola S.* Sorrentino: “Il mio Papa è solo come tutti gli uomini di potere”. 11 ottobre 2016. / http://www.repubblica.it/spettacoli/tv-radio/2016/10/11/news/sorrentino_il_mio_papa_e_solo_come_tutti_gli_uomini_di_potere_-149551312/ (дата обращения 20.04.2017)
- 8 *The Young Pope: l'intervista a Paolo Sorrentino.* 12 settembre 2016. / <http://skyatlantic.sky.it/skyatlantic/news/2016/09/12/the-young-pope-intervista-paolo-sorrentino.html> (дата обращения 20.04.2017)
- 9 *Fumarola S.* Sorrentino: “Il mio Papa è solo come tutti gli uomini di potere”, *R.it*; 11.10.2016 / http://www.repubblica.it/spettacoli/tv-radio/2016/10/11/news/sorrentino_il_mio_papa_e_solo_come_tutti_gli_uomini_di_potere_-149551312/ (дата обращения 10.04.2017)
- 10 *Paolo Sorrentino presenta The Young Pope: “Non voglio polemiche, ma indagare le condizioni umane”.* 03.09.2016 / http://movieplayer.it/articoli/the-young-pope-intervista-paolo-sorrentino-e-jude-law-da-venezias-73_16258/ (дата обращения 10.04.2017)
- 11 *Sorrentino P.* Il peso di Dio. Il Vangelo di Lenny Belardo. Einaudi, 2017, pp. VII-XIII.
- 12 *Siccardi C.* Sbeffeggiati al Festival di Venezia il Papa e il Vaticano, *Corrispondenza romana*, 07.09.2016. / <https://www.corrispondenzaromana.it/sbeffeggiati-al-festival-di-venezias-il-papa-e-il-vaticano/> (дата обращения 24.04.2017)
- 13 *Перевод мой.* По кн.: *Sorrentino P.* Il peso di Dio. Il Vangelo di Lenny Belardo. Einaudi, 2016, pp.33-34.
- 14 *Turrioni M.* Che grande bluff il giovane papa di Sorrentino, 05.09.2016 / http://www.famigliacristiana.it/articolo/the-young-pope-sorrentino_8451.aspx (дата обращения 25.04.2017)
- 15 *Zanuttini P.* Papale papale: intervista a Paolo Sorrentino su “The Young Pope”, *la Repubblica.it*, 30.09.2016 / http://www.repubblica.it/venerdi/interviste/2016/09/26/news/papale_papale_intervista_a_paolo_sorrentino_su_the_young_pope_-148575057/ (дата обращения 24.04.2017)
- 16 *Baldrati M.* *The young pope*, di Paolo Sorrentino: The End, 18.11.2016 / <https://www.carmillaonline.com/2016/11/18/the-young-pope-paolo-sorrentino-the-end/> (дата обращения 27.04.2017)
- 17 *Документы II ватиканского Собора.* М., 2004, с.313.
- 18 *Николс Э.* Контуры католического богословия. М., 2009, с. 401.
- 19 *Губман Б.Л.* Современная католическая философия. М., 1988, с.131, 135.
- 20 *Kung H.* Salviamo la Chiesa. Milano, 2012, pp.221-264.
- 21 *Nobile N.* Il Caso. The Young Pope di Sorrentino. Il Cattolicesimo senza Fede, 14.10.2016. / <http://www.barbadillo.it/60126-il-caso-the-young-pope-di-sorrentino-e-il-cattolicesimo-senza-fede/> (дата обращения 05.05.2017)
- 22 *Карсавин Л.* Католичество. М., 2013, с.52-53.
- 23 *Перевод мой по: Fogazzaro A.* Il Santo. / https://www.liberliber.it/mediateca/libri/f/fogazzaro/il_santo/pdf/il_san_p.pdf
- 24 *Луначарский А. В.* Поэт неокатолицизма: «Киевская мысль», 1910, № 353, 22 декабря. / <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-5/poet-neokatoicizma> (дата обращения 28.04.2017)
- 25 *Il film di Moretti: «Habemus Papam» da oggi nelle sale italiane.* La recensione di Luca Pellegrini (Radio Vaticana), 15.04.2011 / <http://paparatzinger4-blograffaella.blogspot.ru/2011/04/il-film-di-moretti-habemus-papam-da.html>; *Ranzato E.* Una capacità smarrita, *L'Osservatore romano*, 28.04.2011 / http://www.vatican.va/news_services/or/or_quo/cultura/2011/097q04a1.html (дата обращения 10.05.2017)
- 26 *Ратцингер в 1984 году: Церковь тихо перестает быть католической, СКГ,* 05.01.2017 / <http://skgnews.com/2017/01/05/ratzinger-v-1984-godu-cerkov-tixo-perestaet-byt-katolicheskoy/> (дата обращения 05.04.2017)
- 27 *Zanuttini P.* Papale papale: intervista a Paolo Sorrentino su “The Young Pope”, *la Repubblica.it*, 30.09.2016 / http://www.repubblica.it/venerdi/interviste/2016/09/26/news/papale_papale_intervista_a_paolo_sorrentino_su_the_young_pope_-148575057/ (дата обращения 24.04.2017)
- 28 Там же.

© Вероника Язькова

Заметки о Микеланджело

Павел АЛЕШИН

I
Микеланджело необъятен. Начиная свою надгробную речь, посвященную Микеланджело, Бенедетто Варки говорил: «Ведь то, о чем я буду говорить, сказать по правде, я мог бы доступно и легко объяснить лишь этими двумя словами — Микеланджело Буонарротти. Так как кто из вас, о благороднейшие и ученейшие слушатели, лишь услышав одно из этих слов, не понял бы тотчас же и полностью все то, что не сказать ни сотней, ни тысячью, ни миллионом речей за миллионы — не скажу месяцев, — но лет, и даже веков с величайшей трудностью, что не объяснить полностью, но можно лишь несовершенным образом рассказать?»

Действительно, о Микеланджело написано уже цстолько томов — как научной, так и художественной литературы, — что из них можно собрать целую библиотеку. Но он все равно остается непостижимым. Все равно магически — как заклинание — звучат эти два слова: Микеланджело Буонарротти.

Из всего, что я читал о Микеланджело, наибольшее впечатление на меня произвел маленький рассказ Р.-М. Рильке из цикла рассказов «О любимом Боге». Рассказ называется «О человеке, слушающем камни».

Конечно, есть замечательные искусствоведческие тексты, есть и большие художественные биографии, но рассказ Рильке — уникален. Один гений пишет о другом гении и схватывает самую суть. Микеланджело необъятен, и именно об этой его необъятности пишет Рильке.

Объять необъятное — невозможно (вернее, возможно только гению — что и сделал Рильке), поэтому я, как и многие другие, пишущие о Микеланджело, хочу поделиться своими небольшими наблюдениями о нем, его искусстве и поэзии, изучать которые я начал в университете.

II «Пьета Ронданини» и поздние сонеты

Когда я учился в МГУ, на спецкурсе Михаила Михайловича Алёнова, я прочитал доклад о поэзии Микеланджело. Поэзия на протяжении всей жизни была для Микеланджело способом саморефлексии. Он занимался и скульптурой, и живописью, и архитектурой, но осознавал себя и называл себя только скульптором: «Michelagnuolo scultore» — так он подписывал свои письма. Однако, несмотря на такое самовосприятие, поэзия была для Микеланджело столь же важна, как и пластические искусства, потому что она давала ему иные возможности самовыражения. Именно поэзии мастер

поверял свои личные переживания, сокровенные мысли, сомнения, надежды. Микеланджело не хотел публиковать свои произведения, предстать перед общественностью в качестве поэта: его стихи были его личным делом, делился он ими лишь с самыми близкими друзьями.

Во время доклада М.М., как только он один умеет, обратил мое внимание на маленькую деталь, которую я раньше не замечал, но которая очень важна и которая меня поразила (М.М. любит цитировать Брюллова, который говорил, что искусство начинается там, где начинается «чуть-чуть»). Рассматривая изображение самой последней скульптурной группы Микеланджело — «Пьеты Ронданини» (Милан, Каstellо Сфорцеско, 1552–1564 гг.) — Алленов отметил, что один из ракурсов — совершенно неожиданный и необычный.

Иконография «Пьеты» (оплакивания), как известно, — это когда Богоматерь держит тело мертвого Христа. В «Пьете Ронданини» Микеланджело отходит от ренессансных принципов построения скульптурной группы, в чем-то возвращается к готическим — хотя, как это всегда у мастера, — воспринятым совершенно оригинально, по-своему.

Первоначально Микеланджело планировал создать «Положение во гроб», где тело Христа поддерживали бы с двух сторон Богоматерь и Иоанн, но впоследствии он избрал иной сюжет — оплакивание, сократив количество фигур до двух (как это было в его ранней «Пьете» из собора Святого Петра в Риме). Начав работу над скульптурной группой «Положение во гроб» в 1552 году, в 1555-м Микеланджело вернулся к ней, но изменил композицию: стоящая в полный рост Мадонна держит тело Христа. Микеланджело стал выпрямлять фигуру Христа, стремясь сделать ее единой с фигурой Богоматери, максимально возможно подчеркивая вертикаль. Эти изменения оставили следы на камне: голова Христа переделана из правого

плеча Богоматери, первоначальные левое плечо и левая часть торса стали материалом для новой левой руки и Иисуса левой руки Девы Марии.

Таким образом, по композиционному типу эта «Пьета» близка к позднеготическим изображениям: она вытянута по вертикали, обладает единым силуэтом. Эта замкнутая в себе, скупо обработанная группа представляет собой нерасчлененную массу, одинокую в окружающем ее пространстве, словно не желающую открываться ему. Богоматерь, прижимающая к себе тело мертвого Сына, еще не в силах оставить Его, полна безмолвной скорби, но это не тихая скорбь ранней римской «Пьеты», но страстное, могучее, мучительное чувство, сокрытое в безмолвном объятии.

В одном из ракурсов (а скульптура эта предполагает круговой обход и несколько точек зрения) получается, что не Богоматерь держит Христа, а Христос держит Марию, что Он как будто несет Ее на спине. И именно на это обратил мое внимание Алленов.

Это невероятно! Гениально и просто. И как это соотносится с тем, что Микеланджело писал в своих поздних сонетах. Как точно это выражает христианскую идею спасения через жертву Христа. Изображен мертвый Христос, снятый с креста, но это Он поддерживает Богоматерь!

Все поздние сонеты Микеланджело являются попыткой создать свою личную молитву, для которой он постоянно ищет идеальное словесное выражение, чем и объясняется незаконченность многих его сонетов; он оформлял одну мысль, оставлял ее, начинал другую, возвращался к предыдущей, и так — все время. Можно сказать, что эти его поздние сонеты — как законченные, так и незаконченные — в совокупности представляют собою единое целое, один непрекращающийся разговор мастера с Богом.

И в них тот же мотив, тот же «ракурс», что и в «Пьете Ронданини»: распятый Христос, принявший смерть за людей, является един-

ственной опорой в жизни старого мастера: именно Христос поддерживает Микеланджело.

*Ты с первых лет моих и день за днем,
Господь, — вожатый мой, моя твердыня,
ждет потому душа моя и ныне
двойную помощь в бедствии двойном¹.*

*Душа моя мучениям иную
причину не находит — неизвестный
то грех, хотя не скрыт он от небесной
любви, что облегчает боль любую.
Господь, услышь, да блага не миную,
что даровал ты кровью в муке крестной
всем нам, рожденным после повсеместно:
пусть снова милость обрету твою я.*

*Все помыслы мои, что заблуждений
полны, к единой мысли лишь должны
быть на исходе жизни сведены,
что в вечный мир ведет, где сгинут тени.
Но что могу я, Боже, без свершений
Твоих? Что — коль не явишься мне Ты?*

*Я думаю, нет, знаю я наверно,
что дух грехом, сокрытым от меня,
терзаем, и что в сердце нет огня,
и что слаба надежда и безверна.
Но, кто с Тобой, тому ли суеверно,
Любовь, бояться потерять Тебя?*

*Мои молитвы будут благозвучий
полны, когда на то Ты дашь мне силы:
ведь и земля, когда не оросили
ее, плод не родит сама могучий.
Ты только — семя всех благополучий,
когда и где бы ни плодоносили;
и тем, Твоих путей кто не вкусили
святых, Твой свет не разглядеть сквозь*

тучи.

*От многого, что вижу на земле я,
в глазах — печаль, и от всего в смятенной
душе — тоска. Когда б не дар бесценный
Твой, что б с жизнью делал я своею?
О помощи просить Тебя я смею —
не только о прощении смиренно,
хотя во тьме густой я ноцно, денно:
к тому, кому открылся, будь щедрее.*

*Ничем, Господь, во мне не обуздаешь
любовь и чувства: пусть опасны,
тищетны, —
нет, только тем одним, что беспросветно,
от мира чем друзей освобождаешь.
Ты души одеваешь, раздеваешь,
и кровью очищаешь, как несметны
бы ни были грехи их, как запретны
порывы...*

III Абсолютное non finito

Таким же бесконечным разговором с Богом стали поздние скульптуры Микеланджело — помимо «Пьеты Ронданини», о которой речь шла выше, это еще и «Пьета» 1547–1555 гг. из музея Опера-дель-Дуомо во Флоренции.

Считается, что в последние два десятилетия своей жизни Микеланджело мало занимался скульптурой. Если говорить о количестве, то речь идет только о двух произведениях. Однако если говорить о времени, которое он посвящал скульптуре... Скульптура была так же важна для Микеланджело, как и раньше. Доказательством служат слова Дж. Вазари: «Для времяпрепровождения Микеланджело работал почти ежедневно над тем Оплакиванием из четырех фигур...»². После того как мастер разбил незавершенную группу, ему «необходимо было найти еще какой-нибудь кусок мрамора, чтобы ежедневно проводить время, занимаясь ваянием»³.

Также Вазари пишет о Микеланджело: «Спал же он весьма мало, очень часто вставал среди ночи, так как не мог заснуть, и брался за резец...»⁴.

В последние годы своей жизни мастер занимался скульптурой не по заказу, а для себя, так же, как и поэзией и рисунком: эти искусства были для него способом самовыражения и самопознания. «Пьета» 1547–1555 гг. предназначалась им для своей собственной гробницы, то есть работа над ней была размышлением о смерти, о принятии ее, и недаром в образе Никодима (или Иосифа Аримафейского⁵), поддерживающего мертвого Христа, угадываются черты самого Микеланджело. Старый, но могучий, задумчивый, погруженный в себя, с уставшим, смиренным лицом, Никодим поддерживает одной рукой мертвого Христа, символизирующего собой идею божественной жертвы, в которой Микеланджело обрел для себя надежду и опору, а другой — склонившуюся скорбящую Богоматерь. Мощное тело Спасителя, принявшего муки на кресте и искупившего этим грехи человечества, своей тяжестью давит на всю группу, оно как бы надломлено в последнем напряжении сил: голова склонилась набок, колени подгибаются, безжизненно свисают могучие руки.

Эта группа не была закончена, и в 1555 году Микеланджело разбил ее. Вазари объясняет это изъянами мраморной глыбы и еще тем, что Микеланджело «судил себя и свое творчество так строго, что никогда не удовлетворялся тем, что делал...»⁶. Макс Дворжак развил мысль Вазари и попытался объяснить, чем был недоволен мастер, выявив несколько противоречий. Первое: это несогласованность фигуры Марии Магдалины с остальными тремя фигурами, образующими единую, цельную массу. Второе: различие в трактовке фигуры Христа и фигур Никодима и Девы Марии. Фигура Христа проработана весьма тщательно, моделировка форм ясная, мрамор отполирован, в то время как две другие фигуры монолитны и мало проработаны, они словно возникают из каменной массы. Это верно, но нужно учитывать, что фигуру Марии Магдалины доделывал и обрабатывал

не Микеланджело, а друг и помощник мастера, флорентийский скульптор Тиберิโอ Кальканьи, и что неизвестно, как выглядела бы скульптура, если бы сам автор продолжил работать над ней. Лицо Христа, трактовано столь же скупно, что и лицо Никодима; еще менее проработано лицо Богоматери. Но невозможно сказать, намеревался ли Микеланджело оставить это несоответствие обработки форм. Вазари сообщает, что знакомый Микеланджело Франческо Бандини очень хотел иметь у себя дома что-нибудь, сделанное скульптором, и что Микеланджело решил подарить ему разбитую группу, решив Кальканьи закончить работу по его моделям: «Тиберิโอ сложил ее вместе и восстановил, не знаю уж сколько кусков, но из-за смерти Бандини, Микеланджело и Тиберิโอ она так и осталась незаконченной»⁷. Таким образом, есть вероятность, что Кальканьи мог в той же манере закончить фигуры Никодима и Богоматери, что и фигуру Магдалины.

Если первая причина того, что Микеланджело разбил группу, естественна и понятна (изъяны материала), то вторая вовсе не объясняет, почему мастер, если он был так недоволен своей работой, разрешил кому бы то ни было восстановить разбитую группу и закончить ее. Чтобы понять это, нужно обратить внимание на то, что над второй, поздней «Пьетой» Микеланджело начал работать в 1552 году, то есть за три года до того, как он разбил предыдущую. Начало новой скульптурной группы со схожей иконографией означает, что изменилось понимание выбранной темы, что изменились размышления, связанные с ней. И не потому, что он был недоволен результатом, но потому что его в этом сюжете стало интересовать что-то другое, он начал работать над другой группой, и именно поэтому он спокойно позволил другому скульптору закончить предыдущую. Итак, в 1552 году Микеланджело начал работать над «Пьетой Ронданини».

Эта скульптура — совершенное воплощение трагедии одиночества, чувства, которое сопровождало Микеланджело в последние годы

его жизни, но при этом она является также олицетворением примирения великого художника с мыслью о смерти, олицетворением обретенного через жертву Христа покоя. Неизвестно, намеревался ли Микеланджело детально обрабатывать статую (на это указывает тщательная обработка ног Христа), или же он думал выявить разные фактуры в одной группе, но точно известно, что мастер работал над этой скульптурной группой до самой своей смерти, постоянно внося в нее изменения. Это было своеобразное, бесконечное размышление в камне.

Такое понимание процесса ваяния у Микеланджело позволяет по-новому взглянуть на проблему «незаконченности» («*non finito*») поздней скульптуры. В творчестве Микеланджело необходимо разделять незаконченность некоторых произведений, вызванную внешними факторами (как это было, например, в случае с проектом гробницы Юлия II или с проектом церкви Сан-Джованни-деи-Фиорентини), сознательную «незаконченность» в зрелых произведениях, когда она являлась художественным приемом (например, в статуях из Капеллы Медичи, в которых Микеланджело сочетает различные степени обработки материала, специально оставляя некоторые части поверхности незавершенными), и «незаконченность» поздних скульптурных групп. Если принять идею о том, что процесс ваяния для мастера был равнозначен процессу мышления, то становится ясной сама невозможность окончания работы: эти поздние скульптуры просто не предполагали их завершения.

IV

Микеланджело и политика

Говоря о Микеланджело, мы говорим об искусстве — о скульптуре, живописи, архитектуре, рисунке, поэзии... Говорим о великих произведениях искусства, о космических по своим масштабам замыслах. О христианстве и язычестве. О Ренессансе в целом.

Но эпоха Возрождения (и особенно Позднего Возрождения) — не только прекрасная эпоха искусства и поэзии, но и весьма суровая — в плане политическом и социальном — жестокая эпоха.

Микеланджело был, если воспользоваться современной терминологией, — политически активным человеком, человеком с четкой гражданской позицией. Он был настоящим патриотом своей родины — Флоренции. И всегда горячо переживал за ее судьбу. Он участвовал в защите республиканского города, когда войска принца Оранского по приказу Карла V (по договоренности с папой Климентом VII) осаждали его: мастер был назначен инспектором городских стен и отвечал за городские укрепления. После поражения республиканской власти в городе вновь воцарилась власть клана Медичи, а в 1532 году было образовано Флорентийское герцогство. В 1534 году Микеланджело, не приняв нового политического режима, навсегда покидает Флоренцию.

Но, говоря о великом мастере и политике, говорить я буду все равно об искусстве, иначе Микеланджело не был бы Микеланджело, не правда ли?

Лишь несколько произведений мастера можно назвать гражданскими. Самые известные среди них — статуя «Давид» и несохранившийся картон «Битва при Кашине» для фрески в Зале совета Палаццо Веккио. «Давид» — образ настоящего героя-защитника отечества, который должен был вдохновлять флорентийцев. Картон «Битва при Кашине», изображавший эпизод из истории Флоренции, тоже имел глубокий политический смысл. Хотя, безусловно, гражданственная составляющая — не единственная и даже не главная в этих произведениях. Микеланджело всегда глубок и многогранен.

Но мне хочется рассказать о другом произведении, поскольку вышеназванные всем хорошо известны. Вернее, о двух — об одной скульптуре и об одном стихотворении.

Бюст Брута был выполнен Микеланджело по заказу его друга маэстро Донато Джаннотти.

Причиной заказа послужило убийство флорентийского тирана Алессандро Медичи 6 января 1537 года его родственником Лоренцино де Медичи. После этого убийства флорентийские эмигранты надеялись, что в их родном городе будет восстановлена республика. Однако место Алессандро Медичи занял другой Медичи — Козимо, который еще больше укрепил монархические порядки во Флоренции. Бюст, изображающий Брута, стал последним произведением Микеланджело на гражданскую тему и последним, основанным на традициях античности: прототипом, вероятно, послужили скульптурные портреты римского императора Каракаллы. Но, используя их как пример, Микеланджело преобразует саму идею портрета — он отказывается от индивидуальности в портрете. Вообще склонный к обобщению, Микеланджело создает образ могучего героя, способного противостоять судьбе, совершить подвиг. Это не портрет конкретного человека, это обобщенный образ, олицетворяющий собой определенную идею. Таким образом, произведение должно было как бы продолжить традицию более ранних произведений мастера, таких как «Геркулес» (несохранившийся) и «Давид». Но «Брут» отличается от них.

Во-первых, это бюст, то есть все внимание сосредоточено на лице, которое должно выявлять характерное. Мастер дает грубую трактовку волос, относительно простой рисунок складок одежды, но тщательно прорабатывает лицо, акцентируя на нем все внимание. Во-вторых, образ Брута сложнее, противоречивее по своей характеристике, чем, например образ «Давида». «Давид» — олицетворение гражданской доблести, герой, смело идущий в бой, сознающий свою правоту. Брут также готов совершить подвиг, он полон решимости и осуществит задуманное, но в его взгляде чувствуется, что он не знает, каковы будут последствия. Резко повернутая голова, грубоватые черты лица, подчеркнутые скулы, выявленный рельеф лица, напряжение мускулов шеи — все это говорит о решимости, мощи героя. И только тяжелый

взгляд отведенных в сторону глаз говорит о том, что Брут не знает, к чему приведет его действие.

Противоречивость созданного Микеланджело образа Брута отражает споры относительно правомерности политического убийства, которые велись в близком скульптору кругу флорентийских эмигрантов в Риме. В этом кругу обсуждали, правильно ли сделал Данте в своей «Божественной комедии», поместив Брута и Кассия в ад, где они мучаются самой страшной мукой вместе с Иудой? Донато Джаннотти, историк и мыслитель, написал в 1546 году «Диалоги о числе дней, проведенных Данте в поисках Ада и Чистилища», в которых одним из действующих лиц является Микеланджело, превосходно знавший произведения поэта. Нельзя сказать, что Донато непосредственно излагает мысли мастера, но, вероятно, они близки тому, что думал Микеланджело. Во втором диалоге Донато и Микеланджело рассуждают о том, почему Данте поместил убийц Цезаря в Ад. Донато считает, что поэт заблуждался, поскольку эти герои спасли отечество от тирана. Микеланджело же возражает ему: соглашаясь с тем, что убить тирана — не грех, поскольку тиран — не человек, а «дикий зверь в обличье человека», он тем не менее говорит: «Великое самомнение — решиться на убийство главы любого общественного строя, будь это справедливым или несправедливым, не зная наверняка, что хорошего получится от его смерти, и не имея ни малейшей возможности надеяться на лучшее. Тем более что меня всегда огорчали и беспокоили иные люди, воображающие, что невозможно принести добро иначе, как начав со зла, то есть со смертей». Мудрые слова. Мне кажется, они помогают лучше понять созданный им образ Брута.

В связи с этим произведением мне вспомнился один мадригал Микеланджело 1545–1546 годов — мадригал, представляющий собой политическую аллегория. Удивительно, какую тонкую лирику можно создать, исходя из гражданских чувств. Мадригал представляет собой диалог влюбленного и прекрасной дон-

ны. Влюбленный — сам Микеланджело. Прекрасная донна — Флоренция, а тот, кто завладел ею, — это герцог Козимо I Медичи.

— Была для многих создана ты, донна,
для тысяч любящих, и то негоже,
что (в небе спят, похоже)
один тобой владеет незаконно.
Но будь же ты благосклонна!
И солнцу глаз ты обрати к несчастным,
лишенным благодатного сиянья!

— Не плачьте: тот, кто, силой
наделенный,
мною завладел, грехом своим злосчастным
не насладится, — страх в его сознание.
Несчастней — кто, добившись обладанья,
боится потерять то, чем владеет.
Счастливей тот, надежду кто имеет.

V Живые статуи Микеланджело

Безусловно, одно из известнейших стихотворений Микеланджело — маленькое четверостишие, написанное им от лица его статуи «Ночь»:

Я спю, тому, что я — из камня, рада.
Когда вокруг лишь стыд и грех, страданья,
не видеть и не слышать — мне желанней.
Но тише, эх, будить меня не надо.

Написанное в ответ на хвалебное стихотворение поэта Джованни Строщи, четверостишие Микеланджело — не просто дань поэтической традиции, идущей еще от античности, когда литературное произведение пишется от имени произведения искусства. Сама эта идея, что произведение (в данном случае статуя) — словно живое существо, характерна для Микеланджело: сохранился его незаконченный сонет, написанный от лица незавершенной статуи (можно сказать, от «лица» глыбы мрамора):

Была я частью мощных гор когда-то.
Оттуда силою меня извляли,
и вот я против воли здесь, в печали,
лишь камнем небольшим теперь объята.
Как засияло в мире солнца злато...

По мысли мастера, мрамор — живой, он изначально заключает в себе некий образ, который скульптор может освободить. Об этом Микеланджело писал в первом четверостишии знаменитого сонета, посвященного Виттории Колонне:

И высочайший гений не прибавит
Единой мысли к тем, что мрамор сам
Таит в избытке, — и лишь это нам
Рука, послушная рассудку, явит.
(перевод А.М. Эфроса)

Так что не случайно на стихотворение Строщи Микеланджело позволил «ответить» своей «Ночи». И она уже не первый раз говорила в поэзии Микеланджело. От времени работы скульптора над ансамблем Капеллы Медичи сохранилось «стихотворение в прозе» (возможно, это была запись идеи для написания сонета в дальнейшем), в котором говорят «День» и «Ночь».

День с Ночью, размышляя, молвят так:
Наш быстрый бег привел к кончине герцога
Джулиано,
И справедливо, что он ныне мстит нам;
А мечь его такая:

За то, что мы его лишили жизни,
Мертвец лишил нас света и, смеживши очи,
Сомкнул их нам, чтоб не блистали впредь
над [землей].
Что ж сделал бы он с нами, будь он жив?
(перевод А.М. Эфроса)

К этому же времени относится еще одно стихотворение великого флорентийца:

Все в этом мире умирает.
Нас поджидает смерть с рожденья.
Ведь время жалости не знает.
Пройдут и боль, и наслажденья.
Слова же наши и волненья,
и наших предков достиженья —
ничто: и с тенью, с дымом схожи.
Людьми, как вы, мы были то же,
и счастье знали, и печали.
Теперь земным мы прахом стали.
И всех вас то же ожидает.
Всё в этом мире умирает.
Глаза сияли наши светом,
теперь — пугают пустотою.
Так, времени покой неведом,
Оно уносит все с собою.

И у меня возникла мысль: а не мог ли Микеланджело написать это стихотворение о все пожирающем Времени от лица герцогов Лоренцо и Джулиано?...

Примечания

- ¹ Здесь и далее переводы стихов — мои, за исключением особо отмеченных.
- ² Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М., 2008. С.1111.
- ³ Там же. С.1111.
- ⁴ Там же. С.1125.
- ⁵ Согласно Вазари, изображен именно Никодим. Однако часто этот образ интерпретируется исследователями как образ Иосифа Аримафейского, что вызвано тем, что Никодим как участник погребения Христа упоминается только в Евангелии от Иоанна (Ин.19:39); Иосиф же упомянут всеми четырьмя евангелистами (Мф. 27:57; Мк.15:43; Лк.23:50; Ин.19:38).
- ⁶ Вазари Дж. Указ. соч. С.1111.
- ⁷ Там же.

© Павел Алешин
© Перевод П. Алешина, А.М. Эфрос

«ИТАЛЬЯНСКАЯ МОДА»

ФАБИАНА ДЖАКОМОТТИ

Об итальянской моде много говорят и пишут в экономической и политической сферах. На нее тратятся миллиарды евро (девятьсот млрд — на момент написания статьи) и с каждым триместром эта сумма увеличивается, о чем свидетельствуют СМИ. Клаудио Маренци, президент итальянской Конфедерации моды, не раз отмечал, что его организация занимает второе место на итальянском рынке. Конфедерация объединила около шестисот тысяч рабочих на семидесяти тысячах предприятий. В большинстве своем это небольшие компании, нанимающие от трех до пятнадцати человек (как это было двадцать, пятьдесят или пятьсот лет назад).

К итальянской моде всегда было особое, неповторимое отношение. Мода охватывает и еду, и дизайн: три знаменитых составляющих итальянской культуры — это мода, мебель и еда. Даже с первого взгляда становится понятно, что для нашей страны большую роль играют чувство прекрасного, вкус, эстетика. Мода является неотъемлемой частью итальянского образа жизни, который иностранцы все еще называют «Дольче Вита», но, пройдясь по виа Венето в Риме в надежде найти хотя бы тень Аниты Экберг и Федерико Феллини, они разочаро-

вываются до глубины души, обнаруживая ряды пиццерий и баров без всякой старой истории. К сожалению, это не единственный случай, когда улица не смогла удержаться на пике своей славы, и теперь единственное знаменитое палаццо на ней — Министерство экономического развития, от поддержки которого зависит экспорт товаров итальянской моды.

Итальянская мода — это Миучча Прада, Джорджио Армани, Доменико Дольче и Стефано Габбана, Версаче. Все они являются собственностью у своих создателей, как и появившийся меньше двадцати лет назад титан *Yoox*, сменивший название на *Yoox Net-A-Porter* — после приобретения французского конкурента *Net-a-Porter*. На сегодняшний день капитал основателя *Yoox* Федерико Маркетти, уроженца Равенны, составляет 2,2 миллиарда евро.

А вот о чем никогда не говорят и не пишут, когда речь идет об итальянской моде, так это о ее значении для страны. Итальянская мода — наше спасение. Она компенсирует убытки сотен лет экономической и политической отсталости страны, она подтверждает эффективность модели, построенной на вековом развитии ремесел. Она разрушает стереотип коррупционной Италии, созданный в 1977 году журналом «Шпи-

гель», на обложке которого на тарелке со спагетти был изображен револьвер. В мире моды еще найдутся те, кто помнит этот еженедельный немецкий журнал, посвященный злободневным темам. С тех пор многое изменилось. Бюрократия в Италии — все еще самый серьезный сдерживающий фактор для иностранных инвестиций, но коренные жители, «местные» предприниматели, выросшие в Италии, отлично знают, как осторожно вести дела, как соответствовать бесчисленным и противоречащим требованиям, как взаимодействовать с профсоюзами, зачастую не успевающими приспособиться к изменениям в мире, как справиться с недостатком инфраструктуры. Несмотря на все трудности, им удается увеличивать экспорт благодаря уникальному и неповторимому качеству — индивидуальности. Поэтому наши СМИ с печалью сообщают о продаже иностранному концерну какого-нибудь итальянского предприятия — нашей гордости, нашей «жемчужины», как мы любим их называть. И поэтому мы радуемся, как не радуются ни в какой другой стране, когда один из наших бизнесменов покупает известную во всем мире марку, как это было, например, с Ремо Руффини, владельцем «Монклер».

Итальянская мода корнями уходит в великую, иногда мрачную историю страны, в которой неповторимо сплелись красивые пейзажи, благоприятный климат и художественное мастерство, не имеющие соперников в мире. Итальянская мода сравнительно молода: официальной датой ее рождения принято считать 12 февраля 1951 года, когда маркиз Джованни Баттиста «Биста» Джорджини пригласил нескольких важных американских предпринимателей на презентацию итальянских Домов моды в своей флорентийской резиденции, вилле Торриджани, той самой, где несколько месяцев назад Гуччи презентовал Круизную коллекцию на 2018 год. Итальянскую высокую моду представляли Симонетта, Фабиани, Фонтана, Шуберт и Кароза из Рима, Германа Маручели, Йоле Венециани, Нобераско из Милана; среди

Бенотцо Гоццолли «Шествие волхва Валтасара». Фрагм. 1461 г.»
Фото: Виктор Ярошенко

представителей модных бутиков были Эмилио Пуччи, Аволио и Бертоли. Презентация одежды сопровождалась показом трикотажных аксессуаров Мирса ди Галлиате из Наварры, обуви — Даль Ко из Рима, бижутерии — Джулиано Фратти и головными уборами — Галлиа и Питера из Милана, Романьоли и Канесса из Рима и Бьянкалани из Флоренции, а также украшениями от Лучианы Алосси де Реутерн из Рима. Сегодня среди всех вышперечисленных имен модельеров, чьи творения украшают музеи и галереи моды, продолжает существовать только бренд Эмилио Пуччи, выкупленный французской компанией Луи Виттон Моэт Хеннесси в 2000-х годах. Йоле Венециани на сегодняшний момент находится в собственности у владельца меховой фабрики венецианского предпринимателя, который сотрудничал с великой модисткой. Сейчас компания возрождается с трудом. Симонетте Колонна ди Чезаро несколько лет назад была посвящена передвижная выставка в Европе и Соединенных Штатах. Шуберт и Фонтана превратились в фонды. Важно, что все участники первого флорентийского показа мод проложили дорогу для Капуччи, Миссоли, Валентино, Армани и десятков других брендов, основанных в Милане, а с конца 80-х годов XX века — в Нью-Йорке, Токио, Москве.

До объединения в 1861 году наша страна была разделена на области с разными традициями и языками. Эти различия никогда так и не сотрутся до конца. Как и страна, итальянская мода разобщена, но назло любой теории маркетинга вот уже долгие годы остается сильной. В отличие от Франции или Великобритании, у Италии нет единого Центра моды. Их два — Милан и Флоренция. Довольно долго существовал еще и третий, занимавший первое место. Это Турин, город, созданный фашизмом как столица моды тридцатых годов. Был и четвертый центр — Рим, в 1950-е годы снискавший славу «Голливуда на Тибре», но затем пропавший со всех карт моды. Вернувшись в начале 2000-х со слабым и слишком политизи-

рованным планом действий, сейчас Рим, с одной стороны, хочет вернуть себе роль центра высокой моды, а с другой — может вновь стать центром просвещения молодых творцов, обратившись к модели, опробованной еще в 1666-м. В тот год министр «Короля-Солнца» Жан-Батист Кольбер купил виллу Медичи на холме Пинчо, где была основана Французская Академия. Достойные художники и сегодня вдохновляются в Академии лекциями о Рафаэле, Микеланджело, Бернини.

Милан занимает в мире моды первое место; быть может, второе по брендам, если сравнивать его с Парижем. Город славится как промышленный центр моды. Едва ли его можно было назвать центром распространения национальной моды до 1970-х годов XX века; самые опытные эксперты говорят о тридцатых–сороковых, отсылая к компании «Сниа Вискоза», которая совершила химический переворот в текстильной промышленности и собрала лучших портных эпохи. Милан не так прост, роскошь и великолепие вошли в его историю гораздо раньше, чем можно себе представить. В городе и окрестностях находятся произведения искусства, при создании которых особое внимание уделялось деталям, выполненным с фанатичной точностью. Кроме того, использовались материалы, которые трудно достать и сегодня, не говоря уже о прошлых столетиях. Примерами таких произведений искусства являются собор Святого Иоанна Крестителя в Бусто-Арсизио (1450), «Мадонна с младенцем» Джованни Амброджио Бевилаквы (1500-1510), хранящаяся в Пинакотеке замка Сфорца. Интересно взглянуть на элегантные, роскошные наряды миланских придворных, запечатленных в альбоме портретов, который миланские дамы подарили королю Франции после его триумфального визита в Италию. «Портреты миланских дам для Франциска I» были написаны Джованни Амброджио Ночето и хранятся в библиотеке Тривульцио. Знатные синьоры изображены в дорогих нарядах, среди них прекрасная Ипполита Бентивольо с жемчужной сеточкой на волосах; своен-

равная Бьянка Мария Висконти с золотыми запонками на шее; Костанца де Борра в длинных серьгах с россыпью драгоценных камней. Франциск I, находившийся в хороших отношениях с семьей Тривульцио, поддерживавшей его намерения по поводу Италии, не раз писал ко двору герцога Миланского, прося совета о прическах и обычаях, которые хотел ввести при своем дворе. Как и многие путешественники того времени, он был поражен развитием ремесел герцогства, шелковой индустрией, которой лично занимался Лодовико Моро. Его дальний потомок — Марио Бозелли, сейчас занимает пост президента Национальной ассоциации моды Италии. Лодовико поддерживал не только развитие ткацкого ремесла и производства драгоценных тканей на севере Милана, но и сотрудничество выдающихся творцов и ремесленников. Это до сих пор остается сильной стороной, а может быть, даже исключительностью Милана.

Как в 1970-х годах XX века, так и сегодня успех Милана в Италии и на международной арене связан со структурой финансирования и торговой сетью, а также взаимовыгодным сотрудничеством дизайнеров, инженеров и ремесленников, имеющих высокую квалификацию. Уже с XV века стал очевиден международный характер ткацкой промышленности, объединив-

шей знания самых разных культур — от Леонардо до Инго Мауэра, от Брамантино до Этторе Соттрасса и Вико Маджистретти. Только в современном Милане и частично во Флоренции можно отметить искусное использование моды как средства общения: во времена герцогства она была связана с политикой, а теперь — с социологией и торговлей. «Только объединившись с помощью нашей культуры, наших традиций, наших знаний, нашего творчества, мы сможем ответить на вызов, брошенный нам мировой конкуренцией», — говорил прошлой весной вице-министр экономического развития Иван Скалфаротто по поводу создания Конфедерации моды. Кроме того, он сообщил о новых средствах для продвижения сектора: с 37,4 миллионов евро в 2016 году сумма выросла до 45,5 миллионов в 2017-м.

В каждой итальянской области, в каждом городе существуют свои традиции, свои культурные ценности. Поэтому вызов, о котором шла речь, заключается не в том, чтобы вознести один город, сделать его центром, а в том, чтобы обратить внимание и дать шанс другим городам. Почти за сто шестьдесят лет существования единой Италии она все еще остается полицентричной. Во всяком случае, итальянской моде это не повредило.

Перевод Светланы Малининой

© Фабиана Джакомотти
© Перевод Светланы Малининой

Новые пространства для нового искусства

16 октября 2016 года в Центре Современного Искусства Луиджи Печчи в Прато, неподалеку от Флоренции, состоялось торжественное открытие нового выставочного крыла, спроектированного голландцем Морисом Нио. Здание стало продолжением сооруженного по проекту Итало Галимберти в 1988 году архитектурного комплекса в стиле «рацио». Оно похоже на футуристический космический корабль, покрытый позолотой, который спустился на Землю, чтобы стать вместилищем для богатой коллекции (больше тысячи экспонатов) и библиотеки, хранящей альбомы по искусству XX и XXI веков, журналы и аудиовизуальные материалы. Среди более трехсот представленных художников выделяются итальянцы Миммо Паладино, Джулио Паolini, Фаусто Мелотти, Микеланджело Пистолетто и мировые знаменитости — Энди Уорхол и Аниш Капур. Далее нас ждет выставка «Конец света», «новорожденный» в новом здании: сюда были приглашены 50 художников, которые попытались «здесь и сейчас» создать произведение, так или иначе отражающее конец эпохи, когда основную ценность составляли личные переживания и мысли каждого творца.

ВАЛЕНТИНА МОТТА

Sensing the waves (Ощущая волны) — так назвал свое творение сам архитектор, конечно, для того, чтобы обратить внимание на его символизм, и на то, что индивидуальность формы — это сама жизнь.

Опыт Прато — один из многих примеров того, как Италия стремится к популяризации своего художественного наследия и неожиданно делает ставку на современное искусство, таким образом развенчивая устаревший миф о том, будто бы Италия — страна «ветхих древностей». Многие выставочные пространства предлагают себя в качестве альтернативы широко известным государственным музеям, характерным для больших городов, и муниципальным галереям. Такие пространства ценны не только тем, что часто хранят уникальные произведения, но и своим современным обликом в результате основательной реставрации, осуществленной часто признанными мастерами международного уровня.

В некоторых случаях речь идет о музеях «второстепенных», но оттого не менее значимых, а всего лишь более «тихих и неизвестных»¹, как сказали бы о художниках «второго плана» в сравнении с великими мастерами XVI–XVIII веков. Не-

сколько таких музеев создали в 2002 году Ассоциацию музеев современного искусства Италии (АМАСИ) — с тем, чтобы вместе реализовывать общую программу для привлечения внимания общественности к богатому наследию современного искусства, хранителями которого эти музеи являются. Правда, вскоре недостаточное финансирование и не слишком прозрачные политические решения чуть было не привели к закрытию подобных площадок: как, например, случилось с Музеем современного искусства имени Королевы Неаполитанской (Museo d'Arte contemporanea Donna Regina di Napoli), расположенным в историческом здании XIX века, в 2007 году преобразованным португальским архитектором Альваро Сиза Визейра: (в 2012 году он получил «Золотого Льва» за вклад в искусство), вместе со Studio DAZ. Минималистские решения нового архитектурного облика удачно подчеркнули многоплановость здания, дополняя уже существующую панораму и расширяя возможности выставочного пространства. Музей, который долгое время уже находился в шаге от того, чтобы остаться без экспонатов и выставок, по причинам экономическим и административным проваливший попытку реставрации богатого историей и традициями пространства, ныне снова живет полной жизнью.

В промежуточных залах музея, в самых потаенных его уголках также были организованы различные выставки, а в мае 2017 года на площадке музея был реализован перформанс *J'ai brûlé dans tes yeux. Je brûle (Я горю в твоих глазах. Я горю (фр.))* итало-французским коллективом Kulturscio'k.

Но еще более удивительными и новаторскими выглядят проекты, касающиеся так называемых «альтернативных» площадок, современных пространств, нередко занимаемых частными коллекциями. В этих случаях для защиты личных коллекций, выставленных ранее для широкой публики, необходимой оказалась реставрация зданий, находившихся в аварийном состоянии. Любовь отдельных граждан к искусству во многом объясняет появление частных собра-

ний, сохраняемых в зданиях, представляющих архитектурную ценность (вдобавок совмещающих роль жилого помещения с ролью выставочного пространства). Речь идет, например, о старинных виллах и палаццо, находящихся в частном владении, которые были реставрированы и соответствующим образом переоборудованы. Такова, к примеру, судьба виллы *Byblos Amistà*, которая с 2002 года стала частью сети *Byblos Art Hotel*, и превратилась в своеобразный музей по проекту миланского дизайнера Алессандро Мендини (одновременно с реставрацией виллы XVIII века, проект которой приписывается Иньяцио Пеллегрини), превратившего историческую резиденцию в «отель чудес». Каждое помещение здесь дышит искусством, и в первую очередь, конечно, «Ресторан-ателье», заполненный произведениями таких мастеров, как Арнальдо Помодоро, Луиджи Ontани, Ванесса Бикрофт и Марк Куинн, тогда как в «Piter's Bar» можно увидеть полотна нью-йоркского абстракциониста Питера Хелли. Просторный центральный холл встречает посетителя работами таких художников, как Дэмьен Херст, Марк Куинн, Аниш Капур, Ванесса Бикрофт и Маурицио Савини.

Отель известен тем, что все его помещения декорированы в едином стиле роскошных веронских вилл XVII века, а также своей постоянно пополняющейся коллекцией предметов искусства его владельца Дино Факкини. Так, например, в 2015 году коллекция значительно обогатилась, и теперь на стойке отеля гостей встречает «Pyro» кисти Жана-Мишеля Баския, а с 2014 года некоторые помещения украшают работы неаполитанки Марианджелы Левиты. Таким образом, все функциональные зоны комплекса вместе с прилегающим парком позволяют посетителям постоянно находиться в окружении произведений искусства. Иными словами, все здесь — от столовых приборов до мебели — становится элементом синтеза искусств: здесь есть место для дизайнера, живописи, фотографии, моды, скульптуры и архитектуры, в которых ярко представлены основные и самые значимые течения

XX и XXI веков. Окруженная зелеными холмами Вальполличеллы, Вилла является ярким примером популярной тенденции — организовывать музеи под открытым небом, а значит, первостепенную роль здесь играет единение объектов искусства с природой.

Иногда бывает и так, что природное пространство превращаются в произведения современного искусства: как, например, в работе Альберто Бурри под названием «Великий Разлом», в Джибеллине, провинция Трапани, работу над которой он начал в 1984 году, а закончил только в 2015-м. После разрушительного землетрясения 1986-го жители покинули свои дома, и художник принял решение превратить разрушенную деревню в произведение искусства, сохранив городской пейзаж и покрыв руины толстым слоем белого бетона — забетонированная плоскость вся изрезана трещинами, словно это улицы несуществующего города, а вся композиция, безусловно, напоминает о судьбе городка и его жителей. Церемония торжественного открытия состоялась лишь 17 октября 2015 года, раньше этому мешали экономические проблемы, которые ещё в 1989 году повлекли за собой приостановку работ. «Великий Разлом» (площадью 85 тысяч квадратных метров), тесно связанный с историей Сицилии, стал самым масштабным произведением в жанре «Лэнд Арт» на территории Италии и ещё одним музеем под открытым небом. Вместе с тем он выступает и в роли настоящего музейного пространства, предоставляющего площадку художественным инсталляциям и перформансам; в 2010 году здесь прошел перформанс *Audioghost68* режиссера Джанкарло Нери. Ночью команда актеров, вооруженная светодиодными факелами, маршем прошла по бетонированной поверхности, оставляя за собой шлейфы света, в сопровождении звуков и шумов землетрясения 1986-го, оживляя его в памяти. Кроме того, эту площадку облюбовала известная марка *Bottega Veneta* как место для проведения съемки коллекции «Осень/Зима 2017», выполненную голландским фотографом Вивиан Сассен, которой в своих работах удалось уловить

и передать атмосферу мемориала Джибеллины, напоминающего о разрушительной стихии.

Отдельно хочется отметить, что *Bottega Veneta* с 2001 года состоит в группе компаний *Kering*, принадлежащей меценату Франсуа Пино, успешному бизнесмену и известному коллекционеру произведений искусства. Венецианский Фонд, расположенный в Пунта-делла-Догана, должен посетить каждый любитель современного искусства, оказавшийся в Италии. Подобные фонды представляют собой интересный пример того, как «делается» альтернативное искусство и как рождаются творческие объединения, такие как *Comitato Italiano Fondazioni Arte Contemporanea* (Итальянский Комитет Объединений Современного Искусства). Объединения такого типа находятся в постоянном поиске средств и способов организовать выставки и заручиться поддержкой других фондов, а потому они часто занимаются реставрацией и перепланировкой уже существующих зданий: например, того, что привлекло самого владельца коллекции Пино. Здание было переоборудовано по проекту японского архитектора Тадао Андо, «великого мастера света и пространства», как назвал его сам меценат на открытии выставки под названием *Where are we going? (Куда мы идем?)*². Почувствовав очень личную связь с «возрождающимся зданием», Андо в своем проекте постарался преобразовать пространство так, чтобы коллекция Пино изящно вписалась в этот удивительный образец художественного наследия города, а вся композиция стала достоянием всего мирового сообщества.

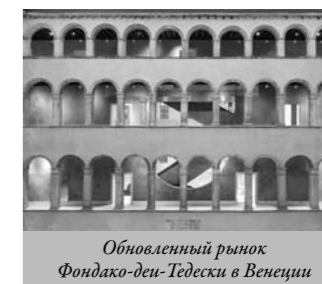
Многочисленны выставки, организованные Пунта-делла-Догана и Палаццо Грасси, начиная с той, что открывала новое пространство, и заканчивая недавней, посвященной Дэмиену Херсту, реализованной при поддержке Венецианской Биеннале. Цель этого проекта, по словам Пино, состоит в том, чтобы «Центр современного искусства, принявший поддержку Венеции, оставался действительно современным», ведь в историческом контексте абсолютно понятно, почему Королева Адриатики вдохновляла гени-

Sensing the waves (Ощущая волны), новое крыло Музея, спроектированное Морисом Нио.

Холл Отеля Hotel di Villa Byblos Amistà

Обновленный рынок Фондако-деи-Тедески в Венеции

ев во все времена. Показателен пример японца Тадао Андо, придумавшего новую концепцию внешнего вида здания и в то же время проявившего уважение к его истории и традициям, к его формам и материалам: «инкрустации, коррозии, смешанным техникам», из которых и состоит здание Догана-да-Мар, с таким изяществом сочетающее глянцевые и матовые фрагменты. Японский архитектор талантливо играет на контрасте текстур, на разнице старого и нового. В дизайнерском решении технических элементов, обеспечивающих поддержание одинаковой температуры во всем здании, он тоже придерживается максимально простых и четких линий, подчеркивающих объем пространства³.

А в самой Венеции стоит отметить «пристанище искусства», получившее новое обличье в 2016 году.

Им стал «Фондако-деи-Тедески», крытый рынок, построенный в 1228 году, а в XVI веке дополненный прекрасными фресками и усилиями архитекторов Рема Колхаса и Ипполито Пестеллини Лапарелли превратившийся в «исторический палимпсест»⁴, заслуживающий пристального внимания. В ходе проекта многие стены и перегородки были разрушены, чтобы появились новые перспективы и новые свободные формы, а историческая планировка заиграла новыми красками. С террасы, отделанной деревом, открывается великолепный вид на город, а подвижные красные лестницы добавляют всему зданию стремительности в стиле хай-тек. Сегодня в здании Фондако находится роскошный магазин, а различные мероприятия проходят в центральном крытом дворе с полом из стали и стекла. Для выставок то-

же найдется место: инсталляция *Underwater (Под водой)* Фабрицио Плесси открылась в пространстве Фондако в октябре 2016 года, и основной ее идеей было осмысление исторической роли Венеции как связующего звена между Востоком и Западом; или же инсталляция Лорис Чекини под названием *Waterbones (Водяные кости)*. Триста квадратных метра *Павильона событий* на четвертом этаже Фондако — пространство, готовое принять выставки, организованные агентствами и частными лицами и все больше оживляющие перерожденное здание.

На примере этого венецианского сооружения мы можем видеть, как здание, изначально предназначенное для коммерческих целей, может сохранить свою индивидуальность и меняться вместе со временем, открывая пространства своих залов для современного искусства.

Впрочем, в реализации этого проекта большое внимание было уделено защите структуры здания без попыток «ностальгической реконструкции прошлого» и «десакрализации тайны старого здания»⁵, ведь «для Фондако важно сохранить историю в ее изменчивости», как сейчас и происходит с бывшим рынком, а именно — серия архитектурных трансформаций в рамках реновации, превращающая это здание в общественно полезное пространство⁶.

Рано или поздно искусство выходит из музейных выставочных залов и вступает в диалог с широкой публикой, а значит, особую ценность приобретают пространства, где возможно сосуществование. И эти новые пространства могут передавать (распространять) символы, посла-

ния адресно, максимально точно и эффективно. Неаполь пришел к этому ещё в 1995 году, когда критик Акилле Бонито Олива запустил проект «Летопись искусства», в котором он предложил оформить некоторые станции

метро с помощью современных художников. Так, место, изначально не претендующее на звание обители искусства. Усилия следующих художников и архитекторов превратилось в подземный музей. Гаэ Ауленти, Оливьеро Тоскани, Алессандро Мендини, Сандро Киа и Этторе Спаллетти, Сальваторе и Миммо Паладино, Алан Флетчер, Доминик Перро, Марио Сируни, Карим Рашид, Оскар Тускетс Бланка, Уильям Кентридж, Луиджи Онтани, Яннис Кунеллис, Микеланджело Пистолетто, Франческо Клементе и других увенчались успехом. С 1995 года запущенный Бонито Оливой творческий процесс по созданию «обязательного музея» не прерывался — среди трех открытых станций метро в первую очередь выделяется станция «Municipio» («Ратуша»), которая славится своей глубиной, Ее спроектировали Алваро Сиза Визейра и Эдуарду Соуту де Моура. Она похожа на многоуровневый сад, заполненный удивительными творениями, вдохновляющими на художественное переосмысление подземной части Неаполя. Так, например, именно благодаря этой станции городское управление организовало «Metro Art Tour (Тур по метро)» — серию экскурсий по станциям метрополитена, которые очень кстати превратились в выставочные залы. Успех задумки был окончательно признан в 2012 году, когда «Daily Telegraph» присвоила станции «Толедо» звание «самой красивой в Европе». Ее оформлял Оскар Тускетс Бланка, а дополняют экспозицию фотографии знаменитого Оливьеро Тоскани и мозаики Уильяма Кентриджа и Аурелиано Букколиери, в которых нашли отражение исторические события города.

Примеру Неаполя последовала Брешия, запустив проект *SubBrixia*, в рамках которого с 2015 года на некоторых станциях метро устанавливаются инсталляции *site specific* (как, например, произведение Элизабетты Бенасси, которое возвещает о начале каждого часа, выдавая

случайную фразу, составленную из «осторожно, двери закрываются» и прочих «уважаемых пассажиров»); или другая — готическая Минерва Патрика Туттофуоко — она как будто играет на бас-гитаре, и звук превращается в светомузыку, перетекая по неоновым трубам, олицетворяя собой связь между прошлым города и его настоящим. Пока маршрут искусства составляют только пять станций, однако в скором времени планируется подключить к нему ещё 17 станций, и в результате образуется самобытный музей современного искусства, доступный каждому.

Иногда форма произведения становится объектом пристального внимания как художественного сообщества, так и туристов, как, например, случилось со зданием порта в Салерно (здание завершено в 2016 году, построено по проекту недавно ушедшей Захи Хадид, англо-иранского архитектора). Кажется, это здание в виде асимметричной раковины было создано самим морем, настолько очевидна их особенная связь — его абрис напоминает волнуемое море, а само оно словно замерло между сушей и водой, между незбылемым и изменчивым. Выполненное из стекла и бетона (то есть из «современных» материалов), здание прекрасно отражает свет и тем самым напоминает брызги волн, блестящие в солнечном свете. По вечерам здание превращается в маяк, приветствуя путешественников с моря: это и дань традиционному назначению Неаполитанского порта, и залог безопасности мореплавателей. Можно смело сказать, что этот успешный проект превратил терминал в «символ архитектурного наследия, дизайна, новшеств и современности», а также в «центр притяжения для посетителей и организаторов выставок, культурных и туристических событий»⁷.

Оригинальное произведение гениальной Захи Хадид невероятно привлекательно для туристов ещё и потому, что представляет собой поликультурную площадку для разных искусств.

Схожие концепции нашли свое отражение в опыте *Feeding the Planet, Energy for Life* («Накормить планету. Энергия для жизни») на международной выставке Экспо-2015 посвя-

щенной теме еды и питания, которая проходила с 1 мая по 31 октября в Милано Фиера. Посетители выставки получили уникальный всеохватывающий опыт, выраженный самыми разными способами — от архитектуры до фотографии.

Самым значимым объектом Экспо-2015 стало *Древо Жизни* — скульптурное сооружение, перекликающееся с проектом Микеланджело замостить Римский Капитолий в XVI веке (его идея осуществилась лишь много лет спустя) и созданное Объединением «*Orgoglio Brescia*», в которое вошли представители 19-ти городских организаций. И сегодня *Древо Жизни* можно увидеть на том же месте, ведь оно остается одним из главных предметов интереса туристов в Парке *Experience*, открывшемся на месте Экспо — в мае 2017 года. В парке проходит шоу танцующих фонтанов *Day Fountain Show*, сопровождаемое музыкой и световыми спецэффектами, а в центре композиции неизменно находится *Древо Жизни*. Также в Парке можно увидеть и Палаццо Италия — один из символов Экспо-2015, предмет «национальной гордости»⁸, спроектированный студией *Nemesi&Partners*, и задумывавшийся как скульптурная конструкция, сплетение линий, воссоздающее древний римский город, построенный на пересечении *кардо* и *декуманус*. Все здание тяготеет к лэнд-арту, что неудивительно — настолько гармонично переплетаются здесь рукотворное и природное. Все эти такие разные произведения объединены общей идеей: искусство не должно оставаться недоступным, закрытой элитарной привилегией: напротив, оно должно быть как можно ближе к настоящей жизни и настоящим людям, которые и сделали его возможным. В Италии, пропитанной культурой, искусство должно стать доступным и принадлежать народу, принадлежать всему обществу. Речь идет, конечно, об искусстве, которое сегодня популярно, а значит — действительно становится частью богатой и увлекательной истории Италии.

Перевод с итальянского языка
Забавы Пузицкой

Bibliografia e sitografia

- Domus, maggio 2017*. Milano, Editoriale Domus S.p.A., 2017.
- A. Colonetti, *Un gioco di scatole pratesi*, in “Art e Dossier”, Firenze, Giunti, marzo 2017.
- V. Sgarbi, *Dall’ombra alla luce. Da Caravaggio a Tiepolo*. Milano, La Nave di Teseo Editore, 2016.
- L. Pratesi, *Appesi a un filo*, in “Art e Dossier”, Firenze, Giunti, gennaio 2011.
- F. Dal Co, *Tadao Ando per François Pinault. Dall’Ile Seguin a Punta della Dogana*. Milano, Electa, 2009.
- Where are we going? Opere scelte della collezione François Pinault*, a cura di A. M. Gingeras e J. Bankowsky. Milano, Skira, 2006.
- Fondaco dei Tedeschi. Fdt. Cultural masterplan*, issue 01. www.anm.it
www.tribune.com
www.beniculturali.it
www.bybloarthotel.com
www.comitatofondazioni.it
www.domusweb.it
www.elledecor.it
www.oma.eu
www.ilgiornaledellarchitettura.com
www.zaha-hadid.com

Примечания

- ¹ P. Di Paolo, *Una cura che fa scintillare* in V. Sgarbi, “Dall’ombra alla luce. Da Caravaggio a Tiepolo”. Milano, La nave di Teseo, 2016, p. V.
- ² *Where are we going? Opere scelte della collezione François Pinault*, a cura di A. M. Gingeras e J. Bankowsky. Milano, Skira, 2006, p. 17.
- ³ F. Dal Co, *Da Dogana da Mar a Museo* in “Tadao Ando per François Pinault. Dall’Ile Seguin a Punta della Dogana”. Milano, Electa, 2009, pp. 19-23, p. 22.
- ⁴ www.deezen.com
- ⁵ www.oma.eu
- ⁶ *Fondaco dei Tedeschi. Fdt. Cultural masterplan*, issue 01.
- ⁷ www.ilgiornaledellarchitettura.com
- ⁸ www.experiencemilano.it

© Валентина Мотта
© Перевод Забавы Пузицкой

MONDOMOSTRE — МИРОВЫЕ ВЫСТАВКИ

СИМОНЕ ТОДОРОВ ДИ САН ДЖОРДЖО

За плечами MondoMostre (ММ) организация множества небывалых выставок шедевров искусства, признанных всем миром. Так до них не работал еще никто. Выставки гениев итальянского Ренессанса поставлены на поток и непрерывно проходят по всему миру — от Санкт-Петербурга и Москвы, с которых начинался блестящий взлет выставочной компании — до Нью-Йорка, региональных музеев США, Китая, Японии и Австралии. На стене в кабинете директора ММ огромная карта мира, отмеченная разноцветными флажками и значками. На амбициозной выставке «Caravaggio & Caravaggeschi» в Токио были представлены одиннадцать лучших шедевров Караваджо, включая «Ужин в Эммаусе».

Симоне Тодоров ди Сан Джорджо рассказывает. Ему есть что рассказать и что показать.

С декабря 2014 года по февраль 2015 года в ГМИИ имени А.С. Пушкина в Москве гостили четыре шедевра итальянской живописи XV века — Пьеро Делла Франческа, Джованни Беллини, Космо Тура и Карло Кривелли. Затем у нас в Москве были незабываемые выставки Рафаэля, Тициана, Караваджо, Веронезе и Тинторетто. И все это — дело рук ММ.

Экспозиция рисунков Леонардо да Винчи из Королевской библиотеки в Турине впервые была представлена в Нью-Йорке.

Выставка шедевров Караваджо — в палаццо Реале в Милане. «Помпеи» — в Научном центре штата Аризона (США); две работы японского Хокусаи в Риме в 2017 году.

Большая ретроспектива картин Модильяни в Милане; Арчимбольдо — в Токио, Итальянская живопись Боттичелли, Андреа дель Сарто, Караваджо и Понтормо в музее китайского города Чэнду.

Да, они «разъездились»: глобальная логистика, впервые примененная к выставочным проектам, дала результаты. Тициан и Ренессанс — в Перте (западная Австралия); Тициан и венецианский Ренессанс — выставка в Токио. Матисс и его время — в Оклахома-Сити (США); Слава Света и цвета (2016 г.) — в Национальном музее Китая (Пекин). ММ просвещает Китай основательно — по многолетней согласованной программе, в которую входят выставки во многих больших китайских городах — Пекине, Шанхае, Нанкине, Гуанчжоу, Гонконге, Чэнду и др. И что интересно — специалисты ММ пользуются доверием и в «третьих странах»: так, выставка «Сокровища Дома Романовых» из русских музеев с успехом прошла в Китае.

На амбициозной экспозиции «Caravaggio & Caravaggeschi» в Токио были представлены одиннадцать лучших шедевров Караваджо, включая знаменитый «Ужин в Эммаусе». Выставка «Великолепие Венеции» в Токио поразила японцев подбором первоклассных шедевров из самых престижных музеев и коллекций Венеции. Не меньшим успехом пользовалась выставка 80 работ флорентийского Ренессанса «Боттичелли и другие» в художественном музее Бункамуры (Токио), которые японской публике довелось воочию лицезреть впервые.

На протяжении своей почти двадцатилетней деятельности (с 1999 г.) компания «MondoMostre» разрабатывала и с успехом применяла свой уникальный опыт в сложнейшей и рискованнейшей области бизнеса — в организации международных выставок шедевров искусства. Сначала, конечно, в самой Италии, соединяя между собой ревностных директоров и хранителей музеев, не желавших ни на день расставаться со своими сокровищами, затем подключая политиков, бизнесменов, страховщиков, пиарщиков, искусствоведов, издателей (к каж-

дой выставке выпускаются роскошные каталоги и альбомы сувениры на продажу), музейных менеджеров и специалистов охраны безопасности... Потом, когда ММ уже могла иметь в своем активе итальянские собрания, работать стало легче: теперь им было что предложить партнерам... Этот опыт продолжился в сотрудничестве с Эрмитажем и Музеем изобразительных искусств имени Пушкина в Москве, Национальной галереей в Лондоне, Метрополитен-музеем в Нью-Йорке, Гемальде-галерее в Берлине, музеем Прадо в Мадриде, галереями Боргезе в Риме и Уффици, во Флоренции, Академией в Венеции и др.

Сегодня MondoMostre — официальный привилегированный партнер самых важных культурных институтов Италии.

ММ — организация уникальная, она обеспечивает своим партнерам полный комплекс услуг — от концептуального и научного обоснования экспозиции, подготовки книг и каталогов, развески, экспозиционного дизайна и, что особенно важно, финансирования, поиска и нахождения партнеров и спонсоров, страхования, юридического сопровождения (которое бывает сложнейшим), рекламы и связей с прессой — до продажи билетов и организации безопасности и порядка. За эти годы ММ приобрела уникальный опыт как в области маркетинга культурного наследия, управления сложнейшими динамическими проектами, так и в области сравнительного искусствоведения, культурной политики и гуманитарных связей.

В результате самые лучшие в мире музеи и собрания шедевров дружат с MondoMostre. Поскольку итальянские культурные сокровища справедливо сравнивают с запасами нефти в других странах, влияние и экспортные возможности ММ в области продвижения культуры и экономики культуры можно сравнить с любым крупнейшим «нефтяным спрутом» (на выбор). Это культурная институция с уникальным ноу-хау, получившая восхищенное признание во всем мире.

Публикуем статью Генерального директора MondoMostre Симоне Тодоров ди Сан Джорджо, написанную специально для нашего номера.

© Фото: Виктор Ярошенко

Поэзия произведения искусства в эпоху цифровых технологий

Симоне Тодоров ди Сан Джорджо,
Управляющий директор компании
международных выставок *MondoMostre*

Очарование, которое искусство оказывало на зрителя, начиная со времён Гран-тура, уже было настолько велико, что заставляло аристократов, художников и писателей преодолевать тысячи километров, чтобы иметь возможность полюбоваться шедеврами живописи и скульптуры. Так, Стендаль в своих «Прогулках по Риму» описывает свое восхищение, возникающее от созерцания совершенства и возвышенной красоты, — состояние, которого можно достичь, только открывая для себя различные места и непосредственно знакомясь с бесспорным шедевром, остающимся таковым для зрителя в любую эпоху.

В эпоху цифровых технологий, когда всё воспроизводимо и доступно с помощью смартфона, каждый человек может «побывать» в мировых музеях и увидеть любые памятники в удобное для него время, познакомиться с любыми коллекциями, имея в распоряжении необходимые данные и информацию об экспонате. Так, на сайте галереи Уффици опубликована огромная коллекция произведений искусства, однако, несмотря на то что от этих сокровищ нас отделяет лишь дно нажатие клавиши, галерея Уффици остается одним из самых уникальных и самых посещаемых музеев в мире.

Ибо цифровое изображение, даже самое совершенное, не в состоянии дать нам ту эмоциональную вовлеченность, которая рождается от непосредственного созерцания произведения искусства: свет, отражающийся от масляных красок, сила мазка, патина, запах живописи и даже коробление бумаги, впитавшей акварель, ощущение, возникающее при наблюдении того, что также внимательно рассматривали и ана-

лизировали люди на протяжении столетий, — именно эти моменты создают магию и поэзию, которые можно только пережить... Пройти по залам королевского дворца в Казерте — значит не просто посетить резиденцию монархов, спроектированную архитектором Л. Ванвители, но по-настоящему почувствовать и погрузиться в историю, находясь в том пространстве, где когда-то обитали представители династии Бурбонов (и где во время Второй мировой войны союзные войска организовали штаб-квартиру). Но, безусловно, достижения в сфере технологий позволяют вновь «переживать» посещение археологических объектов при помощи 3D-визоров, реконструирующих то, что сегодня уже оказалось утраченным, или дают возможность «увидеть» такие места, как уникальная Пальмира.

Высокое признание публики — вот что действительно вознаграждает нашу работу по организации выставки, то кропотливое следование по многочисленным этапам, предпринимаемым для защиты шедевров, все те действия, которые требуются, чтобы предоставить посетителям той или иной экспозиции возможность получить уникальный опыт. Для выставки «*Рафаэль. Поэзия образа. Произведения из галереи Уффици и других собраний Италии*» мы привезли шедевры мастера из Урбино в Москву, тем самым вызвав невероятный интерес русских зрителей, которые подолгу стояли в очередях, чтобы увидеть эти шедевры.

Эта выставка, организованная при поддержке Посольства Италии в Москве и проходившая под патронатом Президента Итальянской Республики и Президента Российской Федерации, была осуществлена в сотрудничестве с ГМИИ им. А.С. Пушкина. Она пользовалась грандиозным успехом, было издано и распространено 10 тысяч каталогов; билеты в предварительной продаже были полностью раскуплены в течение нескольких часов после открытия. В среднем каждый день эту выставку посещало около трех тысяч москвичей и гостей столицы.

Наша компания видит свою миссию в том, чтобы «отправлять в путешествие» искусство —

от памятников эпохи Древнего Рима до современных произведений, и делать так, чтобы зрители во всём мире: от России до Латинской Америки, от Соединенных Штатов Америки до Австралии — могли любоваться и чувствовать эту поэзию и испытывать такой восторг, которых никогда не удастся передать при помощи виртуального тура или цифрового изображения, пусть и выполненного в высоком разрешении. Однако, несмотря на то что опыт и переживание от живого созерцания произведения искусства невоспроизводимы в цифровых технологиях, мы не можем не учитывать, что молодое поколение нужно «завоевать», вновь привести в музеи и вызвать у него желание посещать выставки. Особенно это актуально по отношению к представителям цифрового поколения XXI века, носителям собственного нового языка, но именно к ним мы должны обращаться посредством новой формы коммуникации, которая смогла бы завладеть их вниманием (и их сердцами). По статистике, в Италии насчитывается около 36,5 миллионов пользователей социальных медиа (то есть более 60% населения страны), и из этого количества около девяти миллионов итальянцев (преимущественно в возрасте от 25 до 44 лет) пользуются средствами цифровой коммуникации для взаимодействия с культурными институтами. Этими цифрами нельзя пренебрегать, и именно поэтому каждую нашу выставку сопровождает (постоянно возрастающая) кампания по продвижению, которая распространяется в Интернете и в социальных сетях. И действительно, для каждого проекта создаётся страница в Facebook, на которой публикуется информация, а также интересные факты о выставленных произведениях искусства, а также важные сообщения об услугах, таких как дополнительное время работы экспозиции или специальные мероприятия, приуроченные к проведению выставки.

Селфи и флешмоб в музее — почему бы и нет?

Именно такие специальные мероприятия, проводимые на площадях и в пространстве города,

особенно привлекают зрителей, которые запоминают выставку не только благодаря знакомству с прекрасными произведениями искусства, представленными в музейных залах, но также и участвуя в различной деятельности. Так, для выставки «*Хокусай, Хиросигэ, Утамаро*» была объявлена «охота за сокровищем», во время которой требовалось определить (помощью подсказок) девять фонтанов в Милане, прийти к каждому из них, сделать селфи на собственный смартфон, так чтобы в кадре были видны и сам участник, и фонтан, а затем разделить фотографии в своих аккаунтах в социальных сетях, пометив изображения хэштегом #followthewave. После того как были сделаны необходимые девять снимков, участник должен был прибыть в указанное место встречи и показать селфи; затем его включали в розыгрыш призов (на кону были различные награды, в том числе 20 «комплектов Хокусай», содержащих билет на выставку, каталог и репродукцию гравюры). В этом розыгрыше приняли участие большое количество зрителей. Тем самым мы продемонстрировали, как социальные сети могут быть задействованы в распространении информации. Совершенно другая, но также получившая широкое освещение с помощью социальных масс-медиа инициатива была организована к выставке «*Мане и современный Париж*», во время которой произведения французских импрессионистов Мане, Дега и других «ожили» на улицах и площадях Милана: актеры в исторических костюмах находились в пространстве города и формировали «живые картины» (“tableau vivant”), повторявшие сюжеты полотен художников, тем самым вызывая любопытство прохожих, которые делали селфи с героями произведений и обменивались фотографиями, благодаря чему этот флешмоб стал по-настоящему популярным.

Для выставки картин и портретов кисти Модильяни был придуман конкурс #modiglianigenova, в котором от участников требовалось сделать автопортрет, сфотографировав собственное отражение в одном из зеркал, расположенных поблизости от Пьяцца Феррарис и Старого порта Генуи. Затем нужно было опубликовать

изображение в своём аккаунте Instagram, с тегом @modiglianigenova и хэштегом #Modigliani Genova. После того как экспертное жюри предварительно оценивало работы, исходя из таких критериев, как трактовка темы и сходство с каким-либо портретом кисти Модильяни, можно было получить возможность экспонировать собственную фотографию на выставке Модильяни в Генуе. К организации флешмоба прибегал также и Рейксмузеум в Амстердаме, когда (по случаю открытия после нескольких лет реставрации) в интерьере торгового центра в Бреде была воссоздана картина Рембрандта «Ночной дозор». Люди, находившиеся в этом пространстве, неожиданно были перенесены в XVII век при помощи актеров в исторических костюмах, воплощавших разных героев из тех, что изображены на полотне (как, например, капитана Франса Баннинга Кока и его лейтенанта Виллема ван Рёйтенбюрга в тот самый момент, когда капитан отдаёт приказ о начале выступления по направлению к неопределённому месту действия или встречи).

Способ привлечения посетителей выставок с помощью цифровых средств коммуникации — это важный аспект, не ускользающий от внимания музеев по всему миру. В Италии, например, в январе 2017 года Лаборатории по цифровым инновациям в сфере искусства и культурной деятельности (Osservatorio Innovazione Digitale nei Beni e Attività Culturali), входящей в состав Школы менеджмента при Миланском политехническом институте (School of Management del

Politecnico di Milano), было заказано исследование по данной теме. На выборке из 476 итальянских музеев (что составляет около десяти процентов от музеев, открытых для посещения в 2015 году) было выявлено, что у 57 процентов итальянских музеев есть веб-сайт, в то время как 52 процента имеют страницу в социальных сетях; первое место по популярности занимает Facebook, за ним следуют Twitter и Instagram, где наименее используемым средством оказалась новостная рассылка. Путь к полному переходу на цифровые средства коммуникации будет долгим, но уже сейчас есть некоторые успешные примеры их использования, как в случае с MAXXI (Национальный музей искусств XXI века в Риме), интернет-ресурсы которого, согласно исследованию, стали самыми посещаемыми в Италии; кроме того, музей занимает первое место по использованию каналов Youtube, Flickr, Instagram и Pinterest, с соответствующим числом подписчиков, которые из виртуальных посетителей веб-страницы переходят в категорию реальных посетителей музея.

В нашем распоряжении сегодня множество инструментов для внедрения культурных ценностей. Мы можем «перенестись» в отдалённые места одним нажатием клавиши или же рассматривать деталь произведения, увеличив его на планшете; использование этих новых средств может быть важным фактором для появления эмоционального соучастия, заинтересованности, и привлечения в музей новых зрителей.

Перевод Анастасии Свотиной

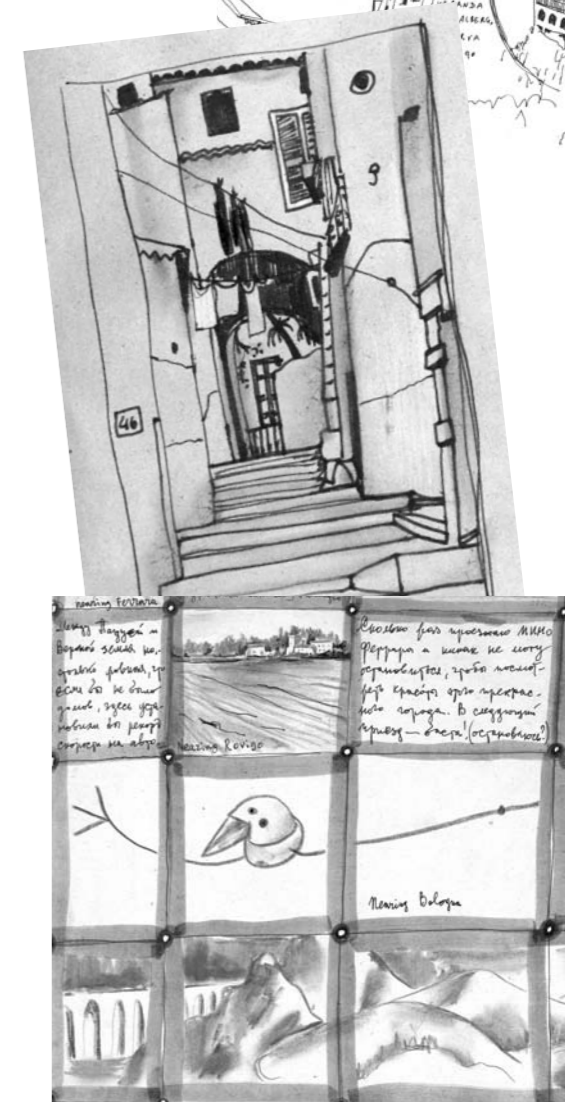
© Симоне Тодоров ди Сан Джорджо
© Перевод Анастасии Свотиной

«ДВА СЛОВА» итальянские тетради

Валерий СИРОВСКИЙ

Я начал рисовать всё, что вижу, с двух-трёх лет и продолжаю это делать по сей день. Рисую только с натуры. Так сложилось, что вот уже почти полвека я веду дневники (их уже 82). К счастью, я никогда не учился рисовать, поэтому меня абсолютно не волнует, правильно ли я нарисовал руку, ухо, дом или дерево. Я потихоньку фиксирую только то, что мне нравится видеть, и лениво всё это комментирую. Когда мы с Ирой Тархановой готовились публиковать в её издательстве «Барбарис» эти дневники, я отсканировал только по Италии 5 тысяч рисунков.

© Рисунки Валерия Сировского

Искусство путешествовать

Когда я говорю о Тоскане, я всегда тороплюсь, говорю бессвязно, потому что хочу поделиться с другими всем, что я о ней знаю. Эти знания мои не только (и не столько) из книг и чужих мнений, сколько из моих путешествий по Тоскане. Конечно, я (неизбежно) что-то из кого-то иногда цитирую, но знание не может состоять из чужих мнений.

По Тоскане я прошёл пешком и проехал почти 5 тысяч километров. И теперь тороплюсь рассказать... Я поймал себя на мысли, что когда вдруг только что раздался звонок и мне сообщили, что, к сожалению, одна встреча, которую я с нетерпением ждал столько времени, переносится, я почувствовал большую радость...

Я уверен, что путешествовать по Тоскане надо умеючи, большим искусством. В последние годы люди стали путешествовать гораздо больше, но — гораздо хуже. Часто квинтэссенцией и с душой пейзажа становится бензоколонка, на которой мы вынуждены остановиться и внимательно «глянуть окрест себя». По дороге, торопясь, мы готовы перекусить чем угодно, в то время как знание о еде позволяет приобщиться к итальянской кухне, которая, на мой вкус, наряду с японской является лучшей в мире. Мы слишком торопимся. Зачем, куда мы так спешим? Просто посмотреть? *Просто посмотреть в Тоскане* — это пустая трата времени. Надо *знать*. И ехать медленно. И пусть тебя проклинают другие — в полной уверенности, что они увидели то место, где тебя обогнали. Они его *не увидели*. В Италии, в Тоскане тише едешь — лучше станешь. Потому что здесь мне даже трудно вам посоветовать, *куда ехать* и что смотреть.

Поезжайте, скажем, по дорогам Долины Валь д'Орча. Там Италия, где мало столбов, которые мешают рисовать и фотографировать. Там совершенство в пейзажах, где нет ни морской суеты, ни автогирелей автострады, ни грохота железных дорог и самолётов.

И там вы увидите настоящую землю, первозданную красоту... Только там труд человека не испортил божественной красоты. И только там, похоже, даже немного улучшил...

* * *

Я постараюсь рассказать из своей личной практики о каких-то вещах, подтверждающих некоторые итальянские — и прежде всего «тосканские» — понятия. Это будет, скорее, попытка понять, почему в Тоскане во всём господствует совершенство. Это будет подсказка, которая (надеюсь) вызовет интерес.

О произведениях искусства говорить буду мало. Разве что о личных впечатлениях. Я не искусствовед. Да и любой искусствовед лучшее, что он может сделать, это сказать: «Лучше идите и сами просто посмотрите на этот шедевр».

ДВА СЛОВА

*о самой красивой дороге в Италии
(а может, и в мире?)*

Кажется, лет двадцать—тридцать назад итальянское Министерство туризма и зрелищ выделило транспорт двенадцати или тринадцати представителям самых разных профессий и поручи-

ла им: 1) найти самую красивую дорогу Италии и 2) территорию наиболее достойного проживания человека. На 2) пункт ответ был таков: это городок Греве и его окрестности. На пункт 1): провинциальная дорога №146 и государственная дорога SS2 Кассия. И всё это в Тоскане.

Эти две дороги нас интересуют потому, что пейзажи, которые простираются вдоль этих дорог в долине Val d'Orcia, ЮНЕСКО включил в список Всемирного наследия.

ДВА СЛОВА

о дорогах в Италии

Ошибочно думать, что выражение «Все дороги ведут в Рим» объясняется былым величием Рима. Просто для всех перевозчиков товаров, для караванов и армий нужна была нулевая точка отсчета расстояний. И в те времена, естественно, этой точкой был Рим.

В Древнем Риме было построено более 100 тысяч километров отличных дорог, эти дороги являются высшим достижением Древнего Рима. Основных, так называемых консульских дорог — десять. Каждый консул (император) строил свою дорогу (или со временем ремонтировал старую), называя ее своим именем. Основных консульских дорог, как я уже сказал, — десять: Фламиния (Рим — Римини), Кассия (Рим — Флоренция), Аппия (Рим — Капуа), Аурелия (Рим — Пиза), Постумия (Генуя — Аквилея), Латина (Рим — Беневенто), Салария (Рим — Сан Бенедетто, Дорога Соли — отсюда и название), Эмилия (Римини — Пьяченца), Тибуртина Валерия (Рим — Остия Атерни, сегодняшняя Пескара).

Римляне, которые строили дороги быстро, чтобы расширять свою империю, очень поздно стали передвигаться по морю. Став хозяевами Средиземного моря, они строили корабли, способные перевозить — правда, с большим риском, до 1 тысячи тонн груза со скоростью 9 км в час. В то время как на суше уже существовало что-то вроде экспресс-почты: лошади или ослы гарантировали *circus velox* 120 километров день.

ДВА СЛОВА о Пиранделло

Наезжал в Кьянчано Терме на воды в самом начале прошлого века и драматург Луиджи Пиранделло со своей женой, актрисой Антоньеттой Портолана. (Она, *кстати*, поставила сразу условие влюблённому литератору, который не знал итальянского, а сочинял только на своём родном сицилийском диалекте: «Вот выучишь итальянский язык, тогда посмотрим... тогда, может, я и выйду за тебя замуж». Пиранделло выучил совсем не родной ему итальянский язык и стал не только классиком итальянской литературы, но и лауреатом Нобелевской премии.) Когда жена заболела, он повез её на воды в Кьянчано. Тогда еще не было гостиниц, и приезжавшие на воды обычно снимали в старом городе квартиры, о чем свидетельствуют мемориальные доски.

ДВА СЛОВА о Данте и Джотто

Данте не считал себя итальянцем. Не считал он себя даже тосканцем. Данте всегда считал себя только флорентийцем. Семья Алигьери не была богатой и состояла в цехе врачей и аптекарей. (Все граждане Флоренции должны были быть записаны в какой-либо цех, иначе они — богатые или бедные, неважно — не имели права принимать участие в управлении городом.) Данте наверняка сделал бы блестящую политическую карьеру, но (будучи избранным на должность приора всего на два месяца в 1300 году) он попал неожиданно в самое пекло очередной перепалки — сначала между Папой Бонифацием VIII и Альбертом Габсбургским, а затем между черными и белыми гвельфами (к которым принадлежал он сам). И Данте якобы нарушил вместе со своими коллегами новый закон о выборах, и ему грозила смертная казнь. К тому же Данте наотрез отказался подписывать передачу Тосканы Папе Римскому, за что ему и его коллегам предписали выплатить непомерно завышенный штраф (в противном случае грозились отрезать им язык). И словно этого было мало, ему еще пришлось разбираться в некорректном поведении одного отпрыска из богатой семьи, проживавшей рядом с домом Алигьери. Они нормально общались, как принято между соседями. И в семье нарушителя были уверены, что Данте вынесет мягкий приговор. Но неожиданно он оказался столь непреклонным (да и не особенно справедливым, поскольку речь шла о богатом человеке), что определил соседскому сыну слишком суровое наказание, оправдывая это тем, что вне зависимости от того, беден ли нарушитель закона или богат, неважно: наказание должно быть одинаковым для всех.

Данте было тогда всего 36 лет. И он был вынужден покинуть любимую Флоренцию. Начинается его двадцатилетнее скитание по Апеннинскому полуострову.

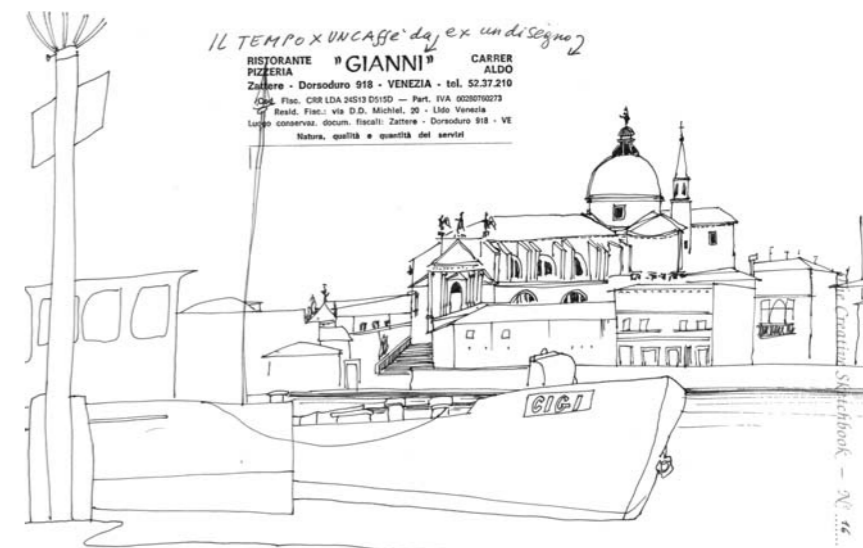
...Как солью отдаёт чужбины хлеб
И как крепки мозоли от хождения
Вверх — вниз по лестницам чужим...

(Кстати, еще раз о хлебе, который «солью отдаёт».)

Хлеб в Тоскане всегда выпекают без соли — *pane sciocco*, что автоматически хочется перевести как «глухой хлеб». Но к глупости это не имеет никакого отношения, в этом нет уничижительного оттенка. По-тоскански прилагательное и существительное *sciocco* означают: пустой, без затей, поэтому это определение можно употреблять по отношению к кому и чему угодно: к человеку, мясу, грибам, овощам и, конечно же, как в данном случае, для обозначения усталости. Говорят — и я думаю, что это не настоящая причина, — будто бы дело в том, что в своё время монополия на соль принадлежала городу Пизе, которая ввела на соль высокую пошлину. Тосканцы ответили тотальным бойкотом. Я повторяю, что, на мой взгляд, это не так, и причина скорее в том, что тосканская кухня, как никакая другая, делает все возможное для сохранения естественного вкуса всех исходных продуктов. То есть соль чаще всего мешает сохранять истинный вкус.

Конечно, жизнь вне Флоренции, куда гениальный поэт никогда больше так и не вернулся, была для Данте бесконечным, мучительным скитанием. Но я хотел бы внести в эту тему нотку, на мой взгляд, некоторой объективности. Характер у Данте был, мягко говоря, не из завидных. Говорил он обо всём всегда прямо — и то, что думал. И вот я спрашиваю: какой бы город мог его приютить, если Пиза — это «отбросы людские»; Сиена — «да и были ли люди более тщеславные, нежели сиенцы?»; Пистойя — «Эх, Пистойя, Пистойя, почему ты не решишься сгореть в огне, чтобы более не быть причиной вредоносной?..». Ну, и так далее... Я спрашиваю: кто из состоятельных людей и владык мог бы приютить Данте, если на вопрос: «А почему вы некоторых вполне добропорядочных синьоров поместили в Ад?» — он отвечал: «Да свиньи они все...». Данте был обижен на всех... Лишь Падуя, которую он, между прочим, тоже не пощадил в своих суждениях, первой приютила его, а потом — и Равенна. Вернее, не столько город Падуя дал ему временное пристанище, сколько дружба с гениальным Джотто, который там работал.

Джотто разговаривал с Данте на равных и отвечал великому поэту вполне «в рифму». Данте любил молча наблюдать, как работал Джотто. Лишь время от времени он нарушал тишину. Однажды он спросил: «Скажи, пожалуйста, почему у тебя такая прекрасная живопись, а все шестеро детей — такие уроды?». (Так оно и было, да и сам Джотто был далеко не красавец.) Джотто, добрая душа, сразу же спокойно парировал: «Видишь ли... Живопись я пишу днём, а детей делаю ночью...». Флоренция испытывает некоторое чувство вины по отношению к Данте, но не особенно часто его вспоминает (может, именно по этой причине). В церкви Санта Кроче находится почти триста мо-

гил известных итальянцев. И лишь одна — пустая. Это могила Данте, тело которого так и не удалось вернуть во Флоренцию из Равенны.

Редко кто Флоренцию любил так, как Данте. Сегодня же — пустая его могила, безусловно, зияет укором флорентийцам за слишком суровое и несправедливое наказание...

ДВА СЛОВА об этрусках

Практически вся Тоскана — это земля этрусков. Уже с III века до нашей эры началась «романизация» Этрурии. Древний Рим, слава Богу, не навязывал своей культуры этрускам, что позволило этому народу сохранить свои оригинальные культурологические корни. Римляне, как всегда, были заняты созданием инфраструктур (дорог, акведуков и вообще всего необходимого для осуществления торговли на новых рынках, которые надо было завоевать к северу от Рима, и прочими делами, среди которых, в первую очередь, конечно же, дороги).

Этрусское искусство долго было «спрятано» (и часто до сих пор прячется) от глаз человеческих: скажем — в захоронениях Тарквинии, Популонии, куда, как говорят, наведывался Микеланджело, чтобы разгадать секреты их живописи. Этрусское искусство можно совсем неожиданно встретить и в одиноко стоящих романских башнях и монастырях.

А иногда наоборот. Ежедневно миллионы туристов рассматривают всемирно известные шедевры, которые словно кричат во весь голос о том, как жил этот народ в далёкие времена. Это просто часть истории и повседневного быта: кувшины, бани, оружие, лежанки, украшения, заборы из камня и так далее. (Только в кладке этрусских жилищ и особенно ограждений, кстати сказать, встречаются камни гигантских размеров).

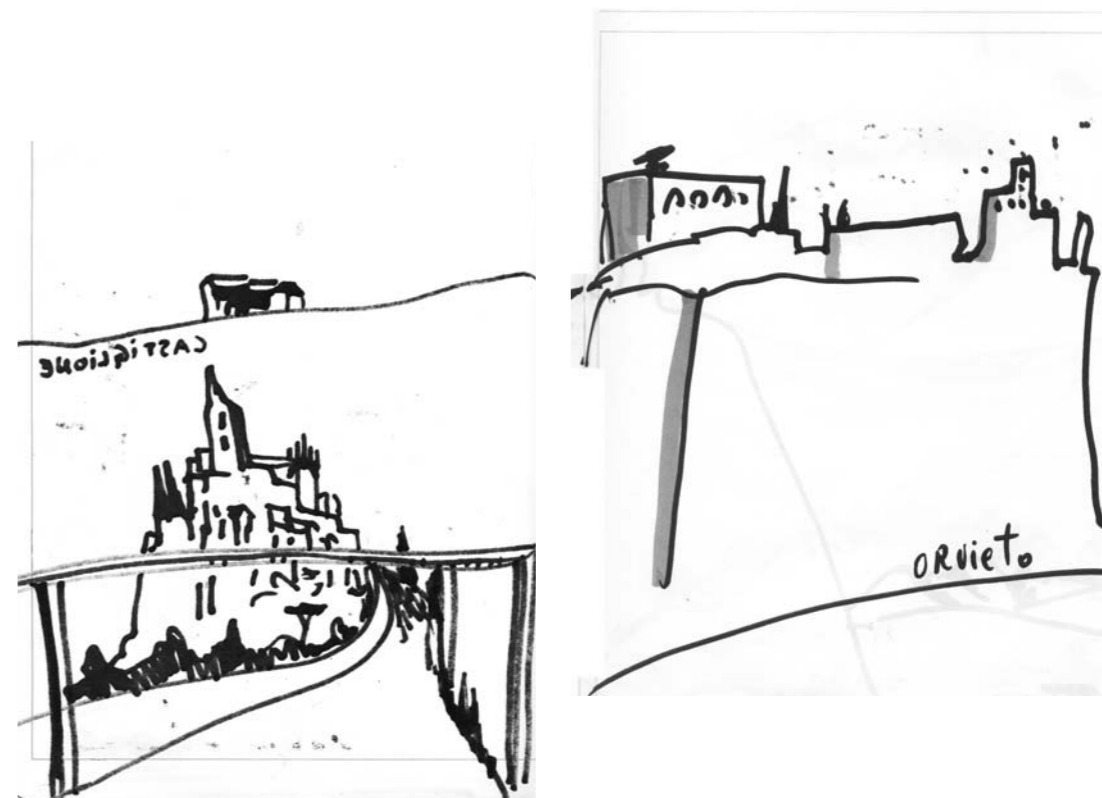
(Дневник, 14. 10. 11, Тарквиния)

Совершенно неожиданно Джузеппе привёз меня переночевать в один из самых значительных этрусских городов — Tarquinia. Долго не мог я заснуть — по причине и необычного места, и заграничной встречи.

На следующий день едем к крестьянам, чтобы купить 50 литров овечьего молока, из которого Джузеппе сам будет делать сыр и творог по калабрийскому рецепту. Едем по земле, в которой очень много этрусских могил, но их, конечно, не видно. В Италии есть «профессия» *tombolo* («грабитель могил»). Когда Джузеппе было 14 лет, он сбежал из нищей Калабрии, где господствовала (и до сих пор господствует) самая жестокая в Италии мафия, в Тоскану и участвовал в ночных походах — в поисках этрусских могил. Процедура обнаружения и ночных раскопок очень сложна (к тому же противозаконна).

Но ему совсем не повезло. Вернее, очень повезло. В одну прекрасную ночь, когда он вскрыл первое в жизни этрусское захоронение, он увидел отлично сохранившийся труп, который от контакта с воздухом мгновенно рассыпался в пух и прах. Джузеппе так испугался, что у него навсегда пропал интерес к подобным приключениям.

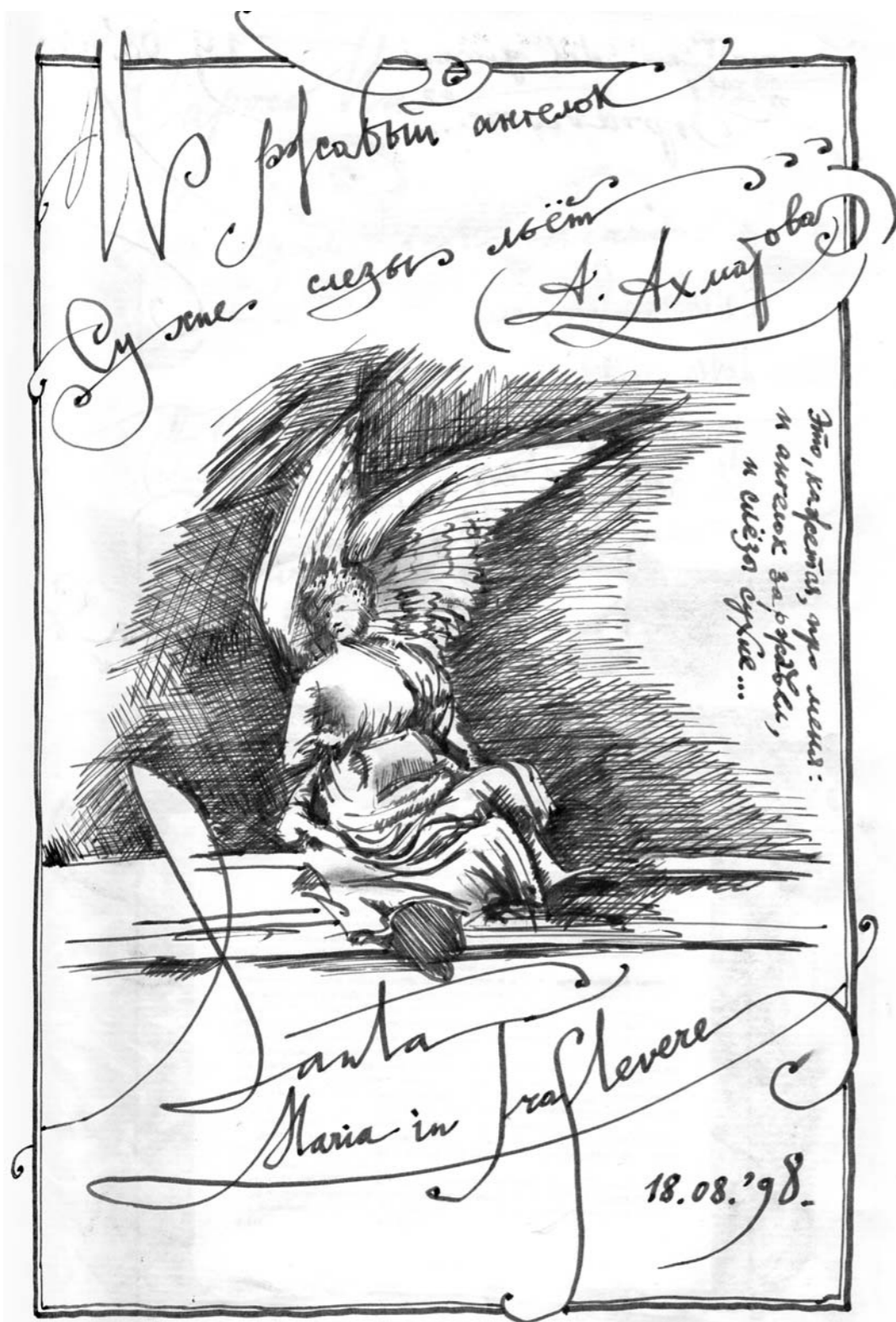
И вот мы приехали к одному крестьянину (тоже калабрийцу), взяли большой бидон овечьего молока и закваску (*il saggio*, содержимое желудка молодого ягнёнка) и поехали к другому крестьянину, его брату, который в вагончике, в чистом поле продавал сыры. Но какие сыры!!!

Я говорю ему: «Я заплачу тебе в рублях». Он едва улыбнулся, но взял на память две купюры (50 и 100 руб.). Я спрашиваю: «А как ты делаешь вот этот сыр с руколой?» Он отвечает: «Ты хочешь, чтобы я тебе за 4 евро раскрыл секрет 400-летней давности?» Тогда я попросил его хотя бы расписаться — на память о нашей встрече — в моём дневнике. Он посмотрел мне в глаза и категорически отказался: «Я ничего подписывать не буду!» Мы расстались друзьями. По дороге домой я спросил Джузеппе: «А почему он отказался написать своё имя?» И я узнал, что ни один крестьянин в Калабрии, Сицилии или Сардинии не будет ни под чем расписываться. Тем более на пустой странице. Потому что в Италии проходимцы могут из этого сделать расписку, например, о том, будто бы он должен тебе 20 тысяч евро, или закладывает тебе всю свою собственность, землю, скот и т.д. Я был в шоке.

ДВА СЛОВА о городе Орвието

(Из дневника): «...я десятки раз, когда я ездил из Рима во Флоренцию или из Флоренции в Рим, я проезжал мимо этой сказочной скалы с крепостными стенами, контрфорсами, силуэтами расположенных под небом церквей, домов, кипарисов и пиний... И каждый раз говорил себе: «надо обязательно подняться на эту гору, посмотреть, наконец, что там...» Я знал одно: там есть великолепный белоснежный собор, и весь внутри он расписан фресками Лука Синьорелли... Наконец я решился, выделил целый день, приехал на ж/д вокзал под этой горой, взял такси и поехал вверх. День выдался ужасный. С утра беспрестанно шел занудливый дождик. И вот я стою, как мокрая курица, перед собором один. Никого нет. Собор закрыт. Стучу в огромную дверь — так, на всякий случай. Никто, конечно, не откроет, тем более в обеденное время, святое время для всех итальянцев: в час дня — обед!!! Стучу раз, два, три, уже чисто автоматически.

Валерий Сировский. Из записных книжек

Вдруг открывается огромная дверь. Сторож. Совсем как наш. Мягкий, плохо одетый. Мы посмотрели друг другу в глаза, думая каждый о своем.

— Можно в собор?

— Уже закрыто.

— Я проехал три с половиной тысячи километров, чтобы увидеть Луку Синьорелли...

(Пауза). — Три тысячи лир, — добавил я, опустив глаза.

— *Avanti*, — сказал сторож и быстрым движением закрыл огромную дверь.

Мы шли медленно вперед. Сторож для меня одного включил освещение. Я рассматривал фрески Синьорелли.

Вдруг этот потрепанный, бедно одетый человек заговорил, как бы рассуждая с самим собой и вдумываясь в каждое слово:

— Вы знаете, это ведь первое изображение Ада... а вот здесь (*он показал рукой вверх*) — первое изображение Искушения, неразрывной темы ужаса смерти и радости, надежды... Вот смотрите, как сделано Распятие... Мало кто до Синьорелли был таким глубоким психологом: ведь это именно он начал разговор о жертве во имя высшего блага...

Мой «Вергилий» вёл меня вперед и читал мне одному лекцию на высшем уровне. Я подумал, что он, наслушавшись гидов, просто увязывал в одно целое то, что они многократно повторяли туристам. Но я вскоре убедился, что был не прав. Он рассказывал о Синьорелли как о своем хорошем знакомом.

— Он вообще-то нездешний. Он из Кортонны. Вы были в Кортоне?

— Нет.

— Обязательно поезжайте туда. Прекрасное место. На мой взгляд, Синьорелли, предвестник Микеланджело, был гораздо тоньше, чем Микеланджело. Ну, скажите мне, кто возьмётся изображать, как святой Михаил «взвешивает души»? А Микеланджело, приступая к фрескам в Сикстинской капелле, признавался, что он вообще не умел писать *a fresco*... в спешке выучился... он ведь скульптор великий... поэтому там у него и гигантские фигуры кажутся скульптурами... Между нами говоря, когда Пикассо впервые вошёл в Сикстинскую капеллу, он ахнул... замер на секунду и воскликнул: «Это прямо сауна какая-то!!!» А посмотрите, какая здесь у Синьорелли тонкая живопись. Он ведь учился у Пьеро делья Франчески, мастера воистину филигранного... К тому же человека душевного, доброго... Вообще, не кажется ли вам, что в самой технике фресковой живописи, вернее — в результатах, то есть в самой этой живописи, чувствуется некая спешка, правда? (*Он посмотрел на меня, и я, конечно же, кивнул в знак согласия.*)

А у Синьорелли, вот посмотрите на этих проклятых в Аду... Кажется, что он медленно-медленно писал их акварелью, не торопился, совсем как потом Понтормо или Бронзино... только у них это еще чувствуется... Правда?

Я был поражен: уже почти полтора часа бедный сторож всё говорил и говорил умопомрачительные вещи — просто в пустоту храма, словно меня уже совсем не было...

Наконец, преодолев неловкость, я тихо прервал его исповедь:

— Простите, но мне еще сегодня в Рим возвращаться...

— Ой, это вы меня простите... я вас совсем заболтал всякой ерундой...

Я дал ему еще одну порцию наших кровных советских суточных (5000 лир). Мы обнялись, и я вышел под занудливый мелкий дождик...

Помню, в тот день у меня с собой не было зонта...».

ДВА СЛОВА о произведениях искусства

В Италии крадут порядка 100 тысяч произведений в год. В основном, это китч. Но ежегодно воруют и до тысячи высококачественных произведений искусства. (Раскрываемость преступлений в последнем случае приблизительно 40%.)

Итальянцы весьма прагматично относятся к собственности. Несколько лет назад я гостил по приглашению графа Марчелло в одноименном палаццо на Большом канале в Венеции и оказался невольным свидетелем телефонного разговора, в котором речь шла о продаже одного из этажей Palazzo Marcello. Граф спросил: «Вы называете эту цену с учётом картин Каналетто или без?»

ДВА СЛОВА о точности

В конце Второй мировой войны американцы приготовили пять супербомб, чтобы поразить фашистские стратегические цели в Италии. Среди таких точек была и ракетная база в Порто Санто Стефано. Выпустили американцы эту бомбу по этой базе, да промахнулись: она шмякну-

лась в море неподалёку от Орбетелло, прямо в тину, в толстый слой грязи. Где она и лежит до сих пор. Если бы она попала в цель, от Порто Санто Стефано ничего бы не осталось... (Говорю это по секрету и прошу не переводить на иностранные языки, прежде всего на итальянский. Мимо этой супербомбы и сегодня ежедневно проезжает сотня-другая машин...).

ДВА СЛОВА о воде

Город и река

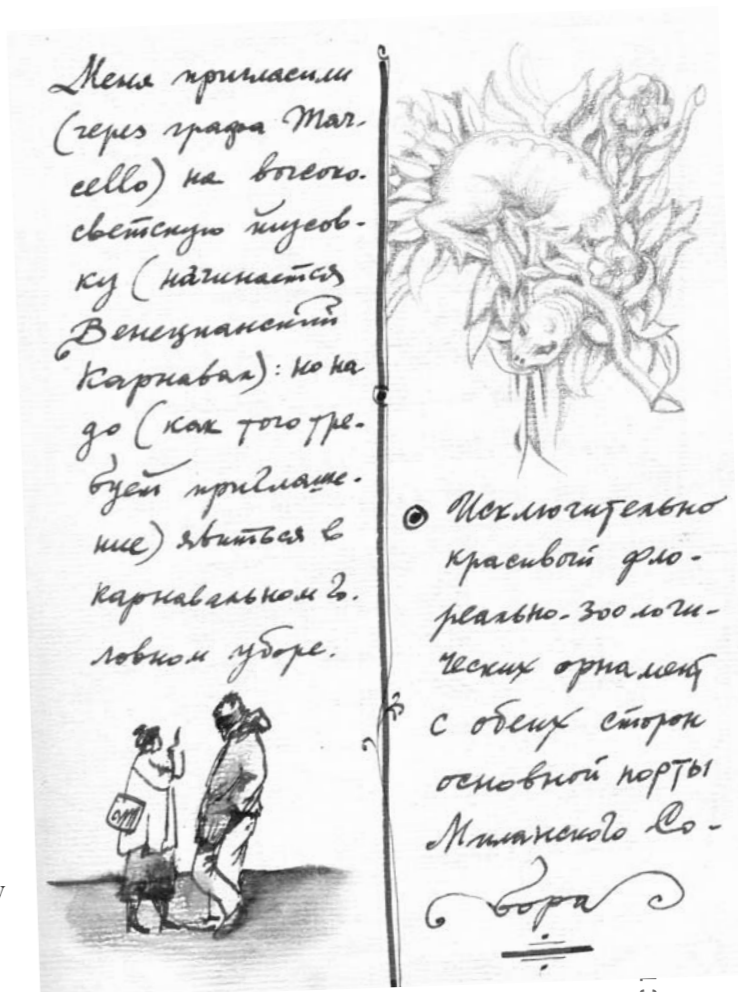
Вот тема почти мистическая...

После Венеции, обладающей неоспоримым первенством в Италии по «затопляемости», на втором месте прочно обосновалась Флоренция.

Отношения города с рекой воистину заставляют тебя верить в существование потусторонних мистических сил. Воды уже давно обижались на то, что даже название города, как полагают во всём мире, идёт якобы от «цветка» (*fiore*).

Это ведь совсем не так: я не буду вдаваться в сложные этимологические рассуждения, но название этого места означает «слишком много воды». Я опускаю разногласия по поводу и цветка, потому как ангел, конечно, Благоую Весть Деве Марии приносит с лилией в руке. Но лилия эта — в руке ангела у флорентийских художников, а у сиенских — ирис. Но, повторяю, не будем сейчас обсуждать такие мелкие детали многовековой вражды между двумя городами. Правда состоит в том, что никто, никогда, ни в одном сюжете и не думал, что воды реки Арно — это важный для истории города персонаж. А река частенько намекала флорентийцам, что пора бы на нее обратить внимание и подружиться.

Из мощных горных источников образовалась эта непредсказуемая в своём поведении река Арно. С удивительной периодичностью она посылает на город беды. Наводнения.

ДВА СЛОВА

о кладбищах

Кладбище П Camposanto. Надо помнить, что в былые времена хоронили только ночью. Зрелище это было довольно языческое. И сегодня десятки сбившихся в группу кипарисов образуют изолированные от мира чёрно-зелёные острова. Особенно чётко эти острова видны в Тоскане. Эту атмосферу зловеще-романтической таинственности очень удачно передаёт А. Бёклин в «Острове мёртвых». На эту тему им было сделано пять «островов мёртвых».

По преданию, в это дерево превратился юноша по имени Кипарис, убивший священного оленя. Уже с древнегреческих времён кипарис становится культово-символическим деревом, связанным с подземным миром. Поэтому его часто высаживали на могилах и воспроизводили на саркофагах как символ счастья в потустороннем мире. (В Китае, например, кипарис — символ бесконечности существования души.) Когда Гитлер (единственный турист, которому Тоскана, будь её воля, ни за что не оказала бы гостеприимство) посетил Английское кладбище во Флоренции, он таинственно изрёк: «Теперь я понимаю Бёклина...». (У Гитлера, кажется, была одна из пяти «кладбищенских» картин Бёклина.)

Многие кладбища в Италии — настоящие произведения искусства. К примеру, фрески Бенедикто Гоццолли на Пизанском кладбище — вершина радости человеческого творчества и любви к жизни.

Одним из лучших (если вообще можно так назвать кладбище) считается Генуэзское

ДВА СЛОВА

об искусстве. Творить и жить

Критические рассуждения об искусстве утомительны. Скажем, по поводу «Положения во гроб» Тициана — картины, которая, может быть, больше всех в мире исполнена чистой красоты; или мини-фресок фра Бео Анджелико во флорентийском монастыре Сан-Марко, каждая из которых посвящена отдельному брату-монаху. Так вот, всё, что может посоветовать критик по этому поводу: это пойти и посмотреть на них.

Итальянцы не очень любят говорить об искусстве, потому что они его делали, делают и будут делать. Итальянцы не очень любят, вернее, совсем не любят говорить о патриотизме, о родине с большой буквы, они просто предпочитают любить свою землю. В смысле — свой клочок земли. А что касается ру-

ководства страны, то как только выпадает снег и кто-нибудь (после постоянных предупреждений по радио и ТВ о предстоящем снегопаде) всё-таки попадает в пробку на автостраде, они немедленно требуют отставки правительства.

* * *

О Родине как об одной общей для всех стране итальянцы могут говорить всего лишь полтора столетия после объединения всех территорий полуострова в одно целое. Естественно, на севере об этом одно понятие, в центре (в Тоскане, в частности) другое, а на юге — третье. Итальянцы вообще-то не очень любят патриотическую риторику. Несмотря на то что юмор у итальянцев, на мой взгляд, весьма слабый, поскольку им — по большому счёту — критиковать есть что, а свергать нечего — есть один анекдот, который очень точно передает, как итальянцы понимают патриотизм.

Война. В окопе застыли солдаты, штыки отомкнуты. Все ждут, когда же взлетит сигнальная ракета, чтобы в любую секунду броситься в атаку на врага. И вот наконец взвизгивает в черное небо ракета. Офицер выскакивает в мгновение ока из окопа на бруствер, вынимает шашку наголо и кричит изо всех сил: «За Родину!!! Вперед!!! За Родину!!!»
Все солдаты бросают на землю винтовки и, восхищенные, так же громко кричат изо всех сил: «Браво!!! Бис!!!»

Обручение Франчабиджио

В дворике при входе в Сантиссима Аннунциата среди фресок других мастеров, справа от входа, есть прекрасное «Обручение Девы Марии» кисти Франчабиджио (художник-монах, друг Андреа дель Сарто).

Но лика Девы Марии нет, на его месте замазанное штукатуркой белое пятно. Говорят, монахи-заказчики решили «сократить» гонорар художнику, который был «горячая голова» и справедливость ставил превыше всего. Он взял кирку и в строгом соответствии со стоимостью своего гонорара «сократил пропорционально» свою работу. На месте лика Девы Марии осталось белое пятно. Франчабиджио пошёл прочь. За ним бежали монахи: «Вернись!!! Мы тебе заплатим больше... если ты восстановишь фреску...». Уговоры не помогли. На фреске любившего справедливость художника и сегодня зияет белое пятно...

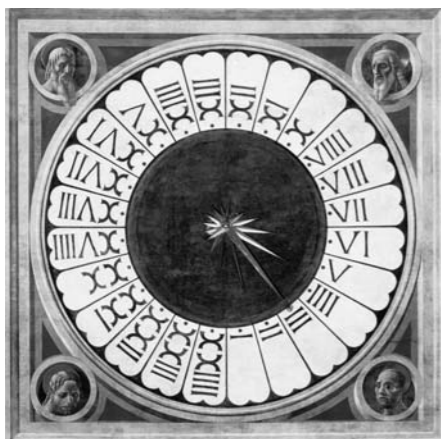
ДВА СЛОВА

об одной фразе

Микеланджело — первый художник, которому были организованы государственные похороны.

И, кстати, после одного из обычных его препирательств с Папой во время работы в Сикстинской капелле (Микеланджело провел на лесах три года и все три года не мылся!!!), Папа хотел ему сказать что-то с глазу на глаз, попросил сойти с лесов, на что Микеланджело ответил, что у него

нет времени на разговоры. Папа в раздражении махнул рукой и сказал: «Делай, как хочешь»... Это был важный момент в истории искусства и работы художника вообще. После этой фразы уже не заказчик определял размер гонорара, а сам художник.

Часы Паоло Уччелло

Никто из вошедших в собор Санта Мария дель Фьоре во Флоренции не оглядывается, чтобы посмотреть внимательно вверх, на огромные часы над массивной дверью. А если и оглядываются, то лишь на мгновение. Зря. Присмотреться к ним стоит не только потому, что они украшены фресками Паоло Уччелло, но и потому, что часы точно отображают соотношение между человеком и временем в те далёкие эпохи. Основным ориентиром в «отсчёте» времени тогда был дневной свет. Крестьянин работал «от зари до заката». Путник должен был знать, сколько времени осталось до закрытия городских ворот: если он не успеет помыться в речке, его уже не пустят переночевать. Крепостные ворота закрывались с наступлением темноты.

Поэтому неправильно было бы думать, что такие часы изобрёл Паоло Уччелло. Единственная стрелка этого странного механизма как бы копирует передвижение тени в солнечных часах. Именно поэтому последний час — это не полночь, а момент заката солнца по так называемому *италийскому* времени. Поскольку, естественно, время заката меняется, часы всё время переводят таким образом, чтобы последний час дня совпадал с закатом солнца, и с этого момента начинался отсчет времени нового дня. По углам — четыре изображения пророков. (Да и то пророки ли это без своих животных — символов?)

ДВА СЛОВА о «саграх»

Осенью проходят еще и многочисленные так называемые «сагры» (*sagra* — *лат.* — *священный праздник*), чтобы отметить окончание сбора урожая, начало (или окончание) охотничьего сезона и любое событие, так связанное или иначе с едой.

Проводятся они чаще всего в субботу и воскресенье (в разных городках по-разному), на площадях или в самых простых столовых «народных домов» (*casa popolare*) устраивают ужины и обязательно танцы под аккордеон, гитару и с хоровым или сольным пением любимых песен. На одном из таких праздников одна крестьянка подарила мне лимончелло (и дала мне свой собственный рецепт).

А во время другой сагры, на которую я попал чисто случайно, произошла совершенно невероятная история.

Я ехал на машине (не помню куда) и решил проехать через холмы, чтобы сократить расстояние. Взираюсь на какой-то холм, смотрю — стоит «гаишник». Я удивился. В Италии за много лет

я видел дорожную полицию раза два-три. А здесь — в холмах!!!

Останавливает меня.

— Ваши документы!

— Пожалуйста...

— Выходите из машины! — выпалил он неожиданно и нагло, словно я соскучился по российским гаишникам.

Здесь и я не сдержался и потребовал объяснений.

— Какие ещё вам нужны объяснения?!? Вон видите ящики с персиками? Берите ящик и езжайте своей дорогой, — рассмеялся ряженый «гаишник». — Сегодня в нашем селении сагра персиков.

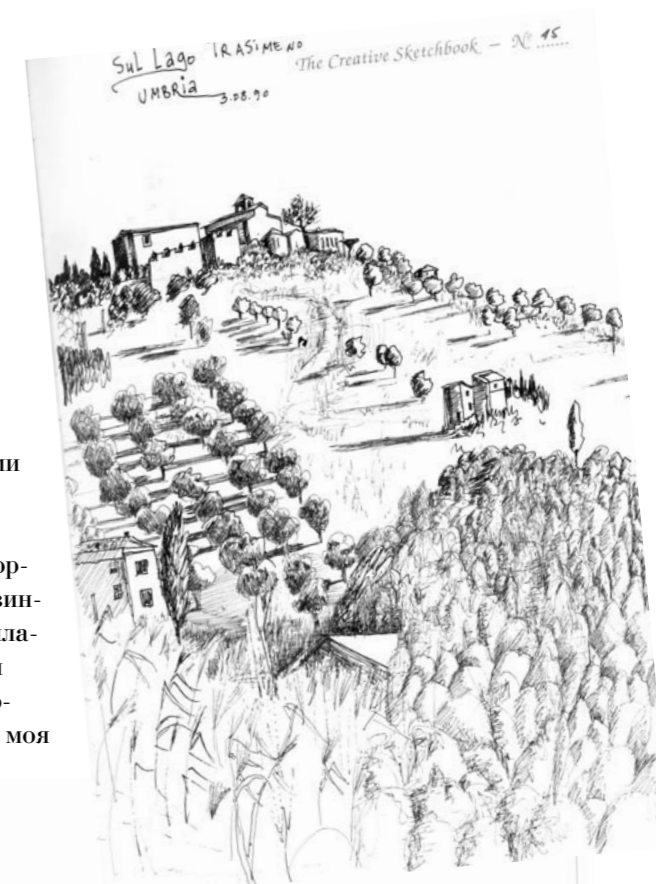
Он помог мне положить ящик с прекрасными персиками в багажник, мы обнялись и расстались...

У одного сыровара (выходца из Калабрии), который торговал изготовленным им сыром в «глухой римской провинции», несколько лет назад я, приготовив 30 евро для оплаты покупки, попросил его рассказать мне, как делается пекорино с травой. Он едва заметно улыбнулся: «Ты хочешь, чтоб за 30 евро я тебе рассказал секрет, который моя семья хранит 400 лет?»

(Замолвим словечко, уж если заговорили о сыре, еще об одном, который не является то-сканским творением, но пользуется среди сыров наибольшей славой во всем мире.)

ДВА СЛОВА про пармезан

Лучший (вернее, настоящий, оригинальный) пармезан готовится из летнего молока коров, которые пасутся на свежих лугах вокруг города Парма с 1 апреля (и это не шутка!) по 11 ноября, т.е. вплоть до Дня Святого Мартина, покровителя различного бедного люда, в том числе и раскаявшихся пьяниц. Наверняка это влияет на качество молока, потому что из него делают единственный пищевой в мире продукт, который банки принимают в качестве валюты и хранят в специальных помещениях. Поэтому

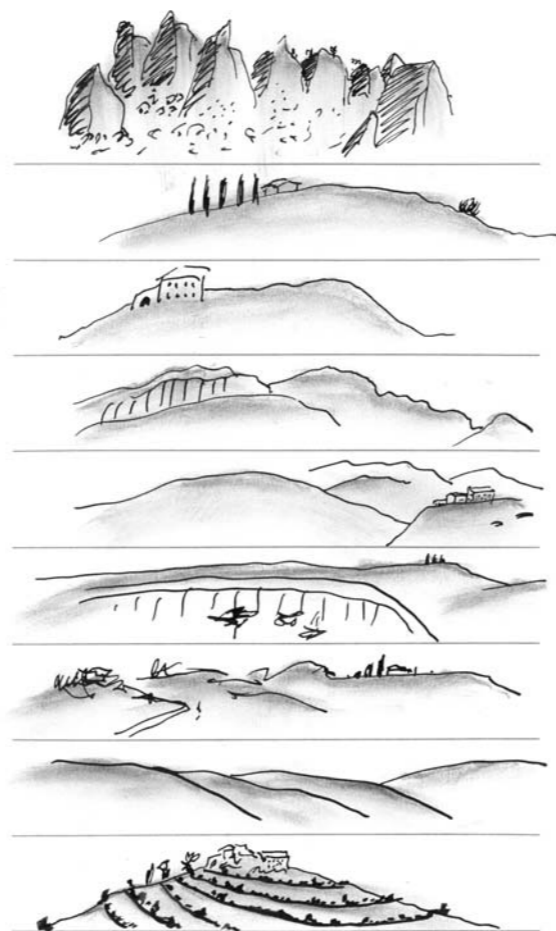

настоящего-настоящего пармезана, естественно, не так много. Всё остальное — удачные копии или неудачные контрафактные имитации.

ДВА СЛОВА

о гречке

На Апеннинский полуостров вечно совершались набеги самых различных арабских племен. Жители полуострова вдоль всего побережья возводили высокие сторожевые башни, чтобы огнем или голосом передавать соседям о приближающейся опасности. Всех этих арабов они называли сарацинами. Башни так и называются — “*La torre saracena*”. Эти пришельцы из арабских стран всегда привозили коричневатую крупу для собственного пропитания, которая совсем не прижилась в Европе. Она прижилась (и то не очень) только в Греции, откуда и попала в Россию. Где не только прижилась как «гречка», но и стала любимой кашей у детей и взрослых.

Тоскана
20.12.90

ДВА СЛОВА

о масле и о еде

Графика, создаваемая виноградниками, как это ни странно звучит, сближает родину классической перспективы с такими восточными идеями перспективы, как хорошо организованный «рваный» пейзаж, эстетика незавершенного.

Это множество равноправных перспектив как раз и создаёт идеальный хаос, высший порядок, божественную гармонию. Справедливости ради необходимо заметить, что в совершенство этой геометрии, в которой не только может заблудиться классическая перспектива Джотто и Брунеллески, но и любой другой порядок, так вот в эту геометрию вносят свой огромный вклад и оливковые рощи. Здесь, как и в японской и особенно в китайской живописи, мы видим множество главных точек, куда убегают бесконечные классические перспективы или откуда прибегают обратные перспективы...

Тосканский официант посмотрит на тебя с большим удивлением (и даже с некоторым презрением, словно ты какое-то странное существо), если ты закажешь сливочное масло. Причина про-

стая. К северу от Тосканы до сих пор употребляют в основном только сливочное масло. От Тосканы и ниже к югу — только оливковое.

В магазинах это масло не съешь днем с огнем. Крестьяне, которые выращивают именно этот сорт оливок, свое масло в торговлю не сдают (чтобы торговать маслом, надо получить специальное разрешение). Но за этим маслом за несколько месяцев до сбора урожая всегда записываются в очередь знакомые и знакомые знакомых. Для крестьянина собственное оливковое масло — визитная карточка и предмет гордости.

Существует семь основных сортов оливок. Но лишь один из них, тот, что растёт в Тоскане на высоких холмах, обрастает тоненьким слоем мякоти. Это — самый ароматный сорт. Масло именно из этого сорта добавляется в другие сорта для того, чтобы обморочный, глубокий аромат свежести сохранялся круглый год.

Для сбора оливок под деревом расстилают плотную ткань, на которую падают все оливки. Сборщик оливок в качестве вознаграждения берёт себе 7-8% масла первого (холодного) отжима. День сбора оливок — большой праздник. Хозяин лично сопровождает свои оливки на маслобойню, высыпает их в большие ёмкости, сверху кладет «визитку» с фамилией владельца, чтобы их (бывает и такое!) не заменили на чужие. А потом — гуляба на всю ночь!!!

И о масле вообще: на севере Италии, скажем в былые времена, к Висконти или Гонзага жаловали с визитом какие-нибудь заальпийские королевские особы. Самым дорогим угощением было... сливочное масло. Конечно, было и оливковое, но оно предназначалось для «плебса», а не для синьоров.

Тосканское оливковое масло — продукт исключительно аристократичный. И поскольку в Тоскане любой крестьянин, точно так же, как любой господин, преисполнен чувством «*signorilità*» (благородство господина),

то оливковое масло и является самым достойным украшением трапезы как крестьянина, так и герцога тосканского. (Именно поэтому одно из основных торжеств в этом гастрономическом океане «сагра свежего оливкового масла»). Оливковое масло — это самое дорогое для тосканского крестьянина из всего, что он выращивает. Отношение к нему граничит с религиозным фанатизмом.

Однажды меня пригласили в крестьянский дом (неподалёку от селения, где родился Джотто), и хозяин налил в две чашки масло сначала из одной бутылки, потом из другой: «Валерий, попробуй сначала это, а потом вот это...». Я попробовал одно, потом другое. Крестьянин мучительно ждал моего вердикта: «Ну, какое лучше?» Я был в полной растерянности. Клянусь, я не почувствовал разницы!!! В такие моменты я всегда в жизни полностью доверяюсь интуиции. «Конечно, вот это!!!» — ляпнул я уверенно наобум и показал на первую чашечку. «Ну,

что я вам говорил?» — торжественно закричал крестьянин. — Сразу видно, хоть он и русский, а понимает толк в оливковом масле! Представляешь, — обратился он ко мне и показал в окно на оливковую рощу, — а ведь вот эти оливки находятся всего в ста пятидесяти метрах вон от тех (он показал куда-то в сторону). И представляешь, какая разница?!?» Повторяю честно: разницы я никакой не заметил. Но это было так красиво, это был такой всплеск настоящего чувства, что я был счастлив увидеть подобный триумф крестьянского труда!

* * *

В Питильяно («итальянском Иерусалиме») — *borricche* (уши Аммана). Откуда такое название? В своё время царица долго соблюдала пост в молитвах к Богу, чтобы он помиловал ее народ, которому угрожал властелин персов Амман. В конце концов Амман отказался от своего намерения уничтожить Израиль и стал объектом шуток. Одна из таких шуток появилась и в еврейской кухне. После поста (Эстер) к Пуриму стали выпекать сладость в форме ослиных ушей (в честь этого осла Аммана!).

— Есть еще одна «историческая» сладость, которая выпекается к еврейскому новому году, называются она — *sfratti* (выселки). Название напоминает времена, когда новый хозяин Кози-

мо II Медичи (после Орсини) распорядился насильно выселять всех евреев из княжества в питильянское гетто. Исполнители стучали палкой в дверь, выгоняя «на выселки» (в гетто) еврейские семьи. Эта вкусная сладость в форме палки (орехи, семена аниса, мед и апельсиновые корочки) так и укоренилась в местной кухне, чтобы хоть сладким как-то заесть воспоминания об унижениях и обидах.

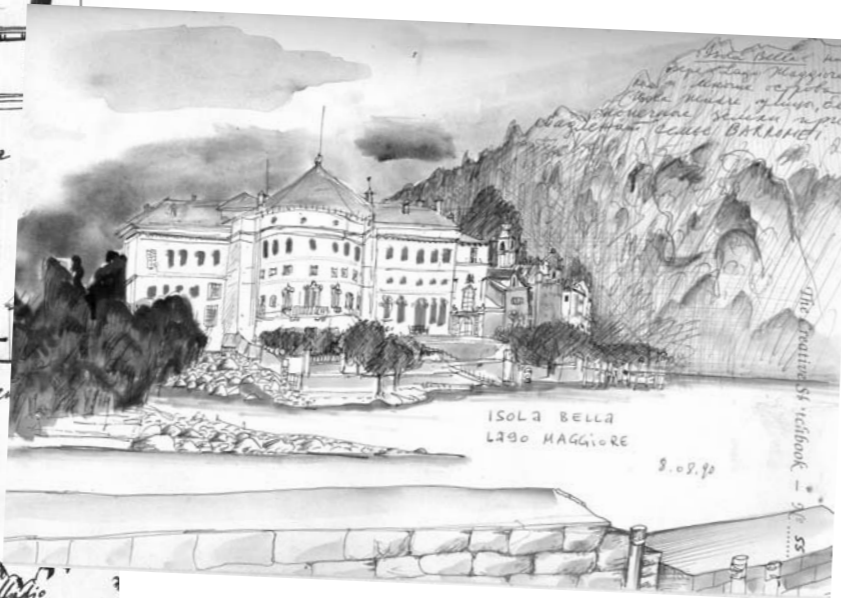
Andrea Palladio - Villa Pisani - Montagnana

Andrea Palladio - Villa Godi a Lonigo di Lago Vicenza

Andrea Palladio - La Villa "Rotonda"

ISOLA BELLA
LAGO MAGGIORE

ДВА СЛОВА

об изобретателе Кьянти

Вино в Италию пришло из Древней Греции. На античных вазах VI века до н.э., найденных в *Castellina del Chianti* (недалеко от Греве), изображены виноградные лозы. Но первое документальное (явно запоздалое) свидетельство о больших виноградниках в Тоскане (*Villa Cerna*) относится лишь к 1083 году. Через 700 лет Великий герцог Тосканы специальным указом утверждает границы территории для производства вина кьянти. Вот как оно было создано. В замечательном замке Бролио (стратегическая крепость, которая отошла к Флоренции в 1553 году после долгой и изнурительной войны с упрямой Сиеной) барон-революционер Беттино Риказоли придумал смешать $\frac{7}{10}$ красных вин санджовезе и $\frac{2}{10}$ канайоло с $\frac{1}{10}$ белых мальвазии и требиано. И получилось новое красное вино — кьянти. (В последнее время от мальвазии отказались.) Кроме самой формулы вина «барон из Бролио» определил и границы земель, где лучше всего растет этот виноград, а обозначенные им самой территории между реками Арно и Омброне назвал «Кьянти Классико». В 1924 году производители кьянти собрались в городке Радда, основали Консорциум для защиты марки вина и взяли на вооружение придуманный бароном Риказоли символ «Gallo negro» (черный петух) для обозначения марочного кьянти. Чем отличается (дабы избежать путаницы) просто кьянти от кьянти-классико? Ничем. Кьянти это понятие административно-географическое, а Кьянти классико относится только к обозначению зоны, где производится самое лучшее вино — Chianti DOCG.. (В 1967 году вышел закон, определяющий нормы для присуждения вину качественной марки DOC.)

Два слова о самом «бароне Бролио». Барон Риказоли, страстной поборник всего нового, стал первым главой правительства объединенной Италии (пробыл на этом посту два срока с коротким перерывом). Но главной его страстью было вино. Он мечтал вывести идеальную формулу нового вина. Каждый раз он отправлялся в долгие странствования с бутылками и бочонками вина, чтобы убедиться, не портится ли оно от перевозок, разных температур и т.д. Реализации своей мечты он посвятил более 20 лет. Характер у барона был невыносимый. Все его боялись, от него все шарахались от него как от сумасброда. Когда он умер, его тело принесли в местную церковь для отпевания. Но не успел священник начать похоронную процедуру, как разразилась мощнейшая гроза, налетел жуткий шквал ветра, от которого в церковных окнах были выбиты стекла и витражи. Началась паника. Священник закричал: «Вынесите отсюда этого дьявола!». Как только тело барона Бролио вынесли из церкви, гроза прекратилась...

ДВА СЛОВА

о предрассудках

Традиции и народные верования, святые, молитвы и ритуалы зарождаются по городам и весям у грамотных и безграмотных, у богатых и бедных. Предрассудки, приметы и верования во всем мире происходят от страха перед неизвестным и надеждой на лучшее. Часто они повторяются на разных широтах и временных поясах.

Вот несколько из таких предрассудков в Италии:

- не вытирайтесь одним полотенцем вдвоем, не то поссоритесь;
- не кладите шляпу на кровать — к беде;

— если ножницы упали, прежде чем их поднять, наступите на них ногой, чтобы избежать неприятностей;
 — класть предметы крест-накрест — к беде (в Средние века считалось оскорблением Иисуса Христа);
 — проснувшись, не спускайтесь на пол с левой стороны кровати (левая сторона — это сатана);
 — пролить оливковое масло — к беде;
 — рассыпать соль на стол — к беде (говорят, что когда-то гость рассыпал соль на столе. Разъяренный хозяин тут же прикончил беднягу мечом); и так далее, их сотни, тысячи, не буду продолжать...

ДВА СЛОВА

об одном цветке
и об одном колоколе

В XIII веке Сан-Джиминьяно достигает высшего экономического расцвета благодаря... цветку шафрана, который рос (и по сей день растёт в окрестностях города) и который продавали в другие города Италии, а также во Францию, Нидерланды, Сирию и Египет.

Внутри лилового цветка находятся три ярко-красные нити, покрытые растворимым веществом (крокином), из которого делают эту благородную специю. Чтобы сделать 1 кг шафрана, требуется 120 тысяч цветков.

* * *

...Религиозные ордена с помощью «шафрановых» денег старались украсить свои владения. Они приглашали в Сан Джиминьяно лучших художников — Мемо ди Филипуччио, Липпо Мемми, Беночцо Гоццолли, Доменико Гирландайо, Пьеро дель Поллайоло и других. Упадок и состояние периферийности (заброшенности) в следующие века позволили (к счастью для нас) сохранить нетронутой атмосферу Средневековья. С 1929 года в городе запретили сносить старые дома и строить новые. ЮНЕСКО объявила город культурным достоянием человечества. Во время Второй мировой войны американские самолеты десять дней кряду бомбили Сан-Джиминьяно. На Большой Башне был разбит колокол. Колокол — это характеристика и гордость храмов. В России мы спорим, чей кулик на чьём болоте громче кричит, в Италии же есть понятия «кампанилизма» (от «campana» — «колокол», т.е. чей колокол лучше звонит). Новый колокол был отлит в СССР и подарен городу после окончания Второй мировой войны.

О ссылках

Чтобы увидеть места, куда отправляли итальянцев в ссылку, сегодня туристы платят не только большие деньги, но и сами были бы не прочь провести там некоторое время. Большинство даже согласится, я уверен, на пожизненную ссылку... (Прежде всего, я говорю, конечно, о себе.. Со времен Древней Греции и затем Древнего Рима ссылка была не столько физическим наказанием, сколько морально-социальным унижением. Осужденным на смерть давали возможность сохранить себе жизнь, если они признавали свою вину и соглашались покинуть столицу... Сократ был приговорён к смерти, но имел право выбрать себе свободу, если признаёт свою «вину». Но свободу ему давали вне Афин. И в плане социальном статусе он считался прокажённым... А вот рисунок города Сан-Джиминьяно, куда был «сослан» для начала в качестве посла Флоренции вольнодумец Данте Алигьери.

ДВА СЛОВА

о ссылке

Никколо Маккиавелли — ещё один, как и Данте, флорентинец и активный участник общественной жизни Флоренции, занимавший (с 1498 года), в переводе на современный язык, пост министра иностранных дел Флоренции. И он также тоже познал горечь ссылки. Давайте посмотрим, где он отбывал и чем занимался во время ссылки, куда (после одного месяца заключения, будучи подозреваем как участник заговора против Медичи, и после пыток) он отправился в Сан-Кашано (живописнейший уголок в нескольких километрах от Флоренции). В письме к своему другу Франческо Веттори Маккиавелли рассказывает, что жизнь его в ссылке скромна и незатейлива: утром охота на дроздов, днем он проверяет работу лесников и лесорубов, почитывает любовные стихи Катуллы и играет в карты с соседями — завсегдатаями в остерии. Но вечером происходит метаморфоза: в тиши изгнания, за письменным столом, он сочинял свой основной труд — «Государь», в котором доказывал, что все беды Италии в ее раздробленности, что только сильная власть способна, пренебрегая нормами морали и порядочности, создать сильное государство. Книга «Государь» принесёт ему славу и станет впоследствии настольной книгой для многих руководителей многих государств. Короче говоря, вряд ли кто посмеет утверждать, что ссылка — она и в Италии ссылка...

ДВА СЛОВА

о мёде

Хочу сказать два слова, как фанатик мёда, и об итальянском мёде. Мед в Италии фантастический. На уровне лучшего башкирского. Здесь есть несколько видов «никому не веданного» мёда. Особенно советую попробовать горький мёд (miele dicorbezzolo). Корбеццоло — это ежевичное дерево (в России его нет). В основном этот мед производят от Тосканы к югу. Лучшим считается этот горький мёд из Сардинии. Но, на мой взгляд, самый горький-горький мед всё-таки в тосканской маремме, у моря.

Горький мёд настолько популярен, что стал символом для стихов, посвященных любимой женщине. И почти все сборники таких стихов, в которых безграничное восхищение имеет привкус горечи, называются именно так: «Горький мёд»...

Вот один из примеров «горькой поэзии» в моём переводе:

Поэтическая передышка
(Джезуальдо Буффалино.
Из сборника «Горький мёд»,
Эйнауди, 1982)

Передо мной — мороженое.
В голове — смерть.
Сажу в баре на Пьяцца Марина,
Смотрю, как две мухи любовничают на моей руке.
Слышу, как удары сердца
Молотком бьют по рельсам,
И я спрашиваю: зачем я живу?
Какой крик, какой удар ждет меня за углом?
Пора.
Вспоминаю другое солнце, точно так же раскаленное,
Как это над моей солдатской бритой головой.
Опять ожидание. Опять бегство. Опять нора.
Мне пора.
Плачú по счету, встаю. Этот день — ошибка.
Этот и те, что раньше.
Не счастливый я. Несчастливый.

ДВА СЛОВА о Фиорентине

В итальянском языке есть всего два случая употребления прилагательного *fiorentina* (флорентийский) в значении существительного. Это футбольная команда **Fiorentina** и бифштекс **Fiorentina**.

(Поскольку о футболе сегодня все всё знают, мы поговорим отдельно только о флорентийском футболе.) А вот что надо знать сначала о бифштексе.

Одну порцию *фиорентины* на гриле никогда вам не сделают, если вы один: заказ должен быть минимум на два человека. Как только вы его заказали, вам принесут и покажут кусок мяса. Присмотритесь внимательно: толщина мяса должна быть не менее 5 см. Для того, чтобы сразу же сложились прекрасно-весёлые отношения с обслуживающим вас официантом, спросите с видом знатока: «Val di Chiana?» (так называется Кьянская долина между Ареццо и Сиеной, где пасутся коровы кьянской породы). «Конечно!» — ответит обязательно уже официант с видом победителя. (Хотя коровы кьянской породы, между нами говоря, еще до Второй мировой войны использовались как тягловый скот, и от работы в поле у них сложилась довольно мощная мышечная система,

в отличие, скажем, от пьемонтской породы, которая всегда выращивалась и выращивается только «на мясо».)

Историческая справка (опять же между нами, и особенно тосканцам об этом не рассказывайте, а то и обидеться могут).

Этот говяжий стейк своим рождением обязан совсем не тосканцам и вообще не итальянцам. Давным-давно в Северной Европе англосаксонские народности и норманны обычно пировали с жареным и даже сырым мясом, в то время как на Средиземноморском побережье греческая и романская трапеза была

более вегетарианской.

Бифштекс *fiorentina*

прибыл в Тоскану

только в XVII веке,

когда полуостров стал

обязательным для всех

пилигримов, интелли-

генции, артистов и вы-

нужденным местом по-

сещения для рыцарей.

Обычно они старались

попасть во Флоренцию

10-го августа на люби-

мый праздник правя-

щей династии Медичи:

«Сан-Лоренцо». Фло-

рентийцы наблюдали,

как в огромных жаров-

нях чужеземцы гото-

вили огромные ку-

ски телятины, которые не только ели сами, но и раздавали всем желающим. Английские рыцари при этом восклицали: «Бифштекс!» (Так из английского языка возникло итальянское слово «Bistecca».) И с тех пор повелось, когда житель Тосканы говорит «Bistecca», он просто подразумевает *Bistecca Fiorentina*. И уж если мы стали такими знатоками *фиорентины*, то мы (в случае чего) сможем и уточнить совсем уж как академики тосканского общепита, что речь идет вообще-то о сирлойн-стейке (филе весом 1,2–1,5 кг из поясничной части с T-образной костью).

Флорентийский бифштекс — удовольствие довольно дорогое, и не каждый может себе позволить заказывать его часто.

Однажды пожилая пара решила на такой поход в ресторан и заказала фиорентину. (Заказ принимается минимум на два человека.) Ели они его, ели и не смогли одолеть. Позвали официанта и попросили (это были времена, когда не было принято уносить домой то, чего ты не доел): «Вы знаете, у нас дома собака... не могли бы вы нам завернуть с собой... мы вот не смогли доесть...».

(Никакой собаки у них, естественно, не было). «Конечно, сейчас всё для вас сделаю», — сказал официант и скрылся. Долго его не было, потом он наконец появился и, протягивая им большой пакет, заговорщицким шепотом и с открытым сердцем утешает стариков: «Я вам собрал остатки со всех столов»...

ДВА СЛОВА

о сале

В начале 1990-х годов прошлого века самый известный в Америке итальянский ресторатор Сирио Маччиони, ухитрившись пройти без проблем американскую таможню, которая исключительно строго относится к контрабанде в США пищевых продуктов, привёз из Италии (вернее, из селения Колонната) в Нью-Йорк сало. Он давал пробовать в своём шикарном ресторане это сало (*il lardo dicolonnata*) только друзьям и избранным клиентам.

Колонната (*Colonnata*) — городок неподалеку от Каррары, на склонах Апуанских Альп, известный во всем мире потому, что в нём делается лучшее в мире сало и добывается один из лучших в мире сортов белого мрамора.

Уже со II века до н.э. в этих краях рабы для нужд Древнего Рима вырубали «колонны» (отсюда название городка) нескольких видов мрамора (в том числе белый мрамор, который заменил более дорогой греческий). Под бдительным оком надсмотрщиков — сначала древнеримских и византийских, отом — гóтов и лангобардов мужское население 50–55 семей (XVI в.) добывали «колонны» белого, голубого мрамора, мрамора с разводами и многих других видов. Но главное здесь не в мраморе. Главное — в местном сале.

О нём мы и поговорим серьёзно. Сало стали делать здесь со времен лангобардов. Они завезли сюда и стали разводить поросят, которым очень пришлись по душе каштановые желуди, коих здесь великое множество. Сало, «еда для бедняков», стало основным источником протеинов для добытчиков мрамора.

Секреты колоннатского сала до сих пор известны не до конца. Созревает свежий белый жирный слой в беломраморных «ваннах», и натирают его черным перцем, кориандром, мускатным орехом и различными травами.

В маленьких городках вокруг *Colonnata* тоже, конечно, стали делать сало. И началась настоящая война за «товарный знак» сала, за право называть сало из Масса Каррара, из Монтинозо и других селений термином *lardodi Colonnata*. Жители Колонаты, сторонники «чистого совершенства»: и гурманы войну эту выиграли. Министерство Аграрной политики Италии постановило раз и навсегда, что сало, «выдержанное только в мраморных пещерах поселка Колонната, в которых существуют особенные погодные условия и влажность, а также ветром гарантированные особые легкие бризы», может называться *lardo di Colonnata*. Я уверен, что когда Микеланджело днями и ночами мучался здесь, выбирая для своего «Давида» моноблок каррарского мрамора, он на поджаренный хлеб (*crostata*) много раз устраивал кусок сала из Колоннаты. И был доволен...

Чтобы убедиться в этом гастрономическом совершенстве, купите в Карраре шкатулку из белого мрамора, в которой упакован самый ценный сувенир здешних мест — *lardo di Colonnata*.

* * *

Когда я думаю об Италии, должен сказать, моё волнение какое-то тотальное, неопределимое и весьма расплывчатое. Его трудно объяснить чем-то одним, каким-нибудь, скажем, шедевром архитектуры, живописи или конкретным пейзажем. Когда я рассказываю об Италии, многие думают, что обо всём этом я много знаю. Ошибаются они по двум причинам: 1) так уж мне повезло в жизни, что зачастую я знаю просто чуть больше, в частности, о Тоскане, чем они; 2) и я, если откровенно, не так уж много знаю вещей конкретных. А если я знаю что-нибудь хорошо, то, скорее, знаю не с точки зрения искусствоведческой, академической, а просто потому, что в первую очередь я мгновенно решаю, волнует меня это или нет? И если волнует, то я интересуюсь прежде всего, так сказать, «душевной» стороной предмета и человека, создавшего этот предмет.

О высшей красоте

Из того, что я видел в этом мире, я пришёл к выводу, что есть всего две территории, где ты можешь поставить кинокамеру в любом месте и делать круговую панораму на 360 градусов. Везде будет красиво. Иными словами, это также территории, где красота является религией. И это, конечно — Япония и Италия. Вернее, Тоскана.

(Из дневника 1993 года)

...Много лет назад я впервые попал в эти края (по Тоскане я проехал и прошел пешком более 4500 км.). Помню, когда я ехал по Старой Касси, в одно прекрасное утро вдруг увидел такую красоту, что у меня дух перехватило. В «табели о рангах красот» существует высшая, божественная, не поддающаяся объяснению и пересказу красота, при виде которой ты столбенеешь, и единственное, что ты можешь, это воскликнуть: «Вот это да!!!!!!!».

Я быстро вышел из машины, прихватив с собой фотоаппарат, дневник, ручки-краски-карандаши, и собрался всё это «присваивать» себе. Но вдруг я почувствовал нутром своим, как что-то меня остановило: «Куда ты лезешь со своими фотоаппаратами и красками? Смотри, какая красота! Ты просто послушай, какая здесь тишина... Стой, смотри и слушай... А вот этого всего не надо...».

И собрав все свои причиндалы, я сел в машину и уехал, не сделав даже ни одного снимка. Много лет после этого я зачастую нет-нет да и вспоминал всю эту красоту. Потом не выдержал. Сел в машину, поехал, нашел это место и, не прислушиваясь ни к каким там внутренним голосам, снял фантастический пейзаж. Эта фотография — теперь одна из моих любимых...

1972–2018

© Текст, рисунки Валерия Сировского

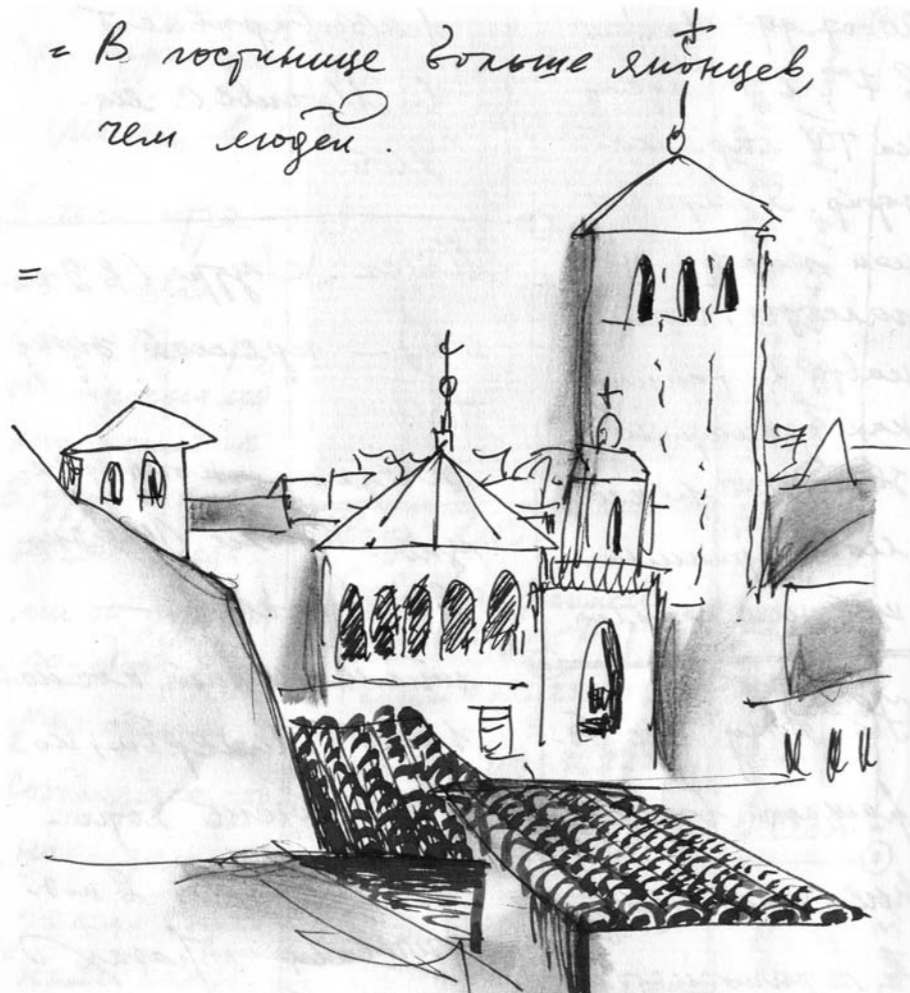
Валерий Сировский

Валерий Борисович Сировский родился 12.03.1939 г. Место рождения — г. Бахмач (Украина). 1946–1949 — школа в Бахмаче; 1949–1959 — Суворовское военное училище в Саратове, затем в Ленинграде. 1959–1965 — студент переводческого факультета Московского института иностранных языков им. М. Тореза (итальянский и английский языки). В 1965–1998 работал на киностудии «Мосфильм» (ассистент режиссера и актер: фильмы «Красная палатка», «Необыкновенные приключения итальянцев в России» и др.). Профессиональный переводчик-синхронист, художник, фотограф, литератор. Перевел много книг, в том числе письма А. Пушкина и А. Ахматовой, пьесу Н. Эрдмана «Самоубийца», роман С. Беккета «Моллой» и др. Телеканал «Культура» показал четырехсерийный документальный фильм о нем — «Заслуженный бездельник Российской Федерации». Сделал много фотовыставок в России, Франции, Италии, Бельгии, Латвии и др. Полвека ведет художественные дневники, которые теперь публикует издательство «Барбарис». Путешественник. Посетил почти 50 стран. Живет в Москве.

Валерий Сировский. Из записных книжек

В последние больше японцев,
чем людей.

Milano, S. Valeria,
dell'uf. di Raffaello Archinto

VIA DANZONI 14
1330 - 1425 1545

29.04.57. Уезжаю из Венеции. Впервые я по-
зубоватая себя венецианцем:
я нигде не торкнулся,

нигде не беша, нигде не
фотографировал, нигде нигде
я не рисовал, бродил, не
обрастая

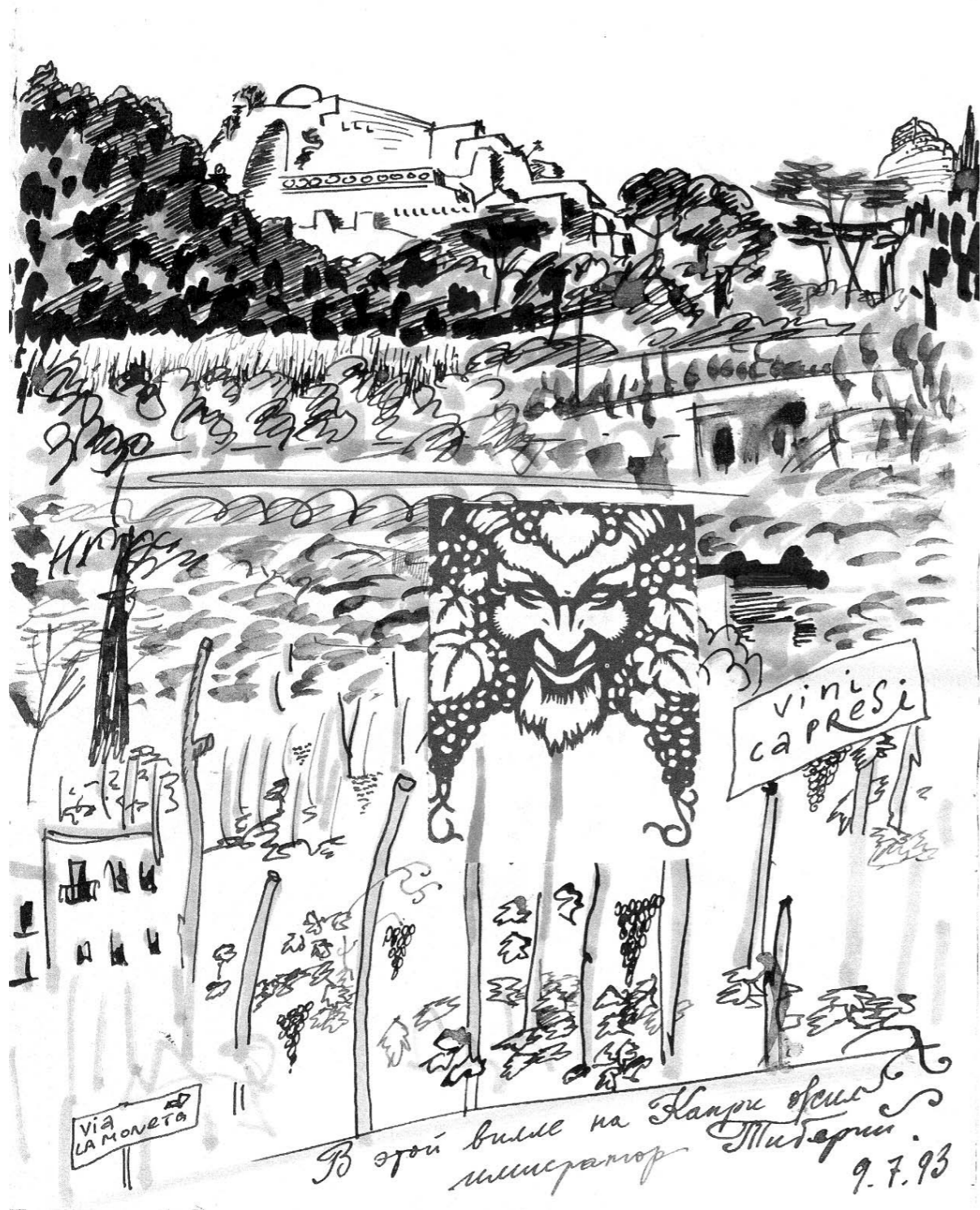
внимания, куда иду
и зачем иду; купил не-
сильной прорезной на все
виды водного транспорта
Венеции и погреб нигде не
ездил, потому что проболел неде-
лю: провалялся на кровати в доме
люди (летали, а окрестия "обломовка", и это название
прямо убедилось в том доме).

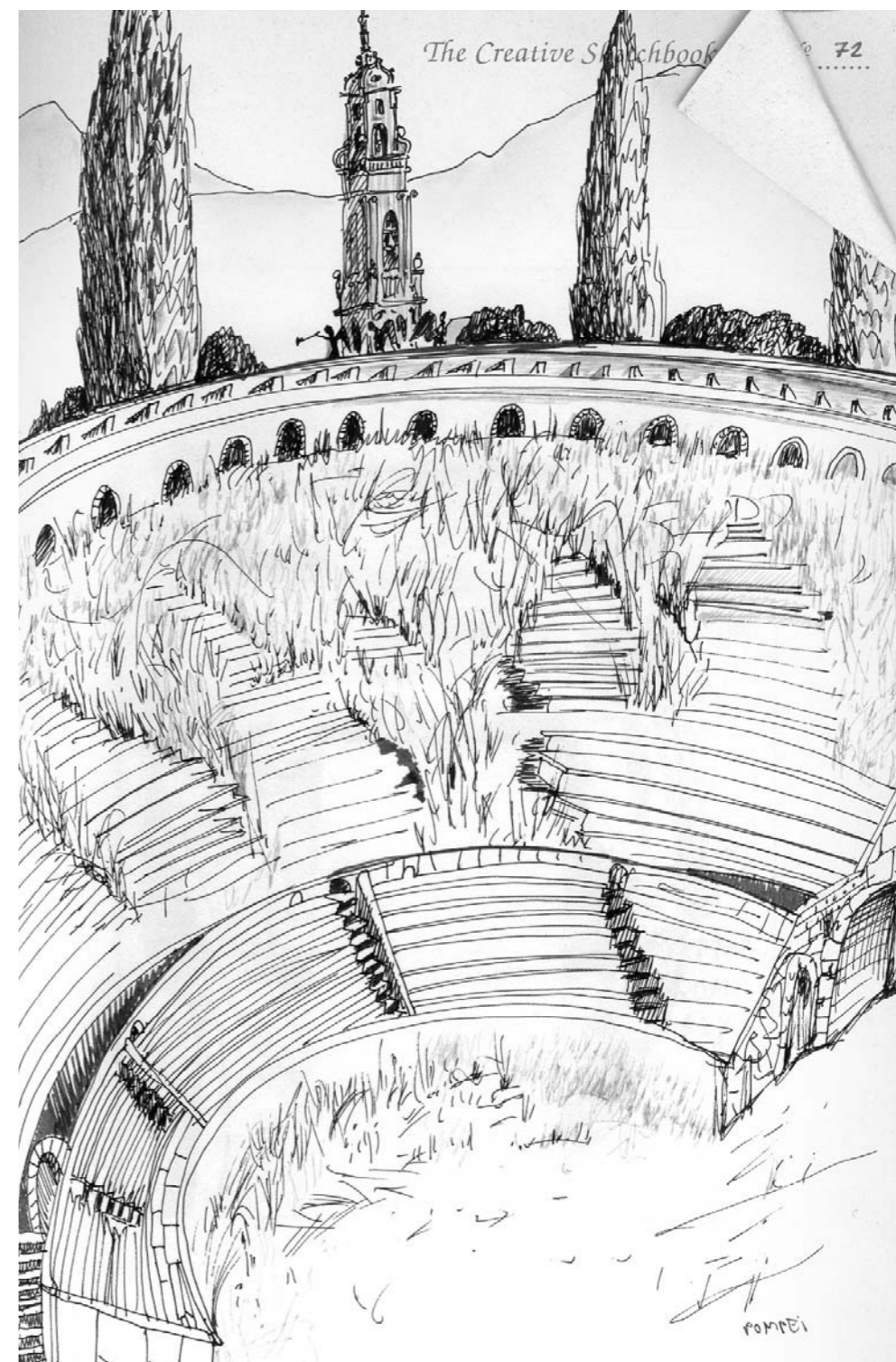
Марко Фрей.

Figline
V. no
20.11.57

Валерий Сировский. Из записных книжек

Валерий Сировский. Из записных книжек

Валерий Сировский. Из записных книжек

Валерий Сировский. Из записных книжек

240324 /2001

AI SCALZI srl
Ristorante • Snack bar • Pizzeria • Caffetteria
Dom. Fisc. ubicazione esercizio comer. doc.:
Cannaregio, 59/60 - 30121 Venezia
Tel. 041 715023
Cod. Fisc. e Partita IVA 02393280271

RICEVUTA FISCALE FATTURA (Fiscale)

FATTURA N. DATA

D. Mittente e qualità dei beni o servizi

RICEVUTA FISCALE N. 20743

07/07/01 12:17:53

C. 02

Q.tà descr./P. IVA Importo

#01 2,50

#02 1,40

#03 2,90

#04 1,10

#05 1,10

#06 1,90

#07 2,30

#08 3,00

#09 3,00

#10 3,00

#11 3,00

#12 3,00

#13 3,00

#14 3,00

#15 3,00

#16 3,00

#17 3,00

#18 3,00

#19 3,00

#20 3,00

#21 3,00

#22 3,00

#23 3,00

#24 3,00

#25 3,00

#26 3,00

#27 3,00

#28 3,00

#29 3,00

#30 3,00

#31 3,00

#32 3,00

#33 3,00

#34 3,00

#35 3,00

#36 3,00

#37 3,00

#38 3,00

#39 3,00

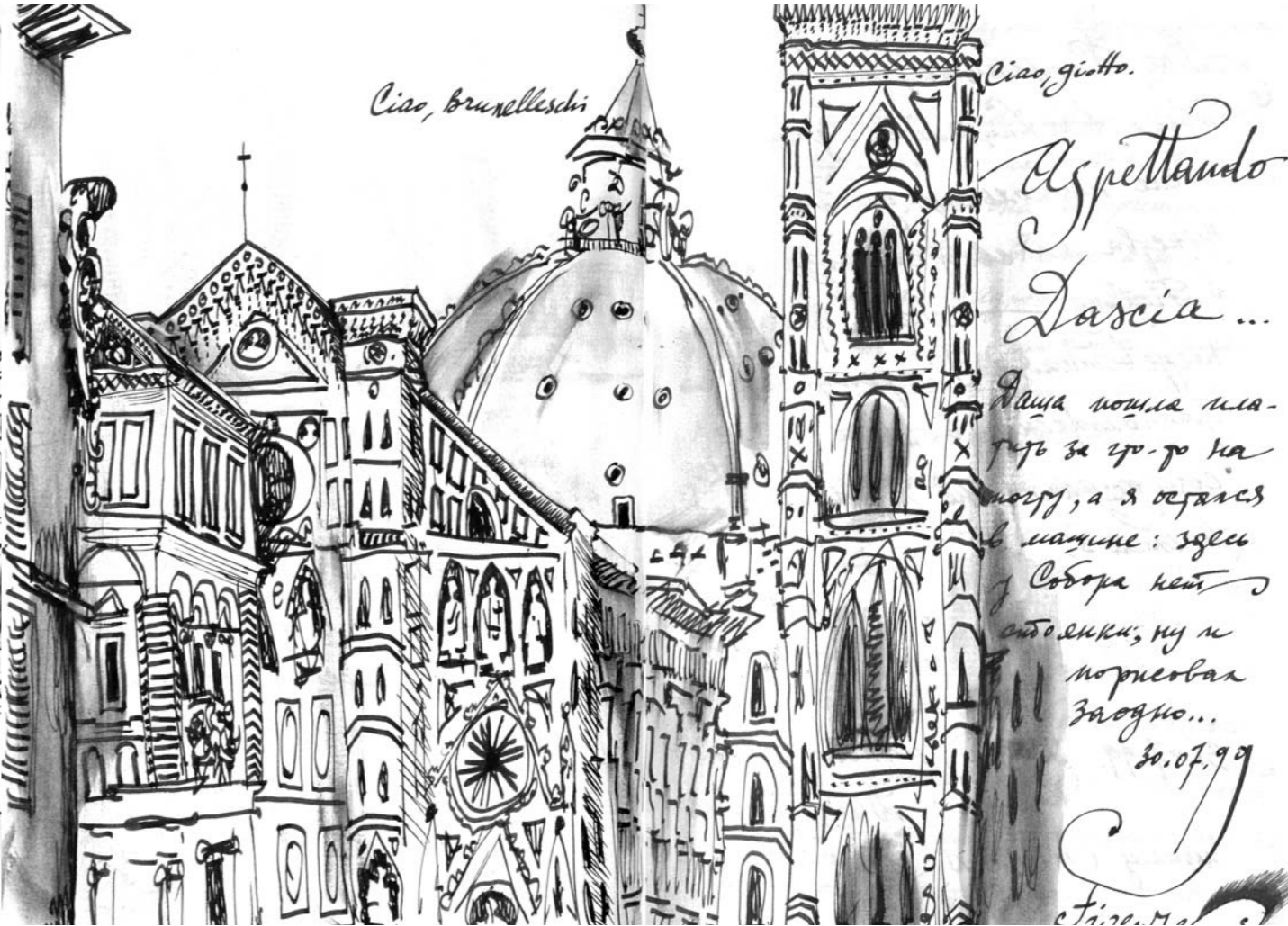
#40 3,00

AI SCALZI
IN THE GRAND
VENICE

St. Marco
Venezia

Ciao, Brunelleschi

Ciao, Giotto.

Aspettando
Lascia ...

Даша пошла на
рынок за картошкой,
а я остался
в машине: здесь
Собор Санто
Спиритто, ну и
портретов
заодно...

30.07.99

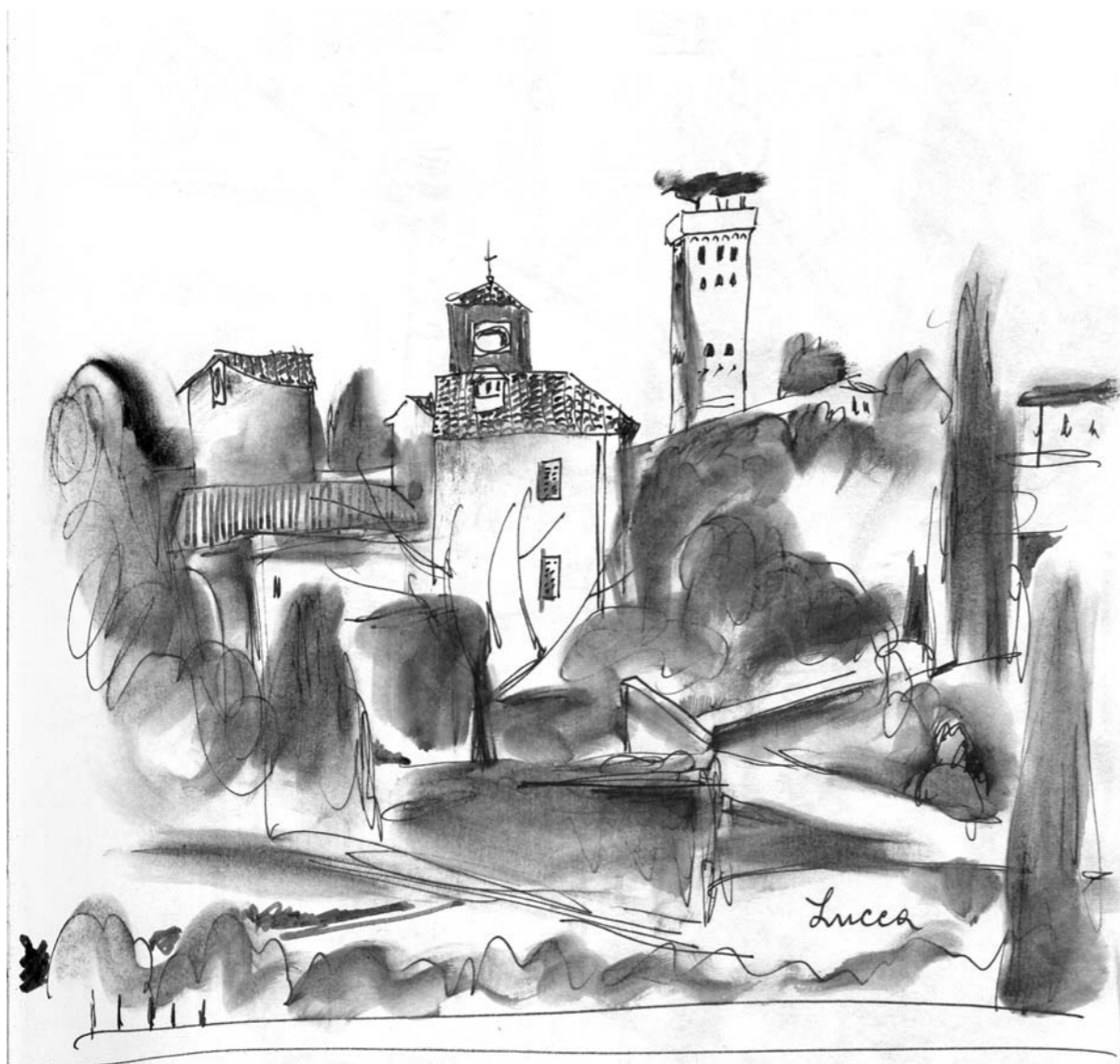
Stir...
Stir...

Валерий Сировский. Из записных книжек

Валерий Сировский. Из записных книжек

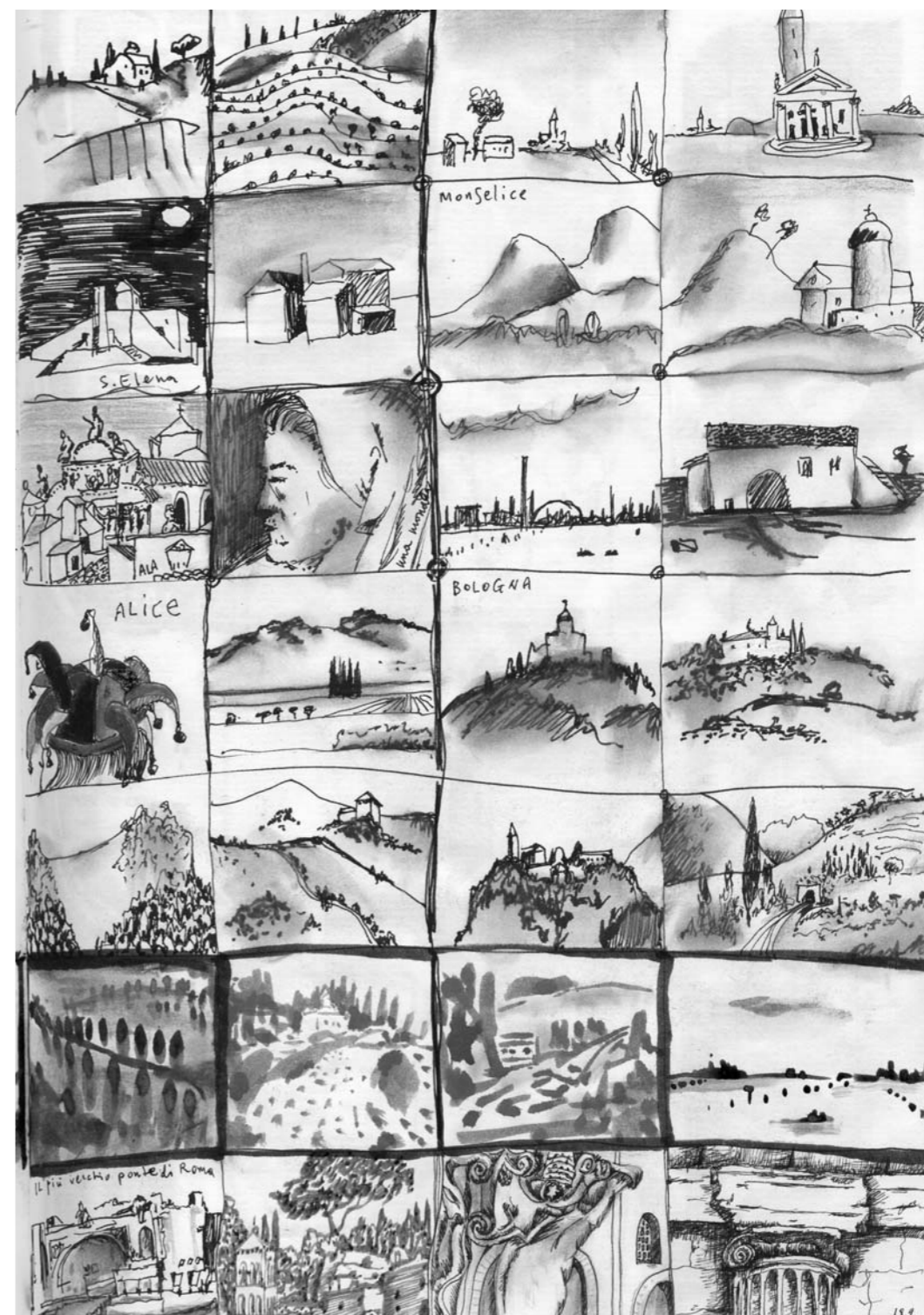
Валерий Сировский. Из записных книжек

Валерий Сировский. Из записных книжек

Валерий Сировский. Из записных книжек

Валерий Сировский. Из записных книжек

Благодарности:

Наша глубокая благодарность всем авторам и переводчикам,
участникам итальянского номера «Вестника Европы»

Наш проект не мог быть осуществлен без финансовой и организационной поддержки со стороны Фонда Егора Гайдара, его сотрудников – Ирины Буйловой, исполнительного директора Фонда и Станислава Усачева, заведующего отделом международных связей, обеспечивавшего всю логистику наших встреч и интервью

Благодарим

Александра Сергеевского, нашего римского корреспондента и одного из авторов и редакторов-составителей этого номера;
Евгения Михайловича Солоновича, классика русского перевода итальянской поэзии;
Валерия Николаева, *Анну Ямпольскую*, переводчиков и знатоков итальянской литературы;
Валерия Сировского, чьи рисунки и воспоминания буквально переносят нас в Италию.

Наша глубокая благодарность

А.А. Авдееву, Послу РФ в Ватикане и при суверенном Мальтийском ордене;
С.С. Разову, Послу России в Италии;
Чезаре Рогальни, Послу (2013–2017) Италии в РФ;
Архиепископу *Челестино Мильоре*, Апостольскому нунцию в РФ;
Епископу *Карлосу Морейра Азеведо*, делегату папского совета по культуре;
Профессору *Антонио Паолуччи*, директору (2007–2017) музеев Ватикана.

Наша признательная благодарность

Издательству Мондадори;
Издательству «Корпус» и *Варе Горностаевой* за возможность опубликовать рассказы *Паоло Сорфентино*;
Издательство «Барбарис» и *Ирину Тарханову* за возможность опубликовать рисунки *В. Сировского*.

Мы сердечно благодарим

Лору Гуэрра за незабываемую встречу в Пеннабилли,

за предоставленный нам для публикации ее перевод произведения Тонино Гуэрра «Подвешенные проекты», фотографии и книги;
Эудженни Джани, председателя регионального совета Тосканы;
Айке Шмидт, директора музеев Уффици во Флоренции;
Лука Беллиньери, директора Национальной центральной библиотеки;
Паоло дель Бьянко, президента фонда Ромуальдо дель Бьянко;
Лолиту Тимофееву, художника;
Владимира Зелинского, священника (Брешия).

Наша благодарность переводчикам:

Павлу Алешину, *Яне Богдановой*, *Светлане Малининой*, *Элеоноре Малыхиной-Акуиланти*, *Кристине Ланда*, *Елене Кейдан*, *Забаве Пузицкой*, *Анастасии Свотиной*, *Дарье Усачевой*, *Веронике Язьковой*.

Наша благодарность

Университету Ла Сапиенца и фонду Ла Сапиенца, партнеру нашего проекта;
Профессорам университета Сапиенца, авторам номера;
Флорентийскому университету;
Кабинету Виссо (Флоренция);
Паломе Гарсиа Овехьеро, вице-директору пресс-службы Святого престола;
Стефано Гордзонио, профессору Пизанского университета;
Джузеппе Леда, профессору Болонского университета;
Ивану Марини (Неаполитанский университет);
Симоне Тодоров ди СанДжорджо (MondoMostre)

Благодарим консультантов, оказавших нам неоценимую помощь:

Анатолия Адамишина, *Алексея Буркалова*, *Петра Боренбойма*, *Глеба Смирнова*.

Благодарим всех авторов, чьи произведения мы приняли, но не смогли вместить в номер; они будут опубликованы на сайте журнала.